This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4354.34.20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

PURCHASED FROM THE
SUSAN A. E. MORSE FUND

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗЕМЛИ.

ПОЭМА

ВЪ XII ПѢСНЯХЪ.

СОЧ. А. В. ТИМОФЕЕВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Gens aeterna est, in qua nemo nascitur. (Plin).

Есть вѣчное поколѣніе людей, между которыми никто не раждается. (Плиній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія кн. В. В. Оболенскаго, Николаевская ул., д. № 8.
1876

Digitized by Google

Slav 4354.34.20 (1-2)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
• FEB 13 1958

Digitized by Google

Виктору Яковлевичу

БУНЯКОВСКОМУ,

въ знакъ слишкомъ тридцатилѣтней, неизмѣнной дружбы, съ чувствомъ искренней любви и глубокаго уваженія,

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Преобладающая многочисленность славянскихъ племенъ и огромныя пространства земли, занимаемыя ими въ Европѣ, должны были дать славянамъ большое значеніе между другими племенами въ древности, и сулятъ имъ такое же значеніе въ будущемъ, если они сами достойно къ тому подготовятся.

Древнѣйшею исторической колыбелью ихъ въ Европѣ считается Дунай. Но въ глубокой еще древности они разселяются: на западъ—по Карпатамъ, до р. Лабы, нынѣшней Эльбы, и до Балтійскаго моря, которое въ самую глубокую древность называлось Бѣлымъ илиМолочнымъ моремъ и моремъ Морозовъ (mari morousi), а потомъ, отъ города Волина,—моремъ Волынскимъ, отъ варяговъ же,—Варяжскимъ; на югъ,—до Балканъ и Адріатическаго моря, что называлось моремъ Венетовъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже внутрь Аппенинскихъ горъ; на востокъ и сѣверъ, — до Чернаго и Азовскаго морей, изъ которыхъ первое называлось нѣкогда Русскимъ; до Днѣпра, Дона и Волги (древней Роси),—до Волхова и Ладожскаго озера. Они имѣли также поселенія между датчанами, англами, и т. д.

Digitized by Google

Откуда же явились славяне въ Европѣ, на Дунаѣ? Конечно, изъ той праотчизны ихъ въ Азіи, откуда вышли вначалѣ всѣ племена арійскія,—съ плоской возвышенности, между Гималаемъ и Алтайскими горами. Исторія считаетъ ихъ позднѣйшими арійскими выходцами съ Востока, полагая начало вообще древнѣйшихъ арійскихъ переселеній съ XXII столѣтія до Р. Х.*) Наукѣ теперь достовѣрно извѣстно, что если большая часть первыхъ выходцевъ принадлежала къ кочевникамъ; то другіе, еще въ праотчизнѣ своей, были уже знакомы съ земледѣліемъ, имѣли жилища, обнесенныя оградами, города, обще-арійскую религію, семейный бытъ, знали нѣкоторыя ремесла и управлялись князьями и старѣйшинами.

Славянскія народныя празднества, преданія и самыя божества, равно какъ и сходство славянскаго языка съ санкритскимъ, чрезвычайно сближаютъ первобытныхъ славянъ съ древними индусами. Ученые и выводятъ ихъ изъ странъ, смѣжныхъ съ Индіей, и также изъ Пенджаба, сѣверной части Индѣйскаго полуострова, гдѣ нѣкоторые видятъ въ скифскомъ племени Саковъ ихъ родоначальниковъ или покрайней мѣрѣ соотечественниковъ. Въ нашихъ народныхъ былинахъ неоднажды упоминается объ Индѣйскомъ царствѣ и морѣ Индѣйскомъ, и самыя эти былины, большею частію искаженныя временемъ, составляютъ какъбы отрывки Индѣйскихъ преданій, временъ браминовъ и буддизма.

Между богатырями и дивами нашихъ народныхъ былинъ особенно выдается замѣчательная личность Микулы Селяниновича. Прилагательное—Селяниновичъ, уже показываетъ, что это прозвище новое, и что въ этомъ мифическомъ образѣ выражается вообще селянинъ, зем-

*) Смот. 13 примѣч. ко II кн. этого сочиненія.

Digitized by Google

ледѣлецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Микула, — богатырь съ исполинскою силой, родоначальникъ-старѣйшина земледѣльческаго рода-племени. Стало быть, онъ явился еще въ древнѣйшую эпоху, вмѣстѣ съ славянами земледѣльцами, во время ихъ переселенія изъ обще-арійской праотчизны, что они называютъ Иреемъ и Выріемъ; онъ сопутствовалъ имъ мифически при ихъ разселеніи въ Европѣ, и можетъ почитаться главою, представителемъ всѣхъ осѣдлыхъ славянъ-земледѣльцевъ.

И точно, нисходя глубже въ праотчизну арійцевъ, и потомъ въ Скифію, гдѣ уже издревле было извѣстно земледѣліе, мы находимъ Микулу, только подъ другимъ именемъ, обладателемъ чудесной золотой сошки, золотаго топора и золотой чаши, упавшихъ ему изъ солнца. Таково преданіе скифовъ, между которыми исторія признала и славянъ; но въ то время Микула называется Колаксаемъ,(Kolaksais) княземъ кола, колеса, т.е. сошки. У него два брата: князь Щитъ и князь Стрѣла, представители: одинъ—воинской силы, болѣе или менѣе осѣдлой; другой—кочевниковъ; но Микула, хотя и младшій между ними, становится потомъ ихъ господиномъ. По зооморфическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу, образъ Микулы является еще древнѣе этого скифскаго преданія. Прежде нежели онъ началъ пахать своей золотой сошкой землю, онъ уже пашетъ громовыя тучи на небѣ и сѣетъ оттуда сѣмена дождя; онъ Перунъ и Стрибогъ; онъ не только древнѣйшій представитель и родоначальникъ земледѣльческаго рода, но также и самый древній полубогъ земледѣлія.

Семейство его, по нашимъ преданіямъ, состоитъ изъ трехъ дочерей. Одна служитъ посломъ и называется

Digitized by Google

Грозной; другая разъѣзжаетъ богатыремъ по бѣлому свѣту и зовется Поленицей; древнее имя и значеніе третьей въ былинахъ утрачено. Однажды только, когда заѣзжаетъ въ Микулины палаты вѣщій богатырь Вольга Всеславичъ и онѣ выходятъ къ нему навстрѣчу, былина называетъ ихъ всѣхъ трехъ безразлично Поленицами, т. е. силами воинственно-бродячими.

Всматриваясь въ скандинавскія преданія, наука видитъ славянъ въ божественныхъ ванахъ, жившихъ нѣкогда въ близкомъ сосѣдствѣ съ древними асами, родоначальниками скандинавовъ,—и гораздо на высшей степени развитія, нежели послѣдніе, по собственному ихъ сознанію.

Наконецъ, передъ нами открывается обширный міръ прибалтійскихъ славянъ, гдѣ съ преданіями граничитъ уже исторія. Здѣсь завершается древняя славянская жизнь почти повсемѣстнымъ крушеніемъ; но изъ нѣсколькихъ, уцѣлѣвшихъ на востокѣ Европы, славянскихъ племенъ, возникаетъ, — сначала небольшая республика, а потомъ обширное русское государство.

Такимъ образомъ, мифическое значеніе, которое придаютъ Микулѣ Селяниновичу наши народныя былины и вообще воззрѣнія славянъ-язычниковъ на природу и земледѣліе, становятъ Микулу во главѣ славянъ-земледѣльцевъ, не только въ древней арійской ихъ праотчизнѣ, но и во время ихъ разселенія, — словомъ, во все доисторическое время, вплоть до нашихъ дней, такъ какъ онъ, по народнымъ сказаніямъ, существуетъ и нынѣ.

Digitized by Google

Покуда наши предки живутъ еще въ древнемъ ихъ Ыріѣ, между другими племенами арійскими, въ то время и Микула Селяниновичъ долженъ былъ имѣть характеръ и обстановку общеарійскую. Когда же славяне начинаютъ означаться между осѣдлыми-скифами-земледѣльцами, тогда и образъ Микулы долженъ былъ принять образъ представителя осѣдлыхъ скифовъ земледѣльцевъ. Наконецъ, когда исторія начинаетъ называть ихъ прямо славянами, а потомъ, нашихъ предковъ—русскими; съ тѣхъ поръ и онъ долженъ обстановиться преданіями обще-славянскими и потомъ русскими.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ преданія арійскихъ племенъ болѣе или менѣе сходны между собой, и въ иныхъ случаяхъ могутъ дополнять или разъяснять другъ друга. „Русскій, знакомый исключительно съ сказками своей родины, говоритъ Ролстонъ (Russian Folk-tales, 1873 г. ст. 36) можетъ подумать, что многія прибаутки существуютъ только въ нихъ (т. е. въ его народныхъ сказкахъ); а въ дѣйствительности тѣже самыя прибаутки оставляютъ репертуаръ деревенскихъ весельчаковъ среди виноградниковъ Франціи и Германіи; онѣ повторяются на холмахъ Греціи и Норвегіи, на берегахъ Бретани и Аргайлшира; онѣ вызывали много вѣковъ тому назадъ смѣхъ въ Каирѣ и Испагани, и въ часъ вечерней прохлады веселили сердце рабочаго, утомленнаго дневнымъ трудомъ подъ палящимъ солнцемъ Индіи. (В. Ев. 1873 г. августъ, ст. 821, статья г. Капустина).

По мнѣнію того же Ролстона, происхожденіе многихъ изъ нашихъ сказокъ слѣдуетъ искать въ Индіи, и вообще на Востокѣ. Онъ группируетъ всѣ сказки около мифологическихъ существъ, которыя играютъ въ

Digitized by Google

нихъ главную ролю. Но размотать вполнѣ этотъ клубокъ сказокъ и преданій едва-ли есть какая возможность; по крайней мѣрѣ современная наука этого еще не достигла. Почему даже и „поверхностное обобщеніе сравнительнаго изученія народностей, еще такъ недавно ставшаго наукой, говоритъ почтенный г. профессоръ Буслаевъ,—будучи критически провѣрено, можетъ принести ей не малую пользу, выставивъ на видъ все существенное, что успѣла она уже выработать въ недолгій срокъ своего молодаго возраста. Да и вообще предположенія въ ученомъ дѣлѣ, какъ бы онѣ несбыточны ни казались, всегда вносятъ въ работу новую силу, возбуждающую и освѣжающую, и хотя бы онѣ и пали передъ судомъ фактовъ, все же самымъ паденіемъ своимъ проложатъ онѣ дорогу къ новымъ взглядамъ и къ болѣе основательнымъ соображеніямъ". (Рус. в. 1873 г. октябрь, стр. 692).

Въ этомъ случаѣ поэзія, основанная на готовыхъ уже изысканіяхъ, открытіяхъ и намекахъ науки, имѣетъ то преимущество, что сфера предположеній и сближеній ея гораздо обширнѣе; и если она ничеге не рѣшаетъ, зато прокладываетъ пути къ неизвѣстному или темному, нерѣшенному еще положительно наукой. Гдѣ наука только начинаетъ освѣщать себѣ дорогу предположеніями, тамъ поэзія, чувствуя подъ собой научную почву, идетъ свободно, остерегаясь лишь, чтобы не дозволять себѣ ни одного шага въ сторону съ этой дороги, т. е. ни одного сближенія или вывода, которые не имѣли бы основаніемъ вывода или предположенія современной науки.

Тотъ же уважаемый нашъ ученый, г. Буслаевъ, въ приведенной выше статьѣ его, продолжаетъ: „вникая

Digitized by Google

въ самый смыслъ терминовъ, опредѣлившихъ въ языкѣ семейныя отношенія, лингвисты пришли къ тому заключенію, что арійская семья, еще до выдѣленія языковъ индо-европейскихъ изъ ихъ общаго источника, стояла уже на высокой степени развитія. Отецъ раздѣлялъ свой авторитетъ въ семьѣ съ матерью, и притомъ такъ, что онъ защищалъ и оберегалъ (pa) своихъ домочадцевъ, а она—распоряжалась и завѣдывала (ma). Равноправность мужа и жены во всей точности обозначалась тѣмъ, что не только жена называла своего мужа господиномъ (pati), но и мужъ жену госпожею (patnia). Небо-отецъ,—божество. Загробная жизнь,—мѣсто отцовъ. Тамъ царствуетъ Яма, перворожденный. Отцы на землѣ, дѣды въ воздушныхъ пространствахъ, а прадѣды, въ небесахъ. Сыновья чествуютъ ихъ жертвоприношеніями и другими обрядами. Великое благо отцу, когда у него есть сынъ, радѣтель въ семейной жизни настоящей и будущей." (Тамъ же стр. 714—715.) „Какъ изъ семейнаго зародыша разрослось племя, такъ въ нѣдрахъ же семьи и начатки религіознаго чествованія, представителемъ котораго выступаетъ отецъ, родоначальникъ, старѣйшина. Это вмѣстѣ и повелитель, и судья, и жрецъ. Наши арійскіе предки въ древнѣйшую эпоху, когда населяли Пенджабъ, не знали еще ни брагманскихъ учрежденій, ни жреческаго сословія, ни кастъ. Самое слово аріи (какъ бы арьичи, съ отечественнымъ оканчаніемъ: ичъ) есть не иное что, какъ отцовскія дѣти (какъ бы отчичи): потому что ари или арья значитъ отецъ или глава семейства. По Ригвѣдѣ, ари посвящаетъ свою пѣснь на прославленіе Индры; онъ же совершаетъ передъ богами жертвоприношенія. Каждый отецъ семейства былъ у себя на дому жрецъ, и сначала только въ большихъ общихъ жертвоприноше-

Digitized by Google

ніяхъ стали появляться общіе всему племени жрецы. Что же касается права на славословіе и жертвоприношеніе божеству, то оно до того было доступно всѣмъ и каждому, что сами женщины, при значительной свободѣ ихъ семейнаго и общественнаго положенія, принимали участіе въ священныхъ обрядахъ и пѣснопѣніяхъ, такъ что сохранились даже имена нѣкоторыхъ сочинительницъ вѣдійскихъ гимновъ. Изъ общей массы семьи и племени выступили отдѣльныя личности пѣвцовъ уже значительно въ позднѣйшую пору, когда образовались и сословія жрецовъ, что послѣдовало не ранѣе того времени, когда вмѣстѣ съ походами и завоеваніеми въ Индостанѣ возникли у арійцевъ касты.“ (Тамъ же стр: 732—733.) Таково же мнѣніе Пикте, Каррьера, Макса Мюллера, Мори, Бергманна, и другихъ иностранныхъ ученыхъ.

Вступивши на эту прочную почву, авторъ создаетъ на ней настоящую поэму, и въ первой книгѣ проводитъ ея героя, родоначальника и полубога славянскихъ земледѣльческихъ племенъ, Микулу Селяниновича, съ его родомъ-племенемъ, чрезъ нѣкоторые, болѣе или менѣе извѣстные, этапы ихъ переселеній изъ Азіи въ Европу, и черезъ выдающіеся, болѣе или менѣе, періоды общественнаго развитія ихъ въ послѣдней, въ доистоирическое время. Само собою разумѣется, что при этомъ сказка должна невольно соприкасаться съ нѣкоторыми гипотезами и преданіями историческими; тѣмъ болѣе, что и сама наука въ своихъ изслѣдованіяхъ о первобытномъ человѣчествѣ допускаетъ, съ своей стороны, нѣкоторыя догадки и предположенія, и называетъ то время доисторическимъ, т. е. недоступнымъ еще строгой исторической критикѣ, хотя и тре-

Digitized by Google

бующимъ ея полнаго вниманія. Другими словами, времена эти еще до сихъ поръ, большею частію, область фантазіи, ожидающая во многомъ положительной обработки со стороны науки. Взявши основаніемъ своего разсказа уже признанныя научныя открытія, предположенія и сближенія, авторъ принимаетъ смѣлость дѣлать нѣкоторыя и свои предположенія и сближенія, невольно раждающіяся на этомъ темномъ, едва проложенномъ пути; но подкрѣпляя ихъ, въ оправдательныхъ примѣчаніяхъ, тѣми основаніями, которыя подали къ тому поводъ, и излагая большею частію только въ видѣ вопросовъ. Можетъ быть, иные найдутъ, что нѣкоторые авторитеты, на которые онъ ссылается, довольно слабы или мало извѣстны; но онъ принимаетъ въ соображеніе всѣ, извѣстныя ему, мнѣнія и предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя по его убѣжденію; такъ какъ сочиненіе это не имѣетъ никакой претензіи на названіе ученаго.

Съ нѣкотораго времени иностранные ученые изыскатели обращаютъ болѣе вниманія на славянскія древности; но можно, кажется, безъ преувеличенія сказать, что древнѣйшая исторія славянъ и доисторическій, мифическій ихъ бытъ и народный эпосъ только тогда разъяснятся вполнѣ и получатъ настоящее значеніе, когда этимъ преимущественно займутся, самостоятельно и независимо отъ иностранныхъ воззрѣній, русскіе и вообще славянскіе ученые, болѣе знакомые съ духомъ славянскихъ народностей, съ ихъ языкомъ и древними преданіями. Не говорю вообще о непріязненномъ отношеніи иностранцевъ ко всему славянскому.

Слишкомъ тридцать лѣтъ, многоуважаемый Викторъ Яковлевичъ, продолжаются, драгоцѣнныя для меня, друже-

Digitized by Google

скія наши отношенія. Недостаточно ли этого, чтобы я украсилъ это сочиненіе вашимъ почтеннымъ именемъ, какъ человѣка, передъ которымъ болѣе, чѣмъ въ теченіи тридцати лѣтъ, душа моя и сердце всегда были открыты.

Закончу мое предисловіе словами собирателя финской поэмы Калевалы: „не прогнѣвайтесь на меня, пѣвца простаго, неученаго: я вѣдь только дорогу указалъ другимъ, только тропиночку проложилъ; а кто меня поученѣе да и въ пѣсняхъ поискуснѣе, тотъ и ступай по этой тропиночкѣ,—дойдетъ и самъ до хорошаго".

А. В. Тимофеевъ.

12 января
1875 г.

Digitized by Google

КНИГА ПЕРВАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Пѣснь 1-я.

ВЛАДИМІРЪ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

„La légende est la tradition vivante, et trois fois sur quatre elle est plus vraie, que l'histoire". (Revue des deux mondes 1863, p. 157—58).

Пришло воскресенье свободнаго міра, —
Насталъ день великій, Микула родной *),
Старинный оратай земли нашей Русской,—
Твое воскресенье изъ ночи глухой,
Изъ тьмы преисподней невѣжества, рабства,
На вольный свѣтъ божій, на трудъ твой живой.
Исполнилось время святыхъ ожиданій;
Свѣтаетъ свѣтъ новый надъ русской землей,
Свершилось событье въ странѣ міровое;
Какъ Лазарь воскресшій, изъ тьмы гробовой,
Возсталъ народъ русскій, по слову цареву.
Два князя народныхъ,—князь Солнышко-свѣтъ
Минувшихъ временъ и князь Солнышко -красно

*) Для незнакомыхъ съ нашими народными былинами, я долженъ сказать, что Микулой Селяниновичемъ называется въ древнихъ русскихъ былинахъ представитель или родоначальникъ сельскаго міра, поселянъ-земледѣльцевъ. Еще по древнимъ преданіямъ скифовъ, между которыми признаются нынѣ и славяне, было три брата: князь Щитъ, князь Стрѣла и князь Колесницы или золотой Сохи, которая упала, еще горячая, изъ солнца. Старшіе братья хотѣли завладѣть ею, но дотронувшись, обожгли себѣ пальцы. Въ послѣдствіи меньшой братъ сталъ правителемъ всего края. (Смотри прим. 1).

Digitized by Google

Временъ настоящихъ,—чрезъ тысячу лѣтъ
Другъ друга привѣтствуютъ братскимъ привѣтомъ,
Въ сіяніи теплой народной любви
И славы безсмертной. Опять блеститъ утро,—
И бросивши бичь, омоченный въ крови,
Духъ тьмы убѣгаетъ въ кромешныя бездны.
Разсѣялось рабство,—ночь бѣдствій твоихъ,
Воскресшій Микула! Исторія скажетъ,
Насколько народъ твой заслуживалъ ихъ;
А мы теперь славимъ твое воскресенье.
Но край лишь свободенъ вполнѣ, когда свѣтъ
Проникъ совершенно въ его міръ народный.
Гдѣ край полонъ мрака,—свободы тамъ нѣтъ;
Безъ свѣта въ народѣ,—все тотъ же міръ рабства.
Грядущее скажетъ: достигнешь ли ты
Когда нибудь той просвѣщенной свободы.
Въ быломъ, мы немногія знаемъ черты,
Изъ жизни народной твоей первобытной;
Но если по нимъ, намъ судить о тебѣ,—
Мы съ вѣрой встрѣчаемъ твое возрожденье,
Сей первый шагъ къ новой, блестящей судьбѣ,
Что мощнымъ народамъ даетъ просвѣщенье.
Разумный,—свободный отнынѣ народъ,
Что занялъ полсвѣта,—народъ, подъ чьимъ кровомъ
Еще духъ отцовъ богатырскій живетъ,
Не можетъ остаться во тьмѣ неподвижно.
Мы въ правѣ смотрѣть съ упованьемъ впередъ,
И смѣло привѣтствовать край нашъ въ грядущемъ.

О дивное солнце, кого мы зовемъ
Поэзіей,—царство волшебное пѣсенъ,
Всемірное древо, откуда ключемъ
Вода бьетъ живая, гдѣ черпали боги
Ихъ высшую мудрость,—раздвинь предо мной
Твои говорящія, вѣщія вѣтви,
Блестящія сладкой, медвяной росой;
Раскрой покровъ темный вѣковъ и событій,
Веди меня въ міръ тотъ минувшихъ временъ,

Digitized by Google

Свѣтя твоимъ дивнымъ, божественнымъ свѣтомъ,—
Туда, въ тайникъ самый отжившихъ племенъ,
Туда, гдѣ клубится туманъ первобытный...
Давно тамъ умолкнули пѣсни твои;
Но ихъ отголосокъ намъ слышенъ повсюду,
Въ народныхъ преданьяхъ почти всей земли.
Бѣгу къ тебѣ въ встрѣчу изъ нашего мрака,
Спѣшу къ тебѣ, полный священныхъ заботъ,
И благвѣщу громко въ твой колоколъ вѣщій:
Вставай же, вставай, сильный русскій народъ!
Привѣтствую васъ, о святыя преданья,
И смѣло вступаю подъ звонкій вашъ сводъ.

Простившись давно съ треволненьями свѣта,
Я долго въ раздумьи тяжеломъ сидѣлъ
На брегѣ пустынномъ и дикомъ, и долго
Съ слѣпымъ недовѣрьемъ на міръ вашъ смотрѣлъ, —
Міръ сказочной, мертвый, легендъ и миражей.
Напрасно, какъ утро весенняго дня,
Сіялъ предо мной онъ, сквозь ризу тумана;
Напрасно оттуда манила меня
Его столь живая, отрадная свѣжесть;
Гдѣ ключь отъ него? И какимъ языкомъ,
Опричь темныхъ знаковъ, чудесныхъ загадокъ,
Какимъ онъ другимъ, всѣмъ доступнымъ, путемъ
Подастъ намъ оттуда чудесный свой голосъ?..
Такъ тщетно стремился пытливымъ умомъ
Проникнуть я въ эти нѣмыя пространства;
Онѣ раздвигались тотчасъ предо мной,
Какъ бы тяготяся земной моей силой,—
И я оставался все въ той же глухой
И дикой пустынѣ, что тяжко давила
И жала мнѣ душу своей пустотой
И мертвымъ, холоднымъ безмольемъ могилы.
Кругомъ лишь вздымалась, пучиной сѣдой,
Одна безконечная, темная вѣчность...
Кто-жь въ міръ нашъ вернулся, хоть разъ, изъ нее,
Чтобъ намъ возвѣстить здѣсь, кто тамъ обитаетъ?

Digitized by Google

Сказала ли вѣчность намъ слово свое,
Иль тамъ, какъ и прежде, все полно безмолвья?..
А голосъ легенды, сей голосъ временъ, —
Не вѣщее-ль слово изъ книги вселенной?
А мифы, преданья отжившихъ племенъ,
Не образы-ль это, не плоть-ли живая
Всемірнаго Духа, не свѣтъ ли живой,
Завѣщанный людямъ тѣмъ міромъ минувшимъ?..
Что видимъ мы часто въ наукѣ самой?
У ней развѣ нѣтъ своихъ также Антеевъ,
Что въ трудныхъ мѣстахъ переносятъ ее,
Какъ нѣкогда Данта, на берегъ желанный?..
О истина! Гдѣ ты? Гдѣ царство твое?...
Одно только вѣрно, — что все здѣсь невѣрно!

И развѣ мы сами на свѣтѣ живемъ
Не въ сказочномъ мірѣ, не въ мірѣ чудесномъ.
И все, что мы видимъ и слышимъ кругомъ, —
Не ложь, не обманъ, не волшебная сказка?
Мы ходимъ и ѣздимъ, — не зная по чемъ;
Глядимъ въ небеса, — и не вѣдаемъ, что тамъ;
Мы вѣримъ, — не зная во что и въ кого?
Не вѣримъ, — и снова творимъ себѣ вѣру;
Мы всю жизнь желаемъ, — ждемъ Богъ вѣсть чего,
Всю жизнь суетимся, — а кончимъ могилой.
Кругомъ шумъ и крики, — про что и о чемъ?
Кругомъ кровь и слезы, — за чтобъ? отъ чего бы?
Вездѣ одна сказка, о томъ и о семъ,
А въ сущности такъ, ни о чемъ, какъ всѣ сказки.
Былъ вѣкъ исполиновъ и богатырей,
Что будто игрушкой играли землею,
Былъ вѣкъ долголѣтнихъ, чудесныхъ царей,
Что тысячи по двѣ лѣтъ жили на свѣтѣ, —
Вѣкъ разныхъ чудовищъ небесъ и земли,
Вѣкъ дивовъ воздушныхъ и дивовъ подземныхъ;
Все это осталось за нами вдали
И скрылось, исчезло въ глубокомъ туманѣ.
Такъ точно въ чередъ свой исчезнемъ и мы,

Digitized by Google

И вѣкъ нашъ со всѣми его чудесами;
И будутъ другіе понятья, умы,
И нить чудесъ новыхъ запутаетъ сказку.
Но вотъ что! Межь всѣхъ этихъ образовъ, лицъ,
И этихъ преданій, повѣрій и сказокъ,
Межь всѣхъ этихъ былей и всѣхъ небылицъ,
Мелькаетъ безсмѣнно одинъ чудный образъ,—
Возвышенный образъ и вмѣстѣ простой,
Кого будто мимо обходятъ всѣ бури
И смерть не посмѣла коснуться косой;
Какимъ его зрѣла заря міросданья,
Почти онъ таковъ же до нынѣшнихъ дней;
Исчезли народы, смѣнилися царства,
Смѣнились занятья и цѣли людей,
А въ немъ живетъ тотъ же все духъ первобытный...
Взгляните въ глухую даль древнихъ вѣковъ!
У самой ограды святаго Эдема,
Въ тѣни первобытныхъ еще тѣхъ лѣсовъ,
Гдѣ только забрежжило утро вселенной
И слышится голосъ божественныхъ словъ,
Чтобъ въ потѣлица добывалъ смертный хлѣбъ свой,[2])—
«Вотъ онъ, оретъ уже въ полѣ, понукиваетъ,
«Съ края въ край бороздки пометываетъ,
«Коренья, каменья вывертываетъ,
«А камни великіе въ борозду кладетъ»[3]).
Здравствуй, ратаюшка, Микула Селяниновичъ,
Вѣчный труженикъ, представитель земли!
И весь такъ міръ древній проходитъ предъ нами,
Блестя то одной, то другой стороной,
Между зеркалами вѣковъ и событій;
Земля ужь нестрѣетъ его же семьей,
Въ бронѣ богатырской иль въ тогѣ гражданской;
Престолы сатраповъ, жрецовъ и царей
Совсѣмъ заслонили убогую кущу;
Война смертоносной грозою своей
Крушитъ грады, нивы и цѣлыя царства...
Гдѣ древній Востокъ, славный свѣтомъ своимъ?
Гдѣ гордый Мемфисъ и стовратные Фивы?

Digitized by Google

Гдѣ боги Эллады? Гдѣ царственный Римъ?
Блеснули, прошли и исчезли навѣки...
А ясный тотъ образъ, какъ прежде стоитъ,—
Какъ былъ, отраженный то сверху, то снизу,
И съ мирной улыбкой какъ бы говоритъ:
И все такъ пройдетъ, а я буду все тутъ-же!
И вотъ міръ другой,—міръ Полночныхъ лѣсовъ,
Міръ дѣвственный, полный красы еще юной;
Въ немъ нѣтъ ни царей, ни большихъ городовъ,
Но много равнинъ и степей безпредѣльныхъ,
Пустынныхъ болотъ и озеръ и снѣговъ,
И ордъ безпокойныхъ, силъ этихъ бродячихъ;
И слышится голосъ другихъ ужь боговъ
И рѣчь богатырская новыхъ народовъ...
«И тутъ оретъ онъ въ полѣ, понукиваетъ,
«Съ края въ край бороздки пометываетъ,
«Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать,
«Три дня съ утра до ночи не доѣхати».
Здравствуй, прапрадѣдъ нашъ, Микула Селяниновичъ,
Недавній рабъ, нынѣ вольный человѣкъ!

Тогда какъ міръ высшій большихъ городовъ,
Гигантскихъ чертоговъ, гигантскихъ сатрапій,
Міръ этотъ дворянскій, героевъ, боговъ,
Царей-исполиновъ, жрецовъ-исполиновъ,
Мечемъ ненасытнымъ отважныхъ дружинъ
Себѣ покоряетъ слабѣйшія страны,
И властвовать хочетъ, и править одинъ
Надъ всею землею, смердящею рабствомъ;
Здѣсь, въ этой пустынѣ безмолвныхъ равнинъ,
Микула нашъ долженъ взростить и устроить
Міръ новыхъ началъ и условій иныхъ,
Міръ вольной дружины и землевладѣльцевъ,
Людей равноправныхъ, - и сдѣлать изъ нихъ
Мужей чести, долга и правды гражданской,—
Тотъ міръ деревенскій, свободный, живой,
Что послѣ низвергнетъ рукой богатырской
Давно отживающій міръ городской,

Digitized by Google

Міръ мертво-рожденный. Здѣсь, въ этой пустынѣ,
Какъ будто самъ Промыслъ его бережетъ,
Отъ грозныхъ царей и ихъ язвы растлѣнья,
Пока возмужаетъ его сильный родъ,
Вдали отъ развратнаго барскаго міра,
Пока подготовитъ своихъ онъ сыновъ,
Людей этихъ силы, труда и отваги,
Ко срѣтенью новыхъ, великихъ вѣковъ,
Къ пріятію свѣта и духа гражданства.
Здѣсь, въ сумракѣ сѣромъ Полночи сѣдой
Подъ небомъ суровымъ враждебной природы,
Онъ,—сѣятель первый судьбы міровой,
Онъ самъ,—зерно, сѣмя грядущаго міра,—
Еще полный темныхъ, неясныхъ заботъ,
Ему прирожденныхъ его назначеньемъ,
Идетъ онъ все дальше, все глубже впередъ,
Въ край этотъ безвѣстный, едва проходимый,
И борется,—прежде съ природой самой,
Въ комъ онъ еще видитъ сонмъ грозныхъ чудовищъ.
Таинственныхъ дивовъ, враждебной рукой
Ему заслоняющихъ всюду дорогу;
Потомъ со стадами ужасныхъ звѣрей,
Съ полчищами дикихъ племенъ, съ грозной силой
Невиданыхъ витязей, богатырей,
Иль съ силой родною своей богатырской,
Вокругъ него бьющей живымъ ужь ключемъ,
Но все еще полною смутъ и раздоровъ.
Онъ долженъ устроиться въ мірѣ чужомъ,
Увлаживъ, удобривъ его своей кровью;
Въ глуши той пустыни и этихъ лѣсовъ
Прочистить дорогу грядущему свѣту,
И сдѣлать жилымъ край для новыхъ вѣковъ.
Здѣсь шагъ его каждый—святая побѣда,
И каждое сѣмя—живое зерно,
Незримый зародышъ грядущаго міра,
Что только ему лишь отъ Бога дано
Собою начать, а другимъ дать закончить...
Но здѣсь совершенно онъ долженъ забыть

Digitized by Google

И міръ тотъ старинный, откуда онъ вышелъ,
И Бога того, что одинъ могъ хранить
Его въ этомъ долгомъ, безвыходномъ странствьи.
Онъ весь слился духомъ съ природой земной,
Что чудно вспоила его и вскормила,
Чей видѣлъ повсюду онъ образъ живой,
Предъ кѣмъ трепеталъ онъ, страдалъ и молился.
Она ему стала и кормчимъ благимъ
Въ трудахъ ежедневныхъ и тяжкихъ заботахъ,
И книгой священной, и богомъ живымъ,
Праматерью вѣщей боговъ его новыхъ.
Но онъ хранитъ долго, до позднихъ временъ,
Преданья отчизны своей первобытной;
Его самый образъ у древнихъ племенъ
Походитъ на образъ былыхъ патріарховъ.
Весь слитый изъ мышецъ и крѣпкихъ костей,
Онъ дивъ-богатырь, онъ гигантъ по сложенью;
Въ душѣ еще темной и грубой своей
Таитъ онъ понятье о Богѣ безплотномъ,
Предвѣчномъ творцѣ и людей, и боговъ;
Не вѣдая самъ, онъ весь нравственно ясенъ
И полонъ чудесныхъ, божественныхъ сновъ,
О мірѣ какомъ-то, давно ужь минувшемъ [4]).

Средь этихъ же самыхъ равнинъ и лѣсовъ
Живетъ и теперь онъ; но какъ?—Въ какомъ видѣ?
То правда, промчались десятки вѣковъ
Надъ нимъ и надъ міромъ; онъ самъ и все въ мірѣ
Давно измѣнилось. И небо надъ нимъ,
И свѣтъ, и природа, и люди—иные;
Все дышетъ и жизнью, и духомъ другимъ:
Померкъ его образъ былой, исполинскій,
И духъ патріарха; исчезнулъ вдали
Его бытъ широкій временъ богатырскихъ...
Гдѣ сила его?... Изъ владыки земли,
Изъ старшаго въ родѣ, главы, господина;
Онъ сталъ крѣпостнымъ и безличнымъ рабомъ;
Землей его древней владѣютъ другіе,

Digitized by Google

Его міръ-народъ, въ своемъ краѣ родномъ
Лишенный всѣхъ правъ, сталъ безсмысленнымъ стадомъ,
Рабочею силой, безгласной толпой,
Имуществомъ, вещью господъ самовластныхъ;
Его боги пали, и говоръ родной
Священныхъ преданій совсѣмъ замолкаетъ
Подъ дымною кровлей, гдѣ скудно текутъ
Теперь его дни, средь домашнихъ животныхъ.
Одинъ развѣ тяжкій, безвыходный трудъ,
Страда вѣковая до темной могилы,
Даютъ ему мѣсто еще средь живыхъ,—
И то не отрадный, благой трудъ, на пользу
Себѣ и семейству; но трудъ для другихъ,
Трудъ мертвый,—для тѣхъ, что себя величали,—
Давно-ль?—господами, отцами его...*)
Какъ это свершилось? Отколь эта немощь?
Всѣ вкругъ него сильны, и прежде всего
Родятся свободны; одинъ онъ безсиленъ,
И прямо родится на свѣтъ онъ рабомъ;
Всѣ имъ управляютъ,—одинъ онъ обязанъ
Клонить свою шею подъ вѣчнымъ ярмомъ;
Тупая бездарность и дикая наглость,
Само слабоумье и гнусный порокъ
Себѣ поставляютъ въ законное прово,—
Чего никто въ мірѣ предвидѣтъ не могъ,—
Его жить трудами, господствовать дерзко
Надъ нимъ и семействомъ его, истязать
Его безнаказанно, явно, открыто,
И съ грязью его подъ ногами топтать...
И онъ,—онъ съ терпѣньемъ святымъ переноситъ,
Усердно всѣмъ служитъ, трудится на всѣхъ,
На всѣхъ успѣваетъ, и съ тѣмъ же терпѣньемъ,
Простивши безумцамъ кровавый ихъ грѣхъ,
Безъ жалобъ напрасныхъ, безъ слезъ, умираетъ,...
Чтожъ это?—Закваска-ль языческой тьмы,
Что въ насъ пробиваетъ еще и понынѣ,

*) Разумѣется, это относится еще къ эпохѣ крѣпостнаго права.

Digitized by Google

Иль слѣдствіе страшныхъ пространствъ тѣхъ, что мы
Не можемъ осилить своимъ населеньемъ,
Чтобъ сдвинуть обширный народъ нашъ плотнѣй,—
Иль слѣдъ неразвитости, бѣдности нашей,
Безсилья и бѣдности,—страшныхъ бичей,
Унизившихъ столько могучихъ народовъ?...
Сосѣди Микулы, изъ прежнихъ дружинъ,
Давно ужь сложились въ цвѣтущія страны;
А онъ,—онъ, древнѣйшій земли господинъ,
И онъ самъ, и край весь, понынѣ въ застоѣ;
Его богатырь, что мы столько ужь лѣтъ
Привыкли знать сиднемъ, духъ этотъ народный,
Кому досель мѣста у насъ еще нѣтъ
Средь жизни гражданской,—сидитъ и понынѣ
Такимъ же все сиднемъ... Никто не видалъ,
Чтобъ онъ богатырски когда встрепенулся,
Чтобъ онъ хоть однажды бы на ноги сталъ,
Иль подалъ бы голосъ, на голосъ призывный,
Свободы и свѣта.
Но точно-ль-они
Такъ нравственно слабы? Мы только лишь видимъ
Ихъ образъ наружный, а новые дни
Отъ насъ затемнили ихъ образъ минувшій.
Такими ли были они завсегда? .
И громы, и молнья, сидятъ также сиднемъ
Внутри мрачной тучи; и гордо суда
И утлыя лодки браздятъ подъ собою
Безмолвное море, пока въ тишинѣ
Спитъ страшный духъ бури; и духъ богатырскій,
Чѣмъ больше онъ силы таитъ въ глубинѣ,
Тѣмъ онъ добродушнѣй, уступчивѣй съ виду,
Затѣмъ что онъ чувствуетъ силу свою.
Но Боже мой, кто же намъ добылъ, воздѣлалъ
Обширный нашъ край? Кто же въ этомъ краю
Живетъ, давно страшный для цѣлой Европы?
Кто насъ хранитъ, кормитъ, снабжаетъ казной?
Чья сила связала такія пространства
Въ одно государство, живою стѣной

Digitized by Google

Его опоясавъ отъ моря до моря?
Кто грудью могучей нашъ край отстоялъ
Отъ хищныхъ враговъ или жадныхъ сосѣдей?
Какой народъ столько силъ чуждыхъ пріялъ,
А все живетъ жизнью своею народной?
Гигантъ-Атласъ древле держалъ на плечахъ
Воздушное небо, — и сталъ полубогомъ;
Гигантъ нашъ Микула у насъ на глазахъ
Несетъ на могучихъ плечахъ богатырскихъ
Ужасную тягу всей Русской земли;
А праздные люди едва почитаютъ
Его человѣкомъ!
Пускай не пришли,
Хоть, можетъ, и близки они, дни златые
Его просвѣщенья; но также и онъ,
Подобно сосѣдямъ своимъ, сынъ Яфета [5]);
И онъ принадлежитъ сначала временъ
Къ великой и сильной породѣ Арійской,
И также имѣетъ былое свое
Въ странахъ отдаленныхъ сѣдаго Востока,
Гдѣ началъ онъ древле свое бытіе,
Откуда онъ вышелъ съ другими, родными
Ему племенами, въ свой нынѣшній край.
И онъ—сродни древнимъ богамъ и героямъ,
И помнитъ донынѣ еще этотъ рай
Временъ первобытныхъ, тотъ Вырій чудесный,
Гдѣ каждое утро дѣвица-Заря,
Врата отомкнувши блестящему Солнцу,
Выводитъ коней для дневнаго царя;
Отколь и понынѣ къ нему прилетаютъ
Весеннія птицы, и въ клювахъ своихъ
Приносятъ на Сѣверъ ключи золотые
Отъ вешняго неба, гдѣ въ нѣдрахъ святыхъ
Сіяютъ колодцы воды животворной [5])...
А про древняго русскаго богатыря,
Про Ивана царевича,
Про борьбу Асовъ съ Ванами,
Вы помните ли?

Digitized by Google

А про того могучаго богатыря,
Что былъ надъ семидесятью землями богатырь,
Вы знаете ли?
А въ темныя тайны раскольничьи,
Въ это мерцанье глубокой древности,
Вы проникнули ль?...
А это раздольно-широкое время
Владиміра-Солнца, блескъ чудныхъ пировъ
Его лучезарной семьи богатырской,—
Асгардъ *) этотъ русскій, жилище боговъ
Средь самого Кіева?.. Страшныя битвы
Таинственныхъ чудищъ и богатырей,—
Тѣхъ іотновъ и турсовъ **) земли нашей русской,
И чуть не божественныхъ этихъ людей?..
А образъ могучій и строгій Микулы —
Стоящій, какъ вѣщій средь нихъ исполинъ,
И самый разумный, и самый сильнѣйшій?
Еще ли остатки народныхъ былинъ,—
Намъ скажутъ,—наплывъ лишь преданій, намъ чуждыхъ,
Случайно оставленный русской странѣ
Сосѣдствомъ татарскимъ? Почто-жъ на насъ вѣютъ
Досель русскимъ духомъ и складомъ онѣ?
Какъ это слилися онѣ такъ съ народомъ?...
Мы знаемъ отчасти своихъ мужичковъ,
Крестьянъ-поселянъ; но не знаемъ Микулу;
Межь нимъ и межь нами рядъ цѣлый вѣковъ,
Его древній образъ растаялъ въ минувшемъ.
Теперь мы чуть можемъ проникнуть въ тотъ міръ,
Что онъ себѣ создалъ, гдѣ жилъ онъ вначалѣ.
Микула намъ чуждъ, какъ разбитый кумиръ,
Отъ коего только остались обломки.
Мы можемъ лѣпить ихъ въ былой идеалъ,
Но онъ все не будетъ имѣть передъ нами
Того обаянья, что прежде сіялъ,—

---

*) Асгардъ, жилище скандинавскихъ боговъ.

**) Турсы и іотны, древніе финскіе исполины, по скандинавской мифологіи.

Digitized by Google

Въ тѣ дни его древней, мифической славы.
Одни въ немъ провидятъ до сихъ еще поръ
Залогъ обновленія дряхлой Европы,
А съ ней всего свѣта; другихъ строгій взоръ
Лишь видитъ въ его угнетенныхъ потомкахъ,
Давно отупѣвшій подъ рабствомъ народъ,
Народъ неспособный къ благому развитью.
Одни выдвигаютъ Микулу впередъ,—
Въ немъ образа ищутъ ихъ новыхъ ученій;
Другіе покончили всякій съ нимъ счетъ,
Какъ съ трупомъ, угасшимъ для жизни разумной,
И даже совсѣмъ не желаютъ признать
За нимъ тѣхъ преданій, что онъ успѣлъ вынесть
Изъ древняго міра,—хоть можно сказать,
Что онъ живетъ ими еще и понынѣ.
Еще недоступнѣй для нихъ, мудренѣй,
Силачъ этотъ, сидѣнь земли древне-русской;—
Духъ этотъ народный, что съ первыхъ же дней
Себя изваялъ самъ въ такой странный образъ.
Когда въ немъ есть сила, зачѣмъ онъ сидитъ,
А если безсиленъ, то чѣмъ богатырь онъ?
Но онъ, какъ нарочно, сидитъ и молчитъ:
Чего-жь ему надо, какихъ чудесъ новыхъ?
Иль онъ, неразумный, попрежнему ждетъ,
Чтобъ вновь Христосъ поднялъ его, вѣщей брагой*)?
Я думаю,—да!.. И Христосъ вновь придетъ,
И дастъ ему пива напиться живаго,
Что мы называемъ наукой; тогда,—
Но только тогда лишь онъ, сидѣнь, воспрянетъ,
Иль онъ не воспрянетъ у насъ никогда,
И мы будемъ въ правѣ его звать безсильнымъ...
Разсудимъ!—Не очень далеко ушли
И прочія наши сословья; немного
Они отъ себя ему силъ дать могли.
И онъ, и Микула, взросли средь неправды,
Среди утѣсненій и нравственной тьмы;

*) Смотри прим. 26 къ V-й пѣснѣ.

Digitized by Google

Какъ древніе дивы, вокругъ нихъ кишѣли,
Кишатъ и понынѣ,—свидѣтели мы,—
Тщеславіе высшихъ и рабство подвластныхъ,
Упрямая тупость, и тѣхъ, и другихъ,
Съ обычною свитой ея,—самохвальства
И лжи, недовѣрья, мѣръ самыхъ крутыхъ,
И самыхъ ужасныхъ примѣровъ предательствъ,
Измѣнъ, казнокрадства...Гдѣ свѣточь тутъ? Въ комъ?
Какою вѣщей силой они-бъ поднялися?
Въ какой средѣ высшей, въ чьемъ духѣ живомъ
Ихъ грубая сила нашла-бъ свѣтъ желанный?..
Но край тотъ, гдѣ нѣтъ изъ народа вождей
Иль ихъ небывало,—не жившее царство.
Пусть такъ! Но въ эпоху у насъ смутныхъ дней,—
Они у насъ были.
А дальняя древность?..
Таковъ ли тотъ свѣтлый общественный міръ,
Міръ полный свободы и подвиговъ чудныхъ,
Что вынесъ Микула, какъ вѣщій кумиръ,
Изъ дней своихъ прежнихъ и даже позднѣйшихъ?
И тотъ міръ исполненъ и чудищъ, и зла;
Но тамъ свѣтлый Кіевъ,—куда вся земля шлетъ
Цвѣтъ силы народной; вокругъ тамъ стола
Свѣтъ-Солнышка князя, весь міръ богатырскій,
Какой бы кто ни былъ породы, семьи;
Тамъ всѣмъ дано княземъ свободное слово;
Тамъ вѣщій Микула,—хозяинъ земли;
А витязи эти и самъ князь Владиміръ,—
Ему свои люди.
Вотъ міръ, что онъ зналъ,
Когда еще былъ онъ тѣмъ древнимъ Микулой!
Вотъ міръ, что онъ создалъ и гдѣ онъ живалъ,
Не хуже всѣхъ прочихъ народовъ Арійскихъ;
Тотъ міръ, что проникнутъ весь духомъ его,—
И ближе всего, его бытъ разъясняетъ
Народный! Для насъ тамъ ужъ нѣтъ ничего;
Мы даже не вѣримъ, что былъ тотъ міръ чудный;
Но онъ оттоль вывелъ старинный свой родъ,

Digitized by Google

Онъ выросъ, родился тамъ; тотъ міръ волшебный—
Его праотчизна. Его переходъ
Съ Востока на Западъ, потомъ разселенье,
Имѣли значенье свое той порой;
Такое-жь, какъ еслибы нынѣ воспрянулъ
Нашъ сидѣнь... Возстань онъ,—и весь міръ земной
Тотчасъ же измѣнитъ свой нынѣшній образъ.
Немного Микула съ тѣхъ поръ сохранилъ
Въ своемъ міръ-народѣ древнѣйшихъ преданій;
И что сохранилъ онъ,—одно измѣнилъ,
Другое затмилось,—а сколько забыто!..
Но что позабыто Микулой роднымъ
Иль міромъ-народомъ, про то еще помнятъ
Сосѣди, что были въ сношеніи съ нимъ;
А что позабыли и эти сосѣди,
То силится нынѣ, ко свѣденью всѣхъ,
Раскрыть и распутать благая наука;
И дай-то ей Боже, дай полный успѣхъ,
Затѣмъ, это ея трудъ — народное дѣло!

Не красныя зори въ небесахъ занимаются,
Не яркое солнышко на Востокѣ загарается:
То горятъ, блестятъ
Золотые дворцы, терема князя Владиміра;
Будто жаръ горятъ,
Оконца косящатыя, вышки, золотыя маковки...
«Не красное солнце числовалося,
«Заводилося пированьице честное у князя Владиміра».
Какъ славный Артуръ-царь, за круглымъ столомъ,
Какъ мудрый Гродгаръ-князь, съ дружиной веселой,
Какъ Индра-богъ, *) въ горнемъ чертогѣ златомъ,
Какъ богъ Озирисъ, средь небесныхъ созвѣздій,—
Сидитъ, средь красавицъ, двѣнадцати женъ,
Князь ласковый русскій, князь Солнце-Владиміръ [6]).

*) Индра, древнѣйшій индѣйскій или общеарійскій богъ грома и также солнца. Артуръ.— эпическій король кельтовъ. Гродгаръ — такой-же король англосаксовъ.

Digitized by Google

«Какъ солнце красное по небу числуется,
«Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
«Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
«Такъ онъ среди нихъ красуется».

Кто-жь витязи эти и богатыри?..
Кто самъ онъ, Владиміръ-князь, красное Солнце?
На нихъ не погасъ еще отблескъ зари
Временъ первобытныхъ; все вкругъ нихъ чудесно.
Не богъ ли Сварогъ *) онъ иль богъ Святовитъ**),
Съ его лучезарной, небесной дружиной?
Не свѣтлый Даждьбогъ ли***), что ярко блеститъ
Въ пространствахъ небесныхъ? Но это не люди [7])!..
Волхъ вѣщій Всеславичъ чудесно рожденъ
Отъ Змія-зміяки,—и онъ, Волхъ, умѣетъ
Принять разный образъ. Дни юности онъ
Провелъ въ Индостанѣ. Рожденье Добрыни
И вѣщаго Волха приводитъ собой
Въ тревогу всѣ царства природы, колеблетъ
Край дальній Индѣйскій. Своею рукой
Добрыня сражаетъ летучаго змія,
Спасаетъ изъ тяжкаго плѣна князей,
И съ ними дочь Дива, сестру красна-Солнца,
Что змій держалъ въ темной пещерѣ своей.
Чурила Пленковичъ, подъ Кіевомъ самымъ,
Имѣетъ блестящій, волшебный дворецъ,
Что споритъ богатствомъ и блескомъ чудеснымъ
Съ чертогами Индры. Потокъ-молодецъ
Женатъ на валькирьи ****); она превращаетъ
Его въ горючь-камень; но онъ воскрешенъ
Таинственнымъ старцемъ. Алеша Поповичъ,
Красавецъ-насмѣшникъ, кумиръ чужихъ женъ,
Алеша сражаетъ Тугарина-змѣя,
И въ Кіевъ привозитъ, двору на показъ,

*) Сварогъ, Небо, древнѣйшій богъ вселенной.
**) Святовитъ, собственно: святой свѣтъ, главный богъ балтійскихъ славянъ.
***) Дагбогъ или Даждьбогъ, божество солнца.
****) Валькиріи, воздушныя дѣвы битвъ у скандинавовъ.

Digitized by Google

Его головищу. Младой Дюкъ, — заѣзжій
Волынецъ, страну чью преданье не разъ
Еще величаетъ Индѣюшкой славной, —
Онъ, Дюкъ, такъ богатъ, что богатства его
Нельзя описать, ни изчислить. Ивану, —
Гостиному сыну, дороже всего
Его троелетокъ, косматочка-бурка,
Конь вѣщій; Иванъ, о его быстротѣ
Великъ закладъ держитъ съ Владиміромъ княземъ;
Святой самъ владыка о немъ, сиротѣ,
Предъ княземъ порука. Жена красна-Солнца,
Апракса, заводитъ любовную связь
Съ Тугариномъ-змѣемъ. Дунай береть съ боя
Сестру ея замужъ, когда стольный князь
Послалъ его сватомъ въ литовскую землю,
Племянница князя, а можетъ, и дочь,
Въ мужья избираетъ чудеснаго гостя
Изъ за-моря синяго; онъ въ одну ночь
Въ садахъ ея княжескихъ строитъ палаты....

«Ѣдетъ Чурила къ двору своему,
«Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
«Чтобъ не запекло солнце его бѣло лице».
«Волосанки у него, — золота дуга, серебряная,
«Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
«А личико будто маковъ цвѣтъ»...

Раждается въ Кіевѣ Волхъ Всеславьевичъ:
«Подрожала сыра земля,
«Стряслося славно царство Индѣйское,
«А и синее море сколебалося;
«Рыба пошла въ морскую глубину,
«Птица полетѣла высоко въ небеса,
«Туры да олени за горы пошли,
«Зайцы, лисицы по чащицамъ,
«А волки, медвѣди по ельничкамъ,
«Соболи, куницы по островамъ».
Выѣзжаетъ богатырь Илья Муромецъ:
«Пошелъ, поскакалъ его борзый конь,

Digitized by Google

«Рѣки, озера перескакивалъ,
«А темные лѣса промежъ ногъ пускалъ.»
Ѣдетъ древній Святогоръ-богатырь:
«Ѣдетъ (онъ), богатырь, выше лѣса стоячаго,
«Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
«На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
«Мать сыра-земля колыбается,
«Темные лѣсушки шатаются,
«Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.»
Идетъ дивъ раздольныхъ, широкихъ степей,
Князь шумнаго стана и силы бродячей,
Степныхъ колымагъ и косматыхъ коней,
Лихой Колыванъ-богатырь;—передъ ними,
Рѣки быстрыя, воды мутныя разступаются,
Горы звонкія, лѣса темныя раздвигаются,
Вѣтры буйные, звѣзды частыя путь указываютъ.
А этотъ другой дивъ дремучихъ лѣсовъ, —
Сухманъ богатырь, сынъ Огня или Солнца?
Тотъ дивъ—богатырь самыхъ древнихъ вѣковъ;
Но позже, утратившій, въ мнѣньи народа,
Характеръ стихійный и огненный свой,
И мирно служившій свѣтъ Солнышку—князю,
Какъ вѣщій охотникъ, стрѣляя порой
Гусей, лебедей ему, князю, къ обѣду;
«Пріѣзжаетъ онъ Сухмантій ко сыру-дубу,
«Ко сыру-дубу кряковистому,
«Выдергивалъ дубъ со кореньями,
«За вершинку бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ,
«И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой...
. . . . . .
«Махнетъ Сухмантьюшка,—улица,
«Отмахнетъ назадъ,—промежуточекъ,
«А впередъ просунетъ,—переулочекъ»....
А этотъ кудесникъ или дивъ морской,
Чудесный тотъ Волховъ Славянычъ—зміяка,—
То рыба, то змѣй, то колдунъ, то герой,
То самъ богъ Перунъ, богъ древнѣйшій, Громовникъ?
А вѣщія дѣвы, какъ Русскій народъ

Digitized by Google

Зоветъ своихъ вилъ, сихъ славянскихъ валькирій?..
Вотъ бѣлая Лебедь за станомъ точетъ;
Она Лиходѣвна; не норналь — ткачиха? *)
«А на головѣ у ней—бѣлы лебеди,
«На лѣвомъ плечѣ у ней—черны соболи,
«На правомъ плечѣ—сидятъ ясны соколы,
«На пришестахъ у нея—сизы голуби,
«На подножкахъ у нея—черны вороны.
Иль вотъ она, подъ вечеръ тихо плыветъ
Лебедушкой бѣлой, по синему морю;
А берегомъ витязь съ колчаномъ идетъ;
«Она черезъ перо была вся золота;
«А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ,
«И скатнымъ жемчугомъ изусажена.»
А самый градъ-Кіевъ, его край былой,
Волшебная около Кіева мѣстность?...
Смородины рѣки, Сафаты, Изрой,
Индѣйское море, луга Леваниды.... [8])
«Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
«Первая застава—сѣры волки,
«Другая застава—змѣи лютыя,
«Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.»
А много въ Кіевѣ богатырей,
«Какъ сѣрыхъ волковъ по закусточкамъ.»
И каждый изъ нихъ съ незапамятныхъ дней
Владѣетъ такою ужасною силой,
Какой не владѣетъ никто изъ людей.
Одинъ разбиваетъ несмѣтныя рати,
Другой съ самимъ небомъ вступаетъ въ борьбу,
Иной обладаетъ волшебнымъ оружьемъ,
Другой презираетъ и чохъ, и судьбу.... [9])
И вся на подборъ, такова вся дружина!
Они хоть и носятъ ужь образъ живой
Людей настоящихъ; но это не люди,
А выходцы—дивы изъ жизни иной;
Одна обстановка ихъ развѣ земная.

*) Норны, вѣщія прорицательницы у скандинавовъ.

Digitized by Google

Пируютъ вкругъ краснаго солнца они,
Какъ древніе боги въ чертогахъ небесныхъ,
Играютъ въ тавлеи *), какъ въ древніе дни
Играли въ тавлеи безсмертные асы **);
Сидитъ красно-Солнце Владиміръ средь нихъ,
Какъ свѣтлый Одинъ ***), средь героевъ Валгалы ****);
Какъ древніе жь боги, въ бесѣдахъ своихъ,
Они также любятъ подъ-часъ похвалиться...
«Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
«Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной;
«А разумный хвастаетъ родной матушкой,
«А безумный хвастаетъ молодой женой».
А самъ князь Владиміръ?—Какъ Индра благой
Своихъ разсылалъ слугъ воздушныхъ, Марутовъ *****),
На разныя службы, отдавъ міръ земной
На ихъ попеченье: такъ точно и онъ, князь,
Князь свѣтлый Владиміръ, шлетъ главныхъ своихъ
Воителей старшихъ,—кого на заставы,
Стоять противъ ратей и чудищъ степныхъ;
Кого въ орды дальни, сбирать тамъ получки
И выходы-дани; кого съ сватовствомъ,
Въ сосѣднія страны, ему за невѣстой.....
Такъ ѣздилъ Дунай, за невѣстой посломъ;
Въ послахъ ѣздилъ Донъ и сѣдой Днѣпръ Словутьичъ;
Чурила Пленковичъ былъ взятъ въ княжій домъ
Постельничимъ; послѣ жь, сзывалъ онъ гостей,
И съ каждаго гостя бралъ *зватое* князю;
Степной Колыванъ, тотъ отыскони дней
Всегда на заставахъ стоялъ богатырскихъ.
Вкругъ князя сошлися всѣ силы земли,—
И вѣщія силы, и цвѣтъ богатырства,
Изъ Руси, изъ ближнихъ степей, изъ дали,
Изъ-за-моря синяго,—Богъ вѣсть, откуда.

---

*) Игра въ тавлеи, родъ игры въ кости.
**) Асы,—сыны и вмѣстѣ дружина Одина.
***) Одинъ,—главный богъ древнихъ скандинавовъ..
****) Валгала, небесное жилище героевъ, послѣ смерти, у скандинавовъ.
*****) Маруты, воздушные генія вѣтровъ, у Индѣйцевъ.

Digitized by Google

Кто славился чудной своей красотой,
Кто ловкой ухваткой своей богатырской,
Кто лаской, привѣтомъ, а кто простотой
И рѣчью умильной; одинъ своимъ счастьемъ,
Другой же богатствомъ или быстротой,
Походочкой мягкой и легкой пощипкой;
Иные искусной и мѣткой стрѣльбой,
Или непомѣрной, чудовищной силой.
Владиміръ, князь ласковый, жаловалъ ихъ,
Кого златой гривной, кого съ плеча шубой;
Кого чѣмъ другимъ изъ сокровищъ своихъ;
А кто къ нему ближе, того городами.
Въ семействѣ Микулы была дочь одна
Замужняя. Наши родныя преданья
Зовутъ ее Грозной. Въ замужствѣ она
Была за пріѣзжимъ бояриномъ, Ставромъ.
Однажды онъ вздумалъ похвастаться ей
На княжей пирушкѣ, въ присутствіи князя,
Что нѣтъ-де ея на всемъ свѣтѣ умнѣй,
И нѣтъ-де на свѣтѣ ея домовитѣй;
«Самаго тебя, Владиміра, съ ума сведетъ!..»
И былъ Ставръ за это посаженъ въ подвалы.
Но только про то вѣсть до Грозной дошла,
Тотчасъ обрядилась она посломъ дальнимъ,
И хитрой уловкой своей провела
И дворъ весь, и князя,—и тѣмъ искупила
Любимаго мужа, который и самъ
Не могъ узнать долго ее въ богатырскомъ
Тяжеломъ нарядѣ; а богатырямъ
Оставила память объ этомъ пріѣздѣ
Она молодецкой своею стрѣльбой,
Нагнавъ — инда ужасъ на нихъ и на князя:
Такъ ловко владѣла она той порой
Тугимъ, тяжкимъ лукомъ своимъ волокитнымъ.
Вторая за нею Микулина дочь,
Поленица *),—эта была за Добрыней.

*) Поленица, полевая наѣздница—богатырша.

Digitized by Google

Но прежде, дѣвицей, она день и ночь
Одна разъѣзжала по чистому полю,
И страстно искала по разнымъ странамъ
Себѣ приключеній и подвиговъ ратныхъ,
Извѣстная всюду, и богатырямъ,
И дивамъ, своею ужасною силой.
Однажды Добрыня—князь, встрѣтившись съ ней,
Испробовать вздумалъ на ней свою силу;
Наѣхалъ, и палицей тяжкой своей
Хватилъ ее въ голову; на этотъ вызовъ
Добрынинъ не двинулась даже она...
Младаго Добрыню объялъ-инда ужасъ.
Какъ бы пробудившись отъ тяжкаго сна,
Сталъ пробовать силу на толстомъ онъ дубѣ, —
Ударилъ, и въ драни его расщепалъ;
Не убыло, значитъ, въ Добрыньюшкѣ силы.
Онъ бросился снова за дѣвкой, догналъ,
И снова ударилъ; но дочка Микулы,
Какъ будто совсѣмъ и не чуетъ того.
Подъѣхалъ опять онъ къ толстѣйшему дубу,
Хватилъ, и въ щепы уничтожилъ его;
Все таже въ немъ сила! Увѣрившись въ этомъ,
Добрыня еще разъ коня припустилъ,
И въ третій хватилъ разъ; а ей показалось,
Что это комарикъ ее укусилъ....
«Я думала, что комарики покусываютъ,
«Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!»
«Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
«Посадила его въ глубокъ карманъ....»
Но видно, младой князь-красавецъ пришелся
Ей по сердцу. Тутъ же рѣшила она
Избрать его мужемъ; и вышла изъ дѣвки
Примѣрная князю-Добрынѣ жена,
И нѣжная сердцемъ, *сдержавушкѣ-мужу,*
Семья и подруга.
Воинственныхъ женъ
На Кіевѣ, впрочемъ, живало немало.
И тихій Дунай, и тишайшій нашъ Донъ,

Digitized by Google

Женилися оба на вѣщихъ валькирьяхъ,
Извѣстныхъ чудесной стрѣльбою своей,
За что и пришлось имъ потомъ поплатиться,
Подъ пьяную руку ихъ дикихъ мужей,
Безцѣнною жизнью. Но тутъ же, опомнясь,
Мужья закололись и сами съ тоски.
Изъ этой-то крови у насъ протекали,
И нынѣ текутъ, двѣ кровавыхъ рѣки,
Воинственный Донъ и Дунай многоводный.
Преданіе знаетъ и младшую дочь,
Дочь третью Микулы. Но дѣвственный образъ
Ея позабытъ, и глубокая ночь
Временъ поглотила ея даже имя.
Въ чемъ было въ то время призванье ея?
Какое Микула ей далъ назначенье?
Когда получила она бытіе?...
Все это осталось во мглѣ первобытной.

Самъ вѣщій Микула, хозяинъ земли,
Всегда жилъ, какъ нынѣ, по селамъ, деревнямъ,
Среди полей мирныхъ и милой семьи,
Внѣ всякихъ вліяній изъ Кіева-града.
Преданіе помнитъ крестьянъ-мужиковъ
На славныхъ пирахъ у Владиміра-князя;
Они изъ почетныхъ-ли были сыновъ
Микулина рода, иль онъ самъ, Микула;
Но міръ его кровный всегда былъ село;
Владиміръ числуется въ Кіевѣ-градѣ,
Куда потянулось добро все и зло;
Микула жь остался, какъ былъ, селяниномъ.
Сказанья рисуютъ его завсегда
За вѣщею сошкой иль съ тягой земною
Въ сумѣ за плечами, и онъ никогда
Не требовалъ мѣста себѣ возлѣ князя.
Такъ точно впервые его застаетъ
И Вольга *) Всеславичъ, нашъ витязь древнѣйшій;
Микула спокойно на пашнѣ оретъ,

*) Волхъ, Вольга, въ былинахъ одно и тоже имя.

Digitized by Google

А Волхъ подъѣзжаетъ съ своею дружиной.
«Жаловалъ его, Волха, родной дядюшка;
«Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
«Тремя городами со крестьянами,»
Поѣхалъ Князь Вольга въ свои города,
И слышитъ онъ, гдѣ-то оретъ въ полѣ ратай;
Глядитъ Волхъ Всеславичь туда и сюда,
Но гдѣ оретъ ратай, того не примѣтитъ.
«Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
«Сошка у ратая поскрипываетъ,
«Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ».
Но гдѣ онъ,—не видно.
Такъ ѣдетъ три дня
Съ утра Волхъ до ночи; а ратая въ полѣ
Онъ, Волкъ, все не видитъ. Пустилъ онъ коня,
И въ третій лишь день на него онъ наѣхалъ.....
«Божья-та помочь, оратаюшко!
«Орать да пахать, да крестьянствовати.»
Всеславичь Микулѣ съ коня говоритъ.
«Подитко, Вольга Святославовичь,
«Со своею со дружинушкой хораброю,
«Мнѣ-ка надобно помочья Божья крестьянствовати.
«Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь,
«Со своей со дружинушкой хораброю?»
Отвѣтствуетъ Вольга, куда онъ спѣшитъ,—
Въ Орѣховцъ, въ Крестьяновцъ, въ Гурчевскъ, за получкой.
Но тутъ же отъ ратая Волхъ узнаетъ,
Что тотъ самъ два дня, какъ оттуда вернулся;
Два малыхъ мѣшечка на свой обиходъ
Привезъ оттоль соли, пудовъ эдакъ сорокъ
Въ мѣшечкѣ; но что мужики въ тѣхъ мѣстахъ
Разбойники, — просятъ грошей подорожныхъ;
И задалъ же онъ, Селянинычь, имъ страхъ,
Гроши отсчитавъ подорожной шалыгой.
«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»
Услышавъ про это, сталъ Волхъ его звать
Отправиться вмѣстѣ. Согласенъ Микула.

Digitized by Google

Нельзя же высокимъ гостямъ отказать.
Поѣхали, — ѣдутъ; какъ вспомнилъ Микула, —
«Ай же Вольга Святославовичь!
«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
«И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
«А гля-ради мужика деревенщины.
«Какъ бы сошку съ земли повыдернути,
«Изъ омешковъ земельку повытряхнути,
«И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ.»
Послалъ Вольга-князь пятерыхъ изъ дружины,
Но пятеро сошки свернуть не смогли;
Послалъ Святославовичь цѣлый десятокъ,
Но сошку и тѣмъ не поднять изъ земли;
Послалъ тогда Вольга свою всю дружину;
«Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
«А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
«Изъ омешковъ земельки повытряхнути,
«Бросить сошку за ракитовъ кустъ.»
Подъѣхалъ Микула ужъ самъ той порой,
На вѣщей кобылкѣ своей богатырской;
Бралъ чудную сошку одною рукой,
Бросалъ за ракиту.....
«А сошка была *позолочена*,
«Омѣшики были булатныя;
«Какъ улетѣла та сошка къ подъ-облакамъ,
«Пала сошка о сыру землю,
«Ушла сошка до рычаговъ въ землѣ.
«Тутъ-то обрядилъ онъ свою сошку позолоченную,
«Тыи-то омѣшки булатныя.....»
Поѣхали дальше.
«Оратая кобыла-то рысью идетъ,
«А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
«У оратая-то кобылка грудью пошла,
«А Вольгинъ-отъ конь оставается.»
«Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
«Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты ратый-ратаюшка!
«Этая кобылка конькомъ-бы была, —

Digitized by Google

«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
«Говоритъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга Святославовичъ!
«Взялъ я кобылку жеребчикомъ съ-подъ матушки;
«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;
«Этая кобылка конькомъ бы была;
«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
«Говорилъ Вольга Святославовичъ:
«А-же ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
«Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай-же Вольга Святославовичъ!
«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
«Во скирды складу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю;
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»
И вотъ онъ, Микула, его проводилъ
Въ Орѣховцъ, въ Крестьяновцъ, въ Гурчевскъ, за получкой.
Ждала ихъ засада; но онъ упредилъ
Своей прозорливостью вражіи козни,
Побилъ еще разъ тѣхъ воровъ-мужиковъ,
Очистилъ проѣздъ за получкою Волыѣ,
И снова вернулся подъ мирный свой кровъ;
«Тутъ они добры молодцы поразъѣхались,
«Поразъѣхались они, пораспростилися.»
Въ другой разъ, Микула зоветъ князя Вольгу
Къ себѣ *ко посельицу*, вводитъ его
Въ свои родовыя *палаты*, какъ видно,
Живя въ это время не хуже кого.
Выходятъ имъ встрѣчу три дщери Микулы,
Три вѣщихъ поленицы; съ честью онѣ
Всѣ три принимаютъ высокаго гостя,
Какъ это водилося въ русской странѣ,
И съ честью его, угостивъ, провожаютъ.....
Микула сильнѣй, значитъ, богатырей,

Digitized by Google

Что князь Володиміръ даритъ областями.
Онъ ихъ охраняетъ отъ сельскихъ людей;
Внутрь края нельзя безъ Микулы проникнуть;
Микула сильнѣй и гораздо хитрѣй,
Кудесника Волха; живетъ онъ въ палатахъ;
Князь Волхъ передъ нимъ, какъ птенецъ молодой,
И самъ князь Владиміръ предъ нимъ мало значитъ;
Микула властитель земли; онъ ей свой,
Князья и дружины ихъ,—люди чужіе [10]).

Но главный въ народѣ преемникъ его,
Грядущій его представитель близь князя,
Сидитъ еще сиднемъ, — чужой для всего,
Что въ краѣ творится. Земля не сложилась.
Замѣтно, что это титанъ старины,
Попавшій въ міръ новый, еще ему чуждый;
Онъ чувствуетъ, видитъ духъ новый страны,
Но мѣсто въ странѣ для него не готово.
Сидѣлъ-ли заправду Илья тридцать лѣтъ,
Сидѣлъ-ли три тысячи лѣтъ онъ и больше,
Еще съ той поры, когда созданъ былъ свѣтъ;
Но въ немъ исполинскія силы съ рожденья.
Онъ темный лишь сидѣнь,—но онъ посвященъ
Въ пріемы, ухватки и бытъ богатырскій;
Онъ гдѣ-то ужь жилъ; онъ не могъ быть рожденъ
Во дни православнаго русскаго князя.
Еще онъ не знаетъ, къ чему приложить
Ему свои силы,—и онъ сидитъ сиднемъ.
Пожалуй, онъ могъ бы весь край своротить,
Но онъ тогда сталъ бы вновь чудищемъ прежнимъ.
Онъ родомъ и званьемъ уже селянинъ,
Но онъ не сошелся еще съ міръ-народомъ, —
Онъ все еще дивъ.
Въ эти дни не одинъ
Имѣлъ на Руси онъ чудовищный образъ;
Вкругъ стольнаго князя, межь богатырей,
Сидятъ Святогоры еще и Сухманы, —
Древнѣйшія чудища, въ видѣ людей;

Digitized by Google

А дивы другіе, какъ грозный Нахвальщикъ
Иль чудный разбойникъ—лѣсной Соловей,
Еще залегаютъ пути и дороги.
«Сидитъ Соловей разбойникъ Олихмантьевъ сынъ,
«Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
«Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
«Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
«Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному,
«Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
«Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.»
Но вотъ Илья—сидѣнь чудесно встаетъ;
Его подымаетъ *нездѣшняя* сила;
И тутъ же великій обѣтъ онъ даетъ
Сразить Соловья и сражаться до смерти
За край, народъ русскій [11]).
Чтожь это за міръ?
Что это за чудныя, страшныя силы?
Кто этотъ князь Солнце? Что это за пиръ
Въ его свѣтлой гриднѣ, гдѣ онъ повелитель
Всѣхъ этихъ чудесныхъ, таинственныхъ силъ?
Отколь собрались они въ стольный градъ Кіевъ?
Г'дѣ ихъ праотчизна? Кто ихъ породилъ?
Какой народъ создалъ міръ этотъ волшебный?
Когда начался онъ? Что наша страна
Внесла отъ себя въ него?...
Но онъ закрылся,
А древность, увы, необъятна, темна;
Какъ бездна морская, ея глубь безвѣстна.
Мы въ образахъ только, доступныхъ для насъ,
Слагать еще можемъ міръ этотъ чудесный;
Но онъ ужь изчезъ, и его вѣщій гласъ,
Что тамъ раздавался, замолкнулъ на вѣки [12]).
Пожалуй, и лучше! Его больше нѣтъ,—
Мы можемъ судить о немъ нынѣ свободно.
О слава тебѣ, просвѣщенія свѣтъ!—
Ты снялъ хоть печати съ боговъ тѣхъ минувшихъ.
«Эта старина кончается,
«А другая начинается....»

Digitized by Google

Пѣснь 2-я.

ВЫРІЙ, ДРЕВНІЙ РАЙ АРІЙЦЕВЪ.

„Контъ показалъ, что изъ общихъ законовъ человѣческой природы можно вывести нѣсколько спеціальныхъ заключеній, относительно самаго ранняго развитія человѣческаго прогресса, о которомъ почти нѣтъ никакого историческаго отчета. (В. Евр. іюль, 1874 стр. 159—60).

„Начнемъ ab ovo!...“

(Пушкинъ).

Высота ли высота поднебесная,
«Глубота, глубота Океанъ-море,
«Широко раздолье по всей землѣ,
«Глубоки омуты—Днѣпровскіе!!...»
Не здѣсь ли, въ раздольяхъ сѣдой старины,
Не въ этой ли шири высотъ поднебесныхъ,
Не въ этихъ ли безднахъ глухой глубины
И омутовъ темныхъ воздушнаго моря,
Искать надо нить нашей жизни былой
И міръ тотъ чудесный? Не здѣсь ли родились
И князь красно-Солнце, и бытъ нашъ родной,
И вѣщій Микула съ семьей богатырской?
Не съ этихъ ли поръ въ древній міръ нашъ вошли
И древніе дивы, и чудища мрака,

Digitized by Google

Властители первые всякой земли?
Не здѣсь ли бьетъ ключь и преданій народныхъ?...

Сперва первобытный туманъ вокругъ насъ
И мракъ довременный; еще ни земли нѣтъ,
Ни свѣтлаго неба; молчитъ Божій гласъ,
Лишь дубъ-Стародубъ иль дубъ влажный Мокрецкій,
Небесная ясень, раздвинулъ свои
Огромныя корни по темнымъ пространствамъ
Незримаго неба. Нигдѣ нѣтъ земли;
Лишь дубъ этотъ чудный нависнулъ вѣтвями
Въ безмолвныхъ пространствахъ,—покрывши густой,
Широкою листвой воздушное море.
Изъ этого дуба съ сребристой корой,
Струится живая роса,—вода жизни.
Предвѣчный Духъ Божій,—начало всего,
Что есть и что будетъ, паритъ надъ водами...
Міръ долженъ создаться по слову Его.
Въ послѣдствьи мы встрѣтимъ не разъ это Слово!
На дубѣ чудесномъ, въ туманѣ густомъ,
Живетъ уже бѣлка. Грызетъ эта бѣлка
Златые орѣхи,—то молнья и громъ;
По вѣтвямъ златистымъ порхаютъ жаръ-птицы;
Надъ бѣлкою—соколъ. И ночью, и днемъ,
Хранитъ онъ на дубѣ плоды золотые,
Отъ лютаго змія, что обвилъ хвостомъ
Еще невидимое, горнее небо.
На самомъ верху Стародуба кипятъ
Живая вода и ключи воды мертвой;
Подъ ними вертятся и громко стучатъ
Два жернова-камня, что мелятъ богатства
И счастье. [1])

У индовъ, изъ бездны глухой
Безбрежнаго моря земнаго, всплываетъ
Божественный лотусъ. Какъ въ зыбкѣ златой,
Въ его влажной чашѣ, блестящей, какъ солнце,
Плыветъ, колыхаясь, младенецъ святой,
Богъ творческихъ силъ, богъ грядущей вселенной.

Digitized by Google

Но это не лотусъ всплываетъ простой,
А это всплываетъ изъ нѣдръ океана
Земля, въ видѣ злачныхъ семи острововъ;
Не богъ простой въ чашѣ сіяетъ зеленой;
Но богъ силъ предвѣчныхъ, отецъ всѣхъ боговъ,
Духъ всюду присущій всезиждущей жизни.
Изъ дивно—божественныхъ первыхъ сѣмянъ
Того цвѣтка жизни родится златое,
Какъ красное солнце, яйцо-великанъ;
Оно раздвоилось, и изъ скарлупъ вышли
Земля, небеса и златой океанъ
Свѣтилъ, что сіяютъ въ пространствахъ воздушныхъ.
У насъ же не лотусъ зеленый плыветъ,
А два чудныхъ гоголя, бѣлый и черный:
Бѣлбогъ съ Чернобогомъ; одинъ достаетъ
Со дна синя-моря земли горсть, и оба
Творятъ первый островъ. Бѣлунъ-богъ творитъ
Поля и равнины, доступныя людямъ;
А злой Чернобогъ исказить наровитъ
Міръ Божій, наставивъ утесовъ, ущелій,
Высотъ, буератовъ. Потомъ создаетъ
Бѣлбогъ изъ земли и песку человѣка;
Но злость Чернобога ему не даетъ
Окончить и этотъ божественный подвигъ,
Какъ онъ бы хотѣлъ; Чернобогъ или Чортъ,
На зло, исказилъ и его человѣка. [2])
У насъ, также пѣтелъ божественный снесъ
Яйцо міровое; изъ внутренней части
Яйца вышли рѣки, а вѣтеръ разнесъ
Оттудова сѣмя цвѣтовъ и растеній.
Но пѣтелъ вспорхнулъ, и съ земли улетѣлъ
На горнее небо. Тамъ онъ, обмываясь
Въ воздушной пучинѣ, на весь міръ запѣлъ:
И каждое утро, своей вѣщей пѣсней,
Будить сталъ природу и спящихъ людей;
Но людямъ досадны его стали пѣсни,
Мѣшавшія спать, и въ послѣдствіи дней,
Имъ въ пику, слегѣлъ онъ на синее море

Digitized by Google

И сталъ будить солнце. Онъ пѣснь заведетъ,
Захлопавъ крылами, тотчасъ же подхватятъ
Ее пѣтухи въ деревняхъ, и поетъ,
Поетъ въ перекличку ихъ хоръ неумолкный [3]).
Другое преданіе весь родъ людской
Еще производитъ отъ силы небесной;
Людей порождаетъ богъ-Небо съ Землей,
Духъ свѣта и мрака, мгла темная тучи
И богъ древній-Родъ, сей славянскій Адамъ,
И вмѣстѣ богъ Яма, что мечетъ на землю,
Подобныя яркимъ падучимъ звѣздамъ,
Небесныя *груды* [4]). Въ тѣ дни, первый смертный
Своимъ страшнымъ ростомъ былъ равенъ горамъ,
А тѣломъ покрыть могъ широкое поле;
Когда засыпалъ онъ, въ его волосахъ
Свободно свивалъ для себя гнѣздо ястребъ;
Въ ушахъ же его, какъ въ глубокихъ норахъ,
Гнѣздились лисицы.....Онъ всходитъ на небо,
Спускается въ бездны; ему ни почемъ
Шагнуть черезъ море. Онъ дѣлитъ трапезу
Съ самими богами; онъ равенъ во всемъ
Богамъ самымъ высшимъ, какъ онъ же рожденнымъ
Землею и Небомъ. Но онъ не уйдетъ
Отъ челюстей смерти: онъ перворожденный
И первоумершій; онъ будущій Родъ,
Тотъ богъ, что бросаетъ небесныя *груды*. [5])
Сначала живетъ онъ въ цвѣтущихъ садахъ,
Средь Вырія. Вырій или Буянъ-островъ,—
Не то на землѣ онъ, не то въ небесахъ. [6])
То вѣкъ золотой и серебряный міра,
Весеннее утро счастливой земли,
Сіяющей въ блескѣ и брызгахъ алмазныхъ
Весны первобытной,—чего не могли
Лишить смертныхъ долго и самые боги.
Сперва люди чтутъ лишь одно божество,—
Предвѣчнаго Бога, живущаго въ небѣ,
Сваргѣ кругловидномъ. Его естество
Исполнено къ смертнымъ высокой любовью;

Digitized by Google

Сей богъ—сама Вѣчность, и міръ называлъ
Его Богаваномъ, Зерванъ-Акереномъ,
Сварогомъ и Діемъ. Онъ богъ всѣхъ началъ:
Онъ создалъ вселенну своимъ дивнымъ словомъ,
Онъ есть отецъ неба и прочихъ боговъ,
Прабогъ всего міра. Вначалѣ, блаженный
Еще человѣкъ жилъ немало вѣковъ
Съ нимъ вмѣстѣ, и даже трапезовалъ съ богомъ;
Но злой духъ, Курентъ, разъ, по злобѣ своей
Его напоилъ такъ за трапезой этой
Виномъ, имъ добытымъ на гибель людей,
Что богъ—его въ гнѣвѣ низвергнулъ на землю,
И отнялъ часть силы [7]).

Недолго потомъ
Еще люди жили въ любви и согласьи;
Не то ужь и въ Выріи стало земномъ,
Хотя и сносились они еще съ богомъ.
Сначала окончился вѣкъ золотой,
Насталъ вѣкъ серебряный; мирно, въ довольствѣ
Еще жили люди и тою порой;
Но скоро и это промчалося время,—
И лишь завершился серебряный вѣкъ,
Вражда и раздоры наполнили землю
И самое небо; возсталъ человѣкъ
На ближнихъ своихъ и боговъ вѣковѣчныхъ.

Блестящее небо съ древнѣйшей поры
Казалося людямъ таинственнымъ міромъ:
Оно представлялось имъ въ видѣ горы;
Имъ очень хотѣлось еще въ ту эпоху
Пожить по небесному,—и Чернобогъ
Однажды проникнулъ, съ толпой великановъ,
Въ божественный этотъ, блестящій чертогъ;
Но часть ихъ, наѣвшись небесныхъ оладьевъ,
Свалилась на землю. Въ досадѣ, Бѣлбогъ
Или Сварогъ древній ударилъ о камень
Божественнымъ молотомъ, и въ тотъ же мигъ
Родился Громовникъ, съ блестящею ратью.

Digitized by Google

Духовъ свѣтозарныхъ; онъ тотчасъ настигъ
И всѣхъ остальныхъ, и низвергнулъ ихъ съ неба:
Одни пріютились тогда на землѣ,
Въ водахъ и въ лѣсахъ, но главнѣйшія силы
Попадали въ бездну, гдѣ въ огненной мглѣ
Живутъ и понынѣ.
А міръ былъ наказанъ,
За распри, потопомъ. Враждуя съ собой
И съ силами горними, люди разбили
Яйцо золотое вселенной; рѣкой
Оттоль хлынулъ ливень воды первобытной,
И скрылъ подъ собою весь міръ сей земной.
На помощь немногимъ съ вѣтвей Стародуба
Упали скорлупки златыхъ жолудей;
Иные успѣли схватиться за вѣтви
Всемірнаго древа; а двое людей
Спаслися, прыгнувши чрезъ кости земныя,—
Скалистыя горы. [8])

Изъ нѣсколькихъ словъ,
Составившихъ корни арійскихъ нарѣчій,
Наука ужь видитъ въ быту тѣхъ вѣковъ
Большое развитіе жизни разумной.
На самой зарѣ первобытной земли
Родъ сильный арійцевъ имѣетъ строенья
И связи родства; воеводы, вожди,
Старѣйшины правятъ его племенами.
У нихъ есть ужь домъ и родная земья;
Зубчатыя стѣны ихъ крѣпкой ограды
Торжественно вноситъ богиня—земля
Въ рѣзьбу своей самой древнѣйшей короны.
Живя искони въ непрестанной борьбѣ,
Они ужь куютъ или точатъ оружье,
Имѣютъ сосуды, готовятъ себѣ
Хмѣльные напитки и разную пищу.
Младой Селянинычь, ораломъ своимъ
Или златой сошкой, что съ неба упала,
Еще раскаленной огнемъ неземнымъ,

Digitized by Google

Оретъ уже землю. Онъ также владѣетъ
Ярмомъ золотымъ, золотымъ топоромъ,
Такою же чашей,—всѣмъ этимъ снабдили
Его небеса. Онъ любимъ божествомъ,
И смотритъ главою арійскаго рода.
Его жизнь проходитъ въ полезныхъ трудахъ;
Онъ чтитъ всего больше родимую землю;
Его родъ отважный, въ долбленныхъ ладьяхъ,
Бразднтъ уже рѣки, а, можетъ, и море. [9])

Съ развитьемъ людей, и въ святыхъ небесахъ
Свершилися также свои перемѣны;
Міръ новый ужь знаетъ семь горнихъ небесъ,
На мѣсто трехъ прежнихъ; тогда какъ вначалѣ
Одно было небо. Сварогъ-Дій исчезъ,
Явились сыны его, новые боги;
Земля прозвалася Деметрой-благой,
Божественной Дивой, божественной Ладой,
Супругою неба, богиней святой,
Праматерью міра и всѣхъ въ немъ живущихъ.
На самомъ Востокѣ, въ дворцѣ золотомъ,
Царитъ молодой богъ, всезрящее Солнце,—
Дагбогъ или Вишну, богъ съ острымъ мечемъ,
Всевѣдъ златовласый, всезиждущій Митра.
Его дворъ на скользкой стеклянной горѣ;
Богъ-Солнце сидитъ на златомъ на престолѣ;
При немъ, какъ при высшемъ небесномъ царѣ,
Живутъ для прислуги красавицы-сестры;
Одна, Заря утра,—ему подаетъ
Коней, запряженныхъ въ злату колесницу;
Царь дня на небесный подъемлется сводъ,
И міръ озаряетъ своими лучами;
Другая, въ концѣ дня, встрѣчаетъ его,
И стелетъ въ багряныхъ водахъ океана
Ему постель на ночь.. .Тамъ ждетъ своего
Безсмертнаго друга царица въ коронѣ,
Красавица Лада. Всю ночь Солнце съ ней
Проводитъ любовно до поздняго утра.

Digitized by Google

Въ дворцѣ его свѣтломъ сидятъ семь судей,
Планетъ переходныхъ; средь нихъ, его дяди
Иль братъ, лысый Мѣсяцъ. Семь вѣщихъ кометъ,
Семь вѣстниковъ быстрыхъ, разносятъ по свѣту
Велѣнія Солнца.
Едва видный слѣдъ
Ведетъ къ его трону стеклянной горою.
На самой срединѣ, сидятъ по горѣ
Двѣнадцать, рожденныхъ имъ, мѣсяцевъ года;
Но каждый имѣетъ къ извѣстной порѣ
Особый дворецъ еще, въ горнихъ созвѣздьяхъ.
При нихъ роженицы иль дѣвы судьбы,
Пророчицы, вилы или дѣвы Солнца:
Онѣ назначаютъ дни тяжкой борьбы
И радостей смертнымъ; онѣ прядутъ нити
Короткой ихъ жизни; у нихъ же въ рукахъ
Недоля и доля людей, съ дня рожденья.
На свѣтломъ Полуднѣ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ
Блестящаго неба, гдѣ ярче сіяетъ
Палящее солнце, тамъ мирно живетъ
Міръ свѣтлый усопшихъ. Надъ ними издревле
Господствуетъ Яма, старинный нашъ Родъ,
Прапрадѣдъ Микулы,—тотъ перворожденный
И первоусопшій прапращуръ людей,
Что мечетъ на землю небесныя груды.
Тамъ, въ горнихъ пространствахъ, средь яркихъ лучей
Веселаго солнца, престолъ его мирный
И царство блаженныхъ; тамъ эта страна
Родителей, дѣдовъ, гдѣ ихъ ожидаютъ
Вновь радости жизни. Тамъ вѣчно весна,
Душевное счастье, поютъ сладко птички,
Всегда зеленѣютъ деревья, журчитъ,
Лаская, какъ музыка, слухъ, въ тѣни рощей
Небесный источникъ воды, шелеститъ
Едва вѣтерокъ по цвѣтамъ благовоннымъ...
Заря, сестра Солнца, царица тѣхъ мѣстъ,
Впускаетъ ихъ души въ златое оконце,
И тамъ ихъ покоитъ.

Digitized by Google

Какъ искорки звѣздъ,
Несутся туда, по воздушному морю,
Съ душами усопшихъ златыя ладьи,
Которыми правятъ особые боги,
Блюстители этого груза земли.
Въ замѣнъ, Родъ бросаетъ оттуда на землю,
Отдѣльно для каждой подлунной страны,
Небесныя груды еще душъ не жившихъ:
То души младенцевъ, что также должны,
Окончивъ земной путь, къ нему возвратиться.
На Сѣверѣ дальнемъ, въ зеленыхъ садахъ,
Въ воздушныхъ чертогахъ, живетъ чернокудрый,
Съ златой бородою, ужасный въ бояхъ,
Богъ свѣтлый эфира и горняго свѣта,
Верховный богъ молній и страшныхъ громовъ,
Другъ пахарей мирныхъ, благой покровитель
Полей и садовъ ихъ, гроза злыхъ духовъ
И гордыхъ титановъ, блистательный Индра,
Перунъ нашъ Громовникъ.
Онъ молньей своей
Насквозь пробиваетъ воздушныя горы,
И свѣжею влагой небесныхъ ключей
Оттоль напояетъ засохшую землю.
Онъ на смерть сражаетъ скрывателя водъ,
Воздушнаго змѣя-Засуху, и міру
Даетъ плодородье.
Съ нимъ вмѣстѣ живетъ
Слуга и товарищъ, божественный Трита,
Стрибогъ нашъ славянскій, что дышетъ съ небесъ
На землю, то бурнымъ, то теплымъ дыханьемъ.
Ихъ общею силой въ то время чудесъ
Сраженъ семихвостый драконъ, троеглавый
Твасютру, тотъ змѣй, что похитилъ воровъ
Небеснаго стада, и Вритру, — сообщникъ,
Который укрылъ ихъ въ горахъ облаковъ.
Въ Египтѣ тотъ самый же Индра-громовникъ,
Всемѣстный каратель злыхъ демонскихъ силъ,
Пріялъ имя Пта, и убилъ тамъ дракона

Digitized by Google

Мертвящей все ночи. У грековъ сразилъ
Онъ змѣя Пифона, и сталъ сребролукимъ,
Младымъ Аполлономъ, назначивъ свой храмъ,
Едва не всемірный, средой прорицаній.
Но прежде всѣхъ странствій по дальнимъ странамъ,
Онъ далъ первымъ людямъ огонь свой небесный.
Какъ самъ отецъ молньи и бога Агни,
У насъ Радегаста, онъ бросилъ на землю
Небесное пламя, — и многіе дни
Міръ въ пламени этомъ чтилъ новаго бога.
На Западѣ темномъ царитъ богъ Воданъ,
Старинный Варуна, богъ горняго моря,
Царь тучь, освѣжитель благой земныхъ странъ,
Всещедрый податель живой воды Сомы.
Изъ этой-то бездны повисъ надъ землей
Тотъ дубъ-Стародубъ, та смоковница міра,
Златая та ясень, отколь міръ земной
И самое небо пріяли начало.
Она даетъ людямъ земные плоды;
Ея вѣтви сочатъ напитокъ безсмертья;
Она земледѣльцевъ питаетъ труды,
На ней утвердилъ богъ предвѣчный вселенну;
Подъ нею пасется, средь горныхъ луговъ,
Воздушное стадо коней златогривыхъ,
Овецъ свѣтлорунныхъ, небесныхъ коровъ,
И черныхъ, и рыжихъ. Пасетъ ихъ богъ пѣсенъ,
Велесъ златокудрый; а ихъ стережетъ
Лихой песъ, сынъ Вритру, — не нашего-ль Вѣтра?—
Лохматый Сарама.
Сюда хороводъ
Слетается нимфъ, тѣшить страстною пляской
Боговъ вѣковѣчныхъ; здѣсь бурное царство
Титановъ сѣдыхъ; здѣсь по темнымъ ночамъ
Они забавляются дикой охотой,
Пріятной неменьше и горнимъ богамъ.
По этимъ-то безднамъ отжившія души,
То въ образѣ легкихъ, златыхъ мотыльковъ,
То мальчиковъ съ перстикъ, съ земли отлетаютъ

Digitized by Google

На небо, — сперва въ темный міръ облаковъ,
И прямо оттуда, въ блаженный край Рода.
По этому-жъ морю, въ ладьѣ золотой,
Во мглѣ разъѣзжаетъ и тотъ перевощикъ,
Что ихъ доставляетъ на вѣчный покой,
Въ міръ свѣтлый блаженства.
На Западѣ жъ дальнемъ
Считался и тотъ міръ, столь страшный живымъ,
Гдѣ царствуетъ Навій съ женою Мараной.
Держа въ рукѣ жезлъ, онъ ворочаетъ имъ
Громадныя груды костей, — прахъ усопшихъ;
У ногъ копошатся его муравьи
И вороны. Послѣ означилось тутъ же
И царство Мороза. Богъ поздній земли,
Онъ все-таки старъ ужь, съ сѣдой бородою,
Закутанъ весь въ бѣлый мохнатый зипунъ;
Но онъ босоногъ и безъ шапки, съ желѣзной
Въ рукахъ булавою. То царь-Карачунъ;
Съ нимъ царствуютъ вмѣстѣ Сонъ тихій съ Дремою [10]).

Но весь первобытный край этотъ земной,
Тотъ Вырій блаженный, гдѣ жилъ родъ арійскій,
Сравнительно былъ онъ міровъ небольшой,
Еще влажный островъ,—отъ высей Алтая
До горъ Гиммалайскихъ, омытый кругомъ
Сѣдымъ океаномъ; а дальнія страны
Европы, что этотъ родъ занялъ потомъ,
Скрывались въ то время еще подъ водою.
Весь Сѣверъ Россіи, отъ горныхъ вершинъ
Страны Скандинавовъ до высей Рифейскихъ,
Въ то первое время былъ только одинъ
Пустой, длинный островъ. Гдѣ царствуетъ нынѣ
Британскій левъ,—смутно, сѣдой полосой
Бѣлѣла гряда островковъ, простираясь
До нынѣшней Бельгіи, тою порой
Еще составлявшей дно бурнаго моря.
Арденскія горы и весь край лѣсной
Срединной Германіи, часть земли Галловъ,

Digitized by Google

Имѣли видъ также большихъ острововъ;
А вся остальная Европа лежала
Еще подъ водою,—и много вѣковъ
На Западѣ темномъ лишь царствовалъ древній
Воданъ, богъ тумановъ.
Но чудно была,
За то величава земная природа.
Курясь благовоньемъ, земля вся цвѣла
Тропическимъ садомъ; тѣнистыя рощи
Мимозъ многоцвѣтныхъ, тюльпанныхъ деревъ,
Какъ пурпуръ горящихъ, густыхъ олеандровъ,
Широкихъ смоковницъ; глубь темныхъ лѣсовъ
Лавровыхъ и миртовыхъ; сверху аркады
Тропическихъ злаковъ, ползучихъ ліанъ;
Въ шумящихъ потокахъ громадные листья
Зеленыхъ нимфей; а кругомъ—океанъ,
То темный и бурный, то ярко-блестящій
Въ лучахъ жаркихъ солнца; вездѣ блескъ и тѣнь,
Прозрачное небо весны первобытной;
Волшебныя ночи, сіяющій день,
Чертогъ исполинскій боговъ и чудовищъ.
Въ лѣсахъ раздается рыканье звѣрей;
Деревья трещатъ подъ неистовой битвой
Бизона со львомъ; близь жилища людей
Свободно гуляютъ тапиръ, мастодонты,
Чудовищный мамонтъ; стада обезьянъ,
Гиббонъ и Горилла, играютъ по вѣтвямъ
Гигантскихъ деревьевъ; огромный кайманъ
Съ чудовищной, хищной, какъ онъ, черепахой
Ползутъ по болотамъ; средь илистыхъ водъ
Кишатъ саламандры или діатомги,
И ужъ воздвигаютъ незримый оплотъ
Всемірному морю своимъ наслоеньемъ [11]).
То былъ потрясеній земныхъ періодъ
И переворотовъ,—и самыя звѣзды
Сіяли иначе еще въ небесахъ.
Златыя созвѣздья Креста и Центавра
Виднѣлись на нашихъ еще широтахъ;

Digitized by Google

Но Сиріусъ, поясъ златой Оріона,
Здѣсь были незримы; за то во весь свѣтъ
Горѣло созвѣздье блестящее Лиры,—
Какъ это вновь будетъ чрезъ тысячи лѣтъ,
Когда совершатъ онѣ кругъ ихъ теченій [12]).

Микула былъ также до жизни земной
Небесною искрой, и пахаремъ горнимъ,
Когда, какъ Громовникъ, своею сохой
Пахалъ онъ на небѣ дождливыя тучи;
Когда-же родился, тогда за нимъ вслѣдъ,
Оттуда упала и сошка на землю.
Соха была первый успѣхъ, первый свѣтъ,
Что внесъ онъ съ собой въ кругъ общественной жизни.
При самомъ началѣ имѣла она
Лишь видъ колеса иль, по древнему, Кола;
Сперва и Микулу родная страна
Звала Колываномъ; онъ былъ дивъ бродячій
И князь колесницы. На ней онъ воздвигъ
Сперва себѣ кущу или коломіу;
Но скоро разумный его духъ постигъ
Свое назначенье,—онъ снялъ эту кущу
Съ колесъ подвижныхъ и срубилъ прочный домъ;
Обнесъ постоянный домъ этотъ оградой,
И сдѣлался, въ Выріѣ еще родномъ,
Осѣдлымъ хозяиномъ.
Князь колесницы
Извѣстенъ и въ Индіи, гдѣ міръ былой
Его звалъ Накулой. Быть можетъ, Накулой
Звался и Микула; но край нашъ родной,
Иль лучше Микулы-жъ сыны измѣнили
Потомъ его имя, и стали они
Его звать Микулой [13]).
Какъ старшій сынъ Неба,
А можетъ, и самъ воплощенный Агни,
Микула, срубивъ домъ и сдѣлавъ ограду,
Воздвигъ, какъ водилося въ первые дни,
Въ срединѣ жилища, домашнему богу,

Digitized by Google

На камнѣ широкомъ, священный очагъ.
Вокругъ огня сѣло родное семейство,
И каждый пришелецъ, будь лютый онъ врагъ,
Присѣвъ къ очагу иль коснувшись рукою,
Былъ гостемъ священнымъ и членомъ семьи.
Какъ домовладѣлецъ или огнищанинъ,
Микула сталъ первымъ владѣльцемъ земли,
Гдѣ онъ обиталъ; какъ старѣйшина-жъ въ родѣ
И старшій членъ въ домѣ, онъ былъ ужь главой.
Семейства и рода. Когда-жъ разрослися
Семейство и родъ его, поздней порой,
И стали народомъ, онъ сталъ господиномъ,
Главою народнымъ [14]).
Какъ царь очага и потомокъ боговъ,
Микула приноситъ имъ первую жертву
Отъ лучшихъ избытковъ домашнихъ трудовъ
Своей сельской жизни. За это родъ-племя
Его нарекаетъ верховнымъ жрецомъ,
Кѣмъ онъ и остался.
Великій то день былъ,
Тотъ день первой жертвы, и много потомъ
О ней говорили и люди, и боги;
То первая жертва отъ смертныхъ была
Богамъ вѣковѣчнымъ, знакъ перваго рабства;
Высокимъ значеньемъ своимъ привлекла
Она *сто* боговъ и сонмъ цѣлый народный.
Ее изготовилъ сынъ вѣчныхъ боговъ,
Мужъ, въ родѣ старѣйшій, при общемъ содѣйствѣ,
Имъ собранныхъ, прочихъ старѣйшинъ—отцовъ
И всѣхъ старшихъ въ родѣ.
Свершилось тутъ нѣчто,
Подобное чуду той жертвы святой,
Когда самъ создатель божественный міра
Принесъ себя въ жертву за міръ сей земной,
Себѣ самому, и тѣмъ создалъ вселенну.
«Весь сонмъ боговъ горнихъ и полубоговъ
Принесъ его въ жертву,»—чрезъ что и раскрылась
Та дивная книга древнѣйшихъ вѣковъ,

Digitized by Google

Глубокая книга, что такъ и зовется
Понынѣ Глубинной.
«На сколько-жъ частей
Распалася жертва, чтобы создать міръ сей?»
А вотъ, посмотрите, что искони дней
Написано въ книгѣ о томъ Голубиной:
«Луна произошла отъ разума Божьяго *),
«А солнце зародилось отъ очей его;
«Дыханье и воздухъ изошли отъ ушей его,
«Огонь отъ свѣтлыхъ устъ его;
«Тончайшій эфиръ отъ чрева его,
«Твердь отъ главы, земля отъ ногъ его,
«А пространство отъ уха его;
«Такъ создались всѣ міры и вселенна.
«Отъ этой же жертвы всемірной
«Потомъ создались мудрецы и всѣ люди;
«Жрецы произошли отъ головы Божіей,
«А воины отъ руки его,
«Земледѣльцы отъ чрева его,
«А ремесленники отъ ноги его.»
И вотъ, лишь Микула принесъ свою жертву,
Въ то-жъ самое время раскрылась предъ нимъ
И эта живая, Глубинная книга;
И онъ могъ читать передъ родомъ своимъ
Въ той книгѣ всемірной, затѣмъ что отнынѣ
Онъ сталъ просвѣтлѣннымъ, народнымъ жрецомъ,
А первая эта священная книга
Теперь становилась начальнымъ звѣномъ
Дальнѣйшихъ религій его и потомства.
«Всходила туча претемная,
«Претемная и прегрозная;
«Изъ-подъ той тучи тем ой
«Выпадала книга Голубиная....
«Великая книга Голубиная!
«Вдолину книга сорока локоть,
«Поперегъ книга тридцати локоть,

*) Индѣйское преданіе.

Digitized by Google

«Въ толщину книга десяти локоть.
«Не узнать въ книгѣ, что написано,
«На рукахъ держать книгу, не удержать будетъ,
«Умомъ сей книги не сосмѣтати:
«И очамъ книгу не обозрѣти.
«Великая книга Голубиная!
«По книгѣ ходить, всю не выходить,
«А строки Божіи не вычитать».
«Тутъ сама книга распечатывалась,
«Сами листья раскладалися,
«Слова Божіи прочиталися:
«Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
«Отъ самаго Христа, царя небеснаго,
«Солнце красное отъ лица Божія,
«Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
«Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
«Буенъ вѣтеръ отъ воздоховъ,
«Дробенъ дождикъ отъ слезъ Его,
«Народъ Божій отъ Адамія....*) [15])

Такъ съ каждымъ столѣтьемъ міръ этотъ земной
Старался все глубже постичь Божьи тайны;
И тою же самой пытливой душой
Творилъ непрестанно боговъ себѣ новыхъ.
Но хоть величались богами они,
А въ сущности были вассалами только
Сварога иль Дія, что въ первые дни
Считался единственнымъ богомъ вселенной.
Закончивъ свое міросданье, Сварогъ
Вручилъ управленіе юной вселенной
Богамъ подчиненнымъ, и горній чертогъ
Закрылъ навсегда его образъ отъ смертныхъ.
Земля стала леномъ сихъ новыхъ боговъ,
А онъ какъ бы сдѣлался ихъ государемъ;
Однако они, изъ земныхъ всѣхъ даровъ,
Ему подносили одно уваженье;
А имъ самимъ люди покорной земли

*) Русское, измѣненное христіанствомъ, преданіе.

Digitized by Google

Должны были строить красивые храмы,
Давать приношенья отъ каждой семьи
И каждаго племени, въ образѣ жертвы,
Изъ лучшихъ животныхъ и лучшихъ плодовъ,
И даже изъ кровныхъ сыновъ первородныхъ;
Кормить и поить ихъ надмѣнныхъ жрецовъ
И слѣпо покорствовать волѣ ихъ. Словомъ,
Они, боги, стали царями земли,
Ея господами; отъ нихъ исходили
Правители міра, главы, судіи;
У нихъ въ рукахъ были богатство и сила;
Они раздавали народамъ судьбы,
Недолю и долю; всѣ страны земныя
И частные люди имъ стали рабы,
Искали щедротъ ихъ, страшились ихъ гнѣва;
Въ ихъ честь учреждали священные дни
Безнравственныхъ празднествъ и шумныхъ попоекъ;
Гордились, когда въ чьихъ семействахъ они
Себѣ избирали красивыхъ наложницъ:
Желали имѣть отъ ихъ ложа дѣтей.
Безмолствовалъ разумъ предъ силой державной
Владыкъ сихъ всемірныхъ. На смирныхъ людей
Отъ нихъ исходили всѣ блага земныя
Въ награду; но длинный рядъ страшныхъ бичей,
Болѣзни и голодъ, и моръ, и засуха,
Людей ждалъ строптивыхъ [16]).
Такъ, съ первыхъ же дней
Самъ родъ человѣческій выразилъ явно
Свою склонность къ рабству!
Какъ сынъ же земли,
Микула чтилъ силу боговъ вѣковѣчныхъ,
И жертвовалъ въ даръ имъ избытки свои;
Верьховная власть ихъ надъ міромъ служила
Ему образцемъ и эгидой святой
Для собственной власти его надъ семействомъ
И племенемъ-родомъ. Чтя промыслъ благой
Небесныхъ владыкъ, онъ поддерживалъ этимъ
Свое назначенье и власть надъ страной;

Digitized by Google

Но онъ ощущалъ и въ себѣ самомъ также
Присутствіе высшихъ, божественныхъ силъ;
И въ немъ рдѣлась искра небеснаго свѣта,
Той огненной груды, въ которой онъ жилъ,
Когда Родъ безсмертный, богъ-Щуръ его древній,
Его бросилъ съ неба. Онъ самъ былъ Агни,
Духъ огненный, только закованный въ тѣло.
Затѣмъ и молитвы его въ эти дни
И самыя жертвы богамъ вѣковѣчнымъ
Совсѣмъ не имѣютъ простой видъ мольбы,
Но больше видъ строгій святыхъ заклинаній;
Онъ самъ становился владыкой судьбы
И прямо вступилъ съ божествами въ условья.
Они должны были исполнить все то,
Чего онъ хотѣлъ, а въ замѣнъ онъ давалъ имъ
Условную жертву. Все было ничто
Предъ вѣщимъ его и таинственнымъ словомъ:
Онъ зналъ его силу, и слово его
Имѣло способность творить заклинанья;
Онъ могъ все заклясть имъ,—и больше всего
Страшилися боги Микулина слова.
Микула былъ духъ самобытный для нихъ,
И боги нерѣдко должны были сами
Ему уступать въ предрѣшеньяхъ своихъ,
И съ нимъ соглашаться. Не меньше страшила
Ихъ также потребность развитія въ немъ,
Врожденная жажда его даровъ свѣта,—
Даровъ высочайшихъ въ семъ мірѣ земномъ;
И боги старались, для собственной пользы,
Держать его въ рабствѣ, во мракѣ былома,
Который и есть то ужасное рабство.

Боялись тогда не на небѣ одномъ
Его вѣщей силы. Однажды увидѣлъ
Микулу на пашнѣ дитя-великанъ,
И къ матери съ смѣхомъ бѣжитъ великаншѣ:
«Смотри, мать, какой тамъ торчитъ мальчуганъ,
Его посажу на ладонь я и съ сошкой!»

Digitized by Google

Но мать ему строго на то говоритъ:
‹Дити, берегись ты того мальчугана;
Ахъ, много онъ, много намъ бѣдъ натворитъ;
Онъ нѣкогда сгонитъ насъ съ бѣлаго свѣта›! [17])
Безсмертные сами кипѣли враждой
И завистью самой земною другъ къ другу,
И часто мѣшали и міръ тотъ былой
Въ свои безконечно-кровавыя распри.
На Индѣ господствовалъ строгій браминъ;
Блестящій богъ Вишну гналъ грознаго Сиву;
Лишь древній Иранъ, край широкихъ равнинъ,
Еще поклонялся водамъ и планетамъ,
И долго не вѣдалъ иныхъ онъ боговъ,
Опричь бога—Неба, Зерванъ-Акерена;
Пока Зароастръ, мужъ позднѣйшихъ вѣковъ,
Не внесъ въ страну персовъ Бѣлбога—Ормузда,
Творца человѣка и горнихъ міровъ,
И съ нимъ Аримана или Чернобога.

Родъ древній Микулы сперва проживалъ
Въ ихъ Выріи древнемъ, — между Индостаномъ
И свѣтлымъ Ираномъ; когда же онъ сталъ
Потомъ размножаться, тогда поселился
Въ гористомъ Пенджабѣ, гдѣ въ кущахъ простыхъ
Тогда жили Саки. Подъ именемъ Вакха
И бога Гермеса, сихъ первыхъ земныхъ
Учителей жизни осѣдлой гражданской,
Микула не разъ, можетъ быть, обходилъ
Ближайшія страны, внося земледѣлье.
Съ нимъ сходенъ и Сива, чье имя включилъ
Въ свои онъ преданья; они были оба
Владыки огня, и какъ тотъ и другой—
Отцы земледѣлья и праздниковъ сельскихъ,
И оба исполнены этой порой,
То мрачныхъ порывовъ жестокости дикой,
То благости кроткой. [18])
Не чуждъ ему былъ,
Быть можетъ, и весь древній міръ Индостана;

Digitized by Google

Не съ той ли поры онъ еще сохранилъ
Преданье, о чудномъ рожденіи Кришны,—
«Когда синее море всколыхалося,
«Высокія горы всколебалися,
«Заблистали огни разноцвѣтные,
«Засверкали звѣзды яркія,
«Застучали барабаны небесные,
«На землю пролился цвѣточный дождь»?..
Не тамъ-ли онъ взялъ первообразъ былой
И древнихъ преданій своихъ богатырскихъ,
Что онъ передѣлалъ позднѣйшей порой,
Подобно всѣмъ прочимъ народомъ арійскимъ,
Когда сталъ жильцомъ онъ Полуночныхъ странъ,
Въ родныя былины.?.. Но то несомнѣнно,
Что больше всего повліялъ Индостанъ
На древнюю вѣру его и обряды:
Нигдѣ столько нѣтъ, какъ у первыхъ славянъ,
Боговъ многоглавыхъ и празднествъ народныхъ,
Столь близкихъ къ Индѣйскимъ.
Микула-ль ихъ взялъ
Себѣ въ Индостанѣ, иль ихъ основанье
Въ томъ Выріи древнемъ, гдѣ онъ обиталъ;
Но сходство ихъ явно.
Такъ праздникъ великій
У насъ и на Индѣ былъ встрѣча весны,
Иль день пробужденія свѣтлаго Вишну,
И день поворота, съ сѣдой старины,
Не менѣе чтимый, когда повернется
Богъ дня на другой бокъ. Тогда же большой
Былъ праздникъ въ честь Индры.
Съ пришествіемъ лѣта,
Таинственный образъ богини земной,
Божественной Ганги, торжественно мыли
Въ священныхъ водахъ,—и затѣмъ,пять-шесть дней
Его обвозили въ златой колесницѣ,
Открытый очамъ всѣхъ усердныхъ людей;
Что также гораздо позднѣе свершалось
И здѣсь, на Поморьѣ. Предъ осенью, ей

Digitized by Google

Потомъ приносились особыя жертвы;
У насъ же, ее обмывавшихъ людей
Тотчасъ же топили.

Затѣмъ, въ Индостанѣ
Былъ праздникъ въ честь Ямы,—поминки отцовъ
Усопшихъ, что тамъ приходилось въ то время,
Когда пробуждалась земля изъ оковъ
Мертвящей все стужи, и юное солнце
Опять воскресало. Съ сѣдой старины
Тогда подавались, на память усопшихъ,
Лепешки изъ риса, иль наши блины.
Весною, когда день равняется съ ночью,
Сбирались старѣйшины ихъ и князья
Еще на какой-то торжественный праздникъ.
Но праздникъ славнѣйшій, что наша земля
И жители Инда свершаютъ понынѣ,
Со всѣми обрядами даже тѣхъ дней,
Былъ праздникъ веселый младаго Ярилы,
Индѣйскаго Сивы, кормильца людей
И главнаго бога земныхъ всѣхъ зачатій.
Въ дни лѣтніе Сива вдыхаетъ собой
Страсть ярую въ каждое сѣмя земное;
Онъ стволъ—источитель, богъ силы живой,
Онъ щедрый разсадникъ всезиждущей жизни.
У насъ онъ—Ярила; нашъ край приносилъ
Издревле коней ему бѣлыхъ на жертву,
И лучшихъ изъ плѣнныхъ. И долго хранилъ
Міръ древній повсюду сей старый обычай [19]).

Различіе, впрочемъ, небесныхъ боговъ
Отъ смертныхъ вначалѣ не такъ было сильно,
Какъ сдѣлалось позже. Въ теченьи вѣковъ,
Явились пустынные, свѣтлые мужи,
Чей вдумчивый разумъ уже понималъ,
Что боги могучи лишь силой безплотной,
И если бъ до нихъ кто достичь пожелалъ,
То можетъ достигнуть. Для этого надо

Digitized by Google

Строптивое тѣло свое соблюсти
Отъ всякихъ соблазновъ и, силою воли,
Очистивши душу, себя возвести
На степень безстрастья.
Мыслители эти
Не спорили противъ боговъ; но нашли,
Что всякій посредникъ межъ нихъ и богами
Излишенъ,—что небо, сей свѣточь земли,
Должно быть открыто для всякаго духа
И мысли свободной. Творецъ и герой,
И первый учитель сей мысли отважной
Былъ первый Будда,—богъ иль смертный простой,
Но уже предмѣстникъ Буддъ этихъ позднѣйшихъ,
Что подняли послѣ ученье свое
На высшую степень религіи новой.
Кто-бъ ни далъ ученью тому бытіе,—
Одинъ изъ потомковъ-ли новыхъ Микулы,
Иль самъ онъ, Микула; но мысли его
Вошли въ достоянье народовъ арійскихъ.
Для гордыхъ боговъ не могло ничего
Тогда быть опаснѣй, какъ это ученье,
Равнявшее съ ними земнаго Будду;
И тою порою, когда онъ, вперивши
Въ себя свои взоры, уткнувши браду
Въ свое чрево, годы сидѣлъ неподвижный,
Какъ мертвый, иль камню подобный, стоялъ
Въ святомъ созерцаньи, онъ былъ имъ ужасенъ.
Еще онъ ужаснѣе былъ ихъ жрецамъ,
Священнымъ браминамъ, которымъ грозило
Ученье его, какъ и самымъ богамъ,
Конечнымъ паденьемъ. Рядъ страшныхъ гоненій
И казней жестокихъ послѣдній Будда
Навлекъ на себя по всему Индостану
Симъ страшнымъ расколомъ; и даже, когда
Ужь онъ утвердился на цѣломъ Востокѣ,
На Индѣ чуждались его; лишь Цейлонъ
Призналъ и усвоилъ его духъ свободный [20]).

Digitized by Google

Главнѣйшіе боги сначала временъ
Провидѣли сами, что въ дальнемъ грядущемъ
Ихъ царству назначенъ былъ также предѣлъ;
Они проницали грядущую силу
Судебъ человѣка, чей славный удѣлъ
Идти непрестанно къ благому развитью.
Всеобщій творецъ и отецъ ихъ, Сварогъ,
Вручивши новѣйшимъ богамъ управленье
Подлуннаго міра, замкнулся въ чертогъ
Божественной славы, и тамъ оставался
Въ нѣмомъ созерцаньи событій земныхъ;
Но всѣ они знали, что нѣкогда,—скоро,
Въ средѣ самихъ смертныхъ, рабовъ ихъ слѣпыхъ,
Должно воплотиться безсмертное Слово;
Что въ мірѣ родится Бого-человѣкъ,
Божественный вождь и учитель народовъ,
Чья дивная мудрость создастъ новый вѣкъ
И новое общество, къ благу вселенной.
Они даже знали, что явится онъ
Чрезъ пять вѣковъ позже того, какъ родится
Буддою богъ Вишну,—и съ этихъ временъ
Настанетъ божественный вечеръ небесныхъ
Величій. [21])

Микула имѣлъ двоихъ братьевъ. Князь Щитъ
Считается братомъ старѣйшимъ Микулы;
Онъ былъ покровитель, какъ древность гласитъ,
А можетъ, и первый царекъ древнихъ Скифовъ.
Отъ слова: щитъ, древніе греки потомъ
Его звали Скитомъ и Скифомъ; но наши
Славяне, на прежнемъ нарѣчьи своемъ,
Отъ этого жъ слова, себя называли
Сколотами, такъ какъ по ихнему: щитъ
Звался прежде скутомъ, скутуломъ и скитомъ.
Другой братъ Микулы, о комъ говоритъ
Глубокая древность, звался князь-Стрѣлою;
Онъ былъ обладатель колчана и стрѣлъ,
А домъ подвижной свой возилъ на колесахъ;

Digitized by Google

Велъ жизнь кочевую, однако имѣлъ
Священный очагъ и стада съ табунами,
Что онъ отбивалъ у осѣдлыхъ племенъ.
Еще въ свою юность училъ онъ Иракла
Владѣть мѣткимъ лукомъ, и съ древнихъ временъ
За то былъ въ почетѣ и славѣ у Грековъ,
Какъ сынъ бога Солнца. Эллада ему
Воздвигнула храмъ, а потомъ учредила
Торжественный праздникъ,—ему одному
Изъ всѣхъ иноземцевъ довѣривъ ночную
Въ ея градахъ стражу [22]).
Той самой порой,
Когда сталъ Микула владѣтелемъ сошки,
Еще раскаленной въ пучинѣ златой
Небеснаго Солнца, князь-Щитъ и Стрѣла-князь,
Плѣненные вещію столь дорогой,
Хотѣли ее взять у младшаго брата;
Но только коснулись, она обожгла
Обоимъ имъ пальцы, и тѣмъ заявила,
Что рьянымъ ихъ силамъ пора не пришла
Мѣнять лукъ и щитъ свой на трудъ столь тяжелый,
Какъ трудъ земледѣльца. Съ того дня была
Оставлена сошка Микулы въ покоѣ;
А онъ сталъ старѣйшиной, княземъ, главой,—
И братья признали Микулину мудрость.

Тогда князь-Стрѣла, какъ мракъ ночи глухой,
Съ нагорными вмѣстѣ спустясь облаками,
Съ звѣздами, что блещутъ по тверди ночной,
Съ степнымъ буйнымъ вихремъ и бурей песчаной,
Сошелъ съ Гиммалайскихъ священныхъ высотъ
Въ пустынные долы и степи Турана,
Гдѣ только отхлынулъ тогда разливъ водъ
И чудные злаки волшебнаго Юга,
Еще не поблекнувъ подъ солнцемъ степнымъ,
Собой украшали цвѣтущую землю;
Межь тѣмъ, какъ въ сосѣдствѣ съ симъ міромъ ночнымъ,
Въ странѣ благодатной и мирной Ирана,

Digitized by Google

Въ томъ царствіи солнца и яснаго дня,
Благой Магабадъ и Джемшидъ велемудрый,
Извлекшій впервые огонь изъ кремня
И первый воздвигнувшій градъ на утесахъ,
Что даже понынѣ въ мѣстахъ тѣхъ слыветъ
Престоломъ Джемшида,—спокойно вносили
Божественный свѣтъ просвѣщенья въ народъ
И въ немъ развивали начала гражданства. [23])
Пока мы не знаемъ почти ничего
О самыхъ древнѣйшихъ потомкахъ Микулы;
Но знаемъ, что были въ семьѣ у него
Три дочери. Старшей, по имени Грозной,
Онъ далъ назначенье быть вѣщимъ посломъ;
Не грознымъ посломъ-ли къ небесному Роду,
Старинному Ямѣ, куда съ торжествомъ
Она провожала закланныя жертвы?..
Какъ грозная Кали у индовъ, она
Звалась также Грозной, и также считалась,
Какъ та, справедливой; но наша страна,
Забывъ древній образъ, едва сохранила
Одно ея имя.
Другая за ней
Микулина дочь,—та была богатыршей,
Какихъ было много въ началѣ тѣхъ дней.
Подобно индѣйской, воинственной Дургѣ,
Она проводила все время въ войнѣ
Съ ужасною ратью тогдашнихъ титановъ;
Когда-жъ водворился порядокъ въ странѣ,
Она превратилась въ блистательный образъ
Нѣжнѣйшей супруги.
Старѣйшей сестрой,
Посредницей сей межь землею и небомъ,
Могъ быть учрежденъ еще тою порой
Сонмъ дѣвъ щитоносныхъ, что съ нею душили
Знатнѣйшія жертвы, сливая потомъ
Священную кровь ихъ въ котлы золотые,
Для вѣщихъ гаданій передъ божествомъ.
Она же учила, быть можетъ, гадальщицъ

Digitized by Google

И дѣвъ прорицанья, что съ древнихъ вѣковъ
Тогда торговали ихъ вѣщей наукой,
И знали примѣты, значеніе сновъ,
Снимали болѣзни. Повсюду встрѣчали
Ихъ съ честью, какъ дивныхъ посланницъ боговъ,
Какъ вѣстницъ судьбы и властительницъ счастья,
Онѣ принимали рожденныхъ дѣтей;
Онѣ-жъ назначали имъ будущій жребій
Давали наузы *), и силой своей
Могли исцѣлять и урочить заочно.
Тогда, вѣроятно, для нихъ не чужимъ
И край былъ степной, и прибрежія Инда,
И весь міръ окрестный. Вернувшись къ своимъ,
Онѣ приносить могли также разсказы
Про чудныхъ брахмановъ и новыхъ боговъ,
Степныхъ батырей и коней ихъ чудесныхъ;
Все это слагалось въ теченьи вѣковъ
Въ чудесныя были; народъ ихъ усвоилъ,
Но послѣ немногое въ нихъ сохранилъ;
Затѣмъ и составились наши былины,
Изъ темныхъ отрывковъ.
Такъ край позабылъ
Совсѣмъ и о дочери младшей Микулы,
А мракъ отдаленья потомъ схоронилъ
И самое имя ея и значенье;
Но если одна дочь считалась посломъ,
Другая гуляла Поленицей вольной,
То могъ-ли Микула оставить свой домъ
И быть свой осѣдлый безъ вѣщей хозяйки?
А ставши хозяйкой, потомъ госпожей,
Въ дому, гдѣ былъ ввѣренъ очагъ ей священный,
Какъ главное око, какъ образъ родной
Въ домашнихъ его и народныхъ занятьяхъ,
Она называться сначала должна
Чудесною Пріей, потомъ вѣщей Ваной [24]).
Подобно красавицѣ Гангѣ, она,

*) Наузы,—амулеты.

Digitized by Google

Конечно, считалась въ то время богиней.
Земля подарила ей вѣщій станокъ
И прялку; всѣ чтили священное пламя
Ея очага и домашній порогъ.
Издревле она ужь ткачиха и пряха;
Но крутъ ея сельскихъ занятій растетъ;
Она охраняетъ народный обычай;
Она прорицаетъ, она ужь точетъ
Грядущія міру - народу судьбины...
Сперва ея дѣтски-восторженный умъ
Еще весь исполненъ живыхъ впечатлѣній
Весны первобытной, гдѣ тысячи думъ
Раждалися сами собою, при видѣ
Волшебныхъ картинъ и небесъ, и земли.
Живой каждый образъ въ природѣ казался
Ей духомъ разумнымъ, — по небу-ли шли
Гигантскія тучи, шумѣлъ ли надъ нею
Деревьями вѣтеръ, струился-ль вдали
Вечерній туманъ, иль сіяло на небѣ
Блестящее солнце, — все это душа
Ея превращала въ боговъ, исполиновъ,
Иль грозныхъ чудовищъ. Она, чуть дыша,
Слѣдила, то съ страхомъ, то съ теплымъ сочувствьемъ,
За каждымъ чудеснымъ движеніемъ ихъ
Въ пространствахъ воздушныхъ. Земля ей казалась
Огромнымъ цвѣткомъ, что изъ безднъ всплылъ морскихъ,
Потомъ распустился подъ огненнымъ небомъ.
Въ его влажной чашѣ лежатъ сѣмяна
Земныхъ всѣхъ растеній. Планеты и звѣзды,
Чье въ небѣ движенье постигла она,
Въ глазахъ ея были безсмертные боги.
Они обитаютъ въ чертогахъ златыхъ
И ѣздятъ въ воздушныхъ, пустынныхъ пространствахъ,
Въ златыхъ колесницахъ. Колесами ихъ
Они избраздили все горнее небо,
И тамъ проложили златые пути...
Она ждала утромъ, въ то самое время,
Какъ слѣдуетъ солнцу на небо взойти, —

Digitized by Google

Взойдетъ ли оно, какъ вчера и сегодня?
Придетъ-ли онъ, богъ лучезарный, опять,
Иль рать исполиновъ его не пропуститъ?..
О горе, когда возвратится онъ вспять, —
Тогда цѣлый міръ погрузится во мракѣ.
Такъ каждую ночь и день каждый она
Слѣдила за ходомъ небесныхъ явленій;
И каждый годъ, милая людямъ, весна,
Союзъ сей земли и блестящаго неба,
Отца всѣхъ живущихъ и матери всѣхъ,
Была самый высшій и лучшій ей праздникъ.
То были дни страстныхъ любовныхъ утѣхъ,
Дни полные нѣги и силъ исполинскихъ;
Тогда вся природа и весь юный міръ
Какъ будто купались въ огнѣ сладострастья,
И пьяные боги несли на тотъ пиръ
Въ обѣихъ рукахъ, и гостямъ разсыпали
Дары ихъ благіе. Среди всей земли
И въ огненномъ небѣ, особенно въ небѣ,
И вкругъ самой Пріи, вблизи и вдали,
Шла оргія, страстный вакхическій праздникъ,
Неистовый праздникъ веселья, любви.
Въ ея глазахъ боги, томимые страстью,
Покинувъ златые чертоги свои,
Неслись за бѣжавшей воздушной толпою
Роскошныхъ нимфъ, тутъ же сжигая въ огнѣ
Горячихъ объятій. Она любовалась,
Какъ съ грознымъ Перуномъ играли онѣ,
Бросая другъ въ друга по небу шарами
Златыхъ померанцевъ, и какъ богъ Перунъ
Проигрывалъ часто всѣ игры Огнянѣ;
Или когда несся по небу табунъ
Коней и оленей воздушныхъ, и съ свистомъ,
И съ грохотомъ мчался со свитой за нимъ
Богъ дикой охоты, грозой оглашая
Окрестность; или по ступенямъ златымъ
Сходила, въ одеждѣ своей семицвѣтной,
По небу Ирида, и дивной красой

Digitized by Google

Какъ-бы озаряла златыя жилища
Боговъ вѣковѣчныхъ и міръ весь земной.
То мнилась ей радуга лукомъ Перуна,
То дивной богиней, несущей землѣ
Съ высокаго неба, вѣсть сладкую мира
И знамя союза.
Въ таинственной мглѣ
Тропическихъ рощей, въ пространствахъ воздушныхъ,
Въ гремящихъ потокахъ струившихся водъ,
Гремѣли ей хоры невѣдомыхъ звуковъ
Незримыхъ боговъ; а сіяющій сводъ
Вечерняго неба казался ей ризой
Верьховнаго бога.
Но больше всего
Плѣнялъ ее юный, блестящій красавецъ,
Златой Даждь-богъ-Солнце, и сверстникъ его,
А можетъ, онъ самъ же, въ другомъ только видѣ,
Богъ Индра-Перунъ. При восходѣ своемъ
Горящее Солнце, сей богъ дневной свѣта,
Сперва представлялся ей рьянымъ конемъ.
Когда вылеталъ онъ изъ волнъ океана,
Разсыпавъ дождь искръ изъ горячихъ ноздрей, —
Все въ мигъ оживало; а онъ себѣ мчится,
Весь міръ обдавая сіяньемъ лучей
И жгучимъ дыханьемъ. Когда-жъ онъ скрывался
Въ таинственномъ мракѣ,—являлся другой,
Богъ лысый и блѣдный, божественный пастырь
Небеснаго стада; но чуть пологъ свой
Раздернетъ по-утру румяная Лада,
Царь дня блеститъ снова. Потомъ ея взоръ
Примѣтилъ надъ этимъ конемъ лучезарнымъ
Красивый ликъ всадника, и — съ этихъ поръ
Богъ дня, принявъ образъ живой человѣка,
Сталъ по небу ѣздить на борзыхъ коняхъ
Въ златой колесницѣ. Она уже знала
И то, что когда изчезалъ онъ въ волнахъ
Пустыннаго моря, его тамъ встрѣчала
Красавица-Зорька, и съ нею-то онъ

Digitized by Google

Всю ночь короталъ вплоть до яснаго утра,
Въ дворцахъ ея свѣтлыхъ.
Божественный сонъ
Младенчески-юной души человѣка,
Пора упоеній, златая весна,
Блестящее утро природы и жизни!..
Порой мнилось Ванѣ, что слышитъ она
Съ небесъ неземные, волшебные звуки;
Кто-жъ былъ этотъ горній, незримый пѣвецъ?
Не онъ ли, богъ дня, и богъ пѣсенъ? Порою
Стада бѣлорунныхъ, воздушныхъ овецъ
И рыжихъ коровъ проносились, играя
Въ лучахъ колесницы его золотой,
Облитыя свѣтомъ; тогда ей казалось,
Что этотъ богъ также и пастырь дневной
Небеснаго стада. Порой появлялись
Съ окраинъ небесныхъ, одна за другой,
Въ грохочущихъ тучахъ, толпы исполиновъ;
Воздушное стадо, завидѣвши ихъ,
Тотчасъ разбѣгалось; Даждь-богъ лучезарный
Пускалъ въ исполиновъ дождь стрѣлъ золотыхъ,
А самъ закрывался щитомъ кругловиднымъ;
Его щитъ, мгновенно померкнувъ, темнѣлъ
Подъ ихъ ядовитымъ дыханьемъ; мракъ ночи
Завѣшивалъ небо; лишь страшно гудѣлъ
Неистовый ревъ и побѣдные клики
Ужасныхъ волотовъ... Но вдругъ яркій блескъ
Какъ будто разрѣзывалъ съ края до края
Померкшее небо, и вслѣдъ, страшный трескъ
И громъ потрясали взволнованный воздухъ,
Колебля святое жилище боговъ
И міръ преисподній; то грозный Громовникъ
Гналъ палицей тяжкой бѣгущихъ враговъ
И прыскалъ въ догонку златыми стрѣлами.
Разбитые всюду, гонимые имъ,
Они изчезали, — воздушное море
Стихало, и снова красавцемъ младымъ

Digitized by Google

Даждь-богъ благодатный парилъ по златому,
Блестящему небу.
Кто въ сонмѣ боговъ,
Какой богъ великій ему былъ подобенъ?
Міръ полонъ его драгоцѣнныхъ даровъ;
Съ его появленіемъ все оживаетъ,
Онъ богъ дня и свѣта, онъ бичь духовъ тьмы,
Его дивной славой блестятъ сводъ небесный
И царство Водана, онъ ужасъ зимы,
Онъ даже сіяетъ въ загробныхъ чертогахъ
Безсмертнаго Рода. Кто-жь онъ, наконецъ,
Богъ этотъ красавецъ, богъ этотъ всесильный,
Богъ этотъ всесущій, блестящій вѣнецъ
Всего мірозданья? Онъ, стало быть, высшій
И есть богъ вселенной. Онъ богъ всѣхъ боговъ,
Онъ богъ прорицаній, суда и совѣта,
Онъ богъ святыхъ празднествъ и шумныхъ пировъ,
Онъ въ мудромъ совѣтѣ и въ гласѣ народномъ,
И голосъ народный есть голосъ его;
Онъ вѣрный вождь въ брани и пастырь въ дни мира,
Онъ свѣтъ благодатный, источникъ всего,
Онъ праотецъ, пращуръ Микулина рода [25]).
И вѣщая Прія пріятна богамъ
Была вѣковѣчнымъ. Съ живымъ любопытствомъ
Небесные боги, подобно отцамъ,
Слѣдящимъ за первымъ развитьемъ дѣтей ихъ,
Слѣдили за этимъ весеннимъ цвѣткомъ,
Не жившей душою, что лишь начинала
Едва распускаться въ томъ мірѣ младомъ.
Имъ нравился дѣтски-простой ея разумъ;
Они любовались ея красотой,
Земнымъ цвѣткомъ этимъ, смотрѣвшимся въ небо,
Красой этой дикой и страстно живой,
Какъ зеркало, міръ отразившей небесный.
Такъ радуга - Ида, дочь эта земли
И горнихъ небесъ, — когда послѣ потопа,
Лишь воды въ свои логовища сошли,
Она развернулась дугой семицвѣтной

Digitized by Google

Впервые среди изумленныхъ небесъ;
И весь сонмъ боговъ до того пораженъ былъ
Ея красотою, что Митра-Зевесъ
Тотчасъ же своею призналъ ее дщерью;
Но скромно отвергнувъ честь эту, она
Себя объявила торжественно дщерью
Земной человѣка [26]).
Иль такъ старина
Еще повѣствуетъ: когда Даждь-богъ свѣтлый
Однажды съ небесной узрѣлъ высоты
Дочь моря, младую красавицу Ладу,
Онъ весь запылалъ отъ ея красоты;
То ярко онъ вспыхнетъ, то онъ поблѣднѣетъ,
Отъ страстной истомы; а что же она,
«Золотая коса,
«Непокрыта краса?..»
Она разъѣзжаетъ по синему морю
Въ ладьѣ золотой, — разъѣзжаетъ она
И плещетъ, рѣзвяся, серебряной струйкой...
Послалъ къ ней Сварожичъ слугу - Вѣтерокъ;
Слуга принесъ Ладѣ отъ Солнца подарки:
Принесъ онъ ей марьинъ цвѣтной башмачекъ,
Принесъ онъ ей ларчикъ златыхъ украшеній,
Пригналъ онъ табунъ ей морскихъ кобылицъ;
Тогда согласилась она на свиданье...
Но юный Даждь-богъ любилъ многихъ царицъ,
Царевенъ; а самъ ни одной не былъ вѣренъ.
Одну онъ находитъ въ златомъ терему,
Другую въ палатахъ пустыхъ въ заточеньи;
«Двери у палатъ желѣзныя,
«А крюки-пробои по булату злачены;
. . . . . .
«Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
«На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.»
Но что значатъ эти преграды ему?
Онъ видитъ красавицъ, и ихъ береть въ жены.
День цѣлый онъ ѣздитъ по своду небесъ,
По царствамъ воздушнымъ, земнымъ и подземнымъ;

Digitized by Google

Предъ нимъ непрестанно снуетъ міръ чудесъ,
Невиданныхъ дивовъ, неслыханныхъ чудищъ,
Морскихъ исполиновъ, подземныхъ царей.
Ему царь небесный - отецъ поручаетъ
Стеречь сады, нивы воздушныхъ полей,
Отъ хищнаго Норки иль жадной Жаръ-птицы,
Горохъ караулить небесныхъ громовъ,
Пасти коней-тучи, или посылаетъ
За тридевять царствъ его, въ чащу лѣсовъ,
Гдѣ лютый драконъ стережетъ неусыпно
Колодцы небесные, чтобы достать
Оттуда живую и мертвую воду,
Коней златогривыхъ, или тамъ нарвать
Златыхъ померанцевъ, моложавыхъ яблокъ *).
Онъ дивною силой спасаетъ своей
Чудесныхъ красавицъ изъ вѣчнаго мрака
Подземнаго міра, сражаетъ царей
И змѣевъ—Горыничей; онъ разбиваетъ
Несмѣтныя рати, садится царемъ
Въ невѣдомомъ царствѣ, — иль рѣки проводитъ,
Сажаетъ деревья, чудеснымъ ключемъ
Замки отпираетъ отъ дивныхъ сокровищъ.
Царь Огненный лютый, безсмертный Кощей,
Адъ-Адовичъ темный, змѣй грозный Тугаринъ,
Морской царь, и даже, по злобѣ своей,
Родимые братья, желаютъ коварно
Лишить его жизни; не разъ онъ отъ нихъ
Убитъ и изрѣзанъ на мелкія части;
Но вотъ прилетаютъ на крыльяхъ златыхъ
Воздушныя нимфы, или набѣгаетъ
Волкъ-Вѣтеръ залетный, и прыщутъ его
Живою и мертвой весенней водою,
И онъ оживаетъ.
Нѣтъ края того,
Гдѣ-бъ чудныхъ не знали его похожденій.
Вездѣ онъ каратель неправды и зла,

*) Дающихъ юность.

Digitized by Google

Гроза дикой силы, защитникъ несчастныхъ
Или угнетенныхъ; за то нѣтъ числа
Спасенныхъ имъ плѣнницъ, красавицъ-царевенъ,
И силы побитой. Дѣвицъ онъ беретъ
Въ супруги себѣ, и потомъ забываетъ;
А славный его и божественный родъ
Ростетъ въ его дѣтяхъ по цѣлой вселенной.
  У насъ онъ, царевичъ,—всегда идеалъ
Земной красоты и божественной силы.
Родившись изъ сказочныхъ миѳовъ, онъ сталъ
Потомъ представителемъ жизни народной;
Народъ его знаетъ съ невѣдомыхъ дней:
Онъ самъ развивается вмѣстѣ съ народомъ,
Онъ вѣщій отецъ нашихъ богатырей,
Въ немъ долго исторія смѣшана съ сказкой;
Онъ свѣтлый богъ-Солнце, а Прія земля;
Онъ также Громовникъ, а послѣ Егорій,
Онъ земство, а Прія—мірская семья;
Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ дивный, божественный витязь,
Отецъ всѣхъ ея богатырскихъ сыновъ,
Чудесный поборникъ роднаго народа;
Край полонъ его драгоцѣнныхъ даровъ,
И чтитъ его даже въ преданьяхъ позднѣйшихъ.
  Царевны всѣхъ сказокъ народныхъ у насъ
И матери нашихъ богатырей русскихъ
Между собой схожи. Народный разсказъ
Ихъ всѣхъ награждаетъ большой красотою,
Онѣ всегда юны, и мужемъ у нихъ
Одинъ все и тотъ же, Иванъ нашъ царевичъ.
Онѣ обѣщаются въ думахъ своихъ
Родить ему чудныхъ сыновъ по замужествѣ;
  «Ему родила-бъ я сыновъ,
  «Что ни ясныхъ соколовъ,
  «По колѣни ноги въ золотѣ,
  «По локти руки въ серебрѣ,
  «Во лбу солнце, на затылкѣ мѣсяцъ,
  «По бокамъ часты звѣздочки.»
Но этихъ сыновъ подмѣняютъ; отецъ

Digitized by Google

За то изгоняетъ царицу изъ царства;
Она долго ищетъ ихъ, но наконецъ
Судьба примиряетъ всѣхъ, и всѣ довольны.
Такъ сталъ онъ, царь-Солнце, являться потомъ
И нашей дѣвицѣ-красавицѣ Пріѣ,
Въ томъ образѣ, ей ужь доступномъ, земномъ.
Являлся онъ Пріѣ царевичемъ юнымъ,
Являлся онъ ей и простымъ мужичкомъ,
Работникомъ, пасъ лошадей, стерегъ поле;
Являлся онъ ей и простымъ чурбакомъ;
Но этотъ Чурбакъ означалъ бога-Чура.
Онъ также и Пріѣ сажаетъ сады,
Сады молодящихъ, божественныхъ яблокъ,
Привозитъ живой ей и мертвой воды,
И разныхъ диковинъ, еще неизвѣстныхъ;
Его вѣщей силой училась она
Вѣщбѣ и гаданьямъ, лечить раны, дѣлать
Оружье безвреднымъ, что въ тѣ времена
Считалось глубокою самой наукой;
Она въ ясный вечеръ читала въ звѣздахъ,
И пѣла ужь пѣснь о богахъ вѣковѣчныхъ;
Что прежде видала она въ небесахъ,
Ей стало своимъ, и входило въ народность.
Межъ тѣмъ у Микулы, Богъ вѣсть чьей рукой.
Все спорится въ домѣ его благодатномъ,
Особенно въ полѣ. То лѣтней порой
До времени полонъ его садъ плодами;
То явится утромъ, какъ бы изъ земли,
Табунъ лошадей иль иное богатство;
То дастъ ему кто-то волшебный ларецъ,
Микула откроетъ,—въ немъ цѣлое стадо
Быковъ и коровъ, или царскій дворецъ,
Порой населенный совсѣмъ, цѣлый городъ.
Никто знать не зналъ и постигнуть не могъ,
Откуда такое валитъ къ нему счастье, —
Даждь-богъ лучезарный иль самъ богъ Сварогъ,
Ему посылаютъ такія богатства?
Лишь развѣ подъ-часъ Чурбакъ молвитъ съ печи,

Digitized by Google

Скребя самъ затылокъ: «ужь это не я-ли?»
Какъ всѣ закричатъ: «ну ты, дурень, молчи!»
И въ запускъ надъ дурнемъ изба вся хохочетъ.
Одна только Прія видала, какъ онъ,
Ея молодой и прекрасный царевичъ,
Когда погружались всѣ въ сладостный сонъ,
Отъ ней уносился, то соколомъ яснымъ,
То чуднымъ красавцемъ на борзомъ конѣ;
Потомъ изчезалъ, и опять возвращался, —
А слухи гремѣли по цѣлой странѣ
О новыхъ, чудесныхъ его приключеньяхъ.
Порою они забавлялись игрой, —
Играли въ горѣлки и тѣшились въ прятки,
Бросали шары, какъ Перунъ, имъ родной,
Или задавали другъ другу загадки:
«Когда родилъ быкъ корову? —
— «Тогда, какъ онъ создалъ, быкъ, землю.»
«У батюшки жеребецъ
«Всему міру не сдержать;
«У матушки коробья,
«Всему міру не поднять;
«У сестрицы ширинка
«Всему міру не скатать;»
Что значило: вѣтеръ, земля и дорога.
Какой богъ былъ щукой, морской черепахой,
Рожденъ во дворцѣ, а воспитанъ въ избѣ;
Не разъ воплощался для счастія смертныхъ,
А самъ постоянно все съ ними въ борьбѣ?
Но Прія разгадку на это не знала.
Тогда ей царевичъ младой говорилъ:
Великій богъ Вишну, онъ былъ черепахой,
А послѣ былъ щукой; не разъ онъ сходилъ
Съ небесъ, воплотясь въ человѣческій образъ,
Ко благу вселенной; одинъ только онъ
Въ борьбѣ непрестанной съ растущей неправдой,
И будетъ въ борьбѣ до послѣднихъ временъ,
Когда воцарятся вездѣ свѣтъ и правда [27]).
Но лучше загадокъ ей, лучше всего

Digitized by Google

Ей были его дорогіе подарки;
И чѣмъ она чаще видала его,
Тѣмъ больше росла въ ней врожденная жадность.

Въ сосѣдствѣ съ арійцами, міромъ боговъ,
На Сѣверъ тянулись обширныя степи,—
Пустынный Туранъ, край угрюмый духовъ
И дивовъ жестокихъ, страна Чернобога.
Въ томъ краѣ, то зноя, то хладной зимы,
Жилъ родъ исполинскій чудовищныхъ іотновъ
И турсовъ, вносившихъ изъ царства ихъ тьмы,
Въ полуденный Вырій, то ливень холодный,
То зной и засуху. Тамъ съ первыхъ временъ
Бродили, по злачнымъ пригорьямъ Алтая,
Тѣ полчища финно-алтайскихъ племенъ,
Что изстари были бичемъ и грозою
Народовъ осѣдлыхъ. Тамъ былъ міръ чудесъ
И мглы первобытной; туда передъ утромъ
Спускалися звѣзды съ свѣтавшихъ небесъ
И тамъ изчезали въ безбрежномъ туманѣ;
Птицы клевучія,
Звѣри рыскучіе
Змѣи ползучія,
Сонмъ хищныхъ грифоновъ и чудищъ стерегъ
Тамъ груды сокровищъ и розсыпи злата;
Тамъ баба-Яга, князь Стрѣла, Чернобогъ,
Безсмертный Кощей, змѣй ужасный Горыничъ,
Зеленый степной дивъ, царь огненный Щитъ
Съ такимъ же копьемъ, а подъ нимъ осьминогій
Конь, съ огненной гривой,—и жжетъ и палитъ,—
Носились въ горахъ и равнинахъ пустынныхъ.
Тамъ жилъ глава дивовъ ужасныхъ, и врагъ
Всѣхъ витязей свѣта, Эсхемъ семиглавый;
Отъ туда степной бичь, голодный Сохакъ,
Какъ звѣрь, ворвался разъ въ Иранскую землю,
И десять столѣтій блестящій Иранъ
Подъ властью его былъ глухою пустыней,—
Покуда могучій Рустемъ-великанъ,

Digitized by Google

Сей витязь народный, свой край не очистилъ
Отъ ордъ этихъ буйныхъ [28]).
Міръ этотъ степной,
Обширный, чудесный, воинственно-дикій
И дико-отважный, былъ долго грозой
Старинаго рода и края Микулы.
Почти непрестанно, изъ ближнихъ степей,
Онъ дѣлалъ набѣги на ихъ поселенья,
Накладывалъ дани, въ полонъ бралъ людей
И въ глубь уводилъ ихъ безвѣстной пустыни.
Воинственный духъ этихъ ратей степныхъ
И легкость добычи туда привлекали
Сыновъ и Микулы, — и родъ-племя ихъ
Потомъ превращали въ такихъ же чудовищъ.
Толпа уходила въ тотъ міръ за толпой
Изъ свѣтлаго Вырія; тамъ забывали
Они и боговъ, и обычай родной,
И дѣлались краю родному чужими.
Не разъ попадала въ жестокій полонъ
И вѣщая Прія, и царственный Вырій
Бывалъ подъ владычествомъ этихъ племенъ,
Ходившихъ до Инда. Не разъ, можетъ статься,
Она приживала отъ нихъ и дѣтей,
Пока выручалъ ее тотъ же царевичъ;
Все это въ обычаѣ было тѣхъ дней,
И лишь означало ея плодовитость.

Родитъ и царевичу Прія сыновъ,
Такихъ же красавцевъ, какъ онъ самъ, богъ свѣта.
И шлетъ она въ разныя страны пословъ
Искать роженицъ, этихъ древнихъ волшебницъ,
Что смертнымъ дарили—ихъ долю съ судьбой.
И точно, то были чудесныя дѣти!...
Но злой Рокъ готовилъ имъ жребій иной.
Лишь только, родивъ ихъ, она засыпала,
И мракъ разстилался вдоль спящихъ полей,
Изъ степи являлась Нечистая Сила,
Въ тьмѣ подмѣняла дѣтей на звѣрей,

Digitized by Google

А ихъ, молодцовъ, уносила съ собою.
Родила послѣдняго сына она,
Еще свѣтозарнѣй, прекраснѣе первыхъ,
И такъ была рада и счастья полна,
Какъ будто родился ей первый младенецъ.
То былъ нашъ Зигфридъ или русскій Персей,
Нашъ богатырь Карна,—какъ витязи эти,
Рожденный на славу и радость людей,
Отъ краснаго Солнца и матери смертной.
«По колѣни ноги у него въ золотѣ,
«По локоть руки въ серебрѣ,
«На лбу у него ясный мѣсяцъ,
«По косицамъ часты звѣздочки,
«На затылкѣ красно солнышко.»
Ну, словомъ, онъ весь былъ подобье отца,
Какимъ самъ царевичь родился на небѣ.
Но ужасъ и горе опять безъ конца!
На первуюжь ночь, только Прія уснула,
Нечистая сила взяла и его;
Проснулася Прія, глядитъ,—въ колыбели
Спитъ сѣрая выдра.
Винить въ томъ,—кого?
Никто не входилъ къ ней, никто при ней не былъ.
Но вотъ поутру передъ нею предсталъ
Самъ юный царевичъ и строго сказалъ ей:
«Я вижу, что рано тебя я узналъ:
Не мать, не жена ты, а злая колдунья,
Съ тобой живетъ всякій степной удалецъ;
Ты даже не въ силахъ сберечь дѣтей кровныхъ.
Отнынѣ всѣмъ нашимъ свиданьямъ конецъ,
Отнынѣ ты больше меня не увидишь,
Покуда изъ этихъ, рыскучихъ звѣрей,
Что ты величаешь моими сынами,
Не сдѣлаешь мирныхъ, осѣдлыхъ людей,
Пока не сберешь ихъ въ единое царство,
Гдѣ братъ не возстанетъ на брата, какъ тать,
И воронъ не будетъ имѣть себѣ пищи.
«Здѣсь нечего больше тебѣ проживать...

Digitized by Google

Воданъ растворилъ недоступный свой Западъ,—
Ищи тамъ сыновъ твоихъ. Міръ твой зоветъ
Меня богомъ Сваломъ; подъ именемъ этимъ
Въ послѣдствьи найдешь ты и славный твой родъ:
Онъ самъ назоветъ себя родомъ Славянскимъ.
А нынѣ рожденный, юнѣйшій твой сынъ,
Какъ я, свѣтло-русый, какъ я, свѣтозарный,—
Ищи по рѣчнымъ его русламъ равнинъ;
Онъ тамъ назовется богатыремъ—Росомъ....
Кому дастъ Воданъ богатырскій свой мечъ,
Тотъ будетъ—межъ ними сильнѣйшимъ изъ сильныхъ,—
«Надъ семидесятью землями богатырь;»
Но я еще долженъ тебя остерёчь,—
Лишь только заснешь ты, тогда ты погибла.
«Знай, мой престолъ всюду, гдѣ только живетъ
Добро и съ нимъ правда. Я тотчасъ являюсь
На помощь ко всѣмъ, кто меня призоветъ.
Въ богахъ Святовидъ я, божественный Индра,
Въ планетахъ я Солнце, въ оружьяхъ Стрѣла,
Въ стихіяхъ Огонь, а въ герояхъ Картика,
Въ водахъ—Океанъ я. Я первый врагъ зла,
Я свѣтъ, я душа, я хранитель, я сила
Вселенной,—я Вишну... Одинъ изъ боговъ,
Лишь я воплощаюсь ко благу живущихъ,
И снова приду предъ скончаньемъ вѣковъ,
Сразить царство мрака и въ міръ внести правду».
Умолкъ,—и предъ Пріей стоялъ исполинъ.
Шагнулъ онъ чрезъ землю, шагнулъ черезъ море,
Потомъ черезъ бездны воздушныхъ пучинъ,
И былъ ужь на небѣ.
Вошелъ онъ въ свой теремъ,—
«На небѣ-то солнце,—и въ теремѣ солнце,
«На небѣ-то мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
«На небѣ-то звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
«На небѣ-то зори,—и въ теремѣ зори,
«Все въ теремѣ по небесному».
Вошелъ онъ въ свой теремъ, и съ скорбью сказалъ:
«Когда ни сходилъ я въ моихъ воплощеньяхъ

Digitized by Google

«На темную землю, всегда замѣчалъ,
«Что зло на ней страшно растетъ и плодится....»
То правда, при склонностяхъ гнусныхъ своихъ,
Безсмертные сами ее развращаютъ;
«Лишь я, чуть завижу, среди странъ земныхъ,
«Растущее зло, поспѣшаю на помощь» [29]);
И нынѣ оставлю-ль сыновъ я родныхъ,
Оставлю-ль я ихъ безъ моихъ попеченій?
Нѣтъ, я теперь высшій изъ высшихъ боговъ,
Я богъ земледѣлія, я богъ побѣды,
Богъ правды и свѣта, богъ новыхъ вѣковъ.
Я далъ Пріѣ Чура, я далъ ея роду
Мой образъ и имя..... Никто изъ сыновъ
Моихъ свѣтозарныхъ не будетъ покинутъ
Отцомъ ихъ небеснымъ.... Я буду средь нихъ
Во образѣ самомъ древнѣйшемъ Микулы,—
Ивана-царевича,—и всѣхъ другихъ
Моихъ превращеній..,» И тутъ же велитъ
Слугѣ онъ Марутѣ, сыскавъ сыновъ Пріи,
Вести ихъ на Западъ, гдѣ онъ уже зритъ
Міръ новый, всплывающій тихо изъ моря.

Летитъ легкій Вѣтеръ съ высокихъ небесъ
И видитъ, — сидитъ на воздушныхъ деревьяхъ
Пѣвучій духъ бури, а облачный лѣсъ
Нигдѣ не шелохнетъ. Влетѣлъ въ него Вѣтеръ
И громко спросилъ: не видалъ ли кто тутъ,
Гдѣ въ степи гуляютъ сыны вѣщей Пріи,
Иль гдѣ, по какимъ они странамъ живутъ?
Но только онъ вымолвилъ это, проснулся
Дремавшій духъ Бури. —
«Свиснулъ онъ, Соловей, по-соловьему,
«Вскричалъ онъ, злодѣй, по-звѣриному,
«Взрявкалъ онъ по-туриному;
«Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
«Мутны рѣки въ берегахъ подымаются,
«Что есть людишекъ всѣ мертвы лежатъ» [30]).
Такъ Вѣтеръ залетный

Digitized by Google

Ни съ чѣмъ и отхлынулъ. Сталъ спрашивать онъ
Потомъ, лысый Мѣсяцъ и частыя Звѣзды,
И сѣрыхъ волковъ, и сорокъ, и воронъ;
Открылъ онъ близь Каспія край Заморавянъ,
Нашелъ онъ Моравовъ и племя Древянъ,
Что родъ свой древнѣйшій вели отъ деревьевъ;
Нашелъ и еще кой-кого изъ славянъ;
Но гдѣ богатырь — Росъ, про то не развѣдалъ.
Помчался онъ, Вѣтеръ, къ цвѣтущимъ брегамъ
Яксарта, который звался тогда Росомъ.
«Гей вы! не слыхали-ль по этимъ мѣстамъ
Про славнаго Роса?» онъ тамъ вопрошаетъ.
— Живетъ богатырь здѣсь, но кто онъ такой,
Про то мы не знаемъ, — ему отвѣчаютъ.
Летитъ Вѣтеръ дальше, и зритъ предъ собой
Широкое поле; все поле покрыто
Побитою ратью. «Гей, кто здѣсь живой?
Откликнись мнѣ! Вѣтеръ шумитъ. Какой витязь
Побилъ эти силы?..» И слышитъ въ отвѣтъ:
— Побилъ эту силушку богатырь русскій;
Но гдѣ онъ — не знаю, а здѣсь его нѣтъ. —
Летитъ Вѣтеръ дальше, въ край свѣтлый Орисcу.
«Скажите, не знаетъ ли кто здѣсь у васъ.
Про витязя Роса?» Онъ тамъ вопрошаетъ.
— Охъ, витязей много воюетъ у насъ,
А больше еще разошлось ихъ отсюда,
Въ различное время, по дальнимъ странамъ.
И тотъ, кого ищешь, быть можетъ, живалъ здѣсь;
Теперь его нѣтъ. — [31]).
И по всѣмъ-то мѣстамъ,
Вездѣ Вѣтеръ слышитъ такіе-жъ отвѣты.

Межь тѣмъ населенная мѣстность росла
Подъ сошкой Микулы, а делувіальный
Періодъ окончился; темная мгла
На Западѣ быстро свѣтлѣла.
Шли орды бродячихъ и дикихъ племенъ
Занять острова, что всплывали изъ моря.

Digitized by Google

Едва всплывшій Сѣверъ ужь былъ населенъ
Степными ордами, сошедшихъ съ горъ, Финновъ;
Но съ Запада Кельты отбросили ихъ
Назадъ, въ глубину отдаленной Полночи,
Или оставляя въ владѣньяхъ своихъ,
Что взяли у нихъ же, держали ихъ въ рабствѣ;
На Югѣ, на влажныхъ еще островахъ,
Селились Іованы, прапраотцы Грековъ,
Столь славныхъ впослѣдствьи.
Во многихъ мѣстахъ
Сходившаго моря, вдоль мелкихъ прибрежій,
Вздымались ужь рифы, наносы, слои
Изъ раковинъ, глины, песчаныя мѣли;
Они поднимали поверхность земли
Изъ безднъ океана, слагались въ заливы
И длинные мысы. Гдѣ жилъ царь Морской,
Теперь зеленѣли широкія степи,
Глубокія балки, шумѣлъ лѣсъ густой,
Мѣстами сверкали соленыя воды
Озеръ средиземныхъ, съ возвышенныхъ горъ
Бѣжали потоки и мутныя рѣки.
Возникшіе Альпы закончили споръ
Съ клокочущимъ моремъ, широко поднявши
Окрестность буграми; верьхи Пиренеевъ
Возстали изъ моря; изъ нихъ потекли
Широкія рѣки, а прежнія воды
Себѣ проложили, съ поднятьемъ земли,
Иное теченье. Земная поверхность
Лишилася прежней своей теплоты;
Яснѣй времена обозначались года;
Слои льдовъ покрыли собой высоты
Скалистыя горъ, и растаявъ, погнали
Въ глубь моря громады камней-валуновъ,
Что видны понынѣ на дальней Полночи.
Все это свершалось въ теченьи вѣковъ,
Пока не утихла борьба роковая
Стихій первобытныхъ.
Рядъ злачныхъ равнинъ

Digitized by Google

Теперь зеленѣлъ вдоль Восточной Европы:
Сюда, съ каменистыхъ Уральскихъ вершинъ
Спустилося Финно-Алтайское племя...
А въ тотъ первобытный земной періодъ
И здѣсь еще ярко цвѣла и блестѣла
Растительность Юга, и ясенъ былъ сводъ
Прозрачнаго неба. Близь крѣпкаго дуба
И кедра виднѣлся густой кипарисъ;
Тѣнистая пихта едва укрывала
Отъ знойнаго солнца; и южный нарцисъ,
И пышная роза еще украшали
Весь край, незнакомый тогда ни съ зимой,
Ни съ стужей суровой. Изъ ели и сосны
Бѣжалъ сокъ душистый прозрачной струей;
Онъ капалъ, какъ слезы, въ прибрежное море;
И тамъ превращался въ янтарь золотой,
Предметъ самый первый Полночной торговли.
Алтайскія орды, занявъ подъ собой
Сперва пустой Сѣверъ, тянулись на Полдень,
Куда ихъ манилъ міръ, невѣдомый имъ,
Сулившій имъ много обширныхъ тамъ пастбищъ.
Но въ встрѣчу ордамъ ихъ, еще кочевымъ,
Предсталъ, между Дономъ и Каспіемъ древнимъ,
Съ того же Востока, рядъ новыхъ племенъ,
Такихъ же бродячихъ, но болѣе сильныхъ,
Племенъ вѣщей Пріи, и съ разныхъ сторонъ
Замкнулъ имъ дорогу [32]).
Лишь только Варуна
Разсѣялъ на Западѣ сумракъ былой,
И землю очистилъ отъ водъ первобытныхъ,
Какъ боги рѣшили, въ край этотъ глухой
Отправить Микулу, чтобъ онъ вывелъ чудищъ,
Устроилъ, воздѣлалъ тотъ край, заселилъ,
И сдѣлалъ достойнымъ его къ воспріятью
Ихъ власти небесной.
Изъ первыхъ вступилъ,
Иль лучше примчался туда степной бурей,
Тѣснимый Ираномъ, Стрѣла-князь, съ ордой

Digitized by Google

Каспійскихъ Древянъ и племенъ Заморавскихъ,
Алановъ и Кимвровъ. Простившись съ сестрой,
Туда-жъ понеслась молодою орлицей
И средняя дочерь Микулы, гдѣ ей
Просторнѣе было расправить на волѣ
Подросшія крылья, и много звѣрей
И чудищъ бродячихъ могли быть добычей...
Гуляла она
Въ то время одна
Иль развѣ съ такой же Поленицей вольной.
И было же ей
Тогда батырей
Не мало побито, степныхъ и нагорныхъ;
И ужь не одинъ,
Лихой исполинъ
Въ карманѣ сидѣлъ у нея богатырскомъ;
Ее-жъ самое
Не брало копье,
Ни стрѣлы пернаты, ни ножикъ булатный;
Удары копьемъ
И острымъ мечемъ
Ей были кусаньемъ докучливой мухи.
Самъ грозный Кощей
Царь дальнихъ степей,
Извѣдалъ ея богатырскую силу;
Гдѣ ѣдетъ она, —
Далеко видна;
Проѣхала, — слѣдъ отъ копытъ по колѣни.
Но искони дней,
Всего ей милѣй,
Всего драгоцѣннѣе стыдъ былъ дѣвичій;
Ужь если она
Отдаться должна,
То съ бою отдаться дѣвицею чистой.
Такъ съ первыхъ же дней
Все чудно у ней, —
И нравъ ея честный, и страшная сила;
Знай, чьей-де семьи,

Digitized by Google

Изъ коей земли.
Она воспріяла свой духъ богатырскій.

Приходитъ къ Микулѣ
И вѣщая Прія, проситься туда.
Но онъ ужь и самъ въ тѣ мѣста собирался,
Отправивъ впредъ, какъ водилось тогда,
Своихъ соглядатевъ, высмотрѣть мѣстность.
Почто не идти? Тамъ царилъ богъ Воданъ,
Благой покровитель трудовъ земледѣлья;
Туда каждый вечеръ, въ глубь западныхъ странъ,
Съ небесъ уходило родимое Солнце,
Что бы отдохнуть отъ дневнаго пути,
Въ объятіяхъ свѣтлой красавицы Лады;
Туда издавна ужь старались найти
Себѣ путь-дорогу старѣйшины разныхъ
Племенъ ихъ арійскихъ; тамъ, въ царствѣ былома
Пустыннаго моря, уже зараждалась
Мѣстами торговля златымъ янтаремъ;
Край дѣвственный этотъ слылъ Выріемъ новымъ.
Востокъ, царство Солнца, былъ весь заселенъ;
Весь Сѣверъ кипѣлъ до Восточнаго моря
Ордами Алтайскими; съ давнихъ временъ
Арійцы ужь заняли край Индостана;
Иранъ процвѣталъ, подъ державой царей,
Тѣснившихъ и часто совсѣмъ раззорявшихъ
Владѣнья сосѣднихъ арійскихъ вождей.
Микулѣ одинъ оставался далекій,
Таинственный Западъ,—глухой край степей
И темныхъ лѣсовъ; но по мутнымъ разсказамъ
Кипѣвшій богатствомъ, обиліемъ водъ
И всякихъ плодовъ и растительныхъ злаковъ.
Пришли соглядатаи. Собралъ свой родъ
Микула нашъ; каждый—родной взялъ землицы,
Микула накинулъ на плечи суму,
Суму свою чудную съ тягой земною,—
И двинулся въ путь [33]).

Digitized by Google

Но не мало ему
Въ краю этомъ новомъ еще предстояло
Трудовъ и бореній.

«Стоятъ тамъ лѣса дремучіе,
«Лѣса со лѣсами свиваются,
«Вѣтви по землѣ растилаются,
«Ни пройтить (Микулѣ), ни проѣхати.»
«Протекаютъ тамъ рѣки быстрыя
«Рѣки быстрыя, текучія;
«Воздымаются горы толкучія;
»Гора съ горой столкнулася;
«Пасется тамъ стадо звѣриное,
«Сѣрые волки рыскучіе;
«А пасутъ стадо три пастыря,
«Три пастыря да три дѣвицы,
(«Не Микулины-ль родныя сестрицы?)
«На нихъ тѣло яко еловая кора,
«Власъ на нихъ, какъ ковыль-трава,»....
«Сидятъ тамъ птицы клевучіи,
«Птицы клевучія, нагайщины;
«Живутъ тамъ змѣи огненные:
«Изъ ротовъ пышетъ огонь-полымя.
«Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ»
«Ни пройтить (Микулѣ), ни проѣхати»...
Разъѣзжаютъ тамъ богатыри грозные,
Залегаютъ пути дивы чудные,
Собираютъ дань змѣи лютые,
Они собираютъ дань живыми людьми....
«О матушка, сырая земля, разступися,
«На всѣ четыре стороны раздвинься,
«На четыре страны, на четыре четверти;
«Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!» [34]).

Digitized by Google

Пѣснь 3-я.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Благословенъ ты на селѣ„
(Втор. 28. 3).

Весь міръ первобытный былъ царствомъ боговъ.
По мѣрѣ далекихъ своихъ разселеній,
Бродячія орды тѣхъ первыхъ вѣковъ
Съ собой разносили боговъ своихъ древнихъ
И древній обычай по новымъ странамъ;
Съ народнымъ развитьемъ, старинные боги
Потомъ измѣнялись, и ихъ именамъ
Давалось нерѣдко другое значенье;
Но власть ихъ была неизмѣнно-страшна.
Изъ дивовъ стихійныхъ они становились
Вождями племенъ; имъ вручалась страна,
Отъ нихъ исходили добро и зло въ мірѣ;
Они назначали себѣ города
И цѣлыя земли, какъ будто въ удѣлы...
У каждаго рода своя есть звѣзда
И богъ свой родимый, кого почиталъ онъ
Какъ высшаго бога.
Востокъ сохранялъ
Всѣхъ дольше ихъ образъ, таинственно-грозный.
Какъ онъ отначала весь міръ заражалъ
Своимъ любодѣйствомъ и жаждою крови;

Digitized by Google

Такъ точно любили и боги его
Кровавыя жертвы и жили открыто
Въ гнуснѣйшемъ развратѣ, не давъ ничего
Тогдашнему міру изъ благъ ихъ небесныхъ.
Одна лишь Эллада смогла превратить
Стеклянную гору боговъ первобытныхъ
Въ Олимпъ лучезарный, и край озарить
Его благотворнымъ, весеннимъ сіяньемъ.
Древнѣйшій Сварогъ здѣсь отцомъ сталъ земли,
И больше царемъ, чѣмъ таинственнымъ богомъ;
Онъ сбросилъ былые размѣры свои,
И въ образъ облекся земной человѣка;
Здѣсь боги такіе же люди, какъ онъ,
Съ чудесною только, божественной силой.
Римъ этотъ всемірный царь древнихъ временъ,
Далъ всѣмъ божествамъ чужимъ право гражданства,
И тѣмъ еще больше ихъ сблизилъ съ землей.
Но Сѣверъ далекій, угрюмый, пустынный,
Почти что безлюдный, сулилъ той порой
Немного удобства къ благому развитью.
Какими съ Микулою боги пришли,
Въ томъ самомъ же видѣ они и остались;
А многіе вовсе изчезли съ земли,
Едва намъ покинувъ туманный свой образъ
И темное имя.

Микула входилъ
Въ старинное царство Варуны-Водана,
Того божества, чей духъ мрачный царилъ
Среди облаковъ и холодныхъ тумановъ
Воздушнаго моря. Но древній Воданъ
И самъ начиналъ той порой раздвояться:
На Западѣ былъ онъ, какъ встарь Океанъ,
Богъ тучегонитель, духъ яростный бури,
Царь браней, властитель сѣдыхъ облаковъ,
Спхъ грозныхъ волотовъ или исполиновъ;
Но Вырій, древнѣйшій разсадникъ боговъ,
Въ Варунѣ ужь видѣлъ преемника Дія;

Digitized by Google

Тамъ онъ становился владыкой небесъ,
Владыкой, не только грозы, но и свѣта,
Божественнымъ Вишну. Въ немъ былъ и Зевесъ,
И свѣтлый Ормуздъ, и блистательный Индра,
И красное Солнце, и нашъ Святовитъ.
Какъ главный Сварожичъ, онъ тамъ сталъ главою
Боговъ всѣхъ арійскихъ; его новый видъ
Вмѣщалъ и творца, и защитника смертныхъ.
На Западѣ онъ, богъ заоблачныхъ странъ,
Воздушнаго моря и всѣхъ водъ небесныхъ,
Спустился оттуда въ земной океанъ,
И сдѣлался просто верьховнымъ владыкой
Подводнаго царства, принявъ отъ славянъ
Названье Морскаго царя, Водянаго
И стараго Дѣда; а вмѣсто него
Властителемъ неба и тучь громоносныхъ,
Отцомъ всѣхъ народовъ и міра всего,
Царемъ лютыхъ браней и вѣщаго знанья,
Теперь воцарялся другой властелинъ,
Ему соимянный, но богъ совсѣмъ новый,
Глава свѣтлыхъ асовъ, Полночный Одинъ.
Пришелъ-ли онъ также, подобно Микулѣ,
Изъ странъ отдаленныхъ Востока, иль онъ
Родился на Западѣ послѣ Водана;
Но онъ очень скоро тамъ, съ древнихъ временъ,
Его занялъ мѣсто. Мы только замѣтимъ,
Что этотъ Одинъ и Микулинъ братъ, Щитъ,—
Сперва не однали они оба личность?...
Исторія весь міръ арійскій роднитъ;
Бродячіе асы заимствуютъ древле
Не мало обычаевъ, даже боговъ
И самый щитъ круглый, отъ вановъ *) осѣдлыхъ, —
И скифскій князь-Щитъ могъ, въ теченьи вѣковъ,
У нихъ превратиться въ отца ихъ, Одина [1])
Микула и асы вначалѣ временъ
Въ одномъ жили краѣ. Когда жь они вышли?

*) Вановъ наука признаетъ Славянами.

Digitized by Google

Какихъ былъ Микула главою племенъ?
Какими путями пришелъ онъ съ Востока?...
Извѣстно одно лишь, что въ древности онъ
Подъ небомъ блестящимъ жилъ свѣтлаго Юга.
Онъ помнитъ понынѣ міръ этотъ чудесъ,
Тотъ міръ титаническій, гдѣ еще долго
Земной міръ сливается съ міромъ небесъ;
И этихъ титановъ, и свѣтлыхъ боговъ,
Чьи битвы ужасныя длились столѣтья;
И блескъ и сіянье ихъ чудныхъ дворцовъ,
Наполненныхъ дивною славой небесной.
Онъ помнитъ звѣрей первобытныхъ лѣсовъ,
И цѣлые долы, покрытые силой
Побитою чьей-то безвѣстной рукой...
Отчасти онъ помнитъ и самый походъ свой
За тридевять царствъ, въ міръ какой-то иной...
Куда-же?—На Западъ, тогда еще темный.

И здѣсь силлурійскій періодъ земли
За нимъ и девонскій,—полиповъ, коралловъ
И лилій морскихъ, невозвратно прошли.
Прошелъ и вѣкъ каменно-угольный,—вѣкъ тотъ
Смолистыхъ и хвойныхъ гигантскихъ деревъ,
Огромнѣйшихъ ящеръ и рыбъ исполинскихъ;
Когда, вверху рыхлыхъ наносныхъ пластовъ,
Явились песчаникъ и бѣлая известь,
А влажная почва, морскіе брега
Кишѣть начинали семьей земноводныхъ
И птицъ исполинскихъ, и уже нога
Мѣстами ступала гигантскихъ животныхъ,
Еще безобразныхъ и сложныхъ звѣрей,
Огромныхъ тапировъ или мастодонтовъ,
Ужасныхъ драконовъ, летающихъ змѣй;
Кругомъ ужь вздымались слои мѣловые,
Еще измѣняя поверхность земли...
Свершился періодъ и делувіальный [2]).
Когда поселенцы съ Микулой пришли,
Мѣстами могъ каменный вѣкъ быть пещерный,

Digitized by Google

Мѣстами жь, позднѣйшіе люди могли
Въ тѣ дни знать и бронзу [3]).
Замѣтно, онъ вышелъ
Съ роднаго Востока, когда богъ Воданъ
Облекся ужь въ образъ благой Святовита
Иль свѣтлаго Вишну; а здѣсь океанъ
Всемірный сошелъ съ возрожденной Европы.
Онъ могъ лишь идти по окраинамъ горъ,
Среди благодатной такой же природы,
Что онъ тамъ покинулъ. Потомъ его взоръ
Упалъ въ глубь широкой, зеленой равнины;
Вода лишь сбѣжала со влажной земли;
Все благоухало, рои насѣкомыхъ
Жужжали по воздуху; а тамъ, вдали
Уже означались холмы и дубравы,
На солнцѣ сверкали рѣчныя струи....
Тогда сталъ спускаться онъ съ высей нагорныхъ.
Но дни первобытной борьбы не прошли,
И шаръ земной полонъ еще былъ смятенья.
Одинъ міръ волшебныхъ, зиждительныхъ силъ,
Міръ огненныхъ радугъ, гигантскихъ растеній,
Ужасныхъ чудовищъ, едва лишь вносилъ
Съ собою жизнь новую въ это броженье;
Другой міръ такихъ же могучихъ началъ,
Еще лучезарнѣй, могучѣй, росконнѣй,
Его незамѣтно уже вытѣснялъ
И самъ воздвигался на этихъ обломкахъ:
Одинъ богъ устраивалъ свѣтлый чертогъ
Себѣ изъ цвѣтовъ и блестящей лазури;
Другой,—закопченный иль мокрый до ногъ,
Съ тяжелымъ трезубцемъ иль молотомъ длиннымъ,
Еще копошился средь илистыхъ водъ
И темныхъ расщелинъ горящихъ волкановъ.

Микула нашъ видѣлъ съ далекихъ высотъ
Тѣхъ горъ, что издревле звалися Кавказомъ,
Край новый; онъ видѣлъ и древнихъ боговъ,
Еще довершавшихъ его устроенье,

Digitized by Google

И ихъ первобытныхъ, стихійныхъ сыновъ,
Земныхъ и воздушныхъ волотовъ-титановъ,
Главой досягавшихъ еще облаковъ.
Предъ нимъ копошилися цѣлые сонмы
Невѣдомыхъ чудищъ, то жгущихъ огнемъ,
То плесомъ прудившихъ теченье рѣчное;
Пойдетъ онъ направо,—склюютъ тамъ живьемъ,
Налѣво, растащатъ на мелкія части.
Надъ самымъ Микулой, среди грозныхъ скалъ
Подоблачныхъ, въ высяхъ сѣдаго Кавказа,
Закутанный въ тучи, угрюмо лежалъ,—
Выше лѣса стоячаго,
Что пониже облака ходячаго.
Уродъ-уродище,
Святогоръ богатырь.
Почти подъ пятой великана ревутъ
Живые потоки, рѣки Самородины;
Надъ буйной его головою снуютъ
Орлы поднебесные, мятели снѣжныя
По ребрамъ, какъ черныя мухи, ползутъ
И лѣпятся силы-орды переходныя;
А онъ, богатырь исполинскій, лежитъ,
Въ туманныя ризы и въ тучи закутанный.
Гнететъ молодчину его, тяготитъ
Своя сила грузная, мощь богатырская;
Нѣтъ равнаго силой на свѣтѣ ему,
Чуть держитъ уродища — матерь сыра-земля.
Лишь онъ шелохнулся,—по краю всему
Идетъ стукъ и грохотъ, реветъ буря темная;
А только привсталъ онъ,—глава въ облакахъ,
Затмилося солнце, не видно дня яснаго,
Шумятъ лѣса, рѣки кипятъ въ берегахъ,
Сыра-земля стонетъ,—какъ море, колышется.
Направо Микулы, пустыней глухой
Тянулось вдали неподвижное море
Степей безпредѣльныхъ, міръ этотъ родной
Степныхъ Колывановъ *) и дивовъ бродячихъ,

*) Колыванъ-богатырь,—кочевникъ.

Digitized by Google

Гдѣ съ дикой, голодной ордою своей
Носился, какъ прежде, второй братъ Микулы,
Стрѣла-князь, что позже отъ русскихъ людей
Такъ мѣтко былъ прозванъ Кощеемъ-безсмертнымъ.
Какъ шмель, онъ носился по дальнимъ странамъ
И только возникнувшимъ царствамъ Востока,
Являясь нежданно, какъ вѣтеръ, то тамъ,
То здѣсь, съ своей ратію, силой змѣиной.
Съ вершины Кавказа, съ Полночи глухой,
Къ нему прибывали все новыя орды
И новые дивы,—тотъ людъ подвижной,
Тѣ мощные мужи стрѣлы и колчана,
Чей грозный міръ долго еще клокоталъ
Кипящимъ котломъ средь былаго Востока,
И огненнымъ ливнемъ его обдавалъ
До Нильскихъ береговъ и пустынь Ефіопскихъ.
На Западъ отъ горъ, по Эвксинскимъ брегамъ,
Давно разсѣлялись отважные Кимвры,
Что нынѣ относятъ у насъ къ племенамъ,
Роднымъ намъ, славянскимъ. Лѣвѣй жилъ братъ Инда,
Божественный Бугъ, кого чествовалъ край
Потомъ отъ Карпатовъ до моря Морозовъ;
За нимъ жилъ сынъ Дуны, могучій Дунай,
А ближе—ихъ родичъ, Днѣпръ славный Словутичъ,
И также его братъ, воинственный Донъ;
Въ глуши горъ Карпатскихъ жилъ Днѣстръ еще вольный,
Въ тѣ дни ужь извѣстный у южныхъ племенъ,
Торговлей своей янтаремъ многоцѣннымъ [4]).
На Полночь вздымалося море лѣсовъ,
Лѣсовъ порвобытныхъ, подъ чей, полный тайны
И вѣчнаго мрака, угрюмый покровъ,
Еще не ступала нога человѣка,—
Дремучее царство стихійныхъ духовъ,
Міръ дивовъ и чудищъ лѣсныхъ и воздушныхъ;
Гдѣ царствовалъ темный богъ Ночи сѣдой
И древняя Влажность, куда одинъ развѣ
Могучій сынъ Солнца, ихъ врагъ роковой,
Лѣсной царь-Огонь, сынъ Перуна, Сварожичъ,

Digitized by Google

Сухманъ богатырь,—лишь онъ развѣ одинъ
Себѣ пролагать могъ свободно дорогу.
Микула замѣтилъ съ нагорныхъ вершинъ,
Какъ онъ, богатырь, тамъ бродилъ и работалъ,
Особенно темной ночною порой,—
То грозно дымяся подобно волкану,
То неба касаясь кудрявой главой,
То въ образѣ сопокъ, столповъ огневидныхъ,
Блуждая по темнымъ лѣсамъ и горамъ,
То бурной рѣкою иль огненнымъ моремъ
Разлившись вдали, по ночнымъ небесамъ,
И заревомъ яркимъ покрывши весь Сѣверъ [5]).
Все это Микула видалъ столько разъ
И эти картины стояли такъ долго
Въ глазахъ у него, что народный разсказъ
Досель поражаетъ своей полнотою
И яркостью красокъ *).

Разъ поднялъ Кощей
Рысиный свой взоръ на Кавказскія горы;
Глядитъ онъ туда изъ широкихъ степей,
И видитъ вiющійся дымъ, и горами
Идущаго съ главной семьею своей,
Отца земледѣлья, роднаго Микулу.
Онъ долго смотрѣлъ на дымъ этотъ густой,
Вiющійся къ небу; потомъ обернувшись
Къ своимъ, говоритъ имъ: «вы видите тамъ?...
Вотъ онъ, настоящій хозяинъ вселенной:
Недолго послужитъ онъ данникомъ намъ,
Его сыны выгонятъ родъ нашъ отсюда;
Онъ знаетъ, гдѣ смерть обитаетъ моя....
«Волки рыскучіе,
Змѣи ползучія,
Птицы клевучія,
Горы толкучія,
Моя полевая, степная семья!

*) Смотр. народныя былины и сказки.

Digitized by Google

Идите на встрѣчу ему, обирайте
Дѣвицами, хлѣбомъ ихъ, всякимъ добромъ;
Воюйте съ нимъ, грабьте его, истребляйте!»...
Услышалъ и царь Воданъ, въ царствѣ морскомъ,
О шествьи Микулы къ нему, и созвавши
Своихъ, говоритъ имъ: «о дѣти мои!
Смотрите, подходитъ къ намъ вѣщій Микула,
Всемірный кормилецъ, владыка земли.
Рѣки быстрыя,
Озера свѣтлыя,
Заливы широкіе,
Проливы глубокіе,
Катите текучія волны быстрѣй,
Зовите Микулинъ родъ въ край нашъ поморскій;
Ведите долблены ладьи ихъ скорѣй
Въ широкія наши, раздольныя страны!
Микула несетъ вамъ вѣкъ новый съ собой,
А вашимъ потомкамъ большія богатства.
Храните и чтите родъ этотъ благой,
Братайтесь, роднитесь съ его племенами:
Микулиной силой и сошкой златой
Съ небесъ управляютъ безсмертные боги.»

Между тѣмъ Микула съ своею семьей
И племенемъ-родомъ спустился въ равнины
Природа сіяла въ блестящихъ лучахъ
Палящаго солнца весны первобытной;
Земля утопала въ зеленыхъ волнахъ
Высокой травы и цвѣтовъ благовонныхъ;
Тяжелыя ступни откормленныхъ стадъ
Едва пробивали копытомъ дорогу
По зелени сочной, сквозь дѣвственный садъ
Ползучихъ ліанъ или хвойныхъ деревьевъ.
Обозы ихъ плыли въ пучинѣ цвѣтовъ
И вьющихся злаковъ, среди изобилья
И разнообразія всякихъ плодовъ;
Отважные взоры мѣдяныхъ пришельцевъ
Съ нѣмымъ восхищеньемъ смотрѣли кругомъ,

Digitized by Google

Привѣтствуя весело край благодатный,
Подобный тому, что тамъ въ мірѣ иномъ
Остался за ними, на дальнемъ Востокѣ.
Но чѣмъ они глубже входили въ него,
Тѣмъ онъ становился безлюднѣй, пустыннѣй.
Они не встрѣчали еще никого;
Вездѣ слѣдъ недавній виднѣлся потопа;
Одинъ міръ волшебныхъ, зиждительныхъ силъ,
Блестящаго солнца, роскошной природы,
Сіялъ, зеленѣлъ и радушно свѣтилъ
Съ веселыхъ дубравъ имъ и яснаго неба;
Другой міръ наносныхъ холмистыхъ пластовъ,
Оставленныхъ моремъ,—стоячаго ила,
Пластовъ мѣловыхъ иль сожженныхъ лѣсовъ,
Еще выставлялъ имъ гигантскія ребра.
Одни божества, въ лучезарныхъ вѣнцахъ,
Смотрѣли на нихъ съ облаковъ свѣтозарныхъ,
Изъ тихихъ дубравъ, иль плескались въ рѣкахъ,
Впивая изъ радугъ прохладную влагу;
Другіе, въ дыму или въ тинѣ морской,
Еще копошились по дикимъ вертепамъ,
По темнымъ ущельямъ, подъ зыбкой землей,
Иль съ ревомъ сражались въ пространствахъ воздушныхъ.
Чѣмъ ниже спускались они съ высей горъ,
Тѣмъ воздухъ вкругъ нихъ становился тяжелѣ.
Съ зыбучихъ болотъ, съ безконечныхъ озеръ
Курились туманы; громовыя тучи
Почти не сходили съ нависшихъ небесъ;
Ужасныя бури, вѣтра, ураганы,
Ломали деревья, коверкали лѣсъ,
И вмигъ превращали жилой край въ пустыню.
Мѣстами, остатки огромныхъ костей,—
Не то исполинскихъ какихъ-то чудовищъ,
Не то прежде-жившихъ тутъ богатырей,
Громадныя толщи сожженныхъ растеній,
Торчали въ оврагахъ, промытыхъ водой,
И путь заграждали рѣкамъ быстроводнымъ;
Мѣстами тянулся еще цѣлый слой

Digitized by Google

Потомъ говоритъ, что бѣжитъ изъ степей онъ,
За синее море, въ главѣ своего
Великаго рода, туда, гдѣ Стрѣла-князь
Воюетъ съ царями восточныхъ племенъ,
Издревле богатыхъ; но тамъ, на Полночи,
Откуда идетъ онъ, воинственный Донъ,
Лежитъ край обильный, — обширныя степи
И пастбища, рѣки, озера, лѣса;
Есть всякая рыба и всякіе звѣри;
Такія же точно, какъ здѣсь небеса,
И всякихъ плодовъ, птицъ, звѣрей изобилье.
Микула дарить этихъ пришлыхъ людей,
Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ;
А Донъ отдарилъ косяками коней,
И тутъ же простившись, направился къ морю.

Идутъ они дальше, и слышатъ опять
Несется съ Полночи еще шумъ сильнѣйшій;
Дрожитъ земля, будто подходитъ къ нимъ рать
Иль страшная сила, валитъ паръ конины;
Потомъ табуны показались коней,
За ними блеснули прибрежья рѣчныя,
Послышался топотъ, гамъ, крики людей,
Мычаніе стадъ, скрыпъ телѣгъ и кибитокъ;
И вотъ впереди всѣхъ, какъ туча, катитъ
Еще богатырь-Колыванъ неизвѣстный;
Дождемъ сыплютъ искры отъ конскихъ копытъ,
Тяжелые камни гремятъ подъ ногами.
Опять укрѣпиться Микула спѣшитъ,
Велитъ копать ровъ и сдвигать колымаги;
Но лишь богатырь показался степной,
Всѣ съ радостью видятъ, что Днѣпръ то Словутичъ,
Старинный ихъ также соотчичъ родной.
Микула выходитъ къ нему съ хлѣбомъ-солью;
Родной Днѣпръ радушно встрѣчаетъ его,
Потомъ говоритъ, что идетъ онъ съ Полночи,
За синее море, въ главѣ своего
Великаго рода,—туда, гдѣ Стрѣла-князь

Digitized by Google

Воюетъ съ царями; но эта страна,
Откуда идетъ онъ, весьма плодоносна,
И всякимъ природнымъ богатствомъ полна,
Лишь край этотъ новый никѣмъ не воздѣланъ;
А много всего въ немъ,—озера, лѣса,
Есть всякая рыба и всякіе звѣри,
Такія же точно, какъ здѣсь, небеса,
И всякихъ плодовъ, птицъ и всего изобилья.
Микула даритъ также этихъ людей,
Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ;
А Днѣпръ даритъ шкуры пушистыхъ звѣрей;
Затѣмъ распрощались они и разстались [6]).

Микула вступаетъ въ лѣсистый Гилей,
Болотистый край, гдѣ царила Эхидна,
Мать древняя Скифовъ, еще дикарей,
Какъ звали ихъ греки. Но этой порою
Тутъ жило не мало арійскихъ племенъ,
Носившихъ названія Ласточекъ, Цаплей,
Кабановъ, Котовъ,—съ самыхъ древнихъ временъ
Считаясь въ родствѣ Киммеріянамъ—Сербамъ [7]).
Предъ вѣщимъ Микулой, какъ синій туманъ,
Открылося море лѣсовъ первобытныхъ,
Еще міръ чудесный невѣдомыхъ странъ,—
Племенъ и народовъ, быть-можетъ, враждебныхъ;
Еще міръ таинственный новыхъ чудесъ,—
Чудовищъ и дивовъ, быть можетъ страшнѣйшихъ.
Глухою стѣною стоитъ темный лѣсъ;
А что за тѣмъ лѣсомъ, одни знаютъ боги....
«Лѣса со лѣсами совиваются,
«Вѣтви по землѣ разстилаются,
«Ни пройти (Микулѣ), ни проѣхати!,»
Подобно Перуну-Егорію,—
«Тогда онъ, (Микула), глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
«Встаньте и расшатнитеся,
«Расшатнитеся, раскачнитеся.
«По его, (Микулину), моленію,

Digitized by Google

«По его святому терпѣнію,
«Отдѣлялись лѣса отъ сырой земли.»...
А гдѣ лѣса темны моленья не слушаютъ,
Тамъ есть у него, у Микулы, заклятіе.
«Встанетъ онъ, пойдетъ въ чисто поле,
«Въ широкое раздолье, къ синему морю-Окіану,
«У того синяго моря-Окіана лежитъ огненный змѣй;
«Сряжается-снаряжается онъ
»Зажигать горы и долы, и быстрыя рѣки.
«Выходитъ Микула, благословясь,
«Выйдетъ онъ въ чистое поле,
«Станетъ на Востокъ лицемъ,
«На Западъ хребтомъ;»
Онъ третъ два полѣна,—валитъ дымъ густой;
Выходитъ изъ дыма, съ кудрявой главой,
Сухманъ-богатырь, сынъ небеснаго Солнца,
Микула стоитъ съ чашей масла надъ нимъ:
Онъ ей надъ огнемъ поливаетъ живымъ,
А самъ заклинаетъ съ отеческой лаской:

«Довольно тебѣ,
Царь огненный-змѣй,
Грознымъ дивомъ бродить;
«Довольно тебѣ,
На взморіи жить,
Горы, долы палить.
«Молюся тебѣ,
Сухманъ-богатырь,
Зажги темны лѣса,
«Очисти по нимъ
Дороженьку намъ,
Раствори небеса,» [8]).

И внемлетъ онъ рѣчи Микулы родной,
Сухманъ-богатырь, дивъ съ кудрявой главой,
И внемлетъ онъ вѣщимъ его заклинаньямъ.
Выходитъ Сухманъ изъ костра на траву,
Идетъ, поднимая все выше главу,
Неслышный, чуть видный, къ дремучему лѣсу;
Но только вступаетъ подъ сѣнь онъ древесъ,

Digitized by Google

Онъ быстро растетъ и беретъ ихъ въ охабку;
Шипитъ и трещитъ перепуганный лѣсъ,
Коробятся въ страхѣ дрожащія вѣтви,
Поблекнули листья, и съ свистомъ глухимъ,
Со всѣхъ сторонъ брыжжетъ багровое пламя.
И молитъ лѣсъ темный Сухмана, сквозь дымъ:
«Не тронь, богатырь, насъ; не мучь ты напрасно;
Все будетъ, какъ хочешь»..... Но онъ лишь идетъ,
И мечетъ по лѣсу могучія руки;
Захватитъ поллѣса, тотчасъ же зажжетъ,
И вновь идетъ дальше; а красное пламя,
Какъ бурныя волны, растетъ все растетъ.
И огненнымъ моремъ бѣжитъ за нимъ слѣдомъ.
Теперь, лѣсъ дремучій, теперь лишь держись!
Вотъ внуки Стрибоговы *) съ шумомъ подвозятъ
Ему колесницу, въ нее запряглись,
И съ визгомъ, и съ гикомъ помчались по чащѣ;
Еще сталъ свирѣпѣй ужасный Сухманъ;
Полнеба покрылъ онъ удушливымъ дымомъ,
А въ слѣдъ за нимъ льется огня океанъ...
Бѣгутъ какъ шальные и мечутся звѣри
И дивы,—съ неистовымъ крикомъ летятъ
И вьются надъ лѣсомъ чудовища-птицы,
Ползутъ по горящей золѣ и шипятъ
Ужасные гады.... А онъ все несется,
Едва уже видный среди облаковъ,
Въ багровомъ туманѣ.
И вотъ, предъ Микулой
Широко лежитъ, будто темный покровъ,
Открытое поле. Кой-гдѣ одиноко
Чернѣютъ стволы обгорѣвшихъ деревъ,
Какъ мрачные остовы мертвыхъ титановъ,
Когда-то царившихъ по этимъ мѣстамъ;
Лишь красное пламя, чуть видною змѣйкой,
Порой пробѣжитъ по обугленнымъ пнямъ,
И снова раздутое огненнымъ вихремъ,

*) Стрибогъ, славянскій богъ вѣтровъ.

Digitized by Google

Подымется къ небу столбомъ золотымъ,
Надъ сѣрою грудой угасшаго пепла;
Иль дерево рухнетъ со скрипомъ глухимъ,
И брызнутъ фонтаномъ вокругъ него искры.

Микула и родъ его племя вошли
Въ сплошныя равнины страны приднѣпровской;
Предъ ними лежалъ край обильной земли,
Какъ бы ожидавшій ихъ только прибытья,
Чтобъ сдѣлаться садомъ Полуночныхъ странъ
И дать отдаленнымъ Микулы потомкамъ
Прозванье отъ грековъ,—Георговъ-Полянъ,—
Той самой древнѣйшей страны замледѣльцевъ,
Гдѣ позже гораздо, иль той же порой,
Столь мало извѣстной, ихъ вѣщіе братья
Кій, Щекъ и Хоривъ, съ молодою сестрой,
Живущей понынѣ, прекрасной Лыбедью,
Построили Кіевъ [9]).
Здѣсь всгрѣтила ихъ
Днипра-Королевишна, вѣщая вила,
Царица-валькирья мѣстъ этихъ глухихъ,
Что греки считали страной амазонокъ,—
Воинственныхъ дѣвъ, наводившихъ собой
Таинственный страхъ на былую Элладу.
Онѣ занимались одною войной,
Чуждались мущинъ, тихой жизни семейной;
Звѣриная кожа на плечахъ зимой,
Покровъ легкій лѣтомъ,—служилъ имъ одеждой;
Ихъ сборный кружокъ былъ родной имъ семьей,
А воля царицы ихъ,—высшимъ закономъ.
Съ копьемъ, обожженнымъ изъ дуба, въ рукахъ,
Съ стрѣлами съ насаженной костью, въ колчанахъ,
Въ той легкой одеждѣ на голыхъ плечахъ,
Онѣ проносились воинственной ратью
По темнымъ лѣсамъ, по ложбинамъ степнымъ,
Въ сосѣднія съ ними и дальнія страны,
Грозя непрестанно народамъ чужимъ,
Чудесною ихъ, безпощадною силой.

Digitized by Google

И горе тому, посягнуть кто-бъ посмѣлъ
На дѣвственный край ихъ, иль стыдъ ихъ дѣвичій;
Онѣ закидали-бъ его тучей стрѣлъ,
Или растерзали-бъ, какъ хищные звѣри [10]).
Ихъ знали давно въ приднѣпровской странѣ,
И дальше по берегу Чернаго моря;
И ежели вѣрить сѣдой старинѣ,—
Онѣ, обогнувши побрежье Кавказа,
Во время извѣстной Троянской войны,
Ходили на помощь къ далекимъ Троянцамъ;
И долго ихъ именемъ были полны
Далекія страны Востока и Юга;
Пока дочь Микулина ихъ собрала
Въ кругъ болѣе тѣсный,—кругъ мирный, семейный;
Хоть также смирить въ нихъ еще не могла
Характеръ воинскій.
По нашимъ преданьямъ,
Младая Днипра, до конца своихъ дней,
У насъ почитается вилой-валькирьей,
И мѣткой изъ лука стрѣльбою своей
Она даже споритъ съ воинственнымъ Дономъ,
За что и была поплатиться должна
Потомъ своей жизнью.

Здѣсь, возлѣ Гилея,
Могъ жить на Днѣпрѣ, еще въ тѣ времена,
И страшный тотъ Змѣй, вѣроятно, потомокъ
Восточныхъ Сохаковъ, а можетъ, сродни
И лютымъ тѣмъ Змѣямъ, что выгнали Невровъ;
Тотъ Змѣй, собиравшій изъ каждой семьи
По дѣвушкѣ, *) въ видѣ положенной дани.
Впослѣдствьи, сказанья объ этомъ страны,
Не разъ, какъ мы знаемъ, могли измѣниться;
Но нить ихъ уходитъ во мглу старины
И вяжется прямо съ той первой эпохой [11]).
Еще того прежде Микула нашъ зналъ,

*) По другому преданью: по юношѣ.

Digitized by Google

Когда былъ Перуномъ, стихійнаго Змѣя,
Что онъ запрягъ въ сошку; но здѣсь предстоялъ
Ему новый подвигъ, и можетъ, труднѣйшій.

Блестящее солнце столпомъ золотымъ
Всплывало съ Востока изъ моря тумана,
Какъ будто встрѣчая сіяньимъ своимъ
Родимыхъ своихъ, первородныхъ потомковъ.
По мѣрѣ ихъ шествья, все шире, полнѣй,
Вкругъ нихъ раздвигалась вдали понорама
Цвѣтущихъ равнинъ, сихъ грядущихъ полей,
Веселыхъ побрежій, озеръ и заливовъ;
Страна вся кишѣла обильемъ плодовъ,
А дальше синѣлъ боръ глухой и пустынный,
Пока еще царство безвѣстныхъ враговъ.
Рѣчной свѣжій воздухъ сулилъ имъ здоровье;
Кусты винограда, сплетаясь, вились
У нихъ подъ рукою; станицы пернатыхъ
Порхали по воздуху или неслись
Густой вереницей съ далекой Полночи.
Весь берегъ Днѣпровскій широко пестрѣлъ
Толпами идущихъ вдали поселенцевъ;
А слѣдомъ за ними, ихъ путь зеленѣлъ
Или золотился желтѣвшею нивой.
Съ душевной отрадой Микула глядитъ
На край благодатный; у Пріи сердечной
Глаза разгорѣлись и сердце стучитъ,
Отъ будущихъ благъ, что сулитъ обладанье
Ей этой страною, гдѣ все веселитъ
И радуетъ взоры. Она приклонилась
Къ отцу на плечо, и ему говоритъ:
«Свѣтъ-батюшка мой ты родной! Посмотри-ка
На эти равнины шелковыхъ луговъ,
На эти дубравы и синія воды;
Нѣтъ только здѣсь нашихъ червленныхъ судовъ,
Нѣтъ селъ нашихъ, градовъ, чтобы оживился
Край этотъ привольный. Гдѣ мы ни прошли,
Нигдѣ не встрѣчали такого обилья,

Digitized by Google

Такой плодородной богатой земли.
Густыя дубравы ее заслонили
Отъ дивовъ Полночи, поля и луга
У насъ подъ руками. А эти рощенья,
Куда не ступала понынѣ нога
Еще человѣка,—онѣ полны птицы
И звѣря пушнаго. Съ Востока сюда
Путь къ грекамъ; въ мѣстахъ сихъ живутъ наши братья.
Не здѣсь ли земли золотая среда?
Отсюда пойдемъ мы лѣсными рѣками
На Западъ и Сѣверъ; по ихъ берегамъ
Сыны наши срубятъ торговые грады,
Внесутъ въ новый край сей служенье богамъ,
И древній законъ и обычай отцовскій.
Вотъ край, предназначенный свыше судьбой
И матерью нашей Землей намъ на долю;
Здѣсь сядетъ въ раздольи весь родъ нашъ святой,
И будетъ богаче, сильнѣй всѣхъ на свѣтѣ».
— Свѣтъ-вѣщая дочь ты моя! говоритъ
На это Микула родной Селянинычъ.
Тобой свѣтлый родъ нашъ, какъ солнце, блеститъ;
Тобой начался онъ, тобой завершится,
Ты благословенна на каждомъ селѣ;
Гдѣ ты указала, тамъ мы и вселимся.
Я далъ тебѣ жизнь на родимой землѣ,
Но ты разцвѣла и потомъ возмужала
Ученіемъ вѣщихъ, святыхъ мудрецовъ,
Божественной пищей небесной науки;
Чрезъ это ты сдѣлалась дщерью боговъ,
Уставщицей теплыхъ молитвъ и обрядовъ,—
Ты нашей грядущей судьбины заря.
«Когда не имѣлъ міръ главы, то колеблемъ
Былъ страхомъ, и Вышній далъ людямъ царя»..
Я ваша глава, какъ старѣйшій межь вами;
Но ты свѣтъ народный, ты разумъ его,
Пророчица, слово боговъ вѣковѣчныхъ;
Ты мать судебъ нашихъ, царица всего,
Что есть и что будетъ. Безсмертные дали

Digitized by Google

Тебѣ читать въ мракѣ грядущемъ временъ;
Не даромъ пришли мы въ сей край благодатный,
На то воля Божья. Мнѣ также былъ сонъ,
Что будто бы здѣсь изъ тебя чудно выросъ
Развѣсистый дубъ, и широко покрылъ
Своими вѣтвями край этотъ обширный;
И много онъ разныхъ племенъ осѣнилъ
Своею густою, широкою листвой;
И я самъ, проснувшись, въ умѣ порѣшилъ,
Чтобъ здѣсь намъ раскинуть свои поселенья [12]).
Межь тѣмъ въ высотахъ, на зажженыхъ кострахъ,
Дымилися жертвы богамъ вѣковѣчнымъ;
Кровь жертвъ собиралась въ священныхъ котлахъ
Для высшей вѣщбы. По ея испареньямъ,
По цвѣту, осадкѣ, судилось о томъ,
Какой ожидаетъ успѣхъ предпріятье;
Оно утвердится иль нѣтъ божествомъ, —
Въ чемъ вѣщія дѣвы гаданья давали
Свои прорицанья. Гадали онѣ
Священными также стрѣлами, — подобьемъ
Лучей жгучихъ солнца.
Тогда какъ однѣ
Изъ жрицъ и гадальщицъ толпились вкругъ Грозной,
Готовившей жертвы, что тутъ же она,
Связавъ, отдавала жрецамъ на закланье,—
Прекрасная Прія, величья полна,
Взглянула въ котелъ съ осаждавшейся кровью,
Подперла бедро себѣ лѣвой рукой
И, глазъ не спуская съ дымившейся крови,
Сказала: «кровь жертвы угодна богамъ;
Они принимаютъ отъ міра хлѣбъ съ солью.
Безсмертные шлютъ благоденствіе намъ
И полное счастье въ мѣстахъ этихъ новыхъ.
Вотъ, — батюшка, свѣтъ нашъ, родимый Велесъ,
Какъ волъ бѣжитъ къ пойлу святой нашей жертвы;
Еще облака разбрелись вдоль небесъ,
Какъ будто коровушки врознь среди поля;
Но онъ, пастушекъ нашъ, скликаетъ ужь ихъ;

Digitized by Google

Бѣгутъ и онѣ, какъ телята за маткой...
Узрѣлъ насъ Сварожичъ съ небесъ золотыхъ,
И мечетъ на нашихъ враговъ онъ далеко
Палящія стрѣлы».

Потомъ собрала
Она заостренныя стрѣлы гаданья,
Разсыпала ихъ по землѣ, обошла
Вокругъ нихъ три раза, и снова сказала:
«Раздвинется родъ нашъ по здѣшней странѣ,
Какъ эти вотъ стрѣлы; путей ему много...
Размножится родъ нашъ, какъ рыба на днѣ
Рѣки многоводной. Кто выше насъ въ мірѣ?
Отецъ нашъ царитъ на землѣ и въ водахъ,—
Въ немъ восемь частицъ силъ божественныхъ міра;
Нѣтъ равныхъ ему въ поднебесныхъ странахъ;
Онъ силою воздухъ, огонь, въ немъ блескъ солнца
И мѣсяца, онъ божество свѣтлыхъ водъ,
Верховный царь правды, источникъ богатства,
Властитель земли... Кто его назоветъ
Простымъ человѣкомъ? Для всѣхъ онъ богъ вышній,
Въ лицѣ человѣка... Пусть каждый лишь родъ
Наслѣдіемъ правитъ своимъ безъ раздѣла,
Какъ правда велитъ, какъ законъ нашъ постигъ. —
Занѣ по законамъ святымъ у насъ правда.
Взгляни на насъ, Ладо! [13]).

И въ этотъ же мигъ
Златой лукъ Перуна, дугой семицвѣтной,
Раскинулся въ небѣ; неистовый крикъ
Привѣтствовалъ громко незримаго бога.
Какъ бы отвѣчая, вдали раздались,
Подобные ржанью коня боеваго,
Раскаты громовые,—и понеслись
Еще громогласнѣй народные клики...
Затѣмъ начался шумный жертвенный пиръ,
Гдѣ дивъ-Объѣдало и дивъ-Опивало
Боролись въ ѣдѣ и въ питьѣ, пока міръ
Народный терялъ лучъ послѣдній сознанья,
И тутъ же въ хмѣлю засыпалъ крѣпкимъ сномъ;

Digitized by Google

Но долго гремѣли вдали еще крики,
И въ тактъ выступая, въ восторгѣ святомъ,
Плясалъ хороводъ женъ и дѣвицъ славянскихъ.
Одни состязялась межь тѣмъ въ похвальбѣ;
Другіе, моложе, въ ристаньи; иные
Въ метаньѣ камней или въ ловкой борьбѣ,
Въ кулачномъ бою, ихъ любимой забавѣ... [14]).
Таковъ міръ народный! Малѣйшій привѣтъ
Иль ласковый знакъ божества его тѣшитъ;
Въ небесныхъ явленьяхъ блеститъ ему свѣтъ,
Въ счастливой примѣтѣ онъ видитъ удачу.
Міръ этотъ не зналъ, что онъ самъ богъ земли,
А боги тѣ были его же созданье;
Они удалятся въ свой часъ, какъ пришли, —
А онъ, неизмѣнный хозяинъ вселенной.
Иные искали удобныхъ ужь мѣстъ
Своимъ поселеньямъ; другіе шли дальше,
Побрежьями рѣкъ, по теченію звѣздъ,
Вглубь, полнаго всякимъ обиліемъ, края.
Какъ шумный приливъ и отливъ темныхъ волнъ,
Далеко чернѣли толпы за толпами;
Мѣстами дымился пылающій горнъ,
Мѣстами сряжалась родимая сошка.
Все имъ обѣщало привольные дни,
Природа — обилье, земля — плодородье...
Вотъ эти мѣста, что искали они,
Куда привела ихъ молва черезъ горы
И быстрыя рѣки.

Въ низовьяхъ Днѣпра
Тогда обитали сперва Волкодлаки;
Но уже прошла золотая пора
Господства ихъ въ этой странѣ благодатной.
Тѣснимые съ Сѣвера племенемъ Змѣй,
Они удалились отсюда на Западъ;
А край приднѣпровскій, гдѣ жили позднѣй,
Подъ сѣнію Кіева, наши Поляне,
Сталъ данникомъ новыхъ пришельцевъ. Они,

Digitized by Google

Какъ сказано выше, въ дань брали съ сосѣдей,
По дѣвушкѣ въ каждомъ семействѣ, одни
Господствуя въ этихъ пространствахъ. Насталъ,
Какъ видно, чередъ дань платить и Микулѣ,—
Иль край приднѣпровскій къ Микулѣ прислалъ
Просить его помощи, противъ Змѣй лютыхъ
И тяжкой ихъ дани: затѣмъ что одинъ
Микула свершить могъ тяжелый сей подвигъ,
Приписанный послѣ, въ разсказахъ родныхъ,
Кузьмѣ Кожемякѣ, —(такъ поздней порой,
Отецъ земледѣлья зовется не тщетно
У насъ то Микулой, то вѣщимъ Кузьмой);
Но только услышалъ о дани постыдной,
Вскипѣлъ страшнымъ гнѣвомъ Микула благой.
Предъ нимъ просушались воловіи кожи;
Микула съ досады рванулъ ихъ рукой,
И въ разъ разорвалъ ихъ сырьемъ цѣлый ворохъ.
Потомъ, въ одинъ мигъ, поднялся, и идетъ
На берегъ Днѣпровскій; за нимъ потянулся
И родъ его, племя, пустивъ напередъ
Своихъ соглядатаевъ вывѣдать мѣстность.
Межь тѣмъ и въ степи, уже нѣсколько дней,
Замѣчено было большое движенье,—
Бѣжали-ль стада по ней дикихъ звѣрей,
Или клонилъ вѣтеръ траву шелковую,
Но только движенье росло все сильнѣй;
И вотъ, разступилась трава шелковая,
Вдали появилося полчище Змѣй,
Иль лучше, какихъ-то хохлатыхъ чудовищъ,
Съ цвѣтными хохлами на пестрыхъ башкахъ,
Въ узорчатой, будто расписанной кожѣ,
Съ серьгами во рту и съ серьгами въ ушахъ,
И съ жалами, видомъ подобными коньямъ.
Одни извиваясь, ползли по травѣ,
Другіе стояли, подпершись хвостами;
Ясней всѣхъ виднѣлся у нихъ во главѣ,
Змѣй самый огромный и самый хохлатый,
Весь пестрый, съ блестящею въ ухѣ серьгой

Digitized by Google

И съ яркимъ пеломъ на хохлѣ,—ихъ начальникъ.
Микула выходитъ съ отборной толпой
Вождей и старѣйшинъ своихъ, къ нимъ на встрѣчу;
Замѣтивши это, и главный тотъ Змѣй
Тотчасъ отдѣлился отъ рати змѣиной,
Съ отборной змѣиною свитой своей,
И первый такъ началъ къ Микулѣ онъ слово:
«О вѣщій и сильный земли человѣкъ
Иль богъ, намъ безвѣстный,—кто-бъ ты, пришлецъ, ни былъ!
Почто ты пришелъ изъ за-горъ, изъ за-рѣкъ,
Разрушить въ мѣстахъ сихъ владычество наше?
Почто выжигаешь ты наши лѣса?
Почто истребляешь ты наши жилища?...
Какъ будто здѣсь только блестятъ небеса,
Иль нѣтъ тебѣ мѣста опричь земли нашей.
Отъ вѣка живемъ мы въ мѣстахъ сихъ глухихъ,
По темнымъ пещерамъ, дуплистымъ деревьямъ,
Пьемъ кровь и ѣдимъ супостатовъ своихъ,
Беремъ себѣ дань, по дѣвицѣ съ семейства;
Но какъ человѣкъ ты, я вижу,—то знай,
Страна эта наша, и въ ней мы владыки.
Когда ты посмѣлъ появиться съ нашъ край;
То намъ покорись и плати ежегодно
Такую же дань,—по дѣвицѣ съ семьи,
Какъ платятъ другіе. Вотъ что повелѣлъ мнѣ
Сказать тебѣ грозный царь здѣшней земли,
Глава и владыка змѣинаго рода».
Микула оперся на посохъ рукой,
И давъ кончить Змѣю, ему отвѣчаетъ:
«О хитрый *) Змѣй!... Князь ты или кто иной,
Посолъ иль другой кто, про то я не знаю;
Не хитрая будетъ къ тебѣ рѣчь моя,
Но ты не взыщи, только дай досказать мнѣ.
Про вашъ родъ змѣиный слыхалъ уже я;
По вашимъ законамъ, намъ жить непригодно.
Мы здѣсь пришлецы, но съ собой принесли

*) Слово: хитрый въ древности значило: мудрый, ловкій, знающій.

Digitized by Google

Свой бытъ и законы. Не богъ я всесильный,
Ты правду сказалъ; я сынъ младшій земли,
Но худа тебѣ и твоимъ не желаю:
Затѣмъ что земля,—мать родная моя,
И всѣ ея дѣти мнѣ также родные;
Куда ни вступаю съ моимъ родомъ я,
Тамъ скоро всѣ сами роднятся со мною.
Вы полны враждою ко мнѣ и къ моимъ,
Затѣмъ, что питаетесь пищей нечистой,
Живете по дупламъ, пещерамъ глухимъ,—
Не знаете жизни прямой и раздольной;
Одна лишь война да раздоры у васъ;
Но мы ѣдимъ хлѣбъ, а пьемъ медъ мы и брагу,
День цѣлый трудимся.... Взгляните на насъ,—
Мы сильные люди; а вы еще дивы.
Идите-жь, скажите царю своему,
Что выходовъ, даней платить я не буду —
И кровныхъ я дщерей не выдамъ ему;
А пусть онъ со мною помѣрится силой.
Который изъ насъ одолѣетъ въ борьбѣ,
Тотъ, значитъ, и будетъ владыкою въ краѣ.
Вотъ сказъ мой послѣдній, Змѣй хитрый, тебѣ,
Снеси же царю это, вашему Змѣю.»
Но царственный Змѣй вступать въ бой не хотѣлъ;
Онъ зналъ про ужасную силу Микулы,
Отца земледѣлья, и явно не смѣлъ
Съ нимъ мѣриться силой. Тогда Селянинычъ,
Приблизясь къ пещерѣ, ему закричалъ,
Что онъ разбросаетъ его логовище;
Противиться Змѣю ужь было нельзя;
И вотъ, собрался онъ со всей своей силой,—
И вышелъ.
Дрогнула сырая земля,
Узрѣвъ предъ собою свое порожденье,
Такого титана; лишь развѣ во снѣ
Видалъ родъ Микуливъ подобныхъ чудовищъ....
Свои и враги отошли къ сторонѣ,
Оставивши только въ срединѣ пространство

Digitized by Google

Соперникамъ грознымъ; и всѣ въ тишинѣ,
Не двигаясь, ждали, чѣмъ кончится битва.
Но нашъ-то Микула, догадливъ онъ былъ,
Онъ весь обмотался сырой коноплею,
Что онъ передъ этимъ еще насмолилъ.
И вотъ, началася упорная битва;
Змѣй лютый Микулу и жжетъ, и палитъ,
И кажется, вотъ разорветъ въ мигъ на части;
А это съ него канопля лишь летитъ;
Но онъ самъ, Микула, стоитъ невредимый,
Да знай себѣ лютаго Змѣя долбитъ
Тяжелою палицей по головищѣ.
Боролися долго они такъ вдвоемъ,
Какъ равные оба гигантскою силой;
Не разъ отдыхали, и снова потомъ
Кидалися въ-схватку. Змѣй сталъ напослѣдокъ
Слабѣть подъ тяжелой Микулы рукой,
И тихо взмолился: «не бей меня на смерть,
Микула! Нѣтъ въ свѣтѣ сильнѣй насъ съ тобой;
Раздѣлимъ всю землю и весь свѣтъ подлунный
Мы поровну; будешь ты жить самъ большой
Въ одной половинѣ, а я съ моимъ родомъ
Въ другой»..... «Хорошо! рекъ Микула благой:
Раздѣлимъ, пожалуй, мы землю межь нами;
Инъ-надо собща намъ межу проложить....»
Царь Змѣй согласился.
И вотъ, положили
Микула и Змѣй, межь нихъ землю дѣлить,
Назначивъ при этомъ такія условья:
Что онъ, Селянинычъ, съ потомствомъ своимъ
Займетъ подъ себя, иль запашетъ, засѣетъ,
По доламъ широкимъ, равнинамъ пустымъ,
И словомъ, къ чему онъ, Микула, приложитъ
Хоть часть золотаго труда своего,—
То будетъ отнынѣ во вѣкъ нерушимо
Его достояньемъ и рода его;
А все остальное, чего не займетъ онъ
Или не распашетъ сохою своей,

Digitized by Google

Или не засѣетъ земными плодами,—
Всей этой пустыней владѣть будетъ Змѣй.
Условіе это они утвердили
Взаимною клятвой, смѣшавши ихъ кровь
Въ одной общей чашѣ съ виномъ или брагой,
И дали обѣтъ, блюсти миръ и любовь
И сей договоръ межь собой, до скончанья,
Во всемъ нерушимо, всегда и вездѣ,
Покуда на небѣ свѣтить будетъ солнце,
Хмѣль плавать, а камень тонуть на водѣ [15]).
Покончивши дѣло съ главою змѣинымъ,
Разумный Микула велѣлъ имъ подать
Печенаго хлѣба съ братинами меда;
Поѣлъ самъ и отпилъ, и сталъ угощать
Смирѣннаго змѣя и всю его свиту.
Сперва Змѣй отвергнулъ земли благодать:
Ему не взлюбилось ни то, ни другое;
Но послѣ привыкнулъ. Змѣиная рать,
Накинулась жадно на сладкую пищу,
Пошелъ по змѣинымъ башкамъ хмѣль гулять;
Дни цѣлые длилось у нихъ пированье,
А ночью иные и сами ползли
Въ станъ крѣпкій Микулы,—и только, собравшись
Совсѣмъ ужь въ дорогу, случайно нашли
Едва ихъ живыхъ подъ корчагами съ медомъ.

Изладилъ Микулушка сошку свою,
Ту сошку златую, что въ дни еще оны,
Когда вышелъ встрѣтить онъ міра зарю,
Ему подарило родимое Солнце;
Впрягъ Змѣя, и прямо борозду повелъ
Съ угодій Днѣпровскихъ на синее море;
Какъ-разъ поднялся и весь родъ, и пошелъ
За нимъ, за главою славянскаго міра.
Сперва пастухи шли въ главѣ стадъ мірскихъ,
Играя на длинныхъ рожкахъ и на дудкахъ,
Тѣхъ тибіяхъ древнихъ, что въ пѣсняхъ своихъ
Прославилъ впослѣдствіи Тибулъ съ Феокритомъ,

Digitized by Google

А позже Горацій. Чуть видны въ травѣ,
Они шли съ шестами, обвитыми хмѣлемъ,
Какъ сонмъ соглядатаевъ хитрыхъ, въ главѣ
Родимыхъ племенъ, пролагая дорогу [16]).
За ними Микула велъ сошкой златой,
Запряженной Змѣемъ, широко бороздку;
А вѣщая Вана чудесной рукой
Въ ней сѣяла сѣмя общественной жизни [17]).
Идетъ онъ, Микула,—а слѣдомъ за нимъ
Уже зеленѣетъ широкое поле,
Желтѣютъ колосья, изъ трубъ вьется дымъ,
Шумитъ и гудитъ бытъ живой деревенскій,
Мычатъ, подъ ярмомъ ихъ, волы по полямъ,
Чернѣетъ земля, поднятая съ травою,
Валятся деревья по темнымъ лѣсамъ,
Сквозь листву мелькаютъ высокія прясла;
Здѣсь слышится молотъ, тамъ звукъ топора,
Мѣстами повѣетъ душистой смолою;
Тамъ лыкъ и мочала моченыхъ гора,
Тамъ глухо стучитъ долговязая ступа;
Здѣсь бабы и дѣвки колотятъ валькомъ,
Тутъ дикій конь рвется подъ парнемъ удалымъ,
А тамъ, на нихъ глядя, мальчишка верьхомъ,
Держась за рога, усмиряетъ козленка;
Толпа ребятишекъ, лѣпясь за хвостомъ,
Неистово воетъ и машетъ руками.
Затѣмъ, среди сонма избранныхъ мужей,
Маститыхъ годами и опытомъ, старцевъ,
Весенняго свѣтлаго утра яснѣй,
Какъ вѣщая Ганга *), въ лучахъ свѣтозарныхъ,
Шла вѣщая Прія, держа мечь въ рукахъ,
Карающій кривду, и доску правдодатну,
Священную доску, гдѣ въ немногихъ словахъ
Былъ вырѣзанъ первый законъ ихъ гражданскій.
За нею, въ повязкахъ и лентахъ цвѣтныхъ,
Въ широкихъ одѣждахъ, въ расшитыхъ покровахъ,

*) Ганга есть олицетвореніе также луны въ Индѣйской миѳологіи.

Digitized by Google

Съ щитами въ рукахъ и съ вѣнками на нихъ,
Плылъ поступью плавной, чуть-чуть подбочась
И въ тактъ выступая, младой хороводъ
Подругъ щитоносныхъ ея, громкой пѣснью
Моля дары неба на славный ихъ родъ,
Святое обилье и дождь благодатный
На тучное стадо и нивы полей.
Тогда какъ за ними, толпа безбородыхъ
И ужь бородатыхъ парней и мужей,
Со смѣхомъ тащила, связавши веревкой,
Мохнатыхъ двухъ лѣшихъ, на судъ свой мірской;
Другіе-жь съ свирѣлью, а кто съ балалайкой,
Иль ложками мѣрно звѣня надъ главой,
Подъ звуки сихъ вѣщихъ орудій, что стали
Потомъ образцами для лиры златой,
Позднѣйшихъ сирингъ и кротолы звенящей,
Что древній грекъ принялъ, позднѣйшей порой,
Въ свой хоръ, исполняя фригійскую пляску, —
Неслись, раскраснѣвшись отъ браги хмѣльной
И сладкаго меда, плясали и пѣли,
То станъ развивая въ тактъ пѣсни родной,
То вихремъ скользя и кружась межь рядами.
Потомъ, въ колымагахъ, на тучныхъ волахъ,
Въ скрыпучихъ телѣгахъ, въ холщевыхъ повозкахъ,
Въ лубочныхъ коробьяхъ, въ зашитыхъ мѣшкахъ,
Тянулся обозами скарбъ ихъ домашній.
Изъ вьюковъ виднѣлись: хлѣбъ разный въ зернѣ,
Приборъ ручныхъ мѣльницъ, длиннѣйшія ступы,
Ковриги печеной муки на огнѣ,
Перины, одежды, большія корчаги,
Домашняя утварь, оружье, вѣсы,
Желѣзныя полосы, мѣдныя бляхи...,.
Тутъ съ лаемъ бѣжали мохнатые псы;
Изъ люлекъ смотрѣли чумазыя дѣти;
Шли матери съ грубой куделью въ рукахъ,
Иныя съ младенцемъ у бронзовой груди,
Но взросшія уже въ домашнихъ трудахъ,
Въ заботахъ хозяйскихъ [18]).

Digitized by Google

И вотъ, напослѣдокъ,
Какъ бы дополняя картину собой,
Пестрѣлъ въ отдаленьи родъ хищный, змѣиный.
Далеко виднѣлся ихъ таборъ цвѣтной,
При блескѣ костровъ иль при солнечномъ свѣтѣ;
Порой изъ травы появлялись густой
То яркій хохолъ, то два огненныхъ глаза,
Слѣдившіе зорко, съ тревогой нѣмой,
За каждымъ разумнымъ движеньемъ Микулы;
Межь тѣмъ, какъ съ возовъ у Микулы, то тамъ,
То здѣсь, изчезала незримо поклажа.
Поймавши, и самъ не спускалъ онъ ворамъ,
И часто былъ споръ у него съ царемъ-Змѣемъ.
Гораздо древнѣе такъ шествовалъ онъ,
Подъ именемъ Вакха или Діониса,
Среди первобытныхъ восточныхъ племенъ,
Везомый тамъ парою тигровъ, вѣнчанный
Вѣнцомъ виноградным, и съ тирсомъ въ рукахъ,
Сопутствуемъ вѣщей толпою Куретовъ,
Веселымъ Силеномъ, читавшимъ въ звѣздахъ,
И мирно учившимъ, что высшая мудрость
Въ винѣ благодатномъ, усладѣ боговъ,
Младымъ Аристеемъ, что вынесъ впервые
На свѣтъ медъ душистый изъ темныхъ лѣсовъ,
Главой пастуховъ, молодымъ богомъ Паномъ,
И хоромъ вакханокъ, нимфъ, фавновъ, дѣтей,
Плясавшихъ предъ ними священную пляску.
Такъ, въ самомъ началѣ онъ шествовалъ дней,
Внося первый свѣтъ и начало гражданства;
Такъ шелъ и теперь онъ,—и вмѣстѣ съ нимъ шли
То средь облаковъ, то въ прозрачномъ туманѣ,
Древнѣйшіе боги родимой земли,
И свѣтлыя души его древнихъ предковъ.
И ночью, и днемъ, онъ ихъ зрѣлъ предъ собой,
По разнымъ мѣстамъ, на землѣ и на небѣ.
День цѣлый сіялъ у него надъ главой
Отецъ его Свалъ, благодатное Солнце;
Въ его свѣтломъ дискѣ, въ лучахъ золотыхъ,

Digitized by Google

Онъ видѣлъ сіяющій ликъ Святовита;
Въ дождѣ благодатномъ, изъ тучь громовыхъ
Спускался Перунъ, древній богъ плодородья;
А чуть погружался день въ сумракъ ночной
И страстная Лада-заря опускала
Багровый свой пологъ съ каймой золотой
Надъ дремлющей въ чуткомъ покоѣ землею,
Вотъ Мѣсяцъ двурогій, сей пастырь небесъ,
Родимый Велесъ выгонялъ свое стадо, —
И весь міръ воздушный, міръ полный чудесъ,
Какъ будто живыми кишѣлъ существами.
Тамъ видѣлъ Микула такихъ же звѣрей,
Такихъ же диковинныхъ птицъ и чудовищъ,
Какъ нѣкогда въ дальней отчизнѣ своей, —
Чигарь-звѣзду, Зори Дѣвичьи, Кига́чи,
Утиныя гнѣзда *); еще тамъ яснѣй
Онъ видѣлъ свой собственный образъ, Возницы **),
Бѣгущій на Полночь, и каждую ночь
Являвшійся снова на сѣверномъ небѣ;
И все это видѣлъ Микула точь въ точь,
Какъ это видалъ онъ въ далекой отчизнѣ.
И тотъ же онъ видѣлъ здѣсь кругъ колеса,
Что вертится въ небѣ, на оси вселенной,
Незримо прорѣзавъ собой небеса,
Въ двѣнадцати разныхъ мѣстахъ Зодіака;
Отколь развиваются ночи и дни,
И дни, и недѣли, и времена года.....
И здѣсь развивалися также они,
То бѣлой, блестящей, то черною прядью [19]).
А чуть приспѣвали дни сельскихъ работъ
Или проходили они къ окончанью,
Или начинался весной новый годъ,
Тотчасъ же и праздникъ,—опашекъ, засѣвокъ,
Сѣяницъ, овсяницъ, русалiи дни;
Потомъ колосяницъ. заревницъ, зажинокъ;

*) Венера. три звѣзды возлѣ Млечнаго пути, Ориoновъ поясъ, Плеяды.
**) Большая Медвѣдица, въ народѣ—Возъ

Digitized by Google

Подъ осень,—спожинки, какъ звали они
Конецъ полевой ихъ тяжелой работы.
Опричь того,—встрѣча веселой весны,
Рожденіе солнца и солнцестоянье,—
Все празники древней родной старины,
Любимые праздники сельскаго міра,
Всегда молодаго. Своей чередой,
Священныя тризны въ честь предковъ усопшихъ,
Дѣдины, осенины; зимней порой,
Особый рядъ празднествъ, въ честь дивовъ стихійныхъ;
Весной, пированья средь рощей святыхъ,
У свѣтлыхъ колодцевъ или рѣкъ священныхъ,
Священныхъ камней, въ тѣхъ мѣстахъ дорогихъ,
Гдѣ жили издревле безсмертные боги,
Иль гдѣ поджидали пришельцевъ родныхъ,
Родимые боги страны этой новой [20]),
А гдѣ сельскій праздникъ, тамъ торгъ и мѣна;
Село превращалось въ торговое мѣсто;
Заботливый трудъ и его тишина
Смѣнялися шумнымъ, веселымъ движеньемъ.
Изъ степи широкой, съ далекихъ озеръ,
Изъ темныхъ лѣсовъ, изъ-за рѣкъ многоводныхъ,
Съ морскаго побрежья, съ невѣдомыхъ горъ,
Шли звѣри рыскучіе,
Птицы клевучія,
Змѣи шипучія,
Орды толкучія,
Телѣги скрипучія,
Богатыри могучіе....
Одни предлагали имъ шкуры звѣрей,
Другіе на хлѣбъ ихъ мѣняли оружье,
Иные степныхъ приводили коней,
Другіе несли мѣдь, песокъ золотистый....
Микула, какъ истый хозяинъ земли,
Мѣнялъ имъ холстину, хлѣбъ, утварь, одѣжду.
Въ лѣсахъ и равнинахъ, вездѣ рѣчь вели
Про чудныхъ людей сихъ и женъ ихъ прекрасныхъ;
И можетъ, за эту красу, не одинъ

Digitized by Google

Гусь лапчатый отдалъ тогда свои крылья,
А звѣрь иной грозный, лѣсовъ властелинъ,
Разстался и съ пестрою царскою шкурой.....
Межъ тѣмъ молва громко росла съ каждымъ днемъ
О нихъ, какъ о высшихъ, божественныхъ людяхъ,
И долго была вся окрестность потомъ
Полна обаяньемъ чудесной ихъ силы.

Такъ вѣщій Микула со Змѣемъ дошли
До синяго моря. Микула нашъ занялъ
Огромную область цвѣтущей земли,
Что родъ его племя вспахалъ и засѣялъ;
А дикія полчища царственныхъ Змѣй
Замѣтно рѣдѣли у нихъ предъ глазами,
Никакъ не привыкнувъ ни къ нравамъ людей,
Ни къ плотной ихъ пищѣ и крѣпкимъ напиткамъ.
Пришли они къ морю и стали дѣлить
И самое море. Царь-Змѣй отказался;
Но вѣщій Микула, чтобъ съ нимъ поръшить,
Напомнилъ о бывшемъ у нихъ уговорѣ.
»Пожалуй, ты станешь еще говорить,
Что мы завладѣли твоими водами!«
Онъ Змѣю сказалъ, и тотчасъ же пустилъ
Его впередъ въ море; а самъ пошелъ сзади,—
Толкнулъ его въ воду, и тутъ же убилъ;
Тогда родъ змѣиный ушелъ въ глубь степную,
И весь истребленъ былъ.

Здѣсь Днѣстръ молодой
Издревле былъ сторожемъ силы славянской;
Въ странѣ этой горной, а къ Югу—степной,
Исторія рано встрѣчается съ ними.
Здѣсь первый этапъ ихъ; отсюда потомъ
Они заселили весь край придунайскій;
Здѣсь шелъ главный торгъ дорогимъ янтаремъ,
Черезъ эти мѣста проходилъ онъ съ Поморья;
Здѣсь былъ первый путь изъ Полуночныхъ странъ,
На дальній Полудень и въ Римское царство.

Digitized by Google

Микула устроилъ здѣсь мирный свой станъ;
Но Днѣстръ извѣстилъ, что отсюда на Западъ
Земля поднялася горбами; живетъ
Тамъ Лаума вѣдьма, живутъ Волкодлаки,
Живетъ Святогоръ-дивъ; но мѣстность слыветъ,
Хотя и гористой, но всѣмъ изобильной [21]).
Микула, вѣрнѣй,—желалъ мимо пройти
Угрюмаго дива, съ кѣмъ онъ не встрѣчался
Съ сѣдаго Кавказа, хоть могъ онъ найти
И здѣсь, поселившихся также, собратьевъ;
Но Божьей никто не минуетъ судьбы, —
Ни смертный, ни звѣрь, ни пернатая птица.
Лишь только вошелъ онъ въ земные горбы,
Какъ рано поутру однажды онъ слышитъ: —
«Великій шумъ съ подъ той сѣверной сторонушки;
«Мать сыра-земля колыбается,
«Темны лѣсушки шатаются,
«Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются;
«Глядитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣса стоячаго,
«Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
«На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,» —
Словно неба клочекъ изъ-за черныхъ тучь.
«Ѣдетъ онъ по чисту полю, —
«Не съ кѣмъ Святогору силой помѣриться,
«А сила-то по жилочкамъ
«Такъ и переливается,
«Трудно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени.
«Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
«Такъ я бы всю землю поднялъ!....»
Межъ тѣмъ, просвѣтлѣло,—и выѣхалъ онъ,
Титанъ-богатырь первобытныхъ временъ,
Какъ видѣлъ его на Кавказѣ Микула.
Съ Кавказа Микула его не видалъ;
Съ тѣхъ поръ Святогоръ все его догонялъ, —
Невидимый, значитъ, Микулину роду.
«Постой-ка, кричитъ, дай взглянуть на себя!
Давно догоняю я, странникъ, тебя;

Digitized by Google

А все не могу перегнать твоей прыти.
«Поѣду-ль я рысью, ты все впереди;
Поѣду-ли ступой, а, все назади....
Что это несешъ ты за чудную сумку?
«Давно я смотрю на тебя издали;
Тебѣ, знать, подвластны всѣ силы земли;
Должно быть, въ тебѣ есть немалая сила?
«А я такъ не встрѣчу силъ, равныхъ со мной:
Смотри, уродился уродъ я какой,
Насилу меня мать сыра-земля носитъ.
«А сила по жилочкамъ такъ и идетъ;
Такъ живчикомъ сила по жилкамъ и бьетъ;
Мнѣ съ ней инда—грузно, какъ съ бременемъ тяжкимъ.
«Пожди-ка немного, прохожій, постой!
Дай мнѣ поровняться, прохожій, съ тобой.
Скажи мнѣ, повѣдай, что ты несешъ въ сумкѣ?..»
Микула нашъ сталъ на пути, и стоитъ.
«А вотъ подымика-ее, говоритъ,—
Тогда и узнаешь, что я несу въ сумкѣ.»
А самъ съ этимъ словомъ,—догадливъ онъ былъ,
Самъ снялъ съ себя сумку свою, положилъ
На мать сыру-землю, и смотритъ: что будетъ?
«Наѣзжалъ тутъ богатырь въ степи
«На маленьку сумочку переметную.
«Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, она не скрянется,
«Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется;
«Хватитъ съ коня руками,—не подымается:
«—Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«—А эдакого чуда не наѣзживалъ,
«—Такого дива не видывалъ:
«—Маленькая сумочка переметная
«—Не скрянется, не сворохнется, не подымется.
«Слезаетъ Святогоръ съ добра коня,
«Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
«Поднялъ сумочку повыше колѣнъ,
«И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
«А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.»
Грузь тяги земной Святогора сломилъ,

Digitized by Google

Отецъ земледѣлья его побѣдилъ;
Такъ онъ, на томъ мѣстѣ, скалой и остался.
«Гдѣ Святогоръ угрязъ, тамъ и встать не могъ,
«Тутъ ему было и кончаніе.»
Безъ боя Микула его одолѣлъ;
Безъ спора, землею его овладѣлъ...
Но есть и другое объ этомъ преданье:
Жаль стало Микулушкѣ богатыря;
«Погибнетъ могучая силушка зря!»
Взялъ онъ Святогора за мощныя плечи...
«Ну, дивный же точно ты есть человѣкъ!
Живу на землѣ не единый я вѣкъ,
Не видѣлъ такого». Сказалъ дивъ, поднявшись.
«Открой, кто такой ты? Какъ мнѣ тебя звать,
По отчеству-роду тебя величать?
Повѣдай, что въ этой положено сумкѣ»?
—Изволь! Селянинычъ ему говоритъ.
Скажу тебѣ, кто я. Весь міръ давно чтитъ,
Подъ именемъ князя, меня,—князя-Кола.
—И я богатырь былъ, такой же, какъ ты;
Доступны мнѣ были небесъ высоты;
И я разъѣзжалъ тамъ, по небу, Возничимъ,
—Пахалъ тучи черныя сошкой златой;
Дажь-богъ лучезарный отецъ мнѣ родной;
Но послѣ спустился я съ неба на землю.
—Сырая Земля мать родная моя:
Затѣмъ-то она такъ и любитъ меня;
По ней я и сталъ Селянинычъ Микула.
—Какъ ты,богатырь,—дивъ древнѣйшихъ племенъ,
Такъ я,—земледѣлья князь новыхъ временъ;
А въ сумкѣ моей несу тягу земную.—
«Чтожь это за тяга такая? Опять
Его начинаетъ титанъ вопрошать.
Я вижу, ты свѣдущъ во всякой наукѣ;
«Лишь ты одинъ развѣ мнѣ можешь сказать:
Какъ мнѣ-бы судьбину мою разузнать.
Но прежде открой мнѣ, что это за тяга?»
—Что это за тяга?—А видишь ли вотъ,

Digitized by Google

То трудъ мой тяжелый, кровавый мой потъ,
Что я ублажаю родимую землю;
—То, видишь, вседневная наша страда,
Что Богъ наложилъ на мой родъ навсегда,
Пока людямъ нуженъ хлѣбъ будетъ насущный;
—То силушка наша, что родъ только мой
Владѣетъ,—родъ этотъ, любимый землей;
Та силушка, въ мірѣ кого нѣтъ сильнѣе.
—А ты, богатырь-дивъ, силачь Святогоръ,—
Какъ ты богатырь есть ущелій и горъ,
То ты поѣзжай-ка отсюда на Сиверъ.
—Поѣдешь все прямо до розстани ты;
На разстани той разойдутся пути;
Ты путь возьми влѣво, и въѣдешь ты въ горы;
—Тамъ кузницу встрѣтишь, подъ древомъ большимъ;
То древо стволомъ достигаетъ своимъ,
Стволомъ достигаетъ оно вплоть до неба;
—Но ты поѣзжай все себѣ до конца!
Пріѣдешь ты къ древу, проси кузнеца,
Проси, чтобъ тебѣ онь повѣдалъ судьбину.—
Кивнулъ Святогоръ и исчезнулъ вдали;
Микула-жь и родъ его славный пошли,
Какъ прежде, на Полдень, путемъ ихъ дорогой.
Гораздо ужь послѣ, въ позднѣйшіе дни,
Когда по верховьямъ шли Дона они,
Еще Святогоръ разъ мелькнулъ передъ ними;
Потомъ совершенно изъ виду пропалъ,
На Сѣверѣ. Тамъ кузнецъ вѣщій сковалъ,
Изъ двухъ волосковъ ему тонкихъ, судьбину.
Сковалъ онъ два волоса, точно такихъ,
Что нѣкогда были въ косахъ золотыхъ
Божественной Зифы,—жены бога Тора, *)
Прекрасной богини природы земной,
Божественной матери нивы златой,
Чей колосъ власатый и былъ ея косы.
Сковалъ кузнецъ вѣщій судьбину ему,

*) Торъ, богъ грома и земледѣлія у скандинавовъ.

Digitized by Google

И тутъ же, онъ гостю велѣлъ своему
Искать здѣсь, по этому краю, невѣсту;
Но эта невѣста спала крѣпкимъ сномъ,
Вся въ гноищѣ, будто въ болотѣ сыромъ,
Обросшая крѣпкой еловой корою,
Какъ бы намекая на Сѣверъ глухой,
Покрытый въ то время безплодной землей,
И весь погруженный еще въ сонъ глубокій.
Задумался крѣпко титанъ-Святогоръ:
Еще не трудился до этихъ онъ поръ,
А только лежалъ иль бродилъ,—такъ, безъ цѣли.
Однако, подумавши, онъ говоритъ:
«Поѣду туда, гдѣ она тамъ лежитъ,
Найду я ее, и убью поскорѣе.»
И точно, нашелъ онъ ее наконецъ,
Точь въ точь, какъ сказалъ ему вѣщій кузнецъ,
Всю въ гноищѣ смрадномъ, во снѣ непробудномъ,
И тѣло покрыто еловой корой.
Швырнулъ онъ на столъ ей казны золотой,
Что, видно, имѣлъ при себѣ онъ въ запасѣ;
Потомъ вынулъ мечь свой и началъ рубить
Дѣвицу по груди, чтобъ, значитъ, убить;
Рубилъ онъ, рубилъ,—такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.
Она же проснулась,—вскочила, глядитъ,
Кора съ нея спала, а возлѣ лежитъ
Казна золотая; и стала съ поры той—
Такой раскрасавицей чудной она,
Какихъ не видала дотолѣ страна;
А золото тотчасъ пустила въ торговлю.
Купила червленыхъ она кораблей
И всякихъ товаровъ себѣ, поцѣннѣй;
И торгъ повела по широкому морю.
Прошла о томъ слава до сѣверныхъ горъ;
Заслышалъ о ней,—нашъ титанъ Святогоръ,—
Явилась она и сама къ нему въ гости.
Сперва не узналъ онъ ее; но потомъ,
Когда, обвѣнчавшись, съ ней зажилъ вдвоемъ,
Узналъ по рубцамъ на ея бѣлой груди.

Digitized by Google

Тогда-то онъ понялъ, что гдѣ ни живи
И какъ ни надѣйся на силы свои,
Своей же судьбины никто не минуетъ.
И сталъ поживать съ своей женкою онъ,
Пока судьба новыхъ, позднѣйшихъ временъ
Его уложила совсѣмъ въ домовище.
Тогда позабылся онъ вѣчнымъ ужь сномъ,
Очистивши мѣсто въ томъ краѣ глухомъ
И силу свою передавъ людямъ новымъ [22]).

Межь тѣмъ Селянинычъ нашъ, съ родомъ своимъ,
Селился за быстрымъ Днѣстромъ и Дунаемъ.
Степной этотъ край былъ ему не чужимъ;
Здѣсь жили давно племена все родные.
И вскорѣ потомъ, на Дунайскихъ брегахъ,
Возникло большое Славянское царство,
Гремѣвшее древле въ окрестныхъ странахъ
Богатствомъ своимъ и широкимъ развитьемъ.
Отсель разселилъ онъ, Микула, свой родъ
До моря Венетовъ и сѣверныхъ Вендовъ.
Они не слилися въ одинъ міръ-народъ,
Но плотно насѣли на Югъ весь и Сѣверъ.
И долго еще, съ тѣхъ невѣдомыхъ лѣтъ,
Тотъ край процвѣталъ, край обширный, Славянскій;
И долго впослѣдствьи, его смутный слѣдъ
У насъ оставался въ старинныхъ преданьяхъ.
До позднихъ столѣтій къ себѣ онъ манилъ
Съ Днѣпра непосѣдныхъ князей нашихъ русскихъ;
Здѣсь первое было гнѣздо мощныхъ силъ
Славянскаго міра; здѣсь былъ первобытный
Путь съ Юга на Сѣверъ. Отсель долго шли
Славянскіе люди искать поселеній;
Нашъ князь *) звалъ тотъ край средой Русской земли,
Кіяне считали мѣста тѣ родными;
Какъ древній нашъ Донъ, такъ и тихій Дунай,
Понынѣ гремятъ въ нашихъ пѣсняхъ народныхъ;

*) Святославъ.

Digitized by Google

Славяне любили всегда этотъ край,
Какъ ихъ колыбель первобытную славы....
Всѣхъ прежде отсюда горами ушелъ
Сынъ Бргу, одного изъ боговъ первобытныхъ,
Нашъ древній Горыня. Съ собой онъ увелъ
Свой родъ, всегда жившій на высяхъ нагорныхъ.
Родъ этотъ нагорный съ тѣхъ поръ заселилъ
Не только Карпаты, но также часть Альповъ
И горъ Аппеннинскихъ, гдѣ онъ возростилъ,
Какъ мыслятъ иные, великаго Нуму;
Далъ Риму таблицы, что онъ получилъ
Отъ родственной Пріи, и ввелъ поклоненье
Божественной матери, Вестѣ-Землѣ,
Съ служеніемъ Роду и предкамъ усопшимъ;
Какъ позже, въ родимой Славянской семьѣ,
Та самая Прія же, съ поля Стадицы
И изъ-за желѣзнаго прямо стола,
Дала чехамъ князя, благаго Премысла,
Чья дочерь, Любуша-княжна, приняла,
Потомъ отъ нея же, со доской правдодатной,
И мечь правосудья.
Воинственный Римъ
Позднѣе осилилъ людей этихъ мирныхъ,
И занялъ могучимъ народомъ своимъ
Воздѣланный ими тотъ край благодатный;
А послѣ совсѣмъ ихъ оттоль оттѣснилъ
Обратно, въ Альпійскія снѣжныя горы;
Но сынъ Бргу и эти мѣста оживилъ
Своими трудами, и край его долго
Еще слылъ цвѣтущимъ [23]).
Потомъ собрался,
Тревожимый Римомъ, и онъ самъ, Микула;
Съ побережья Дунайскаго онъ поднялся
Съ своимъ древнимъ родомъ на Западъ и Сѣверъ,
Гдѣ всюду кишѣлъ міръ Славянскій.
Земля
Давно ужъ утратила чудный свой образъ,
И Божій міръ, новымъ условьямъ внемля,

Digitized by Google

Вездѣ покорился обычнымъ законамъ.
Прошла пора прежнихъ, губительныхъ грозъ
И страшно-прекрасныхъ стихійныхъ явленій;
Вѣкъ, вновь наступившій, съ собою принесъ
Законъ неизмѣнный временъ главныхъ года.
Растительность стала гораздо слабѣй,
Съ Полночи пахнуло холодною влагой;
Очищенный воздухъ сталъ мягче, свѣтлѣй,
Природа сподручнѣй трудамъ человѣка;
Чудовища скрылись по темнымъ лѣсамъ,
По дикимъ ущеліямъ горъ неприступныхъ,
Въ степной —глубинѣ, и являлись, то тамъ,
То здѣсь, какъ пришельцы изъ чуждаго міра.
Духъ жизни покойной парилъ по полямъ,
По свѣтлымъ озерамъ, по глади зеленой
Цвѣтущихъ луговъ и широкихъ степей;
Все стало иначе и въ воздухѣ ясномъ,
И въ небѣ прозрачномъ, и въ мракѣ ночей,
И въ самомъ сіяньи живящаго солнца;
Вездѣ взоръ встрѣчалъ слѣдъ обычныхъ звѣрей
И стаи живущихъ повынѣ пернатыхъ;
За то сельскій трудъ бралъ ужь больше людей
И требовалъ спѣшности въ каждой работѣ.
  На встрѣчу Микулѣ съ Полночи идетъ
Теперь Морозъ юный; такой онъ веселый....
«Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
Съ чѣмъ въ нашу родную сторонку идете?.. .»
— Идемъ мы съ Полденъ, земледѣльческій родъ;
Несемъ тишину, трудъ благой и обилье!—
Они отвѣчаютъ: «Богъ въ помощь будь вамъ!
Идите къ намъ съ миромъ, и я вамъ гожуся.»
  Идутъ имъ на встрѣчу по тѣмъ же степямъ
И снѣжная Вьюга съ сестрою Мятелью.
«Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
Съ чѣмъ въ нашу родную земельку идете?»
— Идемъ мы съ Полденъ, Селяниныча родъ;
Несемъ въ страну вашу кровъ теплый, семейный,
Домашній очагъ, поклоненье богамъ,

Digitized by Google

И вамъ также, тетки!—они отвѣчаютъ.
«Въ часъ добрый, въ часъ добрый! Богъ въ помощь будь вамъ,
Идите къ намъ съ миромъ, и мы васъ не тронемъ.»
И точно, своимъ непрестаннымъ трудомъ,
Спокойнымъ своимъ и веселымъ терпѣньемъ,
Они торжествуютъ въ томъ мірѣ чужомъ
Надъ мертвенной глушью и дикой природой.
Морозъ для нихъ стелетъ чрезъ воды мосты,
Холодная вьюга, мятель снѣговая
Даютъ еще больше имъ силъ, могуты;
А чуть не подъ мочь имъ, вотъ теплая хата,
Изъ глины съ соломой; въ ней дымный очагъ,
Вокругъ стѣнъ—куты, а впослѣдствьи палати;
Ложись на нихъ всякій, кто холоду врагъ,
И слушай, какъ вьюга хохочетъ и воетъ.

Межь тѣмъ, между Дономъ и славнымъ Днѣпромъ,
Волшебная Прія построила городъ,
Едва ли не первый въ странѣ той, и въ немъ
Воздвигнула храмъ неизвѣстному богу.
Никто не видалъ, какъ явились они, —
И городъ, и храмъ,—и никто не замѣтилъ,
Кто строилъ. Такъ въ тѣ первобытные дни
Все было таинственно или чудесно.
Она отсчитала, при пѣсняхъ подругъ,
Шесть тысячъ шаговъ на таинственный Западъ,
Шесть тысячъ на Сѣверъ, шесть тысячъ на Югъ
И столько-жь къ Востоку; отколь ни взялися
Работники вѣщіе, — въ нѣсколько рукъ
Одни тешутъ, рубятъ, другіе копаютъ, —
И городъ чудесный готовъ ужъ у нихъ.
Раскинулись рвы и зубчатыя стѣны,
Насыпался валъ, а въ стѣнахъ городскихъ
Возвысился храмъ неизвѣстному богу;
И, вѣрно,—украшенный также рѣзьбой,
Рѣзными стѣнами, какъ строились позже
Они на Поморьѣ; а каждой стѣной
Лицемъ, на четыре страны главныхъ свѣта.

Digitized by Google

Кто-жь былъ этотъ богъ, представитель небесъ?
Хоть Греки его и считали за Вакха;
Но это могъ быть лишь богъ—Солнце, Велесъ,
Иль образъ новѣйшій его, возникавшій
Въ лицѣ Святовита.
Устроивши храмъ,
Навѣрно, велѣла срубить возлѣ храма
Она и тѣ избы съ рѣзьбой по стѣнамъ,
Тѣ древнія наши родныя кутины,
Что строилъ при храмахъ славянскій народъ,
Для пиршествъ мірскихъ и народныхъ собраній;
Гдѣ часто съ утра до утра на пролетъ
Тогда совмѣщались и тѣ, и другія.
Вкругъ храма воздвиглись жилища жрецовъ,
Навѣсы и лавки для мѣстнаго торга;
Заѣзжіе Греки тѣхъ первыхъ вѣковъ
Особенно много замѣтили лавокъ,
И назвали жителей, будто по нимъ,
Будинами; а по родному ихъ богу, —
Геллонами [24]).
Этимъ названьемъ чужимъ
Обязаны были они древнимъ грекамъ;
Сосѣдніе-жь скифы, узнавъ ближе ихъ,
Имъ дали названіе Виндовъ и Вановъ:
Съ тѣхъ поръ, можетъ быть у чужихъ и своихъ,
И вѣщую Прію звать начали Ваной.
Такъ раньше иль около тѣхъ же временъ,
Въ другомъ только краѣ, сынъ Зевса и нимфы
Младой Антіопы, пѣвецъ Амфіонъ,
Въ такой же пустынной странѣ, Беотійской,
Волшебной игрою на лирѣ златой,
Воздвигнулъ изъ камня священный градъ Фивы
И собралъ въ него свой народъ свой, той порой
Еще обитавшій въ глубокихъ пещерахъ.
Чудесными звуками лиры своей
Сзывалъ онъ на трудъ тотъ звѣрей и пернатыхъ,
Влагалъ душу въ камни, и въ нѣсколько дней
Возникъ населенный, устроенный городъ.

Digitized by Google

Градъ Ваны сталъ царствомъ торговыхъ людей.
Микула пожертвовалъ въ храмъ и ту сошку,
И тѣ золотые сосудъ и топоръ,
Что древле упали ему прямо съ неба.
Вся эта святыня хранилась съ тѣхъ поръ
Въ особенномъ мѣстѣ; лишь разъ ежегодно
Ее выносили въ торжественный день
Къ народу, чтобъ всѣ ей могли поклониться [25]).
Подъ эту жь родную, священную сѣнь,
Вселилась и Грозная, съ свитой гадальщицъ
И дѣвъ щитоносныхъ, что вскорѣ потомъ
Низвергли у Кимвровъ ихъ храмъ Артемиды,
Богини-Луны, и въ восторгѣ святомъ
Побили жрецовъ ихъ [26]).
Какъ прежней порой,
И здѣсь, подъ рукой
У ней испускали духъ лучшія жертвы;
Будь миръ иль война,
Все также она
Свершала вѣщбу и готовила жертвы;
Ѣзжала притомъ
Она и посломъ,
Отъ племени-рода, къ князьямъ иноземнымъ;
И здѣсь-то у ней
Всего сталъ виднѣй
Ея умъ высокій и ловкая смѣтка;
И даже, подъ-часъ,
Смущались не разъ
Умнѣйшіе люди ея хитрой рѣчью;
А что до борьбы
Иль мѣткой стрѣльбы,
То въ этомъ никто съ ней не могъ состязаться;
Ходила молва,
Что даже едва
Поднять восьмерымъ ея лукъ волокитный.
Она-жь той порой
Была и собой,
И станомъ статна, и лицомъ красовита;

Digitized by Google

И съ этихъ ужь поръ
Ея гордый взоръ
Былъ страшенъ, сверкавшей въ немъ вѣщею правдой;
Знай, чья-де семья
Вскормила меня,
И вотъ каковы мы, всѣ дочки Микулы.

Въ тожь время у нихъ
Еще воздвигался другой, степной городъ,
Таинственный городъ кургановъ большихъ,
Священныхъ гробницъ и могильныхъ сосудовъ, —
Послѣдній пріютъ этотъ предковъ святыхъ,
Любимое сходбище душъ ихъ безсмертныхъ,
Гдѣ въ образахъ смутныхъ *) витали онѣ
По вѣтвямъ деревьевъ небеснаго Рода,
И гдѣ выжидали въ нѣмой тишинѣ
Обряда сожженья, чтобы войти въ небо.
Здѣсь, въ этомъ пріютѣ, въ извѣстные дни
Сходилися близкіе люди усопшихъ;
Сюда приносили съ собою они
Поминки, что сами-жь потомъ истребляли
У нихъ на гробницахъ. Когда-жь въ небесахъ
Блестящее солнце склонялося къ смерти,
Чтобъ вновь возродиться въ весеннихъ лучахъ,
Какъ ихъ Могуль-птица, сей Фениксъ славянскій,
Весь родъ собирался среди этихъ мѣстъ,
И въ складчину, въ свѣтлыхъ народныхъ кутинахъ
Или на лугу при сіяніи звѣздъ,
Свершалъ ежегодно обычныя справы.
Тогда прекращались у нихъ всѣ дѣла;
Дымилися жертвы, свершалися игры,
Все было пьяно, и вечерняя мгла
Едва отличала живаго отъ мертвыхъ [27]).
Такъ въ среднемъ Египтѣ, съ сѣдой старины
Понынѣ, межь Фивъ и священнымъ Мемфисомъ,
По лѣвому берегу Нила, видны,

*) Большей частію,—птицъ.

Среди камышей и зеленыхъ алоевъ,
Въ обширныхъ равнинахъ остатки гробницъ, —
Быть можетъ, священныхъ гробницъ Озириса
И самыхъ древнѣйшихъ царей и царицъ,
Почетныхъ жрецовъ или славныхъ героевъ.
Они ожидаютъ въ сихъ злачныхъ мѣстахъ,
Покуда ихъ души пройдутъ всѣ мытарства
Или испытанья въ различныхъ мірахъ,
И вновь воплощенныя, внидутъ въ міръ Солнца.
Мѣста благодатной, святой тишины,
Безмолвное царство покоя, прохлады,
И вѣчно-цвѣтущей блаженной весны!
Ихъ такъ и считали, — мѣстами блаженства,
И всѣмъ украшали при жизни своей,
Считая земные дворцы и чертоги
Гостинницей только, на нѣсколько дней;
А эти кладбища жилищемъ на вѣки.

Воздвигнувши городъ и въ немъ первый храмъ,
Чудесная Вана потомъ учредила
Гаданья и празднества свѣтлымъ богамъ,
Дни сельскихъ работъ и народныхъ собраній,
Какъ это указано, — по временамъ
Священнаго года, что горніе духи
Мотаютъ вокругъ своего колеса,—
Златой тканью дня, освѣщая вселенну,
А черной, скрывая всю ночь небеса
И самое солнце; пока въ концѣ года
Не встрѣтится съ ними сѣдая зима,
И вновь колесо поворотитъ на лѣто [28]).
Но вѣщая Вана была и сама
Чудесной ткачихой. Она незамѣтно
Наладила станъ свой, взяла горсть полну
Тѣхъ солнечныхъ нитей, на нихъ основала
Златую основу, и, какъ въ старину,
Заткала въ странѣ ткань златую дней новыхъ.
А вкругъ нея также, какъ прежде, цвѣтутъ
Сады моложавыхъ божественныхъ яблокъ,

Digitized by Google

Играетъ живая водица, поютъ
Незримыя гусли родимыя пѣсни...
Далеко молва про градъ чудный бѣжитъ,
Край Ваны считается краемъ волшебнымъ;
Отважный торговецъ изъ чужа спѣшитъ
Къ нему, по пустынямъ, едва проходимымъ;
А сонмы священныхъ гадальщицъ ея
Лытаютъ толпой по народамъ окрестнымъ,
И вѣщее знанье разносятъ свое,
Какъ въ древней отчизнѣ, по всѣмъ перепутьямъ.
Подобная дивной богинѣ весны,
Она и сама, между тѣмъ, обходила
Поля и селенья любимой страны;
Порой оправляла на нивахъ колосья,
Поля насыщала обильнымъ дождемъ;
Порой помогала хозяйкамъ въ работѣ;
Сидѣла по-долгу у нихъ за ткаиьемъ
Или за куделью. Съ особеннымъ тщаньемъ
Она охраняла любимый свой ленъ,
Почто и считалась всего благосклоннѣй
Къ ткачихамъ и пряхамъ. Со всѣхъ ей сторонъ
Тогда приносились дары и обѣты.
Она раздавала любовнымъ четамъ
Обилье и счастье, снимала болѣзни.
Гдѣ шла она краемъ, по этимъ мѣстамъ,—
Какъ въ праздникъ, тотчасъ прекращались
Ручныя работы, — нигдѣ не толкли,
Не шили, не пряли; нигдѣ не стирали,
Не брали золы, не пахали земли,
Чтобъ пыль иль кострика, на грѣхъ, не попала
Ей въ ясныя очи; но всѣ съ торжествомъ
Встрѣчали ея дорогое пришествье.
Во все это время она божествомъ
Была и кумиромъ народнымъ. Не чтившихъ
Дней этихъ великихъ карала она
Болѣзнями,—чаще всего слѣпотою.
Но это всѣ знали, и міръ издавна
Любилъ ублажать молодую богиню [29]).

Digitized by Google

Съ тѣмъ вмѣстѣ, чія древній обычай отцовъ,
Давать отъ избытковъ трудовъ своихъ сельскихъ
Извѣстную долю сѣмянъ и плодовъ
Богамъ вѣковѣчнымъ, она ежегодно
Сряжала ладью или судно съ пшеномъ,—
Отъ цѣлой страны, въ даръ Дельфійскому богу;
Обычай, что свято хранился потомъ
Во всемъ ея краѣ, который усердно
Своими дарами впослѣдствьи снабжалъ
Кумирни Біармскихъ боговъ и Поморскихъ [30]).

Микулинъ родъ сѣлъ по цвѣтущимъ брегамъ
Дуная, Днѣстра,—по священному Бугу
И тихому Дону, по злачнымъ степямъ
Приморскимъ и свѣтлымъ раздольямъ Днѣпровскимъ.
Куда онъ ни ставилъ селенья свои,
Все чуяло тотчасъ его приближенье;
Звѣрь хищный и дивы скрывались въ глуши,
А малые звѣри и птицы искали
Сосѣдства съ нимъ. Съ первой его бороздой,
Лѣсъ пятился въ долы, гора расползалась,
Болота бѣжали въ овраги съ водой,
Зима даже образъ теряла суровый.
Всѣ были довольны кормильцемъ своимъ;
Кому трудоваго онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
Кого миротворитъ совѣтомъ благимъ,
Кого и прихлопнетъ тяжелою сошкой.
Съ нимъ вмѣстѣ, на тѣхъ же привольныхъ мѣстахъ,
Селились и боги: кто въ омутахъ темныхъ,
Кто въ бортныхъ угодьяхъ, въ озерахъ, рѣкахъ,
Кто въ самой избѣ, на дворѣ, въ огородѣ,
А кто на току иль на ближнихъ поляхъ.
Микула держалъ ихъ подъ явнымъ заклятьемъ;
Они приносили подспорье въ трудѣ,
Пасли его скотъ и коней, извѣщали,
Что чуютъ къ добру и что къ худу,—къ бѣдѣ,
Давали и ведро ему и ненастье;
За то и Микула поилъ ихъ, кормилъ;

Digitized by Google

Инымъ загибалъ золотыя колосья,
Какъ даръ, на бороздку,—и край его слылъ,
Во мнѣніи многихъ, въ то время чудеснымъ.
Земля была въ общемъ владѣньи, ничьей;
Микула самъ долго дѣлилъ ежегодно
Ее въ каждомъ родѣ; впослѣдствіи-жь дней,
Какъ роды размножились, каждое племя
Тогда владѣть стало землею своей.
У каждаго племени былъ свой участокъ,—
Его дѣлилъ міръ весь, между огнищанъ;
Кто велъ самъ хозяйство, или былъ владѣльцемъ.
Тотъ былъ въ дѣлежѣ. Такъ велось у славянъ,
И также ведется у нихъ и понынѣ.
Старѣйшіе были главами семьи;
Изъ многихъ семействъ составлялся родъ кровный,
Имѣвшій отдѣльный участокъ земли;
Изъ нѣсколькихъ кровныхъ родовъ возникало
Отдѣльное племя, а послѣ народъ.
У нихъ были общій языкъ и преданья;
Старѣйшинамъ рода во всемъ былъ почетъ
Особый въ народѣ; изъ нихъ избирались
Князья, воеводы, жупаны, судьи,
Жрецы и владыки. Богатымъ служили
Рабы,—больше люди изъ чуждой земли.
Рабомъ становился тогда каждый плѣнникъ.
Отважные мужи искали въ войнѣ.
Добычи и славы въ мѣстахъ отдаленныхъ;
Славнѣйшіе храбростью въ цѣлой странѣ
Отъ нихъ избирались въ князья-воеводы [31]).
Но каждый родъ зорко, ревниво стоялъ
За міръ свой отдѣльный, свой міръ самобытный,—
Чтобъ въ край его вольный никто не дерзалъ
Вносить свой законъ или чуждый обычай.
И это-то самое стало зерномъ
Грядущихъ тѣхъ смутъ и кровавыхъ усобицъ,
Что долгое время терзали потомъ,
Какъ алчные звѣри, міръ древній славянскій.
Чѣмъ далѣе шли они они въ глубь ихъ страны,

Digitized by Google

Тѣмъ дальше еще духъ манилъ ихъ отважный.
Однихъ уносило грозою войны
За синее море, въ далекія царства;
Другіе засѣли въ дремучихъ лѣсахъ,
И стали своимъ даже послѣ чужими;
Иные погибли въ кровавыхъ бояхъ
Или измѣнили ихъ прежнее имя.....
Такъ бурныя воды нагорныхъ вершинъ,
Разлившися мутнымъ, кипящимъ потокомъ,
Несутся по склону широкихъ равнинъ,
Куда направляетъ ихъ дикая мѣстность.
Однѣ образуютъ, разливомъ своимъ,
Большія озера, глубокія топи,
Другія уходятъ, по доламъ лѣснымъ,
Въ гнилыя болота, или очутившись
Въ пустынныхъ оврагахъ безплодныхъ степей,
Потомъ высыхаютъ отъ знойнаго солнца;
Иныя-жь, собравшись въ теченіи дней,
Въ рѣчное русло, среди балокъ глубокихъ,
Несутся привольно вдоль злачныхъ полей
И кормятъ собою прибрежныя страны.
Красиво бѣжитъ очеркъ ихъ береговъ
Къ большимъ городамъ и веселымъ селеньямъ,
Кивая вдали парусами судовъ,
Пестрѣя плотами и стаями лодокъ;
Далеко синѣютъ, блестятъ ихъ струи,
Межъ нивъ золотыхъ и кудрявыхъ прибрежій,
Мѣстами раскинувши воды свои
Какъ синее море..... Окрестныя страны
Едва уже знаютъ, откуда пришли
И гдѣ получили они ихъ начало,
Какіе поили народы земли,
Съ какими другими смѣшались рѣками;
Далеко исчезнулъ истокъ ихъ родной,
Не разъ измѣнилось у нихъ и названье,—
И міръ уже новый, позднѣйшей порой,
Съ трудомъ разбираетъ всѣ эти загадки.

Digitized by Google

Край темный Микулы замѣтно свѣталъ,
Подъ вѣщимъ наитьемъ чудесной ткачихи.
Точетъ она, Вана—ей свѣтитъ богъ Свалъ;
Точетъ она, Вана, красна дорогія
Судебъ страны новой. Вертятся предъ ней
На спицахъ златыхъ колеса міроваго
Блестящія нити ея новыхъ дней;
Играетъ надъ нею небесное стадо,
Воздушное стадо тѣхъ пестрыхъ юницъ,
Что каждое утро раждаются снова;
Стучатъ тамъ колеса златыхъ колесяницъ
Духовъ лучезарныхъ, которые гонятъ
Стада дождевыя златыхъ облаковъ,—
Коровъ этихъ рыжихъ, что по небу возятъ
Молочную воду, мать сельскихъ плодовъ,
И ей наполняютъ голодную землю;
Доятъ каждый вечеръ онѣ надъ землей,
И каждое утро ихъ теплые гимны,
И Вана пріемлетъ душою простой
Родное млеко ихъ,—ихъ дивныя пѣсни [32]).
Точетъ она, Вана, выводитъ она
Узоры, разводы, какъ будто рисуетъ:
Выходитъ осѣдлая уже страна,
Рѣдѣетъ туманъ, подымается солнце;
Все дико кругомъ еще; но вотъ видна
Соха земледѣльца, блестятъ злачны нивы;
Межь нихъ видны села, пасутся стада,
Идутъ по безлюднымъ степямъ караваны;
По Дону, Днѣпру, забѣлѣли суда;
Снуетъ народъ сельскій, шумитъ торгъ веселый;
Грозя острымъ тыномъ, встаютъ города,
Окрестность пестрѣетъ сынами Микулы.

Въ то древнее время Микулы сыны
Ужь ѣздятъ въ Аѳины, и тамъ изучаютъ
Тогдашнюю мудрость,—къ соблазну страны,
Заимствуя много обычаевъ новыхъ.
Особенно славились въ тѣ времена

Digitized by Google

У грековъ врачи ихъ, своимъ врачеваньемъ.
Эллада усвоила ихъ имена,
Воздвигнувши въ честь ихъ кумирню. Князья ихъ
Не чужды развитья. Отъ грековъ къ инымъ
Ѣзжали артисты; но звуки мелодій
Имъ нравились меньше, — имъ, людямъ степнымъ,
Чѣмъ дикое ржанье коня боеваго.
Весь край, заселенный Микулой благимъ,
Пестрѣлъ ужь толпами бродячихъ торговцевъ,
Степныхъ Алазоновъ. Эллада, Востокъ
И Сѣверъ мѣняютъ свои съ нимъ товары;
На рынкахъ Аѳинъ постоянный притокъ
Приморскихъ сыновъ его; въ нихъ цѣнятъ честность;
Они нанимаются въ должности слугъ,
Градскихъ сторожей и приставниковъ къ дѣтямъ.
Для нихъ еще теменъ свѣтъ хитрыхъ наукъ;
Но въ Ольвіи греки ужь ихъ научили
Чертить угловато свои письмена;
Черты эти служатъ ихъ знахарямъ вѣщимъ,
Что такъ уважала вездѣ старина,
Для высшей вѣщбы и священныхъ заклятій.
Въ прибрежіяхъ Дона, изъ Греціи шелъ
Широкій торговый путь къ дальнему Инду;
Отъ Ваны ходили посольства; посолъ
Всегда былъ гадатель или пѣвецъ вѣщій.
Чуръ древне-арійскій, тотъ прежній чурбанъ,
Хранитель полей и домашняго крова,
Сталъ витяземъ юнымъ, хранителемъ странъ,
Богатымъ, красивымъ прелестникомъ женщинъ [33]).
Но весь родъ Микулы межь греками слылъ
Подъ общимъ, стариннымъ названіемъ Скифовъ;
Въ глазахъ скандинавовъ онъ долго хранилъ
Свой блескъ первобытный, и долго считался
У нихъ родомъ высшимъ. Самъ Римъ полагалъ
Индѣйское море въ брегахъ Меотійскихъ;
И даже Микула въ то время искалъ
На древнемъ Поморьѣ Индѣюшку древню.
Принесъ-ли съ собою ученье Будды

Digitized by Google

Микула въ край новый?—Иные находятъ
Въ то время учен.я буддистовъ слѣды
По древнему Понту; особенно въ мрачной
Странѣ Фессалійской, гдѣ славный кумиръ
Додонскаго храма давалъ прорицанья.
Будды нѣтъ у грековъ; но греческій міръ
Во Фракіи зналъ ужь отшельниковъ чудныхъ,
Которые жили въ пустынныхъ горахъ,
Чуждалися пищи мясной и питались
Лишь сыромъ, *кокурами* и молокомъ,
За что и считались въ народѣ святыми.
Князья древнихъ скифовъ ихъ брали потомъ
Къ себѣ для совѣта; иные служили
Жрецами при храмахъ. Не той ли порой
Мудрецъ Замолксисъ проповѣдывалъ скифамъ
О тождествѣ жизни загробной съ земной?
А позже нахлынуло столько съ Востока
Каликъ перехожихъ, и столько съ собой
Они принесли разнородныхъ ученій
И всячески толковъ, что нѣтъ ничего
Простѣе, какъ видѣть межь нихъ и буддистовъ [34]).
Старинный Микула нашъ больше всего
Въ то время былъ славенъ могучею силой
Своихъ заклинаній. По слову его,
Сходилъ съ неба дождь и являлося ведро;
Онъ могъ вызвать тучу и съ бурею градъ;
Волхвы его, дѣвы вѣщбы и гаданій,
Съ небесъ крали мѣсяцъ; ужасный ихъ взглядъ
Лишить могъ стада и поля плодородья;
Онѣ насылали болѣзнь, худобу
И всякое лихо; онѣ заклинали
Оружье, давали младенцамъ судьбу,
Недолю и долю, богатство и бѣдность [35]).
По мѣрѣ, какъ новый край Ваны свѣталъ,
Страна раскрывалась все шире предъ нею.
Ея край немало къ себѣ привлекалъ
Людей очень дальнихъ, племенъ неизвѣстныхъ.
Она въ нихъ узнала и многихъ сыновъ,

Digitized by Google

Оставленныхъ ею еще на Востокѣ;
Но большая часть ихъ жила средь лѣсовъ,
Они испещряли себѣ тѣло краской,
Кидались, какъ звѣри, на трупы враговъ,
Снимали съ нихъ скальпы, и съ жадностью пили
Горячую кровь. Поклонялись они
Большому мечу, концомъ врытому въ землю,
Какъ знаменью молніи; но въ эти дни
Иные имѣли и бытъ ужь осѣдлый.
На Волгѣ широкой жилъ тою порой
Степной богатырь. Назывался онъ Росомъ.
По немъ ли рѣка прозвалася святой, *)
Иль онъ самъ отъ Росы заимствовалъ имя;
Но гдѣ богатырь ни селился потомъ,
Тамъ рѣки вездѣ признавались святыми,
Какъ будто бы въ имени этомъ родномъ
Просвѣчивалъ въ краѣ грядущій хозяинъ.
«А много (тогда было) богатырей,
«Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ....
«Первая застава—сѣры волки,
«Другая застава—змѣи лютыя....»
Все это, какъ позже гораздо подъ Кіевомъ.
Не въ эти ли жь дни наѣзжали сюда
Воители чуднаго уже Востока, —
Тѣ витязи степи, что были тогда
Еще побратимы богатырей нашихъ?
Не той ли еще первобытной порой
Нашъ Вольга Всеславичъ, тогда юный витязь,
Встрѣчался впервые съ сохой золотой
И вѣщею силой роднаго Микулы?....
Но край нашъ въ то время былъ бурный потокъ
Иль море племенъ, — и онѣ проносились,
Какъ волны. Сначала манилъ ихъ Востокъ,
А позже Царьградъ и Траяново царство.
Въ числѣ другихъ скифовъ,—какъ съ первыхъ временъ
Насъ прозвали греки,—отсюда неслися
И внуки Микулы, какъ вѣтръ-Аквилонъ,

*) Росъ—значило собственно святой, священный.

Digitized by Google

Въ цвѣтущія царства Сиріянъ и Мидянъ,
И въ край древнихъ Персовъ. Степной Вавилонъ
Ихъ звалъ тогда Росомъ и Гогомъ-Магогомъ.
Отъ нихъ палъ во прахъ градъ боговъ Аскалонъ,
Съ его древнимъ храмомъ святой Артемиды:
И долго набѣгъ ихъ, до позднихъ временъ,
Казался народамъ насланіемъ Божьимъ [36]).
Въ самой еще Ванѣ ея духъ младой
Двоился межь свѣтлой и темною силой.
Ей былъ неизвѣстенъ еще кругъ родной
Племенъ однокровныхъ. Ея духъ свободный
Кипѣлъ тогда дикою, хищной враждой
Ко всѣмъ и всему, что ей было чужое;
А чуждой была ей тогда вся страна,
И самые даже сыны тѣ родные.
Они жили порознь, корысть лишь одна
Могла собирать ихъ на время въ союзы.
И духъ ея жадный, какъ прежде, леталъ
За тридевять странъ въ тридесятое царство.
Блескъ солнечный въ тучахъ предъ ней рисовалъ
Блестящія груды несмѣтныхъ сокровищъ,
Сокрытыхъ въ какихъ-то далекихъ горахъ;
За моремъ воздушнымъ, ей видѣлись царства,
Златыя палаты, въ цвѣтущихъ садахъ,
И множество всякихъ богатствъ и диковинъ.
Хотѣлось бы Ванѣ всѣмъ этимъ владѣть,
Хотѣлось бы ей быть надъ всѣми царицей,
И всѣхъ покорить тамъ, и все богатѣть....
Она никогда не спала совершенно.
Едва ея очи смыкалъ тяжкій сонъ,
Она становилась тотчасъ вѣдогонью: [37])
Ея вѣщій духъ, преисполненный силъ
Таинственныхъ, сбрасывалъ тихо, какъ ризу,
Уснувшее тѣло съ себя, и бродилъ
То въ видѣ волчихи, то въ видѣ кабана,
Или уносился ночнымъ мотылькомъ
Въ враждебныя земли. Она угоняла
Стада ихъ къ себѣ, уносила тайкомъ

Digitized by Google

Домашнія вещи у нихъ и богатство;
Или разжигала въ родимыхъ сынахъ
Воинственный жаръ ихъ къ далекимъ походамъ,
Иль сѣяла смуту въ своихъ же странахъ,
Чтобъ ей быть надъ всѣми вольнѣй госпожею.
Призывала она, Вана,
Призывала къ себѣ дѣтокъ,
И давала имъ и хлѣба,
И давала имъ и браги,
Златопѣнистаго меду;
Говорила она дѣткамъ:
«Вы сотрите съ себя краски,
Вы снимите волчьи кожи,
Перестаньте быть звѣрями;
А живите какъ живемъ мы!»
Но никто ее не слушалъ;
Лишь одинъ ей отозвался,
И сказалъ отъ сердца къ сердцу:
«Эхъ, ты матушка родная,
Всѣ мы, всѣ твои мы дѣти;
Всѣмъ отецъ намъ—Солнце-красно,
Всѣмъ намъ мать—родная Прія.
Дай сперва намъ нагуляться,
Любо намъ быть и звѣрями;
Это въ насъ душа гуляетъ,
Молодая кровь играетъ.
И въ волкахъ твоихъ рыскучихъ,
И въ змѣяхъ твоихъ шипучихъ,
И въ твоемъ тишайшемъ Донѣ,
Все одинъ духъ богатырскій.....
А имѣть въ насъ будешь нужду,
Только ты о насъ подумай;
Коль не я, другой изъ братьевъ,
Не другой, такъ, вѣрно, третій,
Поспѣшитъ тотчасъ на помощь;
А придетъ побольше нужда,
За тебя мы всѣ возстанемъ.»

Digitized by Google

Пѣснь 4-я.

ВОЙНА АСОВЪ СЪ ВАНАМИ.

„Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ, какъ будто завѣщена была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ, на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ.“ (Сѣв. нар. Костомаровъ 1. ст. 329.)

„Ex Oriente lux. Свѣтъ идетъ съ Востока.“

Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;
Гдѣ ты, о міръ древнихъ временъ?
Гдѣ духъ богатырскій, гдѣ онъ?
Все скрылось, промчалось.... Куда?
Исчезнуло,—нѣтъ и слѣда.
Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;
А съ ними и міръ нашъ идетъ,—
Идетъ, и съ собой всѣхъ ведетъ;
А что тамъ осталось вдали,
То сами же люди смели.
«Какъ день за днемъ, будто дождь дождитъ,
«Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
«А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ».
Нашъ міръ настоящій навѣки отъ насъ
Закрылъ тотъ міръ прежній. Слои новыхъ красокъ

Digitized by Google

Покрыли собою ужь нѣсколько разъ
Широкую кисть и блестящія краски
Картинъ тѣхъ поблекшихъ, а міръ нашъ живой
Давно затопталъ слѣдъ людей тѣхъ минувшихъ.
Давно опустился мракъ ночи глухой
На міръ этотъ мертвый, безмолвный, отжившій;
Едва видный очеркъ тѣней гробовыхъ,
Туманныхъ чертоговъ, людей-исполиновъ,
Таинственныхъ капищъ и чудищъ ночныхъ,
Встаетъ передъ ними изъ этого мрака.
Ничто не связуетъ съ ихъ жизнію насъ;
Давно міръ уснувшій ихъ—сталъ для насъ чуждымъ;
Все тамъ теперь призракъ, и мертвый ихъ гласъ
Не въ силахъ проникнуть въ міръ этотъ живущихъ.
При всемъ томъ, межъ нами есть чудная связь,
Сродство родовое, союзъ задушевный,—
И мы въ союзъ этотъ вступаемъ, родясь;
Чтожь это такое? Не духъ ли тотъ вѣчный,
Предъ кѣмъ нѣтъ пространства, ни давности лѣтъ,
Предъ кѣмъ вся вселенная—одинъ живой образъ,
Гдѣ онъ развиваетъ, присущій въ немъ свѣтъ,
И только мѣняетъ свой образъ наружный?
О, вѣщій Микула, твоя мнѣ семья
И люди твои для меня также близки,
И также любезны, и также родня,
Какъ нынѣ со мною живущіе люди.
Рядъ цѣлый столѣтій стоитъ между насъ,
Духъ смерти облекъ васъ въ иной уже образъ;
Но ты живешь также со мной, какъ въ тотъ часъ
Когда мы всѣ были твоими сынами.
Пускай смерть прошла между нами не разъ,
Ты живъ и теперь; но живя въ настоящемъ,
Ты тѣнь лишь въ минувшемъ.
Да, время течетъ,—
Оно развиваетъ міръ этотъ живущихъ;
Живые идутъ непрестанно впередъ,
А мертвые имъ пролагаютъ дорогу...
Едва начинаетъ теперь брежжить свѣтъ

Digitized by Google

Надъ Скиѳіей древній, внесенный наукой;
Но свѣдѣній точныхъ о ней еще нѣтъ;
Наука тамъ видитъ лишь міръ переходный.
Межь тѣмъ все яснѣй въ средѣ скифскихъ племенъ
Предъ ней выдвигается міръ нашъ Славянскій,
Какъ самый обширный; и тихій нашъ Донъ,
И Днѣпръ нашъ Словутичъ становятся нынѣ
Такой же для насъ колыбелью родной,
Какъ быстрый Дунай и весь край приднѣстровскій.
Славянъ застаетъ тамъ древнѣйшей порой
Исторія въ самомъ широкомъ развитьи;
И имя георговъ,—позднѣйшихъ полянъ,
И гетовъ, которыми правятъ Царины,
И древній богъ скифовъ, тумѣнный Воданъ,—
Богъ-Небо, приходятся намъ не чужими.
Средь нихъ слышна также славянская рѣчь,
И тотъ же замѣтенъ славянскій обычай;
А древній Водановъ божественный мечь
Не чуждъ и понынѣ славянскимъ преданьямъ.
Чтобъ сѣсть на Дунаѣ, Славяне должны
Занять были прежде придонскія степи,
И Днѣпръ, и весь край Черноморской страны.
Чтобъ имъ разсѣлиться въ послѣдствьи съ Дуная
На Сѣверъ и Западъ, Славянскій народъ
Быть долженъ обширнымъ и сильнымъ народомъ.
И точно, онъ движется быстро впередъ,
И гонитъ все дальше и кельтовъ, и нѣмцевъ.
Съ Дуная, по дикимъ Карпатскимъ горамъ
И синимъ рѣкамъ, для него неизвѣстнымъ,
Онъ скоро проходитъ къ глухимъ берегамъ
Еще темной Лабы и моря Морозовъ.
И вотъ, ужь посольство оттуда идетъ
Къ родному Микулѣ просить для полабья
Правителей мудрыхъ,—и Вана ведетъ
Туда братьевъ Лѣха и Чеха, изъ рода
Нагорныхъ Хорватовъ,—древнѣйшихъ въ Горбахъ
Потомковъ Микулы. Они раздѣлили,
Вдоль Лабы, страны на участки; въ лѣсахъ

Digitized by Google

Построили села, ввели земледѣлье;
Потомъ Чехъ воздвигнулъ средь этихъ лѣсовъ
Себѣ Велеградъ и священную Прагу;
А Лѣху чудесная стая орловъ
Открыла тотъ холмъ, гдѣ воздвигнулъ онъ Гнѣзно.
Когда же Лѣхъ умеръ; то власть вручена
Была Вышьшимиру иль Вышнему міру,—
Правленью мірскому,—и эта страна
Съ тѣхъ поръ управлялась верьховнымъ совѣтомъ
И вѣчемъ народнымъ.
И Чехъ, вслѣдъ за нимъ,
Скончался бездѣтнымъ. Народъ выбралъ Крока.
Крокъ былъ чародѣй. Племенамъ онъ своимъ
Оставилъ трехъ дщерей: гадальщицу Кашу,
Сестру ея,— жрицу, которой страна
Дала имя Тетки, и славную также
Своимъ чародѣйствомъ, Любушу. Она
Сперва управляла всѣмъ Чешскимъ народомъ;
Но вѣщая Вана дала ей потомъ
Въ мужья земледѣльца, младаго Премысла.
Онъ, парою пѣгихъ быковъ подъ ярмомъ,
Пахалъ свое поле родное, Стадицу,
Когда приглашенъ онъ былъ Чешской страной
На царство. «Ступайте къ святой рѣкѣ Бѣлой,
Сказала Любуша. Возьмите съ собой
Коня моего; онъ укажетъ вамъ мѣсто.»
Любушинъ конь будто того только ждалъ,
И прямо приводитъ пословъ на Стадицу.
Увидѣвъ Премысла, онъ громко заржалъ
И палъ на колѣни. Послы пригласили
Младаго Премысла на чешскій престолъ,
И въ княжью его облачили одежду;
Но прежде онъ сѣлъ за желѣзный свой столъ,—
Желѣзную сошку; на ней пообѣдалъ
Домашняго сыра и хлѣба; возсталъ,
И взявъ свои лапти, поѣхалъ съ послами;
А эти быки, на которыхъ пахалъ,
Взвилися на воздухъ, потомъ опустились,

Digitized by Google

И скрылись въ скалѣ,—и она въ тотъ же мигъ
Замкнулась за ними [1]).

Вдоль Лабы песчаной
И ниже ко взморью, куда ужь проникъ
Родъ также славянскій, чудесная Вана
Нашла и другихъ своихъ кровныхъ сыновъ,
Носившихъ тамъ мѣстныя больше названья,
Поодерцовъ, Лютичей, или Соколовъ,
Воинственныхъ Вагровъ, Руянъ и Рутеновъ.....
Они жили также охотой, войной;
Но только пришла къ нимъ родимая Вана,
И здѣсь, какъ на Югѣ, насталъ вѣкъ иной.
Духъ жизни пахнулъ по морскому побрежью;
Возникли одинъ за другимъ города,
Ввелось поклоненье богамъ земледѣлья,
Проснулась торговля, а съ ней, какъ всегда,
Смягчилися нравы, возникло гражданство.
Такъ красное солнце, куда ни блеснетъ,
Вездѣ пробуждаетъ и жизнь, и движенье,—
Что можетъ цвѣсти, то въ свой часъ разцвѣтетъ,
Что въ силахъ плоды дать,—дастъ плодъ свой урочный;
Пески и утесы, согрѣтые имъ,
Спѣшатъ пріодѣться зеленой травою,
Лѣса разцвѣтаютъ, по безднамъ морскимъ
Кишитъ жизнь и блескъ золотыхъ инфузорій...
Приходъ Солнца любитъ встрѣчать человѣкъ;
Недаромъ міръ древній ему поклонялся,
Какъ богу... Но развѣ и нынѣ, въ нашъ вѣкъ,
Царь дня не есть тотъ же богъ силы и жизни!
Въ немногіе дни, на побрежьи морскомъ
Возникнули Волинъ, Винета и Ретра, —
Священная Ретра, гдѣ въ храмѣ большомъ
Воздвигнула Вана алтарь Радегасту,
Древнѣйшему богу сѣдой старины;
Его безобразный кумиръ окружила
Она божествами со всей ихъ страны,
И сдѣлала храмъ его самымъ почетнымъ,

Digitized by Google

Въ народѣ Славянскомъ. Тогда же въ стѣнахъ
Торговой Волыни, по манію Ваны,
Явился въ кудрявыхъ, зеленыхъ садахъ,
Другой храмъ неменьше; въ немъ сѣлъ богъ трехглавый,
Таинственный образъ трехъ главныхъ временъ
И трехъ частей міра, — богъ неба и ада,
Чей тройственный ликъ былъ всегда обращенъ
Въ глубь дней настоящихъ, былыхъ и грядущихъ.
А въ Щетинъ *) сбирался славянскій весь міръ
Молиться другому трехглавому богу.
На дальней Моравѣ возникнулъ кумиръ
Громовника Проно иль бога Перуна;
У Лиговъ стоялъ храмъ богамъ полевымъ,
Велесу иль Пану, хранителямъ стада
И сельскаго скарба, и многимъ другимъ...
Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Мокошъ, — судья
И мздовоздаятель въ той жизни загробной...
Такъ, древніе образы свято храня,
Народъ ужъ забылъ ихъ былыя названья.
Но главной святыней славянской земли,
Верьховной святыней народною, Вана
Назначила островъ пустынный, вдали
Отъ твердой земли, въ волнахъ бурнаго моря.
Въ мѣстахъ этихъ дикихъ, но милыхъ богамъ,
Она основала святую Аркону,
И въ городѣ этомъ воздвигнула храмъ,
Во имя владыки страны, Святовита.
Его славный идолъ воздвигла она
По образу Вишну, древнѣйшаго Индры,
Какъ намъ представляетъ его старина,
Лицемъ на четыре страны главныхъ свѣта.
Какъ высшій владыка стихій, онъ имѣлъ
Четыре отдѣльныхъ главы; но держалъ онъ
Въ рукѣ не мечь бранный, — его мечь висѣлъ
Съ сѣдломъ и уздою особо; держалъ онъ
Большой златой рогъ, образъ дивныхъ даровъ,

*) Нынѣ—Штетинъ.

Digitized by Google

Что каждое лѣто даетъ онъ вселенной.
Такъ духъ земледѣлья позднѣйшихъ вѣковъ
Успѣлъ измѣнить и его первообразъ;
Но онъ почитался все тѣмъ же творцомъ
Людей и вселенной, защитникомъ края,
Рѣшителемъ браней, предвѣчнымъ отцомъ
Боговъ вѣковѣчныхъ. То былъ царь небесный,
Земной и подземный; отъ блеска его
И самый тотъ островъ звался тогда Руйнымъ
Или свѣтозарнымъ.
Но выше всего
Считались въ народѣ его прорицанья.
Ему посвященъ былъ въ славянскихъ земляхъ,
Какъ древнему Свалу у скифовъ, конь бѣлый.
Священные кони гуляли въ лугахъ;
Чрезъ нихъ совершались жрецами гаданья.
Воинственный богъ сей, какъ древній Арей
Иль грозный Одинъ, имѣлъ также дружину;
Ее составляли сто лучшихъ мужей,
Во всякое время готовыхъ къ походу.
Божественный идолъ его жилъ въ стѣнахъ
Священнаго храма; но богъ самъ являлся
Глубокою ночью въ различныхъ концахъ
Славянской земли, и разилъ невидимо
Ея супостатовъ; съ явленіемъ дня
Жрецы обмывали предъ темнымъ народомъ,
Покрытаго пылью и пѣной, коня, —
И міръ громко славилъ великаго бога,
Сюда, изо всѣхъ мѣстъ Славянской земли,
Текли приношенья. Жрецы Святовита
Такъ были богаты, что дѣлать могли
Пособья другимъ, а въ голодное время
Кормили весь край.
Здѣсь Славянскій народъ
Предъ осенью праздновалъ празднество жатвы;
Въ тѣ дни Святовитъ предвѣщалъ каждый годъ
Обилье иль голодъ въ грядущее лѣто.
Священный сей островъ былъ долго средой

Digitized by Google

Земли всей Славянской; сюда пріѣзжали
Изъ всѣхъ мѣстъ послы, непрерывной толпой
Стекались поклонники, ѣхали грузы
Святыхъ приношеній. Отсель истекалъ
Духъ яростный брани и миръ благодатный;
Здѣсь жрецъ Святовита безспорно рѣшалъ
Народныя распри, судьбу и движенье
Племенъ всѣхъ славянскихъ.
Аркона была
Славянскими Дельфами, высшей святыней.
Ее окружала священная мгла
Древнѣйшихъ преданій; ея богъ чудесный
Былъ богомъ верьховнымъ славянской земли,
Отъ Бѣлаго моря *) до бурнаго Понта,
Отъ Волги до Лабы. Князья не могли,
Ни самый народъ ихъ, ни заключать мира,
Ни двинуть полки, не спросивши его
Божественной воли; самъ князь страны Руйной
Не смѣлъ безъ него предпринять ничего,
Ни дать повелѣнья. Кумиръ Святовита
Казался державнымъ царемъ иль главой
Славянскаго міра, со властью духовной
Верьховнаго бога и властью земной
Жрецовъ его вѣщихъ [2]).
Едва ли въ то время
Народъ въ отдаленныхъ мѣстахъ не смѣшалъ
Святой этотъ островъ съ тѣмъ Выріемъ древнимъ
Или Буянъ-островомъ, что онъ зналъ
На свѣтломъ Востокѣ. И здѣсь, въ это время,
Жилъ также Сварожичъ, глава всѣхъ боговъ,
Какъ тамъ окруженный родными богами;
И здѣсь совершались до позднихъ вѣковъ
Вѣщба и гаданья, жрецы раздавали
Недолю и долю. Сюда забѣгалъ
Почти каждымъ утромъ Даждьбогъ лучезарный,

*) Балтійское море въ древности называлось: Бѣлымъ, Молочнымъ, моремъ Морозовъ, Волынскимъ, моремъ Виндовъ, и наконецъ Варяжскимъ.

Digitized by Google

Богъ красное-Солнце, и жарко любилъ
Пророчицу Вану въ златое оконце:
И здѣсь также точно жила старина,
Лежалъ горючь камень, на немъ восѣдала
Заря царь-дѣвица; сшивала она
Кровавыя раны, а въ ней была скрыта
Могучая сила, и шла отъ нея
Та сила могучая въ чистое поле.
И въ лѣсъ, и въ луга, и на все бытіе
Въ скотъ-милый животъ и на весь міръ народный:

И здѣсь цвѣли также сады зеленые,
Росли молодавыя яблоки,
Струился источникъ живой воды;
Румяная Лада-зорюшка
Каждый день передъ вечеромъ
Обмывала въ морскихъ волнахъ
Свѣтъ красное-Солнышко.

Подобно Веледѣ и многимъ другимъ
Вѣщицамъ Славянскимъ, и вѣщая Вана
Жила также въ башнѣ. Богамъ ихъ святымъ
Издревле мѣста посвящались глухія.
И кто же въ послѣдствіи Веледой слыла,
Когда не она же, чудесная Ваня?...
Она въ край впервые съ собой привела
И первыхъ жрецовъ, и священныхъ гадальщицъ.
Ей нравилась сѣнь первобытныхъ лѣсовъ;
Любила скрываться она въ боръ священный,
Гдѣ, въ листвѣ широкой столѣтнихъ дубовъ
И буковъ тѣнистыхъ, бесѣдовалъ съ нею
Ея богъ незримый. Отсюда она
Вѣщала его повелѣнья народу;
Когда-жь начиналась въ странѣ ихъ война,
Она выносила его стягъ священный,
Святую *станицу* *), что въ мірные дни
Стояла во храмѣ.

*) Станица, священное знамя Святовита.

Digitized by Google

Богъ свѣтлый Руянцевъ
Былъ богъ и побѣды. Жрецы лишь одни
Могли одобрять иль хулить предпріятье;
За то и имѣлъ онъ въ добычѣ страны
Главнѣйшую долю.
Когда-жь умолкали
Далекіе громы кровавой войны
Чудесная Вана любила шумъ празднествъ,
Веселые клики народныхъ пировъ;
Любила при этомъ воинскія игры,
Борьбу, бой кулачный искусныхъ бойцовъ,
Метанье камней и стрѣлянье изъ лука;
Священное пламя горящихъ костровъ,
Текущую кровь, обреченной ей, жертвы,
Подблюдныя пѣсни, во славу боговъ
И честнаго хлѣба, знакомый ей говоръ
Различныхъ нарѣчій славянскихъ племенъ,
Священную пляску родныхъ хороводовъ,—
Завѣтный остатокъ древнѣйшихъ временъ,
Созданье ея праотчизны далекой.
Такъ видѣнъ во всемъ
Въ ея бытѣ родномъ
Обычай и духъ ея древне-арійскій,—
Тотъ міръ старины,
Отдаленной страны
И самыхъ глубокихъ старинныхъ преданій!
Но въ первые дни
Всѣ арійцы сродни,—
И долго, есть общаго много межь ними;
Лишь въ позднихъ вѣкахъ,
Въ отдѣльныхъ краяхъ,
Они развиваютъ ихъ частный характеръ;
Но что Ваны родъ, —
Древнѣйшій народъ,
Она тѣмъ докажетъ, что въ мірѣ славянскомъ
Нѣтъ кастъ родовыхъ,
Сихъ золъ роковыхъ,
Созданья гораздо позднѣйшаго міра;

Digitized by Google

Хоть искони дней
Извѣстны и ей,
Преданья о нихъ, отъ народовъ сосѣднихъ.
Но наша страна,
Хранила она,
Всегда отвращенье къ главенству въ ней знатныхъ;
Ея вольный родъ,
Ея міръ-народъ
Имѣлъ свой законъ и обычай отцовскій, —
Тѣ дивныя доски,
Что за три рѣки
Они принесли отъ боговъ вѣковѣчныхъ;
Хоть Вана внесла
Чрезъ то много зла
Въ устройство гражданское края роднаго;
За то ея родъ,
Міръ этотъ народъ,
Всегда безгранично при ней былъ свободенъ;
Въ своихъ старшинахъ,
Вождяхъ и князьяхъ
Онъ чествовалъ славу лишь, знанье и храбрость;
И власти страны,
Князья, старшины,
Смирялися сами предъ гласомъ народнымъ.
Такъ съ первыхъ временъ
Духъ нашихъ племенъ
Проникнутъ былъ силой и властью народной, —
Той силой земли
И сельской семьи,
Что былъ споконъ-вѣка главою Микула;
Гдѣ искони дней
Онъ съ дщерью своей
Считался отцомъ и владыкой народнымъ [4]).

Не мало торговыхъ большихъ городовъ
Явилось въ послѣдствьи по Одру и Лабѣ.
Красивыя зданія, храмы боговъ,
Большія кутины,—особенно храмы,

Digitized by Google

Дивили искусной и тонкой рѣзьбой
Заѣзжихъ пришельцевъ. Въ кутинахъ сбирались
Народные старцы судить о дѣлахъ,
Что послѣ рѣшались народомъ на вѣчѣ;
А въ праздникъ, въ общественныхъ этихъ избахъ
Сходился весь городъ предаться веселью.
Сюда ѣхалъ людъ изо всѣхъ странъ земли,
И хитрый гречинъ, и торговецъ мурманскій,
И мрачный біармецъ, замѣтный вдали
По шкурамъ звѣринымъ, и витязь варяжскій,
И Кіевскій гость, и саксонецъ крутой,
И франкъ подвижной, и богатый волынецъ.
Чудесная Вана, какъ свѣтъ всеблагой,
Являлась повсюду . Тамъ въ образѣ свѣтломъ
Прекрасной Любуши, она творитъ судъ
Или разбираетъ межь братьями тяжбу;
Здѣсь вражіи рати оружье кладутъ
Предъ дивной и вѣщей ея красотою;
Тамъ ставитъ она отъ желѣзной сохи
Младаго Премысла въ народные князи;
Здѣсь нѣмцы и франки, друзья и враги,
У ней нанимаютъ рабочія руки
Ея земледѣльцевъ.
Изъ всѣхъ городовъ
И торжищъ Поморскихъ, Волынь или Волинъ
Считался славнѣйшимъ,—красой тѣхъ вѣковъ,
Главой всей торговли земли Полуночной.
Здѣсь было свиданье торговыхъ гостей
Изъ всѣхъ странъ Европы и Азіи дальней;
Здѣсь кличь знаменитыхъ варяжскихъ вождей
Сзывалъ удальцовъ въ ихъ морскіе походы;
Здѣсь, въ этой Волынѣ, во дни оны жилъ
Богатый тотъ витязь-купецъ, гость Поморскій,
Тотъ Дюкъ-Степановичъ, что позже гостилъ
У краснаго-Солнца Владиміра князя,
И спорилъ съ Чурилой богатствомъ своимъ.
Волынь дала имя Волынскому морю;
Она величалась Микулой роднымъ,

Digitized by Google

По древнимъ преданьямъ, Индѣюшкой славной.
Когда посолъ русскій отъ князя спѣшитъ
Въ Волынь, чтобъ провѣрить богачество Дюка;
Блестящее солнце такъ ярко блеститъ
На кровляхъ златыхъ и на башняхъ Волыни,
Что онъ восклицаетъ: «знать, это горитъ
Индѣйское царство!...»
Много всякихъ богатствъ есть у Дюка;
Тремъ стрѣламъ своимъ Дюкъ и цѣны не зналъ:
«Во середочку врощенъ камешочекъ самоцвѣтный,
«А во тупой конецъ врощено золото-перо орлиное,
«Того было орла заморскаго:
«Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешкѣ,
«Ужь онъ ронитъ орелъ перьица орлиныя;
«Когда идутъ гости-карабельщики,
«Побираютъ перьицо орлиное...
«Покупали мужики-то индѣйскіе,
«Приносили это перьице орлиное
«Его Дюкову-то батюшку въ подарочки.»
Не тамъ-ли сначала,
Не тамъ-ли въ то славное времячко жилъ,
И нашъ Новгородскій Садко, гость богатый?
Богатствомъ несмѣтнымъ его наградилъ
Царь бурнаго моря. Садко гость торговый,
И съ тѣмъ чародѣй,—онъ чудесной игрой
На гусляхъ звончатыхъ своихъ пробуждаетъ
Сердитое море; ему царь морской
Даетъ дочь въ замужство..... Живалъ-ли онъ, точно,
На славномъ Поморьѣ, пришелъ-ли Садко
Къ намъ въ древніе дни изъ восточнаго міра;
Но пусть родился онъ отъ насъ далеко.
Но въ новой отчизнѣ, онъ тѣломъ и духомъ
И всей обстановкой своей—Славянинъ.
Онъ витязь-торговецъ, онъ гость Новгородскій;
Едва въ немъ сквозитъ духъ восточныхъ былинъ;
Его образъ, удаль, его бытъ, — все взято
Изъ жизни славянской [5]).
Не въ эти-ли-жь дни

Digitized by Google

Предстали впервые Иванъ нашъ Годинычъ
И ловкій Хотинъ? Иль не здѣсь-ли они
Потомъ получили ихъ образъ славянскій?
Не здѣсь-ли явился тогда-жь, въ первый разъ,
Двойникъ тотъ Садко,—Соловей Будимирычъ,
Что послѣ заставилъ влюбиться у насъ
Въ свое молодечество, вѣщую удаль,
Младую Любаву [6])?
Но вотъ мракъ вѣковъ
Яснѣетъ все больше. Далеко летаетъ
Молва о Поморьѣ; сквозитъ глушь лѣсовъ,
Растутъ злачны нивы подъ сошкой Микулы;
Начнетъ онъ бороздку съ полабскихъ браговъ,
А кончитъ у темной пучины Днѣпровской;
Нукнетъ онъ кобылку въ Карпатскихъ горахъ,
А гулъ отзовется у тихаго Дона.....
По манію Ваны, кишатъ на поляхъ,
Молотятъ и жнутъ муравьи-мармидоны,
Ея земледѣльцы; страна вся полна
Рабочими пчелками.... Всѣ у ней въ службѣ!...
Кивнетъ только вѣщей головкой она,
Стоитъ уже городъ, или зрѣетъ нива,
И хлѣбъ обмолоченъ.
Точетъ въ тишинѣ
Она судьбы вѣщія юнаго края,
Выводитъ узоры она по странѣ,—
Узоры, разводы судебъ ея новыхъ;
Сама разсуждаетъ:
«Ну, вотъ я нашла
Сыновъ моихъ кровныхъ, она разсуждаетъ,
Устроила край ихъ, насколько могла;
Дала я имъ образъ живой человѣка.
Гдѣ тутъ, по сосѣдству, еще край другой,
Что съ ними поспорилъ бы въ силѣ, богатствѣ?
Боится не даромъ насъ Западъ нѣмой;
А Полночь, та вовсе у насъ подъ руками.
Вотъ, кажется, здѣсь-то ужь я не спала;
Но какъ-же мнѣ сдѣлать, чтобъ хищная птица

Digitized by Google

У насъ въ странѣ пищи себѣ не нашла,
А братъ не посмѣлъ возставать бы на брата?
Какъ сдѣлать? Вѣдь люди живые они;
У каждаго родъ свой особый; раздоромъ
Земля кипитъ.... Мы-ли живемъ такъ одни?
Своя воля всякому,—кто-же уступитъ?
Нашъ край богатырскій суровъ на войнѣ,
Но въ мирное время онъ ласковъ къ пришельцамъ;
Идетъ къ намъ людъ всякій; въ какой сторонѣ
Такое радушье ко всѣмъ, хлѣбосольство?
Живемъ мы досель по родной старинѣ,
Всего намъ дороже святая свобода.
Семеюшки *) вѣрность хранятъ ихъ мужьямъ;
Порою и сами сражаются рядомъ;
Богачество намъ ни почемъ; а врагамъ
Велятъ за обиду мстить даже и боги.
Какъ я воспрещу моимъ это сынамъ?
Я мать ихъ, царица; они мои дѣтки.
Для нихъ нѣтъ святѣе родимой страны,
Лѣсовъ нашихъ темныхъ, поселковъ торговыхъ....
Но какъ обойдутся они безъ войны?
Кто станетъ тогда разбирать ихъ раздоры?
Какой странѣ можно прожить въ тишинѣ?
И свѣтлые боги воюютъ на небѣ....
Гдѣ слыхано это, чтобъ въ цѣлой странѣ
Не могъ хищный воронъ найти себѣ пищи?»
Одно было средство у ней для того,—
Смирить всѣ раздоры союзомъ единства,
Но юная Вана и знать ничего
Про то не хотѣла. Край выросъ въ раздорахъ;
Онъ жилъ только ими. Ни Вана сама,
Ни богъ Святовитъ, не желали единства;
Единство казалось всѣмъ знакомъ ярма,
А прочный порядокъ—народной неволей.
Одно могла Вана единство имъ дать, —
Единство лишь славы и древнихъ преданій.

*) Жены.

Digitized by Google

Она такъ привыкла сама управлять
По правдѣ народной, что всякій отважный,
Кого смѣлый геній его выдвигалъ
Изъ общаго круга, казался опаснымъ,
И вольнолюбивый народъ трепеталъ,
За край свой свободный. Князь всякій захочетъ
Княжить надъ страною по волѣ своей,
Помимо народа; князь всякій поставитъ
Въ правители края ближайшихъ людей;
Не онъ, такъ они иль ихъ родъ именитый
Съѣдятъ поѣдомъ все богатство страны.
Они будутъ дѣлать условія мира,
Они будутъ править судьбами войны,
У нихъ въ рукахъ будетъ народная сила
И самъ Святовитъ.... Да и гдѣ бы взяла,
Въ какомъ она племени кровномъ Славянскомъ,
Что всѣ были равны, — гдѣ взять бы могла
Она столь могучаго, вѣщаго князя,
Чтобъ весь міръ славянскій склонился предъ нимъ?
Одни даютъ боги владыкъ странамъ вольнымъ;
Они посылаютъ народамъ своимъ
И силу господства, и горькое рабство.
Единый могъ царствовать здѣсь, — Святовитъ,
Отецъ всѣхъ боговъ и племенъ всѣхъ славянскихъ;
Его только крѣпкій, божественный щитъ
Могъ край оградить отъ враговъ его внѣшнихъ
И внутреннихъ распрей,—блестящей звѣздой
Сіять на пути ему къ славнымъ побѣдамъ.
Онъ всѣмъ племенамъ былъ отецъ всеблагой,
Онъ былъ охранитель народной свободы,
Всѣ помыслы были открыты предъ нимъ,
Весь край вполнѣ вѣрилъ въ его правосудье;
Какой князь земной могъ правленьемъ своимъ
Стяжать средь народа такое значенье?...

Но этотъ міръ вольный ужъ былъ окруженъ
Съ Полночи и Запада, съ моря и суши
Желѣзной дугою бродячихъ племенъ,

Digitized by Google

Поклонниковъ или потомковъ Одина.
Какъ здѣсь, у славянъ, былъ въ главѣ міръ-народъ;
Такъ тамъ уважалася знатность породы.
Сыны свѣтлыхъ асовъ, чей доблестный родъ
Наслѣдовалъ славу отца ихъ, Одина,
Стояли въ главѣ этихъ сборныхъ дружинъ,
Готовыхъ сражаться за знатнаго князя,
Куда бъ ни повелъ онъ. Самъ грозный Одинъ
Считался вождемъ ихъ дружинныхъ союзовъ.
Давно ужь кипѣла открыто вражда
Межь двухъ племенъ этихъ, когда-то столь близкихъ:
То храбрыхъ Славянъ подымалась звѣзда,
То верьхъ въ борьбѣ брали сыны гордыхъ асовъ.
Вражда эта шла съ первобытныхъ временъ;
Вражда эта шла съ той поры еще древней,
Когда въ старину міръ славянскихъ племенъ
Отбросилъ враждебныхъ имъ асовъ на Полночь;
Когда Одинъ не былъ еще божествомъ
Угрюмаго Сѣвера, но шелъ съ Востока;
Когда не встрѣчали его съ торжествомъ
Побѣдные клики воинственныхъ ратей,
И былъ незнакомъ ему Сѣверный міръ;
А юные асы еще веселились
На вольной землѣ, и веселый ихъ пиръ
Далеко гремѣлъ по равнинамъ Полудня.

Лишь только на Сѣверѣ—въ этой странѣ
Гранитныхъ утесовъ, снѣговъ и тумановъ,
Въ томъ царствіи стужи, враждебномъ веснѣ,
Создаться могла ледяная та бездна,
Бездонная челюсть предвѣчной зимы,
Откуда явилась вселенна Одина.
Лишь тамъ, въ этомъ царствѣ Полуночной тьмы
И вѣчнаго холода, вьюгъ и мятелей,
Явиться, по манью Одина, могли
Такія картины его мірозданья:
Сперва нѣтъ ни неба нигдѣ, ни земли,
Повсюду одна безпредѣльная бездна;

Digitized by Google

Надъ нею повисла кромешная тьма,
Вверху только темномъ свились клубомъ змѣи,
Подъ ними разверзнула челюсть Зима;
Изъ змѣй каплетъ тонкій ядъ въ этотъ бездонный
Колодезь, на груду намерзнувшихъ льдовъ;
Оттуда несутся шумящія рѣки
Въ сѣдой океанъ, что сначала вѣковъ
Собой омываетъ весь міръ.... Но вотъ, съ Юга
Пахнуло тепломъ,—тамъ горнило огня;
Блестящія искры его нагрѣваютъ
Намерзшія льдины, и съ этого дня
На нихъ означается образъ туманный
И ликъ великана: родится Имиръ,
Живящій сей духъ первобытной природы;
Потомъ, отъ него зараждается міръ
Другихъ великановъ. Съ Имиромъ родится
Корова,—и кормитъ его молокомъ.
Отъ іотна Имира раждается Бури;
Іотнъ Бури становится позже отцомъ
Грядущаго бога Полночи, Одина.
Набравши дружину изъ кровныхъ сыновъ,
Одинъ истребляетъ злой родъ исполиновъ;
Потомъ, при пособьи сихъ новыхъ боговъ,
Творитъ онъ вселенну. Изъ тѣла Имира,
Кого поразила Одина рука,
Одинъ творитъ землю, изъ черепа—небо,
Изъ сѣраго мозга его—облака;
Изъ крови титановъ,—глубокое море.
Затѣмъ, онъ приводитъ въ порядокъ луну
И солнце, что прежде носились съ звѣздами
Безъ цѣли въ пространствѣ, даруетъ весну,
Творитъ дни и ночи, и кругъ временъ года.
Но хитрый и смѣлый Одинъ истребилъ
Не всѣхъ исполиновъ; еще оставался
Съ женой Бргольмиръ,—образъ злобныхъ тѣхъ силъ,
Что жили значалѣ, — и онъ порождаетъ
Позднѣйшихъ титановъ.
Чтобъ міръ защитить

Отъ ихъ непрестанныхъ, ужасныхъ набѣговъ,
Царь асовъ рѣшился весь міръ оградить
Рѣсницами перваго іотна, Имира.
Изъ этихъ рѣсницъ дальновидный Одинъ
Устроилъ вкругъ міра земнаго ограду.
Она охраняла Мидгардъ отъ пучинъ
Всемірнаго моря, и съ тѣмъ преграждала
Не только входъ іотнамъ, бродившимъ кругомъ,
Но также и лютому змѣю морскому,
Обвившему мутно-зеленымъ хвостомъ
Широкую землю [7]).

При самомъ началѣ,
Всемощный сынъ Бури, великій Одинъ,
Присвоившій послѣ себѣ скиптръ Водана,
Былъ въ сущности вождь лишь бродячихъ дружинъ,
Сыновъ своихъ асовъ; но онъ постоянно
Любилъ сбирать вѣщія знанья. Онъ пьетъ
Глубокую мудрость у іотна Имира;
Разъ даже онъ правый свой глазъ отдаетъ
Въ обмѣнъ за рожокъ, что служилъ іотну черпать
Струи вѣщей Урды *). Одинъ окривѣлъ,
Но тѣмъ не пресѣклось его любознанье:
Онъ все поучался, пока не успѣлъ
Исчерпать вполнѣ всю тогдашнюю мудрость.
Одинъ не гнушался ходить и къ другимъ
Мудрѣйшимъ титанамъ, чтобы состязаться
Божественнымъ съ ними познаньемъ своимъ,—
И кто побѣжденъ былъ, платилъ головою.
Есть поводы думать, что нѣкогда онъ
За этимъ ходилъ и къ родному Микулѣ;
Но былъ въ состязаніи съ нимъ побѣжденъ,
Хотя и остался потомъ съ головою.
Поэтому, можетъ,—съ древнѣйшихъ временъ,
Одинъ и былъ полонъ такимъ уваженьемъ
Къ познаньямъ Микулы.

*) Источникъ Урды, Урдуръ, считался источникомъ мудрости у скандинавовъ.

Digitized by Google

Когда, изъ подъ тучи темныя,
«Выпадала книга Голубиная,
«Великая книга Голубиная,
«Къ той книгѣ собиралися,
«Собиралися, съѣзжалися,
«Сорокъ царей со царевичемъ,
«И сорокъ князей со княжевичемъ....
«Изъ нихъ было пять царевъ набольшихъ».

Пріѣхалъ, какъ русскій гласитъ нашъ разсказъ,
Пріѣхалъ и царь Волотманъ Волотманычъ;
Хозяинъ же этого съѣзда у насъ —
Какой-то чудесный Давидъ царь, Есеичъ.
Волотъ налагаетъ сначала свой сонъ,
Про чудную славу грядущаго края
Есеича, гдѣ поселится и онъ,—
Но вѣщій Давидъ, этотъ сонъ разъясняетъ;
А самъ рѣчь ведетъ о началѣ временъ
И первенствѣ разныхъ предметовъ вселенной.

«Отчево у насъ свѣтъ свѣтится,
«И отчево солнце сіяетъ,
«И отчево заря занимается?
«На чемъ у насъ небо ходитъ?
«На чемъ земля стоитъ?....
«Кой градъ градамъ мать,
«Кое древо древамъ мать,
«Кой звѣрь звѣрямъ мать,
«Коя гора горамъ мать,
«Кое море морямъ мать?»...

Но вотъ въ заключенье, Давидъ задаетъ,
Подобно Вафтрудниру *) Сѣверной Эдды,
Вопросъ Волотману: «что міръ этотъ ждетъ
Въ божественный вечеръ небесныхъ величій,?»—
Какъ бы намекая, что грозный Одинъ
Самъ долженъ погибнуть отъ волка Френмира.
Отвѣтъ рѣшилъ прѣнье,—и злой исполинъ
Тотчасъ прерываетъ съ Давидомъ бесѣду.

*) Вафтруднiръ. великанъ, надъ которымъ Одинъ одержалъ верхъ въ познаніяхъ, за что этотъ іотнъ поплатился головою.

Digitized by Google

Ктожь этотъ Есеичъ? Кто царь Волотманъ?
Не нашъ ли Микула родной Селянинычъ?
Не древній Одинъ ли, Полночный титанъ,
Пытавшій повсюду старинную мудрость?
Извѣстно, что онъ черезъ горы леталъ,
Въ дальнѣйшія страны, за всякимъ познаньемъ;
Возможно-ли, чтобы Одинъ не слыхалъ
О книгѣ Глубиной, той книгѣ всемірной,
Въ которой міръ древній такъ жадно желалъ
Прочесть всѣ страницы? А кто владѣтъ книгой
И знать эту книгу могъ лучше Микулы? [8]).

Издревле ужь Западъ, сей край облаковъ,
Казался застроеннымъ. Явственно видны
Тамъ были то кровли изъ круглыхъ щитовъ,
Какъ позже въ Валгалѣ; то мрачныя скалы,
На коихъ устроилъ впослѣдствьи Одинъ
Свой городъ небесный и мостъ семицвѣтный,
Раскинутый имъ средь воздушныхъ пучинъ,
Гдѣ послѣ поставилъ вверьху онъ сторожку,
Отколь днемъ и ночью онъ могъ наблюдать,
Въ раскрытыя двери, всѣ страны вселенной.
Но въ первое время, бродячая рать
Воинственныхъ асовъ, сихъ свѣтлыхъ титановъ,
Еще недовольно искусна была
Въ строительномъ дѣлѣ, хотя и считалась
Издревле способною для ремесла
Кузнечнаго. Праздные асы любили
Попить, поиграть на доскахъ золотыхъ,
Въ златыя тавлеи; но дѣла чуждались.
Жилища же строили долго для нихъ
Волоты Полночные, хитрые іотны.
На Сѣверѣ жилъ самый древній кузнецъ,
Закальщикъ желѣза, гигантъ Ильмариненъ.
Лишь только былъ созданъ міръ,—Укко-творецъ *)
Привелъ на болота его и трясины,

*) Укко,—Финскій богъ, творецъ міра.

Digitized by Google

Гдѣ жило желѣзо; устроилъ себѣ
Іотнъ кузницу съ горномъ, и сдѣлалъ желѣзо
Упругимъ и твердымъ, способнымъ къ борьбѣ
И къ самымъ изящнымъ вещицамъ для женщинъ.
Тамъ жилъ и наставникъ Одина Мимиръ,
Мудрѣйшій изъ іотновъ, съ кѣмъ онъ постоянно
Во всемъ совѣщался. А глубже—былъ міръ,
Холодный и мрачный, колдуньи Лоухи [9]).

Когда повстрѣчалъ нашъ Микула родной
Впервые Одина, онъ былъ вождемъ браннымъ,
А свѣтлые асы, — бродячей ордой,
Искавшею также на Западѣ мѣста,
Гдѣ-бъ ей поселиться. Ихъ станъ подвижной
Стоялъ на какой-то равнинѣ, что звали
Они тогда Иди. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
Они совѣщались о міроустройствѣ;
Одинъ любилъ также вносить вездѣ свѣтъ
И стройный порядокъ, — и даже отсюда
Ходилъ онъ, съ двоими изъ асовъ своихъ,
Въ край дикій Древяновъ, на синее море;
И далъ имъ, побывши въ лѣсахъ ихъ глухихъ,
Впервые далъ образъ живой человѣка.
Блестящіе асы, какъ въ древнихъ своихъ
Поютъ они пѣсняхъ, срубили изъ тына,
На этой равнинѣ, большой себѣ дворъ,
Воздвигли алтарь и поставили горны.
Извѣстно, что самъ ихъ Громовникъ, богъ Торъ,
И тотъ упражнялся въ кузнечномъ искуствѣ.
Потомъ наковали не мало вещей
Они очень цѣнныхъ,—браслетовъ и колецъ,
Домашнихъ орудій, щипцовъ и ножей,
Въ чемъ истинно асы всѣ были искусны;
Но въ прочее время,—какъ прежде, они
Гуляли и пили, играли въ златыя
Тавлеи и шашки,—и цѣлые дни
У нихъ проходили въ пирахъ и попойкахъ.
Ихъ станъ укрѣпленный стаялъ близъ страны,

Digitized by Google

Гдѣ жилъ, съ своимъ родомъ осѣдлымъ, Микула.
Волшебный блескъ дивной, роскошной весны
Лился съ лучезарнаго неба на землю;
Вездѣ зеленѣла и пышно цвѣла
Растительность Юга. Счастливые асы
Сіяли блаженствомъ. Далеко была
Отъ нихъ тогда мысль, о малѣйшей печали.
Всей грудью могучей впивали они
Насыщенный воздухъ весны благовонной;
На радужныхъ крыльяхъ летѣли ихъ дни,
И сыпали радость на нихъ и веселье.
Не этой ли самой счастливой порой,
Не въ этомъ ли царствѣ Полдневной природы,
Родился Одину Бальдуръ *) молодой,
Милѣйшій и самый красивый изъ асовъ?
Какъ день святозарный, сіялъ онъ красой;
Какъ вешнее солнце, ко всѣмъ былъ привѣтливъ.
Великій родъ Балтовъ его признаетъ
Отцомъ своимъ. Ждали, что онъ, всегда кроткій
И миролюбивый, собою начнетъ
Опять золотой вѣкъ боговъ и вселенной.
Онъ только изъ асовъ владѣлъ золотымъ
Кольцомъ плодородья земли благодатной;
Онъ только чудеснымъ наитьемъ своимъ
Могъ вырастить ниву и дать на ней жатву;
Но боги судили иначе, и свѣтъ
Былъ долженъ лишиться одной изъ блестящихъ
Надеждъ своихъ: сгибнулъ Бальдуръ въ цвѣтѣ лѣтъ.
И сами же асы въ томъ были виновны.
Но въ то еще время не знали они,
Что ихъ ожидало. Они беззаботно
Тогда веселись, и цѣлые дни
Вкушали, увы, невозвратное счастье.

Въ то время и асы, и ихъ властелинъ,
Водили хлѣбъ-соль и сносились любовно

*) Бальдуръ, богъ весны у скандинавовъ.

Digitized by Google

Съ сынами Микулы; и хитрый Одинъ
Поддерживалъ это, заимствуясь многимъ
Отъ племени Вановъ. Воинственный Торъ
Жилъ въ дружествѣ съ нашимъ славянскимъ Перуномъ,
И часто бродилъ съ нимъ по темени горъ
Иль въ дебряхъ Полночныхъ, сражаясь съ нимъ рядомъ
Съ полчищами іотновъ. На память тѣхъ дней,
Перунъ подарилъ ему горсть своихъ *молній*,
Что онъ включилъ тутъ же, на ужасъ людей,
Въ громовый свой молотъ, и съ той поры назвалъ
Свой молотъ *молньиромъ*. Едва-ль грозный Торъ
Женатъ уже не былъ на Живѣ, весенней
Богинѣ славянской, что также съ тѣхъ поръ
Явилась у асовъ подъ именемъ *Зифы*.
Но мудрость Микулы, устроенный бытъ
Осѣдлыхъ Славянъ и Полуденный край ихъ,
Цвѣтущій, богатый, имѣвшій ужь видъ
Страны развитой и воздѣланной прочно
Трудомъ человѣка, кололи глаза
И сердце Одину и асамъ бродячимъ;
И было замѣтно, что будетъ гроза
Межъ двухъ сихъ племенъ, уже втайнѣ враждебныхъ [10]).
Успѣхъ и богатство Микулы они
Тогда относили къ его чародѣйству,
Что долго считалось въ старинные дни
За высшую мудрость. Глава свѣтлыхъ асовъ
Былъ втайнѣ исполненъ желаньемъ отбить
Край этотъ цвѣтущій себѣ у Микулы;
Но надобно было его побѣдить
Въ глубокой наукѣ, какъ встарь побѣждалъ онъ
Полуночныхъ іотновъ. Ходилъ ли тогда
Еще онъ испытывать мудрость Микулы,
Иль нѣтъ,—дни текли, и все больше труда
Ему предстояло, чтобы достичь цѣли.
Одину и асамъ еще незнакомъ
Былъ трудъ земледѣльческій и бытъ осѣдлый;
Имъ надобно было чужимъ жить трудомъ,
Они могли только лишь быть господами.

Digitized by Google

Одинъ почиталъ себя крѣпкимъ щитомъ,
Для всякой страны, лишь бы свѣтлые асы
Имѣли тамъ власть, у него подъ рукой;
Но онъ не владѣлъ древней силой Водана.
Воданъ былъ владыкой надъ прежней землей,
Какъ богъ ярыхъ битвъ и какъ богъ земледѣлья,
Его мечь священный, кому въ эти дни
Еще поклонялись древнѣйшіе скифы,
Имѣлъ двойной образъ; въ немъ чтили они
И бога Громовника и бога Свала,—
Живящее Солнце; но грозный Одинъ
Былъ болѣе богомъ войны и побѣды,
И даже въ глазахъ своихъ свѣтлыхъ дружинъ
Едва ли когда онъ имѣлъ образъ солнца.
Занять вановъ край было трудно для нихъ;
Микула былъ тугъ на пріемъ боговъ чуждыхъ,
Но крѣпко стоялъ за боговъ онъ родныхъ;
Притомъ же край вановъ казался волшебнымъ;
Царь асовъ страшился Микулиныхъ силъ,
Не могши оспорить его въ вѣщихъ знаньяхъ;
Чтобъ онъ ни задумалъ, чтобъ онъ ни рѣшилъ,
Все было извѣстно впередъ хитрымъ ванамъ.
Дни цѣлые мудрый Одинъ проводилъ
Въ живыхъ совѣщаніяхъ съ древнимъ Мимиромъ.
Мимиръ, сей оракулъ древнѣйшихъ вѣковъ,
Совѣтовалъ асамъ, украсть себѣ Вану,—
Любимицу эту славянскихъ боговъ;
Но это не такъ легко было исполнить.
Въ то самое время къ Одину пришли,
Съ источниковъ Урды, три вѣщія Норны,
Изъ лучшихъ гадальщицъ Полночной земли,—
Три дочери іотновъ, искусныхъ издревле
Въ вѣщбѣ и гаданьѣ. Одна и была
Та самая Урда; другую же звали
Въ странѣ ихъ Вердандой. Ихъ мудрость могла
Поспорить съ искуствомъ всезнающихъ вановъ;
Онѣ знали руны, и въ станъ принесли
Съ собою скрижали письменъ ихъ священныхъ,

Digitized by Google

Божественный даръ сей славянской земли,
Доставшійся ванамъ изъ Ольвіи древней,—
Отъ нихъ же и іотнамъ. А третья была
Гадальщица Скульда. Она въ своемъ краѣ
Особенно хитрой изъ нихъ и слыла
По части гаданій; она изрекала
Судьбу и младенцамъ.
Великій Одинъ
Съ вождями возсѣлъ на высокіе камни,
Стоявшіе кругомъ. Какъ вождь—властелинъ,
Одинъ сѣлъ въ главѣ, подъ щитомъ своимъ браннымъ;
А прочіе асы столпились за нимъ.
Сперва приступили они къ совѣщанью:
Какое значенье дать Двергамъ *) своимъ,
Симъ карламъ, рожденнымъ изъ крови Имира?
Вождь асовъ имъ отдалъ ущелія горъ,
Глубь водъ, свѣтлый воздухъ и мѣсяцъ съ звѣздами;
Поэтому Дверги и взяли съ тѣхъ поръ
Себѣ міръ воздушный, земной и подземный.
Иные извѣстны изъ нихъ добротой,
Но бо́льшею частью они всѣ лукавы;
Отъ нихъ и добро шло, и зло, въ міръ земной;
Имъ были извѣстны подземные клады;
Но больше всего, ихъ прославился родъ
Кузнечнымъ искусствомъ, и далъ міру лучшихъ
Потомъ рудокоповъ [11]).
Межъ тѣмъ у воротъ,
Въ тиши, совѣщались сидѣвшія норны.
Мудрѣйшая Урда, все зная впередъ,
Смотрѣла, какъ асы блестящіе пили
Изъ рога Мимира.... Она вся полна
Была вѣщихъ знаній. Потомъ, съ ней подруги
Простились, и Урда осталась одна.
Тогда дальновидный и хитрый царь асовъ,
Всегда осторожный, приблизился къ ней,
И прямо уставился зрячимъ онъ глазомъ

*) Дверги,—карлики, Сѣверные гномы.

Digitized by Google

Ей въ мутныя очи, — что искони дней,
Извѣстно, не нравится очень колдуньямъ.
«Ну что, старый хрычь, ты пытаешь меня
И лезешь мнѣ въ душу? Она заворчала.
Я знаю все,—даже про то знаю я,
Гдѣ спряталъ ты глазъ твой. Его заложилъ ты
Обманомъ Мимиру. Я зрю, какъ блеститъ
Въ прозрачномъ ключѣ онъ. Мимиръ ежедневно
Имъ черпаетъ мудрость, и благодаритъ
Отца и владыку воинственныхъ асовъ.
Ну, что еще надо?...»
Одинъ выбралъ ей
Въ подарокъ большое количество колецъ
И много другихъ драгоцѣнныхъ вещей,
Разверзъ ея разумъ и далъ даръ видѣнья;
Тогда ея очи прозрѣли вполнѣ
Во всѣ концы міра,—далеко, далеко....
Она увидала идущихъ къ странѣ,
Съ Полночи, валькирій; онѣприближались
Съ златыми щитами, готовясь къ войнѣ,
И очень спѣшили, чтобы начать битвы.
«Ну, что еще надо? сказала она.
У вановъ есть много дѣвъ вѣщихъ, гораздо
Въ вѣщбѣ насъ искуснѣе. Есть тутъ одна,
Ей имя Хайдура,—она презираетъ
Пророчества Валы.... Страшися ея!
Ее мы зовемъ, у насъ въ краѣ, Гульвигой.
Всю вѣщую мудрость и знанье свое
Она посвятила врагамъ твоимъ, ванамъ.
Ну, вотъ, потолкуй съ ней! Пожалуй, съ тобой
Не такъ-то легко этой вѣдьмѣ бороться....»

Достали Хайдуру. Всѣ асы толпой
Къ ней вышли на встрѣчу, къ воротамъ Асгарда.
Одинъ асъ у входа игралъ на ножахъ;
Онъ правой рукою бросалъ ихъ на воздухъ,
А лѣвой ловилъ,—и все это въ глазахъ
Хайдуры,—чтобъ больше ее озадачить.

Digitized by Google

Пришелъ и царь асовъ, и самъ приступилъ
Съ распросами. Ярко сверкая златыми
Доспѣхами, свѣтлый сонмъ асовъ хранилъ
Глубокое вкругъ нихъ молчанье. Хайдура
Стояла предъ ними съ поднятой главой,
Спокойно смотря на воинственный блескъ ихъ;
Она не страшилась судьбы роковой,—
Хайдура имѣла на все заклинанья.

Отецъ свѣтлыхъ асовъ велѣлъ принести
Златое сидѣнье, куда былъ запрятанъ
Огромнѣйшій ножъ, и сказалъ, чтобъ съ пути,
Присѣвши, Хайдура сперва отдохнула.

«Ну вотъ, залетѣла, она говоритъ,
Степная ворона въ златыя хоромы!
Вели вынуть ножъ, что въ сидѣньи торчитъ,—
Хайдура и сядетъ.»

Царь асовъ сказалъ:
«Когда такъ искусна ты въ вѣщей наукѣ,
Скажи-инъ: какой драгоцѣннѣй металлъ,—
Желѣзо иль злато?»

Хайдура сказала:
«Тамъ, гдѣ еще люди живутъ въ прежней мглѣ,
Желѣзо дороже тамъ желтаго злата;
Но въ нашей цвѣтущей и славной землѣ
Давно стало злато дороже желѣза.»

Одинъ возразилъ ей: «когда такъ сильна
Ты въ вѣщей наукѣ, скажи: что дороже
И желтаго злата?»

На это она
Ему отвѣчала: «святой хлѣбъ, пожалуй,
Дороже и злата. Безъ хлѣба умрешь
И съ златомъ, голодный.»

Тогда онъ сказалъ ей:
«Когда ты все знаешь, то, значитъ, поймешь
Мою ты загадку: разъ желтое злато
Зашло въ край желѣзный; желѣзо его
И стало просить: передайся мнѣ, злато;
Ты будешь у насъ драгоцѣннѣй всего,

Digitized by Google

Царицей желѣзнаго края; искусно
Тебя растоплю я на горнѣ моемъ,
И ты просіяешь, какъ красное солнце;
Хитро накую изъ тебя я потомъ,
остойныхъ безсмертныхъ боговъ, украшеній;
Преклонится весь бѣлый свѣтъ предъ тобой,
Ты будешь дороже насущнаго хлѣба;
Съ тобой раздѣлю я престолъ мой земной;
Кто будетъ тогда насъ съ тобою сильнѣе?»
Хайдура сказала: «хозяевъ въ дому
Двоихъ не бываетъ. Весь міръ сей — домъ божій;
Но ты, господинъ, не хозяинъ ему:
Единъ Богъ,—хозяинъ. Ну, что еще надо?
«Ты правду рекла, ей вождь асовъ сказалъ.
Когда ты все знаешь, скажи,—какой силой
Родъ вановъ въ странѣ сей хозяиномъ сталъ?»
Какихъ больше чтите боговъ вы безсмертныхъ?
Хайдура сказала: «почто ты меня
Одинъ испытуешь? Знай, ты испытуешь
Свою тѣмъ судьбину. Сказала ли я?...
Микулина сила въ златой его сошкѣ;
Но бойтесь вы сошки: она покоритъ
Васъ всѣхъ, великановъ. Судьбы неизмѣнны!
А кто наши боги? Нашъ богъ—Святовитъ,
Богъ свѣта дневнаго, богъ нивы и жатвы;
Онъ богъ всѣхъ боговъ, онъ нашъ древній богъ Свалъ,
Онъ богъ всего міра, онъ богъ боговъ вашихъ.»
Глухой, гнѣвный ропотъ тогда пробѣжалъ
По свѣтлому кругу воинственныхъ асовъ;
Но вождь подалъ знакъ, и Хайдурѣ сказалъ:
«Ну, если Хайдура такъ видитъ далеко,
То знаетъ и руны. Входя въ чужой домъ,
Написано въ рунахъ, сперва осмотри въ немъ
Внимательно выходъ, чтобъ выйти потомъ
Тебѣ безопасно.»
Хайдура сказала:
«Да, это есть въ рунахъ; но я здѣсь въ гостяхъ.
Покуда я гостья, для васъ я священна;

Digitized by Google

А впрочемъ Хайдурѣ, не вѣдомъ ей страхъ,
Хайдурѣ ничто всѣ земныя стихіи.»
Царь асовъ сказалъ: «недостойно пытать
Ни сталь, ни желѣзо, что пытаны въ горнѣ.
Хайдура все знаетъ; она должна знать
Что нужно Одину. Ему нужна Вана,
Что вамъ подарила златыя поля.
За Вану Одинъ дастъ своихъ боговъ краю;
Тогда у насъ общею будетъ земля.
Все это возможно устроить Хайдурѣ,
Ей много извѣстно заклятій святыхъ,—
Одинъ это знаетъ....»
Хайдура сказала:
«Одинъ чтитъ боговъ и чтитъ предковъ своихъ,
Одинъ противъ нихъ не свершитъ заклинаній;
Хайдура не хуже Одина. Она
Не выдастъ ему міръ-народъ свой великій.
Не даромъ ее уважаетъ страна;
Она и сама свой народъ уважаетъ;
Ея слово крѣпко. Ей святъ край родной,
А всякій врагъ проклятъ. И я заклинаю
Тебя, отецъ асовъ, и ихъ всѣхъ съ тобой,
Всѣхъ васъ заклинаю, землею и небомъ,
Ночными звѣздами, огнемъ и водой,
И міромъ воздушнымъ, и міромъ подземнымъ,
Алатыремъ-камнемъ и ясной зарей,
И громомъ-Перуномъ, и огненнымъ камнемъ,
И островомъ свѣтлымъ Буяномъ, страной
Святою восточной, и силой небесной,
И силой земной, и пучиной морской,
Чтобъ не было здѣсь вамъ ни крыши, ни мѣста.
Зову всѣ недуги и лиха на васъ,
Ходячіе камни и быстрыя рѣки,
Чуму и проказу, и боли, и сглазъ;
Зову всѣхъ стрѣльцовъ, и земныхъ, и небесныхъ,
Что въ кованныхъ ризахъ; зову я ихъ всѣхъ,
Стрѣльцовъ невидимыхъ,—ихъ луки и стрѣлы,
Чтобъ не былъ ни въ чемъ вамъ въ странѣ сей успѣхъ;

Digitized by Google

Чтобъ въ васъ настрѣляли они ихъ уроки,
Призоры и притки; чтобы разстрѣляли
Они ваши рати, и дворъ вашъ, и домъ;
Чтобъ вы разслабѣли какъ малыя дѣти,
Дрожали-бъ предъ самымъ ничтожнымъ врагомъ;
Чтобъ здѣсь ваша доля исчахла на-вѣки.....
Мое слово крѣпко!»

«Клянуся творцомъ!
Одинъ вскричалъ, видя смятеніе асовъ,
Когда ты не снимешь, колдунья, сейчасъ
Твоихъ съ насъ заклятій, тебя мы живую
Изжаримъ на копьяхъ.»

«Ого, очень васъ
Хайдура боится! она, съ дикимъ смѣхомъ,
Одину сказала. Такъ знай-же и ты,
Что вѣщее слово сильнѣй всякой силы,
И мягкій языкъ, хоть въ немъ нѣтъ могуты,
Порою ломаетъ крѣпчайшія кости.
Не тронь родъ Микулы! Вотъ вамъ мой отвѣтъ.»

Одинъ и сонмъ асовъ не знали, что дѣлать,
И наскоро собрали тутъ же совѣтъ;
Потомъ повалили Хайдуру на копья,
И начали жарить ее на огнѣ
Чтобъ силой заставить ее снять заклятье.

Хайдура попалась, какъ звѣрь въ западнѣ,
А имъ своя воля; но ни однимъ стономъ,
Ни воплемъ, она не утѣшила ихъ.
Хайдура смѣялась надъ страшною пыткой,
И въ шутку просила злодѣевъ своихъ,
Поддать еще пару, чтобъ было пожарче.
Взбѣшенные асы тогда принесли
Костеръ цѣлый дровъ, и, раздувъ его пламя,
На этомъ кострищѣ Хайдуру сожгли.

Но тщетно ее они трижды сжигали,
Поднявши на копья. Посредствомъ своихъ
Волшебныхъ заклятій, она оживала,
Ругаясь надъ злобой безсильною ихъ.
Увидѣвъ, что силы земныя тутъ тщетны,

Digitized by Google

И что не удастся ее убѣдить,
Блестящіе асы махнули рукою,
Рѣшивъ, что разумнѣй ее отпустить,—
И выгнали съ бранью Хайдуру изъ стана.

Въ то самое время вернулся богъ Торъ,
Изъ лѣтней отлучки. Когда услыхалъ онъ
Про гнусный поступокъ, его грозный взоръ
Исполнился гнѣва. Приблизясь къ Одину,
Что шелъ ужь обратно, онъ съ сердцемъ сказалъ:
«Къ чему ты нанесъ эту злую обиду,
Одинъ, роду Вановъ? Не ты-ль обѣщалъ
Хранить съ ними миръ, а теперь самъ нарушилъ.
Они, по всей правдѣ, начать могутъ месть,
И будутъ изъ прежнихъ друзей намъ врагами;
Ты прямо затронулъ народную честь,
Поднявъ на жену изъ ихъ племени руку,
Сбери поскорѣе вождей на совѣтъ,
Обсудимъ немедленно, какъ намъ исправить
Твой дикій поступокъ; не то на весь свѣтъ
Они прокричатъ про твое самовластье.»
Вожди асовъ сѣли на камни; средь нихъ
Въ главѣ сѣлъ Одинъ; началось совѣщанье:
Должны-ль, не роняя достоинствъ своихъ,
Блестящіе асы загладить, предъ родомъ
Божественныхъ вановъ, свершенный сейчасъ,
Совсѣмъ безполезный и дикій поступокъ,
Иль вождь свѣтлыхъ асовъ, кого общій гласъ
Призналъ уже богомъ,—имѣетъ онъ право
Судить и карать, ему чуждыхъ, людей?
Должны-ль признать ваны его также богомъ,
Иль ихъ божества, по природѣ своей,
Имѣютъ такое-же право возмездья [12])?....

Но вѣсть объ обидѣ Хайдуры дошла
До царственныхъ вановъ. Исполнилась гнѣва
Священнаго Вана, и въ мигъ собрала
Совѣтъ свой народный. Двѣнадцать старѣйшинъ

Digitized by Google

Возсѣли на камняхъ большихъ, а она
Сидѣла въ срединѣ. Предъ нею держали
Тѣ доски правдодатны, что чтила страна,
Какъ даръ вѣковѣчныхъ, и мечь обнаженный,
Карающій кривду. Толпа вѣщихъ дѣвъ
Предъ нею поставила огнь-правдовѣстникъ,
Съ водой очищенья. Микула, возсѣвъ
Между старшихъ въ родѣ, ждалъ вмѣстѣ съ другими
Словесъ ея вѣщихъ.... Въ ней зрѣла страна
Царицу, пророчицу, матерь народа.
«Народные старцы, сказала она,
Владыки и лѣхи, старѣйшины рода!
Злодѣйство пришельцевъ надъ вѣщей женой
Изъ нашего рода наноситъ безчестье
Всѣмъ виндамъ.... Кто міръ нарушаетъ святой,
Тотъ самъ на себя призываетъ отмщенье
Свободныхъ людей и безсмертныхъ боговъ.
Месть наша угодна богамъ вѣковѣчнымъ.
По правдѣ святой, по закону отцовъ,
Нашъ славный родъ долженъ съ себя смыть безчестье
Враждебною кровію асовъ. Они
Нарушили первые міръ благодатный.
Я вижу въ грядущемъ раздоры одни.
Могучіе винды должны сжечь ихъ городъ;
А гордый вождь асовъ пусть ихъ уведетъ
Въ другіе предѣлы, куда пожелаетъ.
Я вижу далеко, далеко впередъ.
Вражда будетъ долго межь виндовъ и асовъ;
А главный виновникъ вражды сей Мимиръ,—
Старинный, хитрѣйшій совѣтникъ Одина.
Крутой этотъ іотнъ также древенъ, какъ міръ;
Онъ встарь въ непрестанной борьбѣ былъ съ богами.
Одинъ себѣ ищетъ привольной страны;
Онъ хочетъ быть богомъ въ странѣ земледѣлья;
У насъ онъ узрѣлъ свѣтъ благой тишины,
И трудъ благодатный, дающій богатство;
Но іотнъ раздуваетъ въ немъ духъ старины,
Духъ дикій и бурный родныхъ исполиновъ;

Digitized by Google

Ему ненавистенъ, священный намъ, миръ...
Владыки и лѣхи! Хотите ли мира?—
Просите, чтобъ нынѣ-жь былъ выданъ Мимиръ
Въ заложники виндамъ. Дадимъ асамъ Рында,
Посредствомъ кого получила земля
И частную собственность, и изобилье;
Дадимъ также Прію, чье имя и я
Носила межь вами въ старинное время....
Но требуйте хитраго іотна, Мимира.
Всѣ іотны,—сыны первобытныхъ временъ;
Предъ ними открыты глубокія тайны,
У нихъ въ рукахъ древняя мудрость; а онъ
Изъ нихъ самый хитрый. Онъ знаетъ всѣ клады,
И все, что на небѣ, и что на землѣ;
Ему повинуются и звѣри и гады.
Онъ самый искусный въ добрѣ и во злѣ;
Онъ можетъ дать виндамъ великія блага.»
Владыки, князья поклонилися ей
И начали каждый хвалить ея слово;
Потомъ одинъ всталъ.... «Мудрость рѣчи твоей,
Сказалъ онъ, мы всѣ обсудили по правдѣ
Святой. Вели голосъ народный узнать!»
Тогда, по закону, вошли дѣвы-судьи
Въ толпу, голоса отъ народа сбирать;
И бережно склавши въ сосудѣ священномъ,
Велѣли предъ вѣчемъ потомъ прокричать;
Затѣмъ, другой мужъ голоса перечислилъ,—
Всѣ были согласны.
Стукъ копій въ щиты,
Вождямъ возвѣстилъ всенародную волю,
Кипѣвшую местью.—Такъ въ дни простоты
Временъ тѣхъ, рѣшались между племенами
Народныя тяжбы.
Владыки племенъ,
Собравши дружины свои, ополчились;
А Вана покрыла, со всѣхъ ихъ сторонъ,
Глубокою тьмою, отъ взоровъ Одина.
«Но кто же его, бога битвъ, побѣдитъ...?»

Digitized by Google

Раздумалась мудрая Вана; какъ тутъ-же,
Отколь ни взялся, передъ нею стоитъ
Младой богатырь: «что здѣсь?» — «Такъ-то и такъ-то!»
«Ну это не служба, онъ ей говоритъ,
А развѣ лишь службишка только; а служба
Еще впереди!»

Вожди гордыхъ асовъ
Держали совѣтъ еще въ станѣ своемъ;
Какъ станъ окруженъ былъ, ограда разбита,
И храбрые ваны съ огнемъ и мечемъ
Вломилися къ нимъ....Богатырь неизвѣстный
Промчался по стану, стопталъ ихъ конемъ,
Самъ гаркнулъ и скрылся. Одинъ раздраженный
Пустилъ въ него молнью, чей видѣнъ былъ слѣдъ
Потомъ еще долго, въ равнинахъ Днѣстровскихъ;
Но витязь ужь скрылся, и общій совѣтъ
Рѣшилъ, чтобы асамъ вступить въ соглашенье [54]).
Тогда заключенъ былъ съ обѣихъ сторонъ
Союзъ нерушимый.
И ваны, и асы,
Какъ было въ обычаѣ этихъ временъ,
Вручили другъ другу заложниковъ. Ваны
Въ заложники отдали Рында съ семьей,
Что прозвали асы позднѣй Ніордуромъ,
Его сына, Прія, своей красотой
Подобнаго солнцу, и дочь Ніордура,
Красавицу Прію; а хитрый Одинъ
Былъ долженъ отдать свѣтлымъ ванамъ Мимира
И аса Генира, что развѣ одинъ
Напомнить могъ Рында.
Затѣмъ, чтобы крѣпче
Упрочить въ грядущемъ священный сей миръ,
И асы, и ваны смѣшали ихъ слюни
Въ одной общей чашѣ. Пошелъ шумный пиръ,
Запѣнился медъ, раздалась пѣсня мира;
Тогда, изъ слюней тѣхъ, родился Квасиръ,
Сей первый баянъ Полуночнаго края [14]).

Digitized by Google

Такъ кончилась первая эта война;
Но скоро потомъ она вновь возгорѣлась,
И длилась столѣтья,—пока вся страна
Славянъ прибалтійскихъ досталась Одину.

Лишь миръ заключенъ былъ, изъ Сѣверныхъ странъ
Пришелъ іотунъ-строитель, и зная, что асы
Нуждаются въ крѣпкихъ стѣнахъ, великанъ
Взялся ихъ построить, съ условьемъ, чтобъ асы
За это ему заплатили луной,
Красавицей Пріей и солнышкомъ краснымъ,—
Другими словами, той свѣтлой страной,
Гдѣ этой порою они проживали,
И шли бы на Сѣверъ, гдѣ онъ обиталъ,
Средь вѣчной зимы и холодныхъ тумановъ.
При этихъ словахъ инда-ужасъ объялъ
Блестящій родъ асовъ; тѣмъ паче, что Прія
Помолвлена уже Одиномъ была
За аса Одура. Но Локки лукавый
И столько же ловкій, какъ темный духъ зла,
Ихъ сталъ уговаривать, давши имъ слово,
Что только лишь городъ тотъ будетъ готовъ,
Опутать такъ славно строителя іотна,
Что онъ самъ уйдетъ,—и плоды всѣхъ трудовъ
Гиганта зимы имъ достанутся даромъ.
Съ такимъ уговоромъ, Одинъ поклялся
Пришедшему іотну, что свято исполнитъ
Его предложенье,—и іотнъ принялся
Имъ, въ эту же ночь, ледяной строитъ городъ.
Въ то время опять былъ въ отсутствіи Торъ;
Но только, вернувшись, узналъ онъ про новый
Обманъ царя асовъ,—горячій укоръ
Изъ устъ полился у него на Одина.
Исполненный гнѣва, Торъ грозно вскочилъ
Среди совѣщанья съ высокаго камня,
Какъ онъ всегда дѣлалъ, когда приходилъ
Въ сильнѣйшую ярость,—и громко воскликнулъ:
«О свѣтлое небо! О боги боговъ!

Digitized by Google

Поруганы снова условья и клятвы;
Нѣтъ болѣе правды средь вашихъ сыновъ;
Ничто намъ союзы, ничто обѣщанья. ...
Чего еще людамъ, чего отъ насъ ждать?
Прощай, Бальдуръ кроткій! Приходитъ конецъ твой...
Я вижу, несется отмстителей рать,—
Насъ всѣхъ поглощаютъ скалы ледяныя» [15])...
Такъ онъ восклицалъ, благороднѣйшій Торъ,
Какъ бы предвѣщая печальную участь,
Что ихъ ожидала,—и точно, съ тѣхъ поръ
Постигшую асовъ, за ихъ вѣроломство.
Межь тѣмъ, ледяной тотъ былъ городъ готовъ;
Но Локки искусно замедлилъ работу,
Пока съ горъ потоки и блескъ облаковъ
Съ небесъ, возвѣстили о близости лѣта,
Когда Торъ-громовникъ вступалъ вновь въ права.
Чтобъ снять съ свѣтлыхъ асовъ обѣтъ ихъ безумный
И ложную клятву,—не тратя слова,
Торъ грянулъ въ несчастнаго іотна молньиромъ,
И кончилъ тѣмъ распрю.

Но скрылися дни
Счастливые асовъ. Ихъ ваны прогнали
Съ Полудня,—и волей-неволей они
Вступили въ лѣсистый край, дикій и мрачный,
Свѣтоновъ и Финновъ.
Вождь сильный въ войнѣ,
Одинъ овладѣлъ очень скоро страною,
И сталъ въ ней царемъ; а по смерти,—въ странѣ
Былъ признанъ за бога. Не міръ-народъ вольный
Божественнымъ саномъ Одина почтилъ,
Но міръ рабовъ темныхъ, смирённыхъ оружьемъ;
Побѣдное шествье его грозныхъ силъ
Край счелъ волшебствомъ,—и призналъ его богомъ.
По волѣ его, хитрый Ригъ раздѣлилъ
Тотчасъ-же народъ, на благорожденныхъ
Воинственныхъ Киновъ, и имъ поручилъ
Власть высшую въ краѣ; на Ярловъ свободныхъ,

Digitized by Google

Владѣвшихъ землею, и Тролей,—рабовъ,
Рожденныхъ отъ дряхлой, беззубой старухи,
Той самой, что асы нашли средь лѣсовъ,
Съ ея старымъ мужемъ, въ холодной избушкѣ,
Когда вошли въ край [16]).
Какъ былой ученикъ
Сѣдаго Мимира, преемникъ Водана,—
Одинъ, — по тогдашнимъ понятьямъ, постигъ
Достаточно хитрую глубь мірозданья,
Чтобъ эти познанія свои приложить
Къ готовымъ ужь мифамъ страны этой темной,
Угрюмой и дикой, и въ ней утвердить
Воинственный духъ и характеръ дружинный.
Устроивъ страну и возсѣвъ божествомъ,
Одинъ окружилъ себя сонмомъ героевъ.
Младыя валькирьи, съ большимъ торжествомъ,
Ихъ вводятъ, съ полей прямо битвы, въ Валгалу.
Они тѣ же асы; у нихъ въ небесахъ,—
Игра въ золотыя таблеи и шашки;
Они забавляются въ горнихъ поляхъ
Примѣрною битвой. Одинъ ежедневно
Даетъ имъ пирушки; за это они
Сражаются противъ Полуночныхъ іотновъ
И прочихъ враговъ; а въ послѣдніе дни
Вселенной, должны ихъ царя защищать
Отъ волка Френмира. Волкъ этотъ,—сынъ Локки
Онъ связанъ, и ждетъ этихъ дней, чтобъ пожрать,
Ему ненавистныхъ, боговъ и Одина.
На самой срединѣ равнины большой,
По имени Иди, въ пространствахъ воздушныхъ,
Проходитъ сквозь землю, изъ бездны глухой
Таинственной Геллы, всемірная ясень
Небесъ, Агдразиль. Здѣсь, подъ сѣнью ея,
Сбираются асы на ихъ совѣщанья;
Отсюда имѣетъ начало свое
Прозрачный источникъ божественной Урды,
Гдѣ вѣщія норны слагаютъ для нихъ
Недолю и долю. Замѣтно, все это

Digitized by Google

Царь асовъ, во дни еще странствій своихъ,
Заимствовалъ прямо отъ древняго міра.
На стражѣ святаго Асгарда стоитъ
Геймдаль неусыпный, Восточный Ивашка *);
Онъ держитъ рожокъ, и тотчасъ же трубитъ,
Чуть только завидитъ вдали грозныхъ іотновъ.
Всѣ силы природы Одинъ поручилъ,
Какъ сказано выше, таинственнымъ двергамъ,
Полуночнымъ карламъ. Богъ Торъ уходилъ
На лѣто сражаться съ полчищами іотновъ;
Разъ былъ онъ застигнутъ внезапно зимой,
И проспалъ до утра въ перчаткѣ титана,
Въ потемкахъ принявъ ея палецъ большой
За цѣлое зданье. Славянскій заложникъ,
Богъ солнечный Фрейеръ, плѣнился красой
Одной великанши, какъ солнышко наше,
Весенній Даждь-богъ золотою косой
Красавицы Лады. Прекрасную Прію
Одинъ взялъ себѣ, и отвелъ ей дворецъ;
Она занималась хозяйствомъ Валгалы...
Но все было тщетно! Нежданный конецъ,
Предсказанный Торомъ, постигнулъ Бальдура:
Едва вошли асы въ Полуночный край,
Какъ онъ, самый кроткій изъ нихъ и блестящій,
Вносившій повсюду съ собой свѣтлый рай, —
Онъ, образъ прекрасный весенняго солнца,
Богъ жаркаго лѣта и злачныхъ полей,
Былъ вдругъ поглощенъ мрачной бездною Геллы;
Но даже оттуда, по смерти своей,
Прислалъ асамъ, въ видѣ кольца золотаго,
Дары первой жатвы.
Не рай свѣтлый ждалъ
Одина и асовъ въ странѣ сей угрюмой;
Но міръ ледяныхъ, непривѣтливыхъ скалъ
И іотновъ враждебныхъ,—да бурное море,

*) Ивашкой наши сказки называютъ постоянно стоящаго, на границахъ восточныхъ царствъ,коннаго сторожа съ рогомъ за плечами или въ рукѣ.

Digitized by Google

Эгиръ Полуночный, который дышалъ
Весь годъ на нихъ стужей. Вдали раздавался
Глухой храпъ, сопѣнье или дикій вой
И крики титановъ... Хотя жаркимъ лѣтомъ
Богъ Торъ и смирялъ ихъ; но съ каждой зимой
Они появлялись опять съ новой силой.
Разъ даже они захватили молніръ;
И гордый Одинъ былъ въ немалой тревогѣ,
И свѣтлые асы, — чтобъ скудный ихъ міръ
Совсѣмъ не остался безъ краснаго лѣта,
А люди безъ хлѣба.
Воздвигнувъ кругомъ
Мидгарда ограду, отъ бурнаго моря
И іотновъ, царь асовъ устроилъ потомъ
Другую еще, между свѣтлымъ Асгардомъ
И краемъ злыхъ вановъ. Всезрящій Эгдиръ,
Орелъ-быстрокрылый, хранилъ царство асовъ
Съ Полночи, откуда онъ видѣлъ весь міръ,
А сонъ развлекалъ свой игрою на арфѣ;
Не менѣе тонокъ его былъ и слухъ:
Онъ могъ даже слышать намѣренья іотновъ.
Въ мѣстахъ этихъ, также жилъ Красный Пѣтухъ,
Будившій и трелей, и іотновъ къ работѣ;
Другой Пѣтухъ - вѣщій, Златой-Гребешокъ,
Тотъ жилъ въ самомъ небѣ, и крикомъ веселымъ,
Чуть алой зарею заблещетъ Востокъ,
Будилъ свѣтлыхъ асовъ. Еще былъ и третій, —
Весь черный, въ таинственной Геллѣ; но онъ
Будилъ только мрачные сонмы пороковъ,
Злодѣйствъ, преступленій, сначала временъ
Оттоль выходящихъ на свѣтлую землю.
Въ міръ этотъ кромешный Одинъ низвергалъ
Всѣхъ клятвопреступниковъ, изверговъ, трусовъ,
И даже и тѣхъ, кто скончаться дерзалъ
Не въ яромъ бою, а стественной смертью.
Тамъ, холодъ и пламя, и медленный ядъ
Змѣй лютыхъ, терзали несчастныя жертвы;
Туда, въ этотъ полный мученьями адъ,

Digitized by Google

Въ послѣдствіи былъ заключенъ хитрый Локки,
И сынъ его, лютый, ужасный Френмиръ, —
Тотъ волкъ, отъ кого предназначено было
Погибнуть Одину, когда новый міръ
Низвергнетъ престолы небесныхъ величій.
На самой вершинѣ воздушныхъ небесъ,
Гдѣ сходятся вмѣстѣ, на ихъ перепутьи,
Главнѣйшіе вѣтры, Полночный Зевесъ
Поставилъ сторожку, откуда онъ могъ бы
Заразъ обозрѣть всѣ предѣлы земли
И міръ весь живущихъ. Она называлась
У асовъ Глидскельфомъ; отсюда могли
Свершать наблюденья и прочіе боги.
Съ высотъ этихъ горнихъ еще былъ виднѣй
Край чудный, блестящее царство Микулы.
Тамъ царь асовъ видѣлъ златой міръ полей,
Какъ волны морскія, блестящія нивы,
Хрустальныя воды обширныхъ озеръ,
Широкія рѣки, бѣгущія стаи
Судовъ съ парусами, верьхи злачныхъ горъ,
Вѣнчанныя дымомъ курящихся капищъ;
Тамъ видѣлъ онъ стѣны большихъ городовъ,
Отъ коихъ и прозвалъ онъ край Гардигардомъ,
Цвѣтущія страны, отъ плоскихъ береговъ
Молочнаго моря иль моря Морозовъ
До тихаго Дона и темныхъ лѣсовъ
Карпатскихъ. По Волгѣ, торговые гости
Сгребали лопатой златую казну;
По Дону тянулись съ Полденъ караваны;
Съ Поморья торговцы шли къ Грекамъ въ страну;
Народные храмы сіяли богатствомъ;
Блестящее солнце златило поля...
Предъ сумрачной, дикой страною Одина,
То былъ міръ богатства, святая земля
Блаженной весны и обильнаго лѣта.

Никто не повѣритъ, чтобъ хитрый Одинъ
Оставилъ край этотъ по собственной волѣ,

Digitized by Google

Чтобъ онъ промѣнялъ міръ цвѣтущихъ равнинъ
На голыя скалы холодной Полночи,
Не изгнанный ванами, какъ называлъ
Въ то время онъ виндовъ. Еще безотраднѣй
Страна эта стала, когда въ ней увялъ
Бальдуръ лучезарный. Напрасно царь асовъ
Любезничалъ съ Пріей; она не могла
Ему передать всей премудрости вановъ;
Красавица Прія у вановъ слыла
Скорѣе хозяйкой въ быту ихъ домашнемъ;
Народная мудрость осталась въ рукахъ
Божественной Ваны. Напрасно трудились
Несчастные троли въ безплодныхъ поляхъ;
Лишь тощая жатва росла на ихъ нивахъ,
И ту истребляли нерѣдко толпы
Ворвавшихся іотновъ нежданною стужей.
Самъ Торъ направлялъ осторожно стопы
Въ страну ихъ. Однажды они даже взяли
Богиню Весны съ златорусой косой,
Красавицу Зифу, въ полонъ, — и лишь Локки,
Хитрѣйшій изъ асовъ, своей быстротой
И ловкостью, могъ ее выручить мужу.
Однимъ лишь была изобильна страна, —
Густымъ, крупнымъ лѣсомъ и крѣпкимъ желѣзомъ;
Потомковъ Одина ждала иль война,
Или вѣчный голодъ.
Изъ этой природы
Царь асовъ не могъ сотворить ничего,
Опричь свѣтозарной, холодной Валгалы,
Гдѣ сонмы усопшихъ героевъ его
Могли упражняться во всякое время
Въ воинскихъ забавахъ. Весны красной пиръ
Угасъ для Одина, со смертью Бальдура;
Ему оставался совѣтникъ—Мимиръ,
И тотъ былъ заложникомъ мира у вановъ.
Та мудрость, что древле Одинъ почерпнулъ
Въ источникѣ Урды, могла приложиться
Къ одной лишь войнѣ. Мимиръ злобный раздулъ

Digitized by Google

Вражду его къ ванамъ. Ихъ асы считали
Опаснѣе іотновъ, и видѣли въ нихъ
Враговъ себѣ вѣчныхъ. Они относили
Все тяжкое бремя несчастій своихъ
Къ могуществу чаръ ихъ; хоть въ прежнее время
Призаняли много полезныхъ вещей
У нихъ для хозяйства и для общежитья,
Чего, во дни жизни бродячей своей,
Они не имѣли и даже не знали.
Преемникъ Водана устроить не могъ
Жилища для асовъ приличнѣй Валгалы.
Ея свѣтозарный, обширный чертогъ,
Искусно покрытый златыми щитами,
Раздолье просторныхъ, широкихъ дворовъ,
Столы, всегда полные жирной трапезой
И чашами съ медомъ, шумъ бранный пировъ,
Въ присутствьи блестящихъ красавицъ-валькирій,
Все было достойно безсмертныхъ боговъ
И славныхъ героевъ. Среди феодальныхъ
Палатъ сихъ, Одинъ былъ дѣйствительно богъ, —
Богъ яростной битвы и сладкой побѣды.
Весь царственный этотъ небесный чертогъ
Блисталъ его дикой, воинственной славой.
Здѣсь тѣшился бранной игрой онъ мужей,
Стяжавшихъ, ихъ храбростью въ битвахъ, безсмертье;
Здѣсь слышалъ бряцанье ихъ тяжкихъ мечей,
Сидѣлъ во главѣ ихъ торжественныхъ пиршествъ,
Какъ царственный вождь. Его рогъ золотой
Всегда былъ наполненъ виномъ; его гости
Сіяли весельемъ; жемчужной рукой
Красавица Фрея, со свитой валькирій,
Лила медъ душистый... Все это Мимиръ
Ему предвѣщалъ при началѣ вселенной;
Но іотнъ видѣлъ больше, — онъ видѣлъ весь міръ
Подъ свѣтлой державой потомка Водана [17]).
И всѣ были асы полны той мечтой;
Она открывала имъ море и сушу.
Но болѣе всѣхъ этой дикой страной

Digitized by Google

Могла тяготиться слезливая Фригга.
Вотще прилагала заботы свои
Она къ улучшенью безплоднаго края, —
Ея теплый дождь, этотъ жемчугъ земли,
Струился почти на гранитную почву;
Вотще расточала лобзанья она
Въ отсутствье Одиново, Фрейеру-Солнцу;
Отъ страстныхъ ласкъ этихъ не стала страна
Ничуть плодоноснѣй, и эти лобзанья
Всѣ были напрасны.

Томясь каждый годъ
Печальнымъ исходомъ, передъ концемъ лѣта,
Горячихъ стараній своихъ и заботъ,
Она говорила съ досадой Одину:
«Еще долго-ль жить намъ въ странѣ сей глухой,
Гдѣ ты пропадаешь на цѣлую зиму?
Какое наслѣдье готовимъ съ тобой
Мы нашему роду, въ землѣ этой іотновъ?
Что я здѣсь сама? Посмотри, какъ живетъ
Въ глазахъ нашихъ родъ земледѣльческій вановъ;
Они богатѣютъ, страна ихъ цвѣтетъ,
Ихъ боги, не двигая пальцемъ, имѣютъ
Обильныя жертвы. Взгляни, какъ блеститъ
Тамъ красное солнце; а въ дни поворота,
Когда отправляется богъ Святовитъ
Въ далекій путь зимній, какое сіянье,
Какая отрада смотрѣть на него;
Вотъ истинно праздникъ торжественный лѣта!
А я какъ ни бьюсь здѣсь, все нѣтъ ничего;
Сама красота-златовласая Зифа,
И та лишь худѣетъ и чахнетъ у насъ.
А эти проклятые ваны,—будь пусто
Въ землѣ ихъ!—Идутъ все впередъ, и какъ разъ,
Пожалуй, займутъ отдаленный нашъ Западъ.
Ты образъ Вуотана, побѣдный твой гласъ
Ужасенъ богамъ, предъ тобой дрожитъ Гелла,
Тебя зовутъ Грознымъ, богатствомъ дружинъ,

Digitized by Google

Сверкающимъ Окомъ и Окомъ туманнымъ,
Ты Вѣпрь всекрушащій, ты богъ-Исполинъ,
Древнѣйшій Отецъ, Раздаватель побѣды,
Богъ влаги небесной и зимнихъ путей,
Ты Длиннобородый, въ надвинутой шляпѣ,
Богъ тяжкихъ оковъ и торговыхъ людей;
Ты Скоръ на обманъ, ты Колдунъ, Заклинатель,
Великій Угадчикъ, великій Силачь,
Настойчивый, Бѣшеный, Многообразный,
Богъ, любящій стонъ человѣка и плачь,
Всегда живой, Быстрый и Ловкій въ тревогѣ....
И сколько еще у тебя есть именъ
И прозвищь, достойныхъ великаго бога!
Ты богъ всѣхъ сословій, стихій и временъ;
И все таки тяжкихъ полна я предчувствій.
Ты помнишь мой плачь и страданья мои,
Предъ смертью Бальдура; такъ точно и нынѣ:
Я будто, какъ вижу тревогу боговъ,—
Злой волкъ поглощаетъ благаго Одина,
Чумазый Суртуръ поджегъ царственный кровъ
Блестящей Валгалы, всѣ боги побиты,
Земной міръ и небо пылаютъ въ огнѣ,
Вездѣ разрушенье.... И вотъ, изъ пучины
Горящаго моря, подобно веснѣ,
Всплываетъ другой міръ, прекрасный и свѣтлый;
Но въ прежнихъ владѣньяхъ погибшихъ боговъ
Живутъ ужь не боги, а вольные люди;
Нѣтъ больше ни браней, ни тяжкихъ оковъ,
Повсюду царитъ власть святая закона;
Встаетъ новый родъ, для насъ чуждыхъ, людей,
Они населяютъ счастливую землю....
Одинъ доживетъ до великихъ тѣхъ дней;
Но богомъ Одинъ въ новомъ мірѣ не будетъ.
Пока на вершинѣ онъ власти своей,
Онъ долженъ спѣшить извлекать изъ ней пользу;
Пока разумъ Ваны не собралъ сыновъ
Ея воедино, край Ваны доступенъ
Потомству Одина. Одинъ—вождь полковъ,

Digitized by Google

Одинъ—богъ побѣды; коварныя чары
Злой Ваны не могутъ противостоять
Божественной силѣ Вуотана—Одина;
Обязанность вановъ, намъ землю пахать;
Лишь роду безсмертныхъ боговъ подобаетъ
Господствовать въ мірѣ. Вотъ, что говоритъ
Супруга Одина, слезливая Фригга.
Что мудрый на это Одинъ возразитъ?...»
Глава свѣтлыхъ асовъ отвѣтствуетъ Фриггѣ:
«Одинъ раздѣляетъ всю тяжесть заботъ
Жены своей Фригги; но богъ свѣтлыхъ асовъ
Спокоенъ за славный, великій свой родъ.
Суровая наша страна и утесы
Гранитные,—самый пристойный дворецъ
Могучимъ сынамъ бога браней, Одина;
А всякое дѣло вѣнчаетъ конецъ,—
Нарѣзано мудрыми въ рунахъ священныхъ.
То правда, волкъ хищный,—ты знаешь, кто онъ,
И что онъ теперь,— разорветъ свои узы;
Но это возможно въ концѣ лишь временъ,
Въ тѣ дни, какъ настанетъ божественный вечеръ
Небесныхъ величій. Холодная мгла
Суровой зимы причинитъ общій голодъ;
Цари и народы исполнятся зла,
Братъ станетъ на брата и племя на племя;
То будетъ отмщенья вѣкъ, вѣкъ топоровъ,
Кровавыхъ смятеній, неистовыхъ браней,
Вѣкъ бурь,—волчій вѣкъ,—вѣкъ мечей и щитовъ;
Привязанный волкъ разорветъ тогда узы,
Всезрящій Геймдаль затрубитъ въ звонкій рогъ,
Чумазый Суртуръ зажжетъ небо и землю,
Всемірная ясень поблекнетъ, чертогъ
Небесный наполнится общимъ смятеньемъ,
Раздастся крикъ іотновъ, ихъ яростный ревъ;
Разумные дверги рыдаютъ въ пещерахъ;
Морской змѣй ворвался въ жилище боговъ,—
Червь этотъ вздымаетъ кровавыя волны.
Одинъ совѣщается съ вѣщей главой

Digitized by Google

Убитаго ванами іотна, Мимира...
Орелъ бьетъ крылами; міръ полонъ земной
Растерзанныхъ труповъ; корабль исполинскій,
Построенный весь изъ ногтей мертвецовъ,
Несется на насъ съ мертвецами; злой Локки
Стоитъ на кормѣ, въ главѣ нашихъ рабовъ.
Суртуръ, посреди своихъ огненныхъ полчищъ,
Сверкаетъ на насъ лезвеями мечей;
Гранитныя горы трещатъ, адъ кромешный
Разверзся, полчища угрюмыхъ тѣней
Выходятъ изъ Геллы, небесный сводъ рухнулъ....
Тогда въ общей битвѣ настанетъ конецъ
Боговъ лучезарныхъ и будетъ міръ новый.
Но тотъ роковой день далеко. Творецъ
Вселенной, Одинъ отдастъ львиную долю,
Межь тѣмъ,—наилучшую долю земли
Своимъ благороднымъ и славнымъ потомкамъ;
Онъ видитъ ужь новый Асгардъ ихъ вдали;
На Югѣ и Западѣ дальнемъ ихъ имя
Повсюду гремитъ на моряхъ. Богъ-Одинъ
Зритъ скорую гибель разрозненныхъ вановъ;
Онъ могъ бы край этотъ лѣсовъ и равнинъ
Прикрыть своимъ крѣпкимъ щитомъ; но безумцы
Не терпятъ господства въ ихъ вольной странѣ;
Они управляются міромъ-народомъ,
Они хотятъ жить по родной старинѣ.
Теперь хитрый родъ ихъ могучъ и обширенъ,
И также воинственъ, какъ асы; но онъ
Такъ быстро растетъ, что не можетъ жить мирно;
Онъ весь состоитъ изъ враждебныхъ племенъ,
Хотя и родныхъ, но ихъ слову и вѣрѣ.
Богиня ихъ —зависть, а богъ ихъ—раздоръ;
Я зрю, какъ онъ плещетъ надъ ними крылами.
Скорѣй основанія сдвинутся горъ,
А красное солнце измѣнитъ теченье,
Чѣмъ этотъ родъ Свала, такой же какъ онъ,
Обманчивый, жадный и непостоянный,
Создастъ изъ своихъ разнородныхъ племенъ

Digitized by Google

Единый народъ иль одно государство.
Кудесница Вана и весь ея міръ
Себѣ приготовили сами погибель;
Къ нимъ скоро откроетъ заложникъ Мимиръ
Широкій путь асамъ.... Еще не пройдетъ
Трехъ новыхъ столѣтій, какъ ихъ покоритъ князь
Амальскаго рода; но пусть стережетъ
Онъ край этотъ крѣпче!... [18])

Слезливая Фригга
Сказала Одину: «Одинъ,—богъ боговъ,
Въ рукѣ его древній мечь бога Вуотана;
Одину нельзя своихъ кровныхъ сыновъ
Равнять съ земледѣльческимъ племенемъ вановъ.
Нашъ жребій отъ вѣка—всемірная власть,
Нашъ родъ по рожденью властитель вселенной;
Одинъ, богъ боговъ, завоюетъ на часть
Сынамъ своимъ землю цвѣтущую вановъ;
Одинъ тамъ поставитъ изъ асовъ князей
И высшихъ правителей міра-народа.
Ихъ богъ Святовитъ, богъ рабочихъ людей,
Не можетъ сильнѣй быть и выше Одина;
Гдѣ сошка, тамъ рабство.»

Одинъ говоритъ
Женѣ своей Фриггѣ: «ни крѣпкій богъ асовъ,
Властитель побѣдъ, ни младой Святовитъ,
Глава земледѣлья и краснаго лѣта,
Не властны идти противъ высшей судьбы,
Что правитъ событьями этого міра.
Одинъ,—грозный богъ всякой бранной борьбы,
Одинъ зритъ теченье грядущихъ событій,
Въ источникѣ Урды; но свѣтлый Одинъ
Священнымъ мечемъ не владѣетъ Вуотана.
Вуотановъ мечь—знамя воинскихъ дружинъ
И вмѣстѣ живящій лучь краснаго солнца,
Онъ стражъ златыхъ нивъ и зеленыхъ полей;
А мечь бога асовъ приноситъ погибель
Тѣмъ, кто имъ владѣетъ. Изъ лучшихъ мужей
Царь асовъ себѣ набираетъ героевъ

Digitized by Google

Для свѣтлой Валгалы, чтобъ съ помощью ихъ
Достойно сразиться въ божественный вечеръ
Небесныхъ величій. Въ владѣньяхъ чужихъ
Одинъ не имѣетъ такого значенья.
Мнѣ Сѣверъ подвластенъ, меня Западъ чтитъ;
Но край хитрыхъ вановъ, — онъ чтитъ Святовита.
Кому Вуотанъ мечь свой изъ смертныхъ вручитъ,
Тотъ мечь, что у скифовъ былъ образомъ божьимъ,
Тотъ будетъ владѣть и обширной страной
Воинственныхъ вановъ. И сила Одина,
И мощь Святовита равны межь собой;
Сыны наши нѣсколько бьются столѣтій,
А все нѣтъ конца ихъ народной борьбѣ.
Для вановъ любезна ихъ древняя воля,
Мы, асы, хотимъ покорить ихъ себѣ;
Но тамъ, обоюдныя силы гдѣ равны,
Тамъ тотъ побѣдитъ, кто ловчѣй и хитрѣй.
Разумные асы искусны въ гражданствѣ;
Но ваны въ общественной жизни слабѣй.
Ничто имъ устройство земли ихъ великой,
Ничто имъ союзы и близость враговъ.
Царица ихъ, Вана, не спитъ, — это правда;
Но что же наткала она для сыновъ?
Однѣ безконечныя нити раздоровъ.
Ихъ богъ всенародный, ея Святовитъ,—
Сей древній богъ Вишну, не хочетъ единства:
Его край понынѣ характеръ хранитъ
Племенъ разнородныхъ далекаго Инда;
Онъ скоро на вѣки страну раздробитъ,
А вѣщая Вана заснетъ,—и надолго....»
Съ досадою, Фригга сказала Одину:
«Не эти ли тайны Бальдуру сказалъ
Отецъ асовъ на ухо, въ тотъ часъ печальный,
Когда вѣковѣчный Одинъ возлагалъ
Его для сожженья на одръ погребальный?...
Бальдуръ златокудрый владѣлъ самъ кольцомъ
Златымъ плодородья; прекрасный, какъ солнце,
И юный, какъ утро, онъ могъ быть отцомъ

Digitized by Google

У насъ земледѣлья. когда-бъ не угаснулъ
Средь этихъ пустынныхъ болотъ и лѣсовъ.»
Одинъ возражаетъ съ досадою Фриггѣ:
«Бальдуръ златокудрый, одинъ изъ боговъ,
Воскреснетъ въ дни сумерекъ горнихъ величій;
Затѣмъ, что одинъ онъ изъ нашихъ сыновъ
Родился въ странѣ земледѣльческой вановъ....
Когда новый міръ,— міръ свободы благой,
Воспрянетъ изъ моря,—весенняя зелень
Покроетъ всю землю и житель земной
Вездѣ успокоится въ царствіи свѣта:
Тогда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ недавніе дни
Разбитъ былъ станъ асовъ, въ поляхъ свѣтлыхъ Иди,
Гдѣ зрѣли рожденье Бальдура они,
Тогда воцарятся Свобода и Радость;
Потомки безсмертнаго Тора, что міръ
Теперь зоветъ Властью и Твердостью, будутъ
Держать надъ землей ихъ громовый молньиръ;
А дочь свѣтозарная Фребера,—править
Дѣлами народовъ. Сюда-то въ тѣ дни
Вселится Бальдуръ златокудрый съ любимцемъ
Боговъ всѣхъ, Гейдуромъ; затѣмъ, что они
Всѣхъ ближе и нынѣ къ простымъ, кроткимъ ванамъ,
Чѣмъ къ бѣшенымъ асамъ.... Вотъ что возвѣстилъ
Одинъ свѣтлый на ухо сыну Бальдуру,
Когда онъ Бальдура при всѣхъ возложилъ
На одръ погребальный его, для сожженья;
И вотъ, въ знакъ чего, онъ Одину прислалъ
Изъ безднъ мрачныхъ Геллы кольцо золотое,—
Чтобъ это кольцо богъ Одинъ не снималъ,
Какими бы онъ не владѣлъ племенами.
Затѣмъ предъ Одиномъ съ поры той равны
И свѣтлые асы, и хитрые ваны;
Одинъ есть богъ свѣта, и всѣ тѣ страны,
Гдѣ свѣтъ воцарится, Одину угодны [19]).»
Злой Локки, подслушавъ споръ этотъ, сказалъ:
По-истинѣ, люди и сами не знаютъ,
Кому поклоняются. Всѣхъ бы я взялъ

Digitized by Google

Боговъ, и скрутилъ ихъ.... Однако посмотримъ,
Кто тутъ побѣдитъ: самовластный Одинъ,
Съ развратной дружиною чопорныхъ асовъ,
Иль смѣлый тотъ дурень, народъ-исполинъ,
Досель несумѣвшій стать на ноги твердо,
И міръ забрать въ лапы... Развратной женѣ
Криваго Одина желательно очень
Вручить управленье у вановъ въ странѣ
Амальскому роду, потомкамъ Бальдура;
Кривой хрычь и самъ бы не прочь отъ того;
Ему все равно, кто ни правилъ бы въ мірѣ,
Лишь только весь міръ почиталъ-бы его,
Царя лютыхъ браней и смуты кровавой.
Эхъ, жаль, не могу я ему насолить,
Какъ въ прежніе дни. За послѣднюю штуку,
Меня самаго здѣсь хотятъ засадить.
Я, точно, виновенъ въ злой смерти Бальдура;
А славная штука! Заставилъ же ихъ
Искать я земель и насущнаго хлѣба,
По бурнымъ морямъ, у народовъ чужихъ.
Теперь не пугаютъ меня всѣ мученья,
Что мнѣ въ наказанье готовятъ они.
Я буду страдать и смѣяться надъ ними.
Придутъ и для Локки счастливые дни;
Тогда и мое угнетенное племя
Поспоритъ съ Одиномъ. Дотоль никому,
Ни ванамъ, ни готамъ, никакъ не избѣгнуть
Его лютой власти; лишь мнѣ одному
Да волку Френмиру назначено свергнуть
Ихъ всѣхъ, въ день отмщенья [29]).

Digitized by Google

Пѣснь 5-я.

ДРЕВНІЙ РУССКІЙ БОГАТЫРЬ.

„Былъ богатырь, — надъ семидесятью землями богатырь.“ (Изъ рус. нар. былинъ).

„Гдѣ ты родился, добрый молодецъ?“ — Въ борку, подъ сосенкой.

(Непомнящій родства).

Всякаго вѣка есть свой идеалъ,
И въ каждомъ народѣ стремленье есть къ правдѣ
И къ славѣ; но каждый народъ понималъ
По своему только, и правду, и славу.

Вѣкъ чудищъ и дивовъ былыхъ проходилъ,
Раждался вѣкъ витязей, богатырей младшихъ;
Міръ самый чудесъ, сверхъестественныхъ силъ
Искалъ себѣ новой, существенной почвы.
Какъ двѣ ярыхъ тучи средь ночи сѣдой,
Столкнулися силы славяновъ и асовъ,—
Одна, защищая очагъ свой родной,
Другая, врываясь въ ея край богатый.
То былъ грозный вызовъ, что гордый Одинъ
Бросалъ Святовиту. Ему надо было
Пристроить вождей своихъ бранныхъ дружинъ,
Закончить тотъ споръ, что онъ нѣкогда началъ
Въ странѣ древнихъ вановъ. Воинственный духъ
Отца знатныхъ асовъ кипѣлъ нетерпѣньемъ

Digitized by Google

Въ главѣ стать вселенной; его бранный слухъ
Лишь могъ услаждаться брацаньемъ оружья;
Война утѣшала Одина вдвойнѣ, —
Она развивала его міръ дружинный,
Лишь только въ кровавой, жестокой войнѣ
Онъ могъ собирать съ поля битвы героевъ
Въ златую Валгалу, на помощь себѣ,
Въ божественный вечеръ небесныхъ величій.
Погибни міръ цѣлый въ ужасной борьбѣ, —
Лишь только бы громы побѣды и славы
Всемірный его окружали престолъ,
И дальнія-бъ страны, какъ листъ, трепетали
При имени асовъ.

Но вотъ, онъ нашелъ
Достойныхъ противниковъ въ мірѣ славянскомъ.
Царь асовъ ужь зналъ всѣхъ славянскихъ вождей,
Вездѣ уважая воинскую доблесть;
И даже велѣлъ въ странѣ дальней своей
Собрать имена ихъ потомъ, для потомства...
Гроза бушевала по всѣмъ островамъ
Волынскаго моря и вдоль странъ Поморскихъ,
Кидая побѣду, то свѣтлымъ вождямъ
Одина, то мощнымъ сынамъ Святовита;
Свершались съ обѣихъ сторонъ чудеса
Высокой отваги и ярости дикой;
Немало вписали въ свои волоса
Славянскія дѣвы дѣлъ громкихъ и славныхъ.
Рядъ цѣлыхъ столѣтій носились кругомъ
Младыя вальвирьи и блѣдныя вилы *);
Впередъ отмѣчая кровавымъ перстомъ
Достойныхъ пить смертную чашу; пиръ смерти
Пришелся по сердцу обѣимъ странамъ;
Ни та, ни другая признать не хотѣла,
Себя побѣжденною; то здѣсь, то тамъ
Ходить продолжала кровавая чаша;
Война такъ любезна безсмертнымъ богамъ!

*) Вилы, славянскія вальвирьи.

Digitized by Google

Король датчанъ—Фрото съ своими войсками
Уравнивалъ горы, по топкимъ мѣстамъ
Мостилъ себѣ гати, скрывался въ засады,
Просверливалъ въ самой водѣ корабли;
Чтобъ взять градъ Пултускъ *), притворился умершимъ;
Созвавши старѣйшинъ славянской земли, —
Предательски рѣзалъ. Гейдрекъ, сынъ колдуньи
Гервары, сражался волшебнымъ мечемъ,
Что древле сковали чудесные карлы;
Клинокъ его острый, покрытый кругомъ
Рѣзьбой рунъ священныхъ, сіялъ будто солнце,
И могъ тогда только влагаться въ ножны,
Когда обагренъ былъ весь вражеской кровью;
Гейдрекъ съ нимъ не разъ преклонялъ ходъ войны
На сторону асовъ, и взялъ въ полонъ Дука,
Храбрѣйшаго князя славянскихъ дружинъ.
Но самой кровавой, рѣшительной битвой
Былъ бой при Браваллѣ, гдѣ Гуно одинъ,
Вождь вановъ Днѣпровскихъ, имѣлъ подъ рукою
До двухъ сотъ князей и такое-жь число
Народныхъ дружинъ ихъ.
Лишь только извѣстье,
О страшныхъ столь силахъ воинскихъ дошло
До дальнихъ племенъ, всѣ онѣ захотѣли
Зрѣть битву, какихъ не бывало съ временъ
Великаго Карны и князя Арджуны **);
Небесные боги съ обѣихъ сторонъ
Пришли взглянуть также на славную битву.
Одну изъ славянскихъ передннхъ дружинъ
Вела Висна,—дѣва, суровая духомъ,
Привычная къ битвамъ. Великій Одинъ
Замѣтилъ тотчасъ же ея приближенье
По круглымъ, мѣднаго цвѣта, щитамъ,
Почти обнаженныхъ, людей ея ратныхъ,
По крѣпкимъ ихъ мышцамъ и длиннымъ мечамъ.

*) Пултускъ — Плесковъ — Poltisk, нынѣ Псковъ.
**) Карна и Арджуна.—богатыри древней Индіи.

Digitized by Google

Въ бою рукопашномъ, откинувши быстро
Свой щитъ за плечо иль отдавши слугѣ,
Они съ голой грудью кидалися въ схватку.
Безстрашная Висна держала въ рукѣ
Священное знамя. Она подала знакъ
Къ начатію битвы, ударивши въ щитъ,
И ринулась грудью, какъ ярая львица,
На вражія силы.
И богъ Святовитъ,
И ярый Одинъ созерцали ходъ битвы;
Но тотъ и другой, по гордынѣ своей,
Въ нее не мѣшались.
На морѣ и сушѣ
Сверкалъ копій лѣсъ и гремѣлъ звонъ мечей;
Славяне и асы смѣшали ряды ихъ,
Лились рѣки крови,—кровавая мгла
Покрыла равнину... Семь дней не смолкала
Ужасная сѣча, покуда легла
Вся лучшая сила; семь дней колебалась
Побѣда межъ той и другой стороной;
Чрезъ три рѣки люди ходили по трупамъ;
И синее море, и берегъ морской
Дымилися кровью; безъ счета валились
Свои и чужіе.
Но вотъ, наконецъ,
Побѣда вдругъ стала замѣтно клониться
На сторону асовъ... Одинъ, ихъ отецъ,
Воспрянулъ въ весельи,—Славяне бѣжали...
Въ отмщенье за этотъ погромъ, Святовитъ
Послалъ ихъ на датчанъ. Въ короткое время,—
Преданіе нѣмцевъ самихъ говоритъ,—
Въ короткое время славяне сломили
Ихъ край до дальнѣйшихъ его острововъ,
Сковали въ цѣпяхъ короля ихъ Канута,
И отдали только на выборъ враговъ:
Платить ли имъ дань, иль одѣться по-женски,
И также по женски чесать волоса,
Въ знакъ «бабьяго» ихъ передъ ними безсилья.

Digitized by Google

Покуда жь сбирались о томъ голоса,
Славянѣ заставили ихъ покориться
Обѣимъ условьямъ [1]).

Такъ жребій войны
Держалъ межь нихъ долго вѣсы въ равновѣсьи;
Но духъ безпокойный славянской страны
Не могъ подчиниться условьямъ единства.
Единство раскиданнымъ врознь племенамъ
Даетъ большей частію завоеватель.
У насъ они были, — но тѣмъ временамъ,
Еще недоступно имъ было единство.
Единство есть сила, порядокъ и власть;
Оно утверждается свѣтомъ народнымъ;
А тамъ, гдѣ господствуетъ дикая страсть
И буйная воля, быть трудно единству.
Народъ рано-ль, поздно-ль, но чувствуетъ самъ
Потребность въ единствѣ; но знатные люди
Препятствуютъ часто народнымъ дѣламъ
И держатъ народы, для собственной пользы,
Въ раздорахъ и распряхъ. Сперва у славянъ
Людей знатныхъ не было, — всѣ были равны;
И голосъ народный, и вѣщій Баянъ
Одну величали блестящую доблесть;
Но нравы сосѣдей вліяли на нихъ...
Заложники тѣ, что они дали асамъ,
Давно онѣмечились. Кинувъ своихъ,
Они измѣнили свой прежній характеръ;
Родной міръ славянскій для нихъ сталъ чужимъ,
Воинственный асъ сталъ для нихъ побратимомъ;
Напротивъ, Мимиръ,—онъ значеньемъ своимъ
Имѣлъ ужь большое вліянье на вановъ.
У насъ есть немало преданій своихъ,
О знахаряхъ вѣщихъ и страшныхъ волотахъ;
Но кто назывался Мимиромъ изъ нихъ
Объ этомъ въ народѣ утратилась память.
По духу, всѣ сходны они межь собой;
Но іотнъ Полуночный быть долженъ изъ главныхъ;

Digitized by Google

Не онъ ли, іотнъ древній, еще той порой
У насъ сталъ учителемъ вѣщей науки?
Преданье не помнитъ, онъ долго ли былъ
Заложникомъ вановъ; но эта эпоха,
Куда мы вступили, полна вѣщихъ силъ
Стариннаго іотна у насъ и у асовъ.
Его мрачный образъ выходитъ не разъ
Въ таинственныхъ образахъ знахарей финскихъ;
Онъ долго жилъ въ сказкахъ народныхъ у насъ,
Въ сообществѣ съ сѣвернымъ дивомъ Рогиномъ,
И змѣемъ Фафниромъ, и гибнетъ потомъ
Едва ли не въ самую эту эпоху,
Когда выступаетъ предъ нами кругомъ,
На мѣсто титановъ, рядъ витязей новыхъ [2]).
Къ Мимиру спѣшили славяне гадать,
Къ нему обращалась и вѣщая Вана,
За хитрымъ совѣтомъ; славянская рать
Боялась его непонятныхъ заклятій.
Какъ Вана шептала заклятья свои,
Чрезъ что походили онѣ на молитву;
Такъ древній титанъ Полуночной земли
Ихъ пѣлъ, приводя въ содроганье природу.
Онъ пѣлъ, какъ родилось желѣзо у нихъ,
И тѣмъ заговаривалъ витязямъ раны;
Онъ пѣлъ, какъ родились въ пучинахъ морскихъ
Шипящія змѣи, изъ слюнъ ядовитыхъ
Чудовища Сіетера, и тѣмъ спасалъ
Отъ ихъ укушенья; онъ пѣлъ про начало
Вселенной, о томъ какъ богъ Укко послалъ
Медовыя тучи на первыя нивы,
И тѣмъ заговаривалъ тучи и громъ...
Онъ пѣлъ про значенье божественныхъ асовъ,
Ихъ вѣщую силу въ народѣ своемъ,
Про знатность ихъ рода, ихъ славу, богатство,
Про то, какъ ихъ чтитъ весь Полуночный край,
Про блескъ ихъ оружья и дивные клады,
Про ихъ лучезарный, воинственный рай,
Гдѣ съ ними пируетъ Одинъ, богъ побѣды, —

Digitized by Google

И тѣмъ разжигалъ онъ въ славянскихъ вождяхъ
Желаніе власти, почета, богатства;
А въ Ванѣ, потворство въ домашнихъ дѣлахъ,
И духъ подражанія знатнымъ сосѣдямъ.
Коварный Мимиръ незамѣтно слѣдилъ
За всѣмъ, что творилось въ землѣ вольныхъ вановъ,
И всякую новость тотчасъ доводилъ
До свѣдѣнья бога Полночи, Одина:
Затѣмъ что Одинъ на него возложилъ
Ввести въ страну Ваны сыновъ своихъ асовъ.
Межь тѣмъ столкновенье въ кровавыхъ бояхъ
И вановъ, и асовъ, знакомство другъ съ другомъ,
Сближенье двухъ этихъ враждебныхъ племенъ
Порою, въ союзахъ, въ торговыхъ сношеньяхъ,
Вносили въ ихъ страны съ обѣихъ сторонъ
Немало, дотолѣ невѣдомыхъ, новшествъ.
Въ умѣ вѣщей Ваны, въ народныхъ дѣлахъ,
Замѣтно вдругъ новое стало стремленье;
Усилилась зависть въ родныхъ племенахъ, —
Стремленье враждебныхъ родовъ къ превосходству;
Чужой человѣкъ сталъ почетнѣй своихъ,
По той лишь причинѣ, что онъ чужеземецъ;
Знать стала искать себѣ правъ родовыхъ;
Для всѣхъ образцемъ именитый сталъ нѣмецъ;
Явилась и знать безъ малѣйшихъ заслугъ,
Опричь темной давности древняго рода,
Какъ было у асовъ, гдѣ тысячи рукъ
Всегда вступить были готовы на службу
Къ потомкамъ Одина. Власть древнихъ князей,
Сихъ первыхъ старѣйшинъ славянскаго міра,
Должна была спорить со властью людей,
Совсѣмъ еще новыхъ, но сильныхъ богатствомъ;
Край явно нѣмечился; витязи шли
Служить въ благородныхъ нѣмецкихъ дружинахъ,
Порой даже противъ родимой земли;
Въ странѣ кипѣлъ сонмъ соглядатаевъ темныхъ...
Разумные люди виновникомъ зла
Считали заложника, іотна Мимира;

Digitized by Google

Но вѣщая Вана, какъ будто была
Совсѣмъ околдована хитрымъ титаномъ.
Младой богатырь нашъ, по имени Винъ,
Сдружился съ Полночнымъ бойцемъ Старкатеромъ,
И будучи самъ коренной славянинъ,
Ему, скандинаву, враждебному асу,
Какъ братъ, помогалъ въ многихъ ратныхъ дѣлахъ,
Въ борьбѣ противъ ближнихъ Восточныхъ народовъ,
И даже, въ родимыхъ славянскихъ странахъ,
Въ побѣдѣ надъ родственнымъ племенемъ Вильцевъ [3]).

Не въ это ли время, и чудищь, и змѣй,
И вѣщихъ валькирій, у насъ появился
И витязь Добрыня? Не съ этихъ ли дней
Онъ сбросилъ свой прежній, божественный образъ
Стариннаго Кришну, и принялъ другой, —
Воинственный образъ младаго Сигурда,
Сразивши своею могучей рукой
Полночнаго Змѣя-Горынича, гдѣ онъ —
«Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
«Нашелъ онъ много злата, серебра,
«Нашелъ въ палатахъ у Змѣища
«Свою онъ любимую тетушку,
«Тоя-то *Марью* Дивовну,
«Выводилъ изъ пещеры бѣлокаменной,
«И собравъ злата, серебра,
«Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей»...
Такъ обравъ, внесенный Микулой съ собой,
Небеснаго Кришну, не разъ измѣнившись
Еще на Востокѣ, могъ стать той порой
У асовъ — Сигурдомъ, у вановъ — Добрыней;
А позже еще, переживъ міръ былой,
Принять отъ народа и санъ современный
Рязанскаго князя?.. Не въ эти ли дни
Онъ встрѣтился съ прежней своей Царь-Дѣвицей?..
И кто эта *Марья*?.. Не здѣсь ли они
Слюбились, и стала ему дочь Микулы
Семеюшкой милой?

Digitized by Google

Не той ли порой
Жилъ-былъ и Потокъ, уроженецъ Поморскій,
А можетъ, и Кіевскій,—съ вѣщей женой,
Лебедушкой бѣлой, изъ рода валькирій
И нашихъ вилъ вѣщихъ, что нѣсколько разъ
Его изводила, — и клала въ могилу,
И соннымъ поила питьемъ, какъ у насъ
Про то повѣствуется въ древнихъ былинахъ;
И въ камень-горючь превращала его,
И ночью гвоздями къ стѣнѣ пришивала;
Но все не сгубила?... Позднѣе того
Опять онъ гуляетъ съ семьей богатырской.
Пришелъ ли онъ также съ Микулой роднымъ
Изъ Индіи прямо въ Полночную землю,
Иль странствовалъ онъ по народамъ чужимъ,
Восточнымъ и Западнымъ, и нахватался
У нихъ всякихъ новыхъ чудесъ и прикрасъ;
Но онъ ославянился въ нашихъ преданьяхъ,
Онъ занялъ свой духъ богатырскій у насъ,
И сталъ онъ намъ, русскимъ,—богатыремъ кровнымъ [4]).

Мимиръ и Микула съ своей стороны,
Должны понимать вполнѣ были другъ друга,
Какъ оба-- титаны сѣдой старины
И полные оба ея вѣщихъ знаній.
Сойтиться они не могли межъ собой,
А были скорѣе другъ другу врагами.
Мимиръ искалъ вызвать Микулу на бой
И съ разу его побѣдить въ хитромъ знаньи;
Но строгій Микула борьбы не искалъ,
А былъ остороженъ.
Во время разъ жатвы,
Когда онъ ужь поле свое дожиналъ,
Померкнуло небо, надвинулась грозно
Дождевая туча; всѣ бросились вмигъ
Кидать снопы въ копна, въ воза класть пожитки;
Но вѣщій Микула тотчасъ же постигъ
Чьи это тутъ шашни. «Не будетъ дождя!»

Digitized by Google

Объ нимъ возвѣщаетъ, а самъ продолжаетъ
Работать. Немного потомъ погодя,
Откуль ни взялся,—скачетъ черный къ нимъ всадникъ,
На черномъ конѣ. «Гей, пусти!» онъ кричитъ.
«Ни, ни, не пущу! отвѣчаетъ Микула,—
Богато, вишь, набралъ:—такъ дождь не дождитъ.»
Исчезъ черный всадникъ, а туча сипѣетъ,
Потомъ поблѣднѣла: всѣ ждутъ, будетъ градъ!
Летитъ бѣлый всадникъ. «Пусти, сдѣлай милость!
«Ни, ни, не пущу!—«Эй, пусти, говорятъ!
Не выдержу.» «Ну-вже, ступай! Тамъ, за нивой,
Глухой буеракъ есть.....» И въ этотъ же мигъ
Посыпался градъ по безплодной ложбинѣ.
Еще разозлился сильнѣе старикъ,
Полуночный знахарь, за то, на Микулу,
И началъ хвалиться въ народѣ, что онъ
Засѣетъ и выхолитъ поле подъ ниву,
Получше Микулы. Мимиръ былъ силенъ
Въ искуствѣ глаза отводить. Но вотъ, точно,
Онъ выростилъ ниву; желтѣетъ она;
Любуются всѣ на ея полный колосъ;
Колышется нива, какъ въ морѣ волна.
Случилось Микулушкѣ ѣхать тутъ съ грузомъ,
Послалъ онъ у іотна-Мимира спросить,
Позволитъ-ли онъ провести черезъ поле;
Мимиру нельзя въ похвальбѣ уступить,—
Позволилъ,—а въ грузномъ возу у Микулы
(Мимиръ зналъ про это, иль можетъ, не зналъ),
Была градовая запрятана туча;
Лишь въѣхалъ Микула, какъ градъ застучалъ,
И въ мигъ превратилъ все Мимирово поле
Въ сплошное болото.
«Ну, знахарь, постой!
Узнаешь меня; я тебя доканаю!»
Вскричалъ Мимиръ вслѣдъ, погрозивши рукой,
И вѣщія началъ тянуть заклинанья.
Тотчасъ-же померкли кругомъ небеса,
Дрогнула земля, всколыхалося море,

Digitized by Google

Стонъ издали горы, завыли лѣса,
Объялъ ужасъ камни..,.. Вихрь поднялъ столпъ пыли,
И прямо на встрѣчу Микулѣ летитъ;
«Ну, ладно! Не жалуйся, самъ коли лезешь
Ко мнѣ на рожонъ,»—знахарь нашъ говоритъ;
А самъ, изъ-за пояса вынувъ сѣкиру,
Пустилъ ей въ столпъ вихря,—какъ вихрь завизжитъ,
И дальше..... Съ собою унесъ и сѣкиру.
Летитъ,—а сѣкира вонзилась въ него,
Какъ въ дерево.... Слышитъ потомъ нашъ Микула
Про стараго іотна, врага своего,
Что гдѣ-то себя невзначай онъ скалечилъ,
А послѣ призналъ у него и топоръ,
Случайно зашедши къ нему разъ въ жилище [5]).

Озлобленный іотнъ, увидавъ съ этихъ поръ,
Что вѣщій Микула ему не подъ силу,
Спѣшилъ кончить въ Ваной, зачѣмъ онъ и былъ
Отправленъ Одиномъ въ заложники асовъ, —
И надобно думать, что онъ насолилъ
Въ то время немало славянскому міру.
Іотнъ видѣлъ, что Вану тогда поглощалъ
Раздоръ непрестанный племенъ ея кровныхъ,—
И ихъ вѣдогоней.... Духъ Ваны витали
Почти постоянно среди бурныхъ схватокъ
Духовъ сихъ домашнихъ славянскихъ племенъ,
Хранителей этихъ роднаго хозяйства
У каждаго племени, съ древнихъ временъ
Всегда начинавшихъ народныя смуты.
Собравшись на граняхъ враждебныхъ родовъ,
Старинные эти родные пенаты
Старалися выкрасть у кровныхъ враговъ,
Земли плодородье, ея урожаи;
А къ нимъ заносили засуху и зной,
Болѣзни и порчи, или угоняли
Стада у нихъ, крали богатство. Порой,
Участіе брали въ борьбѣ вѣдогони
Изъ-за моря, также воруя себѣ

Digitized by Google

У вановъ, плоды ихъ земли и погоду.
Нельзя не участвовать было въ борьбѣ
Царицѣ страны, благодѣтельной Ванѣ.
Вражда эта кровная Ванѣ была
Тогда всего ближе; враждой этой кровной
Жила вся страна. Даже смерть не могла
Смирить духъ раздора,—и тѣни усопшихъ,
Смѣшавшись съ толпой вѣдогоней живыхъ,—
Не разъ принимали участье въ ихъ битвахъ.....
Далеко шумъ этихъ побоищъ ночныхъ
Былъ слышенъ. Въ лѣсахъ вырывались деревья,
Отъ горъ отторгалися камни, столпомъ
Вздымалася пыль, будто бились двѣ рати.
Сразясь, вѣдогони спѣшили потомъ
Обратно, но тою-же самой дорогой;
А кто былъ убитъ, того тѣло тотчасъ
Изъ крѣпкаго сна погружалось въ сонъ смертный.
Мимиръ былъ свидѣтелемъ, можетъ, не разъ,
Какъ вѣщая Вана, подобно одеждѣ,
Съ себя сбросивъ тѣло, потомъ, не спѣша,
Его покидала и быстро летѣла
Иль шла,—но не Вана, ея лишь душа,—
То въ образѣ змѣя, то сѣрой волчицы,
То бабочки пестрой или огонька,
Туда, на бой лютый ночныхъ вѣдогоней,
Царицею битвы. Смѣла и легка
Была во всѣхъ образахъ хитрая Вана;
И чаще, ни съ чѣмъ вѣдогонямъ чужимъ
Бѣжать на другой приходилося берегъ.
Тогда, возвратясь къ вѣдогонямъ своимъ,
Она расправлялась по-своему съ ними.
Межь тѣмъ край пустѣлъ; а его удальцы
Носились, какъ чайки, по синему морю,
Покинувши кровъ свой, гдѣ жили отцы,
И ввѣривъ полонникамъ злачныя нивы.
Весь Сѣверъ былъ полонъ разбоями ихъ,
Далеко гремѣла ихъ дикая слава...
Потомъ шли пиры,—чуть въ ладьяхъ росписныхъ,

Digitized by Google

Они появлялись обратно съ добычей.
Немало богатствъ привозили они
И плнѣниковъ знатныхъ своей вѣщей Ванѣ.
Веселье ей было въ тѣ славные дни.
Она обрекала знатнѣйшихъ изъ плѣнныхъ
На жертву богамъ иль бросала въ цѣпяхъ
По темнымъ подваламъ, пока получала
За нихъ цѣнный выкупъ. Простая въ дѣлахъ
Народныхъ, радушная въ гостепріимствѣ,
Она обходилась жестоко съ врагомъ,
Отдавшимся въ плѣнъ ей; держала въ оковахъ,
Морила и голодомъ, только-бъ потомъ
Взять болѣе выкупа. Неумолима
Она была также и въ мести своей;
Тогда нарушала и гостепріимство,
Тогда не щадила и близкихъ людей.
У храбраго Гагена, мирнаго гостя,
Еще у живаго велѣла она,
Въ пылу мести яростной, вырѣзать сердце;
Его побратима, кого старина
Зоветъ пѣвцомъ вѣщимъ, замкнуть приказала
Въ змѣиную башню, и тамъ обрубить
И ноги, и руки. Но онъ спросилъ гусли,
И змѣи не смѣли къ нему подступить,
Подъ чарами чудныхъ его вѣщихъ пѣсней.
Лишенный потомъ рукъ и ногъ, онъ игралъ,
Вѣтьями ихъ, долго еще свои пѣсни,
И музыкой этой себѣ услаждалъ
Печальныя стѣны угрюмой темницы.
Тогда обернулася Вана змѣей,
И ядомъ своимъ облила ему сердце;
Но съ звукомъ послѣднимъ, пѣвецъ молодой
Съ души своей сбросилъ тѣлесныя узы [6]).

Давно ужь славянскій разрозненный міръ
Былъ полонъ врагами; но самый опасный
Для нихъ былъ полонникъ волотъ-Яромиръ,
Тотъ самый, что нѣмцы зовутъ Эрманрикомъ.

Digitized by Google

Одни говорятъ, что онъ былъ славянинъ,
Воспитанный даже у русскаго князя;
По мнѣнью другихъ, онъ князь датскихъ дружинъ,—
Но больше извѣстенъ, какъ готъ изъ владавцевъ
Амальскаго рода. Онъ юность провелъ
Въ плѣну у славянъ, на Днѣпрѣ, у владавца
Иль князя Висміра. Здѣсь онъ пріобрѣлъ
Себѣ тяжкій опытъ и прочное знанье
Въ искуствѣ воинскомъ. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
Свидѣтелемъ былъ онъ жестокихъ раздоровъ
Славянскихъ племенъ; здѣсь блеснулъ ему свѣтъ
На слабость ихъ жалкихъ народныхъ союзовъ.
За нимъ наблюдалъ неотступно весь міръ.
Въ народѣ считался врагомъ онъ опаснымъ,
И самое имя владавца:—Висміръ,
Могло означать также—весь міръ народный.
Какъ скованный асами, волкъ ихъ, Френмиръ,
Вотще хотѣлъ сбросить онъ крѣпкія путы,
Что съ дѣтства былъ связанъ народной враждой;
На это былъ нуженъ особенный случай,—
Ему помочь въ этой бѣдѣ роковой
Могъ только Мимиръ, самый хитрый кудесникъ
Древнѣйшаго міра.
Мимиръ это зналъ,
Читая въ грядущемъ судебъ назначенье;
Лишь стоило Ванѣ уснуть,—и онъ ждалъ
Ея усыпленья....
Но вотъ, наступаетъ
Въ странѣ поворотъ лѣтній солнца. Царь дня,
Благой Святовитъ, сталъ сбираться въ походу.
Пошли ему проводы, богу огня
И лѣтняго зноя. Вездѣ запылали
На темныхъ горахъ и прибрежьяхъ рѣчныхъ
Святые костры, засверкалъ въ мракѣ ночи
Цвѣтъ-папоротника,—а въ нѣдрахъ земныхъ
Заискрились клады; широкія рѣки
Зардѣлися золотомъ и серебромъ....
Перунъ повернулъ колесо бога-Солнца;

Digitized by Google

Въ удушливомъ воздухѣ слышался громъ.
Стихійные духи запѣли ихъ пѣсни;
Дѣвицы сплетали Купалѣ вѣнки,
Гадали на играхъ; старухи сбирали
Цѣлебныя травы въ лѣсу, старики
Ей въ честь пѣтуха приносили на жертву...
Природа истомою страстной по́лна;
Перуново пламя гуляетъ по тѣлу,
А душная ночь и ея тишина,
Въ душѣ разжигаютъ любовь и желанья.
Далеко гремятъ крикъ и смѣхъ дружныхъ паръ,
Летящихъ чрезъ пламя костровъ, въ честь богини;
Таинственный шопотъ, любовный угаръ—
По темнымъ кустамъ, подозрительный шелестъ—
Въ травѣ шелковистой....А вотъ и Заря,
Красавица-Лада, выходитъ на небо,
Съ златой колесницей дневнаго царя,
И быстро выводитъ коней на дорогу,
Откуда царь дня начнетъ зимній походъ,
На мрачныхъ чудовищъ и дивовъ Полночи.
Склоняется долу усердный народъ,
Привѣтствуя бога войны и обилья
Плодовъ земныхъ, грозно идущаго въ бой
Съ врагами страны и ея плодородья.
Онъ весело мечетъ надъ милой страной
Лучи золотые, играетъ мечами,
Какъ будто-бы пляшетъ,—такъ радостенъ онъ,
Вступая въ борьбу за родимую землю,
Потомъ онъ исчезнетъ средь чуждыхъ племенъ,
Чтобъ вновь возратиться лишь только весною,
Царемъ побѣдителемъ, и воспринять
Бразды управленья.
Смолкаетъ кукушка, —
А тамъ начинаютъ и дни убывать;
Старѣетъ природа,—нѣтъ краснаго Солнца...
Оно погрузилось въ волнахъ облаковъ,
И сѣрыхъ тумановъ; оно поражаетъ
Тамъ демоновъ мрака, тѣхъ лютыхъ враговъ,

Digitized by Google

Что круглое лѣто тревожатъ міръ свѣта.
Враги побѣждаютъ его подъ конецъ;
Но вѣрная Лада его обмываетъ
Живою водой, и воскресшій боецъ
Вновь топчетъ и гонитъ ихъ дикія рати.
Походъ его конченъ. Приходитъ весна,
Народъ бѣжитъ встрѣчу блестящему гостю;
Онъ выгналъ зиму, его славой полна
Опять вся природа,—и небо, и море....
Уходятъ и Ваны чудесной сыны
Въ морской ихъ походъ, въ отдаленныя земли.
Покинувъ пенатовъ родимой страны,
И сельскій свой трудъ попеченьямъ Микулы.
Ихъ манитъ борьба и безвѣстная даль;
Почти никогда не живется имъ дома,
Мила воля имъ; ничего имъ не жаль:
Всего имъ дороже отважная удаль.
Какой врагъ посмѣетъ занять ихъ страну?
Такъ страшны они на моряхъ и на сушѣ.
А если услышатъ они про войну
Въ обширной землѣ ихъ, то долго-ль вернуться!
Они на разбоѣ; а Вана, въ главѣ
Враждебныхъ родовъ и усобицъ семейныхъ,
Сражается дома, оставивъ молвѣ
О ней разносить по чужимъ землямъ славу.
Іотнъ только и ждалъ, чтобъ покрѣпче она
Заснула, и дальше ушла вѣдогонью.
Засталъ онъ ее средь глубокаго сна,
И тотчасъ же заклялъ онъ путь ей обратный.
Для этого надобно было лишь снять
Иль сдвинуть предметы у ней на дорогѣ,
Которой она удалилась, иль дать
Лишь только другое совсѣмъ положенье
Уснувшему тѣлу. Коварный Мимиръ,
Устроивши это, послалъ вѣсть Одину.

Сидитъ съ горькой думой младой Яромиръ;
Сидитъ во дворцѣ онъ веселомъ Висміра,

Digitized by Google

И думаетъ думу о плѣнѣ своемъ;
Отколь ни взялся вдруъ, летитъ черный воронъ;
Сѣлъ воронъ на дубъ, у него подъ окномъ,
И громко закаркалъ:

«Несчастные трели живутъ работой;
«Благородные ярлы ставятъ хоромы себѣ,
«Обзаводятся благородной хозяйкою;
«На нихъ работаютъ трели-рабы;
«Отважные конунги, кинувъ отчизну,
«Летятъ въ востроносыхъ своихъ корабляхъ
«По бурному морю, въ далекія земли;
»Живутъ тамъ добычей и славой,
«Покоряютъ народы и страны себѣ.»

Титанъ, плѣнникъ вановъ,
Онъ вѣщаго ворона слышитъ слова;
Но стража его, ни Висміръ, ихъ не слышатъ.
Онъ знаетъ пѣснь эту; его голова
Полна такихъ пѣсенъ далекой отчизны.
Забилось въ немъ сердце, въ блестящихъ глазахъ
Заискрились слезы. То воронъ Одина;
Одинъ,—богъ побѣдъ, щитъ отважныхъ въ бояхъ,
Его призываетъ; его ждетъ свобода.....
Онъ весь созветъ Сѣверъ къ Одину на пиръ;
Во что-бъ то ни стало, онъ будетъ владавцемъ.

Въ тѣ дни, какъ нарочно, уѣхалъ Висміръ
Со всею дружиною, къ брату на тризну;
Осталась княгиня одна. Яромиръ
Съ другимъ плѣннымъ готомъ ее умертвили,
Зажгли деревянный Висміровъ дворецъ,
И въ эту же ночь убѣжали въ Отчизну.

Хватилася Ваны страна, наконецъ,
Узнавши про бѣгство отъ нихъ Яромира;
Нѣтъ болѣе Ваны! Повсюду вражда,
Раздоръ иль усобица; вражія рати
Идутъ на страну... Но ужъ вѣдалъ тогда
Народъ,—отъ кого весь сыръ-боръ загорѣлся;
Потребовалъ іотна, и общимъ судомъ

Digitized by Google

Его, колдуна, присудилъ къ лютой смерти.
Просилъ только хитрый Мимиръ объ одномъ,
Чтобъ далъ ему міръ спѣть предсмертную пѣсню,
Имѣя въ виду, проложить волшебствомъ,
Въ отсутствіе Ваны, себѣ путь въ отчизну.
Запѣлъ онъ,—и тьмой облеклись небеса,
Дрогнула земля, всколебалося море,
Стонъ издали горы, склонились лѣса,
Объялъ ужасъ камни, завылъ буйный вѣтеръ,
Въ лѣсахъ загремѣли рога вражьихъ силъ,
Весь край запрудили безсчетныя рати
Воинственныхъ готовъ...Но къ счастью, забылъ
Мимиръ одно слово; за нимъ надо было
Идти въ преисподнюю...
Міръ повалилъ
Кудесника-іотна,—и тутъ же, на отмашъ,
Онъ былъ обезглавленъ, его-жъ топоромъ,—
Въ отмщеніе асамъ за всѣ ихъ коварства.
Народъ поднялся,—и послалъ съ торжествомъ
Кровавую голову іотна къ Одину.
Но было ужь поздно! Духъ Ваны не могъ
Войти опять въ тѣло. Куда ни посмотритъ,
Вездѣ вражья сила; отвсюду порогъ
Предъ нею замкнулся родимаго края;
Куда ни проникнетъ,—вездѣ стоитъ рать,
Дымятся пожары, валяются трупы,
Князья на деревьяхъ висятъ,—и узнать
Нельзя теперь Ванѣ родимаго края.
Успѣвшій въ то время уже посѣдѣть,
Бѣглецъ Яроміръ занялъ весь міръ славянскій;
Великій Одинъ далъ ему овладѣть
Отъ Лабы широкой до странъ приднѣпровскихъ,
И даже до Волги. Всю эту страну
Онъ забралъ заразъ въ свои мощныя руки,
И сѣлъ на Днѣпрѣ, гдѣ жилъ прежде въ плѣну.
Слезливая Фригга могла быть довольна:
Изсякла у Ваны живая вода,
Поблекли сады моложавые яблокъ;

Digitized by Google

Народъ кинулъ села свои, города,
И скрылся въ лѣса иль бѣжалъ въ Русь, за Волгу;
Не слышно ни гуслей звончатыхъ, какъ встарь,
Ни пѣсни хвалебной богамъ вѣковѣчнымъ;
Хозяйничалъ въ краѣ враждебный имъ царь,
Гостили повсюду незваные гости [7]).

Сидитъ Яроміръ-князь въ палатѣ большой;
И грозенъ, и пьянъ онъ, отъ пива и меду;
Баяны, квасиры, собравшись толпой,
Играютъ на гусляхъ, поютъ ему славу;
Вокругъ столовъ браныхъ, на скамьяхъ сидитъ
Хмѣльная дружина. Палата вся настежь,
Играетъ стягъ княжій, далеко гремитъ
Воинственный станъ громкой готскою пѣсней;
Шумитъ пиръ веселый; а вольный народъ,
Укрывшись въ лѣсахъ, проклинаетъ духъ вражій;
Гремитъ пѣсня въ станѣ, а край весь реветъ:

«Перунъ, боже,
«Не мучь жемайта.
«Мучь Гота,
«Рудаго пса.»

Отколь ни взялися два голубя,—сѣли
На деревѣ, возлѣ палаты большой,
Гдѣ пьяный пируетъ князь съ пьяной дружиной,
И стали они говорить межь собой:
Одинъ говоритъ: «а вѣдь нѣтъ теперь больше
У насъ Яромира здѣсь, въ краѣ во всемъ!»
Другой говоритъ: «его больше Микула.»
Одинъ говоритъ: «а что? Въ словѣ твоемъ,
Пожалуй, и правда! Враги Яромира,
Обрубятъ и руки, и ноги ему,
Останется только его головища;
Пускай и умна она,—только къ чему
Безъ рукъ и безъ ногъ она будетъ пригодна?
Другой говоритъ: «видишь, правда моя!
А взглянь-ка теперь ты на эти дубравы
Или на широкія эти поля;
Лети черезъ нихъ мы съ тобою недѣли,

Digitized by Google

Конца не увидимъ; а это все онъ,—
Все вѣщій Микула. Все это, что видишь,—
Микулино царство, сначала временъ.
Его раззорилъ Яромиръ,—но не свяжетъ
Ни этихъ полей онъ, ни этихъ лѣсовъ;
Надъ ними единая воля боговъ.
Сколь хочешь, руби ихъ,—и въ жизнь не порубишь,
Сколь хочешь топчи,—тѣже будутъ поля;
А міръ, и земля, и Микула,—все тоже.
Весь міръ ни связать, ни повѣсить нельзя;
Повѣситъ десятокъ онъ, выростутъ сотни,
Повѣситъ и сотни,—тогда новый край
Вновь выростетъ въ этомъ же мѣстѣ:
Микулиныхъ силъ, стало быть, не пытай;
Его извести никому невозможно.»
«Ха—ха, засмѣялся сѣдой вражій царь.
Сто лѣтъ, почитай, какъ живу я на свѣтѣ,
А что теперь слышу, не слыхивалъ встарь.
Бывало и прежде, пророчили птицы,
Я самъ зналъ также ихъ птичій языкъ;
Но я такихъ бредней не слыхивалъ прежде,—
Чтобъ я, сильный царь, да еще и старикъ,
Былъ меньше въ краю молодаго Микулы.
Представить тотчасъ же Микулу ко мнѣ,
Живымъ или мертвымъ! Отнынѣ хочу я,
Чтобъ птица не смѣла летать по странѣ,
Зелена трава не шелохнулась въ полѣ!»

Но вотъ выѣзжаетъ Даждь-богъ со Полуночи;
Но ѣдетъ онъ грозный, суровый, разгнѣванный,—
Не рядится въ вешній онъ сарафанъ, праздничный,
Не видно на немъ золотаго кокошника;
Его не встрѣчаютъ кострами горящими,
Ему не поютъ Коляды парни, дѣвицы;
Клекчутъ сизы орлы по степямъ,
Воютъ волки по темнымъ лѣсамъ,
Не отверзается рай, врата небесныя,
Не предворяются рѣки въ вино сладкое,

Digitized by Google

Не алѣютъ цвѣты, золотыя яблоки;
А чуть гаснетъ день,
И ночная тѣнь
Одѣнетъ покровами небо вечернее,—
Вскрывается небо, какъ море багряное,
Встаютъ по краямъ его столпы огненные,
Сверкаютъ чертоги, палаты Свароговы...
Не Солнце свои открываетъ сокровища,—
Играютъ зарницы тамъ, зори кровавыя;
Изъ разверзтыхъ небесъ
Блещутъ копья, какъ лѣсъ;
Будто волны рѣки,
Тамъ проходятъ полки,
Сіяютъ мечи ихъ, кольчуги булатныя,
Какъ молнья, сверкаютъ ихъ стяги побѣдные,
Изъ рта мещутъ пламя ихъ кони воздушные...
Вотъ будто двѣ рати сошлися на бой,
Сошлися,—и сшиблись въ пучинѣ ночной;
Разсыпались рати по небу широкому;
Гремятъ въ поднебесьи ихъ клики громовые,
Звенятъ другъ о друга мечи, копья острые;
Зардѣлось пожарищемъ небо Полночное,
Въ лѣсахъ заалѣли кусты, сучья черные,
Какъ будто бы кровью блестятъ поля темныя...
Пришло лѣто. Воздухъ былъ полонъ грозой, —
Громовыя тучи сбирались за Волгой;
Толпы бѣглецовъ, кинувъ край свой родной,
Сзывали отважныхъ, на хищниковъ готовъ;
Колдуньи-гадальщицы, дѣвы вѣщбы,
Что выгнали готы изъ милой отчизны,
Сильнѣй раздували еще духъ борьбы,
И мрачнымъ вліяньемъ своимъ порождали
Огромныя полчища сборныхъ дружинъ,
Что приняли готы, въ паническомъ страхѣ,
За демоновъ лютыхъ Полночныхъ равнинъ,
Рожденныхъ отъ вѣдьмъ и бѣсовъ преисподнихъ.
Край зналъ, что творится за Волгой святой,
И ближе, за Дономъ; но путь изъ-за Дона,

Digitized by Google

Особенно въ морю, для рати большой,
По грязнымъ болотамъ, былъ путь очень трудный.
Его указать могъ лишь случай одинъ,
Иль развѣ иная чудесная сила;
А князь Яромиръ, рукой готскихъ дружинъ,
До той поры могъ утѣснять безопасно
Славянскую землю. Но богъ-Святовитъ
Послалъ своимъ людямъ нежданную помощь;
Вѣрнѣе-жь, что онъ самъ, какъ все говоритъ,
Принявъ образъ Лани, открылъ имъ дорогу.

Микула не разъ со врагами вступалъ
Въ различныя сдѣлки. Видалъ онъ кагановъ
Степныхъ и осѣдлыхъ,—чего не видалъ!
Бывалъ и въ сношеньяхъ съ большими царями.
Пускай ихъ воюютъ они межь собой;
Микула готовъ и потѣшитъ ихъ данью;
Но міръ-народъ сельскій, семья, бытъ родной,—
Его достоянье; онъ самъ тутъ хозяинъ;
Пришелецъ не можетъ быть въ этомъ главой.
А князь Яроміръ не щадилъ ни народа,
Ни славныхъ его, благородныхъ мужей,
Ни правъ, ни обычаевъ древнихъ народныхъ.
Какъ будто-бы тѣшась побѣдой своей
Надъ этимъ убитымъ, подавленнымъ краемъ,
Онъ жегъ, распиналъ непокорныхъ князей;
Его людъ впрягалъ женъ славянскихъ въ телѣги,
Терзалъ стариковъ, мучилъ малыхъ дѣтей;
Повсюду былъ лютый грабежъ и насилье.
Никто шевельнутся свободно не смѣлъ,
Чтобы не навлечь на себя подозрѣнья;
Весь край будто вымеръ или опустѣлъ,
И горе въ немъ было семействамъ бѣжавшихъ.
Знатнѣйшія жены, одна за другой,
Размыканы были конями, какъ послѣ
Злой готъ поступилъ и съ своею женой,
Рожденной на дальнихъ прибрежіяхъ Дона,—
Велѣвши, въ отличье, ее привязать

Digitized by Google

Къ хвосту боеваго коня, на комъ ѣздилъ
Всегда онъ на битву. А хищная рать
Старалась еще превзойти его въ злобѣ.
Чтожь дѣлалъ Микула? Гдѣ онъ тогда жилъ?
На что въ эти дни возлагалъ онъ надежду?
Но край нашъ давно о тѣхъ дняхъ позабылъ,
Опричь развѣ сказокъ, объ Обрахъ-волотахъ,
И той горькой пѣсни. Микула не могъ
Врагамъ своимъ лютымъ вполнѣ покориться;
Онъ былъ глава міра, онъ былъ полубогъ,
Онъ былъ самъ народъ и заступникъ народный.
Его кругъ значенья еще былъ великъ,
Его духъ и образъ виднѣлись повсюду.
Въ тѣ дальніе дни, онъ еще не привыкъ
Таскаться по барамъ и барскимъ дворецкимъ,
По царскимъ судамъ и присяжнымъ,—вездѣ
Ему входъ открытъ былъ къ владавцамъ славянскимъ.
Міръ вѣрилъ его еще вѣщей звѣздѣ,
И чтилъ въ немъ свою же народную силу;
И сами князья и владавцы тогда
Вступали охотно съ Микулой въ бесѣду;
Затѣмъ, что надѣялись слышать всегда
Изъ устъ его вѣщихъ разумное слово.
Позвали Микулу. Микула предсталъ
Предъ грозныя очи сѣдаго волота,—
«Самъ съ кулачекъ,
«Борода съ локотокъ.»
«Ха—ха, засмѣялся титанъ, и сказалъ:
Такъ этотъ червякъ-то и есть тотъ Микула?»
—Червякъ этотъ нѣкогда выживетъ насъ,
Какъ люди толкуютъ!—сказали, смѣясь,
Совѣтники князя.
«Ха—ха, въ добрый часъ!
Воскликнулъ волотъ. Ну, скажи-жь намъ, Микула,
Кто больше, сильнѣе здѣсь,—ты или я?
—А я такъ-инъ думаю, молвилъ Микула,
Сильнѣе обоихъ насъ будетъ земля.
«Ну, ежели такъ,—ты, я думаю, видѣлъ,

Digitized by Google

Сказалъ Яромiръ, какъ я землю твою
Крестами и релями знатно украсилъ.
Она, значитъ, вѣдаетъ силу мою;
А я не видалъ ея силы понынѣ.»
—А все-таки будетъ земля посильнѣй,—
Спокойно на это отвѣтилъ Микула.
«Такъ гдѣ-жь ея сила? спросилъ Яромiръ.
—А вотъ, ты увидишь! сказалъ Селянинычъ.
Вѣдь ты еще забралъ не весь вольный миръ.
Вотъ что у насъ было въ давнишнее время:
Пришелъ къ намъ съ Востока такой же, какъ ты, царь;
Послала земля ему въ даръ отъ народа,—
У насъ, видишь ты, такъ водилося встарь,—
Послала пукъ стрѣловъ да птицу съ лягушкой;
Царь принялъ дары, обласкалъ онъословъ,
И думаетъ: значитъ, земля покорилась.
Инъ-вышло, не понялъ онъ этихъ даровъ,—
Война у насъ съ нимъ только лишь начиналась.
«Хитро! засмѣявшися, молвилъ титанъ.
Такъ, стало, еще я у васъ не владыка?
Инъ кто-жь здѣсь владыка?
— Сперва богъ Воданъ
Надъ всею землей слылъ единымъ владыкой;
А нынѣ владыка у насъ Святовитъ;
Подъ нимъ и другiе еще есть владавцы,—
Но тотъ лишь изъ нихъ весь нашъ миръ покоритъ,
Кто древнiй добудетъ себѣ мечь Водана.
«А развѣ Одиновъ мечь легче ? спросилъ
Титанъ, наливая себѣ кружку браги.
Его я мечемъ весь вашъ край покорилъ.
— Слыхалъ я, тотъ мечь подъ конецъ умерщвляетъ
Тѣхъ, кто имъ владѣетъ, Микула сказалъ;
А тотъ, кто мечемъ овладѣетъ Водана,
Тотъ миръ покоритъ. Такъ Воданъ завѣщалъ,—
И это ужь стало народнымъ повѣрьемъ.
«А какъ мечь чудесный Водана добыть?
Спросилъ Яромiръ.
— Ты ужь старъ, не добудешь,

Digitized by Google

Микула сказалъ. Что тебя и манить?
Не такъ ты и началъ. Мечь этотъ завѣтный
Сама наша матерь-Земля сторожитъ,
И витязю ввѣритъ его лишь родному.
А ты загубилъ и себя, и свой родъ,
Твоей безпримѣрной жестокостью съ нами.
Смотри, я каковъ подъ рукой у тебя,
Тожь самое сдѣлалъ ты съ нашей землею;
Чего-же ты хочешь еще для себя?
Твой близокъ конецъ. Ты свое дѣло сдѣлалъ.—
«Ха-ха, засмѣялся опять Яромiръ.
Не ты-ль, великанъ, меня выживешь съ свѣта,—
Какъ, слышно, толкуетъ объ этомъ вашъ міръ?
Ну, что-же? Попробуй! Помѣримся силой.»
— Почто-ста мѣшаться мнѣ въ вашу борьбу!
Отвѣтствуетъ съ тѣмъ-же спокойствьемъ, Микула.
Ты на-смѣхъ подымешь мою похвальбу;
А лучше, извѣдай въ иномъ свою силу.
Лишь это сказалъ онъ, гонецъ прибѣжалъ.
«Пріѣхали витязи, братья Сванильды,
Жены твоей, князь,— той, что ты растоптадъ
Твоими конями,—гонецъ возвѣщаетъ.
Велѣли сказать, что постыдно тебѣ,
Могучему мужу, такъ было ругаться
Надъ слабой женою. Готовься къ борьбѣ!
Хотятъ обрубить тебѣ руки и ноги...»
«Засмѣялся Эрманрикъ,
«Погладилъ рукой бороду,
«Качаясь отъ браги,
«Раскалясь отъ вина.
«Мотаетъ онъ тяжкой головой,
«Смотритъ на серебряный подносъ,
«Велитъ себѣ наполнить
«Золотой кубокъ.
«Радъ, очень радъ видѣть
«Гамди и Саурли у себя въ гостяхъ;
«Я ихъ обоихъ свяжу тетивой,
«Повѣшу на висѣлицѣ.»

Digitized by Google

За первымъ гонцемъ прибѣгаетъ другой:
«Идетъ, говоритъ онъ, идетъ изъ-за Дона
Какая-то сила. Еще міръ земной
Не видывалъ воиновъ, столь безобразныхъ
И страшныхъ. Скорѣй, это рати бѣсовъ,
Чѣмъ люди живые. Они ужъ сломили
Рать готовъ. Всѣ въ страхѣ бѣгутъ отъ враговъ,
Какъ будто отъ силы нечистой» [8])...
Покуда
Шло въ станѣ смятенье, и каждый спѣшилъ
Вскочить на коня и облечься въ доспѣхи;
Микулинъ и слѣдъ ужь въ палатахъ простылъ.
Но только лишь вышелъ онъ въ чистое поле,
Онъ выросъ, расширился, сталъ великанъ;
И кликнулъ онъ, гаркнулъ по чистому полю, —
Пронесся его кличъ въ глубь сѣверныхъ странъ,
Пошелъ будто говоръ по темному бору,
Проснулся лѣсъ темный, — земля и вода,
Шарахнулись звѣри и вѣщія птицы, —
Пошли, полетѣли, Богъ знаетъ куда,
Посыпались дивы съ деревьевъ на землю, —
Пошли, поползли по травѣ, подъ травой,
Все ожило, встало, настроило уши,
Зажглися костры невидимой рукой,
Страна закипѣла народнымъ броженьемъ...
И вотъ, просіяло Солнце-красное,
Выѣзжалъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за омутовъ Днѣпровскихъ,
Выѣзжалъ богатырь невѣдомый,
По сей день еще неразгаданный,
Развѣ въ сказкахъ описанный.
Гдѣ конь его ступитъ, трава не растетъ;
Отъ взгляда его, съ небесъ звѣзды падаютъ,
Идетъ богатырь, будто молотъ стучитъ;
Великія страны предъ нимъ разступаются,
А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огня.
«Эхъ, матерь сыра-Земля, говоритъ

Digitized by Google

Микула, лицемъ ставъ къ святому Востоку,
Глубоко въ тебѣ мечь завѣтный зарытъ.
Кто этимъ завѣтнымъ мечемъ овладѣетъ.
Тотъ весь міръ подлунный себѣ покоритъ;
Тебя заклинаю, Земля, моя матерь,
Открой мнѣ, скажи, гдѣ мечь этотъ лежитъ?
Идетъ богатырь нашъ родной..... Разступися!»
Лишь это онъ вымолвилъ,
Бѣжитъ къ Селянинычу
Кобылка его вѣщая;
Не говоритъ она человѣческимъ голосомъ,
Только за ней слѣдъ кровавый тянется;
Идетъ Микулушка по-слѣду,—
Чѣмъ-бы это кобылка себя поранила?...
Блеститъ изъ земли богатырскій мечь, —
Того-то Микулѣ и надобно,—
Не для себя, не для инаго прочаго,
А ради своего роднаго богатыря.
Межь тѣмъ, Одинъ свѣтлый давно наблюдалъ
Изъ оконъ Глидскельфа, небесной сторожки,
За витяземъ чуднымъ, Еще онъ не зналъ,
Откуда-бъ такой богатырь появился:
То выходецъ дальнихъ, невѣдомыхъ странъ
Сѣдаго Востока, вождь силы бродячей,
Иль новый еще Полуночный титанъ,
Съ кѣмъ царь свѣтлыхъ асовъ, Одинъ, не встрѣчался?
Когда онъ пришелецъ безвѣстной орды,
То какъ-же славяне спѣшатъ къ нему встрѣчу?
Идетъ онъ по краю, беретъ онъ бразды
У нихъ управленья, какъ будто изъ дѣтства
Онъ выросъ иль даже родился въ странѣ.
Какъ это онъ съ ними совсѣмъ не воюетъ?
Какъ это такъ быстро сроднился вполнѣ
Съ обычаемъ вановъ? Гдѣ взялъ мечь Вуотана?
И вотъ, ужь надъ краемъ сіяетъ заря
Благаго единства и силы народной,
Какъ будто въ немъ видятъ роднаго царя,
Спасителя края отъ чуждаго ига...

Digitized by Google

Но если онъ точно прямой славянинъ,
Чьего же онъ рода и какъ ему имя?
Какъ имя ему межь славянскихъ дружинъ?
Оно неизвѣстно странамъ иноземнымъ;
Онъ видимо имя скрываетъ свое,
Отъ злыхъ чарованій, отъ сглаза—призора....
Какой же народъ далъ ему бытіе?...
Онъ поднялъ ужь руку на Полдень и Сѣверъ,
Ему покоряется западный міръ,
И даже міръ кесарей, все еще грозный....
Все это лишь могъ разъяснить іотнъ Мимиръ.
Мимиръ былъ ужь мертвъ; но Одину осталась
Его голова. Велемудрый Одинъ
Вдохнулъ въ нее вѣщій свой даръ прорицанья,
И въ смутное время тяжелыхъ годинъ
У ней онъ искалъ, какъ и прежде, совѣта.
«Взгляни на вождя этихъ грозныхъ дружинъ,
Сказалъ головѣ онъ убитаго іотна,
Что онъ постоянно держалъ при себѣ.
Когда ты все знаешь,—кто сильный тотъ витязь?
Что видитъ Мимиръ въ его долѣ-судьбѣ?
Какого онъ славнаго племени-рода?...»
Мимиръ посмотрѣлъ, и ему возразилъ:
«Всѣхъ дивовъ бродячихъ, богатырей древнихъ,
Я знаю; но каждый изъ нихъ измѣнилъ
Не разъ свой старинный, божественный образъ.
По всѣмъ богатырскимъ ухваткамъ его,
Сужу, что онъ долженъ быть солнечный витязь,
Вождь силы осѣдлой; въ степяхъ никого
Ему нѣтъ подобныхъ,—въ немъ высшая сила.
Его взоръ орлиный проникъ издали
Намѣренья тайныя чуждыхъ народовъ;
Онъ правитъ изъ дальней Полночной земли
Дѣлами Царьграда и славнаго Рима;
Его грозный образъ, столь страшный въ бояхъ,
Не меньше высокъ и въ устройствѣ народномъ;
Смотри, какъ любимъ онъ въ славянскихъ земляхъ,
Онъ больше отецъ имъ, чѣмъ вождь силы ратной.

Digitized by Google

Онъ набралъ себѣ разнородную рать,
Чтобъ стать во главѣ міровыхъ всѣхъ событій;
Едва онъ успѣлъ съ своей силой предстать,
Тотчасъ же воспрянулъ народъ весь славянскій.
Мимиръ полагаетъ: его свѣтлый родъ
Не въ мірѣ титановъ, но въ мірѣ гражданства;
То долженъ быть витязь, кого давно ждетъ
Славянская Вана. Когда отецъ асовъ
Желаетъ знать больше, пусть спроситъ ее.
«Во дни этой бурной послѣдней невзгоды
Она потеряла сознанье свое;
Душа ея бродитъ въ пространствахъ воздушныхъ,
Она вѣдогонь. Звѣзда Ваны горитъ;
Но синее пламя души ея вѣщей,
Покинувши тѣло земное, паритъ
Между огоньками блуждающими въ небѣ.
Такъ точно, когда засыпаетъ Одинъ,
Его духъ блуждаетъ, то звѣремъ, то птицей,
И только кликъ бранный побѣдныхъ дружинъ
Лишь можетъ разрушить сонъ вѣщій Одина.
Край Ваны вверхъ дномъ, а ея міръ-народъ
Подавленъ; ей трудно принять прежній образъ;
Она уже чуетъ, что кто-то идетъ
Будить ея тѣло отъ тягостной спячки;
Но страшный мой заговоръ ей не даетъ
Опять возвратиться въ свой образъ тѣлесный.
Вели, чтобъ предъ нами ея духъ предсталъ,
И дай ей возможность облечься въ свой образъ;
Она все раскажетъ.»
Одинъ приказалъ
Призвать къ себѣ Вану, и далъ ей прозрѣнье.
Лишь только взглянула на богатыря
Она неизвѣстнаго, вся встрепенулась,
Ея ликъ зардѣлся, какъ утромъ заря;
Но мигомъ она овладѣла собою,
И быстро сказала:
«Ты хочешь, Одинъ,
Знать кто богатырь тотъ, его родъ и племя;

Digitized by Google

Всмотрись же въ составъ его храбрыхъ дружинъ
И близкихъ людей, что его окружаютъ:
Всегда духъ народный стоитъ впереди
Народныхъ дѣяній. То витязь не новый,—
Ему имя Солнце: почти всѣ вожди,
Его кровный братъ, всѣ родные, имѣютъ
Славянское имя. Встрѣчаетъ народъ
Его по-славянски; знатнѣйшія жены
Выносятъ хлѣбъ съ солью; дѣвицъ хороводъ,
Когда онъ въѣзжаетъ, поетъ ему славу.
Во время пировъ изобильныхъ его
Поютъ гусляры у дверей, скоморохи;
Пьютъ до-пьяна гости, но прежде всего
Привѣтствуютъ князя заздравною чашей;
Живетъ онъ съ своей дорогою семьей
Въ просторныхъ палатахъ бревенчатыхъ, чудно
Украшенныхъ тонкой снаружи рѣзьбой;
Его княжій дворъ огороженъ заборомъ;
Онъ ѣстъ за особо-накрытымъ столомъ
Изъ блюдъ деревянныхъ, но кормитъ дружину
Въ посудѣ серебряной; любитъ во всемъ
Вокругъ себя пышность, но самъ одѣтъ просто;
Народный напитокъ его квасъ и медъ,
Хоть греки везутъ къ нему лучшія вина;
Подручные мужи его и народъ
Стригутся въ кружало, иной ходитъ съ чубомъ;
Онъ любитъ охоту; а каждый походъ
Сперва обсуждаютъ волхвы, по примѣтамъ;
Всѣ близкіе люди, что служатъ при немъ,
Языкъ разумѣютъ славянъ Иллирійскихъ;
А бытъ и обычай княгини,—во всемъ,
Какъ бытъ и обычай нашъ древній славянскій.»
— Кто жь онъ, богатырь твой? воскликнулъ Одинъ.
Коль Вана все знаетъ, то знаетъ и это.—
«А какъ же не знать мнѣ про то, господинъ!...
Взгляни на Полудень,—
Распустились опять сады мои зеленые,
Разцвѣли моложавые мои яблоки,

Digitized by Google

Зашумѣли ключи живой воды,
Засверкало въ нихъ красное Солнышко;
Ѣдетъ надъ семидесятью землями богатырь,
Въ рукѣ онъ держитъ Водановъ мечь,
Бѣжитъ передъ нимъ златорогая-лань,—
Не самъ ли Даждьбогъ, лучезарное Солнце?...
«То ѣдетъ мой сынъ,
Мое красно Солнце,—и вѣщая Вана
Отнынѣ свободна...[9]).»
Тотчасъ же у ней
Отколь взялись крылья. Она встрепенулась,
Кивнула обоимъ головкой своей,
И легкою вилой исчезла въ пространствѣ.
Одинъ и Мимиръ посмотрѣли ей въ слѣдъ;
Потомъ богъ Одинъ обратился къ Мимиру:
«Кто-бъ витязь тотъ ни былъ, у насъ такихъ нѣтъ;
Его мѣсто здѣсь, въ свѣтозарной Валгалѣ.»

Раздвинься завѣса минувшихъ временъ,
Откликнись духъ вѣщій преданій глубокихъ,
Проснися, стряхни непробудный твой сонъ,
Родной богатырь нашъ временъ первобытныхъ!
Отъ моря Морозовъ и Ладожскихъ волнъ
До бурнаго Понта, отъ высей Карпатскихъ
До степи Хвалынской, весь Сѣверъ былъ полнъ
Издревле молвой о твоей рьяной силѣ;
На морѣ Азовскомъ и въ темныхъ лѣсахъ
Пустыни Біармской, на дальнемъ Дунаѣ,
На Понтѣ Эвксинскомъ и Волжскихъ брегахъ,
Съ невѣдомыхъ дней тамъ гремитъ твое имя;
Далеко бывалъ ты,—а въ близкихъ мѣстахъ,
Вездѣ отпечаталъ свой бытъ и обычай.
Одинъ знаетъ Богъ, когда въ вольныхъ степяхъ
Взнуздалъ ты впервые коня боеваго,
И выдолбилъ камнемъ по темнымъ лѣсамъ
Себѣ удалую ладью-душегубку,
Носившую долго по синимъ морямъ
Твою силу мощную, духъ богатырскій;

Digitized by Google

Ты Скифъ, ты Сарматъ, по понятьямъ враговъ,—
Ты Росъ свѣтозарный въ странѣ твоей славной.
Во мракѣ глубокомъ древнѣйшихъ вѣковъ
Твой кличъ молодецкій гремитъ по Востоку,
Досель еще слышный изъ бездны временъ
Для чуткаго уха орловъ Полунощныхъ...
Но гдѣ тотъ міръ давній? — Исчезнулъ, какъ сонъ.
Сперва все темно вкругъ твоей колыбели,
Все чудно въ рожденьи и въ дѣтствѣ твоемъ;
Какъ сказочный витязь, выходишь внезапно
Ты сильнымъ, воинственнымъ богатыремъ,
Одинъ побиваешь несмѣтныя рати,
И царствуешь гдѣ-то могучимъ царемъ;
Земля— тебѣ матерь, а Небо—отецъ твой,
Они тебя холятъ; вой вьюги сѣдой
Баюкаетъ въ бурной тебя колыбели;
Суровый Морозъ,—онъ твой пѣстунъ родной,
А море и суша даютъ тебѣ силы;
Но лютый Раздоръ сѣлъ въ владѣньяхъ твоихъ,
И самый просторъ ихъ дробитъ твою силу;
Ты словно чужой въ семьѣ братьевъ родныхъ,—
Сосѣди твое ужь коверкаютъ имя,
Свои позабыли о славномъ быломъ,
А время закрыло тотъ міръ богатырскій.
Немного и самъ ты запомнилъ о немъ,
О мірѣ томъ вѣщемъ, вѣкахъ тѣхъ чудесныхъ,
Когда ты являлся средь разныхъ племенъ,
То княжескимъ сыномъ, то сыномъ мужичьимъ,
То витяземъ грознымъ. Изъ этихъ временъ
Всего лучше помнишь царя ты Кощея,
Начальника Коша, что кралъ чужихъ женъ
И дѣвушекъ красныхъ. Вполнѣ ты запомнилъ
Его видъ костлявый, его дворъ большой,
Кругомъ двора длинныя, голыя степи,
Его колывановъ,—тотъ людъ кочевой,
Съ кѣмъ часто ходилъ ты въ восточныя царства;
Ихъ бытъ непосѣдный, ихъ домъ подвижной,
Избу-колымягу на толстыхъ колесахъ,

Digitized by Google

Откуда успѣлъ ты однако бѣжать;
Они догоняютъ тебя; но ты дома,—
Твой вѣщій Микула ужь началъ пахать
И жить селяниномъ,—царемъ домовитымъ.
Запомнилъ ты, съ тѣхъ же древнѣйшихъ временъ,
И дикую эту Нечистую Силу,
Кѣмъ былъ ты похищенъ у кровныхъ племенъ,
Ту вражію силу, что такъ домогалась
Тебя извести. Ты носился за ней
И въ дальнія царства, и къ синему морю,
И въ знойныя степи, гдѣ жилъ царь-Кощей;
Повсюду ждала тебя вѣрная гибель,
Но свѣтлая сила, твой Геній благой,
Нежданно являлась тотчасъ же на помощь,
И здравъ, невредимъ пріѣзжалъ ты домой.
То это Самъ-мѣдный, голова чугунная,
То это Катома или Морозъ-Трескунъ,
То дядька-Дубовая шапка,
То самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ,
То баба-Яга, то медвѣдь, то волкъ сѣрый,
То дивъ Вертогоръ, Вертодубъ-сплачь,
То сторожъ чудесный Ивашка,
То птица-Могуль, то бѣлая Лебедь...
Красавица-Зорька, румяна Востокъ,
Тебѣ раскрываетъ златое оконце;
Морскія царевны ведутъ твой челнокъ,
Лелѣютъ его по широкому морю...
Но въ образахъ этихъ, не батюшка-ль твой,
Даждь богъ золотой, не Перунъ ли Громовникъ?
Не дивы ли это страны той родной,
Гдѣ онъ самъ родился, отколь и ты вышелъ? [10])
Ты помнишь и эту горячую баню,
Гдѣ парила жертвы свои старина;
И тѣхъ Опиваловъ ея, Объѣдаловъ,
Кого такъ усердно кормила она,
Пока не пресѣклись кровавыя жертвы,
И міръ поразумнѣй взглянулъ на себя;
И тотъ гребешокъ или гребень чудесный,

Digitized by Google

Что злая Недоля чесала тебя,
Когда погружала въ безсильную спячку;
И даже, колючій тотъ зубчикъ его,
Чтобъ ты не проснулся отъ сна твоего,
А заспалъ совсѣмъ первой юности время.
Запомнилъ царя ты и бездны морской,
И даже служилъ ему... Но его царство
Морское, — не есть ли тотъ островъ большой,
Гдѣ царствовалъ древле кумиръ Святовита?
Его домъ подводный не есть ли тотъ храмъ,
Что въ древнее время былъ полонъ народа
И всякихъ диковинъ, гдѣ вдоль по стѣнамъ
Хранилися груды безсчетныхъ сокровищъ?
Не здѣсь-ли тянулъ царь изъ рога вино,
А вѣщій Садко — его тѣшилъ игрою
На гусляхъ звончатыхъ,—и было пьяно
Все царство, и пьяное море топило
Въ верьху корабли? Ты не здѣсь ли служилъ?
Не здѣсь ли ты видѣлъ гаданья Вольшана,
Кого зналъ ужь прежде, когда еще жилъ
На дальнемъ Востокѣ; но послѣ смѣшалъ ихъ
Въ своихъ вспоминаньяхъ?
Но въ краѣ родномъ
Всего ты яснѣе запомнилъ Микулу,
Что ты величалъ въ это время отцомъ;
Запомнилъ, какъ мало въ тебѣ онъ ждалъ проку
И даже грозился— и поле, и домъ,
Отдать старшимъ братьямъ, тогда ужь осѣдлымъ;
Какъ онъ не однажды тебя охранялъ,
Или отъ погони, иль силы нечистой,
И даже порой за тебя исполнялъ
Труднѣйшія службы... Но вотъ, понемногу
И ты къ быту новому сталъ привыкать,
Хоть ты никогда не любилъ работъ сельскихъ,—
И началъ Микула тебя отпускать
Ужь самъ, погулять по странамъ отдаленнымъ.
А кто твоя матерь? Не эта-ль она
Царевна, что всѣмъ задавала загадки?

Digitized by Google

Ея золотая коробья полна
Несчетныхъ сокровищъ и кладовъ чудесныхъ;
Она всѣмъ доступна въ своей простотѣ,
Сама-жь непрестанно сбираетъ богатства;
Весь міръ говоритъ о ея красотѣ;
У ней полонъ дворъ жениховъ мимоѣзжихъ,
Но трудно имъ эту невѣсту добыть,—
Однихъ она гонитъ, съ другими лукавитъ,
Велитъ имъ различныя службы служить,—
Они платятъ жизнью, она богатѣетъ....
Не только Мимиръ-іотнъ погибъ чрезъ нее,
Она не щадитъ и сыновъ своихъ кровныхъ,
Лишь толькобъ упрочить богатство свое.
Одинъ только младшій сынъ, богатырь русскій,
Всѣхъ больше извѣстный, красавецъ собой,
Выходитъ изъ всякой бѣды невредимый.
Что жь это за витязь, всегда молодой?
Откуда явился онъ, богатырь юный?
Преданье различно о немъ говоритъ,—
О немъ, представителѣ древне-народномъ.
То матерь его на свѣтъ бѣлый родитъ
Отъ буйнаго Вѣтра иль краснаго Солнца,
Испивъ золотаго настоя цвѣтовъ;
То онъ зарождается въ матернемъ чревѣ,
Когда, средь зеленыхъ гуляя садовъ,
Она невзначай наступаетъ на змѣя;
«Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
«Около чулочка шелкова,
«Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,—
«А втапоры она поносъ понесла.»
Рядъ вѣщихъ чудесъ, какъ той ночью святой,
Когда народился божественный Кришна,
Тотчасъ извѣщаетъ его край родной
О витязѣ чудномъ. Пернатыя птицы
Летятъ въ небеса, звѣрь бѣжитъ въ глубь лѣсовъ,
А рыба—въ глубь моря, Индѣйское царство
Колеблется. Много незримыхъ враговъ
Затѣмъ начинаютъ искать его смерти.....

Digitized by Google

Все, что ни запомнилъ нашъ русскій народъ
О дивномъ отцѣ его, Солнышкѣ-красномъ,
То самое онъ и ему придаетъ,
Какъ самому младшему Солнцеву сыну,
И также его постоянно зоветъ
Иваномъ-царевичемъ.
«По колѣни ноги (у него) въ чистомъ серебрѣ,
«По локоть руки въ красномъ золотѣ,
«На всемъ (на немъ) часты звѣзды.»
Вражая сила
Уноситъ младенцемъ его въ темный лѣсъ
Иль въ дальнія горы; живетъ онъ съ звѣрями,
Съ лѣсными гигантами, въ мірѣ чудесъ,
Всегда вовлеченный въ опасныя службы;
Но быстро растетъ,—не по днямъ, по часамъ.
То мать обучаетъ его вѣщимъ знаньямъ,
Доступнымъ однимъ лишь безсмертнымъ богамъ;
Она обучаетъ его рыскать волкомъ
Или горностайкой, по чистымъ полямъ,
Летать яснымъ соколомъ подъ облаками,
Нырять рыбой-щукой по синимъ морямъ;
То онъ сынъ мужичій, то юный царевичъ.
Подобно отцу, завсегда онъ въ борьбѣ
То съ тѣмъ, то съ другимъ; но во всякое время
Онъ свѣтелъ и молодъ. Онъ носитъ въ себѣ
Духъ вѣщій народа, онъ образъ народный;
Смотря по эпохамъ сѣдой старины,—
Онъ воинъ, онъ ловкій пастухъ, онъ наѣздникъ,
Сады караулитъ, пасетъ табуны,
Иль ѣдетъ служить въ отдаленныя царства;
Тамъ мертвый лежитъ онъ, средь чуждой страны,
И вновь воскресаетъ чрезъ рядъ превращеній.
Но витязь-ли онъ, иль бездушный чурбакъ,
Всегда онъ исполненъ таинственной силой;
Нерѣдко въ глазахъ онъ домашнихъ,—дуракъ;
Невѣстки бранятъ его часто за лѣность,
Но онъ уѣзжаетъ изъ дома тайкомъ
Иль тутъ-же себѣ набираетъ дружину, —

Digitized by Google

И вдругъ его имя гремитъ ужь кругомъ,
По дальнимъ странамъ и невѣдомымъ царствамъ.
Привозитъ онъ разныхъ диковинъ съ собой,
Но чаще красавицъ-царевенъ; нерѣдко
Садится царемъ или правитъ страной,
Что самъ-же избавилъ отъ вражеской силы.
Потомъ принимаетъ онъ образъ иной,
Онъ больше не юноша,—богатырь зрѣлый;
Онъ больше не вѣритъ ни въ чохъ, ни въ судьбу,
А вѣритъ въ свою богатырскую силу;
Но онъ продолжаетъ все туже борьбу
Съ царями и съ дивами, силой нездѣшней;
Когда-жь озаряетъ страну новый свѣтъ,
Опять принимаетъ и онъ новый образъ;
Но выше его никого въ странѣ нѣтъ, —
Затѣмъ, что онъ сила, онъ образъ народный.
Онъ въ мірѣ народномъ и въ мірѣ дружинъ;
Онъ Вольга Всеславичъ, Добрыня Никитичъ,
Иванъ сынъ Годиновичъ, Иванъ вдовкинъ сынъ,
Иванъ сынъ Гостиный, Потокъ сынъ Михайлычъ,
Онъ храбрый Егорій, онъ славный Илья;
Они его дѣти, а онъ ихъ родитель,
Они всѣ его-же родная семья,
Въ нихъ онъ измѣняетъ лишь прежній свой образъ,
Какъ въ самой странѣ измѣняется свѣтъ,
Какъ въ ней измѣняется духъ и обычай...
Они чутъ родятся, его уже нѣтъ;
Его первообразъ,—міръ самый древнѣйшій.

Водилъ-ли когда онъ дружины свои
Въ Индѣюшку древню или на Поморье?
Служилъ-ли каганамъ Восточной земли,
Какъ позже служилъ онъ царямъ Византійскимъ?
Носился-ль съ полчищами скифскихъ племенъ
На мидянъ далекихъ и царственныхъ персовъ,
Въ то темное время, когда Вавилонъ
Звалъ скифовъ и Росомъ, и Гогомъ-Магогомъ?
Онъ далъ имя Росы въ начальные дни

Digitized by Google

Роднымъ рѣкамъ нашимъ, иль самъ это имя
Отъ нихъ взялъ? Все это вопросы одни,
Пока не отвѣтитъ на нихъ свѣтъ науки.
Никто не рѣшилъ, что въ нихъ сказка, что быль, —
Исторія робко пока ихъ обходитъ;
Одинъ про то знаетъ степной лишь ковыль,
Да эти священныя нѣкогда рѣки [11]).
Не въ смутное-ль время бродягъ ихъ тѣхъ силъ
Онъ набралъ себѣ этихъ витязей чудныхъ
Ирана и Инда, кѣмъ онъ окружилъ
Потомъ свѣтъ-Владиміра, красное-Солнце,
Въ сообществѣ съ тѣми, что раньше пришли
Оттуда-жъ съ Микулой? Вѣка измѣнили
Позднѣй имена ихъ средь Русской земли,
И самый ихъ образъ; хотя и остался
Въ нихъ слѣдъ первобытный, подъ грубымъ рѣзцомъ
И грубою краской потомковъ Микулы;
Но край нашъ вѣдь не былъ прямымъ ихъ творцомъ,
А придалъ имъ образъ и духъ лишь народный,
И—такъ и оставилъ.
Не въ эти-ли-жъ дни
Младой богатырь нашъ къ намъ вынесъ съ Востока
И всѣ чудеса тѣ, какъ въ сказкахъ они
И въ древнихъ былинахъ хранятся понынѣ, —
Дворы на семи верстахъ,
Ворота вальящатыя,
Вокругъ двора желѣзный тынъ,
Терема златоверхіе,
Золотыя маковки,
Сѣни рѣшетчатыя,
Гридни, крытыя сѣдымъ бобромъ,
Оконницы хрустальныя,
Причалины серебряныя.....
«Хорошо въ теремахъ изукрашено,
«На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце,
«На небѣ мѣсяцъ, — въ теремѣ мѣсяцъ,
«На небѣ звѣзды, — въ теремѣ звѣзды,
«На небѣ заря, — въ теремѣ заря

Digitized by Google

«И вся красота поднебесная.»

Онъ не былъ-ли лично на празднествѣ томъ,
Когда свѣтлый Кришна, съ гостями, катался
По синему морю, подъ пышнымъ шатромъ
Лазурнаго неба, въ ладьяхъ, въ видѣ цаплей,—
Крылатыхъ драконовъ, павлиновъ, слоновъ,
Въ ладьяхъ, полныхъ блеска камней самоцвѣтныхъ,
Подобно жилищамъ безсмертныхъ боговъ,—
Хрустальному Меру, златому Мандару;
Когда Чинтамани, какъ сто свѣтлыхъ лунъ
И столько-же солнцевъ, сіялъ внутри горницъ,
А дивные звуки невидимыхъ струнъ
Собой дополняли божественный праздникъ.
Не здѣсь-ли заимствовалъ онъ тѣхъ звѣрей,
Что послѣ украсилъ во вкусѣ народномъ,
Свой Соколъ-корабль, гдѣ еще мудренѣй
Характеръ означился русско-индѣйскій?..

«На мѣсто очей въ кораблѣ вставлено
«По дорогому камню, по яхонту,
«На мѣсто бровей — по черному соболю якутскому,
«На мѣсто уса—два острые ножика булатные,
«Вмѣсто гривы—двѣ лисицы бурнатыя,
«Вмѣсто ушей—два острa копья мурзамецкія,
«И два горностая повѣшены,
«Вмѣсто хвоста—два медвѣдя бѣлые, заморскіе,
«Носъ, корма—по туриному,
«Бока взведены по звѣриному.....»

Не въ это-ли-жь время заимствовалъ онъ
Кой-что изъ оружья героевъ восточныхъ,
И даже изъ быта бродячихъ племенъ
Восточнаго міра, кружась непрестанно
Среди дикихъ ордъ и кагановъ степныхъ?
Но чей-же народъ и какой край арійскій
Чего нибудь не взялъ изъ нравовъ чужихъ
Въ тотъ бытъ, что онъ вынесъ изъ древней отчизны?

Онъ странствовалъ долго по разнымъ краямъ,—
Сперва на Востокѣ, въ то время столь славномъ,

Digitized by Google

А послѣ на Западѣ; нашимъ странамъ
Не чужды издревле алтайскія орды;
Тогда ему было чего признанять
У нихъ изъ оружья, ухватокъ воинскихъ;
Но какъ теперь этотъ хаосъ разобрать?
Какихъ не зналъ онъ племенъ и народовъ?
Какихъ не носилъ онъ и самъ, съ тѣхъ временъ,
Совсѣмъ ему чуждыхъ, именъ и прозваній?
Какихъ не оставилъ онъ мѣстныхъ именъ,
Что нынѣ слились всѣ въ одно, въ землѣ русской?
На Волгѣ звали Роксоланомъ его,
По Кіеву — звали Куяниномъ,
По полямъ звали Полянином,
По лѣсамъ — Древлянином;
На Западѣ звали Рутениномъ,
И Велетомъ, и Лютичемъ;
А на Бугѣ— Бужанином;
На Днѣстрѣ звали Тиверцомъ,
На Ильменѣ — Славянином,
На Днѣпрѣ — Сѣверянином,
На Двинѣ — Полочанином,
У Грековъ-же Скифомъ, Сарматомъ, Болгариномъ,
Въ Карпатахъ и въ Скандинавіи —
Великаномъ, Горожанином;
А въ иныхъ мѣстахъ и никто не зналъ,
Какого онъ рода - племени,
Какъ звать, величать его по имени,
Какъ чествовать по изотчеству;
Звали его просто богатыремъ Сѣвернымъ,
«Надъ семидесятью землями богатыремъ.»
Съ временъ отдаленныхъ, съ невѣдомыхъ дней
Родная намъ Волга звалась уже Расой;
Притоки Наревы у прежнихъ людей,—
И Нѣманъ, и Полоть, носили названье
И Росы, и Русы; нашъ Днѣпръ той порой
Звался также Росой; еще рѣка Руса
Текла Новгородской Полночной страной,
И Росой граничилъ край древній Поруссовъ.

Digitized by Google

Съ Полудня немало шло русскихъ князей
Съ дружинами ихъ на родное Поморье,
И тамъ было много отважныхъ вождей,
Носившихъ названье Руянъ и Рутеновъ....
То были-ли прямо родные сыны
Древнѣйшаго Рода, иль люди другіе?
Гдѣ онъ былъ въ то время? Какія страны
Тогда воевалъ? Какъ въ тѣ дни назывался,
Когда впервые предсталъ? Изъ какого гнѣзда
Взлетѣлъ онъ впервые?... Теперь позабыто;
Но съ древней поры ужь сіяетъ звѣзда
Его между Понтомъ и моремъ Хвалынскимъ;
На быстромъ Днѣпрѣ — его край былъ родной,
По Кіеву звали тотъ край Кунигардомъ,
Великой Кіянской и Гунской страной,
Гдѣ праздновалъ долго онъ праздникъ русалій;
Весь Сѣверъ широкій, гдѣ въ чащѣ лѣсной
Стояли Славянскъ и великій Новгородъ,
Считался издревле славянской землей,
И долго еще, звался Славіей древней;
На Понтѣ Эвксинскомъ, межъ храбрыхъ хазаръ
И дальнимъ Дунаемъ, по городу Арту,
Гдѣ былъ постоянно торговый базаръ
Славянъ и арабовъ,— страна называлась
Артаніей; послѣ-жъ извѣстна у насъ
Подъ именемъ новымъ уже, Таматарха
И Тмутаракани.
Отсюда не разъ
На мелкихъ судахъ онъ носился съ дружиной
По синему морю въ глубь западныхъ странъ,
И тамъ доплывалъ до воротъ Геркулеса;
Былъ въ древней Севильѣ онъ,—и какъ буранъ,
Пронесъ по странамъ тѣмъ ужасное имя
Воинственныхъ Руссовъ; а островъ Тамань
И самый Эвксинскій Понтъ, гдѣ онъ издревле
Свою наложилъ богатырскую длань,
Звались со временъ незапамятныхъ — Русью [12]).
Давно также знала его старина

Digitized by Google

Подъ чуждымъ названіемъ Ателя, Анта,
Которое дали ему племена
Востока; а послѣ и Готы, и Греки.
Но онъ никогда еще такъ не бывалъ
И силенъ, и страшенъ сосѣднимъ народамъ,
Какъ въ славные дни тѣ, когда онъ предсталъ
Преемникомъ князя Кіянъ—Балеміра.
Тогда цѣлый міръ передъ нимъ трепеталъ,
А Западъ прославилъ бичемъ его Божьимъ,
Исчадіемъ ада; но край величалъ
Его—своимъ батькою, Солнышкомъ-краснымъ
И просто—Медвѣдемъ. Онъ гонитъ враговъ
Съ Днѣпра и Дуная; предъ нимъ ужь трепещутъ
И Римъ и Царьградъ,—и впервые покровъ
Спадаетъ туманный съ Славянскаго міра [13]).

Лишь только пронесся по царству славянъ
Его богатырскій кличь, въ мигъ отозвались
И Днѣпръ нашъ Словутичъ, и край Поморянъ,
И горы Карпаты, и дальняя Лаба.....
Изъ первыхъ очнулся сынъ Ваны благой,
Воинственный Вандалъ, извѣстный издревле
Сосѣднимъ народамъ торговлей морской
И силой воинской. Старѣйшій изъ вановъ,
Отецъ-патріархъ, онъ желалъ всей душой
Давно собрать кровныхъ сыновъ во-едино;
Его внукъ отважный, младой Яровитъ
Ходилъ съ сильнымъ войскомъ противъ легіоновъ
Державнаго Рима; но богъ Святовитъ
Былъ противъ обширныхъ и прочныхъ союзовъ;
Единство бѣжало славянскихъ племенъ,
Они закоснѣли въ непрочной свободѣ,
И ясное солнце новѣйшихъ временъ,
Застало ихъ въ тѣхъ-же безплодныхъ раздорахъ.
На Западъ, явился другой исполинъ, —
Глава Лонгобардовъ, всемірный торговецъ,
А на морѣ—главный вождь лютыхъ дружинъ
Велетовъ и Вагровъ, тогда самыхъ хищныхъ

Digitized by Google

Прибрежныхъ пиратовъ.
На Вислѣ возсталъ
Еще сынъ могучій божественной Ваны, —
Вождь Лиговъ и Ляховъ, что долго держалъ
Подъ игомъ своимъ кровныхъ братьевъ, Силезцевъ,
Имѣвшихъ впослѣдствьи особыхъ вождей
И жившихъ отдѣльно, вокругъ рѣки Слезы.
На Полдень отсюда, средь злачныхъ полей
Торговой ужь Лабы, гдѣ городъ былъ Липецкъ,
Возсталъ, съ отдаленной еще старины
Извѣстный въ мѣстахъ этихъ древнему Риму,
Сѣдой богатырь всей Сорабской страны,
Кого называлъ онъ вождемъ, то Херусковъ,
То Готовъ Восточныхъ. Вождь этотъ сломилъ
Его легіоны въ лѣсахъ Тевтобургскихъ,
Гдѣ Римъ, потерявъ часть своихъ лучшихъ силъ,
Лишился Германика. Послѣ явился
Онъ съ помощью, призванныхъ съ Волги, аланъ,
На берегъ Дуная; какъ туръ круторогій,
Онъ тамъ ворвался въ среду греческихъ странъ,
И долго топталъ Византійское царство, —
Пока утомился. Не разъ попадалъ
И нашъ край Днѣпровскій ему подъ копыта;
Но грозный Аттила до корня сломалъ
Потомъ рогъ кичливый ему, и забросилъ
За быстрый Дунай.
По Карпатамъ глухимъ
Вставалъ богатырь, князь воинственныхъ Чеховъ,
И Боевъ, кого по лѣсамъ ихъ густымъ,
Сперва назвалъ Римъ Германдуромъ и Квадомъ;
Но послѣ, узнавши внутри сихъ лѣсовъ
Теченье Моравы, сталъ звать Маркоманомъ.
Здѣсь нѣкогда жилъ ужасъ Римскихъ орловъ,
И бичь ихъ, могучихъ еще, легіоновъ,
Великій Нарбой, вождь любимый славянъ,
Которыхъ онъ собралъ почтивъ одно царство,
Ослабивъ раздоры враждующихъ странъ
И круто смиривъ ихъ разумною властью.

Digitized by Google

Казалось, такъ близокъ единства былъ часъ;
Но вспрянулъ упрямый, воинственный Ярманъ,
И съ дикимъ упорствомъ разрушилъ заразъ
Его геніальный непонятый замыслъ.
Отъ моря Венетовъ до темныхъ лѣсовъ
И высей Дунайскихъ, возсталъ нашъ старинный
Славянскій Горыня, что столько вѣковъ
Подъ властью былъ Рима,—возсталъ уязленный,
Но все не смиренный тяжелымъ мечемъ
Властителя міра,—онъ, праотецъ Ретовъ
Иль древнихъ Словаковъ, извѣстныхъ потомъ
Подъ мѣстнымъ названьемъ Паннонцевъ, Норійцевъ,
Бенетянъ, Далматовъ, и прочихъ племенъ,
Сидящихъ по Истру и въ Крайнѣ гористой;
Тотъ дивъ, что въ началѣ древнѣйшихъ временъ
Владѣлъ, можетъ, всею страной заальпійской,
До царства Латиновъ; пока юный Римъ,
Усилясь, откинулъ его опять въ Альпы;
Но даже и тутъ, съ славнымъ родомъ своимъ,
Онъ все еще страшенъ царю былъ вселенной.
Божественный Августъ позднѣй наводнилъ
Его край опасный своими полками,
И лучшихъ въ народѣ людей разселилъ
По дальнимъ владѣньямъ всемірнаго царства,
Куда они вмѣстѣ съ собой принесли
Печальный разсказъ о своихъ злоключеньяхъ,
О страшномъ разгромѣ *Словенской* земли,
А съ этимъ, и новое имя ихъ—*Склабовъ*.
На Сѣверо-Западъ Дуная, вставалъ
Поклонникъ Велеса, вождь Западныхъ Вендовъ,
Кого дальній Римъ въ эти дни называлъ
Вождемъ вольныхъ Франковъ.....
За нимъ начинались
Владѣнія Швабовъ, что слыли въ тѣ дни,
Подобно Нѣметамъ, Тевтонамъ и Саксамъ,
Еще дикарями; такъ были они
Тогда во всемъ ниже народовъ славянскихъ;
Особенно Саксы, — насильемъ своимъ

Digitized by Google

И звѣрствомъ, стяжавшіе грустную славу
Въ славянскомъ Поморьи. Подобны другимъ
Иль хуже еще, были Фризы, Батавы,
И жили въ болотахъ....
Но дикій раздоръ
И тутъ заявилъ себя въ мірѣ славянскомъ,
Какъ это бывало всегда, когда споръ
У нихъ заходилъ о народномъ главенствѣ
Или о единствѣ. И вождь-исполинъ
Воинственныхъ виндовъ, позднѣйшихъ сихъ франковъ,
Пошелъ, во главѣ своихъ храбрыхъ дружинъ,
Не въ край придунайскій, куда шли другіе;
Но прямо примкнулъ онъ къ стариннымъ врагамъ
Славянъ,—къ легіонамъ отжившаго Рима.....
Кто могъ тогда знать, что славянскимъ землямъ
Вождь этотъ готовитъ ихъ смертную чашу! [14]).

Въ то время Микулу какъ бы не видать,
Среди этихъ полчищъ и бранной тревоги;
Отвсюду сбирается грозная рать,
Изъ разныхъ племенъ, и земель, и языковъ;
Сверкаетъ оружье, шумитъ сборный міръ,
Далеко гремитъ кличь, призывъ богатырскій—
«Надъ семидесятью землями богатыря;»
Сзываетъ всѣхъ братьевъ-славянъ онъ на пиръ;
Однако и мирный Микула не празденъ.
Пусть вѣщая сошка стоитъ той порой
Въ закутѣ глухомъ, а кобылка гуляетъ
Въ лугахъ заповѣдныхъ; пусть онъ, нашъ родной,
Запряталъ и скарбъ свой домашній подальше;
Но этотъ всемѣстный, воинственный сбродъ
И самый пиръ бранный, Микулѣ не чужды:
Микула—князь рода; его міръ-народъ
Имѣетъ свою также долю въ движеньи.
Микула встрѣчаетъ родимыхъ гостей,
Онъ имъ собираетъ священныя жертвы,
И самъ снаряжаетъ въ путь бранныхъ людей;
Его вѣдуны, его вѣщія дѣвы,

Digitized by Google

Гадаютъ, о темномъ исходѣ войны,
Колдуютъ оружье, сряжаютъ наузы;
Сыны его скоро уйдутъ изъ страны.—
Дорога неблизкая, нужны запасы;
Храбрецъ селянинъ разстается съ семьей, —
Микулѣ ничто въ этихъ сборахъ не чуждо;
Весь міръ-народъ,—воинъ; его манитъ бой,
Онъ выросъ, рожденъ средь кровавыхъ побоищъ;
Въ Микулѣ пылаетъ огонь боевой,
Онъ самъ вождь народный....
Въ глуши лѣсовъ темныхъ
Свершаютъ гаданья; по всѣмъ высотамъ
Приносятся жертвы богамъ вѣковѣчнымъ.
Обрядъ измѣнялся по разнымъ мѣстамъ
Славянскаго міра; у каждаго края
Былъ свой обрядъ мѣстный, любезный богамъ
И ихъ жрецамъ вѣщимъ.
Вотъ солнце садится, —
Микула идетъ чуть пробитой тропой
Въ высокомъ буръянѣ, къ священному бору.
На Западѣ, ярко еще, золотой
Сіяетъ щитъ свѣтлаго сына Сварога;
Микула проходитъ подъ сѣнью дубовъ,
Раскинутыхъ врозь по окраинѣ бора,
Какъ рядъ исполинскій зеленыхъ шатровъ
При входѣ къ широкому, темному стану.
Еще тутъ свѣтло; съ незакрытыхъ сторонъ
Сіяетъ сквозь вѣтви вечернее солнце,
Играя по листвѣ, — и онъ принужденъ
Порой уклоняться отъ яркаго свѣта.
Но вотъ онъ, съ святою молитвой въ устахъ,
Вступаетъ въ прохладный, таинственный сумракъ
Нависшихъ деревьевъ; боръ спитъ ужь въ потьмахъ,
Какъ бы очарованный тихой дремою.
Его обдаетъ всего влагой сырой
И запахомъ свѣжимъ древеснаго листа, —
И трепетъ священный объемлетъ душой,
Вѣщая о тайномъ присутствіи бога;

Digitized by Google

Чѣмъ глубже Микула уходитъ впередъ,
Тѣмъ чаще и гуще сплетаются вѣтви;
Потомъ образуютъ онѣ темный сводъ,—
И глуше все, звонче становится сумракъ;
Но даже и въ этихъ потьмахъ зоркій взоръ
Почти сочесть можетъ кругомъ всѣ деревья,—
Такъ чисто, опрятно содержится боръ,
Сей храмъ живой бога.
Мелькая по чащѣ,
Микула идетъ, едва видной тропой,
Въ глубь самую бора; потомъ тропа скрылась,—
На мѣсто травы, то шуршитъ мохъ сухой,
То кустья брусники хрустятъ подъ ногами;
Вотъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ глухомъ,
Какъ будто на встрѣчу ему кто несется,
Ломая сухія вершины крыломъ;
За нимъ, кто-то крикнулъ протяжно, заохалъ,
И снова нѣмое безмолвье кругомъ;
Опять, будто грузное что-то свалилось,
И въ слѣдъ, раздался вдругъ пронзительный свистъ,
Все ближе и ближе,—вздрогнувъ, закачался
На дремлющихъ вѣтвяхъ проснувшійся листъ,
И снова все тихо въ таинственномъ мракѣ.
Но вотъ просвѣтлѣло межь дальнихъ деревъ,
Оттуда пахнуло озерною влагой,
Раздвинулся боръ, какъ рядъ темныхъ столповъ,
Открылась окрайна зеленаго луга,
Какъ будто широкій, блестящій коверъ,
Раскинутый яркимъ пятномъ въ отдаленьи,
Лаская уставшій отъ сумрака взоръ
Своей еще свѣтлой, густой муравою.
Вокругъ всего луга—плетень; а внутри,—
Какъ призракъ туманный, духъ этого бора,
Закутанный въ вѣтви густыя свои,
Священный дубъ, — древо святое, жилище
Незримаго бога. Отсюда кругомъ
Бѣжитъ лабиринтъ чуть замѣтныхъ тропинокъ,
И вновь исчезаетъ во мракѣ лѣсномъ.

Digitized by Google

Микула подходитъ къ замкнутому лугу;
Когда повернулся онъ,—длинной трубой
Раздвинулся боръ; изъ далекой окрайны
Мелькнулъ еще свѣтъ, и опять полосой
Исчезъ межь деревьевъ. Микула откинулъ
Съ молитвой воротцы, и вышелъ на лугъ.
Предъ нимъ появился навѣсъ деревянный,
На тонкихъ столбахъ, осѣненный вокругъ
Зеленою листвой; на крышѣ чернѣютъ
Истлѣвшіе гонты, съ тяжелой рѣзьбой
Какихъ-то чудесныхъ цвѣтовъ и животныхъ;
Тутъ свалены грудой одна на другой,
Дубовыя скамьи; а дальше чернѣютъ
Котлы, ендовищи, столы для пировъ,
Священная утварь великаго бога.
У многихъ племенъ,—кромѣ главныхъ жрецовъ,
Никто не входилъ въ мѣста эти. Такъ было
На древнемъ Поморьѣ; но русскій народъ
Имѣлъ свой особый, какъ видно, обычай [15]).
Микула, съ молитвой, поспѣшно мететъ
Сначала подъ сѣнью священнаго дуба,
Потомъ остальной лугъ. Весь боръ одѣтъ тьмой;
Но вотъ, передъ нимъ обозначился ясно
Таинственный остовъ колоды большой,
Со впадиной, ровно какъ лечь человѣку;
Внизу стокъ для крови, откуда она
Сбѣгала въ котлы, для священныхъ гаданій;
А дальше, близь дуба,—во тьмѣ чуть видна,
Широкая яма, съ золою и углемъ,
И вкругъ нее, также остатки золы,
И темныя пятна запекшейся крови.
Съ земли потянулись струи сѣрой мглы;
Но онъ ужь разставилъ скамейки рядами,
Взялъ въ руку котелъ и поспѣшно идетъ
Другимъ путемъ въ чащу. Открылась ложбина;
На встрѣчу Микулѣ сильнѣе несетъ,
Сквозь вѣтви деревьевъ, холодною влагой,
Трава поднялася; Микула ступилъ

Digitized by Google

Промокшей ногой по высокой осокѣ,—
Подъ нимъ однѣ кочки; въ вѣтвяхъ засквозилъ
Опять блѣдный свѣтъ, и тотчасъ же открылась
Глубь звѣзднаго неба, какъ будто вверхъ дномъ,
Въ низу отразившись на зеркалѣ свѣтломъ
Дремавшаго озера.
Ночь ужь кругомъ;
Торжественно—ясно прозрачное небо,
Дрема тихо бродитъ по темнымъ дубамъ,
Листокъ не шелохнетъ въ таинственномъ борѣ:
Но жизнь не смолкаетъ по звонкимъ брегамъ
Рѣки или озера, вплоть до разсвѣта.
Вотъ будто кто плещется въ свѣтлыхъ струяхъ,
Иль крадется тихо по дремлющимъ вѣткамъ;
Вотъ что-то несется на легкихъ крылахъ
И хлопнулось прямо въ вздрогнувшую воду;
А тамъ поднялся блѣдной струйкой туманъ
И тихо клубится надъ сонной водою;
Изъ темныхъ кустовъ, какъ сѣдой великанъ,
Глядитъ мракъ угрюмый таинственной ночи;
Порою раздастся прибой спящихъ водъ
Иль вдругъ налетитъ вѣтерокъ на деревья;
Но слушайте, кто это, будто поетъ?
Иль это камышъ шелеститъ вдоль прибрежья?...
«Сестрица, голубушка!
«Среди лѣсовъ дремучіихъ
«Костры горятъ высокіе,
«Котлы кипятъ кипучіе,
«Скамьи стоятъ дубовыя;
«На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,
«И точитъ онъ булатный ножъ:
«Хотятъ меня зарѣзати».
«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!
«Горючь камень ко дну тянетъ,
«Трава шелкова на рукахъ свилась,
«Желты пески мнѣ грудь сосутъ».
Микула, — онъ знаетъ кто пѣсню поетъ, —
Микула, черпнувши воды котелъ полный,

Digitized by Google

Опять той же влажной тропою идетъ
По чуткому берегу къ темному бору.
Онъ все изготовилъ на завтрашній день,
День жертвы богамъ, — и идетъ въ путь обратный.
Еще стала глуше дремучая сѣнь
Завѣтнаго бора; закликали дивы,
Захлопали лѣшіе въ мракѣ сѣдомъ;
Въ отвѣтъ имъ, послышался хохотъ русалокъ,
Уснувшій боръ будто проснулся кругомъ,
Какъ бы предвкушая торжественный праздникъ.
Вдали, предъ Микулой блеснулъ снова свѣтъ,
Въ травѣ затрещалъ коростель, сквозь деревья
Мелькнулъ край прозрачнаго неба, и вслѣдъ
Послышалось близко мычаніе стада;
Съ небесъ юный мѣсяцъ уставилъ рога,
Во мглѣ разливаются звуки свирѣли, —
Играетъ Велесъ... И поля, и луга,
Покрыты, какъ море, волнами тумана;
Нѣмая окрестность глубокимъ спитъ сномъ,
Чуть слышенъ кузнечикъ. Микула подходитъ
Къ жующему стаду, неровнымъ кружкомъ
Лежащему въ сочной травѣ, подъ охраной
Небеснаго пастыря; много коней
И тучныхъ быковъ приготовилъ Микула,
Для завтрашней жертвы; заборъ изъ жердей
Имъ служитъ оградой на время ночное.
Онъ скоро вошелъ въ огороженный дворъ;
Протяжно во тьмѣ заскрипѣли воротцы,
И хлопнулись глухо въ вздрогнувшій заборъ;
Онъ выбралъ, что надо, на завтра, — и вышелъ,
Шагая обратно опушкой лѣсной
По влажной травѣ межь кустовъ и бурьяна,
То весь озаренный сребристой луной,
То вновь исчезая въ таинственномъ мракѣ.
Подходитъ къ жилищу. Стрѣлою летятъ
Къ нему псы навстрѣчу, еще издалека
Махая хвостами, и нѣжно визжатъ
И вьются въ пыли у него подъ ногами;

Digitized by Google

Заржала кобылка, почуявъ въ кустахъ
Роднаго хозяина; въ спящихъ палатахъ
Прошелъ домовой, повозился въ потьмахъ,
Пошарилъ по двери, и вновь все умолкло.
Микула спустился ужь въ погребъ глухой,
И катитъ оттуда стоялыя бочки
Съ забористымъ медомъ и брагой хмѣльной,
Выноситъ ковриги печенаго хлѣба
И сыръ свой домашній, творожный, въ кружкахъ;
Кладетъ онъ все это на сѣно, въ телѣги,
Что съ вечера тутъ же стоятъ въ воротахъ,
На завтрашній праздникъ, на пиръ богатырскій,
И міру-народу, и богатырямъ,
Идущимъ въ путь дальній; чтобъ было и питій,
И брашенъ въ обильи, на жертву богамъ
И всѣмъ на веселье. — и крохъ бы осталось
И звѣрю, и гаду, и птицѣ земной,
И птицѣ небесной.
Но вотъ, засвѣтало;
Замѣтно, рѣдѣетъ мракъ ночи сѣдой.
Притихъ коростель, затуманились звѣзды,
Зардѣлся румяной зарей небосклонъ,
Захлопалъ крылами пѣтухъ подъ навѣсомъ,
Чиликнули птички, слетѣлъ съ земли сонъ...
Микула давно ужь въ бору заповѣдномъ:
Готовитъ тамъ жертвы, ждетъ кровныхъ гостей, —
И самъ, въ санъ высокій теперь облеченный,
Въ святой санъ жреца, что отыскони дней
Ему принадлежитъ, какъ старшему въ родѣ.
Шумитъ боръ священный. Отколь кто пришелъ;
Ржутъ кони, мелькаютъ косматые чубы,
Бряцаетъ оружье, мычитъ тучный волъ,
Свершаются жертвы, вѣщбы и гаданья;
Горятъ костры, льется питье на весь міръ,
Возносится слава богамъ вѣковѣчнымъ;
Лежатъ грудой яства, гремитъ буйный пиръ,
Довольны и люди, и свѣтлые боги...
«Среди лѣсовъ дремучіихъ

Digitized by Google

«Огни горятъ высокіе,
«Котлы кипятъ кипучіе,
«Скамьи стоятъ дубовыя,
«На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,
«И точитъ онъ булатный ножъ».

Придетъ чередъ плѣнныхъ, начнутъ причитать
Оленушка съ братцомъ-Иванушкой; крикомъ
Побѣднымъ отвѣтитъ имъ дикая рать,
И все заглушитъ пѣснь богамъ вѣковѣчнымъ.
Дарилъ тутъ Микула потомковъ своихъ,
Дарилъ не сребромъ и не золотомъ ихъ,—
Дарилъ онъ, Микула, ихъ—личной свободой,
Дарилъ—золотымъ побратимствомъ дружиннымъ,
Дарилъ ихъ—любовью святой къ земледѣлью;
Они-жь дары эти родимой земли,
Дары тѣ Микулы, отсель разнесли
По Римской землѣ и по Западнымъ царствамъ;
Они разнесли ихъ по цѣлой Европѣ,
Смѣнивъ городской ея міръ—деревенскимъ [16]).

Не буйные вѣтры въ степяхъ подымаются,
Не море-океанъ изъ береговъ разливается, —
Подымается нашъ русскій старинный богатырь,
Съ силой грозной своей, со Полуночной.
Не младъ-сизокрылый орелъ среди соколовъ
Летитъ по поднебесью,
Летитъ онъ, нашъ славный, старинный богатырь,
Со дружинушкой своей храброю,
Съ полками безсчетными...
Гдѣ конь его ступитъ, трава не ростетъ,
Завидѣвъ его, звѣзды падаютъ,
Великія царства передъ нимъ разступаются,
А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огнѣ.
За нимъ идутъ, ѣдутъ, богатыри, витязи,
Богатыри, витязи,—силушка несмѣтная,
Съ равнины Днѣпровской, съ береговъ Волги матушки,
Съ родимаго Дона, съ Поморья богатаго;
На борзыхъ коняхъ, въ доспѣхахъ кованныхъ,

Digitized by Google

Въ кольчугахъ булатныхъ, въ шишакахъ позолоченныхъ,
Чубы косматые, бородищи лопатою...
Сверкаютъ ихъ копья, мечи, тяжкіе молоты,
Блестятъ топорища, клевцы трехгранные...
За ними несутся на быстрыхъ конькахъ,
На быстрыхъ конькахъ, на степныхъ бѣгунахъ,
Орды заволжскія, полчища Хвалынскія,—
Бородки тощія, тараканьи усы,
Тараканьи усы, сафьянъ-сапоги;
Звенятъ сабли острыя, колчаны пернатые,
По лукамъ сѣдельнымъ — арканы намотаны...
За ними, изъ темныхъ дремучихъ лѣсовъ,
Нестройныя полчища лютыхъ Волковъ,
Велетовъ, Древяновъ, Гуней оборванныхъ, —
Ножи у нихъ острые, дубинки вязовыя,
Рогатины длинныя, желѣзныя палицы;
На плечи накинуты шкуры звѣриныя,
Бороды всклочены, груди обнаженныя, —
Иные по тѣлу, какъ змѣи, росписаны...
Дрожитъ мать сыра-земля, лѣса разступаются,
А мутныя рѣки, отъ силы безчисленной,
Отъ силы безчисленной, въ берегахъ колышатся.
Идутъ они, скачутъ,—богатыри, витязи,
Валитъ сила грозная; дивы, съ вершинъ деревъ
Пути имъ дороги незнаемы слушаютъ;
А сѣрые волки по сторонамъ бѣгутъ,
По рѣчинькамъ броды, переправы развѣдываютъ.
Валитъ сила грозная, — поетъ, потѣшается,
Въ богатырскія игры поигрываетъ;
Трубятъ турьи рога, поютъ трубы мѣдныя,
Тарелочки звонкія, бубны позвякиваютъ;
Удальцы-молодцы, приставивъ щиты къ губамъ,
Залихватски посвистываютъ.
Далеко гремитъ пѣснь молодецкая,
Про бѣлыхъ лебедокъ, поля Сарачинскія,
Про дальню сторонушку, царства Восточныя,
Гдѣ, добрые молодцы, они встарь погуливали.
Глядитъ Даждьбогъ съ небесъ, красное Солнышко,

Digitized by Google

Златыми лучами, какъ желтымъ онъ хмѣлемъ,
Какъ желтымъ онъ хмѣлемъ, посыпаетъ на нихъ;
Глядитъ на внучатъ своихъ старый Сварогъ,
Разстилаетъ Сварогъ имъ путь скатертью;
А буйные Вѣтры, внуки Стрибоговы,
Они, Вѣтры буйные, пѣсни ихъ слушаютъ.
По бѣлому свѣту изъ пѣсни пересказываютъ.
Далекò позади, скрипятъ телѣги немазанныя;
Жены, матери, на облучкахъ сидятъ,
На удальцовъ-молодцовъ своихъ посматриваютъ.
Одежку имъ, сбрую ратную налаживаютъ,
Кровавыя раночки у нихъ залѣчиваютъ,
Судьбу, долю вѣщую, имъ разгадываютъ... [17]).
. . . . . .
. . . . . .

Но сумракъ событій ужь быстро свѣталъ!..
Надъ сказочнымъ міромъ всходило свѣтило
Исторіи, — новый Богъ свѣта вступалъ
На горній престолъ возрожденной вселенной.
Средь Римскаго царства свершалась судьба
Отжившаго древняго міра,—слагался
Землѣ новый жребій... Еще шла борьба, —
Но Богъ самъ небесъ былъ рѣшителемъ спора.
Вокругъ Селяниныча жутко, темно,
Вновь стало, какъ прежде. Богатырь славный,
Кому было свыше какъ бы суждено
Поднять и устроить славянскія силы,
Исчезъ, какъ предсталъ, — лишь кровавой чертой
Означивъ свой путь по смятенной Европѣ.
Откуда предсталъ онъ? Кто былъ онъ такой?
Покрылось туманомъ Пока Югъ и Западъ
Сбирали обломки своихъ павшихъ силъ,
Разбитые на смерть ужаснымъ погромомъ,—
Его ужь и слѣдъ богатырскій простылъ,
Оставивъ въ народахъ лишь смутную память.
Волшебница-Вача опять ожила,
Славянскій міръ быстро возсталъ на Поморьѣ;

Digitized by Google

Съ его странъ исчезнула прежняя мгла...
Торговля кипитъ въ его градахъ Поморскихъ
И вдоль славной Лабы; въ главѣ городовъ
Являются Волинъ, Аркона и Ретра;
Ихъ гавани полны торговыхъ судовъ;
Ихъ витязи ходятъ служить къ дальнимъ грекамъ...
Что-жь дѣлалъ Микула нашъ въ краѣ родномъ?
Его міръ стихійный остался далеко;
Живой міръ яснѣлъ, свѣтъ врывался кругомъ,
Древнѣйшіе грады всплывали изъ мрака,
Градъ Кіевъ вставалъ въ новомъ видѣ своемъ,
Самъ міръ богатырскій другой принялъ образъ...
Титанъ Святогоръ былъ ужь богатыремъ,
Въ немъ сталъ проявляться духъ новый Самсона, —
«У кого въ головѣ блестятъ
«Семь волосовъ ангельскихъ;» [18])
Степной Колыванъ, какъ и въ прежніе дни,
Бродилъ по степямъ; но чудесный князь Вольга
Искалъ ужъ себѣ господина; они
Изъ силы бродячей вступаютъ въ дружину;
Древнѣйшій Сухманъ, дивъ стихійный, — и тотъ
Давно принялъ образъ и видъ человѣка;
Онъ бродитъ еще по лѣсамъ, онъ ведетъ
По заводямъ тихимъ войну съ вражьей силой;
Но также — стрѣляетъ гусей, лебедей,
Владиміру-князю.
Не онъ ли, быть можетъ,
Какъ сынъ бога-Солнца, занесъ къ намъ въ страну,
Въ лѣса первобытные наши, служенье
И богу-Агни, что въ Литвѣ встарину
Горѣлъ очень долго, подъ именемъ Знича?
Сухманъ весь израненъ; но что ему въ томъ!
Нѣтъ мѣста живаго на немъ; но Сухману
Все, видно, здорово. Онъ только молчкомъ
Изъ раночки вынетъ каленую стрѣлку,
Приложитъ къ ней маковый алый листокъ,
И снова онъ бродитъ съ тяжелой дубиной;
Глядитъ, не мутится-ль въ Днѣпрѣ гдѣ песокъ,

Digitized by Google

Въ брегахъ не мельчаютъ ли быстрыя воды, —
Идутъ враги, значитъ. Не то, такъ къ нему
Бѣгутъ сами рѣки: «вставай, богатырь нашъ,
Нѣтъ больше проѣзда чрезъ насъ никому;
Какъ туча за тучей, — орда за ордою...»
Но будь ихъ и больше, — ему все равно!
«Не честь, не хвала молодецкая,
«Не отвѣдать силы татарскія,
«Татарскія силы невѣрныя;»
Какъ будто судьбами ему суждено, —
«Свою дубинку-вязиночку,
«А въ той дубинѣ девяносто пудъ,
«Расщепать ее на мелки щепы;»
А послѣ, разлиться рѣкою кровавою:
«Потеки Сухманъ-рѣка,
«Отъ моя крови отъ горючія,
«Отъ горючія крови отъ напрасныя» [19]).

Въ землѣ Новгородской, на главномъ посадствѣ,
Сидитъ уже хитрый, угрюмый Буслай
Буслаевичъ; строго онъ держитъ порядокъ
Въ своемъ новомъ городѣ; Сѣверный край,
Замѣтно, ужь чуетъ ярмо его власти;
Но въ городѣ славномъ, какъ соколъ младой,
Ему подростаетъ сынокъ и преемникъ,
Грядущій вождь этой дружины морской,
Что долго гуляла по рѣчинькамъ быстрымъ,
По заводямъ тихимъ, стрѣляла гусей
И уточекъ сѣрыхъ, — тотъ Васька Буслаичъ,
Что знать не хотѣлъ и не зналъ ни властей,
Ни грозныхъ законовъ, ни родственныхъ связей,
Ни храмовъ Господнихъ, ни вѣщей судьбы;
А зналъ только Васька широкую волю,
Искалъ лишь добычи, удалой гульбы, —
Иль быть атаманомъ, или сломить шею!
И точно, недолго ее онъ сносилъ, —
Запнулся онъ гдѣ-то о бѣлъ-горючь камень,
И тутъ же и голову Васька сложилъ;
По сказу другихъ же, его поглотила

Digitized by Google

Пасть тысячеглазой Пучины морской, —
И сгинулъ онъ, Васька, съ поры той навѣки [20]).
Въ Новгородѣ могъ также этой порой
Явиться и славный Садко. Онъ задумалъ
Однажды хвалиться своею казной,—
Затѣялъ скупить весь товаръ Новгородскій.
Скупалъ онъ, скупалъ, а товаръ все растетъ;
Лишь тутъ Садко понялъ, что какъ ни богатъ онъ,
Но первый на свѣтѣ богачь — міръ-народъ.
Ѣзжалъ онъ съ товаромъ своимъ и по Волгѣ,
Привезъ разъ Ильменю отъ Волги поклонъ;
За это Ильмень, ботатырь Новгородскій,
Дарилъ его рыбой,—и сдѣлался онъ
Еще тутъ богаче [21]).
Но все не смолкала
Усобицъ гроза, истребляя въ конецъ
Міръ древній славянскій. Родное Поморье, —
Древнѣйшій народный оракулъ, вѣнецъ
Торговли его,—было полно смятенья.
Недобрыя вѣсти оттуда текли
По цѣлому краю; раздоры мертвили
Послѣднія силы славянской земли.
Былой богатырскій міръ всюду кончался,
Сварогово царство,—міръ древнихъ боговъ
И рощей священныхъ, съ глухимъ трескомъ падалъ,
Подъ тяжкой сѣкирой сильнѣйшихъ враговъ,
Вносившихъ,—не древнюю вѣру Одина,
А новаго Бога. Изъ странъ Южныхъ шли
Къ Микулѣ какіе-то чудные люди,
И въ край его, все еще темный, несли
Со свѣтомъ духъ новый.
Какъ въ древнее время,
Когда Селянинычъ впервые вступалъ
Съ своимъ славнымъ родомъ въ край этотъ Полночный,
Тогда ему чуждый, — какъ онъ очищалъ
Въ то время край этотъ отъ дивовъ старинныхъ;
Такъ точно теперь въ этомъ краѣ родномъ,
Другой богатырь шелъ, — шелъ богатырь новый,

Digitized by Google

А можетъ, и прежній, но въ видѣ иномъ, —
И край очищалъ онъ отъ дивовъ и чудищъ
Язычества: былъ то Егорій святой,
Въ то время Микулѣ еще неизвѣстный;
Устраивалъ онъ, свѣтъ-Егорій благой,
Край русскій къ принятію вѣры Христовой.
«Пріѣзжалъ онъ къ лѣсамъ темнымъ:
«Ой же вы, лѣса, лѣса темные!
«Полноте-ка врагу вѣровать,
«Вѣруйте-ка въ Господа распятаго,
«Въ самаго Егорія-свѣта храбраго.
«Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
«Строить буду церкви соборныя, богомольныя.
«Ой вы, горы, горы высокія!
«Полноте-ка врагу вѣровать,
«Я на васъ буду спускаться,
«Буду строить церкви соборныя, богомольныя,
«Гой еси вы, волки сѣрые!
«Разойдитеся по всему свѣту по бѣлому,
«По два, по четыре и поединому,
«Пейте, ѣште посуленое и благословенное».
«Ахъ вы, пастухи, — красныя дѣвицы,
«Мои вы родныя сестрицы!
«Вы змѣинаго духа нахвателися,
«И на васъ тѣло, какъ дубовая кора:
«Вы сходите въ Іордань рѣку, и скупайтеся» [22]).
Таинственный сумракъ старинныхъ временъ
Повсюду рѣдѣлъ; а міръ новый, свѣтавшій,
Склонялся къ единству. Духъ русскихъ племенъ,
Издревле торговый, и онъ самъ, Микула,
Желали нить прежнихъ союзовъ связать
Въ одно государство. Самъ духъ богатырскій
Ихъ витязей главныхъ, уставъ воевать
Съ врагомъ въ одиночку или служить порознь
Царямъ чужеземнымъ, искалъ своего
Народнаго князя,—вождя ихъ дружинамъ,
Иль краснаго Солнца, вокругъ бы кого
Имъ всѣмъ, молодцамъ, было можно собраться.

Digitized by Google

Микула, какъ главный начальникъ, глава
Славянскаго рода, яснѣе всѣхъ видѣлъ,
Что общая рознь, разрушая права
И силы народныя, прямо стремится
Къ народной погибели. Онъ понималъ
Безсиліе Ваны дать краю единство;
Какъ онъ самъ, и край весь разумно желалъ,—
Призвать изъ потомковъ богатыря Роса,
Славнѣйшаго въ дни эти богатыря,
Достойнаго князя. Впервые блеснула
Тогда на Полночи дней новыхъ заря,
И край сталъ слагаться въ одно государство;
Межь тѣмъ, какъ ужасная буря кругомъ
Крушила еще остальной міръ славянскій,—
Тотъ міръ, что поднесь, при всемъ рвеньи своемъ,
Не можетъ подняться изъ груды обломковъ.
Вручивъ этимъ первымъ верьховнымъ князьямъ
Правленье надъ юной страною, Микула
Вручилъ и отвѣтственность имъ, какъ вождямъ
Дальнѣйшихъ судебъ ея [23]); но—этимъ подвигъ
Его не кончался. Онъ долженъ же былъ
Странѣ сохранить и богатырей древнихъ,
Которыхъ привелъ онъ, съ кѣмъ долго такъ жилъ,
Чьихъ образовъ полонъ былъ весь міръ народный.
Его свѣтлый Вырій давно запустѣлъ,
И самъ Святовитъ умолкалъ на Поморьѣ;
Дѣйствительный міръ съ каждымъ годомъ скудѣлъ
Семьей богатырской; но духъ его прежній
И образы славные богатырей,—
Они были живы,—они, какъ и прежде,
Разсѣяны были, по мнѣнью людей,
По всей землѣ русской; ихъ надобно было
Собрать только вмѣстѣ, найти иль создать
Для нихъ новый Вырій, дать градъ имъ престольный,
И этотъ славянскій Асгардъ поддержать
Всей древнею русской и новою славой.
Они знали сами, что вѣкъ ихъ прошелъ
Иль быстро проходитъ. Въ свѣтающемъ свѣтѣ

Digitized by Google

Была ихъ погибель. Кто могъ, пріобрѣлъ
Себѣ домовище; другіе жь, какъ прежде,
Въ воздушныхъ своихъ уплывали ладьяхъ
Въ міръ древняго Рода, отколь нѣтъ возврата,
Или исчезали въ далекихъ странахъ,
Не кинувши даже именъ ихъ на память.
Микула не разъ, можетъ, ихъ провожалъ
Своими глазами; но рано иль поздно,
И онъ самъ, Микула, о нихъ забывалъ;
Тѣмъ ярче вставали предъ нимъ остальные,
И ждали пріюта.... Куда-жь ихъ дѣвать?
Куда помѣстить ихъ средь новаго міра?
И, можетъ быть, долго пришлось бы имъ ждать,
И долго жить въ дымной избѣ у Микулы;
Но вотъ возсіялъ изъ пучины вѣковъ
Престольный градъ Кіевъ,—глава, средоточье
Святой земли русской, жилище боговъ
Старинныхъ Микулы и вѣщій свѣтильникъ
Его вѣры новой. Здѣсь весело жилъ
Князь ласковый, добрый къ народу, Владиміръ;
Сюда устремился приливъ лучшихъ силъ
Здѣсь стала златая среда земли Русской,
Дворъ князя открылся для всякихъ людей,
Молва про хлѣбъ-соль и пиры его княжьи
Гремѣла по краю; удачей своей,
Привѣтомъ и лаской онъ всѣмъ сталъ любезенъ,
Народу казался благимъ божествомъ...
Какъ древній Сварогъ, онъ былъ мирно-спокоенъ,
Весь край любовался его торжествомъ,
Онъ былъ князь народный. Какъ красное солнце,
Блестящій Даждь богъ, онъ на всѣхъ изливалъ
Дары свои щедрые, свѣтъ благодатный.
Какъ богъ Святовитъ, онъ страну охранялъ
Своею блестящей, отборной дружиной.
Всѣ съ теплымъ усердьемъ служили ему;
Ни въ чемъ онъ, князь вѣщій, не зналъ неудачи,
Весь край былъ доволенъ,—ему одному
Обязанный славой своей и покоемъ.

*

Digitized by Google

Микула могъ смѣло сдвигать, раздвигать
Вѣкъ этотъ широкій, почти баснословный;
Онъ могъ постепенно въ его кругъ собрать
И міръ богатырскій, и дивовъ стихійныхъ,
И витязей новыхъ позднѣйшихъ временъ.
Микула такъ точно и сдѣлалъ. Градъ Кіевъ
Сталъ Выріемъ новымъ; сюда собралъ онъ
И самыхъ старѣйшихъ богатырей древнихъ,
И витязей младшихъ; а славный тотъ вѣкъ
Отважно раздвинулъ до тьмы первобытной;
Тутъ были, и витязь—вполнѣ человѣкъ,
И дивъ-богатырь, и дивъ древній стихійный;
Самъ князь принялъ образъ благой божества;
Его окружаетъ дружина титановъ,
Его дни текутъ посреди торжества;
Но тутъ же видна и сословная распря;
Странѣ угрожаетъ татарскій погромъ,
Самъ Кіевъ-градъ смѣшанъ въ послѣдствьи съ Москвою [24]).
Микула, замѣтно, здѣсь—въ мірѣ своемъ;
Одинъ только образъ былой изумляетъ
Отсутствьемъ своимъ въ семьѣ этой родной,
Блистательный образъ и самый древнѣшій—
Богатыря древне-русскаго,
Ивана Царевича;
Его уже нѣтъ,—ни въ кругу богатырскомъ,
Ни въ Кіевѣ стольномъ. Но онъ и не могъ
Имѣть теперь мѣста въ устроенномъ мірѣ;
Тотъ вѣкъ переходный, бродячій истекъ;
Онъ самъ теперь долженъ во всемъ измѣниться,
Иль вновь измѣнить свой характеръ былой,
Чтобъ стать въ средѣ новой. Онъ могъ быть отнынѣ
Владиміромъ княземъ, онъ могъ быть Ильей,
Добрынею, Вольгой Всеславичемъ вѣщимъ;
Но лишь не безличнымъ воителемъ тѣмъ,
Что въ древнее время скитался по краю.
Но все-жъ онъ не могъ такъ остаться, ничѣмъ;
А долженъ явиться былъ въ образѣ новомъ [25]).

Digitized by Google

Въ какой же вновь образъ Микула облекъ
Его прежній образъ, съ нимъ бывшій повсюду?
Какое онъ имя отнынѣ нарекъ
Ему, полубогу, въ странѣ своей новой?
По княжему роду, онъ княземъ могъ быть;
Но какъ представитель всегда міръ-народа,
Онъ долженъ былъ прежде всего сохранить
Народный характеръ и духъ свой народный.
Таковъ и является старый Илья,
Прямой представитель во всемъ міръ-народа.
Его вѣщей силы давно ждетъ земля;
Онъ только одинъ изъ богатырей новыхъ
Вмѣстилъ тяготу силъ стихійныхъ въ себѣ
И вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ ужь нравственной силы:
Не вѣритъ примѣтамъ, ни древней судьбѣ,
А вѣритъ въ свою лишь да въ Божію силу.
Илья,—богатырь христіянскихъ временъ,
Но въ немъ цѣльный образъ еще силъ минувшихъ;
Онъ дивъ самый древній, но онъ окруженъ
И самъ въ душѣ полонъ зарей православья;
Въ Ильѣ предъ Микулою ярко блеститъ
И Вырій старинный, и свѣтъ христіанскій;—
Тѣмъ больше Микула Ильей дорожитъ,—
Илья,—богатырь его древній и новый.
Илья,—воплощенный вновь образъ боговъ,—
Онъ тотъ же богъ Вишну и Индра-Громовникъ,
Онъ богъ, воплощавшійся съ древнихъ вѣковъ
На помощь людей, и опять къ нимъ пришедшій
За этимъ на землю. Съ сомнѣньемъ глядитъ
На новый порядокъ онъ, новыя власти;
Народъ въ немъ нуждается, и онъ спѣшитъ
Его оградить отъ тяжелыхъ стѣсненій.
Но край еще долго его долженъ ждать;
Градъ Кіевъ ужь полонъ богатырей древнихъ
И витязей новыхъ; ихъ тамъ не искать:
Они съ первобытныхъ временъ окружаютъ
Свѣтъ красное Солнце; но старый Илья,
Онъ долженъ сначала еще возродиться,

Digitized by Google

Къ нему не готова родная земля,
И онъ самъ, Илья, не созрѣлъ для народа.
Одинъ міръ уходитъ, другой идетъ вслѣдъ;
Вездѣ происходитъ тяжелая ломка,
Въ народъ не проникнулъ еще новый свѣтъ,
Народъ еще долго все будетъ язычникъ.
И вотъ почему Илья сиднемъ сидѣлъ,
Какъ русскій народъ нашъ сидитъ и понынѣ!
Чего-жь себѣ ждалъ онъ? Зачѣмъ не хотѣлъ
Онъ дѣла?... Понятно, онъ ждалъ себѣ силы.
Откуда же сила народу придетъ?
Откуда прійти ей, когда не отъ свѣта!
Такъ вотъ, какъ давно чуялъ русскій народъ,
Что свѣтъ—отецъ силы, и въ немъ его сила.
Сидѣлъ Илья сиднемъ, какъ дивъ Святогоръ
Лежалъ,—отъ избытка вещественной силы,
Иль онъ на молитвѣ усердной протеръ
Колѣнами эту глубокую яму,
Откуда виднѣлась одна борода;
Но онъ сперва полонъ былъ грубой лишь силы,
Какъ край нашъ понынѣ,—и онъ никогда,
Возставъ въ этомъ видѣ, не могъ принесть пользы.
Онъ былъ, возрождавшійся только, титанъ,
Живой еще образъ титановъ стихійныхъ;
Возстань онъ,—весь край бы потрясъ ураганъ,
А это и было противно Микулѣ.
Подняться былъ долженъ могучій Илья
Не силой стихійной, но силою высшей,
Чтобъ имъ утвердилась родная земля;
И онъ поджидалъ, терпѣливый нашъ сидѣнь,
Святой этой силы. Илья понималъ,
Что онъ одинъ только, какъ образъ народный,
Кого онъ собою, Илья, выражалъ, —
Лишь онъ могъ очистить страну отъ тѣхъ чудищъ
И дивовъ, что въ ней заложили пути;
Не могъ въ томъ успѣть безъ него ни Владиміръ,
Ни Кіевъ: другаго Ильи не найти;
Одинъ могъ Илья сослужить эту службу,

Digitized by Google

И онъ-себѣ, ждалъ, чтобъ его подняла
Та высшая сила, что онъ видѣлъ всюду;
Одна эта высшая сила могла,
Поднявши, дать образъ ему человѣка.
И вотъ она, Божія сила, стучитъ
Въ окно у Ильи, и велитъ подниматься;
То былъ ли Христосъ, или богъ Святовитъ,
Иль боги иные; но, вѣрно, имъ было
Извѣстно, что въ тайныхъ подвалахъ хранитъ
Илья запасъ браги, которой испивши,
Народы встаютъ, новой жизнью полны;
А если въ тайникъ тотъ спуститься поглубже,
Пожалуй, что хватитъ для цѣлой страны
Живой этой браги,—еще и сосѣдямъ.
Они шлютъ за брагой его самаго;
Когда же онъ выпилъ живой этой силы,
Еще убавляютъ часть силъ у него,
Чтобъ онъ у родимой страны не нарушилъ
Ея равновѣсья. Оставивъ потомъ
Ильѣ богатырскую только лишь силу,
Они объясняютъ ему,—гдѣ и въ чемъ
Его будетъ служба землѣ и народу:
«Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
«Силой своей,—
«Такъ и стой за вѣру христіянскую,
«И за домъ Пресвятыя Богородицы:
«На бою тебѣ смерть не писана.
«Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
«И со всею паленицею удалою;
«А только не выходи драться
«Со Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
«Онъ не силою возьметъ,

Digitized by Google

«Такъ хитростью, мудростью» [26]).
Нашелся Илейкѣ и конь богатырскій.
Конь первымъ былъ другомъ у богатырей;
У Дюка, Добрыни, Ильи, у Чурилы,
Ихъ вѣщіе кони, породой своей,
Равнялись чудесной кобылкѣ Микулы,
И были ей дѣти. Конь Дюка ему
Однажды промолвилъ: «хоть я не старѣйшій,
«Но мы не уступимъ въ бою никому;
«Мой большой братъ у Ильи Муромца,
«А середній братъ у Добрыни Никитича,
«А я, третій братъ, у Дюка Степановича,
«А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.»
Такой конь летѣлъ въ одинъ скокъ чрезъ рѣку,
А длиннымъ хвостомъ устилалъ круты горы;
Въ обычаѣ было тогда сѣдоку
Имѣть комъ земли при себѣ, чтобъ держаться.
Илья отъ заутрень заразъ поспѣвалъ
Изъ Мурома въ стольный градъ Кіевъ къ обѣднѣ;
Конь Дюка въ конюшнѣ безъ дѣла стоялъ,
И вросъ по колѣни отъ этого въ землю.
Узнать и подмѣтить по конскимъ слѣдамъ,
По ихъ *ископыти* слѣды вражьей силы,
Чтобъ какъ не попасть бы въ засаду врагамъ,
Считалось у витязей первымъ ихъ дѣломъ.
Конь чувствовалъ также сродство и вражду:
Съ своимъ онъ конемъ становился спокойно
И ѣлъ съ нимъ пшеницу; но чуть на бѣду
Встрѣчались враждебные кони, тотчасъ же
Дрались они, грызлись.
Илья по утрамъ
Коня обмываетъ медвяной росою,
Даетъ нагуляться ему по лугамъ,
Поитъ лишь росою, и кормитъ пшеницей.
Потомъ доставалъ Илья мечь боевой.
Мечу покланялися скифы, какъ богу;
У сына Гервары былъ мечь роковой, —
Мечь этотъ сковали подземные Карлы;

Digitized by Google

И онъ тогда только влагался въ ножны,
Когда обагренъ былъ онъ вражеской кровью:
Мечъ грозный Одина. рѣшитель войны,
Былъ скрытъ въ крѣпкомъ дубѣ. Старинный нашъ Муромъ
Имѣлъ мечь Агрики; мечемъ тѣмъ сраженъ
Змѣй-оборотень, прилетавшій къ супругѣ
Княжившаго князя. Съ древнѣйшихъ временъ
Тотъ мечь былъ заложенъ въ постройкѣ соборной;
Сперва его добылъ изъ богатырей —
Добрыня, подъ мертвой главой великана,
Какъ юный Сигурдъ у Фафнира; позднѣй
Явился онъ въ муромскомъ древнемъ соборѣ.
Не менѣе надобны были Ильѣ
Звѣнящій колчанъ и булатныя стрѣлы;
А стрѣлы иныя въ славянской землѣ
Цѣнились дороже всѣхъ въ мірѣ сокровищъ.
Такъ Дюкъ имѣлъ нѣсколько эдакихъ стрѣлъ;
Въ ушахъ каждой стрѣлки сіялъ дивный камень,
Тиронъ-самоцвѣтный; тотъ камень горѣлъ
Въ ночной тьмѣ, какъ свѣчка; а клеены были
Чудесныя стрѣлки орлинымъ перомъ:
Роняетъ эти перья орелъ въ сине-море;
Стрѣляетъ Дюкъ такими стрѣлами лишь днемъ,
А ночью сбираетъ ихъ по чистому полю;
«А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ,
«Свѣчи теплятся воску яраго».
Сковалъ себѣ стрѣлы и старый Илья;
Сковалъ три стрѣлы онъ изъ полосъ булатныхъ,
Потомъ закалилъ ихъ въ землѣ, чтобъ земля
Стрѣламъ придала свою мощную силу [27]).
Беретъ у отца и у матери онъ
Ихъ благословенье, во вѣкъ нерушимо;
Справляетъ имъ въ ноги сыновній поклонъ,
Кладетъ передъ ними онъ заповѣдь крѣпку, —
Защитникомъ быть сирыхъ вдовъ и сиротъ,
Меча не кровавить въ крови свѣтло-русской,
Стоять за родимый свой, кровный народъ.
Служить вѣрой правдой Владиміру князю.

Digitized by Google

Но прежде, въ долгу чтобъ не быть у отца,
Онъ правитъ крестьянскія въ полѣ работы, —
Онъ чиститъ чищобу, валитъ безъ конца
Столѣтніе дубы, сдвигаетъ внизъ гору
И ей запружаетъ теченье Оки.
Дивуются люди Илейкиной силѣ:
Покорны земля ей и воды рѣки;
Ничто стать не можетъ противъ его силы.
Затѣмъ, оставляетъ Илья отчій домъ.
Всѣ видѣли, какъ на коня онъ садился,
Никто не видалъ, какъ исчезъ онъ съ конемъ.
Взвился подъ Илейкою конь богатырскій, —
«Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ,
«Въ другой скочилъ, — колодезь сталъ».
«Громовникъ-Перунъ!..» міръ-народъ вслѣдъ кричитъ;
«Илья самъ пророкъ!..» вслѣдъ кричитъ міръ крещеный.
Еще міръ двоится, — однимъ ужь блеститъ
Свѣтъ новый; другіе живутъ въ мірѣ прежнемъ.
Ильинъ же родникъ и понынѣ стоитъ;
И слышно, къ нему и теперь медвѣдь ходитъ,
Испить въ немъ водицы, чтобъ силы набрать
Себѣ богатырской.
Но мощный Илейка
Путь держитъ не въ Кіевъ,—себя показать
Свѣтъ-Солнышку князю, богатырямъ старшимъ;
А ѣдетъ онъ прежде въ глубь темныхъ лѣсовъ,
Всего прежде ищетъ онъ подвиговъ славныхъ.
При всей своей силѣ, Илья не готовъ
Предстать еще къ князю, не въ правѣ явиться
Въ кругу богатырскомъ. Призванье его, —
Очистить край русскій, отъ древнихъ чудовищъ
И дивовъ стихійныхъ; онъ прежде всего
Желаетъ прославить себя этой службой.
Какъ прежній титанъ, онъ въѣзжаетъ въ глубь горъ,
Не въ древнее-ль царство роднаго Водана?
Еще тамъ живетъ древній дивъ Святогоръ,
Какъ видно, братъ кровный иль родственникъ близкій
Тому великану Полуночныхъ странъ,

Digitized by Google

Въ чьей варишкѣ, — въ пальцѣ, — провелъ ночь однажды
Богъ Торъ, — такъ великъ былъ сѣдой великанъ *)!
Заѣхалъ Илейка въ туманное царство
Водана, и слышитъ, —
«Великій шумъ съ подъ Сѣверныя сторонушки:
«Мать сыра-земля колыбается,
«Темны лѣсушки шатаются,
«Рѣки изъ крутыхъ береговъ раливаются.
«Влѣзалъ Илья на сырой дубъ,
«Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
«Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
«На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ».
«Пріѣхалъ богатырь къ сыру-дубу,
«Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
«Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ;
«Выходитъ оттоль жена богатырская;
«Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
«Не видано и не слыхано...»
Большой богатырь тотъ и былъ Святогоръ,
Холодный и бурный титанъ Полуночи;
Но онъ съ собой возитъ, дивъ сѣверныхъ горъ,
Онъ возитъ хрустальный ларецъ за плечами.
Когда отомкнетъ онъ ключемъ золотымъ
Ларецъ этотъ чудный, оттуда выходитъ,
Сіяя нарядомъ своимъ дорогимъ,
И всѣхъ поражая своей красотою,
Его молодая подруга-жена,
Красивѣй кого нѣтъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ, —
Красавица наша родная, Весна,
Кого нѣтъ прекраснѣй подъ сѣвернымъ небомъ.
Судя по былинамъ, могучій Илья
Здѣсь пробылъ не мало, и пробылъ непраздно.
Едва распалилася жаромъ земля,
Маня его въ полныя страстью объятья,
Морозный дивъ въ бѣломъ шатрѣ захрапѣлъ,
И въ сонъ погрузился на цѣлое лѣто.

*) Скритиръ—титанъ Зимы у скандинавовъ.

Digitized by Google

Илья насладиться любовью успѣлъ
Съ красавицей вдоволь... Но вотъ, дивъ проснулся;
Илья не успѣлъ и глазами моргнуть,
Какъ онъ собрался ужь, замкнулъ ларецъ свѣтлый,
Запрятавъ жену, и отправился въ путь.
Какъ Торъ ночевалъ разъ въ перчаткѣ Скритира,
Такъ точно Илья нашъ попался въ карманъ
Къ Полночному диву, и три дня съ нимъ ѣздилъ,
Пока не узналъ отъ коня великанъ,
Кого съ собой возитъ. Тогда Святогоръ-дивъ
Съ Ильей побратался, и назвалъ его
Своимъ младшимъ братомъ, себя назвалъ старшимъ,
Жену умертвилъ, — и сталъ послѣ того
Илью учить разнымъ похваткамъ, поѣздкамъ
Своимъ богатырскимъ; покуда Илья
Совсѣмъ богатырь сталъ, какъ есть, настоящій,
Какимъ и признала его вся земля,
Земля свѣтло-русская.

Но древній вѣкъ
И міръ Святогора-титана кончались;
Свѣталъ новый день, и живой человѣкъ
Смѣнялъ исполиновъ и дивовъ стихійныхъ.
Поѣхали разъ Святогоръ-дивъ съ Ильей,
И встрѣтили гробъ, а на гробѣ томъ надпись:
«Кому суждено въ гробу лежать,
«Тотъ въ немъ и ляжетъ».
Сперва легъ Илейка, — но гробъ былъ большой,
По немъ не пришелся; тогда растянулся
Титанъ Святогоръ, — гробъ пришелся по немъ.
Велѣлъ онъ Илейкѣ накрыть себя крышкой, —
Илья накрылъ крышкой; но сколько потомъ
Илейка ни бился, не могъ ее сдвинуть;
Такъ дивъ-Святогоръ въ домовищѣ съ тѣхъ поръ,
Такъ въ немъ и остался.
«Возьми, мой меньшой братъ,
Мой мечь-кладенецъ, закричалъ Святогоръ,
Ударь поперегъ имъ по крышкѣ». — Но старый

Digitized by Google

Илья былъ не въ силахъ его мечь поднять;
Тогда приказалъ онъ Ильѣ наклониться,
А самъ дохнулъ въ щолку, чтобы передать
Ему часть гигантской своей, страшной силы.
Почуялъ Илейка, что силушки въ немъ
Вдругъ прибыло втрое; тотчасъ поднялъ мечь онъ,
И съ маху ударилъ по крышкѣ, — кругомъ
Посыпались искры; но гдѣ онъ ударилъ,
То мѣсто желѣзной слилось полосой.
«Совсѣмъ задыхаюсь, изъ гроба воскликнулъ
Ильѣ Святогоръ-дивъ, спаси, братъ меньшой!»
Илейко въ другой разъ ударилъ по крышкѣ,
Посыпались искры, — но гробъ полосой
Еще разъ, крестъ на крестъ, покрылся желѣзной.
«Нагнись къ домовищу! изъ гроба сказалъ
Ильѣ Святогоръ. Всю отдамъ тебѣ силу».
— Съ меня будетъ силы! — Илья отвѣчалъ,
Не то и земля не снесетъ.» — Ну, и ладно,
Что ты не послушалъ меня, братъ меньшой;
Дохнулъ бы теперь я въ тебя мертвымъ духомъ,
Ты здѣсь же и легъ бы. Прощай, Богъ съ тобой! —
Илейкѣ изъ гроба титанъ отозвался.
Владѣй моимъ славнымъ мечемъ-кладенцомъ,
Коня-жъ привяжи здѣсь, ко гробу». Тутъ хлынулъ
Изъ гроба духъ мертвый. Простясь съ мертвецомъ,
Илейка коня привязалъ къ домовищу,
Взялъ мечь-кладенецъ, и поѣхалъ искать
Дѣлъ, подвиговъ ратныхъ, по бѣлому свѣту.
Такъ древній титанъ нашъ успѣлъ передать
Ильѣ часть немалую силы стихійной.
Но въ мнѣньи страны, съ этой силой одной
Илья и остался бы только титаномъ,
Когда бы,—какъ нравственный сидѣнь былой,
Онъ не былъ бы на ноги поднятъ, той высшей,
Чудесною силой.

Поѣхалъ Илья
Теперь, отсель прямо къ престольному граду.
Открыта Илейкѣ вся Божья земля,

Digitized by Google

Путь каждый Илейкѣ теперь прямоѣзжій.
Онъ ѣдетъ, Илья нашъ, —
«Старшіе богатыри дивуются;
«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца...
«У него поѣздка молодецкая,
«Вся поступочка богатырская».
Они съ облаковъ
Любуются старымъ Ильей, иль изъ бездны
Воздушнаго моря? Съ древнѣйшихъ вѣковъ,
Какъ видно, они про Илейку ужь знаютъ,
И онъ самъ, народный нашъ сидѣнь Илья,
Про нихъ также знаетъ? Но такъ и должно быть!
Вся кровная эта Микулы семья,
Вся вышла она изъ древнѣйшаго міра,
Изъ той отдаленной еще старины,
Когда и титаны, и боги, и люди,
Еще жили вмѣстѣ, средь вѣчной весны,
И въ вѣчной борьбѣ, за тотъ міръ первобытный.
Міръ этотъ, откуда старинный Илья
Вначалѣ явился, и князь самъ Владиміръ,
Живущій средь чудищъ, и эта семья
Его богатырская, только по виду
Еще молодая, и эта земля,
Гдѣ стражу содержатъ, на крѣпкихъ заставахъ,
Еще волки, змѣи, а дивы кишатъ
По всѣмъ закоулкамъ, вездѣ залегая
Пути и дороги, и самъ Кіевъ-градъ,
Куда невозможно пройти иль проѣхать
Путемъ прямоѣзжимъ, и этотъ Илья,
Чудовищный сидѣнь, что могъ своротить бы
Одинъ землю цѣлую, выпивъ питья,
Что дали ему вѣковѣчные боги, —
Все это не міръ ли, еще намъ чужой,
Не тотъ ли міръ древній, что даже остался
Далеко въ туманѣ за старымъ Ильей,
Съ тѣхъ поръ, какъ явился онъ въ міръ настоящій,
И сталъ человѣкомъ и богатыремъ,
Вступивши въ дружину великаго князя?..

Digitized by Google

Да онъ и самъ помнитъ о мірѣ иномъ,
О мірѣ древнѣйшемъ еще, исполинскомъ,
Гдѣ онъ живалъ прежде, чѣмъ это питье
Воздвигнуло къ жизни его настоящей.
Онъ помнитъ другое еще бытіе,
Когда обладалъ онъ и силой нездѣшней,—
Стихійною силой иль силой иной,
Но силой гигантскою, страшно-могучей.
Той силы не вынесъ бы міръ нашъ живой,
И онъ съ ней сталъ сиднемъ, подавленный страшной
Ея тяготою.
Онъ помнилъ тогда
Себя даже въ разныхъ мѣстахъ отдаленныхъ,
Гдѣ онъ не бывалъ ужь потомъ никогда,
О чемъ онъ оставилъ немало преданій
И сказокъ въ народѣ. Не той ли порой
Онъ прижилъ съ какой-то Горынинкой сына?
Не той ли порой онъ живалъ съ старшиной
Таинственныхъ дивовъ, на дивской планинѣ?
Не той ли порой онъ, еще молодой,
Учился на Сѣверѣ славнымъ похваткамъ
Своимъ богатырскимъ?..
Свершить это онъ
Лишь могъ развѣ только въ начальную пору,
Когда не сложился еще духъ племенъ
Въ общественный міръ и потомъ въ міръ гражданства;
Могло это быть лишь въ стихійный тотъ вѣкъ,
Когда міръ былъ полонъ еще силъ бродячихъ,
Когда горы, рѣки и самъ человѣкъ,
И боги, блуждали изъ мѣста на мѣсто...
Но духъ человѣка теперь начиналъ,
По опыту, видѣть свое превосходство
Надъ мертвой природой, что онъ оживлялъ
Своимъ дѣтскимъ страхомъ и благоговѣньемъ
Къ ея грознымъ силамъ. Онъ слышалъ въ себѣ
Хотя еще смутно, но силу разумнѣй
Ея слѣпыхъ силъ, и не разъ ужь въ борьбѣ
Одерживалъ лично надъ ними побѣду;

Digitized by Google

Онъ ихъ перенесъ ужь на богатырей,
Сихъ главныхъ преемниковъ силы стихійной,
Потомъ на славнѣйшихъ народныхъ вождей,
Кого онъ считалъ, по ихъ высшей породѣ.
Сынами, потомками высшихъ боговъ;
Міръ образовъ мертвыхъ вступилъ незамѣтно
Въ дѣйствительный міръ, и до новыхъ вѣковъ
Потомъ оставался его достояньемъ [28]).

Наѣхалъ сначала Илья на притонъ
Разбойниковъ. Съ крикомъ они окружили
Его, старика; но не двинулся онъ,
Пустилъ онъ стрѣлу только въ дубъ кряковястый, —
И дубъ разлетѣлся на мелки щепы;
Тогда въ мигъ смѣкнули, что къ нимъ за дѣтина,
Въ притонъ ихъ наѣхалъ; и тѣже толпы
Хлопъ въ ноги Ильѣ, и даютъ крѣпку запись
Ему на холопство; даютъ ему въ даръ
Коней, несутъ золото, платья цвѣтныя;
Но онъ охлаждаетъ въ разбойникахъ жаръ
Своимъ безкорыстньемъ, и лишь говоритъ имъ:
«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
«За мной бы рыли ямы глубокія;
«Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
«За мной бы были горы высокія;
«Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
«За мной бы гоняли табуны великіе».
Не хочетъ онъ ихъ и въ холопство принять,
Велитъ онъ лишь ѣхать имъ въ чистое поле,
Да только Чурилѣ о немъ разсказать, —
«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
«Про стараго казака Илью Муромца»...
А самъ отправляется тѣмъ же путемъ,
Подъ городъ Черниговъ иль городъ Смолягинъ.
Тамъ видитъ, что городъ обложенъ кругомъ
Несчетною ратью; а держатъ осаду
Три князя-царевича. Старый Илья
И колетъ, и топчетъ конемъ вражьи силы,

Digitized by Google

Беретъ въ плѣнъ князей. Но какъ это князья,
Отъ царскаго сѣмени, то отпускаетъ
Онъ ихъ во-свояси, лишь только велитъ
Вездѣ говорить имъ про Русскую землю, —
«Что святая Русь не пуста стоитъ,
«На святой Руси есть сильны, могучи богатыри»!
Спасенный Смолягинъ, что онъ защитилъ,—
Къ нему мужиковъ шлетъ своихъ съ приглашеньемъ
Къ себѣ въ воеводы; но онъ, старый, чтилъ
Свой санъ богатырскій, онъ чтилъ его выше
Другихъ всякихъ званій. Илья отказалъ,
И тутъ же, спросивши, про путь въ стольный Кіевъ,
Поѣхалъ туда; а Смольянамъ сказалъ,
На ихъ предложеніе быть воеводой:
«Не дай Господи-дѣлать съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
«А также изъ богатыря воеводу».
Но путь прямоѣзжій въ градъ Кіевъ въ тѣ дни
Еще былъ заложенъ какою-то страшной,
Чудовищной силой, какъ видно, сродни
Еще первобытному, древнему міру.
Съ древнѣйшихъ временъ этотъ путь заложилъ
Злой дивъ-Соловей. По народнымъ преданьямъ,
То онъ исполинъ сверхъестественныхъ силъ,
Еще силъ стихійныхъ, — шипитъ онъ змѣею
И рявкаетъ звѣремъ, сидитъ на дубахъ,
Сражаетъ проѣзжихъ людей громкимъ свистомъ;
То просто разбойникъ, — живетъ онъ въ лѣсахъ,
Въ лѣсахъ темныхъ Брынскихъ, сидитъ на деревьяхъ;
Его дѣти сходны другъ съ другомъ лицемъ,
Живутъ на широкомъ дворѣ богатырскомъ,
Въ огромныхъ палатахъ, но порознь съ отцомъ;
Ихъ родъ составляетъ отдѣльное племя:
«Онъ сынка-то выроститъ, за него дочь отдаетъ,
«Дочь-то выроститъ, отдаетъ за сына,
«Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился».
Дочь старшую наши сказанья зовутъ

Digitized by Google

Невеей, — одной изъ сестеръ-Лихорадокъ;
Другія преданья ей мѣсто даютъ
Въ числѣ перевощицъ, и образъ стихійный
Смородины бурной; а сестры ея
Извѣстны въ народѣ, какъ вѣщія дѣвы.
Ихъ милые братцы и вмѣстѣ мужья,
Летаютъ понынѣ еще воронъями
Съ желѣзными клювами.
То Соловей —
Змѣй лютый; то—грозный Старѣйшина дивовъ;
Такъ онъ и весь родъ его,—искони дней,
Сливаются часто въ одинъ смутный образъ.
Въ томъ видѣ, слюбился дивъ этотъ лѣсной
Съ какой-то царицей, бѣжавшей отъ мужа;
Узналъ про связь эту ея сынъ родной,
Младой Іованъ... Послѣ разныхъ предательствъ,
Они изрубили на части его;
Но онъ воскрешенъ былъ волшебницей-вилой,
Убилъ сперва дива,— а послѣ того,
И матерь-злодѣйку суду предалъ Божью [29]).
Наѣхалъ Илья, по дорогѣ прямой,—
Наѣхалъ Илья на гнѣздо Соловейки,
Вступилъ казакъ старый въ смертельный съ нимъ бой,
Заразъ побѣдилъ,—и поѣхалъ съ нимъ въ Кіевъ,
Сперва завернувъ къ Соловьевой семьѣ,
Съ своею добычей.

Теперь ему время
Явиться въ свой кругъ богатырскій Ильѣ:
Тотъ путь прямоѣзжій Илейкой очищенъ,
Злой дивъ-Соловей у Ильи въ полону,
Его главный подвигъ предъ княземъ исполненъ,
Его имя быстро обходитъ страну...
И ѣдетъ Илья богатырь,—ѣдетъ прямо
Онъ въ стольный градъ Кіевъ [30]).

Digitized by Google

Пѣснь 6-я.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

„Всѣхъ я знаю русскихъ мо-
„гучихъ богатырей,
«Одного не знаю, — стараго ка-
зака Илью Муромца.
„Я слышалъ наслышкой человѣ-
ческой,
„Что у него на бою смерть не
писана".

(Русск.: былины).

Настaлъ на Руси благодатный вѣкъ, славный, — Владиміра-Солнца...

«Какъ Солнце красное по небу числуется,
«Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
«Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
«Такъ онъ среди нихъ красуется».

Съ какихъ же временъ
Онъ, красное Солнце, красуется? Много
При немъ поколѣній исчезло, — племенъ
И царствъ народилось. Его окружаютъ
Титаны и дивы, но вѣкъ ихъ прошелъ;
Его окружаютъ и витязи-люди
Дней новыхъ. Подъ Кіевъ, гдѣ княжій престолъ,
Нерѣдко приходятъ враждебныя силы,
То чудищъ старинныхъ, то Польша съ Литвой,
То темныя орды силъ новыхъ, татарскихъ.
Замѣтно, что здѣсь нашъ Микула родной

Digitized by Google

Весь кругъ собралъ древнихъ и новыхъ преданій.
Владиміръ князь-Солнце глядитъ божествомъ,
Блестящимъ свѣтиломъ, почти что безличнымъ;
Какъ на небѣ солнце, такъ въ краѣ своемъ
И онъ, князь, числуется, — только и надо!
Онъ древній Сварогъ, онъ благой Святовитъ...
Какъ богъ Святовитъ, онъ имѣетъ дружину;
На этихъ дружинникахъ также блеститъ
Печать дней минувшихъ; они — полубоги;
У краснаго Солнца всегда для нихъ пиръ.
Князья и бояре являются позже;
Подобно жрецамъ, и они держатъ міръ
Подальше отъ князя. Они ниже князя,
Но выше народа; они ведутъ родъ
Отъ древняго Неба, боговъ вѣковѣчныхъ.
Такъ даже въ позднѣйшее время народъ
Не хочетъ разстаться съ древнѣйшимъ правленьемъ
Глубоко духовной своей старины, —
И всякую власть и законъ облекаетъ
Въ божественный образъ. Нашъ царь — богъ страны;
А князи, бояре, — его только слуги.
Божественность эта правленья вполнѣ
За нимъ утвердила могучую прочность;
Она придала и властямъ, и странѣ,
Семейный характеръ и патріархальность.
Ошибка Микулы была лишь въ одномъ:
Вручивши Владиміру, красному Солнцу,
Верьховную власть во всемъ краѣ родномъ,
Онъ самъ не упрочилъ при немъ себѣ мѣста, —
И этимъ впослѣдствьи себя отдѣлилъ
Отъ высшихъ властей и отъ стольнаго князя.
Какъ двигатель вѣщій зиждительныхъ силъ
Земли и народа, Микула селился
Всегда не вблизи, а вдали городовъ,
Служившихъ лишь противъ враждебныхъ нашествій;
Родной міръ Микулы сначала вѣковъ
Былъ міръ полей злачныхъ; здѣсь былъ онъ хозяинъ.
Князь стольный — Владиміръ, изъ свѣтлыхъ палатъ

Digitized by Google

Престольнаго града, не могъ уже видѣть
Его, Селянинычa, — хоть бы и радъ
Князь былъ его видѣть; не могъ издали онъ,
И знать обыденныя нужды его,
Хотя и желалъ бы помочь его нуждамъ.
Такъ жилъ Селянинычъ и прежде того;
Но прежде онъ въ краѣ своемъ былъ старѣйшимъ,
Главою народнымъ. Хотя Святовитъ
И принялъ впослѣдствьи главенство надъ краемъ,
А каста жрецовъ получила ужь видъ
Правителей главныхъ въ совѣтѣ народномъ;
Но онъ оставался все тѣмъ же главой
Въ своемъ древнемъ родѣ, и тѣмъ же старѣйшимъ
Вождемъ міръ-народа. Жрецы той порой
Всѣ были сынами его же, Микулы,
А духъ прорицаній и голосъ святой
Его вѣщей Ваны,—былъ гласомъ народнымъ.
Князь красное Солнце, богъ позднихъ людей,
Себя окружаетъ ужь новою силой,—
Блестящею силой бояръ и князей.
Они ведутъ родъ свой отъ древняго Неба;
Микула, Земли сынъ,—для нихъ сталъ чужой.
Они не служили, подобно дружинѣ
Иль міръ-народу, странѣ ихъ родной,—
Они лишь служили Владиміру-князю;
Имъ былъ бы князь стольный, вокругъ бы него
Имъ сытыми быть, предъ страной величаться,
Жить въ холѣ, а больше и знать ничего
Они не хотѣли. Кто кормитъ, поитъ ихъ,
Что нужно народу, чѣмъ край ихъ живетъ,
Объ этомъ у нихъ свои были понятья;
Есть нѣкій Микула, есть русскій народъ, —
Онъ всѣхъ и довольствуй! Какъ въ древнее время
Микула кормильцемъ былъ свѣтлыхъ боговъ,
Чей родъ благородный они представляли;
Такъ точно онъ долженъ кормить и сыновъ,
Потомковъ божественныхъ этого рода.
Ихъ родъ шелъ отъ асовъ, для края чужихъ,

Digitized by Google

Но втершихся въ родъ земледѣльческій, древній
Микулы; князь Солнышко жаловалъ ихъ,
Какъ древній Одинъ,—ихъ отцовъ свѣтозарныхъ,
И край, при высокомъ равенствѣ своемъ,
Былъ долженъ служить имъ, нахлѣбникамъ князя.
Микула и самъ былъ сперва божествомъ,
А послѣ правителемъ міра-народа;
Онъ связанъ былъ самымъ ближайшимъ родствомъ
Съ бояриномъ Ставромъ и съ княземъ Добрыней,
Отдавъ за нихъ старшихъ своихъ дочерей;
Но младшая дочь его, вѣщая Вана,
Теперь исчезаетъ. Дворъ княжескій ей —
Совсѣмъ ужь чужой; ей нѣтъ мѣста близь князя.
Князь этотъ, — Сварожичь иль свѣтлый Даждьбогъ,
Теперь заручился иной обстановкой;
Теперь не хотѣлъ онъ иль больше не могъ,
Подобно Ивану Царевичу, вспомнить
Про эту подругу своихъ прежнихъ дней,
Онъ даже забылъ ужь ея свѣтлый образъ.
Какъ онъ сталъ чужимъ ей, такъ точно и въ ней
Ему все чужое... Чтобъ вновь съ нимъ сойтиться,
Ей надобно въ образъ облечься иной...
Въ какой же бы образъ она облеклася?
Вкругъ стольнаго князя ей міръ не родной;
Она дочь Микулы, а близь того князя
Нѣтъ больше Микулы; родной ея міръ —
Подъ кровомъ отца, ея мѣсто—въ народѣ.
Сперва привлекаетъ ее княжій пиръ,
Гдѣ видитъ она кругъ родной богатырскій;
Но кругъ богатырскій рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ,
Значенье его ослабѣло близь князя;
А Ванѣ лишь мѣсто въ кругу ихъ родномъ,
Какое-жь при князѣ займетъ она мѣсто?...
Духъ розни стоялъ ужь межь княжимъ дворомъ
И сельскимъ Микулой; какой богъ сведетъ ихъ?
Какимъ теперь чудомъ въ народѣ родномъ
Микула получитъ былое значенье?

Digitized by Google

Въ то время, какъ ѣхаль въ градъ Кіевъ Илья,
Божественность князя Владиміра гасла;
Его окружили бояре, князья;
Сіялъ еще ярко кружокъ богатырскій,
Какъ отблескъ послѣдній минувшихъ вѣковъ,
Но меркнулъ и онъ; сквозь него протѣснялись
Къ свѣтъ-Солнышку князю толпы ужь льстецовъ,
И всякихъ угодниковъ слабостей князя;
Тотъ вѣкъ баснословный, божественный вѣкъ
Чудовищной силы и подвиговъ чудныхъ
Кончался; самъ князь ужь не богъ,— человѣкъ,
И явно чуждается богатырей старшихъ.
Его дворъ наполнился темныхъ интригъ,
Угодничествъ рабскихъ, сословныхъ раздоровъ,
И князь самъ, какъ стало замѣтно, постигъ
Величье и сладость придворнаго блеска;
Явился рядъ новыхъ при немъ должностей, —
Постельниковъ, кравчихъ, привратниковъ, ловчихъ,
Позывщиковъ, разныхъ бояръ и князей,
Невѣдомыхъ прежде; дружина молчала,
Сословная рознь стала даже видна
Въ кругу богатырскомъ; ихъ служба при князѣ
Теряла ту важность, которой она
Дотоль отличалась; они горделиво,
Толпой покидаютъ его княжій дворъ,
Гдѣ ихъ заслонили князья и бояре.
Владиміръ, считавшій себя до сихъ поръ
Въ присутствіи ихъ, какъ за крѣпкой стѣною,
Нуждается очень нерѣдко теперь
Въ ихъ помощи противъ враговъ иноземныхъ.
Ихъ нѣтъ, когда нужно; онъ самъ заперъ дверь,
Своимъ обхожденьемъ, богатырямъ главнымъ;
Чертогъ его свѣтлый и блескъ неземной
Смѣнилися блескомъ придворнаго штата
Земныхъ властелиновъ, привыкшихъ собой
Страшить и счастливить людей, имъ подвластныхъ;
Явились опалы, котлы со смолой,
Явились глухіе подвалы съ замками,

Digitized by Google

Сажанье въ нихъ на смерть.
Успѣлъ посидѣть въ нихъ и бояринъ Ставръ,
За свою похвальбу богатырскую,—
Обновить подвалы эти темные,
За дверями желѣзными. *)
Ни слова притомъ
Близь князя, о вѣщемъ Микулѣ, о сильномъ
Его родѣ земскомъ, народѣ родномъ;
Ни слова нигдѣ, о его вѣщей Ванѣ.
Дружина Чурилы, въ глазахъ князя, бьетъ
Людъ кіевскій, близкихъ слугъ краснаго Солнца;
Самъ князь въ даръ боярамъ-князьямъ роздаетъ
Микулины земли; его сироты
Народные ищутъ отъ сильныхъ защиты;
Край полонъ разбоевъ, а дворъ—пустоты,
Безсмысленныхъ споровъ Чурилы и Дюка,
О томъ, кто богаче изъ нихъ щегольствомъ;
Враги обложили градъ древній Черниговъ,
А въ Кіевѣ даже не знаютъ о томъ;
Повсюду разбой,—а дворъ занятъ Чурилой,
Его похожденьемъ съ женой молодой
Сѣдаго Бурмяты; въ глазахъ даже князя,
Илья богатырь,—лишь крестьянинъ простой,
Илейкина сила,—ему неизвѣстна.
Въ средѣ этой, дѣтски еще мелочной,
При князѣ отжившемъ, Илья нашъ могучій
Является личностью передовой.
И точно, Илья,—богатырь совсѣмъ новый;
Онъ чувствуетъ, мыслитъ; онъ прямо живетъ
Широкой, свободною жизнью народной;
Въ Ильѣ воплотился нашъ русскій народъ,
Со всей стариной и святымъ православьемъ.
Ильѣ теперь нуженъ совсѣмъ міръ иной;
Тотъ міръ отживавшій ему не годился;
Ильѣ боги чужды, а вѣчный ихъ пиръ
Ему не по нраву: тутъ нѣтъ ему мѣста;

*) Смотри прим. 5. къ VI пѣсн.

Digitized by Google

Ему нужно дѣло, его манитъ свѣтъ,
Онъ врагъ всякихъ чудищъ стариннаго мрака,
Илья истребляетъ и самый ихъ слѣдъ,
Чтобъ было привольно жить всѣмъ въ землѣ Русской.
Илейка нашелъ переходный здѣсь міръ,—
Не тотъ міръ, отколь онъ явился. Міръ древній
Теперь ужь далеко; то павшій кумиръ;
Но также и новый Богъ признанъ не всѣми.

Подъѣхалъ къ Днѣпру казакъ старый, Илья,
Играетъ подъ нимъ его конь богатырскій,
Везетъ онъ, Илья, въ торокахъ Соловья.
Градъ Кіевъ сіяетъ въ златомъ отдаленьи;
Блестятъ кресты, главы соборныхъ церквей,
Златыя палаты свѣтъ-краснаго Солнца;
Сіютъ хоромы бояръ и князей, —
Нѣтъ только хоромъ у богатырей славныхъ;
Въ горахъ зеленѣютъ, горъ этихъ краса,
Сады Апраксѣвны, красуется теремъ
Прекрасной Купавы, блестятъ небеса;
Плывутъ по Днѣпру внизъ суда росписныя, —
Какъ чайки, бѣлѣютъ вдали паруса;
По берегу ступней идетъ богатырской
Каликъ перехожихъ толпа; издали
Виднѣются шляпы на нихъ пудовыя,
Тѣ шляпы изъ греческой славной земли.
Идутъ, опираясь калики клюками
Желѣзными; строги ихъ лица; а вотъ,
Плетется имъ встрѣчу толпа скомороховъ,
Играетъ въ волынку и чудно поетъ,
А вѣщія гусли гудятъ за плечами.
Чѣмъ къ городу ближе, тѣмъ краше, люднѣй;
Побрежья пестрѣютъ веселымъ народомъ,
А волны ладьями. Еще веселѣй
За быстрой рѣкой, на широкомъ Подолѣ;
Кипитъ тамъ торговля, снастятъ корабли,
Мелькаютъ попы, въ черныхъ рясахъ монахи,
Торговые гости изъ дальней земли;

Digitized by Google

Кругомъ шумъ и говоръ, и звонъ колокольный [1]).
Надъ Кіевомъ мерknулъ ужь блескъ золотой
Горы свѣтозарной, жилища безсмертныхъ;
Онъ стольный лишь городъ, хотя и святой
Народному чувству, какъ мать земли Русской.
Какъ съ Солнышка-князя сходилъ блескъ былой
И образъ блестящій златаго Даждь-бога;
Такъ весь и міръ древній остался вдали.
Владиміра звали еще краснымъ Солнцемъ;
Но онъ собирателемъ сталъ лишь земли,
А градъ вѣщій Кіевъ—его градомъ стольнымъ.
Илью озадачилъ, конечно, собой
Міръ этотъ дѣйствительный, міръ не стихійный;
Онъ, вѣрно, не думалъ, что міръ тотъ былой
Давно имъ покинутъ въ лѣсахъ первобытныхъ,
Въ горахъ тѣхъ Полночныхъ, гдѣ онъ схоронилъ
Собрата еще своего, Святогора;
Широкій избытокъ ему данныхъ силъ
Мѣшалъ ему видѣть, что также и онъ самъ
Не прежній Перунъ и не божичъ Илья;
Что онъ представитель земли и Микулы,
Простой человѣкъ,—за что міръ и земля
И чествуютъ въ немъ его духъ богатырскій;
Поэтому онъ и вступилъ, какъ чужой,
Въ кругъ новыхъ товарищей—витязей княжихъ;
Самъ Солнышко-князь не знакомъ ужь съ Ильей,
И все не по немъ при дворѣ этомъ новомъ.
Одинъ лишь Илья могъ теперь пріютить
Старинную Вану. Преданье какъ будто
За эту еще и хватается нить;
Оно Илью женитъ,—на комъ?... Но и это
Осталось загадкой. Изъ трехъ дочерей
Микулы, одна ужь была за Добрыней,
Другая за Ставромъ; но искони дней
И старый Громовникъ, по нашимъ сказаньямъ,
Женатъ на Громовницѣ,—кто же она?
Ея первобытное имя исчезло,
Остались намеки; но послѣ, страна

Digitized by Google

Обоимъ дала христіянское имя—
Ивана да Марьи. Кто-жь были они?
Кто-жь,—если не древній Иванъ же царевичъ
А позже Илья нашъ и Вана,—одни
Всегда неразлучные съ міромъ-народомъ [8]).
Въѣзжаетъ Илейка, Громовникъ Илья,
Въѣзжаетъ въ градъ Кіевъ, на дворъ княженецкій;
Пріѣхалъ на дворъ,—привязалъ онъ коня
Къ кольцу золотому, и входитъ въ палаты...
«Онъ крестъ кладетъ по писанному,
«Поклонъ-то ведетъ по ученому,
«На всѣ на три, четыре стороны поклоняется.
«Самому-то князю Владиміру въ особину
«И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ,»
«Сталъ Владиміръ-князь выспрашивать;
«—Ты откулешный, дородный добрый молодецъ,
«—Тебя какъ, молодца, именемъ назвать,
«—Звеличать удалаго по отечеству?»..,
«Говоритъ ему Илья таковы слова:
«—Есть я изъ города, изъ Муромля,
«—Со славнаго съ села Карачарова;
«—Именемъ меня Ильей зовутъ,
«—Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
«—Ужь-ты батюшка, Владиміръ князь!
«—Тебѣ надоль насъ, принимаешь-ли
«Сильныхъ, могучихъ богатырей,—
«—Тебѣ, батюшка, на почесть-хвалу,
«—Твоему граду стольному на изберечь,
«—А татаровьямъ на посѣченье?»
«Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
«—Да какъ мнѣ васъ не надо-то?
«—Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю;
«—На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,
«—По добру коню, по латынскому, богатырскому.»
Говоритъ Илья, добрый молодецъ:
«—Дай доброму молодцу мѣстечка немножечька!»
«Князь Красное Солнышко отвѣствуетъ:
«Кто до молодцовъ дорось, тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ».

Digitized by Google

Князь-Солнышко, значитъ, его не узналъ.
Узнать Илью могъ лишь Добрыня Никитичъ,
Хоть онъ въ этомъ видѣ Илью не встрѣчалъ;
Да сверстникъ обоихъ,—Чурила Пленковичъ;
Но оба смолчали; лишь первый сказалъ:
«Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
«Одного не знаю—стараго казака ИльюМуромца;
«Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
«Что у него въ бою смерть не писана [3])».
По княжему слову, Илья сѣлъ за столъ;
Да какъ понажметъ онъ гостей именитыхъ,—
Изъ нихъ—инда сокъ даже красный пошелъ:
И вотъ, очутился Илья противъ князя.
Глядитъ богатырскій кружокъ на него,
Промежь себя шепчетъ: кто-бъ это такой былъ?
Никто здѣсь о немъ не слыхалъ ничего,
Не съ неба-жь такой богатырь къ намъ свалился?
Лишь юный Добрыня съ Чурилой молчатъ,
Но очи ихъ сами собою смѣются:
Нешто, узнаемъ-де тебя, старшій братъ!
Откуда ты только явился?... Но это —
«За досаду Алешѣ Поповичу показалося;
«Взялъ Алеша булатный ножъ,
«Онъ кинулъ его въ Илью Муромца;»
Но старый Илейка сидитъ, знай, себѣ,—
Да пьетъ себѣ, ѣстъ; не моргнетъ онъ и глазомъ,
Какъ будто въ родимой крестьянской избѣ.
Поймалъ только онъ,—
«Поймалъ на полету Илья булатный ножъ,
«Воткнулъ его въ дубовый столъ;»
А самъ продолжаетъ себѣ подносить
Стопу за стопою, да сладкія яства—
Подкладывать,—будто должно такъ и быть,
Что кинулъ Алеша въ него ножъ булатный.
«Изъ за того стола тогда изъ за дубова
«Не золота звонка труба вострубила,
«Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«—А давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля,

Digitized by Google

«Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольный Кіевъ-градъ?
«Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею,—мимо славенъ Черниговъ-градъ,
«Мимо славную рѣченьку Смородинку.»
«Говорилъ Владиміръ таковы слова:
«Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешся,
«Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешся:
«Подъ городомъ Черниговымъ стоитъ силушка невѣрная,
«У рѣчки у Смородинки Соловей разбойникъ, Олихмантьевъ сынъ,—
«Свищетъ-то Соловей по соловьему,
«Кричитъ злодѣй-разбойникъ по звѣриному...
Лишь вымолвилъ это свѣтъ Солнышко князь,
Кругомъ поднялся шумный смѣхъ, по палатамъ:
«Такого вранья не слыхали, родясь!
Кричатъ гости пьяные. Чудное дѣло!
«Въ очахъ дѣтина у насъ завирается.»
Говоритъ Ильѣ Володиміръ князь:
«—Не пустымъ-ли, добрый молодецъ, хвастаешь?
«—Не напился-ли зелена вина?»
«Говорилъ Илья таковы слова:
«—Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
«—Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ,
«— И прикованъ онъ ко правому ко стремечку къ булатному»
«Тутъ Владиміръ князь стольный Кіевскій,
«Скорешенько вставалъ онъ на рѣзвы ноги,
«Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ.»
Выходятъ за княземъ и всѣ, въ томъ числѣ
И славный Добрыня съ красавцемъ Чурилой.
Давно міръ ихъ прежній сокрылся во мглѣ;
Но міръ тотъ имъ близокъ. Они оба знаютъ
Кто этотъ Илейка и кто Соловей,—
Старинный духъ этотъ крушительной бури.
Выходитъ на дворъ князь съ княгиней своей—
Воскресъ міръ былой, засвисталъ Соловейка,—
«Темные лѣса къ землѣ наклонилися,
«На теремахъ маковки покривились,
«Окошечки хрустальныя поразсыпались,

Digitized by Google

«Что есть людишекъ всѣ мертвы лежатъ;
«А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
«Стоитъ, куньей шубонькой укрывается...
«Онъ, Владиміръ-князь, едва живъ стоитъ
«Со душой княгиней Опраксою».
— Уйми, говоритъ онъ Ильѣ, Соловья!
Такія-то шутки не надобны нынѣ. —
Велѣлъ замолчать диву старый Илья;
А тотъ говоритъ Володиміру князю:
«—Ай же Солнышко, Владиміръ князь,
«—И старый казакъ, да Илья Муромецъ!
«—Спустите меня да на свою волю:
«—Я повыстрою вкругъ города Кіева
«—Села съ приселочками,
«—Улки съ переулками,
«—Города съ пригородками,
«—Монастыри все богомольные».
Тутъ говорилъ Илья Муромецъ:
«—Ты, Солнышко, Владиміръ-князь!
«—Не строитель онъ вѣковой, а раззоритель:
«—Раззоришь ты остальніи села съ приселами,
«—Города съ пригородками».
Но тутъ дочка князя, Купава княжна,
Наслѣдовавъ жадность боговъ, своихъ предковъ,
Чьей высшей породы была и она,
Увидѣла перстень, кольцо-ль золотое,
Знакъ вѣщій тогда,—на рукѣ Соловья,
И хвать его прямо за правую руку;
Мигнуть не успѣлъ казакъ старый Илья,
Какъ дивъ Соловей отхватилъ у ней палецъ.
«Когда бы и руку успѣлъ захватить,
И руку тебѣ оторвалъ-бы!» промолвилъ
Илейка.
И началъ онъ съ княземъ судить
Что имъ съ Соловейкой, разбойникомъ, дѣлать.
«Бросали Соловья въ погребъ глубокій,
«Рѣшетками желѣзными задернули,
«Песками засыпали,

Digitized by Google

«Травкой-муравкой замуравили»
«Черезъ трои суточки
«Накатили малы вьюноши Соловьины,
«Накатили многи телѣги ордынскія;
«Обзарился на имѣнье, на богачество
«Солнышко Владиміръ-князь;
«Но взговорилъ старый казакъ Илья-Муромецъ:
«—Ай же Солнышко, Владиміръ князь!
«—Не тобой они приказаны,
«—И не тобой назадъ отпустятся.
«—Ай же, малы вьюноши Соловьиныи!
«—Катите все имѣнье, богачество,
«—Всю несчетну золоту-казну.
«—Оставлена вамъ отъ батюшки,
«—Будетъ пропитатися до смерти,
«—Не надо вамъ по міру ходить да скитатися.
«Они покатили имѣнье, заплакали:
«Теперя-то Соловью славы поютъ».
«Ѣхалъ тогда Илья въ раздольице чисто поле,
«Срубилъ Соловью буйну голову.
«Рубилъ буйну голову, выговаривалъ:
«—Полно-тка тебѣ слезить отцовъ, матерей,
«—Полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
«—Полно смущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ.
«Тутъ Соловью и конецъ пришелъ.
«Увидали тутъ всѣ русскіе могучіе богатыри
«Стара казака Илью-Муромца:
«—Будь же ты намъ, старый казакъ, Илья-Муромецъ,
«—Будь же ты намъ да вѣдь большой братъ;
«—Держимъ мы на тебѣ надежду великую,
«—Будь-ка ты граду Кіеву у насъ защитникомъ» [4]).

И сталъ Илья съ этихъ поръ старшимъ у нихъ.
Онъ назвалъ Добрыню своимъ младшимъ братомъ;
Но мало кто сблизился съ нимъ изъ другихъ;
А больше любилъ онъ богатырей старшихъ.
Они всѣ тутъ были,—какъ въ древніе дни
Всѣ младшіе боги, вкругъ краснаго Солнца;

Digitized by Google

Хоть съ той поры древней и князь, и они,
Совсѣмъ измѣнили старинный ихъ образъ.
Тутъ былъ и Сухманъ, и титанъ Святогоръ, —
Послѣдній ужь въ образѣ новомъ, Самсона;
Тутъ былъ и Добрыня, въ комъ жилъ до сихъ поръ
Еще образъ Кришну и образъ позднѣйшій,
Младаго Сигурда; но въ эти ужь дни
Въ народѣ считался онъ княземъ,
Племянникомъ Солнышка. Такъ всѣ они
Вполнѣ человѣческій приняли образъ.

За Ивана Гостинаго,
Держитъ великъ закладъ
Владыка Черниговскій...

Съ Хотиномъ тутъ былъ и Потокъ удалой;
Иванъ свѣтъ Годинычъ, — тотъ сдѣлался также
Племянникомъ князя; Чурила младой,
Служилъ ужь позовщикомъ красному Солнцу.
Былъ тутъ Соловей Будимирычъ былой,
Пришедшій изъ Индіи къ намъ на Поморье;
Но міръ этотъ новый затмилъ наконецъ
Его первообразъ. Тамъ, въ Индіи, — царь онъ,
Любитель искуствъ; а у насъ, онъ купецъ,
Торговый гость, хитрый художникъ по части
Камчатныхъ узоровъ. Пришелъ молодецъ
Изъ-за моря онъ, но съ торговой дружиной.
Тутъ былъ и Михайликъ, нашъ *лыцарь* родной,
Но только подъ именемъ Васьки Пьянчуги.
Однажды, — должно быть, позднѣйшей порой,
Куда-то разъѣхалось все богатырство,
А грозный Батыга съ безсчетной ордой
Облегъ стольный Кіевъ, —

«Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватыя,
«Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
«Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
«И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
«И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
«И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно;
«И по той стѣнѣ городовыя

Digitized by Google

«И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
«Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
«Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
. . . . . ,
«Не душа то красна дѣвица гуляла по стѣны,
. . . . . .
«А плакала стѣна мать городовая
«По той ли по вѣрѣ христіянскія, —
«Будетъ надъ Кіевъ—градъ погибелье...
«Закручинился князь, запечалился,
. . . . . .
«Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
. . . . . .
«И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печи».

Прикинулся Васька
Въ ордѣ переметчикомъ; глупый каганъ
Повѣрилъ,—и далъ ему лучшую силу.
Побивъ ее, Васька вернулъ свявъ ихъ станъ,—
«И прибилъ — пригубилъ до единаго,
«Не оставивъ Батыгѣ на сѣмена».
Бѣжитъ каганъ въ степи, а самъ восклицаетъ
«Не дай-то Богъ бывать на святой Руси,
«Ни мнѣ-ка-ва, ни дѣтямъ, ни внучатамъ».
Тутъ былъ и Поморскій гость, Дюкъ молодой,
И бабій любимецъ, Алеша Поповичъ;
И древній Сухманъ, но ужь этой порой
Свое доживавшій послѣднее время.
Какъ прежде, проказилъ Хотинъ-молодецъ.
Слюбился Хотинка съ купеческой дочкой;
Задумалъ принять онъ законный вѣнецъ, —
Но знать, въ часъ недобрый, на пирѣ веселомъ,
У Солнышка князя, честная вдова,
Его мать, посватала сыну невѣсту;
Пришлось ей неласковы слышать слова
Отъ будущей сватьюшки; больно и больно
Онѣ разбранились. Купечья жена
Отдать не хотѣла за нищаго дочку;
«Отдамъ-ли я дочку, сказала она,

Digitized by Google

«За голую голь, что живетъ лишь чужбинкой!..
«Ѣздитъ Хотинка по городу,
«Ищетъ бобоваго зерненка,—
«А гдѣ бы то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить?»
И прямо сплеснула всю чару вина,
Что матерь Хотинушки ей подносила,
На лисью ей шубку...
«Честная вдова, честно-Блудова жена,
«Со честна пира пошла она невесела,
«Прикручинивши пошла, припечаливши,
«Приклонила буйну голову къ сырой землѣ,
«Очи ясныя втопила во сыру землю».
Однако Хотинка свое таки взялъ;
Онъ выхватилъ двери въ дому у невѣсты,
Увезъ съ собой дѣвку, и сватьбу сыгралъ;
И жили потомъ они оба въ согласьи.
Засталъ у Владиміра-князя Илья,
Засталъ и такихъ еще витязей новыхъ,
О комъ едва знала родная земля,
Да знаетъ едва ли порядкомъ и нынѣ:
Былъ тутъ богатырь,—темный Илья;
Были мужики Залѣшане,
Были еще два брата Хапиловы,
Да семь братьевъ Збродовичей.
«Шубы на нихъ струйчатой камки,
«Ожерелья на шубахъ черна соболя,
«Пуговки фальяшныя,
«Сапожки-зеленъ-сафьянъ,
«Шиты пяты, носки востры,
«Подъ пятами подбиты люты змѣи;
«Подъ пяту-пяту воробей пролетѣлъ».
«Они серебряны чары въ карманъ кладутъ,
«Дверями хлопъ — обдверины вонъ,
«Воротами хлопъ — вереи вонъ,
«Воротный столпъ шатается,
«Точеныя перила пріосыпались...» [5]).
Межь тѣмъ, каждый день—за пирами пиры.....
Пируютъ у краснаго-Солнца бояре,

Digitized by Google

Пируетъ дружина и богатыри;
Но это не то ужь что было вначалѣ.
Міръ вѣщій старинный замолкъ, измельчалъ;
Послышались бабьи межь нихъ пересуды,
Самъ князь Володиміръ не такъ ласковъ сталъ, —
А милостивъ больше къ князьямъ и боярамъ.
Недаромъ Добрынюшка этой порой,
Недаромъ онъ въ смутномъ какомъ-то предчувствьи,
Скорбитъ своей чистой, прекрасной душой,
И къ матери держитъ такія онъ рѣчи:
«Свѣтъ ты, государыня, родна моя матушка!
«Лучше-бъ ты спородила Добрынюшку
«Бѣлымъ камешкомъ горючіимъ,
«Ты выстала на Скатъ-гору высокую,
«Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое;
«Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
«Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку
«На гору Сарачинскую деревинкою,
«Не для врасы, не для угожества,
«А для ради пріѣзда богатырскаго.
«Ко этому бы ко деревцу
«Съѣзжалися русскіе богатыри могучіе,
«И стояла бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,
«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
«Още-нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила
«Во славную во матушку Нѣпру-рѣку,
«Во Нѣпру-рѣку да гоголинкою:
«Стояла бы тамъ эта гоголинка вѣкъ по вѣку,
«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
«Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови я напрасныя,
«Не слезилъ Добрыня отцовъ, матерей,
«Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
«Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ» [6]).
Онъ чувствуетъ, вѣщей своею душой,
Что свѣтлый Владиміровъ вѣкъ миновался;

Digitized by Google

Что древній богъ принялъ ужъ образъ земной,
И вкругъ него, видимо, стали являться
Неправда съ насильемъ. Его духъ благой,
Духъ свѣтлаго Кришны, приходитъ въ смятенье;
Отнынѣ онъ чувствуетъ слабость свою,
Въ томъ обществѣ чуждомъ, ему еще новомъ.
Онъ видитъ лишь зло и насилье въ краю,
И служитъ самъ къ этому даже оружьемъ;
Свѣтъ-Солнышко князь — не Даждьбогъ ужь былой,
А жадный владыка святой земли Русской;
Прошелъ на Руси ея вѣкъ золотой,
Ея князь впадать сталъ въ строптивую старость,
Ему лесть милѣй стала правды святой...
Узналъ кое-что и еще нашъ Илейка!
Сказалъ про Алешу Добрыня ему,—
Какъ этотъ поповичъ и бабій насмѣшникъ
Сгубилъ у двухъ братьевъ, въ хорошемъ дому,
Родную сестру, а они отрубили
Ей голову; сгибла ни за-что она,
Красавица-дѣвка. «Ну, счастливъ Алешка,
Молитва поповская, видно, сильна;
Счастливъ онъ, проклятый, что я той порою
Здѣсь не былъ, — иначе-бъ припомнилъ меня»!
Илья отозвался.
Повѣдалъ Добрыня
Ему также къ слову, какъ князь, не цѣня
Его богатырскую прежнюю службу,
Во время отсутствья его повѣнчалъ
Жену его съ тѣмъ же красавцемъ Алешей;
Да къ счастію, во время еще засталъ,
Вернувшись, онъ сватьбу, — и дѣло разстроилъ.
И на это старый Илейка сказалъ,
Въ присутствіи полномъ богатырей старшихъ:
«Не дивуюсь я князю Владиміру, —
«Что и самъ творитъ, другому велитъ:
«Отъ живаго мужа хочетъ жену отнять».
А это сказалъ онъ, Илейка сѣдой,
Не даромъ про красное-Солнышко, князя.

Digitized by Google

Идетъ разъ у князя, идетъ пиръ горой,
Пируетъ съ дружиною онъ богатырской, —
Дружина за малымъ столомъ; за большой
Усѣлись, вкругъ князя, князья и бояре.
«А и будетъ день въ половину дня,
«И будетъ столъ въ полустолѣ;
«Владиміръ-князь распотѣшился,
«По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
«Черныя кудри расчесываетъ».
«Тотъ-то женатъ, другой-то женатъ, —
Велитъ онъ, князь-стольный, дружинѣ, добыть, —
Добыть и ему молодую невѣсту,
Чтобъ было съ кѣмъ князю на радость пожить,
И думу подумать, и вымолвить слово,
«При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися,
«И было бы имъ кому поклонитися, —
«Чтобъ была-то она
«И лицомъ красна,
«И умомъ сверстна».
А той порой, еслибъ пройти всю страну,
Нигдѣ-бъ не найти ни умнѣй, ни красивѣй,
Жены князь-Данилы; про эту жену
Прошла тогда слава по цѣлому краю.
Сидѣлъ князь-Данила, мужъ правды святой,
Большимъ воеводой въ Черниговѣ-градѣ.
Рѣшили бояре, князья межь собой
Данилу сгубить, а жену добыть князю.
Насупился старый казакъ нашъ Илья:
Ему не по нраву пришлось это дѣло;
Горька ему стала родная земля;
Не выдержалъ онъ, и сказалъ прямо князю:
«Ужь ты батюшка Владиміръ-князь!
«Изведешь ты яснаго сокола,
«Не пымать тебѣ бѣлой Лебеди».
Еще не слыхалъ князь такихъ смѣлыхъ словъ,
Отъ славной дружины своей богатырской;
Еще не привыкъ онъ, преемникъ боговъ,
Чтобъ кто изъ дружины ему возражать смѣлъ;

Digitized by Google

«Это слово князю не показалося,—
«Посадилъ (онъ) Илью Муромца въ погребъ».
Едва улыбнулся при этомъ Илья, —
Пошелъ въ темный погребъ. Сидѣлъ же и прежде
Онъ плѣнникомъ въ тучахъ; но также земля,
Его и не видя, предъ нимъ трепетала.
Однако недолго пришлось въ этотъ разъ
Ильѣ посидѣть. Принялися за дѣло
Прихвостники князя не въ добрый, знать, часъ:
Сгубить удалося имъ князя — Данилу;
Но имъ не досталась Данилы жена, —
Спасла ее вѣрность къ любимому мужу.
«Береть княгинюшка свой булатный ножъ,
«Спорола себѣ Микулишна груди бѣлыя,
«Покрыла себѣ Микулишна очи ясныя:
«Заплакали по ней два богатыря»,—
Родной братъ Данилы, да свѣтъ нашъ Добрынюшка.
Смутилась дружина; но пала вина
И весь тяжкій грѣхъ на Владиміра-князя.
Погибла княгиня, погибла она
Надъ трупомъ кровавымъ любимаго мужа;
Узнала про это родная страна,
И память объ этомъ хранитъ и понынѣ.
Вернулся домой князь. —
«Вышущалъ Илью Муромца изъ погреба,
«Цѣловалъ его въ головку, во темечко;
«—Правду сказалъ ты, старый казакъ,
«—Старый казакъ, Илья муромецъ! —
«Жаловалъ его шубой соболиною» 7).
Но тотъ разсудилъ,
Что лучше гораздо ему распрощаться
До времени съ Солнышкомъ княземъ. Манилъ
Илью къ себѣ вновь его міръ богатырскій,
Гдѣ онъ народился; узналъ онъ теперь,
Что значила служба близь краснаго Солнца.
Для всѣхъ была, точно, отворена дверь
Палатъ его свѣтлыхъ; но князь, только видѣлъ
Глазами другихъ; онъ лишь слушалъ людей,

Digitized by Google

Къ нему приближенныхъ; а всѣ эти люди
Лишь думали только о пользѣ своей.
Князь, точно, былъ добръ и привѣтливъ, и ласковъ;
Но также, лишь къ людямъ, ближайшимъ къ нему,
А этимъ привѣтомъ народа не грѣло.
Жаль было Илейкѣ, судя по всему,
И стольнаго князя, и край свой родимый;
Да чѣмъ бы помогъ онъ?.. И сталъ онъ, Илья,
Проситься у князя въ отъѣздъ, — на заставѣ
Стоять богатырской.
Такъ, мало проживъ
Близь краснаго Солнца, узналъ Илья много;
Узналъ онъ, почтѣ князь предъ нимъ такъ спѣсивъ,
Узналъ онъ, кто русской землей заправляетъ.
Стоитъ на заставѣ Илья-атаманъ
Съ дружиною князя. Отколь ни явился,
На нихъ наѣзжаетъ степной великанъ.
Его богатырскій конь землю копытомъ
Въ полпечи бросаетъ. Завидѣвши ихъ,
Онъ прямо направилъ коня на заставу;
Ихъ взорвало это. Кто онъ,—за какихъ
Безсильныхъ людишекъ онъ ихъ принимаетъ?
Рѣшили тотчасъ же они межь собой,
Чтобъ выѣхалъ Васька противъ супостата;
Но это отвергнуто мудрымъ Ильей:
«Затѣмъ, говоритъ онъ, ребятушки-братцы,
«У Васьки полы долгія,
«По землѣ ходитъ Васька, заплетается,
«На бою, на дракѣ заплетается;
«Погинетъ Васька понапрасному,
«Не ладно, ребятушки, положили».
Тогда положили совѣтомъ, послать
Не Ваську, — а Гришку, боярскаго сына;
Онъ изстари, Гришка, обыкъ воевать.
Илья и на это согласія не далъ:
«Гришка рода боярскаго,
«Боярскіе роды хвастливые;
«На бою, на дракѣ призахвастается,

Digitized by Google

«Погинетъ Гришка понапрасному;
«Неладно, ребятушки, удумали».
Инъ—Гришки не надо! рѣшили они, —
А пусть ѣдетъ драться Алеша Поповичъ;
Бывалъ онъ, Алеша, удалъ въ оны дни.
Но старый Илья и на то не согласенъ:
«Алешинька рода поповскаго,
«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки загребущія,
«Увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ
«Много злата-серебра:
«Злáту Алеша позавидуетъ,
«Погинетъ Алеша понапрасному;
«Не ладно, ребятушки, полóжили».
Поѣхалъ Добрыня. Но чуть великанъ
Коня припустилъ, какъ померкнуло небо,
Взвился его конь, какъ степной ураганъ,
Дрогнула земля, — растерялся Добрыня,
Взмолился святымъ, — и помчался назадъ.
Пришлося съ нахвальщикомъ биться Илейкѣ.
Поѣхалъ Илья, — по Ильѣ супостатъ.
Пожалуй, другимъ съ великаномъ не сладить.
Они долго бились, какъ вдругъ нашъ Илья,
Взмахнувши неловко рукой, поскользнулся,
И палъ на колѣно; но матерь-Земля
Илеюшкѣ втрое прибавила силы.
Вскочилъ онъ на рѣзвыя ноги, хватилъ
Нахвальщика въ грудь, стиснулъ въ лапы, подкинулъ
Подъ небо, — и рухнулъ Нахвальщикъ безъ силъ.
Илья отсѣкъ разомъ ему головищу,
Воткнулъ головищу себѣ на копье,
И шагомъ поѣхалъ къ заставѣ. Подъѣхавъ,
Онъ бросилъ съ презрѣньемъ на землю ее,
А самъ только вымолвилъ: «ну, головища!
«Ѣздилъ (я) въ полѣ тридцать лѣтъ, —
«Экого чуда не наѣзживалъ» [8]).

Илья самъ титанъ,—но онъ съ міромъ былымъ

Digitized by Google

Давно порвалъ связи, и тѣмъ былъ страшнѣе
Онъ древнимъ титанамъ, ему не чужимъ.
Онъ былъ одаренъ силой, равной съ ихъ силой,
И даже въ то время еще встрѣтить могъ
Межь нихъ существа, ему близко-родныя.
Во дни первобытныхъ стихійныхъ тревогъ,
Илья нашъ, подобно богамъ всѣмъ тогдашнимъ,
Имѣлъ, значитъ, также и связи любви;
И тамъ,—въ прежнемъ мірѣ, не могъ не оставить
Ближайшихъ потомковъ. Въ ихъ буйной крови
Кипѣла Илейкина страшная сила;
Но онъ не хотѣлъ заносить ничего
Изъ жизни минувшей въ свой міръ настоящій;
Да впрочемъ едва ли-бъ узнали его
И сами они, въ этомъ образѣ новомъ.
Однажды, онъ видитъ, нашъ старый Илья,—
Въ зеленыхъ лугахъ богатырь разъѣзжаетъ,
Подброситъ копье онъ, — не видно копья,
Подскачетъ потомъ богатырь и подхватитъ;
«На правомъ плечѣ везетъ онъ ясна сокола,
«На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
«У стремени прикована змѣя Горынская».
Глядитъ на него нашъ Илейка, — все въ немъ
Ильѣ говоритъ про міръ древній, минувшій;
Играетъ младъ-витязь булатнымъ копьемъ,
А самъ рѣчь ведетъ:
«Коль легко верчу я острымъ копьемъ,
«Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ».
Стало быть, зналъ Илью
Тотъ витязь и прежде; тогда какъ Илейка
Его повстрѣчалъ лишь впервые въ краю.
Подъѣхалъ Илья, и ему отвѣчаетъ:
«Ой ты гой еси, поленица удалая!
«Ты зачѣмъ рано похваляешься?
«Не уловя ты птицы, теребишь ее;
«Не сваривши птицы, Богу молишся».
Покончивъ хвалиться,—и тотъ, и другой,
Своихъ осадили коней богатырскихъ;

Digitized by Google

Потомъ припустили,—и начали бой.
«Не двѣ грозныхъ тучи затучились,
«Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
«Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ»;
Они оба равны могучею силой...
Сломали оружье,—и оба тотчасъ
Скочили съ коней, и взялись *рукопашкой*;
Дрались плотнымъ боемъ, дралися не часъ, —
«Водились добры молодцы полтора года,
«По колѣнямъ въ землѣ пріобмялися»;
Илья, наконецъ, утомившись, упалъ;
Младой богатырь сѣлъ Илейкѣ на груди,
И взялъ уже въ руки булатный кинжалъ,
Чтобъ вынуть изъ груди Илейкиной сердце;
«Тутъ Илейка возмолится:
«Сколько я стоялъ за вѣру христіянскую,
«Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
«Сколько я стоялъ за благочестивыхъ женъ, —
«Благочестивыя жены, вдовы безмужнія, —
«День и ночь онѣ Богу молятся»...
И эта увѣренноеть въ высшей судьбѣ,
И этотъ призывъ къ своему назначенью,
Рѣшилъ его жребій въ жестокой борьбѣ;
Илья получаетъ угасшія силы:
«Не сѣрая утица востопорщится,
«Илья на землѣ поворотится,
«Металъ Сокольника подъ выпину небесную»,—
Теперь ужь Илейка—заноситъ кинжалъ
И хочетъ пороть богатырскія груди;
Но онъ спросилъ имя врага, и узналъ
Роднаго въ немъ сына, съ Студенаго моря;
То былъ Сбутъ-царевичъ, сынъ вѣщей жены,
Илейкиной прежней жены, Латыгорки,—
Одинъ изъ сыновъ тѣхъ сѣдой старины,
Что онъ не встрѣчалъ никогда въ родномъ краѣ.
Одни говорятъ, что Илья обласкалъ
Родимое чадо, и съ нимъ распрощался;
Другіе, что витязь заѣзжій пытался

Digitized by Google

Потомъ умертвить его гнусной измѣной,—
И въ гнѣвѣ, Илейка за то разорвалъ
Его на двѣ части,—одну бросилъ въ воду,
Другую оставилъ на томъ берегу,
Гдѣ съ нимъ повстрѣчался.
Какъ видно, Илья нашъ
Никакъ не хотѣлъ оставаться въ долгу
Предъ міромъ стариннымъ, и съ нимъ онъ квитался
По-свойски.
«Вотъ тебѣ половина, мнѣ другая!
«Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка» [9]).
Такъ въ духѣ могучемъ Ильи
Еще пробиваетъ жестокость титана,
Прямое наслѣдье стихійной семьи,
Откуда онъ вышелъ. Особенно страшенъ
Становится старый Илья и жестокъ,
Когда онъ встрѣчаетъ какой нибудь образъ
Изъ прежняго міра, какъ мутный потокъ,
Еще пробивавшійся въ міръ этотъ новый.
Илья, — представитель теперь лучшихъ дней,
Каратель обидъ и слѣпыхъ притѣсненій;
Онъ жалуетъ нравственныхъ, честныхъ людей,
А край охраняетъ отъ древнихъ чудовищъ.
Въ другой разъ, онъ ѣдетъ, все той же порой,
По чистому полю, и видитъ идущихъ
Каликъ перехожихъ; идутъ не толпой
Святые калики, — идутъ только двое:
«Идетъ-то калика перехожая
«Въ меженный день, по красному по солнышку,
«А въ зимній день, по дорогу по камню самоцвѣтному,
«А лапотки на нихъ, изъ семи шелковъ,
«Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными,
«А были у калики клюки въ сорокъ пудъ».
Сдержалъ коня старый Илья, и спросилъ:
Откуда идутъ, куда путь они держатъ?
Узнавъ же, что путь ихъ изъ Кіева былъ,
Сталъ спрашивать онъ и про стольнаго князя:
Какъ князь поживаетъ съ княгиней своей?

Digitized by Google

Что Кіевъ святой? Кто его охраняетъ,
Изъ витязей младшихъ, изъ богатырей?
Кто въ Кіевѣ-градѣ изъ нихъ, кто въ отъѣздѣ?
«Недобрыя-дюже творятся дѣла
Во Кіевѣ-градѣ! Сказали калики, —
Дождался градъ-Кіевъ великаго зла,
За срамную жизнь, за грѣхи Апраксѣвны...
Вотъ какъ, человѣче! Зѣло некрасно
Житье стало князя; да такъ некрасно-то
У краснаго Солнышка стало оно,
Что онъ хоть совсѣмъ бѣги съ бѣлаго свѣта:
«Явилося во градѣ во Кіевѣ
«Идолище поганое;
«Голова у него съ пивной котелъ,
«Во плечахъ-то коса сажень,
«Промежь бровей-то борозда и три пяди,
«Промежь ушей-то пройдетъ калена стрѣла;
«А ѣстъ-то онъ, идолище, по цѣлому быку,
«А пьетъ-то онъ по пивному котлу;
«Объѣдаетъ, опиваетъ онъ Кіевъ-градъ,
«Свои ручищи держитъ у княгини за пазухой.»
Апракса любила всегда близь себя
Красавцевъ. Чурила служилъ при княгинѣ
Постельничимъ прежде; потомъ, не взлюбя
Такихъ безпорядковъ, его князь назначилъ
Позовщикомъ. Сидя за княжимъ столомъ
Однажды она до того заглядѣлась
На рожу Алеши, что, руша ножомъ
Жаркое, порѣзала палецъ. Позднѣе
Ее обвиняли еще въ клеветѣ
Противъ атамана каликъ перехожихъ;
Когда, не поддавшись ея красотѣ
И ласкамъ любовнымъ, какъ новый Іосифъ,
Онъ былъ обвиненъ отъ нея въ воровствѣ;
Но Богъ оправдалъ его, сдѣлавши чудо;
Онъ кончилъ дорогу свою въ торжествѣ;
Она-жъ заболѣла смертельной болѣзнью;
Но тотъ же калика, явившися къ ней,

Digitized by Google

Ее спасъ отъ смерти. Однако и послѣ,
Княгиня, по высшей природѣ своей,
Подобно прекрасной женѣ Пизифоѣ,
Искала объятій,—не только людей,
Но даже, какъ видно, и чудищъ заѣзжихъ...
Дослушавъ каликъ перехожихъ разсказъ,
Илья нарядился въ каличью одежду,—
«Обувалъ Илья лапотки шелковые
«Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
«Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
«Надѣвалъ Илья шляпу греческую,
«И выдернулъ клюшку-волжанку
«Со матушки сырой земли»...
Велѣлъ дожидаться себя,—и тотчасъ
Отправился въ Кіевъ.
Пришелъ онъ въ градъ Кіевъ,
Въ одеждѣ каличьей, и прямо въ дворецъ.
Почуяло дивище близость Илейки, —
Почуяло также и близкій конецъ.
Швырнулъ богатырь въ него шапкой каличьей,
И тутъ же, шальной дивъ и духъ испустилъ.
Спасъ Кіевъ Илья и Владиміра-князя,
Но тамъ не остался; а вновь уходилъ
Въ раздольное поле, гдѣ ждали калики [10])

Не по сердцу было все это князьямъ
И знатнымъ боярамъ, прихлебникамъ князя;
Они не привыкли къ подобнымъ дѣламъ.
Во всемъ-то Илейка Владиміру нуженъ;
Но больше всего, ихъ по сердцу скребла
Его прямота и незнатность рожденья;
Свершилъ бы изъ нихъ кто такія дѣла,—
А то, сынъ крестьянскій, изъ рода Микулы!
За эту-то струнку бояре, князья,
И вздумали тронуть былаго титана.
Заѣхалъ однажды въ градъ Кіевъ Илья,
Исполнивши князю какую-то службу.
Послалъ Князь-Владиміръ на пиръ къ себѣ звать

Digitized by Google

Князей и бояръ, и богатырей старшихъ;
Забылъ ли Владиміръ слугамъ приказать
Позвать и Илью, иль устроено было
Врагами Ильи, чтобъ не звали его;
Но только Илейку на пиръ не позвали;
Всѣхъ звать велѣлъ князь, не забывъ никого,
Однако Илейку позвать позабыли.
Вскипѣлъ, отъ столь наглой обиды, Илья;
Воспрянулъ въ немъ духъ первобытный титана,
Предъ кѣмъ во дни оны дрожала земля,
Предъ кѣмъ приходили въ смятенье стихіи.
Не хочетъ Ильи князь въ бесѣдѣ своей,
Не позвалъ Илью онъ съ другими гостями;
Такъ самъ же созоветъ онъ, Илейка, гостей...
Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ на весь стольный Кіевъ:
Къ нему соберутся изъ норъ, изъ щелей,
Изъ ямъ, изъ трущобъ, развеселые гости....
И свиснулъ онъ, гаркнулъ на весь Кіевъ-градъ,
На весь міръ голодный, босой, горемычный.
Не черныя тучи по небу летятъ,
Несутся вдоль улицъ къ Ильѣ его гости,—
Катитъ-валитъ Голь Голянская,
Голь Голянская, Голь Кабацкая,
Нищета горемычная,
Нищета босоногая;
Катятъ-валятъ дивы грозные,
Дивы грозные, карлы чумазые,
Русалочки-земляночки,
Трехсаженные лѣшіи,—
Тѣ дивы, что въ кузняхъ молотами постукиваютъ,
По мельницамъ темнымъ колеса ворочаютъ,
По глухимъ лѣсамъ темной ночью разгуливаютъ,
По раздольнымъ степямъ обозы сворачиваютъ,
По большимъ городамъ, какъ грибы, изъ земли растутъ...
Какъ пошелъ нашъ Илья по Кіеву,
Какъ пошелъ онъ изъ тугаго лука пострѣливать,—
Полетѣли съ церквей золотыя маковки,
Заплясали хоромы боярскія,

Digitized by Google

Посыпались въ заборахъ тычинки желѣзныя,
Заметался шальной торговый людъ,
Торговый людъ,—весь честной народъ.
Услышалъ князь стольный про эту гульбу,
Гульбу-похвальбу, исполина Илейки,
Увидѣлъ несмѣтную эту гурьбу
Онъ Голи-Голянской, той Голи-Кабацкой;
Забылъ холить кудри златымъ гребешкомъ;
Глядитъ на бояръ, на богатырей старшихъ,
Ждетъ, что они скажутъ, раскинувъ умомъ,
Куда его, Солнышко красное, спрячутъ:...
Но всѣ растерялись бояре, князья,
Кружокъ богатырскій не молвитъ ни слова.
Они понимаютъ,—обиженъ Илья!
Сидитъ богатырство, угрюмо насупясь;
Какъ будто въ угарѣ, по гриднѣ снуютъ
Князья и бояре... Кого же къ Илейкѣ
Они съ челобитьемъ отъ князя пошлютъ?
Кто гнѣвъ обратитъ его страшный на милость?
Никто ни полслова изъ богатырей;
Какъ Богъ надоумилъ младаго Добрыню;
Встаетъ онъ, Добрыня, краса этихъ дней,
И молвитъ Добрыня свѣтъ-Солнышку Князю:
«Свѣтъ красное Солнце! Дозволь я пойду.
Что будетъ? Съ Ильей мы крестовые братья,—
Авось я съ собою его приведу;
А мнѣ не удастся, тогда будь что будетъ!»
Отъ этихъ разумныхъ рѣчей отлегло
На сердцѣ у князя; а князи, бояре,
Что сами-жь собою затѣяли зло,
Тѣ, съ радости, чуть себя помнятъ,—Добрыню
Съ крыльца провожаютъ.
Но какъ подступить
Въ такія минуты къ Ильѣ, хоть и брату?
Ильѣ махнуть стоитъ, чтобы разразить
Сильнѣйшую силу. Сталъ думать Добрыня:
Коль спереди прямо къ Ильѣ подойти,
Тогда и конецъ тутъ; а ежели сзади,—

Digitized by Google

Авось въ Ильѣ сердце успѣетъ пройти...
И сталъ заходить онъ, Добрынюшка, сзади.
Зашелъ къ Ильѣ сзади онъ и обхватилъ
Его грудь могучую крѣпко руками;
Илья, не взглянувши назадъ, ощутилъ,
Что стиснутъ онъ въ братскихъ горячихъ объятьяхъ.
«Ну, счастливъ, Добрыня, крестовый мой братъ,
Что ты догадался зайти ко мнѣ сзади!
Сказалъ Илья. Будь ты сильнѣй во сто кратъ;
Но если-бы ты подошелъ ко мнѣ прямо,
Тебѣ не остаться-бъ, братъ милый, въ живыхъ.»
Но сердце Илейкино тутъ же остыло;
Какъ буря вскипѣлъ онъ, какъ буря и стихъ.
Простилъ Илья Князя; а стольный князь понялъ,
Что это за птица,—крестьянинъ Илья;
Что съ нимъ, Ильей, шутки шутить не пригодно.
Притихнули сразу бояре, князья,
Хоть въ нихъ и кипѣла еще пуще злоба.
Князь началъ Илейку всѣхъ выше сажать,—
Гдѣ самъ пожелаетъ; но древняго дива
Почетъ этотъ поздній не могъ ужь прельщать,—
Не во-время князь спохватился о гостѣ.
Взговорилъ ему Илья Муромецъ:
«Володиміръ князь земли свѣторусскія,
«Правду сказывалъ Добрынюшка;
«Не хотѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учествовать,
«На отъѣздѣ гостя не учествуешь;
«Самъ ты сидѣлъ со воронами,
«А меня садилъ съ воронятами.»
И снова съ нимъ, княземъ, простился Илья [11]).

Онъ долго ли, мало ль потомъ опять ѣздилъ,
Про это не помнитъ родная земля,—
Но разъ заѣзжаетъ Илья въ стольный Кіевъ;
Того лишь и ждали бояре-князья:
Теперь-то Илья мелкоту ихъ узнаетъ!
Идетъ пиръ у князя. Пируютъ, басятъ
Могучіе витязи, князи, бояре;

Digitized by Google

Гутдрятъ боярыни, пьютъ и ѣдятъ
Прихлебники княжьи; всѣ веселы, пьяны,—
«Кто хвалится лихимъ конемъ,
«Кто хвалится золотой казной,
«Дуракъ хвалится молодой женой,
«А умный своей родной матушкой.»
«Изъ-за того стола изъ за дубова,
«Не золота звонка труба вострубила,
«Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«—Полно вамъ, бояры, хвастати!
«—Стану я васъ дарить, жаловать,
«—Кого серебромъ, кого золотомъ,
«—Кого скатнымъ жемчугомъ.»
Говоритъ княгиня Апраксѣевна:
«Всѣхъ ты, князь-Солнышко красное,
«—Довольно одарилъ, ужаловалъ;
«—Одного только удалаго молодца
«—Не одарилъ ты довольно, не ужаловалъ,
«—Славнаго богатыря Илью Муромца.»
Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«—Подарю я удала добра молодца
«—Тѣми дарами, которыя мнѣ пришли
«—Отъ татарина, отъ бусурманова,
«—Подарю я его тою шубой соболиною.»
Была-ль то случайность, иль князю впередъ
Шепнули назначить татарскую шубу,
Въ подарокъ Илейкѣ,—кто тутъ разберетъ;
Но даръ показался Илейкѣ обиднымъ,
Почелъ за обиду Илья нашъ и то,
Что вспомнилъ не самъ князь о немъ, а княгиня.
Что значитъ Илейкѣ подарокъ?—Ничто!
Но къ явнымъ обидамъ онъ былъ непривыченъ.
«Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
«И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ;
«А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
«—Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
«—О кирпищатъ полъ,
«—Велитъ мнѣ Богъ бивать,

Digitized by Google

«—Татарина басурманина.»
Хотѣлъ ли Илейка, изливши свой гнѣвъ
На шубѣ татарской, хотѣлъ ли сказать онъ
Тѣмъ самымъ поступкомъ, что онъ, одолѣвъ
Потомъ и живаго татарина, въ полѣ,
Расправится также,—не мысля совсѣмъ
Нанесть тѣмъ обиду державному князю;
Но вызовъ былъ брошенъ теперь, и ничѣмъ
Не могъ онъ продерзости этой исправить;
Ихъ чаша раздора стояла полна,
Ненадобно было въ ней больше ни капли...
Сперва воцарилась кругомъ тишина,
Потомъ поднялся вдругъ кругомъ громкій ропотъ,—
«Тутъ князья бояре подмолвились;
«—Гой еси, батюшка Владиміръ князъ!
«—Всѣмъ-то твои дары по любви пришли;
«—Одному-то удалому молодцу
«—Дары тѣ не по любви пришли,
«Что по имени-то Ильѣ Муромцу.»
Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«—Взять было удалаго добра-молодца,
«—Бросить его въ погреба глубокіе,
«—Задернуть рѣшетками желѣзными,
«—Завалить чащей, хрящемъ-камнемъ.»
Какъ листъ, встрепенулись бояре-князья,—
Достигла обида желаемой цѣли;
Однако не свой братъ могучій Илья!
Кто сунется первый къ нему? Кто подступитъ?
«Ну, что же вы стали? Илья говоритъ.
Я, можетъ, и вправду предъ батюшкой-княземъ
Виновенъ; ведите, куда онъ велитъ.»
Враги его робко еще пошептались,
И двинулись къ двери,—Илья самъ пошелъ...
Душевно ликуя, они затворили
Его въ глухой погребъ, поставили столъ
Къ нему и скамейку,—но пищи поставить,
Какъ видно, забыли; а слугамъ своимъ
Велѣли засыпать подвалъ хрящемъ-камнемъ.

Digitized by Google

Такъ онъ погребенъ былъ, Илья нашъ, живымъ,
Покуда умретъ онъ голодною смертью [12]).
Минуло три года. Сидитъ нашъ Илья,
Въ тюрьмѣ своей темной, живой или мертвый;
О немъ ужь забыли. Осталась земля
Безъ крѣпкой защиты его, богатырской;
Росло несогласіе богатырей
Съ свѣтъ-Солнышкомъ княземъ; не смѣй подступиться
Теперь къ самоправству бояръ и князей;
Разъѣхалось старшее все богатырство,
Богъ знаетъ куда, а за ними во слѣдъ,
Исчезли и витязи младшіе. Больше
Не грѣлъ, не манилъ ихъ холодный привѣтъ
Свѣтъ-краснаго Солнца; остались при князѣ
Бояре да князи; померкъ его свѣтъ,
Хотя и сіялъ онъ, казалось, какъ прежде.

Три года,—считаетъ Микула теперь,—
Сидѣлъ Илья старый въ томъ погребѣ темномъ,
Какъ пойманный въ клѣтку желѣзную звѣрь,
Какъ замкнутый въ тучу, богъ древній, Громовникъ;
Но вотъ посѣтила и князя бѣда,
Стряслось надъ нимъ горе, какихъ не бывало;
Какъ грозныя тучи, какъ вешня вода,
На Кіевъ нахлынули злые татары,—
«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
«Зачѣмъ не разступится?
. . . . . .
«А отъ пару было отъ конинаго
«А и мѣсяцъ, и солнце померкнули,
«Не видать луча свѣта бѣлаго;
«А отъ духу татарскаго
«Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.»
«Обступили вокругъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ,—
«Соколу летѣть на меженный день,
«Маленькой птичкѣ не пролетѣть.»
Повѣсилъ головушку Солнышко-свѣтъ;
Куда ни посмотритъ, вездѣ вражья сила,—
А въ Кіевѣ-градѣ ни витязя нѣтъ,

Digitized by Google

Не то что могучихъ богатырей старшихъ.
Пожалуй, и нуждушки не было-бъ въ нихъ,
Когда бъ оставался при князѣ Илейка;
Да гдѣ онъ? «Не можетъ Илья быть въ живыхъ!
Вздыхаетъ князь стольный, о старомъ Илейкѣ,—
«Нѣтъ у насъ стоятеля,
«Нѣтъ у насъ оберегателя,
«Удалова добра-молодца, Ильи Муромца.»
Одной лишь княгинѣ, какъ бы ничего.
Она говоритъ Володиміру Князю:
«Послалъ бы ты, князь, поразвѣдать кого,—
Не живъ ли Илья? Все на свѣтѣ бываетъ.»
Отвѣчаетъ ей Владиміръ-Князь:
«—Ты гой еси, Княгиня неразумная!
«—Сними-ка ты буйну голову,
«—Приростетъ ли она къ плечамъ?»
«Говоритъ Княгиня Князю-Владиміру:
«Посылай только,—онъ живъ сидитъ.»
А паша княгиня себѣ на умѣ!
Когда засадилъ князь Илью въ темный погребъ,—
Пускай-де сидитъ тамъ Илья, въ вѣчной тьмѣ,—
Княгиня рѣшила; а живъ Илья будетъ,
Все-жъ намъ пригодится. И тутъ же она
Велѣла носить къ нему хлѣба съ водою;
Но только и знала Княгиня одна
Про эту уловку, да вѣрные слуги.
Пошелъ Князь-Владиміръ самъ въ погребъ глухой,
Увѣренный впрочемъ, что умеръ Илейка
Голодною смертью. Взялъ также съ собой
Зачѣмъ-то Владиміръ и дочку, Купаву.
Приходятъ вдвоемъ они въ погребъ сырой,—
«Сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
«Сидитъ-то за дубовымъ столомъ,
«(Сѣдая борода сквозь столъ проросла,)
«И читаетъ книгу онъ евангелью.»
«Упадалъ Владиміръ-Князь Ильѣ въ праву ногу:
«—Ай же ты, старый казакъ; Илья Муромецъ!
«—Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,

Digitized by Google

«И ради матушки свѣто-Русь земли.»
Взглянулъ на Владиміра старый Илья,
И самъ прослезился. Тихохонько поднялъ
Онъ князя съ земли, посадилъ близъ себя,
И молвилъ: «жаль, стольный князь, — жаль твое царство!»
Владиміръ открылъ свое горе Ильѣ,
И сталъ умолять, послужить странѣ русской, —
Когда не ему, хоть родимой землѣ.
«Изволь, отвѣчалъ нашъ Илья, послужу я
«Святой землѣ русской.»
«Я пойду Калина упрашивать...
«Приведи къ Ильѣ измѣнниковъ! —
«И посѣкъ онъ имъ буйны головы» [13]).
Объѣхалъ Илейка татарскую рать,
Но видитъ, что съ силой такой онъ не сладитъ;
А можетъ, и просто хотѣлось опять
Вернуть ему въ Кіевъ богатырей старшихъ.
Подумалъ Илейка, — и выѣхалъ онъ
Не противъ татаръ, а въ раздольное поле.
Сидитъ въ шатрѣ бѣломъ могучій Самсонъ,
Отецъ его крестный; сидятъ съ нимъ двѣнадцать
Товарищей старыхъ. Отвѣсилъ Илья
Самсону поклонъ и богатырямъ старшимъ,
И началъ ихъ звать на Калина-царя;
Но крестный Илейкѣ на это отвѣтилъ:
«— Ай же ты, любимый крестничекъ!
«— Кладена у меня заповѣдь крѣпкая,
«— Не бывать бы мнѣ во градѣ во Кіевѣ
«— И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра,
«И на княгиню Апраксію не сматривать,
«— И не стоять бы больше за Кіевъ-градъ.
«— Онъ слушаетъ князей-бояръ,
«— А не почитаетъ богатырей».
«Тогда сталъ Илейка его уговаривать:
«— Батюшка крестный, Самсонъ Самсоновичъ!
«— Не ради князя Владиміра,
«— Княгини Апраксіи Королевишны,
«— Ради дому пресвятыя Богородицы

Digitized by Google

«—И чудотворцевъ Кіевскихъ,
«—И ради матушки свѣто-Русской земли,
«—Положи ты половину грѣха на меня.
«—Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
«—Пособи мнѣ прогнать царя-Калина!»
«—Я иду служить за вѣру христіянскую
«—И за землю россійскую,
«—Да и за стольный Кіевъ-градъ,
«—За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей...
«—А для собаки-то князя-Владиміра
«—Да и не вышелъ бы я вонъ изъ погреба.»
«И упросилъ Илья Муромецъ
«Самсона Самойловича и двѣнадцать богатырей».
Они разогнали татарскую рать;
Очистили Кіевъ отъ вражеской силы,
Спасли красно-Солнце. Спѣшить удирать
Царь-нехристь Калина къ себѣ восвояси,—
«Бѣжитъ онъ, а самъ приговариваетъ:
«Закажу я и дѣтямъ, и внучатамъ
«Ѣздить ко городу ко Кіеву.»
Встрѣчаетъ Владиміръ съ Княгиней своей,
Со всѣмъ дворомъ свѣтлымъ и Кіевомъ-градомъ,
Встрѣчаетъ Илью онъ и богатырей;
Велитъ разослать онъ сукно дорогое
Имъ подъ ноги; клюшникамъ княжимъ велитъ
Насыпать сребра имъ и чистаго злата,
И жемчугу, полныя мисы; дарить
Лисицами черными ихъ, соболями;
Но *кончились* прежде еще ихъ *сердца*.
Они остаются у стольнаго князя;
Одинъ лишь Илейка, дождавшись конца
Пировъ и веселья, опять распрощался
Съ свѣтъ-Солнышкомъ, —съ этой поры, навсегда [14]).
Свершилъ, говорятъ, онъ еще три поѣздки;
Былъ въ славномъ Царьградѣ, гдѣ много тогда
Людей было русскихъ; избавилъ въ Царьградѣ
Царя Мануила отъ лютыхъ враговъ;
И тамъ, задалъ также пиръ Голи-Голянской...

Digitized by Google

Знай, славный Царьградъ,—знай до позднихъ вѣковъ,
Какъ здѣсь поживалъ богатырь земли Русской!
Богатъ бы Илейка былъ въ жизни своей;
Но онъ раздавалъ все на Божіи церкви.
Еще проложилъ онъ немало путей
И новыхъ мостовъ намостилъ въ землѣ Русской;
Немало онъ вывелъ и богатырей
Изъ плѣна отъ грековъ, стоялъ на заставахъ;
Но гдѣ-бъ Илья ни былъ, вездѣ онъ щитомъ
Былъ слабыхъ сиротъ и людей утѣсненныхъ.
Тужилъ онъ однако предъ славнымъ царемъ,
Царемъ Мануиломъ про прежнюю службу:
«Служилъ-то я у Князя Владиміра,
«Служилъ я ровно тридцать лѣтъ;
«А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
«Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
«А хлѣба-соли мягкія» [15]).

Но свѣтъ христіанства все шире свѣталъ;
Въ немъ таяли быстро чудовищи мрака,
Міръ древній окончился; часъ наступалъ
Туда же уйти и богатырямъ новымъ.
Теперь неудобно ужь было для нихъ
Кичиться своею тѣлесною силой:
Намѣсто воителей этихъ земныхъ,
Въ міръ новый вступала рать воинствъ небесныхъ.
И вотъ, въ самомъ полномъ разгарѣ своемъ,
Во цвѣтѣ всей силы своей богатырской,
Илья нашъ снимаетъ булатный шеломъ
И ратную сбрую, и самъ покидаетъ
Полезную службу родимой странѣ,—
Бросаетъ народъ и роднаго Микулу;
Какъ будто не хочетъ закончить вполнѣ,
Что началъ съ такимъ онъ блестящимъ успѣхомъ.
Его охватило-ль наитьемъ святымъ,
Какъ многихъ въ то время, спасти свою душу,
Иль онъ утомился лукавствомъ слѣпымъ
И темной неправдой прихвостниковъ князя,
Иль думалъ Илья, что отнынѣ земля

Digitized by Google

Сама постоитъ за себя передъ Княземъ;
Но только простился могучій Илья
Съ мечемъ своимъ браннымъ и съ кровнымъ Микулой,—
«И воздвигнулъ животъ*) въ славный Кіевъ-градъ,
«И построилъ онъ церковь соборную, —
«Тутъ Илья и окаменѣлъ».
Другіе толкуютъ, что онъ, Илья, сѣлъ
На Соколъ-корабликъ, и въ этомъ древнѣйшемъ
Гробу богатырскомъ исчезъ, улетѣлъ,
Въ воздушное царство стариннаго Рода,
Славянскаго Ямы...
«Гробъ плыветъ,
«Мертвецъ реветъ,
«Ладонъ пышетъ,
«Свѣчи горятъ» [16]).
Еще есть разсказъ;
Но онъ представляетъ Илью на заставѣ
Опять богатырской. Едва лишь угасъ
Раздоръ его съ княземъ, и мощная сила
Воителей русскихъ, спасла край родной
И стольный градъ Кіевъ, отъ полчищъ татарскихъ, —
Блескъ этой побѣды, какъ брагой хмѣльной,
Совсѣмъ отуманилъ ихъ духъ богатырскій.
Стоятъ на заставѣ они съ нимъ, Ильей,
И такъ межь собою они разсуждаютъ:
«Еслибы была вся сила небесная,
«Прирубили бы (мы) и всю силу небесную».
Лишь вымолвилъ это Алеша, — тотчасъ,
Отколь ни взялись, два воителя чудныхъ;
Алеша ударилъ на нихъ, чтобъ заразъ
Покончить обоихъ: сверкнулъ мечь булатный
У нихъ надъ главой,—разрубилъ пополамъ;
Но чудное дѣло, — ихъ стало четыре.
Помчался Добрыня; но видно, врагамъ
Все было равно,—что онъ, князь,—что Алеша;
Добрыня и тѣхъ четверыхъ разрубилъ,

*) Животъ, въ настоящемъ случаѣ, означаетъ богатство.

Digitized by Google

Но стало ихъ восьмеро... Все растутъ вдвое!
Наѣхалъ Илейка,—его не смутилъ
Такой чудный случай... Наѣхалъ Илейка,
И началъ рубить ихъ, что было въ немъ силъ;
Но сколько онъ срубитъ, настолько ихъ больше.
«Бросились на нихъ всѣ витязи,
«Стали они колоть, рубить...
«А сила все растетъ да растетъ,
«Все на витязей съ боемъ идетъ.
«Не столько витязи рубятъ,
«Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
«А сила все растетъ да растетъ,
«Все на витязей съ боемъ идетъ».
«Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
«Намахались ихъ плечи могутныя,
«Уходилися кони ихъ добрые,
«Притупилися мечи ихъ булатные, —
«А сила все растетъ да растетъ,
«Все на витязей съ боемъ идетъ»,
«Испугались могучіе витязи:
«Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры;
«Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ,
«Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ,—
«Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси».

Такъ кончилъ, по древнимъ сказаньямъ, Илья
Свою боевую жизнь, полную славы
И подвиговъ чудныхъ; остались земля
И вѣщій Микула безъ силушки прежней.
Однако Илья, нашъ древнѣйшій титанъ,
По мнѣнью народному, вовсе не умеръ...
Подобно стариннымъ героямъ славянъ,
Онъ живъ и здоровъ,—только ждетъ временъ лучшихъ [17]).

Народъ прерываетъ на этомъ разсказъ
О дняхъ своихъ древнихъ,—и вѣщій Микула,
Микула былой, исчезаетъ изъ глазъ:
Перуну-Стрибогу нельзя оставаться

Digitized by Google

Въ землѣ христіанской. Онъ сталъ ей чужимъ,
Его прежній образъ тотчасъ же мельчаетъ.
Народъ это понялъ; но онъ свыкся съ нимъ,
Народъ безъ Микулы жить больше не можетъ,
Въ Микулѣ родная его плоть и кровь,
Онъ Родъ его древній, въ немъ образъ народный,—
И онъ, для страны возраждается вновь,
Но въ образѣ скромномъ, простомъ земледѣльца:
«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Пива наварю и мужичковъ напою;
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ»,

Но этотъ позднѣйшій Микула не могъ
Совсѣмъ отрѣшиться отъ древняго міра;
Въ расколѣ онъ будетъ опять полубогъ,
И міръ его древній возникнетъ съ нимъ снова.
При всей теплой вѣрѣ сердечной своей,
Онъ все еще тотъ же старинный язычникъ;
Съ нимъ нѣтъ ни боговъ ужь, ни богатырей,
Но онъ замѣнилъ ихъ таинственной силой
Заступниковъ новыхъ, — силъ высшихъ, святыхъ,
Воителей горнихъ небеснаго міра.
Онъ видитъ своихъ покровителей въ нихъ,
И тѣмъ начинаетъ рядъ новыхъ преданій.
Они помогаютъ и нынѣ ему,
Какъ прежніе боги, въ бѣдахъ и напастяхъ,
Хранятъ и въ дорогѣ его, и въ дому,
Возносятъ мольбы за него передъ Богомъ.
Онъ знаетъ ужь, гдѣ-то въ горахъ, свѣтлый рай, —
Однажды, по Волгѣ плывутъ Новгородцы,
Изъ нихъ двое-ль, трое-ль, зашли невзначай
Въ то райское царство—и тамъ и остались...
Онъ знаетъ Китежъ-градъ подземный, куда
Въ татарщину злую, укрылъ Богъ достойныхъ.
Градъ этотъ построилъ Егорій, когда

Digitized by Google

Онъ древле устроивалъ русскую землю;
Во дни же Батыя, когда онъ съ ордой,
Разграбивши край нашъ, сюда приближался,—
Земля разступилась, и городъ святой,
Въ глазахъ супостатовъ, исчезъ подъ землею.
Китижъ-градъ подземный и нынѣ стоитъ
Близь свѣтлаго озера. Тамъ, въ струяхъ, видны
Церковныя главы, — народъ нашъ спѣшитъ
Испить туда свѣтлой водицы, послушать
Подводную службу [18]).

Бояре, князья,
Оставшись безъ силы былой, богатырской,
Должны были сами радѣть, чтобъ земля
Опять не досталась чудовищамъ древнимъ
Иль храбрымъ сосѣдямъ. Во дни новыхъ смутъ,
Кровавыхъ раздоровъ и каверзъ семейныхъ,
Князья взяли волю. Ихъ силы растутъ,
Въ ихъ кругъ прибываютъ все новые люди;
Самъ Солнышко-князь только образъ для нихъ,
Священный хранитель ихъ собственной власти;
Онъ древній Сварогъ этихъ силъ молодыхъ,
А въ нихъ вновь воскреснули прежніе боги.
Старинный градъ Кіевъ, Асгардъ нашъ святой,
Утративши блескъ свой, сталъ имъ неудобенъ;
Здѣсь все еще вѣяло жизнью былой,
Народъ еще чувствовалъ прежнюю силу,
Былъ близокъ врагъ внѣшній. Имъ надобенъ сталъ
Градъ новый престольный, — Москва, средоточье
Верховной ихъ силы, гдѣ-бъ твердо стоялъ
Столъ князя, подъ ихъ благородной охраной;
Откуда-бъ могли они править страной,
Какъ древніе боги съ высокаго неба;
Гдѣ-бъ видѣлъ народъ ихъ всегда надъ собой;
Куда-бъ приближался онъ съ трепетомъ рабскимъ.
Микула,—хоть книжно, но передалъ намъ,
Какъ ѣздилъ Данило-князь, съ нѣкимъ гречиномъ,

Digitized by Google

Изыскивать мѣсто, по темнымъ лѣсамъ,
Для этого новаго стольнаго града;
А бралъ князь гречина Василья съ собой,
Затѣмъ, что онъ мудръ былъ и зналъ все, что будетъ.
Заѣхалъ Данило съ нимъ въ островъ глухой,
Гдѣ топкое было, большое болото;
Заѣхалъ князь въ островъ съ гречиномъ, и зритъ
Пречуднаго, очень великаго звѣря:
«Звѣря превеликаго и пречуднаго,
«Троеглаваго и краснаго».
Тогда князь узнать восхотѣлъ, что сулитъ
Видѣніе это столь чуднаго звѣря;
И хитрый гречинъ объясняетъ ему,
Что на-этомъ мѣстѣ градъ будетъ великій,—
«Распространится царство треугольное,
«И разныхъ ордъ люди
«Въ томъ царствѣ умножатся, —
«Преобразуетъ все это троеглавый звѣрь;
«А разные цвѣта на немъ,
«Они означаютъ, что изъ всѣхъ странъ земныхъ
«Учнутъ въ этомъ царствѣ жить разные люди»[12]).

Явилась Москва. Хоть Москва по всему
Должна бы, казалось, быть чуждой Микулѣ,—
Микула близь князя теперь не имѣлъ
Заступниковъ прежнихъ, богатырей древнихъ;
Отсюда надъ нимъ и страной тяготѣлъ,
Еще небывалый, гнетъ власти боярской;
Но этотъ градъ новый, какъ городъ святой,
Ему сталъ священнымъ. Онъ смѣшивалъ долго
Его даже съ Кіевомъ первой порой,
Ввелъ дивовъ въ него и богатырей старшихъ;
Но послѣ, увидѣвъ ошибку свою,—
Онъ снова увелъ ихъ на прежнее мѣсто.
Когда жь Москва, городъ сильнѣйшій въ краю,
Тѣснить собой стала Микулину землю
И мéньшіе грады, а пуще народъ;

Digitized by Google

Микула утратилъ старинную силу,
Онъ былъ одинокъ ужъ, его древній родъ
Давно былъ раскиданъ по цѣлому краю,
Подъ властію князя, кому онъ вручилъ
Еще въ древнемъ мірѣ власть высшую въ краѣ;
Значенье Микулы, что онъ получилъ
Во тьмѣ первобытной стихійнаго міра,
Исчезло; блескъ прежнихъ его вѣщихъ силъ
Снялъ христіянство: то былъ Селянинычъ;
Но это ужъ не былъ Микула былой,
Старѣйшина племени, князь златой сошки;
Надъ нимъ были власти; его край родной
Былъ весь наводненъ басурманскою силой.
Когда-жъ еще хуже пришли времена,
Когда надломили поборы, налоги,
И врознь зашаталась родная страна,
Подъ игомъ боярскимъ; что тутъ оставалось
Микулину роду?.. Одно лишь, — бѣжать, —
И онъ разбѣжался. Деревни пустѣли,
А степь населялась. Пытался призвать
Микула, на помощь, богатырей древнихъ;
Но вмѣсто могучихъ богатырей, шли
Разбойники, хищная голь и бродяги;
Весь складъ измѣнился родимой земли,
Онъ самъ находился среди людей новыхъ [20]).

Запомнилъ Микула въ сказаньяхъ своихъ,
Запомнилъ Литву онъ и бой Куликовскій,
Князей и бояръ, для него дорогихъ;
Запомнилъ и тѣ дни, когда царилъ Грозный,
Когда выводилъ онъ измѣну въ Москвѣ;
Запомнилъ Маринку, потомъ Соборъ земскій...
Но люди другіе стоятъ ужъ въ главѣ
Страны и событій [21]).
Микула замкнулся,
Отъ тяжкихъ стѣсненій и новыхъ властей
Въ свой міръ полудревній, полухристіянскій.

Digitized by Google

Онъ пробовалъ прежде, когда былъ сильнѣй,
Отстаивать міръ свой и древнюю волю;
Но высшая власть, что незримо росла
Во градѣ престольномъ, его отстранила.
У ней была сила, она все могла,
У ней были средства и кой-какой свѣточь;
А онъ оставался невѣждой былымъ.
Событья и власти его затирали
Въ безвыходномъ мракѣ; онъ свыкнулся съ нимъ;
Его ужь страшили дневной свѣтъ познанья
И всякій шагъ твердый, свободный, впередъ, —
Чтобъ не было хуже.
А власть, безразсудно
Страшась его силы, толкала народъ
Все глубже и глубже въ мракъ этотъ бездонный;
Микула-Громовникъ сталъ вьючнымъ скотомъ;
Онъ будто исчезъ иль заснулъ непробудно,
За то и проснулся онъ нищимъ,—рабомъ...

Но все-таки это его не сломило.
Онъ чувствуетъ силы былыя свои;
Онъ втайнѣ хранитъ и богатырей древнихъ,—
Хранитъ онъ ихъ силу, на лучшіе дни,
Когда воцарятся въ Руси свѣтъ и правда.
Онъ знаетъ, что рано ли, поздно-ль, придетъ
Божественный вечеръ небесныхъ величій,
Когда истребитъ ихъ огонь,—и онъ ждетъ,
Ждетъ съ вѣрою это великое время:
«Загорится матушка сыра-земля,
«Съ Востока загорится до Запада,
«Съ Полудень загорится да до Ночи,
«И выгорятъ горы съ раздольями,
«И выгорятъ лѣсы темные».
«И сошлетъ Господь потопіе,
«И вымоетъ матушку сыру-землю,
«Аки харатью бѣлую,
«Аки скорлупу яичную,

Digitized by Google

«Аки дѣвицу непорочную».
«И сойдетъ Михаилъ архангелъ-батюшка,
«Вострубитъ во трубоньку золоту:
«И пойдутъ гласы по всей землѣ,
«Воскреснутъ живые и мертвые...» [22]).

Микула ждетъ этихъ послѣднихъ временъ, —
Но ждетъ терпѣливо. Теперь угнетаютъ,
Поносятъ его; а тогда будетъ онъ
Опять тѣмъ же прежнимъ, богатымъ Микулой.
Едва возсіяетъ блескъ новой зари,—
И онъ просвѣтлѣетъ, какъ красное солнце;
Возстанутъ и древніе богатыри,
Что ждутъ не дождутся, по темнымъ пещерамъ,
Дней этихъ желанныхъ. И будетъ судить
Онъ самъ тогда эту невѣрную землю,
Гдѣ негдѣ ему головы преклонить.
Не будетъ тогда нигдѣ ворону пищи;
Но будетъ міръ новый, и въ немъ будутъ жить
Его предызбранные люди, по правдѣ;
«Растворилися седьмыя небеса,
«Сокатилися златыя колеса,
«Золотыя, еще огненныя;
«Надъ пророками пророкъ-сударь гремитъ,
«Нашъ батюшка покатываетъ,
«Утверждаетъ онъ святой божій законъ».
«Что вы, вѣрные, избранные!
«Я дождусь той поры, времечка,
«Перебирать буду всяко сѣмечко;
«Я отъ чистыхъ не укроюся,
«Надъ царями царь откроюся,
«Завладѣю всѣми престолами
«И короною со державою;
«Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
«И вы рядомъ со мною сядете».
«Не помогутъ, мои други,
«Сего свѣта вамъ князья
«И цари-то всѣ земные;

Digitized by Google

«Пойдутъ они подъ землю
«И покроетъ ихъ земля,
«Что горючіе каменья,
«За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье»...» [23]).

И ждетъ онъ, Микула, съ терпѣньемъ, тотъ часъ,
Когда воцарится онъ снова надъ міромъ,—
О чемъ и начнется дальнѣйшій разсказъ.

Конецъ первой книги.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ 1-й пѣсни:

1) Микула Селяниновичъ (или Селягиничъ и Сѣятелевичъ) есть названіе въ древнихъ русскихъ былинахъ богатыря-пахаря, родоначальника и представителя земледѣлія. Имя и отчество эти, новыя; но мифическое лице Микулы весьма древнее. Еще скифы, между которыми наука признаетъ нынѣ и славянъ, производили осѣдлыя земледѣльческія племена свои отъ сына Солнца, князя колесницы или князя кола, колеса, сохи, Колоксая (Kola-ksais), у котораго было два брата: князь Щитъ,—Hlekpo-ksais, и князь Стрѣла,—Agpo-ksais, представители воинственныхъ и кочевыхъ племенъ. Князь кола или сохи, Колоксай, былъ ихъ меньшой братъ; онъ владѣлъ золотой сохой, золотымъ топоромъ и золотой чашей, упавшими ему изъ солнца. Старшіе его братья, дотронувшись до сохи, обожгли себѣ пальцы, такъ какъ она упала съ неба, еще раскаленная солнечнымъ огнемъ. (Не отсюда ли и народная поговорка при неудавшемся дѣлѣ: что, обжогся? Или: смотри, не обожгись!) Старшіе братья отступились отъ желанія овладѣть сохою, и Колоксай сталъ главнымъ господиномъ земли. Коло на древне-славянскомъ языкѣ означаетъ колесо; отъ чего произошло и древнѣйшее скифское слово, употребляемое и славянами,—коломага. Такъ назывались у скифовъ подвижные ихъ шатры на колесахъ или на колахъ. (Сравн, изуч. народн. быта и поэзіи, Буслаева, Р. в. 1873 г. Январь; поэт. воз. слав. на прир. Афанасьева, ч. I, ст. 558, les Gètes, par F. G. Bergmann, ст. 94). Въ древнихъ ведахъ самое солнце воспѣвается въ образѣ колеса. Оно ѣздитъ на чудесной колесницѣ. Первобытнымъ племенамъ представлялся въ образѣ пахаря и богъ Громовникъ, научившій человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣвать землю; а грозовое облако уподобляется у нихъ плугу. Язонъ вспахалъ поле (небо) мѣдными огнедышащими быками, т. е. громовыми тучами, и засѣялъ дра-

*

Digitized by Google

коновыми зубами, молніями. Наши преданія упоминаютъ также о паханіи на змѣяхъ,—громовыхъ тучахъ. Впослѣдствіи же, мѣсто мифическаго дѣйствія перенесено съ неба на землю. Въ Украйнѣ поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку; что Христосъ пашетъ ниву, а Богородица засѣваетъ зерномъ. Вообще тяжелое дѣло земледѣлія преподано людямъ и наложено на нихъ богами. Въ созвѣздіи Ріона наши земледѣльцы по сіе время видятъ небесный плугъ; въ старину, наканунѣ Богоявленія кликали плугу, и плугъ же считается орудіемъ къ изгнанію смерти, посредствомъ опахиванья. (Буслаевъ, тамъ же; Афан. I т. ст. 550—565). Богъ Громовникъ—творецъ урожаевъ, установитель земледѣлія, покровитель пахарей, является и самъ, въ образѣ простаго крестьянина, воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ, подобно Микулѣ Селяниновичу (Аф. т. II, ст. 681). По зендскимъ преданіямъ, первому человѣку, Джимѣ; вручены были его отцомъ золотая вѣялка и золотое жало, символы земледѣлія и скотоводства,—также знаменующіе князя мира. Яма древнихъ ведъ и Джима тождественны; они оба сыны Солнца, а, можетъ быть, и сами тоже солнце, представители земледѣлія. Яма сынъ свѣта и грозовой тучи; онъ же и царь усопшихъ. (Каррьеръ, т. I, ст. 267—320). Г. Квашнинъ-Самаринъ отождествляетъ Микулу съ Океаномъ, конечно воздушнымъ, съ морскимъ царемъ Стрибогомъ, съ Вишну и Варуной. «Ношеніе Микулой своей тяжкой сумочки, (т. е. съ тягой земли), говоритъ онъ, не есть ли одинъ и тотъ же мифъ съ извѣстнымъ воплощеніемъ Вишну, когда онъ, принявъ образъ черепахи, поддержалъ землю, колеблющуюся на водахъ океана! А Вишну въ позднѣйшемъ браманизмѣ смѣнилъ именно древнѣйшаго морскаго царя арійскихъ мифовъ—Варуну. Какому же божеству прилично носить на своихъ плечахъ землю? Одному Океану,—по нашему, морскому царю, Стрибогу». (Русск. в. 1874, Сент. ст. 23). Какое же древнее имя было Микулы Селяниновича? Изъ сборника русскихъ былинъ Гильфердинга тотъ же авторъ извлекаетъ еще два отчества Микулѣ, а именно: Селягиничъ и Сѣятелевичъ. Въ Олонецкой губ. пахотная земля называется сельга. «А Сѣятелевичъ, говоритъ онъ, указываетъ на Стрибога гораздо прямѣе, чѣмъ Селяниновичъ. Почему имя, подъ которымъ Стрибогъ выводится въ древнѣйшихъ былинахъ, можетъ быть и возстановлено (хотя конечно, и гадательно) такъ: Селяга Сѣятелевичъ». (Такъ же, ст. 25, 26). При этомъ замѣтимъ еще, что въ нашихъ христіянскихъ преданіяхъ древній Яма уже называется св. Николаемъ: «посреди рая лавровое дерево распустило золотыя вѣтви съ серебряными листьями; подъ деревомъ стоитъ ложе, усыпанное цвѣтами, а на ложѣ почиваетъ св. Николай» (Аф. т. I, Январь, 576). Яма есть также представитель земледѣлія, — и потому съ одной стороны, если слово:

Digitized by Google

Микула и можетъ, пожалуй, считаться искаженнымъ именемъ позднѣйшаго его двойника, Николая, хотя народъ говоритъ: Микола или даже Никола (Микола милостивый, Микола Можайскій), а не Микула; но съ другой стороны, невольно обращаетъ на себя вниманіе имя, встрѣчающееся очень часто въ Магабгаратѣ: Накула, также божественнаго князя колесницы,—и, можетъ быть, когда нибудь будетъ доказано, что это имя—Накула, и имена: Колоксай и нашъ Микула не чужды между собою; но что, во всякомъ случаѣ, послѣднее,—если и можно произвести его отъ позднѣйшаго имени: Николай,—скорѣе замѣнило только древнѣйшее, нежели произошло отъ этого христіянскаго имени.

2) Основаніемъ этой поэмы служатъ вообще народныя преданія. Впрочемъ, «съ богословской ли, или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, говоритъ Каррьеръ, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіей настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіанствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе открывали они родственныхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ стариною и народностью; чѣмъ болѣе все неясное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви». Такъ перворожденный и первоумершій Яма и первый человѣкъ Джима тотъ же самый библейскій Адамъ, въ другихъ только образахъ, а роль Харона, по русскимъ духовнымъ стихамъ, исполняетъ Михаилъ-Архангелъ, который, впрочемъ перевозитъ только души праведныхъ къ пресвѣтлому раю, предоставляя грѣшнымъ самимъ брести по огненной рѣкѣ и претерпѣвать мученія, и т. д. (Рел. древ. міра въ отнош. къ христіанству, Р. вѣст. 1873, мартъ, ст. 603, 615).

3) Эти четыре строчки, означенныя вносными знаками, взяты изъ народныхъ былинъ, изд. Рыбникова. Во избѣжаніе излишнихъ выносокъ, считаю нужнымъ оговориться, что и всѣ послѣдующія заимствованія, означенныя сначала до конца такими же вносными знаками, взяты изъ тѣхъ же былинъ, изд. Рыбникова, Кирѣевскаго и др., или изъ духовныхъ народныхъ стихотвореній.

4) «Изученіе ведъ бросило нежданный свѣтъ на начало другихъ религій, говоритъ Альфредъ Мори (croyances et légendes de l'antiquité). Въ ведахъ изображенъ міръ, не имѣющій ничего общаго съ позднѣйшимъ міромъ эпохи эпической. Въ томъ мірѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда кастъ, ни переселенія душъ. По мнѣнію арійца, Богъ одинъ, а всѣ прочія божества только его образы. «Божественный Духъ, вращающійся въ небесахъ, какъ поется въ одномъ ведійскомъ гимнѣ, называется Индрой, Митрой, Варуной,

Digitized by Google

Агни; мудрецы даютъ ему и еще много другихъ названій: Агни, Ямы, Матарисвана». Но Сома есть творецъ всего, въ прошедшемъ настоящемъ и будущемъ; онъ отецъ мудрости, создавшій небо, воздухъ и звѣзды; онъ же возводитъ и солнце на небо. Поэтому можно сказать, что Индія во время ведъ, была классической страной всѣхъ религій. Отсюда произошли брамизмъ въ Индіи, мадеизмъ въ Персіи; отсюда возникли потомъ религіи Эллиновъ, Италійцевъ, Германцевъ, Славянъ и Кельтовъ. «Вначалѣ была Любовь; изъ нея изошло первое сѣмя жизни. Сперва міръ былъ одною нестройной массой, носившейся вверху воды. Мірозданіе совершилось въ глубокой древности; но продолжается непрестанно, исходя отъ нашего общаго отца, прародителя»... «Такъ поется въ ведахъ, которыя вообще относятся къ слишкомъ ранней эпохѣ, чтобы искать въ нихъ космогоническую систему или опредѣленное понятіе о будущей жизни». Тоже самое говоритъ и Каррьеръ, въ своемъ сочиненіи: искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества» (Т. 1, ст. 272—273). «Въ идеалѣ божества, говоритъ онъ, вначалѣ видѣли идеалъ разума, и вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ общею. Впрочемъ и мифологическій процессъ, съ зависящимъ отъ него появленіемъ разнообразныхъ божественныхъ обликовъ, начался еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соотвѣтственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ, встрѣчающихся у разныхъ народностей. Сходство это однако основано вовсе не на позаимствованіи, напротивъ, многое что съ историческимъ развитіемъ затмилось для самихъ Эллиновъ или Германцевъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ; то снова прояснилось теперь для насъ вслѣдствіе розысканій надъ ведами или же на оборотъ, иной обычай нынѣшнихъ нѣмецкихъ крестьянъ истолковываетъ трудныя мѣста древне-индѣйскихъ гимновъ».

5) «Слово аріи (какъ бы арьичи, съ отечественнымъ окончаніемъ ичъ), говоритъ г. профессоръ Буслаевъ, есть не иное что, какъ отцовскія дѣти (какъ бы: отчичи), потому что ари или арья значитъ отецъ или глава семейства». (См. пред.) Слово же Ирій и Вырій или Вырей, по мнѣнію г. Афанасьева, (т. III, ст. 800) только лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того же корня, только въ иной формѣ arj. А по мнѣнію Котляревскаго (О погреб. обыч. ст. 198), этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень raj (радж.), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ ведахъ. М. Миллеръ, на котораго ссылается Котляревскій, говоритъ о санскритскомъ существительномъ rajàs (раджас),—это первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

Digitized by Google

Ригъ-веды множ.: число отъ раджас означаетъ облачное небо. Арійскіе народы вообще причисляются къ роду Іафета; г. Бергманъ находитъ этотъ терминъ самымъ лучшимъ для обозначенія арійцевъ и болѣе опредѣленнымъ, нежели названіе Индо-Германцевъ (Les Gétes, стр. 2, 5, прим. на ст. 17): такъ какъ Азія вообще есть прародина и колыбель всѣхъ народовъ, живущихъ нынѣ въ Европѣ. Сперва вышли изъ сѣверо-западной Азіи Финно-Алтайскія племена, около 2,500 л. до Р. Х.; а потомъ пришли въ Европу и племена Іафетовы, между которыми нѣмцы, скандинавы и славяне почитаются самыми младшими. «Древніе же персы именовались иранцами, по первобытному прозвищу арья, аріи и Аріама въ ведахъ,—божества, которое часто призываютъ на ряду съ Митрою и Варуной, съ Солнцемъ и Небесами, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 286). Аристой, т. е. самыми арійскими, именуются у грековъ благородные; Айрья—честными, почтенными, называли сами себя индѣйцы». По нашимъ преданіямъ Вырій, Вырей, Ирей, Ірій, Ирья, праотчизна арійцевъ, есть теплая страна, лежащая далеко на Востокѣ, у самаго моря, куда скрываются на зиму птицы и насѣкомыя до весны; это царство Солнца за моремъ, гдѣ вѣчное лѣто и откуда прилетаютъ весной птицы и приносятся на землю растительныя сѣмена (Аф. II, ст. 137).

6) «Пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, говоритъ г. Буслаевъ, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется эпосомъ, который питаетъ въ немъ религіозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему въ политическомъ устройствѣ древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями за круглымъ столомъ; англо-саксы, въ лицѣ милостиваго короля Градгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своей преданной дружиной въ ежедневныхъ пирахъ и веселіи. Такъ и у насъ первымъ собирателемъ земли русской, народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями... Какъ солнце по небу числуется, т. е. играя и свѣтя, управляетъ временами года и освѣщаетъ день, такъ и Владиміръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею русскою. Не смѣнилъ ли онъ собою Дажьбога или Сварога, божество Солнца,—по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ мифическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ красное солнце до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его». (Рус. богат. эпосъ, Р. Вѣст. 1862, Сент., ст. 50, 51). Скандинавскій богъ Одинъ также пируетъ въ Валгалѣ съ

Digitized by Google

свѣтлыми асами и умершими героями. «Впрочемъ, продолжаетъ г. Буслаевъ въ другомъ мѣстѣ,—«длинные ряды сходныхъ между собою преданій и сказаній, какъ въ общемъ содержаніи, такъ и въ мелочахъ отдѣльныхъ пріемовъ, оборотовъ мысли и выраженій, приводятъ изслѣдователей къ мысли о томъ, что кромѣ сродства первобытнаго, по языку и мифологіи, и кромѣ исторической передачи преданія и литературной взаимности, есть еще другія столько же обязательныя узы, которыми народы на громадныхъ разстояніяхъ соединяются между собою въ общихъ имъ всѣмъ интересахъ. Общіе всему человѣчеству, законы логики и психологіи, общія явленія въ быту семейномъ и практической жизни, наконецъ общіе пути въ развитіи культуры, естественно должны были отразиться и одинаковыми способами понимать явленія жизни и одинаково выражать ихъ въ мифѣ, сказкѣ, преданіи, притчѣ или пословицѣ. Какъ крикъ кукушки, говоритъ проф. Кирпичниковъ, долженъ отразиться въ языкахъ однимъ и тѣмъ же названіемъ птицы, такъ и извѣстное отношеніе между людьми, необходимо существующее при извѣстной ступени развитія человѣка, должно отразиться въ поэзіи». (Странст. пов. и раз. Буслаева, Руск. В., Май, 1874 г. ст. 35, 36).

7) «Надобно полагать, говоритъ г. Буслаевъ, въ статьѣ о русскомъ народномъ эпосѣ, что эпическому циклу Владиміра красна-Солнышка и его богатырей предшествовалъ въ русской поэзіи собственно мифологическій и героическій эпосъ, идеальные типы котораго были потомъ перенесены на Владиміра и его поэтическихъ спутниковъ. Вѣроятно, между ними уцѣлѣли нѣкоторые остатки древнѣйшей мифической эпохи, какъ напр. Дунай и его воинственная невѣста, эта Брингильда русскаго эпоса; сюда же можно отнести Волха Всеславича, героя-оборотня, Потока Михаила Ивановича съ его вѣщей супругой бѣлой Лебедью и нѣкоторыхъ другихъ. Но государственное начало, начинавшее пускать свои корни въ южной Руси, уже очень рано оказало свое дѣйствіе на составъ народнаго эпоса, сгруппировавъ цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ древнемъ, миѳическомъ образѣ красна-Солнышка, которому услужливая дружина дала имя любимаго ею князя. Къ тому же времени принадлежитъ и княжеская личность Добрыни Окруженіе князя Владиміра представителями различныхъ сословій, безъ сомнѣнія, относится къ эпохѣ уже послѣдующей. Величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ быть напоминала идеальные типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ быть, она была снимкомъ съ мифическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской миѳологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и

Digitized by Google

защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, также и битва Добрыни съ бабой Горынинкой, могутъ относиться къ первобытному мифологическому эпосу; но сословныя отношенія этихъ богатырей другъ къ другу внесены во Владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Анахронизмы, столь обыкновенные во всякой народной поэзіи, какъ напр. у насъ въ пѣсняхъ Владиміръ ведетъ войну съ татарами,—не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія». (Ист. очерки народ. слов. и искуств. т. I, ст. 417—418). «Главный характеръ славянскаго эпоса, продолжаетъ г. Буслаевъ, героическій или, выражаясь сербскимъ терминомъ, юнацкій. Какъ произведеніе народной фантазіи, сложившееся еще въ эпоху миѳическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи, юнацкій эпосъ проникнутъ творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Весь циклъ древне-русскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. Въ обществѣ ихъ, за столомъ Владиміра красна-Солнышка, являются Тугаринъ Зміевичъ, мифическій змій и сынъ змія; онъ въ преступной связи съ супругою самаго краснаго Солнышка, и т. д... Владиміръ красное-Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственною сѣтью мифическихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга, въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ, съ существами мифическими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщими женами, оборотнями—бѣлыми лебедушками, съ мифическими богатырями, олицетворяющими рѣки; онъ дѣлитъ хлѣбъ-соль съ оборотнями, зміями, съ породою змѣиною. Не меньшую связь съ міромъ мифическимъ представляютъ и другіе витязи первобытнаго нашего эпоса. Волхъ Всеславичъ даже по самому рожденію своему—существо сверхъестественное», и т. д. (Тамъ же, ч. II, ст. 6, 7, 8). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что Вольга,—варягъ, удѣльный князь, Добрыня—князь безъ удѣла, Опракса—литовская княжна, Михаилъ Потыкъ—отчаянный бродяга, Дюкъ Степановичъ,—богачь ар стократъ изъ Галича, въ Вольгѣ изображенъ также Всеславъ Полоцкій; Соловей разбойникъ—древній разбойникъ Могута, представитель вятичей, Илья Муромецъ,—Чоботокъ, умершій около 1188 г., и т. д. (Бесѣда, 1872 г., № 4). Но это не противорѣчитъ вышеизложенному толкованію г. Буслаева, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Такъ какъ историческое постепенное развитіе характеровъ и идеаловъ народнаго эпоса находится непремѣнно въ связи съ убѣжденіями и понятіями, смѣняющихъ другъ друга, поколѣній, и анахронизмы, столь обыкновенные во всякой народной поэзіи, не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Илья Муромецъ былъ прежде Перунъ, а потомъ сталъ богатыремъ русскимъ, Добрыня, по мнѣнію г. Стасова, древній

Digitized by Google

Кришна, могъ быть и Сигурдомъ, и потомъ княземъ Рязанскимъ и т. д.

8) По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, рѣки Сафатъ, Изрой, мифическія. На Изроѣ, въ степи, живутъ въ бѣлокаменной пещерѣ чудовищныя змѣи. Леванидовъ крестъ или луга Леванидовы отъ Леванида, Леонтія, втораго митрополита Кіевскаго или Ростовскаго епископа, св. Леонтія. (Бесѣда, 1872, № 4). Если же принять названіе рѣки Смородины, какъ самороженной, т. е. какъ горнаго потока, который мгновенно прибываетъ въ извѣстное время и нерѣдко становится пагубнымъ для тѣхъ, кто переѣзжаетъ черезъ него; то, можетъ быть, и рѣка Изрой, какъ роющая себѣ глубины, подойдетъ подъ тоже значеніе. Упоминаніе въ былинахъ Индѣйскаго моря нѣкоторые считаютъ книжнымъ; однако извѣстно, что Азовское и Балтійское моря въ древности, хоть и ошибочно, назывались Индѣйскими,—послѣднее, отъ жившихъ на немъ Виндовъ. Почему же племена, пришедшія нѣкогда изъ Индіи, не могли сохранить, хоть смутно, названія своей праотчизны, въ древнѣйшихъ ихъ преданіяхъ?

9) Чохъ (чиханье) и судьба, да и вообще всякія примѣты, считались весьма важными въ древности. «По указанію Гримма, арабы о дневномъ разсвѣтѣ выражаются: утро чихаетъ. По народнымъ примѣтамъ: если чхнетъ больной, то навѣрно выздоровѣетъ; кто чхнетъ рано на тощахъ, тотъ получитъ въ теченіи дня подарокъ или неожиданное счастье», и т. п. (Афан. II, прим. на стр. 338). Еще важнѣе была судьба. «Облачныя дѣвы, хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣденіемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя приносить на землю младенческія души и увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. У славянъ эти дѣвы назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на Божій свѣтъ. Съ ними соединялась идея судьбы, предопредѣленія... Жизнь со всѣми ея радостями и бѣдами уже наперед опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На это указываетъ и народная поговорка: такъ ему или мнѣ на роду написано,—поговорка, мифическое значеніе которой вполнѣ подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ: «рожденникъ, гдѣ написаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка» (Аф. III, ст. 318, 368). «Вѣруя въ зависимость судьбы человѣческой отъ звѣздъ, наши поселяне утверждаютъ: какъ только народится человѣкъ, то Господь тотчасъ же велитъ прорубить въ небѣ окошечко и посадитъ къ нему ангела наблюдать за дѣлами и поступками новорожденнаго, въ продолженіи всей его жизни; ангелъ смотритъ и записываетъ въ книгу, а людямъ кажется, что то звѣзда свѣтится. А когда че-

Digitized by Google

ловѣкъ умретъ,—окно запирается и звѣзда исчезаетъ,—падаетъ съ неба». (Аф. т. I, ст. 161). «Самое время рожденія человѣка, добрый или злой часъ, было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля» (Аф. т. Ш, ст. 414). Почему противъ чаръ и всякихъ несчастныхъ случаевъ употреблялись предохранительныя средства, между прочимъ наузы. «Средину между физическимъ связываньемъ тѣла и нравственными узами, какъ бы переходъ одного къ другому, представляютъ намъ въ народныхъ суевѣріяхъ, преданія про волшебныя узы и чары, говоритъ г. Шеппингъ (русск. народность, стр. 160—161). Въ нихъ есть отчасти и вещественное окруженіе человѣка начертаніемъ чародѣйскаги круга, пляской или обходомъ вокругъ него; но сущность этихъ чаръ не въ самомъ веществѣ окружающаго и связывающаго предмета, но въ ихъ сокрытой отъ насъ силѣ. «Въ моихъ узлахъ сила могучая; заговариваю заговоръ мой крѣпко на крѣпко; а будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжеле золота, крѣпче алатырь-камня, могучѣе богатыря», и т. д. Стало быть, надобно было въ тѣ времена имѣть большую силу воли, чтобы не вѣрить ни въ чары, ни въ судьбу. Этимъ извѣстны у насъ Илья Муромецъ, и потомъ Васька Буслаевъ; послѣдній, впрочемъ, не вѣрилъ ни во что. Такое презрѣніе къ чоху и судьбѣ слѣдуетъ отнести, кажется, болѣе ко временамъ уже христіянства, хоть бывали такіе безстрашные богатыри и въ язычествѣ, особенно въ Скандинавіи.

10) Замѣчательно въ этой встрѣчѣ полубога-великана, покровителя земледѣлія, Микулы, съ вѣщимъ богатыремъ дружиннаго быта, Вольгой Всеславичемъ, что хоть князь Владиміръ, покровитель страны, и подарилъ своему племяннику Вольгѣ три города; но вѣщій богатырь Вольга не можетъ проникнуть въ нихъ безъ помощи земледѣльца Микулы. Только земледѣлецъ Микула можетъ водворить его въ этихъ городахъ; на что впрочемъ Микула тотчасъ же соглашается, потому что онъ всегда готовъ способствовать къ водворенію порядка въ своей землѣ. Вся обстановка его при этомъ еще исполнена чудеснаго и напоминаетъ древнія времена. Тутъ и золотая сошка скифскаго Колоксая, и кобылка Микулина, напоминающая собой волшебныхъ коней индѣйскихъ преданій; какъ братья Колоксая, коснувшись раскаленной сошки, обожгли себѣ пальцы, такъ ни дружина Вольги, ни онъ самъ, не въ силахъ вытащить Микулиной сошки изъ земли. Цѣлые три дня Вольга не можетъ доѣхать до оратая, хотя и слышитъ въ необозримомъ пространствѣ скрипъ его сошки. «Вся эта картина, говоритъ уважаемый профессоръ О. Миллеръ, расширяется до громадныхъ размѣровъ. Передъ вами какъ бы поэтическое отвлеченіе той безпредѣльной равнины, какой разстилается вообще вся земля русская, и ее-то воздѣлываетъ оратай съ такою неутомимостью и такъ

Digitized by Google

быстро передвигаясь изъ края въ край, что въ немъ можно видѣть только божественнаго оратая, божественнаго представителя и покровителя земледѣлія на Руси. Какъ въ образѣ Вольги замѣчаемъ мы черты, свойственныя божеству, представителю звѣроловства и воинскаго быта; такъ въ образѣ Микулушки скрывается божество, въ которомъ отъ прежняго физическаго значенія совершился соотвѣтственный переходъ къ нравственному значенію божества, заправляющаго земледѣльческимъ бытомъ. Его божественный родъ еще проглядываетъ до сихъ поръ сквозь тѣ черты, все болѣе и болѣе усиливающагося очеловѣченія, какому современемъ подвергаются всѣ безъ исключенія существа народнаго эпоса. Какъ бы попеременно представляется онъ въ теперешнемъ видѣ былины, то сверхъчеловѣческимъ существомъ, то простымъ человѣкомъ». (Богат. Кіевск., ст. 203—204). А палаты Микулины, гдѣ онъ принимаетъ Вольгу,—не слѣдуетъ ли искать ихъ первообразъ между жилищами боговъ на небѣ? Но всѣ три его дочери еще поленицы; значитъ, земледѣльческій бытъ еще только устанавливается,—изъ чего также можно заключить о глубокой древности этой былины.

11) Въ разсказѣ поэмы выше приведены всѣ старшіе богатыри нашихъ народныхъ былинъ, между которыми всего болѣе выдается младшій, по времени рожденія, Илья Муромецъ. «Слово богатырь, говоритъ г. Буслаевъ (Рус. вѣст. сент. 1862 ст. 8) происходитъ отъ слова богъ, богатъ, божественный, и есть названіе, собственно русское, тѣхъ же существъ, что въ сербскомъ эпосѣ слывутъ подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ дивовъ; какъ латинское dives (богатый) происходитъ отъ deus (богъ), divus (божественный,—отъ корня div—свѣтать, откуда и наши дивы-богатыри); такъ и наше: богатъ, имѣетъ смыслъ мифическій, равно какъ и збожіе (тоже отъ слова богъ), въ смыслѣ жита и хлѣба, а потомъ имѣнія вообще, богатства. Точно также и слово витязь, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятіе о героѣ временъ кн. Владиміра. Слово витязь первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ судѣ Любуши, были выучены вѣщбамъ витезевымъ, т. е. онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды. Отсюда и слово витинги, въ смыслѣ благородныхъ воиновъ, морскихъ наѣздниковъ...» Богатыри нашихъ былинъ раздѣляются на старшихъ, собственно древнѣйшихъ, между которыми еще есть богатыри-дивы стихійные, и на богатырей кіевскихъ или младшихъ, т. е. позднѣйшаго времени. «Народный эпосъ, говоритъ, г. Буслаевъ (тамъ же, март. ст. 31) воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра или Непры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и харак-

Digitized by Google

теръ древнѣйшему быты славянъ...Рѣки были для нихъ нетолько путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи...По русскому эпосу рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги, Нѣпры королевичны, т. е. Днѣпры (вмѣсто муж: р. Днѣпръ), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная валькирія и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы...Донъ съ досады выстрѣлилъ въ свою жену и убилъ ее, и потомъ въ отчаяніи убилъ себя: тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣка. Тоже разсказывается и о Дунаѣ...Отъ крови изъ ранъ Сухмана богатыря протекла Сухманъ рѣка. Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемірный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося подобно еврейскому Ною или индѣйскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса... Волхъ Сеславичъ или Всеславичъ, какъ существо титанической древней породы, былъ сыномъ Змія. Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было приурочено къ мѣстечку Перыня или Перунь, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ, Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ: бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила, и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не покланялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ будто-бы тогда почиталъ его за Бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у новгородцевъ, это мифическое существо называется звѣрь-зміяка, Перюнъ, т. е. Перунъ». (Такъ сливались древнѣйшія преданія впослѣдствіи между собою)! «Преданіе о мифическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ,—Святогорѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ,—ясно, что гора сильнѣе земли... Блистательное впрочемъ подтвержденіе русскому мифу находимъ въ одномъ изъ названій горы по санкритски: поддерживающая или держащая землю; такъ что гора по этому названію представляется какъ бы

Digitized by Google

пьедесталомъ для какого нибудь мифическаго существа, а именно для богини земли или матери-сырой земли. Уже самое имя Святогора указываетъ на связь съ горою. Живетъ онъ на святыхъ горахъ. Святыми называются онѣ, конечно, не въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь получила свой эпитетъ—святая, первоначально безъ всякаго отношенія къ святости православія»....Къ этому можно присовокупить, что Святогоръ, какъ богатырь стихійный, соотвѣтствуетъ также скандинавскому великану стужи Скримиру, у котораго громовникъ Торъ съ своими спутниками однажды ночевалъ въ пальцѣ варяжки или перчатки; но въ глубокой древности и самыя облака считались небесными или воздушными горами, гдѣ въ пещерахъ обитали змѣи - Горыничи, огненные змѣи и хранились драгоцѣнные сокровища. Колыванъ-богатырь, о которомъ у насъ не сохранилось ни одной былины, есть представитель, какъ извѣстно, кочеваго быта или степной бродячей силы. Его имя, кажется, можно прямо производить отъ слова коло, колесо, коломяга, т. е. палатка или кибитка на колесахъ, первое подвижное обиталище кочующихъ скифовъ. Илья Муромецъ, сначала сидѣнь, а потомъ глава русскихъ богатырей, заключаетъ въ себѣ, извѣстно также, элементы Святогора и Микулы, которые какъ бы сливаются въ его личности. Онъ родится пахаремъ, обучается богатырскимъ похваткамъ у Святогора, хоронитъ его въ домовищѣ и является въ Кіевъ побѣдителемъ Соловья-разбойника, защитникомъ вдовъ и сиротъ, и какъ-бы народнымъ представителемъ при князѣ Владимірѣ. «Сама мать Сыра-земля любитъ Микулу Селяниновича и весь его родъ-племя: указаніе драгоцѣнное, продолжаетъ Буслаевъ (тамъ же сент. ст. 17—29). Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой мифической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ мифическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого союза, носить только тягу земную, да еще въ переметной сумочкѣ. Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней эрды, такія героини дѣйствительно входятъ въ кругъ сѣвернаго олимпа. Онѣ—или богини изъ прекраснаго рода—племени вановъ или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій»...«Тотъ не можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ,

Digitized by Google

кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіи столѣтій, доходитъ до насъ, переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анохронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ мифической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца...Потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца—Перуна, можетъ быть, даже по тождеству имени, сливаетъ въ одну личность съ Ильею Громовникомъ. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачаться въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ-Торѣ. Громовникъ Илья-Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе мифическаго Селянинныча, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіей путь. Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ; но цѣлыя тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ на печи, протеръ подъ собой яму, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно, богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильею Муромцемъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи,—вотъ настоящее рожденіе богатыря» (Тамъ-же ст. 42—44). Вообще первообразы нѣкоторыхъ нашихъ древнѣйшихъ богатырей, по мнѣнію г. Стасова (В. Евр. 1870 г.), можно искать въ Индіи, колыбели древнѣйшихъ вѣрованій и преданій. Отсюда, говоритъ г. Буслаевъ, онѣ разошлись по цѣлому міру, во множествѣ разнообразныхъ варіацій на общія темы; такъ что даже столь часто употребляемое въ нашихъ сказкахъ «выраженіе: по бородѣ текло (масло съ медомъ), а въ ротъ не кануло—находится еще въ сборникахъ Индіи и Персіи, каковы Панчатантра, Гитопадеша въ первой, откуда и перешли всѣ подобные разсказы въ древнюю Персію, въ Сирію, Малую Азію, а оттуда въ Грецію и Римъ. Къ намъ же оно могло перейдти и прямо изъ Индіи въ глубокой древности, и потомъ изъ Персіи». (Стр. пов. и разск., г. Буслаева, Р. вѣст. 1874 г., Апрѣль, 671—677, 686). Немудрено послѣ этого найти нѣкоторое сходство, даже одинъ общій типъ между иными древними героями нашихъ народныхъ былинъ и другихъ народностей. У нихъ одна и таже прародина, древняя Индія, въ древнѣйшую эпоху

Digitized by Google

первыхъ арійцевъ, браминовъ и буддизма. Въ позднѣйшее время могли быть и нѣкоторыя добавленія или наслоенія, даже заимствованія между народностями; но это относится уже къ новѣйшимъ эпохамъ, когда первобытные типы, вынесенные изъ арійской праотчизны, отчасти ужь изгладились изъ памяти народной, и народъ нашелъ нужнымъ сдѣлать эти дополненія. «Это уже новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса какъ выражается г. Буслаевъ, (Р. Вѣстн. Сент. 1862 г., ст. 49 и 42), обозначившійся въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. А каждое поколѣніе, какъ сказано выше, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ иногда цѣлые эпизоды изъ своей современности». Говоря же вообще о нашихъ сохранившихся народныхъ былинахъ, слѣдуетъ сказать, что въ нихъ замѣтна чрезвычайная отрывочность и значительные пропуски. Въ нихъ сохранилось весьма немногое изъ древнѣйшихъ преданій, какъ цѣлое. И, по моему неученому мнѣнію, это уже есть доказательство ихъ чистоты и самобытности, такъ какъ народъ не хотѣлъ касаться этой старинной своей святыни: что онъ позабылъ, — ни слова больше объ этомъ; а что передѣлалось, сообразно послѣдующимъ его понятіямъ и обычаямъ, то передѣлалось въ духѣ его народности и новыхъ требованій его положенія. (См. слѣд. примѣч. 12).

12) Всѣ старшіе богатыри, полубоги-получудища, что окружаютъ князя красное-Солнышко, да и онъ самъ, должны исходить изъ самой глубокой древности. Какъ Индія во время ведъ была классической страной всѣхъ древнихъ религій, такъ она потомъ становится колыбелью древнѣйшихъ легендъ и преданій. Но какимъ образомъ эти легенды развивались въ каждомъ народѣ отдѣльно,—это закрыто отъ насъ глубокимъ мракомъ. Вообще всѣ преданія арійцевъ, да и симитеческихъ народовъ, болѣе или менѣе сходны между собой; вѣроятно, потому что идутъ изъ одного источника. Въ какое время и что именно однѣ племена заимствовали у другихъ,—эти нити по сіе время не распутаны; всѣ восточныя племена были въ древности въ непрестанномъ броженіи и столкновеніи другъ съ другомъ. Въ первый періодъ своего религіознаго развитія, говоритъ Бергманъ (la faschin: de Gulfi, p. 8—16), человѣкъ воспринимаетъ только внѣшнія впечатлѣнія поражающихъ его явленій или образовъ; во второй періодъ онъ начинаетъ вникать въ эти явленія и образы, и соображать ихъ въ умѣ; въ третій періодъ каждое изъ этихъ внѣшнихъ явленій и каждый внѣшній образъ имѣютъ въ глазахъ его ужь свой отличительный характеръ и свои особенности. Въ первый періодъ онъ называетъ наприм.: солнце, по его блеску, блестящимъ, и слово: блестящій, въ его понятіяхъ, становится синонимомъ солнца. Во

Digitized by Google

второй періодъ прежнія божества, какъ то: Небо, Океанъ, Солнце, перестаютъ быть въ глазахъ человѣка божествами; но становятся только вмѣстилищами или обиталищами разныхъ боговъ, которымъ онъ ужь придаетъ человѣческую личность: антропологія присоединяется къ феогоніи и космогоніи. Въ этотъ періодъ развиваются поэзія, знаніе и преданія народовъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ всѣ эти божества антропологическія, люди-боги, теряютъ прежнее ихъ значеніе, и человѣкъ чувствуетъ потребность въ высшемъ, духовномъ божествѣ, которому слѣдуетъ служить духомъ и истиной. Но второй періодъ продолжается отчасти и въ третьемъ,— такъ какъ прежнія божества укоренились въ нравахъ, привычкахъ и преданіяхъ народа, который нескоро разстается съ минувшимъ; но въ глазахъ высшихъ людей такая закоснѣлость принимаетъ видъ суевѣрія. Стало быть, по этой классификаціи г. Бергманна, во второй періодъ,—поэзіи и преданій, начинаетъ слагаться и народный эпосъ; очеловѣченные боги спускаются съ небесъ на землю, и становятся полубогами и героями, или народные герои облекаются въ божественные образы; а силы природы превращаются въ чудовищныхъ исполиновъ или таинственныхъ карловъ. «Первоначальный божескій міръ сталъ такимъ образомъ общею основой для позднѣйшаго героическаго сказанія, говоритъ г. Карьеръ; а послѣднее, подъ вліяніемъ всего пережитаго въ богатырскій вѣкъ, выработалось у разныхъ народовъ въ многоразличныя былины». (Т. 1, ст. 276). Къ первому періоду можно отнести періодъ ведическій, когда покланялись единому Богу, въ образѣ Неба, Сварога или Дія, и арійцы приносили ему жертвы, разумѣя въ немъ и солнце, и воздушный океанъ, и стихіи, и явленія природы. Но еще до выхода арійцевъ изъ ихъ праотчизны, ужь начался второй періодъ: потому что каждое племя вынесло съ собой оттуда не одного, а нѣсколько боговъ, какъ бы родившихся отъ Неба—Дія, Сварога, и рядъ преданій о своихъ собственныхъ и сосѣднихъ герояхъ. Во время продолжительной эпохи переселенія, черезъ разныя страны, все это дополнялось или искажалось новыми впечатлѣніями и преданіями, и наконецъ, самыя тѣ земли и сосѣди ихъ, гдѣ эти выходцы поселялись, должны были дать этому еще новый, свой собственный характеръ и свою обстановку. Вникая въ наши религіозныя преданія, которыя меньше подлежатъ порчѣ, и въ народныя былины, мы дѣйствительно находимъ гораздо болѣе первобытной чистоты въ первыхъ, нежели въ послѣднихъ. «Религія вендовъ или славянъ, говоритъ Эйхгофъ, исходя также съ Востока, только позднѣе, и тѣсно связанная съ пластическими формами, что еще сохраняютъ боги Индіи подъ вѣковыми сводами Эллора, хотя и измѣнила имена тамошнихъ боговъ, но тотчасъ видно, что отчизна ея боговъ въ Индіи—въ главныхъ силахъ природы и преобладающихъ страстяхъ человѣка. Кто не при-

Digitized by Google

знаетъ, смотря на славянскія божества, явнаго отпечатка на нихъ Индостана, или даже кто не подумаетъ, что онъ перенесенъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ и за двѣ тысячи льё, въ среду того древняго народа, котораго нравы, вѣрованія и языкъ воскресли вновь во всей цѣлости на берегахъ Нѣмана?...» (Tabl. de la littér. du Nord., p. 84, 85). Тоже самое онъ говоритъ и о нашихъ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразился языкъ ведъ, особенно въ припѣвахъ народныхъ пѣсенъ. Напротивъ, наши былины дошли до насъ въ отрывкахъ, и, замѣчаетъ г. Стасовъ, съ примѣсью чуждыхъ элементовъ. Все это могло свершиться, конечно, въ глубокой древности; а огромныя пространства нашей страны и разрозненность между собою славянскихъ племенъ, да и самое вліяніе историческихъ событій, не дали нашимъ предкамъ возможности разработать вполнѣ родной, народный эпосъ, какъ это удалось нашимъ сосѣдямъ скандинавамъ. Воспріимчивый народъ могъ принять безсознательно, и потомъ еще, чуждыя заимствованія. Когда и откуда, — разъяснить это — дѣло науки, для чего нужно углубиться въ самую отдаленную древность, во дни переселенія славянъ съ Востока, подъ разными ихъ именами и прозвищами. (См. les Gèt: par Berg). Между тѣмъ эти заимствованія, если онѣ и были, давно ужь стали достояніемъ народнымъ, и народъ нашъ давно ославянилъ не только ихъ образы, но и самую обстановку и выраженія, такъ что неизвѣстно еще, что тутъ одно сходство и что заимствованіе.

Ко 2-й пѣсни:

1) Сказанія о довременной вселенной, въ видѣ дуба Стародуба или Ясени, общи славянской и скандиновской мифологіямъ. «Мы найдемъ и въ ведахъ некрушимую смоковницу, корнями вверхъ, а вѣтвями внизъ, говоритъ Каррьеръ (ст. 279), въ которой утверждены всѣ міры, изъ которой боги построили небо и землю, которая носитъ всякій плодъ, и которой листья сочатъ изъ себя каплями божескій напитокъ. Оставляю въ сторонѣ розысканіе, не лежитъ ли тутъ первоначальною основой воздушное дерево своеобразнаго вида облаковъ, которыя тянутся длинновѣтвистыми полосами; но думаю, можно принять за древнеарійскій тотъ взглядъ, что вся природа есть лишь укорененное въ глубину и высящееся къ небу воспитательное растеніе, и напоминаю при этомъ про дерево жизни у симитовъ». Къ этому можно прибавить, что у скандинавовъ всемірная ясень ростетъ корнями внизъ, и потому едвали

Digitized by Google

ихъ преданіе о ней не заимствовано изъ вторыхъ уже рукъ. Священное Слово, въ которомъ открываетъ себя Духъ, прославляется ужь въ ведахъ. «Не предвѣстниками ли Іоаннова ученія о Словѣ, продолжаетъ тотъ же авторъ, (ст. 130), какъ высказывающемся разумѣ Божіемъ, звучатъ напр. такія рѣчи: Слово всему набольшее, всему первое, его имя благодатнѣе всего. Какъ пшеница очищается въ рѣшетѣ, такъ слагается оно въ душѣ мудраго. Оно получило видъ и обликъ у пѣвцовъ стародавнихъ, и жрецы стали его носителями. Само Слово говоритъ о себѣ: я иду съ духами свѣта и вѣтровъ, несу небо ночное и солнце ясное; я царица, владычица богатствъ; кого полюблю, сдѣлаю мудрымъ, благочестивымъ и великимъ. Я досягаю до пебесъ и далѣе; я пребываю во всѣхъ мірахъ и дышу во всемъ живущемъ, проникаю собою всѣ существа». Такимъ образомъ еще въ глубокой древности Слово получило силу заговора или заклинанія. «Могущество заговорнаго слова безгранично, говоритъ г. Афанасьевъ (т. I, стр. 423), оно можетъ управлять стихіями, вызывать громы, бури, дожди, градъ и задерживать ихъ, творить урожаи и безплодіе, умножать богатство... Слово это можетъ творить чудеса, подчиняя волѣ заклинателя благотворныя и зловредныя вліянія всей обожественной природы». Касательно бѣлки, сокола и жернововъ, какъ образовъ грозы у славянъ, см. также Афан. т. I, гл. VI, гроза, вѣтры и радуга.

2) Во время ведическаго періода, когда арійцы жили вмѣстѣ, несозданный міръ представлялся въ видѣ нестройной массы, носившейся вверху воды; въ послѣдующій же періодъ браминовъ въ Индіи мірозданіе является ужь въ другомъ образѣ: юный Брама, одушевленный силой Предвѣчнаго, всплываетъ въ лотусѣ изъ всемірнаго океана и создаетъ изъ скорлупъ міроваго яйца небо и землю. Этотъ лотусъ и есть земля, въ видѣ семи листковъ или семи острововъ, появившихся вначалѣ изъ моря. «Брама (первопричина вселенной, святое) зародился отвѣка, напередъ всего; изъ Брамы развернулась краса усладительнаго блеска; ему принадлежатъ и выси, и глубина бездны; однимъ Брамой раскрывается причина бытія и небытія». Такъ поется въ Самоведѣ; а изъ повторяющагося припѣва браманы ухитрились вычитать особаго бога: Кто?...» «Міръ разрѣшали брамины въ Богѣ; но Богъ былъ у нихъ недѣятельнымъ, а спокойно-созерцающимъ духомъ, бездѣйственнымъ въ самомъ себѣ. Душу міра отождествили съ Брамой (верховною святыней) и постигли ее, какъ вѣчное духовное единство, какъ таинственную первопричину всякой жизни вообще». (Кар. т. I, ст. 318, 341—346). У славянъ тоже самое преданіе о мірозданьи, какъ и у Индѣйцевъ, только въ искаженномъ видѣ. Вмѣсто Брамы у насъ плывутъ по морю, въ видѣ бѣлаго и чернаго гоголей, Бѣлбогъ и Чернобогъ, заимствованные ужь отъ Иран-

Digitized by Google

цевъ; вмѣсто блестящихъ листьевъ лотуса у насъ пустынный островокъ, созданный изъ горсти земли, который потомъ расширяется. У индѣйцевъ творитъ вселенную одинъ Брама; у насъ и доброе, и злое начало,—изъ которыхъ послѣднее коверкаетъ созданное первымъ. (См. Афан. т. II, гл. XIX, о сотвор. міра и человѣка).

3) «Пѣтухъ гораздо моложе въ передней Азіи и Европѣ, чѣмъ можно было бы думать, говоритъ г. Буслаевъ. Семитическіе народы не могли знать его, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ нигдѣ о немъ не упоминается. Его нѣтъ также въ изображеніяхъ и на Египетскихъ памятникахъ. Птица эта происходитъ первоначально изъ Индіи и распространилась на Западъ только вмѣстѣ съ Индо-Персидскими завоевательными походами. Самосецъ Менодотъ, въ своемъ сочин. о храмѣ Самосской горы, утверждалъ, что подобно пѣтуху, вышедшему изъ области Персиды, павлинъ распространился изъ этого святилища по окрестнымъ странамъ. Въ Зороастровой религіи пѣтухъ свящ. животное, какъ вѣстникъ утра и символъ свѣта и солнца. Онъ посвященъ Сраошѣ, небесному стражу, который будучи разбуженъ огнемъ, въ свою очередь будитъ пѣтуха: тогда пѣтухъ своимъ крикомъ прогоняетъ Даэвовъ, злыхъ духовъ мрака, и особенно демона сна. Куда ни переселялся персъ, всюду онъ заботился, чтобы при немъ былъ пѣтухъ, точно также, какъ не забывалъ утреннихъ молитвъ и очищеній на утренней зарѣ, и вслѣдъ за персидскими походами повсюду легко и прочно водворялась эта ручная птица, столь полезная въ хозяйствѣ и вмѣстѣ такая затѣйливая по виду и нраву». (Сравн. изуч. народнаго быта и поэз., Р. вѣстн. 1872 г. Апрѣль, ст. 588). «У насъ пѣтухъ, именемъ котораго досель называется огонь, почитался у язычниковъ птицею, посвященной Перуну и очагу, и вмѣстѣ съ тѣмъ эмблемою счастья и плодородія. Пѣтухъ,—птица, привѣтствующая восходъ солнца... Малороссы даютъ ему характерное прозваніе: Буди-міръ. Загадка выражается о пѣтухѣ: два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его боится». (Аф. т. I, ст. 467, 518–519). «Старинные апокрифы говорятъ о громадномъ мифическомъ пѣтухѣ, поставляя въ связи съ его пѣніемъ солнечный восходъ: есть куръ, ему же глава до небеси, а море до колѣна; еда же солнце омывается въ кіянѣ, тогда же окіянъ въсколебается и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же очютивъ волны и речетъ: кокореку. Еда же то въспоетъ, и тогда вси кури воспоютъ въ единъ годъ (часъ) по всей вселеннѣй». (Тамъ же ст. 520). «На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ Мокрецкой (выросшій до самаго неба); на небѣ сидитъ кочетокъ-золотой гребешокъ, птица, которая ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, и стоятъ чудесные жерновки, эмблема весенней грозы, дарующей землѣ плодородіе, а людямъ ихъ

Digitized by Google

насущный хлѣбъ» (Тамъ же, т. II, ст. 295). Такой же пѣтухъ есть и у скандинавовъ; у нихъ онъ будитъ свѣтлыхъ асовъ на небѣ. «Какъ представитель же грозоваго пламени и жертвеннаго очага, пѣтухъ и донынѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ; русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдьмѣ всегда находятся черный пѣтухъ и черная кошка». (Т. III, ст. 465).

4) «Въ словѣ св. Григорія читаемъ: «извыкоша ѐлени класти требы Атремиду и Артемидѣ; рекше Роду и Рожаницѣ... Такоже и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ». «Такимъ образомъ, по его мнѣнію, Родъ и Рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемида. Она считалась у нихъ покровительницей женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю нряхой, какъ бы одною изъ паркъ. Хотя Артемида и не существовала въ греческой мифологіи, но за то греки присвоили эпитетъ рождающихъ, производящихъ, и Зевсу, и Посейдону. Таже творческая, призывающая къ жизни, сила принадлежала Роду и Рожаницамъ, на что указываютъ самыя ихъ названія. Словомъ Родъ въ древнихъ памятникахъ означаются: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ нарожденіе... Но всѣ эти понятія, усвоенныя Роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: земля приняла за свой родъ. Съ вѣрою въ Родъ и Рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія, на что указываетъ народная поговорка: такъ ему на роду написано. Мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне—съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды, и въ томъ раждаются дѣти. Почему г. Афанасьевъ полагаетъ, что подъ именемъ Рода первоначально разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и созидающее міровую жизнь» (Аф. т. I, ст. 319, 320, 368, 386, 387). Не ближе ли еще искать намъ Родъ въ Имѣ ведъ и Джимѣ Авесты, тождественныхъ между собою?... «Ведійскій разсказъ говоритъ, что міроздатель устроиваетъ бракъ своей дочери, носящейся надъ пространствомъ бурной, темной тучи или иглы съ свѣтозарнымъ началомъ, Вивасватомъ; свѣтъ и тучевая игла порождаютъ первую человѣческую чету, близнецовъ, что и высказывается въ ихъ имени, Яма и Ями,—перворожденный изъ смертныхъ, онъ же и первоумершій: онъ первый проложилъ путь изъ глубины въ горняя, онъ первый отыскалъ мѣсто, куда отошли всѣ наши отцы, въ неотъемлемую нашу обитель. Вотъ почему онъ сталъ главою всѣхъ за нимъ послѣдовавшихъ; онъ перве-

Digitized by Google

нецъ умершихъ, князь ихъ Яма, владыка въ царствѣ блаженныхъ.» (Кар. т. I, ст. 282).

5) «Такъ какъ богъ Громовникъ, низойдя на землю въ блестящей молніи, устроилъ первый домашній очагъ и основалъ первый семейный союзъ, то арійское племя признавало въ немъ своего родоначальника, того первосозданнаго человѣка, отъ котораго произошли всѣ многочисленные народы. Согласно съ этимъ, первый человѣкъ былъ представляемъ великаномъ; (по Краинскому преданію, человѣкъ былъ великанъ). Когда онъ спалъ, то въ густыхъ волосахъ его гнѣздились ястребы, а въ ушахъ прятались лисицы; ему ничего не стоило перескочить черезъ море, не замочивъ ноги; пущенная имъ стрѣла достигла до небеснаго стола, гдѣ сидитъ пѣтухъ и сторожитъ божіи яствы, и поразила этого чудеснаго пѣтуха» (Аф. т. II, ст. 649). У скандинавовъ, первый человѣкъ Имиръ, былъ также великанъ; литовцы признаютъ своими предками исполиновъ; по словамъ Гезіода, третій родъ (мѣдный) земныхъ обитателей были жестокосердые исполины; одинъ изъ древнѣйшихъ англосаксонскихъ памятниковъ даетъ Адаму исполинскій ростъ; вообще первосозданные люди—было племя великанское.» (Тамъ же, ст. 472—476). Срав. также преданія объ этомъ библейскія.

6) «Рай вначалѣ исторіи и какъ послѣдняя цѣль человѣчества въ вѣчной жизни блаженныхъ, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 283, 284), былъ поэтической вѣрой первобытной эпохи арійцевъ. Джима (тоже что Яма и Адамъ), самый свѣтлый, самый счастливый, изъ всѣхъ рожденныхъ; онъ подобенъ солнцу между смертными; подъ владычествомъ его нѣтъ ни стужи, ни зноя, ни смерти, ни старости. Такъ рисуетъ персидское сказаніе золотой вѣкъ на землѣ, когда младенческое счастье невинности еще не вѣдаетъ, что добро и что зло, какъ Адамъ въ райской обители. Это напоминаетъ библейскій Эдемъ, и мы находимъ здѣсь преданіе человѣчества, идущее отъ той далекой поры, когда Симиты и Арійцы жили еще вмѣстѣ... Міръ и человѣкъ созданы добрыми, но они пали; міру предстоитъ гибель, но за нимъ послѣдуетъ другой, лучшій міръ: вотъ что легло общею идеей въ основу ученія объ эпохахъ міра, которое выработано потомъ индѣйцами и греками самостоятельно, и каждымъ народомъ на свой ладъ, догматичнѣе у первыхъ, мифичнѣе у вторыхъ». По понятіямъ славянъ, такъ какъ «свѣтло-голубое, блестящее небо лежитъ за облаками или за дождевымъ моремъ; то чтобъ достигнуть въ царство солнца, луны и звѣздъ, надобно было переплывать воздушныя воды. Такимъ образомъ это небесное царство представлялось воображенію окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водами, т. е. островомъ. Названіе: Буянъ (отъ слова: буй) первоначально было не болѣе, какъ характеристическій эпитетъ баснословнаго острова. Буй служитъ синонимомъ слову:

Digitized by Google

яръ; а ярый заключаетъ въ себѣ понятія: весенній, горячій, пылкій, страстный, плодородный, урожайный. На Руси ходитъ сказаніе о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ (makarios beatus), гдѣ рѣки медовыя и молочныя, а берега кисельные. По указанію старинныхъ апокрифовъ, райскія рѣки текутъ млекомъ, виномъ и медомъ. У чеховъ сохранилось повѣрье, что у Солнца есть свое царство за моремъ, что тамъ вѣчное лѣто, оттуда прилетаютъ весной птицы, и приносятся на землю растительныя сѣмена. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсно связывается малорусское преданіе о Выреи... Въ поученіи Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ Ирья идутъ»... Съ началомъ осени журавли, стрижи, касаточки и другія птицы улетаютъ, по мнѣнію крестьянъ, въ Вырей (Вирій), на теплыя воды или прямо на небо; тогда же гадюки и змѣи лезутъ въ Вырей по деревьямъ, подобно тому, какъ и души усопшихъ прежде, нежели достигнутъ страны блаженныхъ, осуждены порхать по деревьямъ. Словаки и хорутане, разсказываютъ, что рай есть чудесный, неувядаемый садъ, во владѣніяхъ Бога свѣта, гдѣ праведныхъ ожидаетъ безконечное наслажденіе. По свидѣтельству русскихъ легендъ, рай насажденъ у небесной криницы. Значитъ, раемъ называется, во-первыхъ, та счастливая страна минувшихъ вѣковъ, въ которой обитали первые еще невинные люди; во-вторыхъ, то будущее царство блаженныхъ, что явится по кончинѣ вселенной, когда ветхое небо и грѣховная земля очистятся и обновятся всемірнымъ пожаромъ и потопомъ, т. е. весенними грозами и ливнями. Самый нашъ праздникъ Коляда своею обстановкой указываетъ на тѣ щедрые дары, что несетъ, шествующее изъ дальнихъ странъ, Лѣто». (Аѳ. т. II, ст. 131, 132, 137—139, 150; т. III, ст. 751). Замѣтимъ кстати, что въ древности сама земля вообще называлась островомъ, вѣроятно потому, что считалась, всплывшей изъ всемірнаго океана; островами же назывались и самыя страны, лежавшія на материкѣ. (Les Gétes, ст. 170).

7) «Вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ общею, говоритъ Коррель; но и появленіе разнообразныхъ божественныхъ обликовъ началось еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соотвѣтственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ у разныхъ народностей. Замѣчаемое здѣсь сходство основано вовсе не на позаимствованіи... Могущество божіе онагляживается здѣсь тѣми же явленіями, въ которыхъ благочестивый смыслъ успѣлъ подмѣтить его власть». (Карр. ч. I, ст. 273). «Подъ именами: Бгава, Бгагаванъ, Део-нахъ и пр. у индѣйцевъ, божество является подателемъ всѣхъ благъ и счастья; оно украшено цѣлебными или питательными растеньями, ему сопутствуютъ полезныя животныя». (Ист. рел. т. I, ст. 6). Зерванъ-Акеренъ у персовъ, собственно вѣчный, безконечный

Digitized by Google

(Kreizer, t. I, ch. V). «Очевидно, вліяніе неба на земные роды (урожаи) невольно возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца Неба съ матерью Землею: pitâ Dyâus umâta Prithivi. Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля женскаго рода. У славянъ, отецъ—Небо получилъ названіе Сварога: онъ верховный владыка вселенной, родоначальникъ прочихъ свѣтлыхъ боговъ, прабогъ». (Аф. т. I, ст. 65). «По санскритски кругъ—Svar и Sval; почему и Небо, и Солнце, по ихъ кругловидности, получили тѣже названія; а отъ нихъ произошли прилагательныя svarius и svalius. (Les Gétes, p. 178)» «Корень див, свѣтить, лежитъ въ основаніи индѣйскаго девас, божество; чему соотвѣтствуетъ персидское дева, греческое θεος, латинское deus и divus, литовское діэвас; а изъ Dju pater, Богъ отецъ, возникло Юпитеръ, и т. д.» (Кар. т. I, ст. 272). Курентъ, по разсказамъ Словенцевъ, лукавый и веселый бѣсъ, который игрой своей на гусляхъ и дудкѣ исцѣляетъ болѣзни (какъ весеннія грозы животворятъ природу) и заставляетъ всѣхъ плясать безъ отдыха (Аф. т. I. ст. 334). «Однажды человѣкъ-исполинъ и хитрый Курентъ поспорили между собой, кому изъ нихъ обладать бѣлымъ свѣтомъ; долго боролись они, изрыли ногами всю землю, и сдѣлали ее такой, какова она теперь; но ни тотъ, ни другой не осилилъ противника. Тогда Курентъ взялъ виноградную лозу и стиснулъ такъ крѣпко, что rujno vino iz nje udarilo, и этимъ виномъ упоилъ человѣка, когда тотъ сидѣлъ на высокой горѣ за божьимъ столомъ. Вскорѣ воротился богъ и увидѣлъ человѣка, дремлющаго за столомъ, разгнѣвался и сбросилъ его съ горы внизъ, отъ чего много лѣтъ лежалъ онъ разбитый и полумертвый. Когда человѣкъ оздравѣлъ, сила его пропала, не могъ ужь онъ ни скакать черезъ море, ни спускаться въ глубь земли, ни восходить вверхъ къ небесному столу. Такъ завладѣлъ Курентъ свѣтомъ и человѣкомъ, и люди сдѣлались съ той поры слабы и малы. Высокая гора означаетъ небо, вино—живительный напитокъ дождя, и т. д. «(Афанасьевъ, т. III, ст. 649, 650).

8) „Сказаніе о потопѣ обще арійцамъ и семитамъ. Вавилонскій разсказъ про Ксизоура подходитъ къ еврейскому про Ноя чуть не до мельчайшихъ подробностей.» (Буслаевъ. Р. в. 1873, октябрь, ст. 760). По сказанію Индѣйцевъ, отъ всего рода человѣческаго остался одинъ Ману, спасенный рыбой (Вишну); она перенесла его черезъ сѣверныя горы и велѣла привязать корабельный канатъ къ дереву. По литовскому сказанью, единственной уцѣлѣвшей отъ потопа, четѣ людской Богъ послалъ утѣшительницей радугу, которая посовѣтовала этой четѣ прыгать черезъ земныя кости или ребра, т. е. горы; съ девяти прыжковъ произошло девять новыхъ паръ (Карр. т. I. ст. 285). По краинскому преданью, спасшійся отъ потопа ухватился на высокой горѣ за виноградную лозу; лоза

Digitized by Google

эта служила палицей Куренту; онъ поднялъ ее высоко надъ облаками и этимъ спасъ человѣческій родъ отъ конечной гибели. Пока продолжался потопъ, человѣкъ висѣлъ на воздухѣ, держась за виноградную лозу и питаясь ея гроздіями и виномъ. (Аѳ. т. II, ст. 650.) У славянъ доселѣ живы сказанья, что потопъ послѣдовалъ въ наказаніе великановъ, за ихъ постоянную вражду между собой и нескончаемыя жестокія войны; въ этомъ потопѣ они и погибли всѣ до единаго. «По Краинскому также преданію, въ давнія времена земля была пуста—былъ на ней только камень; Богъ послалъ своего пѣтуха, чтобы онъ оплодилъ землю. Кочетъ снесъ въ пещерѣ, гдѣ онъ поселился, чудесное яйцо, изъ котораго истекло семь рѣкъ; онѣ наводнили равнины и вскорѣ все кругомъ зазеленѣло, запестрѣло цвѣтами и преисполнилось всякихъ плодовъ; безъ заботъ жили въ томъ раю люди. Божій кочетъ сидѣлъ высоко на небѣ и каждый день возглашалъ имъ, когда просыпаться, когда трудиться и трапезовать; это надоѣло людямъ, они стали молить бога, чтобы избавилъ ихъ отъ безпокойной птицы. Божій кочетъ исчезъ съ неба; тогда настали болѣзни и насилія. Безуміе овладѣло людьми; они пошли къ чудесному яйцу и стали бросать въ него каменьями, и разбили его,—земля покрылась водой и превратилась въ одно огромное озеро. Въ Заонежьи разсказываютъ, что когда Господь (Перунъ) увидѣлъ, что нечистый духъ изрылъ созданную имъ землю пропастями и горами, то ударилъ молоткомъ въ камень и создалъ свое воинство,—и началась между ними великая война». (Аѳ. т. II, ст. 645, т. I, ст. 531, 276).» «У литовцевъ же на орѣховую скорлупу, брошенную божествомъ Прамжимасомъ, спаслись изъ воды нѣкоторые звѣри и люди.» (Буслаевъ, истор. очер. т. I, ст. 121). Сказаніе, о возмущеніи титановъ и низверженіи ихъ съ неба. сохранилось также во всѣхъ арійскихъ и симитическихъ преданіяхъ. Оладьи, которыхъ они у насъ наѣлись на небѣ,—конечно, означаютъ небесныя звѣзды. А позднѣе, — говоритъ г. Буслаевъ,—«какъ древніе титаны возмутились противъ боговъ небесныхъ, такъ и наши богатыри, возгордившись своими побѣдами надъ смертными, стали вызывать на бой воителей небесныхъ». (Тамъ-же, т. II, ст. 13).

9) Наука, успѣвши нынѣ поднять часть завѣсы съ древняго человѣчества, находитъ, что первобытныя арійскія племена еще въ своей азіятской прародинѣ стояли на замѣчательной для того времени степени развитія; въ чемъ согласны между собой всѣ разрабатывавшіе этотъ предметъ ученые, начиная съ Пикте и М. Мюллера до Каррьера и нашихъ уважаемыхъ отечественныхъ ученыхъ. М. Мюллеръ въ своемъ essai de Mythologie comparée (перев. съ англ. 1859 г. ст. 8). говоритъ: „quelque anciennes que soient les empreintes de l'homme dans les plus profondes stratifications de l'histoire, nous voyons que le don divin d'une intel-

Digitized by Google

ligence sûre et solide lui appartient dès le commencement. On ne peut plus soutenir l'opinion que l'humanité soit sortie lentement des abimes de la brutalité animale. Le langage, premier ouvrage d'art éxécuté par l'esprit humain, plus ancien qu'aucun document littéraire, et antérieur même aux premiers murmures de tradition, forme une chaine non interrompue depuis les premiers âges de l'histoire jusqu'à nos jours. Nous parlons encore le langage des premiers ancêtres de notre race; et ce langage avec sa merveilleuse construction, témoigne contre le systeme qui voudrait assigner à l'espèce humaine les mêmes origines qu'à l'animal.» Санскритскій языкъ полонъ корнями словъ, особенно славянскихъ, выражающихъ разные предметы земледѣлія, домоустройства, семейнаго и общественнаго быта.—«Быкъ и корова по санскритски, множ; gavas по слав. говядо; gopa,—говядарь, по сербски gavedar. Готрой по санкр: назывался вначалѣ заборъ,—ограда, куда сгонялось стадо. Наши предки сражались между коровами. Индра, могучій ихъ защитникъ,—могучій Индра раздвинулъ ихъ ограды, т. е. ихъ владѣнія... (Rig-veda, III, p. 39, 4). Значеніе дома, какъ жилища, было ужь извѣстно арійцамъ также до разселенія: по санритски dama, по греч: domos, по лат: domus, по слав: домъ, по кельтски daimh: по готски timrjan, строить, отъ чего англійское timber. Замкнутое мѣсто по слав: градъ и городъ, по лит.: градъ, по готски gards, по лат: hort-us,по греч. хортосъ. Главная часть въ домѣ—дверь, въ санскритѣ dvar, dvâras, по готски daur, по лит: durrys, по кельт: dor, по лат: fores, и т. д. Бенфей производитъ Господь (gospod) отъ ведическаго gâspati. Слова, выражающія царя и царицу, были просто батюшка и матушка, отецъ и мать. Мать по санскр. жани, что осталось и въ слав. словѣ жена. Боппъ говоритъ, что титулъ господарь, господь, господинъ, выражается по санскрит: словами Vispati или Dosapati; но по мнѣнію М. Мюллера, слав: ж не соотвѣтствуетъ ни w, ни d санскритскимъ, и буква t въ словѣ pati не могла превратиться въ d. Но большая часть словъ, относящихся къ охотѣ и войнѣ, разнятся въ каждомъ арійскомъ нарѣчіи; тогда какъ всѣ слова, выражающія мирныя домашнія занятія, принадлежатъ къ общему наслѣдію: изъ чего видно, что арійскія племена долго вели жизнь мирную до разселенія, и что языки ихъ сдѣлались народными, когда они ужъ вышли искать себѣ новыхъ обиталищъ; новыя поколѣнія создали и новыя слова, во время ихъ воинственныхъ и полныхъ приключеній переходовъ. Древнѣйшее слово для выраженія земледѣлія ar, по латынѣ ужь arare, по греч: aroun, по древ: герман: aran, по русски орать (orati), по лит: arti, по гал: ar. Отъ этого глагола происходитъ и общее названіе сохи, aratrum, по слав. орало, и т. д. Хлѣбъ, растущій въ Азіи, не

Digitized by Google

могъ походить на тотъ хлѣбъ, что арійцы обработывали потомъ на сѣверѣ; однако нѣкоторыя изъ первобытныхъ названій хлѣба сохранились. По санскр: sveta значитъ бѣлый; названіе цвѣта перенесено на зерно, — по слав: жито, по греч. ситос. Но собственно зерномъ вначалѣ называлось то, что раздавлено или смолото: такимъ образомъ, по санск. kûrna значитъ смолотое, отъ чего должно происходить и русское зерно, по лат: granum. По русски мельничный камень называется понынѣ жорновомъ; мельница по англ: mill, по чешс. млинъ, по валах: melin: все это относится также къ глубокой древности. Къ этому же можно присовокупить и слова, относящіяся къ искуству готовить пищу и къ печенію въ печи, равно какъ и выражающія разницу между сырымъ мясомъ и говядиной. Древнѣйшіе ведическіе поэты имѣли ужь отвращеніе къ племенамъ, питавшимся первымъ, и называли варваровъ, kravyaad и ama-ad,—кровеядами и душеядами. Племена эти были равно отвратительны и потомъ, какъ индѣйцамъ, такъ и грекамъ.... (Тамъ-же, ст: 21, 22, 29—31, 33, 34). Каррьеръ съ своей стороны изъясняетъ, что древнимъ арійцамъ была ужь извѣстна соль и какой-то охмѣляющій напитокъ въ родѣ меда, составляемый изъ растительныхъ соковъ. «По своей животворной силѣ онъ слылъ даромъ боговъ и приносился имъ въ видѣ жертвеннаго напитка. Въ первобытную еще эпоху умѣли ткать, шить и приготовлять одежды; знали бронзу и желѣзо, и ковали изъ нихъ топоры и мечи; сохранились слѣды общаго характера и въ названіяхъ золота и серебра. Ладья или челнъ и рѣчное плаванье были очень обыкновенны. Числа, съ единицы до ста, сплошной своей одинаковостью также доказываютъ продолжительное бытообщеніе и вынесенное изъ первородины общеродовое наслѣдство. (М. Мюллеръ однако приводитъ: satam, сто, и sahasram, тысяча, ст. 40). Сюда же должно отнести луну, и употребленіе ея, какъ мѣру времени для мѣсячнаго періода.» (Карр: т. I, ст. 271).

10) Единственный, всевышній Богъ представлялся арійцамъ вначалѣ въ образѣ кругловиднаго Неба, Сварога, Дія, и т. д. «Онъ молніеносецъ - громовникъ, онъ очищаетъ міръ погодой, счастливитъ его плодотворнымъ, освѣжительнымъ дождемъ... Онъ свѣтобогъ—спаситель, помощникъ и мститель. Вѣтры вѣрные ему товарищи. Въ нихъ вѣютъ на человѣка и духи предковъ»... (Карр. т. 1 ст. 274). Потомъ божество—Небо становится только жилищемъ верховнаго бога: еще въ ведійскій періодъ этотъ богъ—Индра, которому ужь приписывается и созданіе вселенной. «О Индра, одинъ ты создалъ все, что существуетъ!... Онъ сотворилъ дни, коней, растенія, коровъ, воды и рощи»... поется въ ведійскихъ гимнахъ. «Индра, какъ творецъ, подобенъ Іеговѣ псалмопѣвца; Митра и Варуна его помощники; а Вишну упоминается еще рѣдко; чаще Агни заступаетъ его мѣсто. Начинаетъ признаваться троичность силъ при-

Digitized by Google

роды, въ образахъ: Агни—огня, Вайю—воздуха (Варуны) и Сурія—солнца. О Брамѣ въ ведахъ еще не упоминается; но впослѣдствіи Вишну и Брама замѣнили Агни, Индру и Варуну,—а законы Ману переносятъ насъ въ другую, позднѣйшую эпоху развитія человѣчества. Но прежде Индра былъ выше всего»... (Croy: et lég: de l'antiqu: par Alfred Mauri. la rel. des aryas, p. 7—158). По мѣрѣ развитія человѣчества развиваются и образа боговъ; у каждаго племени являются свои боги или однѣ и тѣже божества подъ разными названіями. Солнце называется ужь Дагбогомъ и Дажь-богомъ, (слово даг значитъ и день, и свѣтъ, отъ санскр. dah — жечь), — и Всевѣдомъ, такъ какъ оно сынъ Сварога—Неба (Афан. т. 4 ст. 65). По славянскимъ преданіямъ, у него дворецъ на Востокѣ, онъ дѣдъ-Всевѣдъ, при немъ Судица-царица, Зари утренняя и вечерняя, хвостатыя звѣзды, лысый дѣдъ Мѣсяцъ, двѣнадцать сыновей-Мѣсяцевъ, Солнцевы дѣвы, и пр. (Аф. т. 1 ст. 67, 82). Еще по ведійскимъ преданіямъ, Яма живетъ на Югѣ; онъ перворожденный и первоумершій; онъ божество міра усопшихъ. Картина его блестящаго, мирнаго царства изложена еще въ ведахъ, въ молитвахъ къ Ямѣ, (Кар. т. 1. ст. 284). Нашъ рай, свѣтозарный Буянъ-островъ, также за облаками, въ блестящемъ царствѣ солнца. Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. слово рай переводится словомъ порода, а адъ словами родъ и родство. Почему г. Афанасьевъ находитъ, что нашъ Родъ и могъ быть владыкой усопшихъ предковъ, древнимъ ведійскимъ Ямой. Нашему роду также возсылались молитвы, наравнѣ съ другими богами, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, иначе кутейныя, на которыхъ подавалась кутья, понынѣ составляющая необходимую принадлежность на родинахъ (крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ честь Рода и Рожаницъ, въ числѣ жертвенныхъ яствъ были также хлѣбъ и сыръ; и подавался напитокъ медъ, сопровождавшій всѣ религіозныя приношенія и пиршества. Вообще слово рай у насъ служитъ для обозначенія сада; островъ Буянъ превратился въ счастливый родъ Макарійскій; а небо прежде почиталось хрустальной или золотой горой (подобно Инд. Меру), на вершинѣ которой было царство блаженства. (Аф. т. II ст, 131—139, т. III ст. 278, 386, 230—231, 387, 419, 420). Яма, по мнѣнію Крейцера, только темный образъ Индры; это ночь, царь мертвыхъ, владыка Юга и ада. (Kreiz. t. I p. 246). Но блестящій Индра, богъ эфира и небеснаго свѣта, воздушной тверди видимаго неба (les Swargas, Сварога), повелитель добрыхъ духовъ, властитель молній, царь облаковъ, податель благотворнаго дождя, произраститель нивъ и плодовъ земныхъ, любилъ жить на горѣ Меру, на самомъ Сѣверѣ. Ничто не сравнится съ красотой воздушнаго его жилища, его дворца и садовъ. (Kreiz. t. 1 p. 246). Индра живетъ въ высшей атмосферѣ;

Digitized by Google

Маруты его спутники. (Croyan: et lég. de l'ant: p. 7—658). «Какъ дождевой и грозовой богъ, Индра пробиваетъ горы свои перунами, заставляетъ ихъ источать ключи, умерщвляетъ демона, похитившаго облака и тучи; пособникъ ему Трита. Въ Египтѣ, подъ именемъ свѣтобога Пта, онъ сражается съ змѣемъ ночи; въ Элладѣ, въ образѣ Солнце-бога Аполлона, низлагаетъ Пифона, а въ видѣ солнечнаго героя Иракла, одолѣваетъ многоглавую Лернейскую гидру, отбиваетъ похищенныхъ быковъ»,—и т. д. (Карр. т. 1 ст. 275, 276). Между прочими прозваньями Индры было Парьянья, молніеносная туча, отъ корня prg (pré), разсѣевать, окроплять, прыскать, что уподоблялось эпитету: Jupiter pluvius et tonans. Въ гимнѣ Rig-veda говорится: «бушуетъ вѣтеръ, блистаетъ молнія, распускаются злаки, небо изливается, вся тварь получаетъ подкрѣпленіе, когда Парьянья оплодотворяетъ землю своимъ сѣменемъ». Слово это: Парьянья восходитъ къ древнѣйшей эпохѣ аріевъ; отъ этого слова происходитъ и нашъ Перунъ, тоже Сварожичъ, сынъ прабога Неба. «Молніи были его оружіе,—мечь и стрѣлы, радуга—его лукъ, туча—одежда или борода и кудри, громъ—далекозвучащее слово, глаголъ божій, раздающійся свыше, вѣтры и бури—дыханіе, дожди—оплодотворяющее сѣмя. Какъ творецъ небеснаго пламени, рождаемаго въ громахъ, Перунъ считался и богомъ земнаго огня, что онъ принесъ въ даръ смертнымъ; какъ владыка дождевыхъ облаковъ, издревле уподоблявшихся водянымъ источникамъ, онъ получилъ названіе бога морей и рѣкъ; а какъ верховный распорядитель вихрей и бурь, сопровождающихъ грозу,—названіе бога вѣтровъ». (Афан. т. I ст. 96, 136, 248, 262). Индрѣ сопутствуютъ Маруты. «Далеко-метательные луки, которыми Маруты вооружены, усвоили имъ прозваніе sudhanvanas (стрѣляющихъ изъ луковъ); такъ точно и у насъ, по выраженію нашего стариннаго памятника, вѣтры вѣютъ стрѣлами; а богъ грозы, какъ небесный владыка, являющійся въ бурѣ и вихряхъ, получилъ у славянъ названіе Стрибога, о которомъ сл. о полк. Игор. говоритъ, какъ о дѣдѣ вѣтровъ; слово же стри означаетъ воздухъ, повѣтріе». (Тамъ же, ст. 320, 321). Наконецъ, отъ слова var—покрывать, въ ведахъ упоминается еще богъ Варуна, для обозначенія небесной тверди въ ночное время, т. е. одѣтой чернымъ покровомъ. Имя это противополагается Митрѣ, божеству дня. «Варуна, божество неба, по индѣйскимъ преданіямъ, устроиваетъ свѣтъ и времена, выводитъ въ путь солнце и звѣзды; солнце его глазъ, а вѣтеръ—его дыханье. Такое воззрѣніе, общее всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, не чуждо и славянамъ». Пространство небесное, покрытое облаками, которыя особенно часто скопляются на Западѣ, казалось древнему человѣчеству небеснымъ или воздушнымъ моремъ; а самыя облака то нимфами, то звѣрями, то стадомъ коровъ или овецъ. Тамъ, при верховномъ

Digitized by Google

божествѣ небеснаго свода (Варунѣ), обитаютъ души предковъ (pitris), подъ сѣнію густо-лиственнаго дерева, съ царемъ Яма, собирателемъ всего человѣческаго рода; тамъ небо героевъ... Впослѣдствіи же, богъ небеснаго оксана, бурныхъ вѣтровъ и битвъ сталъ называться у скифовъ Воданомъ и Вуотаномъ. Водану молились о хорошемъ урожаѣ, онъ утучнялъ стада, давалъ изобиліе, и также, подобно Варуну, принималъ къ себѣ души усопшихъ героевъ; солнце его глазъ, а бурный воздухъ его дыханье; у него въ царствѣ міровая ясень, тождественная съ индѣйской смоковницей и нашимъ дубомъ Мокрецкимъ; онъ владыка того же воздушнаго океана, по которому души усопшихъ переправляются на тотъ свѣтъ: «Души усопшихъ издревле представляются легкими стихійными существами, и въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ сохраняется множество преданій о перевозѣ душъ на ладьѣ или кораблѣ мифическимъ кормчимъ. Представленія эти извѣстны и славянамъ». (Афан. т. I. ст. 63, 574, 575, т. II ст. 166; les Gètes, p. 154 – 166). «Но Варуна всего рѣже олицетворяется въ ведахъ подъ видомъ человѣка; онъ еще чтится посредствомъ цѣлой тверди небесной. Вкругъ него собраны духи свѣта»... (Кар. т. I ст. 301, 302). Вѣроятно, въ противоположность Востоку, царству солнца, Западъ считался въ древности царствомъ смерти. «Если же идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сблизить ее съ понятіемъ о снѣ:... Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ разныхъ народовъ явленіями между собой близкими, родственными. Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая земля выпьетъ его очи». (Аф. т. III, ст. 36).

11) Вообще ученые изыскатели признаютъ, что древніе арійцы въ первобытное время не знали моря, потому что въ ихъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія понятія о морѣ. А г. Бергманнъ полагаетъ, что какъ въ первобытное время земля была еще затоплена большею частью, особенно въ болотахъ и обширныхъ низменныхъ пространствахъ; поэтому и казалось только что вышедшею изъ подъ воды, и лишь мѣстами обсохшею на солнцѣ. (Les Gèt. p. 168—170). Однако извѣстно, что, по мнѣнію всѣхъ древнѣйшихъ племенъ, земля всплыла въ видѣ острова изъ водъ всемірнаго океана. По мнѣнію индѣйцевъ, поднявшись изъ глубины океана, она плавала въ водахъ его, въ видѣ семи большихъ острововъ (dvipâs) или семи исполинскихъ листьевъ, космическаго лотоса; по Зендавестѣ, Агуро-маз дао (богъ Солнца), создалъ сначала небо и воды, и поднялъ землю изъ океана; по Ассирійскому преданію (cf. Genes 1), вначалѣ была лишь вода, и земля отдѣ-

Digitized by Google

лилась отъ нея уже впослѣдствіи; по космогоніи Гомера, земля сперва большой островъ, окруженный океаномъ (okéanos); онъ примыкаетъ съ Востока и Запада, къ группѣ острововъ, которая называется Aiaia, страною острововъ; по скандинавской космографіи, земля также окружена океаномъ, выражавшемся въ символѣ змѣя; у славянъ первосозданная земля — небольшой островъ, который постепенно расширяется; по санскритски слово dvipa выражало не только островъ, но и страну (Çaka—dvipa,—островъ или страна Саковъ), по еврейски iyim (острова), означало также и страны; а въ библіи древняя Европа называется группой острововъ; даже на старомъ франкскомъ языкѣ еще говорилось: ille de France вмѣсто pays de France, ille de Persois, вмѣсто pays des Perses. (Тамъ же). Но при сличеніи всего этого съ соч. Гартинга «о первобытномъ мірѣ сравнительно съ современнымъ,» все это становится вполнѣ понятнымъ, потому что въ описываемое время еще пол-Европы было подъ водою, а остальная ея часть состояла изъ острововъ, какъ это и изображено въ настоящей поэмѣ. И едвали это будетъ не лучшій ключь, къ истолкованію первобытнаго разселенія народовъ изъ Азіи: потому что имъ гораздо удобнѣе было совершать эти переселенія на пустынныя острова, нежели двигаться прямо на Западъ по сухому пути, неизвѣстными мѣстами, между племенъ чуждыхъ и чаще враждебныхъ. Причемъ нельзя не обратить вниманія, что первыя племена, поселившіяся на Западѣ,—племена финно-алтайскія, т. е. изъ Сѣверной Азіи, возлѣ которой на Сѣверѣ былъ большой островъ; а славяне, позднѣйшіе поселенцы въ юго-восточной степной Россіи, гдѣ всего долѣе стояли первобытныя воды. (См. Гартинга).

12) См. 1 т. Космоса. Гумбольдъ полагаетъ, что эти созвѣздія, черезъ нѣсколько тысячь лѣтъ, займутъ снова тѣже мѣста надъ нашимъ полушаріемъ.

13) Микула Селяниновичъ, подъ какимъ бы именемъ онъ въ древности ни былъ извѣстенъ, есть родоначальникъ и представитель славянскихъ земледѣльческихъ племенъ. Онъ изобрѣтатель земледѣлія, которое было ужь извѣстно имъ еще въ ихъ праотчизнѣ; стало быть, онъ родился еще въ древнемъ ихъ Ыріѣ. Еще тамъ, подобно Ямѣ и Джимѣ, онъ получилъ свыше символы земледѣлья, и сталъ княземъ мира. Прежде еще этого онъ чтился тамъ въ образѣ Перуна; такъ какъ «первобытный народъ уподобилъ грозовое облако плугу, а бога Громовника представлялъ себѣ ромщимъ вихрями облачное небо, бороздящимъ его молніями и разбрасывающимъ сѣмя дождя. Онъ же выковалъ первый плугъ, и какъ владыка, творящій земные урожаи, научилъ человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣевать землю». (Афан. т. I, ст. 558). Но прежде, чѣмъ родиться на землѣ и облечься въ человѣческое тѣло, его нежившая душа должна была носиться въ видѣ звѣз-

Digitized by Google

дочери, бабочки или мальчика съ пальчикъ, какъ представляли себѣ тогда люди всякую нежившую душу и самую молнію. Однако и родившись, онъ былъ сначала княземъ колесницы, вождемъ бродячаго племени, покуда получилъ отъ Солнца небесныя принадлежности или символы земледѣлія и осѣдлости. Почему онъ могъ называться сперва и Накулой, божественнымъ княземъ колесницы, извѣстнымъ послѣ въ Индіи, а потомъ княземъ сохи (suoha, roch), Колоксаемъ у скифовъ; и только ужь въ позднѣйшее время получить, отъ отдѣлившихся славянъ, настоящее свое имя и отчество. (См. I т, Магабг. и Берги. les Gètes, ст. 92, 182, о кн. Kola-Skais.).

14) См. les Gètes, о переходѣ скифовъ изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій, §§ 55, 56.

15) Какъ родоначальникъ земледѣльческихъ славянскихъ племенъ, Микула приноситъ за свой родъ-племя первую жертву. Въ ведахъ, Агни (Огонь), дитя силы, именуется и первымъ жертвоприносителемъ, и великимъ жрецомъ, безсмертнымъ хранителемъ священныхъ обрядовъ. Надобно думать, что здѣсь разумѣется огонь очага. «Онъ есть божество (Aryaman), которому ввѣрена свада (svadha), олицетворенная жертва; всѣ боги ему принадлежатъ. Такое олицетворенное жертвоприношеніе называлось Ядина; jadyna (ядѣніе, божанина); а жертва предкамъ срада, çradha (наша страва). Она способствовала душамъ усопшихъ достигнуть горнихъ селеній, и нѣкоторымъ образомъ обоготворяетъ ихъ». (Croy: et lég. de l'ant. p. 7—158). «Но первое приношеніе человѣка въ жертву, было символическимъ подражаніемъ первому великому жертвоприношенію, совершенному Брамой надъ самимъ собой,» поется въ гимнахъ Ригъ-веды. Чрезъ это божественное жертвоприношеніе былъ созданъ міръ и все въ немъ существующее. Другое мѣсто въ ведахъ поясняетъ предыдущее: по мнѣнію Рота, тутъ идетъ рѣчь ужь не о жертвоприношеніи Брамы своей личности самому себѣ, т. е. не о жертвѣ мірозданія, но вообще о жертвоприношеніи на землѣ, чрезъ что, приносящій жертву, возвышается до небеснаго божества и соединяется съ нимъ, слившись, въ образѣ своей жертвы, со всѣмъ мірозданіемъ. «Онъ созерцаетъ высшее существо (въ его твореніи), и становится съ нимъ единымъ, становится и самъ этимъ высшимъ существомъ, исполняя обширную ткань торжественнаго жертвоприношенія. Таково ученіе объединенія, какъ практическое слѣдствіе спекулятивнаго пантеизма». Вотъ что говорится объ этомъ въ ведахъ: «воплощенный духъ дышетъ въ груди человѣка, такъ какъ онъ наполняетъ собой всю землю. Это высшее существо,—вселенная и все, что было, все, что должно быть... Стихіи вселенной только части его; тройственная сущность его обитаетъ внѣ міровъ. Отъ него родился Вирадж, создавшій человѣка; а человѣкъ, воспроизводя себѣ подобныхъ, населилъ землю.

Digitized by Google

Въ этомъ-то и заключалась та всемірная жертва, отъ которой произошли всѣ существа. Боги, полубоги и почтенные мудрецы предложили ее, какъ жертву... На сколько-жь частей они раздѣлили то существо, что они заклали? (quils immolérent). Луна произошла отъ его разума (не забудемъ, что Индія значитъ собственно Луна. Васильевъ *)—солнце родилось изъ его глаза, воздухъ и дыханье изъ его уха, и т. д.» Таково пантеистическое воззрѣніе на міросданіе; но понять его можетъ лишь тотъ, кто возвысится духомъ до божества, черезъ жертвоприношеніе. (Крейц. т. 2-й, прим. 5 на 2 гл., ст. 603—605). Не здѣсь ли слѣдуетъ искать начало и нашей голубиной книги, или глубинной, т. е. обнимающей всю глубину міросданія, какъ и называетъ ее г. Веселовскій въ своемъ соч. о Соломонѣ и Китоврасѣ, 1872 г. Сущность этой книги и ученія браминовъ о міросданіи совершенно сходны между собою. Впослѣдствіи ученіе это становится какъ бы мѣриломъ знанія позднѣйшихъ племенъ въ вѣщей наукѣ космогоніи, и предметомъ ученыхъ преній ихъ, начиная съ Одина съ велик. Вафтруднировъ, и нашего Волота съ ц. Давидомъ, и кончая игрой въ вопросы и отвѣты въ Вартбургскомъ замкѣ, близь Эйзенаха, въ 1206 или 1207 г. въ Турингіи. Позднѣе индѣйская мифологія начинаетъ ужь изображать природу и самую вселенную въ видѣ небеснаго или жертвеннаго коня: солнце—глазъ его, воздухъ—дыханье, огонь—раскрытый ротъ его; годъ—жизнь жертвеннаго коня, небо—спина его, небесный сводъ—его чрево, и т. д. Передъ этимъ конемъ день подымается, какъ блестящее величіе; онъ родится въ Восточномъ морѣ; позади него ночь, тоже въ блестящемъ величіи,—она родится въ Западномъ морѣ», и т. д. (Fasc. de Gulf. p. 225).

16) Древній Дій, Сварогъ, Небо считается праотцемъ всѣхъ послѣдующихъ боговъ. Раздѣливши между ними верховную власть свою, онъ успокоился отъ трудовъ міросданія; но потомъ божественное потомство его, боговъ второй и третьей руки, до того въ теченіи вѣковъ разиножилось, что позднѣйшіе боги наводятъ ужь сомнѣніе, касательно единства ихъ происхожденія и сродства съ первобытными богами. (Les Gèt., p. 152, 153). Первобытная религія древнѣе племенъ, что ее исповѣдуютъ. Въ теченіи времени, боги образуютъ изъ себя своего рода іерархію, по которой каждый изъ нихъ имѣетъ свою долю въ управленіи судьбами вселенной. Такимъ образомъ, мифологія обнимаетъ собой въ послѣдствіи не только собственно религіозныя преданія, но и весь кругъ человѣческаго развитія, его знаніе, поэзію и преданія историческія народовъ. (Fasc. de Gulf. p. 13).

---

*) Ж. М. Нар. Пр. 1873 г. Апр. ст. 233.

Digitized by Google

17) Въ одной изъ ведъ образъ молитвы выражается такимъ образомъ: «ткань молитвы не разорвется, и никогда не сломится игла, которой боги шьютъ почетную одежду для молящихся»— «такъ, что уже въ ведахъ подготовлялось представленіе, что жертвой можно повліять и подѣйствовать на боговъ, и жрецъ, умѣющій какъ должно принести ее, спѣть подходящую къ тому пѣсню, располагаетъ этимъ небожителей служить человѣку. Молитва, какъ священнодѣйствіе, получила первое названіе свое отъ ревностной борьбы; это сильное возбужденіе, внутреннее напряженіе человѣка, когда настойчивымъ выраженіемъ своей воли онъ силится настроить въ свою пользу божество. Ротъ вполнѣ выяснилъ это производствомъ слова Брама (святое и молитва), отъ бри, бороть; въ ведахъ есть явное тому доказательство: господь молитвы, браманаспати, зовется также и бригаспати, господь борьбы. Молитва вторгается ко всякому предмету и овладѣваетъ имъ какъ бы силой. О браманаспати говорится, что онъ отыскалъ утреннюю зарю и сіяніе неба, что онъ поочередно восходитъ въ солнцѣ и въ мѣсяцѣ; а о набожности предковъ поется, что благодаря ей, небо убралось звѣздами, какъ вороной конь бляхами; что она ночь надѣлила тьмою, а день озарила яркимъ свѣтомъ. Могущество слова обнаруживается въ заговорахъ и заклятіяхъ. Они понятны тому, кто, вмѣстѣ съ индѣйцами, признаетъ за существо вещей внутреннюю духовную силу, которая поэтому внемлетъ слову и можетъ подлежать его вліянію. Тутъ же дѣйствуетъ еще и вѣрованіе, что вещи обладаютъ способностью, уподобляться другъ другу, притягивать къ себѣ подобное, переносить свои свойства на другія вещи, При посвященіи царя говорятъ: небо твердо, земля тверда, горы тверды, да будетъ твердъ и царь, и т. д. Еще замысловатѣе, еще духовнѣй и поэтичнѣе выступаетъ часто въ Ригведѣ вѣра въ силу пѣсни и фантазіи, причемъ пробуждается сознаніе, что человѣкъ-то именно и даетъ своей фантазіей опредѣленную форму идеѣ божества». (Кар. т. I, ст. 297, 309—311). Касательно преданія о великанѣ, см. Афан. т. II, ст. 719, 720.

18) «Около двадцати пяти столѣтій до Р. Х., говоритъ Бергманнъ, арійцы обитали на плоской возвышенности Западной Азіи, граница съ Аральскимъ моремъ и Джигуномъ (Djihoun) къ Сѣверу, съ Тигромъ и Евфратомъ на Западѣ, съ Персидскимъ заливомъ и Индѣйскимъ моремъ на Югѣ, съ Синдомъ и Белуртагомъ (Belur-tagh) съ Востока. Потомъ въ теченіи вѣковъ, арійскія племена начинаютъ ужь разниться между собой, апри разселеніи въ другія мѣстности и еще болѣе отличаются одно отъ другаго. Къ восточной группѣ принадлежатъ арійцы Индіи, Бактріаны, Персіи и Мидіи, отдѣлившіеся въ глубокой древности отъ прочихъ. Еще прежде нихъ однако вышли изъ прародины Гейганы (Haïgans), Иверы, Атуры и Камары; такъ-что въ западной группѣ оставались одни Скифы, между которыми самое воинственное племя было племя Саковъ или Гаковъ (Hakas), занимавшихъ, подъ именемъ Индо-Скифовъ, въ

Digitized by Google

1 ст. по Рожт. Хр. весь сѣверо-западъ Индіи. Греки звали ихъ вообще скутами, щитами, способными, покровителями». (Les Gèt. p. 17 — 23). «Г. Григорьевъ замѣчаетъ, что у Саковъ (Шакія) встрѣчаются славянскія имена: Зарина, Кудръ, и пр. Почему г. Васильевъ говоритъ, что и Вирудака, рожденный отъ рабыни и отстоявшій шакіанцамъ истребленіемъ ихъ, за презрѣніе, оказанное ему вслѣдствіе такого происхожденія, не есть ли искаженіе нашего слова: выродокъ?...» и т. д. (Рел. Вост. В. Васильева, Журн. нар. просв. 1873 г. Апрѣль, ст. 291). Между тѣмъ, въ Индіи было ужь много боговъ и между главнѣйшими: Вишну—вода, и Сива—огонь, оба покровители земледѣлія. Въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя Сивы, но ужь въ искаженномъ образѣ богини весны и урожаевъ, Пріи,—слившейся потомъ въ народномъ сознаніи съ плодотворящей матерью Землею. Другое же ея значеніе, отъ созвучія съ словомъ сѣять, посѣвъ, выражаетъ богиню, научившую воздѣлывать землю, сѣять, жать и обработывать ленъ. (Аѳ. т. I, ст. 137, 138). Стало быть, значеніе Сивы Индѣйскаго и нашей Сивы тоже самое; но образы ихъ разные. Древнѣйшее значеніе Сивы было сіяющій; и теперь по малороссійски сивый, значитъ сѣдой, бѣлый, а сивѣти—становиться сѣдымъ, (тамъ же, т. I, ст. 230). Но сближеніе нашего Микулы съ Сивой, богомъ Индіи, будетъ еще явственнѣе, когда мы скажемъ, что Сива есть владыка лингвама, отецъ и властитель природы и всякой жизни; его символы огонь и вода, солнце и луна, мужъ и жена, быкъ и корова, лотусъ, священное фиговое дерево (нашъ дубъ-стародубъ), и пр. (Kreiz, t. I, ch. 2—5). Вакхъ и Гермесъ вносили также духъ общежитія и дары земледѣлія: почему и они могли имѣть много общаго съ Микулой, представителемъ вообще жизни осѣдлой и земледѣльческой; тогда какъ древніе персы или фарсы, какъ племя пастушеское, еще поклонялись планетамъ, стихіямъ и источникамъ, покуда Зороастръ, посѣтилъ гору Альборди (персид: Мору), и далъ имъ письменные законы и новую вѣру въ Ормузда и Аримана, первообразовъ нашихъ Бѣлбога и Чернобога. Затѣмъ возникла вражда между персами и прочими арійцами, и древніе арійскіе боги были причислены въ Персіи къ дивамъ, т. е. демонамъ. (croy: et lèg. de l'ant. p. 7—158).

19) Нѣкоторые ученые признаютъ совершенное тождество индѣйскихъ боговъ съ славянскими, и большое также сходство между ихъ древними празднествами. Кромѣ несомнѣннаго сходства въ праздникахъ солнцеповорота, богини Ганги, встрѣчи весны, поминокъ усопшихъ, особенно поражаютъ своимъ тождествомъ праздники Индѣйскаго Сивы и нашего Ярилы. У насъ богиня Сива почитается женой Перуна, того же Ярилы, и, какъ въ Индіи, въ этотъ праздникъ чествуется лингвамъ, фаллусъ, стволъ плодородія. Втоже въ Индіи Сива? Онъ есть владыка лингвама, Магадева,

мужъ и жена, быкъ и корова, богъ двуполый, какъ и вся природа вообще, въ которой онъ и есть разрушитель и возобновитель, благодѣтель земли, богъ земледѣлія и всѣхъ произведеній природы; онъ же и грозный судія загробный, мститель и воздаятель, владыка душъ усопшихъ. Въ первомъ образѣ онъ Бава, Балисъ, Багаванъ, Део-нехъ; въ послѣднемъ, онъ Рудра, Кала, Гора, Угра, и пр. (Kreiz, t. I, ст. 2—5). Вотъ почему онъ могъ слыть въ Индіи богомъ, а у насъ богиней, и вотъ на какомъ основаніи, какъ царь усопшихъ, онъ имѣетъ сходство и съ нашимъ Родомъ, а какъ богъ земледѣлія, съ нашимъ Микулой. Празднество Сивѣ и лингваму считалось въ Индіи главнѣйшимъ, какъ и у насъ Ярилѣ—Микулѣ—Перуну. Всѣ индѣйскіе празднества перечислены въ 16 прим. къ 1 книгѣ у Крейцера, гдѣ всякій можетъ удостовѣриться въ сходствѣ ихъ съ нашими языческими. Почему же не искать въ Индіи и первоначальнаго источника нашихъ древнихъ обычаевъ и народныхъ былинъ, какъ на это указываетъ и г. Стасовъ въ своей статьѣ, о русскихъ былинахъ (В. Евр. 1868 г.)? Но какимъ образомъ Индѣйскіе Кришна, и нѣкоторые другіе образы превратились потомъ въ Добрыню, и т. д., это, конечно, народная тайна, къ которой и самъ народъ теперь не имѣетъ ключа. Корни остались большею частью въ цѣлости и принялись на русской почвѣ; ное къ стволу сдѣланы многія прививки, которыя затемнили его древнее значеніе.

20) «Будда чсть общее названіе, очень древнее въ Индіи, ученаго, мудраго еловѣка, и значитъ собственно высшій разумъ. Онъ тоже, что Муни,—пустынникъ или планета Меркурій. Имя это принадлежитъ астрономіи, метафизикѣ и исторіи. Было множество Буддъ и Ману, оживлявшихъ міръ своимъ словомъ. Послѣдній Будда явился отъ девятаго, послѣдняго воплощенія Вишну, когда этотъ богъ воплотился Кришной. Въ ученіи буддизма древнее и новое до того перемѣшаны между собою, что самыя противоположныя мнѣнія могутъ черпать изъ него обширныя доказательства. Поэтому нельзя вполнѣ отвергать мнѣніе Рихтера о первоначальномъ буддизмѣ въ самую глубокую древность, совершенно отличномъ отъ нынѣшняго, т. е. позднѣйшаго,—о томъ буддизмѣ, что предшествовало этому послѣднему или современно его первому началу. Тотъ первый Будда могъ быть однимъ изъ главныхъ символовъ или образовъ первобытной религіи индусовъ, и, можетъ быть, еще назывался тогда Вишну или Сива-Брамой, который былъ преемникомъ Діонисія. Надобно думать, что Арріанъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ спутниковъ Александра, эти-то божества и называетъ Будціями (Bouddias). Вѣроятно, это и есть то божество, покровительствующее землѣ, сынъ Луны, (Майа, Богавани), что считается отцомъ пуру, людей, геніемъ планеты Меркурія, и

Digitized by Google

скорѣе должно называться Будой, нежели Буддой; то божество Готама, которому присвоено девятое воплощеніе Вишну. Но между древнѣйшимъ и новымъ буддизмомъ такая же разница, какъ между первобытнымъ сабеизмомъ и новѣйшимъ пантеизмомъ. По мнѣнію Рихтера, ученіе древняго Буды распространилось съ Востока до дальнѣйшихъ предѣловъ Европы. Рихтеръ даже отождествляетъ древняго Буду съ Воданомъ и Одиномъ. Во всякомъ случаѣ имя Будды присуще развитію религіи въ Индіи, съ древнѣйшихъ временъ по сіе время. Оно принадлежитъ всѣмъ сектамъ, всѣмъ народнымъ, самымъ тайнымъ вѣрованіямъ, какъ во времена варварства, такъ и въ болѣе образованныя. Немудрено, что Буда въ средѣ воинственныхъ асовъ превратился въ завоевателя. Какъ, вѣроятно, богъ Торъ есть искаженный Индра, такъ точно и Воданъ-Буда-Вишну или Будій Арріана есть тотъ самый человѣкъ-левъ, Наразина, Индѣйскій геркулесъ, Сакіа-Сина, левъ Саковъ, какъ и по сіе время Будда называется по всей Восточной Азіи, или какъ Фрико съ фаллюсомъ соотвѣтствуетъ Фреѣ-гермафродиту, Сивѣ или Арданари—Исвари»... (Крейц. кн. 1 и прим. 15 къ ней, § 3). Но къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что хотя Буддъ считается тысячи, прежде Шакіямуни, который и есть, вѣроятно, Ади-Будда,—Будда Буддъ; но знаменитый нашъ оріенталистъ Васильевъ считаетъ ихъ выдуманными позднѣе (послѣдняго уже въ Европѣ). По мнѣнію г. Васильева, подъ именемъ буддистовъ въ глубокую древность, слѣдуетъ разумѣть просто анахоретовъ нравственной жизни, которые даже чествовали огонь, слѣд. имѣли нѣчто общее съ магами, съ преданіемъ о Прометеѣ, съ древними весталками. (Журнала министерства народнаго просвѣщ. 1873 Апр. ст. 288, 289).

21) Преданіе о томъ, что боги должны рано или поздно погибнуть или смѣниться другими, существуетъ во всѣхъ арійскихъ мифологіяхъ. У грековъ предсказываетъ объ этомъ Юпитеру скованный Прометей; у Скандинавовъ то время называется божественными сумерками небесныхъ величій; у насъ также есть намекъ на это въ искаженномъ духовномъ стихотвореніи, о концѣ вселенной отъ воды и огня. «Сакія-Муни (Будда), умирая, предсказываетъ, что черезъ пять тысячь лѣтъ вѣроисповѣданіе его исчезнетъ и будетъ замѣнено другимъ, основателемъ котораго явится Маги-дари, Богъ въ образѣ человѣка. Это девятое превращеніе Вишну происходило (по исчисленію Индѣйцевъ), въ IV вѣкѣ бытія міра; десятое (калкіаватара) будетъ въ концѣ вѣка». (Ист. рел. т. 1, ст. 13).

22) О всемъ этомъ см. les Gètes, par Bergmann, § 69, ст. 31—35; § 55, ст. 91, 92; § 109, ст. 181.

23) По Индѣйскимъ преданіямъ, таинственная гора Меру есть та священная, срединная гора, откуда исходитъ источникъ жизни

Digitized by Google

и свѣта на землю. Она соединяетъ землю съ небомъ и отдѣляетъ день отъ ночи. Позади нея ежедневно заматывается солнце, заходятъ луна и звѣзды. Тамъ кочевали хищныя племена; страна эта мрака и чудищъ называлась у персовъ Тураномъ, тогда какъ сама Персія, между Кавказомъ и Сѣв. Индіей, звалась Ираномъ. Здѣсь Магабадъ, въ родѣ пророка или патріарха, внесъ первую образованность и раздѣлилъ народъ на четыре касты. Его вѣкъ почитается золотымъ. Затѣмъ Джемшидъ, тоже что еврейскій Соломонъ или Александръ у грековъ, построилъ или вырубилъ въ утесѣ городъ Эстекаръ, прозванный персами тропомъ Джемшида. Джемшидъ жилъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ семьсотъ; его вѣкъ почитается еще славнѣйшимъ Магабадова. Но онъ возгордился этимъ и объявилъ себя божествомъ, за что навлекъ на себя и народъ свой гнѣвъ Божій: чудища Турана вторглись въ Иранъ и овладѣли имъ. Въ главѣ ихъ былъ Сохакъ, который и владѣлъ Персіей тысячу лѣтъ, и превратилъ ее въ пустыню. Освободителемъ страны явился кузнецъ Феридунъ; онъ побѣдилъ Сохака, и заключилъ его въ пещеру. Съ тѣхъ поръ началась борьба Ирана съ Тураномъ, покуда предсталъ, извѣстный персидскій богатырь, Рустанъ или Рустёмъ, и окончательно очистилъ свою родину отъ туранцевъ. (Крейцеръ, рел. инд. т. I, гл. I; рел. перс. гл. I—V).

24) Производящая сила природы у индѣйцевъ, Бавани, считается женою Сивы (Микулы); съ тѣмъ вмѣстѣ она сестра его и дочь. Она также Парвати и Ганга, луна, богиня первобытной влажности; она же Дурга, героиня, вооруженная съ головы до ногъ, недоступная богиня; въ ней выражается сила и энергія добродѣтели; она же, подъ именемъ Кали или Мага-Кали, караетъ преступленія, низвергаетъ грѣшниковъ въ пламя бездны и предпочитаетъ всему человѣческія жертвы; она смерть и дающая смерть. (Kreiz. t. I, ch. II—V). Не въ этихъ ли трехъ образахъ слѣдуетъ искать и полузабытые нынѣ образы трехъ дочерей Микулы? «Въ индѣйской мифологіи, говоритъ Бергманъ, Кали (Грозная) присутствовала при смерти. Какъ богиня разрушенія и священныхъ гаданій, она имѣла въ услуженіи жертвенныхъ женщинъ (femmes victimaires), которыя приносили въ жертву плѣнниковъ и составляли родъ корпораціи, называвшейся тогда человѣкоубійцами,— tuerie d'hommes. Онѣ были вооружены; почему греки и уподобляли ихъ дѣвственнымъ амазонкамъ, что служили при Артемидѣ Ефесской. Весьма вѣроятно, что богиня Луны, какъ участвовавшая въ принятіи мертвыхъ, уже называлась у скифовъ Квалой, kvaleis, грозной, черной, по санскр. kal. Собственно Кала значитъ поражать (frapper, cellere); отъ чего происходитъ санскр. слово kalas (поражающій, frappant, coup, instant). Поражать (frapper) синонима слова ужасать (effrayer); отсюда санскр. слово kâlas, грозный, ужасный, черный. Отъ kâlas происходитъ kalys (tenant

Digitized by Google

du noir); у скифовъ-гетовъ kvaleis (грозный, черный), и kvâlei (грозная, черная, по санскр. kâli). (Les Gét. p. 209, 213). Замѣтимъ, что также и у славянъ назначались послами, какъ наша Грозная, вѣщія дѣвы, состоявшія при храмахъ; а служеніе при храмахъ тогда заключалось въ гаданьяхъ и въ томъ, что эти прислужницы удушали человѣческія жертвы передъ жертвоприношеніемъ, и такимъ образомъ отправляли ихъ души къ богу Ямѣ или Роду, служа какъ бы посредницами или послами между нимъ и народомъ. Но отъ образа богини Кали у насъ осталось только смутное представленіе о немъ, и ея древнее имя Грозной. Еще проще сближеніе между Поленицей и Дургой: и та, и другая воинственныя дѣвы; и та и другая разъѣзжаютъ (полякуютъ) по странѣ, всегда вооруженныя, и бьются съ враждебной, нечистой силою; обѣ извѣстны своей силой, энергіей и добродѣтелью, и обѣ недоступны силамъ вражескимъ. Затѣмъ остается еще третья дочь Микулы, которой даже и имя утрачено. Но не есть ли она третья дочь Сивы,—Ганга, богиня луны? «Потомъ, говоритъ Бергманъ, явилась у скифовъ Права или Прія, собственно госпожа, какъ преемница или дочь Луны, почитавшаяся скандинавами дочерью слав. божества Вринды (раздавателя богатствъ и даровъ земныхъ). Послѣ войны съ ванами, скандинавы получили ее въ заложницы мира, подъ именемъ Френ; то была госпожа (domina), хозяйка въ домѣ (maitresse de la maison), богиня изобилія, любви, супружества и семейства; но прежде всего — почетная госпожа, супруга и хозяйка дома (dame de la maison); типъ, по мнѣнію Снорри, вообще знатной госпожи, по превосходству». (Les Gét. p. 218, 221, 222; fasc. de Gulf. p. 267). «Домашній очагъ, котораго она была представительницей, соединялъ собой воедино не только семейство, но и цѣлое племя и народъ; такимъ образомъ, подобно римской Вестѣ или скифской Тавити, она стала представительницей не только семьи, но и цѣлаго племени, а потомъ и народа». (Les Gét., p. 227). Впослѣдствіи ея имя было: Вана. Не въ этомъ ли образѣ и должна быть младшая дочь представителя земледѣлія Микулы? Не это ли и есть она, его младшая дочь, наша Прія, а потомъ, по вступленіи на сцену Виндовъ или Вендовъ, наша Вана, родоначальница племени вановъ; такъ какъ въ древности, какъ прекрасно разъяснилъ г. Буслаевъ, племена вообще назывались по имени не отцовъ, а матерей своихъ, стоявшихъ въ главѣ ихъ.

25) Младшая дочь представителя земледѣлія, Микулы, Права или Прія (госпожа, хозяйка дома, богиня воздѣланной земли, впослѣдствіи Вана) есть матерь-представительница своего рода племени, которое еще не отдѣлилось отъ прочихъ племенъ арійскихъ. Въ тѣ дни человѣчество было еще слишкомъ молодо, чтобы понимать законы явленій природы; въ глазахъ его самое обыкновенное

Digitized by Google

для насъ явленіе чудесно, божественно. «Слова скорѣе можно назвать еще символомъ, нежели простымъ знакомъ понятій, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 297), образъ созерцается еще непосредственно... Такъ какъ кони и рогатый скотъ составляютъ народное богатство, то поэзія готова вездѣ пустить ихъ въ дѣло... Не потому, какъ являются глазамъ, а по своему дѣйствію, облака и солнечные лучи становятся коровами; тогда какъ тѣже самыя облака въ другихъ случаяхъ то кормятъ грудью землю, то громоздятся въ горные хребты, то въ видѣ чудовищныхъ стѣней похищаютъ лучи солнца или бьются съ Свѣтобогомъ огнедышащими драконами. Проходитъ небесная корова, Денница, запрягаетъ коней своихъ, и какъ вѣтви развѣсистаго дерева простираются лучи ея свѣта. Агни, живетъ въ каждомъ зажженномъ огнѣ; вспышки пламени ткутъ его обликъ; въ то же время онѣ—руки, языки, которымъ онъ хватаетъ жертву, и на ряду съ этимъ Агни—человѣковидный богъ... М. Мюллеръ предостерегаетъ не находить ребячествомъ такихъ наприм: восклицаній въ ведахъ: «ахъ, прійдетъ ли, взойдетъ ли нынче солнышко? Воротится ли другъ нашъ, денница? Богъ свѣта одолѣетъ ли и на этотъ разъ чудищъ тьмы?..» Надобно перенестись въ дѣтское настроеніе первобытной старины, чтобы вполнѣ постичь ея радостное удивленіе, ея душевную благодарность властительнымъ богамъ, по чьей милости снова ниспосылается людямъ благодать дневнаго свѣта.» Солнце представлялось первобытнымъ людямъ въ разныхъ образахъ,—колеса, коня, глаза, оленя, всадника на колесницѣ, витязя... (Аф. т. I, гл: V; les Gét: p. 177 — 187). Вначалѣ, въ ведическій періодъ,—Суріа (солнце), источникъ свѣта, всезнающій, и Индра, божество высшей атмосферы, нашъ Перунъ, какъ бы близнецы; а потомъ въ образѣ Вишну сливаются совсѣмъ воедино: вотъ почему два эти образа смѣшиваются иногда подъ перомъ новѣйшихъ изыскателей. У славянъ богомъ пѣсенъ и богомъ небесныхъ стадъ(а потомъ и земныхъ), признается Велесъ. Кн: Вяземскій сближаетъ слово Велесъ съ греч: vèlios, avelios, helios,—солнце; г. Срезневскій признаетъ Велеса или Волоса за наименованіе бога солнца (Хорса) и сравниваетъ его съ Аполлономъ; г. Афанасьевъ, не соглашаясь вполнѣ съ этимъ, признаетъ Велеса и Волоса за одинъ изъ эпитетовъ, выгоняющаго на небесныя пастбища облачныя стада, тучегонителя Перуна, — отъ санскр: корня: vr, var, бога-облачителя, который покрываетъ небо дождевыми тучами. Въ послѣдствіи это имя принято за собственное имя отдѣльнаго божества, и ему было приписано охраненіе земныхъ стадъ, какъ позднѣе св. Власію. (Аф. т. I, ст. 693—699). Значеніе бога-пастыря въ нашихъ преданіяхъ присвоивается также и Мѣсяцу, пасущему звѣзды, какъ небесное стадо; такъ какъ въ звѣздахъ наши предки видѣли овецъ и козъ. (Тамъ-же, ст. 691—693). Почему можно предполагать, что въ глубокой древности

Digitized by Google

Солнце или Перунъ—Велесъ считалось дневнымъ пастыремъ небесныхъ стадъ; а Мѣсяцъ—Велесъ ночнымъ и преимущественно звѣздъ, т. е. овецъ и козъ. Оба они могли почитаться богами поэзіи и пѣсенъ, и впослѣдствіи слились въ одно, въ Волоса—идола, *скотья бога*. «Солнце, которое давніе славяне звали Свалонъ (валомъ, круглымъ) считалось ихъ главой и родоначальникомъ, божественнымъ народнымъ правителемъ, говоритъ Бергманнъ, почему отъ слова свалъ они и прозвались славянами. De même qu'en sanscrit, à côté de la forme primitive svarias, existait aussi la forme quelque peu modifiée de sourias, de même dans l'idiome scythe, à côté de la forme Svalius existait encore la forme de Saulius. En effet, de svalius dérive, p. ex., le nom des slaves (p. svales), et Saulius (céleste) était le nom d'un roi scythe». (Les Gét. p. 178).

26) См. искус: въ связи съ общ. разв. культ., Каррьера, т. I, ст. 285. Слово Зевсъ здѣсь вмѣсто Дій, Варуна, богъ неба,

27) Съ развитіемъ человѣчества, боги стали превращаться въ героевъ; изъ мифической религіи началъ развиваться народный богатырскій эпосъ. Самымъ древнимъ нашимъ богатыремъ почитается Иванъ царевичъ: онъ и божество, и чудесный витязь, существо сверхъестественное—и Солнце, и Перунъ вмѣстѣ, въ образѣ человѣка. (Рус. народ. Шеппинга, ст. 117). Сколько ни страннымъ кажется встрѣтить христ. имя Ивана во дни самой глубокой древности, но вотъ какъ толкуетъ это нашъ уважаемый проф. Буслаевъ: «по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Pictet), кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ греческихъ племенъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя Іонійское, получило свое названіе отъ одного и того-же общаго корня съ санскр. Іована, что значитъ собственно: молодой, юный, и родственно съ латин. juvenis, юноша, откуда франц. jeune. Наше слово юнъ, юный, сократилось изъ того-же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ Индо-Европейскимъ народамъ. Отъ юнъ произошло слово юнакъ, герой. Стало быть, наше сказочное выраженіе: Иванъ царевичъ, слово въ слово, въ переводѣ значитъ: молодой или юный царевичъ, или еще юнакъ, герой царевичъ. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго Востока получили названіе Іонянъ, т. е. молодыхъ, такъ и наши юнаки съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ-же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ называемые отроки и дѣти боярскіе составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у славянъ подъ именемъ пѣсень юнацкихъ, т. е. юношескихъ. Юнацкими пѣснями называются также и пѣсни богатырскія». (Рус. вѣст.

Digitized by Google

1862 г. сент. ст. 81, 82). Къ этому можно присовокупить также слова нашего знаменитаго оріенталиста Васильева, что «janaka, собственно царь, происходитъ отъ корня jan- лежащаго въ основаніи Kuning, cyn-ing, cyn-ig, и нашего слова князь; со всѣми этими словами janaka въ этомъ логическомъ родствѣ.» (Жур. М. нар. пр. 1872, іюнь, ст. 185). Между Зап. скифами, какъ извѣстно, было племя Іавановъ (les Iavans), предковъ Эллиновъ; а на Кавказѣ насъ, русскихъ, понынѣ зовутъ Иванами. Какое же божество могло превратиться въ нашего чудеснаго, почти всемірнаго витязя? Онъ Солнце и Перунъ, взятые вмѣстѣ; онъ,—то царевичь, то крестьянскій сынъ; какъ Солнце, онъ влюбляется у насъ въ красавицу Ладу, богиню весны или зари, а у скандинавовъ, подъ именемъ Фрейера, въ великаншу Гердуру (блескъ зимняго моря); какъ богъ Громовникъ, онъ олицетворяется у насъ въ Ивашкѣ Запечномъ, въ Южной Россіи, въ Иванѣ Попяловѣ, у Словаковъ въ Попельварѣ, который владѣетъ всѣми аттрибутами Перуна, мечемъ самосѣкомъ и конемъ Татошемъ, и также побиваетъ драконовъ. Но вотъ что говоритъ Кришна-Багаванъ, (одно изъ воплощеній Вашну), Арджунѣ: «мы нѣсколько разъ ужь рождались, и я, и ты, о Арджуна. Я знаю всѣ эти рожденія, а ты ихъ не знаешь, страшный витязь. Земля, воды, огонь, воздухъ, эфиръ, душа, разумъ, совѣсть, вотъ одна частъ въ моей двойственной природѣ, состоящей изъ восьми частицъ, различныхъ между собою. Это низшая моя природа; но познай меня... Я сладость въ водахъ, свѣтъ въ лунѣ и въ солнцѣ, звукъ въ эфирѣ, пріятный запахъ въ землѣ, огненное начало въ огнѣ, а дыханіе жизни во всѣхъ одушевленныхъ существахъ... Сынъ Вазудевы заключаетъ въ себѣ вселенную. Я душа, живущая во всякомъ тѣлѣ; я начало, средина и конецъ всѣхъ созданій» (Крейц: 1, 2, прим. 7, ст. 617, 618). «Въ молитвахъ Я Гаятри, въ словахъ оум., въ богахъ Индра (Перунъ), въ планетахъ Солнце, въ горахъ Меру, въ ришахъ Кубера, въ стихіяхъ огонь, въ браминахъ Вригаспати, въ герояхъ Картика (имя богатыря), въ мудрецахъ Капила-Муни, въ оружіяхъ громовая стрѣла, въ птицахъ Гаруда, въ слонахъ датрабата, въ коровахъ шуруба (особая порода), въ обезьянахъ гануманъ, въ змѣяхъ ананта, въ водахъ океанъ, въ рѣкахъ Гангъ, въ деревьяхъ ассуата, въ камняхъ салаграма (окаменѣлыя раковины аммониты), въ мѣсяцахъ Варгаширта, въ наукахъ сама-веда. Я наконецъ, душа и жизнь всему видимому. Такъ говоритъ Вишну»... (Ист. рел. т. I, ст. 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вишну, одинъ изъ Индѣйскихъ боговъ, воплощается не однажды собственно ко благу человѣчества,—въ щуку, въ кабана, въ витязя Раму, и наконецъ въ бога-человѣка Кришну, рожденнаго царевичемъ, но воспитаннаго между крестьянами и считавшагося сперва крестьянскимъ сыномъ. Его похожденія, въ разныхъ образахъ, также разнообразны и обширны,

Digitized by Google

какъ и нашего Ивана царевича. Что-же касается до мифическаго чурбака, чурбана; то это слово происходитъ отъ санскр. сур. «Чуръ есть одно изъ древнѣйшихъ названій, какія давались домовому пенату, т. е. пылающему на очагѣ огню, охранителю родоваго достоянія. Чуръ также богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній. Деревянный столбъ (чурбанъ) былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, какъ такъ въ немъ таится живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ питается священное пламя очага; камень-же—символъ небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-Громовникъ своимъ каменнымъ молотомъ и низвелъ на очагъ въ видѣ молніи... Сидѣть вблизи очага, оберегателя семейнаго счастія и покоя, знакъ, что человѣкъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ; подъ замаранной отъ дыма и пепла одеждой должны таиться чувства любви, набожности, кротости, способность переносить незаслуженныя притѣсненія, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои и героини Попяловы и Попелюги.» (Аф. т. II. ст. 90, 91, 484, 485).

28) См. прим. 23.

29) «Десятое превращеніе Вишну будетъ въ концѣ вѣка. Тогда онъ явится въ своемъ божественномъ видѣ, на ослѣпительно-бѣломъ конѣ, съ мечемъ, сверкающимъ подобно кометѣ. Явится онъ для окончательнаго истребленія зла на землѣ. Сива, въ видѣ огненнаго вихря или огнедышащаго змѣя Сеши (суши?) пронесется по вселенной: огонь истребитъ міры; но потомъ явятся новые міры и начнутся вѣка блаженства, чистоты и непорочности». (Ист. рел. т. 1. ст. 13) Вишну, какъ божественный свѣтъ, есть истребитель всякаго зла на землѣ, для чего онъ и являлся въ разныхъ образахъ между смертными. Слова, означенныя въ поэмѣ новычками, о возрастающей развращенности подлуннаго міра, не смотря на всѣ воплощенія Вишну, приведены Крейцеромъ (Kreiz de l'Inde.), въ главѣ о Вишну, какъ собственныя слова этого бога. Не преданіе ли о его послѣднемъ воплощеніи въ концѣ вѣковъ, послужило основаніемъ всѣмъ позднѣйшимъ сказаніямъ о концѣ міра, и народному ожиданію такихъ временъ, когда братъ не будетъ возставать на брата и хищный воронъ не найдетъ себѣ пищи, т. е. валяющихся труповъ; чего ожидаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ сказочныхъ витязей, томясь по сіе время въ подземныхъ заточеніяхъ? У нашего Ивана царевича, по сказкамъ, родятся сыновья, такіе же свѣтозарные, какъ онъ самъ; но почти всегда ихъ похищаетъ или подмѣняетъ нечистая сила. Кришна былъ также подмѣненъ, только съ благой цѣлью; и такихъ преданій въ Индіи не мало. Выше было ужь приведено мнѣніе Бергманна, о происхожденіи скіфскихъ славянскихъ племенъ отъ бога Солнца, Свала; такъ точно и слово росъ, русъ, въ древнія времена зна-

Digitized by Google

чило свѣтлый, русый, блестящій, святой. «Уже Нарбуттъ напалъ на мысль, что святыя рѣки у Будиновъ, которыхъ онъ считалъ предками Литвы, Шафарикъ славянами, именовались ross, говоритъ Гедеоновъ (о варяж. вопр. ст. 69—23). Отъ Волги-Рось до до Нѣмана-Рось и до Куришгафской Руены, все пространство земли, занимаемое словено-русскими племенами, покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса. Названія Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляетъ особое религіозное начало и значеніе святости. Понятіе о свѣтѣ, говоритъ г. Буслаевъ, глубоко лежитъ въ названіи русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа; хоть онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ ихъ начальною стихіей. Рѣчное названіе Руса, откуда русалка, черезъ форму рус—ло, ведетъ свое происхожденіи отъ слова русый, распространившагося не только на Сѣверъ, гдѣ находимъ фин. rus, красный, рыжій, но и на Югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы. Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: na potoku Rusowè, но и въ кельт. rus, ros, озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ санскрит. языка, въ языкѣ ведъ, находимъ ruçam—rutilanes, глаголъ же ruç остался и впослѣдствіи, но только въ значеніи ferire, accidere; съ перемѣною же небнаго ç въ r перешелъ въ rur, lucere, splendere. Гедеоновъ же находитъ, что по санскр. ruc—splendere; въ зендскомъ языкѣ raoç—splendere и lux (Bopp, Vergl. Gram 128, 28); а отсюда, съ одной стороны производныя: russaeus, rutilans, русый, фин. rus, и т. д.; съ другой, значеніе блеска и свѣта для водъ и росы въ индоевропейскихъ языкахъ. У славянскихъ племенъ санскр. и зендское ruç, raoç, переходитъ изъ нарицательнаго въ собственное, подъ формою Рось, Русь; здѣсь начало мифологическаго (славянскаго, и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, словено-русскаго) періода его. Этому періоду принадлежитъ, существующее только въ русскомъ языкѣ (подобно названію русалокъ) слово: русло, быть можетъ, первоначально божественное олицетвореніе русла; и русло, и русалка, отъ рѣчнаго, священнаго Русь. Какъ отъ Нѣмана и Свитязя—Нѣмнянки и Свитезянки (Снегир. 1, 119), такъ отъ Рси или Русы—русалки. Литовская русалка именуется Гуделкою, gudielka; но по литовски Gudduseme—украинская Русь, Gudos—русинъ, Gudai—Русь во множ. числѣ. (Schafar. Sl. 456. Anm. 4). Въ тѣснѣйшемъ же смыслѣ Русью именуются только Поляне и Кіевъ; русскій синонимъ Кіевскаго; Кіевъ былъ настоящимъ центромъ Руси. Мы читаемъ у Нестора: «бѣ единъ языкъ словянскъ: Словяни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъже пріяша Угри и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (Лавр. II); и далѣе: «а словянскъ языкъ и рускый одинъ; отъ варягъ бо призвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но словяньская рѣчь бѣ». (Тамъ же, 12.—Гедеон. ст. 46). Въ первые вѣка по

Digitized by Google

Р. Х., а можетъ быть, также и прежде, русскихъ, вѣроятно, по ихъ свычности съ водой, звали выдрами (Истор. очер. Буслаева, т. I, ст. 26). Но слову выдра есть и другой корень: «слово Индра (Индрикъ, Вындрикъ, единорогъ) изслѣдователи наши сближаютъ съ греч. одра. Отъ санскр. корня ud, und, (vad, vand) дѣлать мокрымъ, образовались слова: санск. uda, греч. одор, литов. wandu, слав. вода; санскр. udra, литов. udrà, англосак. otor, сканд. otr, др. нѣм. ottar, слав. выдра, (или vidra),—собственно водяное животное; греч. odria, водоносъ, одра (hydra), баснословная водяная змѣя.» (Аѳ, т. II ст. 554). «По нашимъ преданіямъ Индра-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. Когда была засуха, онъ копалъ рогомъ мать сыру-землю, выкопалъ глубокіе ключи, доставалъ воды кипучія, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по маленькимъ ручьямъ, по большимъ озерамъ. А свящ. пѣсни ведъ утверждаютъ, что богъ Индра низводитъ изъ облачныхъ горъ стремительные потоки дождя, и творитъ изъ нихъ земные истоки, ручьи и рѣки, и направляетъ ихъ бѣгъ. Сродство русскаго преданія съ ведическимъ, говоритъ Афанасьевъ, въ высшей степени поразительное. (Тамъ же ст. 553, 554)». Добавимъ, съ тою только разницей, что древній богъ, по христіанскимъ преданіямъ, превратился въ звѣря. Г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 127) приводитъ ссылку на одного еще изъ старшихъ богатырей, вѣроятно, до эпохи Владиміра: «былъ богатырь, надъ семидесятью землями богатырь.» Кто этотъ богатырь, покуда остается въ неизвѣстности; но все-таки это не мѣшаетъ отнести эти слова къ тому же—древнѣйшему богатырю русскому, Ивану царевичу, или къ одному изъ свѣтозарныхъ сыновей его, о которомъ болѣе подробныя преданія въ народѣ уже утратились или смѣшались съ другими. Изгнаніе же Пріи и пр. заимствовано вообще изъ народныхъ сказокъ.

30) Прежде всего, нашъ Соловей-разбойникъ есть древнѣйшій мифъ грозы. «Соловей, славій, говоритъ г. Афанасьевъ, (т. I, ст. 301—309), происходитъ отъ слова: слава; почему и вѣщій Боянъ (пѣвецъ) называется соловьемъ стараго времени. Въ народныхъ преданіяхъ соловьиный щекотъ (по старинным памятникамъ: щекатый, сварливый, бойкій на словахъ; сравни корень щекъ съ санскр. çak, говорить) есть символъ весеннихъ глаголовъ бога Громовника, вѣщающаго въ грохотѣ грома и свистѣ бури... (почему нѣмцы назвали соловья ночнымъ глашатаемъ, nachtigall). Эпитетъ же разбойника объясняется разрушительными дѣйствіями бури. Закрытіе тучами и зимними туманами небесныхъ свѣтилъ называлось на старинномъ поэтическомъ языкѣ похищеніемъ золота: такъ и въ подвалахъ Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна. Демоническія силы грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Въ варіантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ сказаніяхъ вы-

Digitized by Google

водятся на сцену воры и разбойники. Такимъ образомъ, древнѣйшія мифическія преданія съ теченіемъ времени сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его обыденной жизни».

31) «На Западъ отъ главной страны Саковъ, близъ Каспійскаго моря, была страна ихъ собратьевъ Моравовъ, по греч. Маргіана, жители которой называли восточ. Саковъ Заморавскими Саками (также, вѣроятно, какъ Западные жители Лабы звали потомъ своихъ восточныхъ сосѣдей Пруссовъ—Поруссами). Греки измѣнили это названіе въ Амморреевъ. По берегамъ же Каспійскаго моря обитало еще одно изъ племенъ ихъ,—Дервяне или Древляне, производившіе свой родъ отъ деревьевъ. Парфы принадлежали также къ скифскимъ племенамъ». (Les Scythes, les ancétres des peup. Germ. et Slaves, par Bergmann). Кромѣ того, что все пространство земли, занимаемое потомъ словено-русскими племенами, покрылось рѣками: Рось, Русь, Роса, Руса; въ глубокой древности, по словамъ г. Иловайскаго, р. Яксартъ или Сыръ-Дарья называлась также Росой; также какъ, по мнѣнію г. Гильфердинга, Бактрія, верховья Сыръ и Аму-Дарьи, именовалась свѣтлой Ріей. Орисса, провинція въ Индостанѣ, кромѣ созвучія съ Оросами (Orosz) или Росами, имѣетъ понынѣ нѣкоторые сходные съ ними обычаи; между прочимъ, поминовеніе мертвыхъ тамъ называется шрадой, какъ и у насъ оно называлось стравой, и т. д.

32) Смотри примѣч. 11.

33) О причинѣ переселенія восточныхъ народовъ постепенно на Западъ ученые говорятъ общими мѣстами; что весьма естественно: потому что такихъ причинъ могло быть очень много, и между ними, конечно, главная,—стремленіе найти себѣ на Западѣ, въ то время ненаселенномъ, лучшія земли. Славяне считали земледѣліе обязанностію, возложенной на нихъ богами; при переселеніяхъ, они обыкновенно посылали впередъ, для развѣдокъ, соглядатаевъ, какъ это и теперь дѣлаютъ, брали съ собою по горсти родимой земли; а Микула, по нашимъ преданіямъ, несетъ на плечахъ суму, въ которой лежитъ тяга земли, и т. д. Переселенія эти могли совершиться или черезъ Кавказъ, или по окраинамъ Каспійскаго моря. «По словесному преданію самыхъ старыхъ жителей Дона въ 1781 г., даже первые Донскіе казаки пришли на Донъ изъ-за Терека; но были не татары и не имѣли сходства ни въ лицахъ, ни въ обычаяхъ съ азіятскими народами, а въ семъ сообразны были съ великороссіянами». (Рус. Стар. 1874. Май, записки донскаго атам. А. К. Денисова, ст. 4—6).

34) Приведенное народное стихотвореніе относится къ св. Егорію; но во времена язычества, героемъ этого стихотворенія была, конечно, другая личность, но сіе время вполнѣ еще неразъясненная. «По всей вѣроятности, говоритъ г. проф. Миллеръ (Илья Му-

Digitized by Google

ромецъ ст. 345, 432), въ образѣ Егорія скрывается тоже мифическое существо, что и во Владимірѣ-Солнцѣ, только усматриваемое съ его дѣятельной, ратующей, воинственной стороны». Эту же личность г. Миллеръ подозрѣваетъ и въ Добрынѣ, который есть, по мнѣнію г. Стасова, извращенный Кришна. Афанасьевъ видитъ въ Егоріи Перуна, который борется съ темными тучами, гибнущими подъ ударами его молніеносныхъ стрѣлъ или палицы; а въ мифическихъ дѣвахъ, что пасутъ воловое стадо, облачныхъ дѣвъ пастырей небесныхъ стадъ; въ лѣсахъ же, горахъ, рѣкахъ, волнахъ и змѣяхъ, облака и небесные источники. (Т. I, ст. 699—704). Г. Буслаевъ (Руск. Вѣсти. 1862 Марта, ст. 53, 17, 11) подъ именемъ Егорія разумѣетъ: творца-устроителя русской земли, (финскаго) Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса. Изъ нашихъ же древнѣйшихъ народныхъ героевъ всего ближе подходитъ къ нему, по существу своему, Микула, чей образъ дошелъ до насъ уже въ самомъ смутномъ, отрывочномъ образѣ; совсѣмъ не въ томъ, какъ онъ сложился «въ древнѣйшую пору зарожденія мифовъ и ихъ эпическаго выраженія въ народной поэзіи». «Сама мать сыра земля любитъ Микулу Селяниновича и весь его родъ-племя. Въ этомъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа, о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлья. Онъ является въ сношеніяхъ съ лицами древнѣйшей титанической эпохи и показываетъ переходъ отъ кочевой эпохи къ осѣдлой, земледѣльческой». Поэтому, въ немъ-то, Микулѣ, и слѣдуетъ, кажется, искать самаго близкаго сходства, какъ съ Вейнемейненомъ, такъ и съ Егоріемъ, устроителями осѣдлой жизни и земли, удобной для земледѣлія. Одна черта этого сходства даже сохранилась еще въ народныхъ былинахъ,—это погрязшій въ землю бродячій титанъ Святогоръ подъ сумкой Микулы, какъ Святогоръ на вѣки и остался, и торчитъ изъ земли будто скала. Другой чертой мифическаго сходства можетъ, пожалуй, также служить преданіе о зміяхъ и волкахъ—неврахъ, прикочевавшихъ или придвинувшихся къ осѣдлому племени Геллоновъ. Впрочемъ, говоритъ г. Афанасьевъ: «для каждаго естественнаго явленія мифологія даетъ по нѣсколько разнообразныхъ картинъ. Въ глубочайшей древности всякій смотрѣлъ на явленія природы съ той точки зрѣнія, какая была ему ближе и понятнѣе по образу его жизни и занятій: пастухъ смотрѣлъ на нихъ именно, какъ пастухъ; охотникъ, какъ охотникъ; воинъ, какъ воинъ». (Т. I, ст. 690). Какой же образъ для устроителя земли могъ выбрать или создать земледѣлецъ? Конечно, образъ представителя или отца земледѣлія,—Микулы Селяниновича.

Digitized by Google

Къ 3-й пѣснѣ.

1) Варуна (у Скифовъ Воданъ) почитался въ глубочайшей древности божествомъ небеснаго океана, воздушнаго моря; его царство полагалось на Западѣ. Древніе скифы покланялись, должно быть, ему, въ образѣ меча, воткнутаго рукояткой въ землю, что выражало и громовую стрѣлу, и лучь солнечный. Въ концѣ ведійскаго періода Варуна у Индовъ преобразился въ бога Вишну, вмѣстившаго въ себѣ, и Небо, древняго Дія, Сворога, и Индру, Перуна, и Солнце, Дажь-бога, Сурію, и воды океана, и свѣтъ земной, и міръ духовный, словомъ—вселенную. Вишну сталъ отцомъ боговъ, источникомъ свѣта, владыкой земли и неба, войны, земледѣлія, грозы и благотворныхъ силъ природы. Тѣже самыя свойства славяне придали своему Свято-виту (свѣтой свѣтъ). Иные предполагаютъ съ Святовитѣ Сварога, другіе Вишну; и то, и другое должно быть основательно: потому что и Вишну, и Сварогъ, слились, еще до ихъ выхода, воедино. Весьма вѣроятно, что славяне и вынесли съ собой это божество изъ своей праотчизны. Тогда древній Воданъ-Варуна сталъ для нихъ божествомъ земнаго океана, и получилъ названіе Морскаго или Водянаго царя. Для тѣхъ же народовъ на Западѣ, которые еще не знали Вишну-Святовита, т. е. въ его новомъ превращеніи, древній Воданъ превратился въ Одина или Вуотана, (Les Gét. p. 152—168), и сдѣлался самымъ могучимъ и высокимъ божествомъ скандинавской мифологіи. «Какъ представитель небесныхъ грозъ, онъ является въ шумѣ бури, во главѣ неистоваго воинства, и въ то же время властвуетъ надъ водами (т. е. дождевыми тучами), почему древніе писатели сравнивали его съ Нептуномъ. Имя Wuotan (Odhinn) отъ wuot-mènos, animos, умъ, дарованіе, ярость, бѣшенство; что соотвѣтствуетъ нашему слову духъ и выраженіямъ: буйный вѣтеръ, буйная голова.» (Аф. т. I. ст. 392). Названіе Вуотанъ есть уже частное, скандинавское; но какъ покровитель народный, грозный образъ воинственной стороны нашего Святовита, Одинъ имѣетъ много сходнаго съ Скифскимъ княземъ-Щитомъ (Hleipo-ksais). Г. Афанасьевъ приходитъ къ тому же заключенію. (Т. I, ст. 215, 216).

2) Переселенія финно-алтайскихъ племенъ въ Европу, какъ приблизительно извѣстно, начались за 2500 лѣтъ до Р. Х.; а первые Киммеріяне явились на Черномъ морѣ между 2200 и 1500 годати до нашей эры; хотя и тѣ, и другіе могли быть гораздо ранѣе, когда еще Европа представляла изъ себя большой архипелагъ острововъ. Между тѣмъ воды первобытнаго океана всего долѣе должны были оставаться въ нынѣшней Восточной Россіи, когда правый берегъ Волги былъ морскимъ берегомъ, а Западная Россія

Digitized by Google

и часть Германіи огромнымъ полуостровомъ, и потому первые переселенцы могли встрѣчать здѣсь еще слѣды недавняго пребыванія древняго моря. (Les Gèt: и Гарт:)

3) Конечно, здѣсь надобно разумѣть первобытныхъ переселенцевъ въ Европу, удалившихся изъ Азіи въ самую первую эпоху.

4) «Чѣмъ древнѣе мифическія преданія русскаго народа, говоритъ г. Буслаевъ, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ народовъ, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ,» («Русск. вѣст.» 1862 г. Мар. ст. 24). Не менѣе, конечно, знаменательны въ такомъ случаѣ и преданія сосѣднихъ арійскихъ, да и другихъ народовъ; особенно для насъ скандиновскія, между которыми есть такъ много общаго съ нашими славянскими. «Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ, русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей мифологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ быть, имѣютъ смыслъ мифологическій, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Дунай, Донъ, и пр; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, напр. Самсонъ-богатырь; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ; иныя подъ своей новѣйшей формулаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ славянъ, какъ Микула Селяниновичъ; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и мифическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мифической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ мифическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому, что божество стараго порядка уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей мифологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами. Не смотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины; а у другихъ славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ мифическомъ ихъ значеніи у славянъ. Преданіе о мифическихъ представителяхъ

Digitized by Google

горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ самой горою. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ; а гора его держитъ. По санскр. одно изъ названій горы Бу-дара, поддерживающая или держащая землю... Согласно этому воззрѣнію, русскій богатырь дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, какъ древній Атласъ поддерживаетъ небо, то поддержитъ и его. У чеховъ древнее названіе исполиновыхъ горъ: Крько-ноша, т. е. несущая чешскаго героя Крока. Нѣкоторыя мифическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ естественнаго прозвища Горыничъ, Горынчище, Горынинка, т. е. рожденный или рожденная отъ горы, или Горыни... Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое: онъ хотѣлъ поднять тягу земную но и его силы на то не хватило. Съ натуги, «по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,—тутъ ему было и кончаніе,» т. е. погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли «будто скала». (Тамъ же ст. 25, 26, 46—49.) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно сходствуетъ также съ скандинавскимъ великаномъ Скримиромъ, символу, по мнѣнію Бергманна, зимней стужи, передъ которой самъ громовникъ Торъ безсиленъ. (Fasc: de Gulf p. 317—319). Можно предполагать, что въ понятіяхъ древнихъ славянъ образъ Святогора, стихійнаго исполина горъ, могъ составиться и на вершинахъ Гиммалая, и Кавказа, и въ Карпатахъ и на хребтахъ Урала, и даже при видѣ мрачныхъ, грозныхъ тучь, подобно горамъ, заслонявшихъ отъ нихъ ясное небо. Что же касается до рѣкъ, то «разселясь и садясь по рѣкамъ, говоритъ г. Буслаевъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины, съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, а потомъ получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: Сава, Драва, Одра или Одеръ, Ра, Упа, Донъ, Дунай, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще, или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собой и общее индо-европейское имя рѣки вообще—дуни, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы: дун и дон, означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ Донъ получилъ, смыслъ собственнаго имени, а форма дун, съ окончаніемъ авъ, именно: Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напр. поется въ одной польской пѣснѣ: «за

Digitized by Google

рѣками... за Дунаями.» (Русск. вѣстн. март. 1862, ст. 32, 33.) Извѣстно, что рѣки были боготворимы славянами, подобно тому, какъ Гангъ и Индъ въ Индіи: поэтому и названіе Бога, какъ святой или свѣтлой рѣки, божественной. «Солнце, отецъ скифовъ, называлось ими Pakus (почтенный); по санскр: Багасъ, Сива; по персид: багъ; по греч: Bakkhos, солнце-Бахусъ, по слав: богъ, божество». (Les. Gèt. p. 183, 255).

5) Въ первобытныя времена страшныхъ земныхъ переворотовъ, огонь, боготворимый юнымъ человѣчествомъ, игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей въ этихъ переворотахъ, и эти картины должны были производить поражающее впечатлѣніе на человѣка, также какъ и всѣ необыкновенныя стихійныя явленія. Вотъ почему и нашъ богатырь «Сухманъ, Суханъ (санскр. суш, сушъ, сохнуть, наше суш-ить, откуда причастная форма суш-манъ, сохнущій, изсушающій, изсушаемый, перешедшая въ названіе солнца и другихъ стихій) по словамъ примѣчанія въ сборникѣ былинъ Рыбн: (ст. 9), «носитъ на себѣ явные слѣды происхожденія мифическаго, доисторическаго». «Въ началѣ эта личность, говоритъ г. Буслаевъ (Русск. вѣст. 1862, мар. ст. 27), имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца или свѣта, огня (санскр. сушман или шушманъ, огонь)». «Демоническій змѣй Ahi, рождающій въ воздухѣ томительный зной, является въ ведахъ съ именемъ Çushna (изсушитель): онъ задерживаетъ дождевые потоки, овладѣваетъ колесомъ солнца и распространяетъ на поля и лѣса губительный жаръ». (Аф. т. I, ст. 208). Въ нашихъ же заговорахъ говорится: «у того у синяго моря-окіяна лежитъ огненный змѣй; сряжается-снаряжается онъ зажигать горы и долы, и быстрыя рѣки,» и т. д. (Тамъ же, т. II, ст. 576). Въ нашихъ былинахъ это уже другая личность, это какой то ужь лѣсной богатырь, которому служитъ палицей огромный дубъ, только что вырванный имъ съ комлемъ. Естественно, что это исказившійся первообразъ лѣснаго, живаго огня, царь-огня, воплощенный въ богатырскій образъ; отъ прежняго остались въ немъ развѣ его всекрушая сила и яркія, маковыя листочки, которые онъ прикладываетъ къ своимъ ранамъ. Первобытный его образъ для новой эпохи уже не годился, и народъ создалъ ему другой; но все-таки это древнѣйшій богатырь, сверстникъ олицетвореній Дуная и Дона, подобно которымъ и онъ утопаетъ въ крови, истекшей изъ его ранъ, и превращается въ Сухманъ рѣку,—весьма можетъ быть, что въ рѣку огненную.

6) Русскій богат. эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Донъ, Дунай, Днѣпръ, означавшіе вначалѣ рѣку вообще, принимаютъ человѣческій образъ, съ отличительными признаками героя или героини. Съ образами этихъ героевъ, вѣроятно, сливались и ихъ родъ-пле-

Digitized by Google

мя, такъ какъ славянскія племена, въ новой ихъ отчизнѣ, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки предлагали имъ дорогу для перекочевокъ, а свои берега для осѣдлой жизни пастуховъ и земледѣльцевъ. (Русс. вѣс. 1862, мар. ст. 31, 33). Поэтому богатырей Дона и Днѣпра можно почитать представителями ихъ побрежныхъ племенъ. По самому ихъ теченію, они шли съ сѣвера на юго-востокъ, какъ бы на встрѣчу арійскимъ переселенцамъ,—именно туда, куда неслись первобытные скифы, грабить Восточныя царства; какъ они устремились позже на Царьградъ и въ Римскія области. Движеніе было тоже самое въ обѣ эпохи; измѣнилось только мѣсто дѣйствія.

7) Извѣстно, что греч. скифы, обитавшіе въ Гилеѣ, производили вообще скифскія племена отъ Иракла (по скиф. Таргитависъ, Солнце) и отъ Эхи-дны (женщины-змѣи). «Гилей (по гр. hulaïa, лѣсная) былъ покрытъ лѣсами и болотами, произшедшими отъ разливовъ Днѣпра (Barush-tanais, Borystènes, рѣка, окруженная березами). Прежде обитали здѣсь Кимеріяне, полагавшіе, что болотистый Гилей произошелъ изъ подъ воды этой рѣки, и потому они назвали его водянистой мѣстностью Борисфена (aріа,—водяной, водянистый). Названіе это перешло, по преданію, къ пеласгамъ-грекамъ Таврическаго Херсонеса; а они, по ихъ обычаю выражать понятіе о водѣ символомъ гидры (по греч. hudra, водяной) или водянаго змѣя (по сан. ahi, по гр. echi), понятіе же о землѣ-кормилицѣ символомъ телицы или молодой женщины (dna, по санс. dhanikâ), назвали болотистый Гилей, состоявшій на половину изъ воды (echi) и на половину изъ земли (dna), Эхидной (женщиной-змѣемъ)»... (Les Gèt. p. 173, 174). Задолго до Гомера, говоритъ также Бергманъ, племена Кимвровъ, (въ которыхъ узнаютъ нынѣ Сербовъ), обитавшіе по Сѣвер. берегамъ Чернаго моря, породившіе Киконовъ (аистовъ), Героновъ (журавлей), Крестовцевъ или Кретоніатовъ (жителей Крестоны, города племени Ласточекъ), Кат-тузовъ (Котовъ), Мигдоновъ (habitans du bourg de la Truie), Абіевъ (жителей Абіи, собственно своей страны) и пр., проникнули отсюда въ страны между Пропонтидой и Истеромъ. Они вообще называли себя храбрыми (по гр. Trêres); отъ чего древніе греки и назвали ихъ потомъ (отъ Thraseis или Thrasikes) фраками или фракійцами. (Тамъ же, ст. 37).

8) Въ первобытное время всякое начинаніе облекалось непремѣнно въ таинственный образъ божественнаго обряда; отъ чего и произошли, вѣроятно, позднѣйшія заклинанія и заговоры. «По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, говоритъ Афанасьевъ (т. III, ст. 786), не измѣняя ни одного выраженія, онъ непремѣнно сбудется. Точно также и греки, и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формами». Въ настоящемъ разсказѣ приведена отчасти обыкновенная форма нашихъ заговоровъ (Аф. т. I, ст. 415—431, т. II, ст. 406, 407, 563,

Digitized by Google

576). У Индѣйцевъ масло выливалось на жертвенный огонь (Магабг:, ч. I), вѣроятно, какъ часть жертвы. У Чеховъ до сихъ поръ въ обычаѣ, отъ каждой яствы полагать часть въ огонь. Въ Каринтіи «кормятъ огонь», т. е бросаютъ въ него свиное сало и другія яства. Истрійскіе славяне «кормятъ» зажженный на Ивановъ день чурбанъ, обсыпая его хлѣбными зернами. При зимнемъ поворотѣ солнца сербы въ разведенный огонь бросаютъ деньги, сыплютъ хлѣбныя зерна, муку и соль, льютъ вино и *масло*, и молятъ о плодородіи въ стадахъ и жатвахъ, и изобиліи въ домѣ... Греки и Римляне дѣлали также огню возліянія, что исполнялъ домовладыка, въ честь родовыхъ пенатовъ, и т. д. (Афан. II, ст. 42—43).

9) Изъ хранящейся въ Донскомъ, стат. комитетѣ рукописи: истор. описаніе войка Донскаго (1834 г.), видно, что даже «нынѣшняя территорія Донской области издревле именовалась Полемъ, и что это поле было пріютомъ отважныхъ храбрецовъ различныхъ народностей, которыхъ манили, пролегавшіе чрезъ эту пустыню, торговые пути и добыча. Древніе казаки, поселившіеся въ этой мѣстности изъ-за Терека, любили семейную жизнь и почти всѣ женаты, исповѣдывали христіянство и считали себя одно-земляками; но каждый городокъ ихъ имѣлъ отдѣльный удѣлъ земли. Впрочемъ межевались они только въ луговыхъ мѣстахъ, т. е. при самой рѣкѣ Донѣ, которыя весной покрывалось водой; въ степяхъ же или, какъ они называли, въ нагорныхъ поляхъ (которое слово и донынѣ нѣкоторые употребляютъ), границъ не имѣли, но считали ихъ общественными, и вольно было, гдѣ кто хотѣлъ, заводить хутора-зимовники, которыхъ впрочемъ долго совсѣмъ не было, а начались они гораздо позже.» (Русс. Ст. 1874 г. май, ст. 4—6, 7). Разумѣется, это относится къ очень близкому уже къ намъ времени; тогда какъ время первоначальнаго основанія самаго Кіева на Днѣпрѣ положительно неизвѣстно. Въ IV—V ст. по Р. Х., когда на Балтійскомъ поморьѣ процвѣталъ гор. Волинъ или Волынь и другіе славянскіе города, тогда и нашъ Кіевъ, по свидѣтельству иноземцевъ, былъ уже въ цвѣтущемъ состояніи. Но когда бы онъ ни былъ основанъ, вся эта мѣстность, какъ можно полагать и какъ увидимъ ниже, еще задолго до его основанія, была заселена большей частью славянскими племенами, и самый приходъ Кія съ братьями въ эту мѣстность, какъ предполагается въ легендѣ, съ Дуная, могъ совершиться не иначе, какъ уже къ обитавшимъ издревле на Днѣпрѣ, ихъ соплеменникамъ. Поэтому древняя легендарная часть этой мѣстности можетъ относиться также вообще къ славянамъ.

10) Днѣпра или Нипра Королевшина причисляется у насъ къ вальхиріямъ или виламъ, а приднѣпровская мѣстность кишѣла, по преданіямъ, амазонками, которыхъ Бергманъ раздѣляетъ на исто-

Digitized by Google

рическихъ и баснословныхъ. Къ первымъ онъ причисляетъ вооруженныхъ жрицъ богини Ифигеніи-Артемиды, и потомъ Артимпазы (Луны), древней инд: Бавани-Кали, въ Киммерійскомъ Херсонесѣ. Эти-то жрицы и были тѣ истребительницы людей, что душили знатныхъ плѣнниковъ передъ жертвоприношеніемъ. Онѣ произвели много опустошеній вооруженною рукой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали чуждыя имъ вѣроисповѣданія: поэтому-то греки и назвали ихъ воинственными дѣвами или амазонками. Но потомъ создались у грековъ же сказанія, о какихъ-то чудесныхъ еще амазонкахъ въ Скифіи, подобныхъ дѣйствительно нашимъ виламъ и сѣверн: валькиріямъ; между прочимъ о походѣ предводительницы ихъ Пенфезилеи (Penthésileia) на помощь къ Пріаму, во время осады Трои, гдѣ она была будто бы убита Ахиллесомъ (тоже скифомъ). Отсюда же, по мнѣнію Бергманна, сложилось и преданіе объ Эхиднѣ, полуженщинѣ—полузмѣѣ, родоначальницѣ скифовъ, и о другой предводительницѣ, царицѣ амазонокъ, Минифѣ (Minithyia), побѣжденной Александромъ Македонскимъ, или добровольно ему покорившейся, и имѣвшей отъ него сына. Земля скифовъ, по сказаніямъ грековъ, кишѣла амазонками, которыхъ было особенно много въ Квеналандѣ (Quinna-land), что и значитъ: страна женщинъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жили славяне. По сѣверн: же преданіямъ онѣ жили по Днѣпру, близь Кіева. (Квеналандъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, и есть страна Кіевская). Извѣстнѣйшими между ними почитаются: Чешскія Власта и Ванда, да и сама Любуша, дочь Крока; а мѣстомъ, напоминающимъ ихъ жилище—Дѣвинъ, (Dewyn). (Les amazones, dans l'hist, et dans la fable, par F. G. Bergmann). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что «Дунай и Нѣпра,— это Вайташуръ и Вайташура скифовъ, Аполлонъ и Артемида (Діана) грековъ, Фрей и Фрея германцевъ, наши Дажьбогъ и Лада. Они у насъ въ эпосѣ мужъ и жена; но прежде, въ менѣе развитой періодъ мифологіи, могли быть братъ и сестра.» (Р. вѣстн. 1874 г. сент. ст. 34).

11) Въ нашихъ народ. преданіяхъ упоминается о двухъ баснословныхъ зміяхъ, имѣющихъ соотношеніе къ трудамъ земледѣлья. Одного (стихійнаго) смирили св. Борисъ и Глѣбъ, которые сковали первый плугъ людямъ, или Кузьма-Демьянъ, божій коваль, сдѣлавшій также первый плугъ земледѣльцамъ. Они ухватили змѣя клещами за языкъ, запрягли въ плугъ и проорали землю отъ моря до моря. Чудовище выпило половину моря и лопнуло. «Первоначальная основа этихъ сказаній, говоритъ г. Афанасьевъ, чисто мифическая; мѣсто дѣйствія впослѣдствіи перенесено съ неба на землю и привязано къ извѣстнымъ урочищамъ, какъ это часто происходитъ въ исторіи мифа; легендарная обстановка принадлежитъ позднѣйшему, христіянскому времени, когда аттрибуты и подвиги разныхъ героевъ языческаго эпоса были переданы христіянскимъ угод-

Digitized by Google

никанъ. Таже судьба не могла не постигнуть и мифическихъ кузнецовъ, приготовителей Перуновыхъ стрѣлъ» (Т. I, ст. 561, 562); прибавимъ,—и самого Перуна. Что-же касается до другаго змія, то самое полное, блистательное разъясненіе начала этого мифа мы имѣемъ въ недавней статьѣ г. Буслаева о клинообразныхъ надписяхъ Ахеменидовъ. (Р. Вѣстн. 1873 г. дек.). По нашимъ преданьямъ, въ доисторическое время, въ окрестностяхъ Кіева, жилъ змѣй, бравшій по дѣвицѣ или по юношѣ изъ семейства, въ видѣ дани на съѣденіе; его побѣдилъ нѣкто Кузьма или Никита кожемяка, обмотавшись насмоленной коноплею; запрягъ его въ соху, провелъ сохою валъ до самаго моря и тамъ утопилъ змѣя. Преданіе объ этомъ змѣѣ г. Буслаевъ возводитъ до того великаго змія, что чествовали въ Вавилонѣ и котораго умертвилъ прор. Даніилъ: «и взя Даніилъ смолу и тукъ (жиръ), и волну (шерсть), и возвари вкупѣ: и сотвори гомму (кучу, массу), и вверже въ уста змію, и изъядъ разсѣдесь змій,» (т. е. съѣвши, разсѣлся, лопнулъ, издохъ). Отсюда сказаніе это перешло въ искаженномъ видѣ на Иранскаго Дагака. Это и змій, и человѣческое существо, одинъ изъ Иранскихъ царей баснословнаго времени. Авеста знаетъ его еще въ видѣ змія, съ тремя головами, тремя пастями и шестью глазами; но Фирдоси изображаетъ его уже какъ обыкновеннаго человѣка, только съ двумя змѣями на плечахъ. Чтобы извести этихъ змѣй, по совѣту Аримана, ихъ кормятъ человѣческимъ мозгомъ, и для этого ежедневно убиваютъ въ Эранѣ по два молодыхъ человѣка, что грозитъ населенію конечнымъ истребленіемъ. Герой Фредунъ или по древнему Траэтаона является освободителемъ своего отечества отъ чудовищнаго тирана. Ему помогаютъ кузнецы, увлеченные кузнецомъ же Каве, у котораго перебили одного за другимъ сыновей, чтобы кормить змѣя Дагака и грозили убить послѣдняго. Хоругвію для ополченія послужила кожа, которой прикрываютъ себя кузнецы, когда работаютъ. Дагака былъ схваченъ, увезенъ въ гористыя мѣста и тамъ прикованъ къ скалѣ. Преданіе это перешло и въ Европу. Германскій герой Рагнаръ Лодброкъ истребляетъ также громаднаго змѣя, выварив передъ битвой съ нимъ свое платье въ смолѣ и обвалявшись въ пескѣ, и спасаетъ отъ этого змѣя красавицу Тору. По Польскому сказанью, Крокъ избавилъ свой народъ отъ подобнаго же змѣя, пожиравшаго скотъ и жителей и гнѣздившагося въ пещерѣ Вавель (не Вавилонъ ли?). Нѣсколько бычачьихъ шкуръ были начинены смолой и другими горючими веществами; змѣй сталъ пожирать начиненныя шкуры, онѣ воспламенились въ его утробѣ, и онъ издохъ. (Стр. 719, 720, 723). Нечего и говорить о сходствѣ нашего преданія со всѣми этими легендами; но также не менѣе ясно, что нашъ сказочный Никита или Кузьма кожемяка есть также варіантъ того лѣтописнаго богатыря, который во время кн. Владиміра поразилъ великана Печенѣжскаго и далъ свое имя городу Перея-

Digitized by Google

славлю. Изъ этого можно заключить, что эта передѣлка уже позднѣйшая; и Кузьмѣ—кожемякѣ нечего было запрягать змѣя въ соху, такъ какъ вокругъ Кіева ужь давно жили племена земледѣльческія. Страшный тотъ змѣй—людоѣдъ могъ жить въ этой мѣстности только въ самую глубокую древность, когда тутъ дѣйствительно жили племена змѣй, волковъ, и т. п. И потомъ, смиривши этого змія въ единоборствѣ, запречь его въ соху могъ только представитель земледѣлія; но не кожемяка, которому до сохи нѣтъ дѣла. Представителями или учредителями земледѣлія и его орудій у насъ почитаются Борисъ и Глѣбъ, Кузьма и Демьянъ; но это все имена христіянскія, т. е. позднѣйшія, одно изъ которыхъ дано впрочемъ, въ иныхъ сказаніяхъ, весьма кстати, и герою Кожемякѣ, какъ бы намекая, что онъ долженъ быть, для полноты древняго сказанія, не кожемяка, а представитель земледѣлія. А какъ у насъ, кромѣ Микулы Селяниновича, другаго древняго образа для этого нѣтъ, стало быть, онъ и есть тотъ древнѣйшій усмиритель чудовищнаго змія; но его имя замѣнено впослѣдствіи другими, позднѣйшими, христіянскими.

12) Сновидѣніе это имѣетъ большое сходство съ сновидѣніемъ Астіага, передъ рожденіемъ Кира, и, можетъ быть, перенесено изъ Персіи на нашего Гостомысла; но оно можетъ быть также приписано и Микулѣ, какъ родоначальнику славянъ-земледѣльцевъ, только что начинающему селиться въ новомъ краѣ.

13) Разговоръ Микулы съ Пріей есть разговоръ главы рода-племени съ вѣщей представительницей домашняго очага, семьи и самаго племени. Оба они принадлежатъ къ существамъ мифическимъ; въ душѣ ихъ еще живы впечатлѣнія прародины. Упоминаніе ея о князѣ, въ которомъ восемь божественныхъ частей міра, принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ индусовъ. Индра говоритъ Вивасватѣ, что двойственная его природа состоитъ изъ восьми частей, совершенно различныхъ между собою. Въ законахъ Ману, говоритъ г. Вельтманъ, изъ тѣхъ же восьми міровыхъ частей состоитъ всякій князь, управляющій народомъ, какъ существо высшее, среднее между божествомъ и человѣкомъ. По нашимъ народнымъ преданіямъ, человѣкъ также сотворенъ изъ нѣсколькихъ частей: тѣло его отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Мнѣніе это особенно принадлежитъ духоборцамъ. (Ист. Очер. Буслаева, т. I, ст. 141). По мнѣнію г. Афанасьева, это искаженное преданіе брахмановъ о Брамѣ, и принадлежитъ всѣмъ Индоевропейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и славянамъ. (Т. I, ст. 139).

14) Народныя игры скифовъ совершенно тождественны съ нашими славянскими и другихъ арійскихъ народовъ. Вообще онѣ

Digitized by Google

имѣютъ характеръ воинственный и служатъ къ развитію тѣлесной силы. (Les Gèt: p. 111, 112).

15) Касательно борьбы Микулы съ змѣемъ, см. примѣч. 11. Что-же касается до ихъ клятвеннаго условія между собою; то клятва вообще, какъ у скифовъ, такъ и у древнихъ славянъ заключалась между прочимъ въ томъ, что обѣ стороны смѣшивали ихъ кровь съ виномъ и пили эту смѣсь. Кровь эта добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; въ чашу еще погружали мечь и стрѣлы. (Герод. IV гл. 70). Слюна, кровь и вино, какъ метафоры дождя, приняты были символами, скрѣпляющими спорные договоры и дружескіе союзы. Такъ было у германцевъ и у другихъ народовъ. Отсюда возникъ и могарычъ (Weinkauf) при договорныхъ сдѣлкахъ; сѣверно-германскіе законы предписывали покупать раба и лошадь при свидѣтеляхъ и винѣ. (Аѳ. т. I, ст. 393, 394, т. III, ст. 785). Выраженіе: покуда свѣтитъ солнце, хмѣль плаваетъ, а камень тонетъ въ водѣ, можно отнести также къ древнѣйшимъ.

16) При вступленіи въ новую страну, переселенцы всѣхъ древнихъ народовъ, подобно Моисею, посылали туда впередъ соглядатаевъ.

17) «Какъ скифы вѣрили, что плугъ и ярмо были брошены имъ съ неба верховнымъ божествомъ, говоритъ Аѳанасьевъ (т. I, ст. 563), такъ болгарское преданіе утверждаетъ, что Дѣдо-Господь научилъ людей орать и ткать; а украинскіе поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая. Въ малорусской щедровкѣ Господь представляется воздѣлывающимъ ниву. Въ другихъ обрядовыхъ пѣсняхъ Христосъ пашетъ ниву золотымъ плугомъ, св. Петръ помогаетъ, а Богородица засѣваетъ зерномъ.» Кого-же разумѣть должно подъ этими христіянскими образами? По нашимъ преданіямъ, обладатель золотаго плуга и представитель земледѣлія есть нашъ древнѣйшій оратаюшка, Микула Селяниновичъ; поэтому и подъ новымъ именемъ Богородицы можетъ здѣсь разумѣться никто другая, какъ его дочь младшая, Прія, представительница жизни осѣдлой, семейной и потомъ общественной, и съ самой глубокой древности владѣтельница кужелки.

18) Разселеніе славянъ-земледѣльцевъ по новой ихъ отчизнѣ могло идти только постепенно. Сначала явились племена пастушескія, потомъ уже земледѣльческія; послѣднія вносили съ собой полную осѣдлость, первый общественный порядокъ и обычаи-законы, что наши предки принесли съ собой еще съ Востока, изъ своей прародины. (См. поэму: судъ Любуши). Поселенія возникали одно за другимъ, занимая удобную мѣстность; тогда какъ тутъ-же рядомъ кочевали еще совсѣмъ дикія племена въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ Геродотъ. По самымъ преданіямъ, князь сохи,

Digitized by Google

Микула, и князь Стрѣла, преставитель послѣднихъ,—родные братья. Изложенное въ поэмѣ, шествіе Микулы, представителя земледѣлія, есть только поэтическая картина, въ томъ-же родѣ, какъ шествіе Вакха-Діониса по Индіи. Упоминаемые въ этомъ описаніи инструменты приписываются, въ малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи о Россіи француза Гютри, нашимъ предкамъ-скифамъ, также какъ и счеты, и обувь (лапти), которые по его мнѣнію усовершенствованы греками, такъ что наша балалайка превратилась у нихъ въ лиру, свирѣль въ флейту, а лапти въ сандаліи. Оружіе и произведенія хозяйства, поименованныя въ обозѣ, были ужь извѣстны вообще арійцамъ-земледѣльцамъ еще въ ихъ прародинѣ.

19) Объ этомъ міровомъ колесѣ упоминается не однажды въ 1-й кн. Магабгараты; а г. Афанасьевъ изъясняетъ: «бѣгомъ солнечнаго колеса, (томъ I, стран. 544, томъ III, стран. 413, 414) условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдов. и людское счастіе и несчастіе. На древнемъ метафорическомъ языкѣ солнечные лучи уподобляются золотымъ нитямъ. Гимны ведъ говорятъ о ночи, что она ткетъ темную ткань; но прежде, чѣмъ успѣетъ ее окончить, восходящее солнце уничтожаетъ ея работу. Возжигаемое поутру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности, а вечеромъ, когда оно погасаетъ на Западѣ, земля и ея обыватели повергаются въ сонъ,—замираютъ. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству смерти».

20) См. рус. народ. праздники Снегирева, Сахарова и Афанасьева; гл. XXVIII, т. III, послѣдняго.

21) Извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ торговля янтаремъ первыхъ обитателей моря Морозовъ (нынѣшняго Балтійскаго моря) съ полуденными странами шла черезъ эту мѣстность. Горы славяне называли горбами земли; отъ чего и произошло, какъ полагаютъ, названіе Карпатскихъ горъ. А Волходлаки, Невры, перешли сюда съ Днѣпра, выгнанные оттуда ужасными змѣями. Ламія или наша Баба-Яга, (отъ санскр. ahi, змѣй), по лат. lamia, колдунья, вѣдьма, у болгар. ламья, ламя, баснословная змѣя, живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, летаетъ, по мнѣнію бѣлоруссовъ, въ огненной ступѣ и погоняетъ огненной метлою. Ей соотвѣтствуетъ и богиня смерти и чумы, похитительница новорожденныхъ дѣтей, литовская Лаума, которая ѣздитъ, по мнѣнію поляковъ, въ двуколесной повозкѣ, а по мнѣнію Литовцевъ и лужичанъ, съ грохотомъ въ телѣжкѣ. И та, и другая, по разъясненію г. Афанасьева, принадлежатъ къ облачнымъ дѣвамъ. (Т. III 110, 588, т. II, ст. 781—783). Особенно характерно обрисована Лаума въ одной литовской сказкѣ, про нее,

Digitized by Google

Перуна и дьявола. Въ этой сказкѣ она изображается въ видѣ нашей Ягой-бабы. «Она такая же старая и хищная баба, говоритъ г. Афанасьевъ, и также проживаетъ въ лѣсу; ея страшный кнутъ и движущаяся сама собой желѣзная тележка вполнѣ соотвѣтствуютъ толкачу (несту) и ступѣ Бабы-Яги». Прибавимъ еще, что въ этой литовской сказкѣ она также и обманута, какъ это случается и съ нашей Ягой-Бабой. (Аф. т. II, ст. 781—783).

22) Весь этотъ прекрасный народный разсказъ о Святогорѣ можно, кажется, назвать и мифическимъ, и отчасти аллегорическимъ. Святогоръ, стихійное, чудовищное существо, исполненное неимовѣрной силы, которой онъ однако не можетъ приложить ни къ чему полезному, силится поднять Микулину суму, гдѣ лежитъ тяга земная, но погружается въ землю и каменѣетъ. У болгаръ точно также Марко кролевичъ хочетъ поднять торбу, тяжелую, какъ шаръ земной, и отъ этого усилія теряетъ свою богатырскую силу. У скифовъ кн. Щитъ и кн. Стрѣла, коснувшись раскаленной золотой сошки, обжигаютъ себѣ пальцы; у насъ кн. Вольга не въ силахъ, со всей своей дружиной, вытащить изъ земли Микулину позолоченную сошку; позднѣйшій Самсонъ-богатырь не можетъ также поднять его суму. Всѣ эти могучія личности еще не готовы къ жизни осѣдлой, земледѣльческой, къ тяжелымъ трудамъ ея. Г. Афанасьевъ толкуетъ выраженіе: тяга земная,—что это есть собственно тяжелая масса земли — гора, принимаемая въ смыслѣ столба или кольца, ухватившись за которые можно поднять всю землю (т. II, ст. 680); но это едвали вѣрно: Микулѣ нѣтъ никакой надобности носить такую безполезную тягу съ собою. Скорѣе, это тяга труда, народной страды, сопряженной съ трудами земледѣльца; съ чѣмъ болѣе согласенъ и г. Буслаевъ (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 16—19). Былина, повидимому, этимъ могла бы и кончиться: Микула покоряетъ себѣ горы земледѣльческимъ трудомъ своимъ; Святогоръ каменѣетъ подъ его сумой съ тягой земной, и все глубже погружается въ землю. Но народное чутье чувствуетъ, что вѣщій Микула можетъ дать и этому чудищу какое нибудь назначеніе для дѣятельности; и вотъ, Микула указываетъ диву на Сѣверъ, гдѣ живетъ, извѣстный ему кузнецъ, Ильмеринепъ. Если Святогоръ негодится для земледѣльческихъ трудовъ: быть можетъ, онъ способенъ для кузнечной работы, которой вообще занимались титаны, а потомъ уже карлы. Данные Святогору кузнецомъ два волоса, подобные золотымъ волосамъ Зифы, прямо указываютъ на нивы (Рус. вѣс. 1862, Сент, ст. 16); но Святогоръ, видимо, озлобленъ такимъ назначеніемъ. Однако онъ все таки ѣдетъ, по указанію Ильмеринена, и находитъ страну, полную первобытныхъ болотъ и запустѣнія; но его присутствіе, можетъ быть, какъ уже кузнеца, оживляетъ ее. Г. Афанасьевъ уподобляетъ невѣсту Святогора невѣстѣ Зигурда, въ старой Эддѣ, толкуя

Digitized by Google

оба эти мифа превращеніемъ одежды красавицы Весны или Лѣта въ жесткую кору зимнимъ холодомъ, которую Перунъ или Торъ разрубаетъ мечемъ своимъ, молніей (т. II, ст. 631, 632). Святогоръ однако не остается тамъ; но когда узнаетъ, что страна богатѣетъ, и сама невѣста является, въ видѣ разбогатѣвшей купчихи, онъ беретъ ее за себя. Все это наводитъ на мысль, о Біарміи и Уральскихъ горахъ. Между тѣмъ человѣчество развивается, наступаетъ новая эпоха, для которой великанъ стихійный, Святогоръ, уже не годится; тогда онъ ложится, подобно Озирису, въ гробъ и каменѣетъ (Аф. т. I, ст. 582), а часть своей титанической силы передаетъ представителю новыхъ богатырей, ученику своему, Ильѣ Муромцу.

23) Съ береговъ Дуная идутъ уже историческія разселенія славянъ на Востокъ, Сѣверъ и Западъ, до береговъ ихъ же рѣки, Лабы (Эльбы) и вплоть до Балтійскаго моря (тогда Волынскаго и Варяжскаго). Но исторія не знаетъ, когда они явились на Дунаѣ. Между тѣмъ, судя по многочисленности славянскаго племени, занявшаго скоро подъ собой почти третью часть Европы, на Дунаѣ еще въ глубокой древности должно было находиться обширное и сильное ихъ царство, на которое указываютъ Венелинъ, Савельевъ и другіе наши изыскатели, полагая, что отсюда заимствовали кое-что и древ. греки: Отсюда, по ихъ мнѣнію, поселенія славянъ доходили до внутреннихъ Аппениновъ, гдѣ было также обширное славянское царство, и что самые Этруски, давшіе Риму Нума Помпилія, были славяне. Не говоря ничего за это мнѣніе, ни противъ него, нельзя однако не замѣтить, что въ древности Венеты занимали не одни морскіе берега (отъ чего и Адріатическое море называлось въ то время моремъ венетовъ); но поселенія ихъ простирались и въ глубь Сѣвер. Италіи, а Восточные Альпы и Карпаты полны славянскихъ племенъ, также какъ и подошвы Балкановъ вплоть до Дуная. Прибавлю еще къ этому слова одного чистокровнаго итальянца (A. Bresciani), который говоритъ: «en appelant les italiens *hommes pélasgiques*, on doit avoir un grand respect et une tendre affection pour le *Croate*, (Хорватъ), qui est *l'homme pélasgique par excellence*. Les croates sont des Pélasges libournes, et ils ne se sont pas mêlés à d'autres nations; chez eux est encore vivante la tradition qui les regarde comme le premier peuple de l'Jtalie. Le savant Menin, — a retrouvé dans un grand nombre de leurs coutumes modernes celles que les chroniques attribuent aux Pélasges primitifs... Tant qu'en Jtalie les antiques Pélasges conservèrent la simplicité de leurs moeurs, leur vie sobre et belliqueuse, ils fonderent le vaste empire d'Etrurie, depuis les plaines de l'Adriatique jusqu'au de là du Volturne,—et plus tard, amollis par une civilisation asiatique et licencieuse,

Digitized by Google

ils perdirent leur royaume, leur liberté et même leur nom». (Lejuif de Verone, p. 296). «Арійскій же прототипъ нашихъ Горыничей, говоритъ г. Буслаевъ, сохранился въ мифическихъ герояхъ Баргавасахъ, дѣтяхъ Бргу, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамой Праджапатис». А бргу собственно значитъ гора, и отъ него отечественная форма баргавасъ-Горыничъ. Отъ санскр. бргу происходитъ также и другое наше слово брегъ, берегъ». (Рус. вѣс. 1862, Мар. ст. 46). Вѣроятно, отсюда же происходитъ и слово Береганъ; а въ Сѣвер. части Черногорья и понынѣ Бердянами зовутъ жителей Брдъ,—горы въ этой части Черногорья, которая и называется Брда. (Черногорцы. Р. вѣст. 1866 г. дек. ст. 372, пр. 3).

24) Нынѣ положительно извѣстно, что нѣкоторыя славянскія племена назывались отъ скандинавовъ ванами. Когда Одинъ шелъ съ своими асами съ юга Европы,—«Ваны обитали между Танаисомъ и Волгой; они были исполнены понятливости и мудрости, и долго оспоривали могущество сильныхъ асовъ, съ которыми вели ожесточенную войну: почему скандинавская мифологія и причисляетъ ихъ къ племенамъ враждебнымъ, наравнѣ съ іотнами (т. е. финскими племенами). Во всякомъ случаѣ, мы должны, вмѣстѣ съ Геэромъ (Geijer) причислить вановъ къ племенамъ славянскимъ. Россія, страна славянская, понынѣ называется финнами: Wenä jannaa, землею вановъ, а русскіе Venälaiset, ванами. Это имя, говоритъ Геэръ, вѣроятно, есть измѣненное древнее слав. слово: Vendi, Vendes, Vanadis... Словомъ, все заставляетъ думать, что ваны имѣютъ значеніе историческое; и если, по мифическимъ разсказамъ, въ нихъ, какъ и въ іотнахъ, олицетворены вообще враги асовъ, то это потому, что и ваны, и іотны изъ всѣхъ враждебныхъ племенъ суть тѣ, съ которыми асы имѣли самыя близкія и частыя сношенія». (Lés poém. nat. de la Suéde moder., par L. Léouson le Duc., 1867, rem. 64, p. 300, 301). А германскіе народы, сосѣди Балтійскихъ славянъ, называли вообще славянъ виндами и вендами. «Подъ этимъ именемъ, говоритъ Гильфердингъ (Ист. балт. слав. т. I, ст. 8, 9), Балтійскіе славяне являются въ первыхъ историческихъ извѣстіяхъ, какія сохранились о нихъ у греческихъ и римскихъ писателей. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. носилось у грековъ смутное сказанье, что янтарь отыскивается въ странѣ Венетовъ (безъ сомнѣнія, венедовъ или славянъ). Извѣстіе о балтійскихъ Виндахъ возобновляется въ половинѣ 1-го в. до Р. Х., когда Квинтъ Метеллъ Целлеръ, бывшій (около 58 г. до Р. Х.), проконсуломъ Галліи, получилъ въ подарокъ отъ одного германскаго князя, нѣсколькихъ индовъ, какъ разсказываетъ Корнелій Непотъ, и узналъ отъ нихъ, что, путешествуя по торговымъ дѣламъ, они были загнаны бурей изъ индѣйскихъ водъ на берега Германіи. Очевидно,

Digitized by Google

что эти инды были просто винды (славяне), занесенные бурей изъ Балтійскаго моря (которое въ дѣйствительности называлось въ древности Венедскимъ) въ Нѣмецкое. Стало быть, въ то время винды были на Балтійскомъ морѣ; а сто лѣтъ спустя, Плиній говоритъ опредѣленнѣе, что Венеды живутъ, вмѣстѣ съ другими народами, на Востокъ отъ Вислы и на Западъ отъ сарматовъ. У Тацита же Венеды являются на огромномъ пространствѣ, между певками (жившими, сколько извѣстно, близъ Чернаго моря, около Днѣпра) и финнами: значитъ, тамъ же, гдѣ помѣщаетъ ихъ и Плиній, въ земляхъ, лежащихъ на Востокъ отъ Вислы». Между тѣмъ, за VII в. до Р. Х. или еще раньше, является между Дономъ и Днѣпромъ, торговый городъ Геллонъ. Жители его, которыхъ греки причисляютъ къ греческимъ скифамъ, говорятъ, какъ и сарматы, на языкѣ скифовъ (Герод. кн. IV); городъ этотъ состоялъ изъ деревянныхъ домовъ и имѣлъ множество балагановъ и лавокъ (budir), почему будтобы греки и называли жителей его будинами, (т. е. лавочниками) и гелонами (т. е. насмѣшниками). (Les Gèt. p. 34). Но въ другомъ мѣстѣ г. Бергманъ говоритъ (Fas: de Gulf. p. 282): «греческіе скифы называли третьяго сына скифа-Иракла Геллономъ, (Gelonos), что соотвѣтствуетъ скифскому имени Svalianas, (солнечный, отъ греч. selas и gelas, блескъ), и названію славянъ, slavon (солнечный, славянинъ, solaire, slave). Gelonos, сынъ солнца, сдѣлался родственнымъ божествомъ Геллоновъ (солнечныхъ славянъ, solaires, slaves), которые, какъ обитатели города Буды (de la cité de Buda), назывались также будинами. Будины или Геллоны были земледѣльцы, подобно Паралатамъ (les Paralates), съ которыми они схожи; такъ какъ божественный ихъ родоначальникъ, Гелонъ, былъ сынъ Солнца, покровителя земледѣлія». Изъ чего слѣдуетъ, что слово Геллонъ,—довольно странное для означенія цѣлаго города насмѣшниковъ, если только такіе города существовали,—гораздо ближе подходитъ къ выраженію солнечнаго свѣта или сіянія, какъ это и есть; а равно и названіе будиновъ гораздо опредѣленнѣе выражаетъ поклонниковъ Буды, нежели города, состоящаго изъ лавокъ; тѣмъ болѣе, что пришла въ ту мѣстность цѣлая партія или цѣлое племя съ Востока, называвшее себя царственными Виндами и заявившее, что оно вышло прямо изъ Индіи. (Тамъ же). Городъ Геллонъ находился, по мнѣнію кн. Щербатова, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Кіева. Это былъ городъ степной; Дарій, во время похода на скифовъ, выжегъ его до тла или сами скифы сожгли его; но удивительное сходство этотъ походъ имѣетъ съ нашествіемъ Наполеона I на Россію: тоже отступленіе скифовъ вначалѣ, такіе же долгіе переговоры, таже зима и поспѣшное бѣгство Дарія назадъ той же дорогой, по которой онъ пришелъ, таже брошенная часть войска и больныхъ на явную гибель отъ голода и скифовъ, и наконецъ

Digitized by Google

также Березина, только въ видѣ другой рѣки, переправа черезъ которую удается Дарію только по оплошности, ожидавшей его тамъ засады. Геллонъ возобновился опять; длина же и ширина его означена, по указанію Геродота. Въ Геллонѣ былъ храмъ какому-то богу, котораго греки называли Бахусомъ, или лучше, предполагали, что это долженъ быть Бахусъ. Но извѣстно, что скифы называли своего родоначальника Солнце—Pakus (почтенный, отъ санскр. Багасъ, Сива, Солнце); отъ чего произошли и греч. Бахусъ, и слав. слово: богъ, выражающее собой всякое божество. А какъ Геллоны были Винды, славяне, жившіе потомъ на Балтійскомъ морѣ, то всего ближе предположить, что это божество былъ богъ свѣта или сіянія, Геллонъ, Солнце, древній Вишну, Бѣлбогъ-Святовитъ (святой свѣтъ), которому потомъ покланялось Балтійское поморье и вся земля славянская. Въ этой же мѣстности полагаются и Георги, наши Поляне. Что же касается до названія Геллоновъ Будинами, то весьма вѣроятно, что между ними были и поклонники Будды, такъ какъ поклоненіе Буддѣ въ ту пору уже распространялось повсему Востоку, особенно между Саками, изъ среды которыхъ послѣдній Будда и явился, и весьма легко могло быть занесено оттуда новыми переселенцами. Близь Дона тогда лежалъ путь отъ грековъ и, конечно, изъ Скифіи, въ Индію, и вся мѣстность между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ была усѣяна торговыми мѣстечками или городами, можетъ быть, подобными Геллону, но о которыхъ до насъ дошло только смутное преданіе.

25) См. les Gétes. par Bergmann, который впрочемъ указываетъ на этотъ храмъ собственно не въ самомъ Гелонѣ, а въ другой мѣстности, въ Скифіи.

26) Главная обязанность жрицъ у скифовъ заключалась въ удушеніи человѣческихъ жертвъ; но при храмахъ состояли еще особыя дѣвицы или женщины для священныхъ гаданій, которыя совершались посредствомъ стрѣлъ, жеребьевъ и надъ котлами, наполненными жертвенной кровью. Котлы эти при иныхъ храмахъ были изъ чистаго золота; бронзовые огромные котлы становились на перекресткахъ или перепутьяхъ, которыя считались святыми. Изъ этихъ священныхъ жрицъ и гадальщицъ, преимущественно изъ первыхъ, избирались народные послы къ чужимъ племенамъ; въ послы назначались также и пѣвцы или гудошники, считавшіеся вѣщими, примѣромъ чему служатъ слав. бандуристы, привезенные въ Царьградъ плѣнниками, которые заявили императору, что въ ихъ странѣ не имѣютъ понятія о войнѣ, а живутъ, забавляясь только игрой на гусляхъ и другихъ мирныхъ инструментахъ (Les Gèt. p. 295—301).

27) Въ древности кладбища и вообще мѣста погребенія пользовались особеннымъ народнымъ уваженіемъ; такъ какъ «усопшіе становились богами-покровителями потомковъ: въ ведахъ они но-

Digitized by Google

сятъ имя отцовъ, Pitris, божества, властвующаго надъ царствомъ смерти (Яма и Ями). Могила въ ведійскихъ гимнахъ называется земляным домомъ; покойникъ, по тогдашнему вѣрованію, продолжалъ жить въ могилѣ... Душа—легкое дыханіе, огонь, нисходящій изъ воздушнаго пространства на землю, въ образахъ змѣи-молніи или метеора-звѣзды, и воплощающійся въ человѣка; душа—воздушная птица, бабочка, или иное крылатое существо, или огненное животное. По связи представленій воющаго вѣтра и лающей собаки, душу представляли и въ образѣ послѣдней; потомъ души воображаются въ видѣ дѣтей-малютокъ, сидящихъ на небесныхъ деревьяхъ (облакахъ), бѣлыхъ, облачныхъ дѣвъ, заключенныхъ въ небесныхъ горахъ, и т. д. Освобожденная смертью отъ оковъ плоти, душа, по арійскимъ понятіямъ, возвращалась въ воздушное море. Здѣсь постоянное мѣсто дѣйствія душъ; но жилище ихъ надъ облаками, на небѣ, на твердой свѣтлой горѣ, или на островѣ среди океана. По смерти, душа отправлялась къ свѣтлому обиталищу; но путь этотъ дологъ и трудепъ: она должна перейти великій потокъ (облачную область) по тропинкѣ душъ (по Ригъ-ведѣ, тропинка боговъ, млечный путь или радуга), или переплыть его. Дорогу стерегутъ злыя, лающія собаки (вѣтры); душа должна ихъ утишить и еще заплатить кормщику, который перевозитъ души на островъ. По другимъ представленіямъ, она переносилась облакомъ-коровой чрезъ небесныя воды, почему и эта дорога называется тропинкой коровы. «(О погр. обыч. яз. слав. Котляревскаго, ст. 183, 171—173). Все это переноситъ насъ въ область нашихъ народ. сказокъ, въ которыхъ и сохраняются еще остатки древней арійской мифологіи. «Скифы придавали умирающимъ значеніе обрекающихъ или посвящающихъ себя смерти, и потому погребеніе у нихъ имѣло видъ посвященія или жертвы. Усопшихъ привѣшивали на деревьяхъ, какъ бы посвящая ихъ чрезъ это Дію, богу неба и воздуха, или зарывали въ землю, т. е. посвящали богинѣ Аппіи, землѣ, или сожигали на кострѣ, что считалось посвященіемъ богу Солнцу (Targitavis) и богинѣ Огню (Taviti). Первый обычай былъ древнѣйшій. У скифовъ цари и благорожденные имѣли особенное кладбище. Такое кладбище у киммеріянъ (сербовъ) видѣлъ Геродотъ (IV, 16) на берегахъ Тираса; а у Черноморскихъ скифовъ такое же кладбище находилось въ Герресѣ (Gerrhes). Могилы частныхъ лицъ, кажется, помѣщались въ мѣстахъ ихъ жительства». (Les Gètes, p. 281, 282). «Балтійскіе славяне, продолжаетъ Котляревскій (тамъ же, ст. 227, 228, 232), и чехи хоронили своихъ мертвецовъ, въ эпоху язычества, по лѣсамъ и полямъ (in silvis et in campis); по лѣсамъ—въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста; по полямъ же, кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ можно объяснить и замѣченный «Повѣстью врем. лѣтъ», русскій языческій обычай

Digitized by Google

ставить прахъ покойниковъ на путяхъ (ст. 121, 123): ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничными ея стражами стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени. Мѣстомъ покоя усопшихъ славяне иногда избирали горы; могло быть, что этотъ обычай образовался не безъ сознанія о пребываніи душъ усопшихъ въ горахъ (небесн. облакахъ). По извѣстію Массуди, если у славянъ и русскихъ кто умиралъ холостымъ, того женили по смерти». Послѣднее, какъ извѣстно, соблюдается и понынѣ въ Малороссіи. «Ибнъ Фоцланъ описываетъ обрядъ сожженія покойниковъ у руссовъ, въ лодкѣ». (Аф. т. I. ст. 579); что также соблюдается понынѣ у нашихъ раскольниковъ. «Славяне зовутъ своихъ усопшихъ родителями, дѣдами; души усопшихъ, по ихъ мнѣнію, порхаютъ сначала надъ землей въ образѣ ласточекъ, голубей, мотыльковъ, кукушекъ; украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ, птицей, звѣремъ, рыбой, а потомъ опять возрождается человѣкомъ». (Тамъ же, т. III, ст. 195—317). «Краледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что пока не будутъ сожжены трупы, души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами: «такъ много душъ носятся туда и сюда по деревьямъ; боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся». Тоже сказано о сраженномъ Владиславѣ: «вотъ и вышла душа изъ стенящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертваго». А Забой, жалуясь на угнетенія иновѣрцевъ, говоритъ: «гдѣ отцы давали яства богамъ, куда ходили возглашать свои мольбы; тамъ они посѣкли всѣ деревья, разрушили (кумиры) боговъ и выгнали изъ лѣсовъ всѣхъ вороновъ». (Аф. т. III, ст. 218, 219, т. II, ст. 323). Конечно, эти вороны—души усопшихъ; а кладбища служатъ понынѣ, въ извѣстные дни, мѣстомъ для поминокъ.

28) Солнце представлялось древ. славянамъ колесомъ, кругомъ; также и колесомъ прялки, на которомъ вѣщая пряха пряла золотыя нити дня и темныя нити ночи. Прекрасная богиня Заря была тоже пряхой, подобно дѣвамъ судьбы, что пряли жизненныя нити. (Аф. т. III, ст. 390, 414).

29) Все это суевѣрное уваженіе, оказываемое въ древности Ирiѣ (Фреѣ-Сивѣ, у нѣм. Бертѣ), перенесено потомъ нашимъ народомъ на Пятницу, которая и есть сама по себѣ только позднѣйшій образъ первой. (Аф. т. I, 231—242, т. III, ст. 131).

30) Объ этихъ приношеніяхъ Геллонцевъ Дельфійскому оракулу, см. ист. кн. Щербатова, т. I и II.

31) Какъ скифы почитаются совершенно основательно предками славянъ; то все, что говорится объ осѣдлыхъ скифахъ-земледѣльцахъ, должно относиться и къ земледѣльцамъ того времени славя-

Digitized by Google

намъ" (Les Gèt, p. 91—120); тѣмъ болѣе, что ихъ обычаи такъ сходны между собою, что они почти тѣже самые у тѣхъ и у другихъ.

32) Микула и Вана, только что вышедшіе съ ихъ земледѣльческимъ родомъ-племенемъ изъ древней общеарійской праотчизны, должны быть полны въ то время ея повѣрьями и преданьями. «Одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ вѣрованій представляетъ дождевыя облака быками и дойными коровами Индры, а дождь молокомъ, низпадающимъ на землю... Въ санскритѣ выраженія для облака, быка и коровы, дождя и молока тождественны или происходятъ отъ одного корня: такъ gôtra означаетъ стадо коровъ и облако, gôdhrita (отъ gô и dhr—содержать)—коровье молоко и дождь; gawêduh (отъ gô и duh, доить)—облако, а gôduh, доящій корову, пастухъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды тучи разсматриваются, какъ черныя небесныя коровы; Индра доитъ ихъ своей громовой палицей (молніями), проливаетъ изъ ихъ сосцовъ освѣжающее молоко (дождь) на землю и выводитъ изъ-за разсѣянныхъ облаковъ золотое сокровище,—солнце. Тоже доеніе облачныхъ коровъ приписывается и Марутамъ—стремительнымъ вѣтрамъ, сопровождающимъ грозу... Маруты, по указанію ведъ, имѣютъ матерью корову; а Индру веды называютъ нерѣдко прямо быкомъ: «ты нашъ быкъ... Съ ревомъ скоро-дарующій быкъ испускаетъ свое сѣмя (дождь) и даетъ плодъ злаку. Parjanya (грозовое облако) есть твое вымя; молніи твои сосцы, о Vaçâ! (дождь издающая корова)». «Представленія эти принадлежатъ глубочайшей старинѣ; слѣды ихъ замѣчаемъ въ преданьяхъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды дождь называется не только молокомъ, но и масломъ. Старинные апокрифы разсказываютъ о райскихъ, безсмертныхъ источникахъ, текущихъ ами млеко и масло; а по болгарскому повѣрью, луна во время затмѣнья превращается въ корову, которую тотчасъ же начинаютъ доить вѣдьмы и приготовляютъ изъ ея молока цѣлебное масло; тоже самое дѣлали и фессалійскія волшебницы». (Аф. т. I, ст. 653—655, 666). Наши народныя сказки полны этими преданіями; а въ словѣ о полку сохранилось и самое выраженіе: буй-туръ, яръ-туръ, какъ прозвище храбраго, сильнаго князя. Сказаніе о пестрыхъ юницахъ, что рождаются 365 разъ въ годъ, должно принадлежать также къ ведическому періоду; а представленіе, о доеніи воздушными коровами гимновъ, встрѣчается въ Магабгаратѣ. (т. I). Вана (прежняя Прія), какъ дѣва судьбы своего племени, должна принадлежать также къ вѣщимъ пряхамъ и ткачихамъ; она и точетъ судьбы своего рода-племени земледѣльцевъ, окруженная свѣтлыми атрибутами, въ противоположность демоническимъ ткачихамъ, что пряли зло и пагубу.

Digitized by Google

33) См. Les Gètes, par Bergmann, p. 121—150. и примѣч. къ наст. пѣсни 31.

34) Азовское море могло называться Индѣйскимъ, по той же причинѣ, какъ и Балтійское, т. е. потому, что и тутъ, вѣроятно, жили племена Вендовъ или Венедовъ. Что же касается вообще до буддизма; то Бартелеми С. Илеръ (Le Bouddha et sa religion, 1862) говоритъ: «еще ничего не знали о буддизмѣ даже тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда еще не читали Сутры ни въ подлинникѣ, ни въ переводахъ, сдѣланныхъ на четырехъ или пяти азіятскихъ языкахъ, ни комментарій на Сутры. Нельзя даже предполагать, что и въ настоящее время буддизмъ такъ ужь извѣстенъ, какъ будетъ онъ извѣстенъ въ будущемъ столѣтіи, къ которому мы приближаемся. Грекамъ были извѣстны, какъ брамины, такъ и буддисты. На нихъ ужь указываетъ Мегасфенъ, проникшій черезъ тридцать лѣтъ послѣ Александра в. въ Индію; Климентъ Александрійскій упоминаетъ впервые имя Будды въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х.». (Пред. ст. XX, XVIII, XIX). «Но буддизмъ, какъ извѣстно, не принялся ни въ древней Греціи, ни въ Скандинавіи, не смотря на желаніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей доказать, что Одинъ былъ также образомъ Будды: скандинавы чуждались постовъ, и у нихъ не было ни аскетовъ, ни пустынниковъ. Близкое сходство буддизма съ христіянствомъ, особенно съ католичествомъ, даетъ, вѣроятно, послѣднему возможность распространяться такъ быстро въ Цейланѣ»... (Тамъ же ст, 410—415). Между тѣмъ, — «рожденный буддизмомъ, съ начала VII вѣка до Р. Х., аскетическій и созерцательный духъ въ Индіи, распространился оттуда по Восточной Азіи и потомъ по Сѣверной и Западной». (Les chants de Sol, p. 141, 142). «Аскетизмъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Индіи, распространился оттуда съ VII в. до Р. Х. также между племенами Киммерійскими (сербами) и Фракійскими (гдѣ были также и славяне); а чрезъ нихъ сообщился и сосѣдямъ ихъ, Гетамъ. По словамъ Поссидонія (Страб. VII, 3. 3), у Мидянъ, народа Кимери-Фракійскаго, позднѣе смѣшавшагося съ готами въ Мезо-готіи, были пустынники или аскеты, которыхъ называли богами или вѣщими (les dieux ou les divins). Они воздерживались отъ мясной пищи, и питались только молокомъ, сыромъ и сухими лепешками (по гр. kapoura), почему ихъ называли также любителями лепешекъ (aime-gäteaux, по гр. kaprontes) или истребителями лепешекъ (tueurs-de-gäteaux, по гето-греч. kaprobatai). У Даковъ-Гетовъ эти вдохновенные мужи жили въ воздержаніи, и назывались благословенными. Тогдашніе цари старались имѣть ихъ при себѣ, чтобы укрѣпить свою власть надъ народомъ; они сдѣлались приближенными царей, ихъ совѣтниками и министрами, какъ напр. извѣстный геть Замолксисъ. Онъ жилъ въ дикой пустынѣ, гдѣ было множество пещеръ; гора и рѣка,

Digitized by Google

близь которыхъ онъ жилъ, слыли святыми; подобно тому, какъ слыли у скифовъ вообще источники и перепутья или перекрестки (rencontre de chemains) также священными. Вдохновенный Замолксисъ или Скалмоксисъ не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія, кромѣ верховнаго князя и его служителей. (Извѣстна продѣлка его, касательно доказательства безсмертія). Другой вдохновенный мужъ, Dekanaïos, совѣтникъ и прорицатель царя Яровита или Буревита, или Буривоя, (Vairovistas, по гето-греч. Boirebistès) имѣлъ такое вліяніе на гетовъ, что, не смотря на ихъ чрезвычайную наклонность къ пьянству, убѣдилъ ихъ истребить у себя виноградники и отступиться отъ поклоненія Бахусу, имя котораго впрочемъ не сохранилось въ мифологическихъ преданіяхъ гетовъ». (Les Gèt., p. 297, 298). Нѣкоторые изъ нашихъ изыскателей видятъ также въ имени Замолксиса искаженное слав. имя, (кажется, Замолчана). Риттеръ же и другіе нѣм. писатели утверждаютъ, что въ древности буддизмъ проникалъ до западныхъ странъ Европы, и самъ Крейцеръ и его толкователь не прочь отъ этого мнѣнія; особенно же распространеннымъ это ученіе считалось во Фракіи, между жрецами Додонова капища. (Послѣд. прим. къ исторіи боговъ въ Индіи, — Крейцеръ 1, 2).

35) Бергманъ издалъ особую брошюру: о вліяніи вановъ на асовъ, (de l'influence des vânes sur les âses); но я положительно нигдѣ не могъ достать ее, такъ какъ все ея Страсб. изданіе давно распродано. Но и изъ другихъ сочиненій того-же автора достаточно видно, что древніе асы, предки скандинавовъ, чрезвычайно уважали и боялись вановъ, какъ страшныхъ чародѣевъ, которымъ повиновались стихіи. Волшебницы же вановъ (т. е. славянъ) презирали пророчества и волшебство волшебницъ асовъ. Въ тѣ времена считалась два рода чародѣйства: одно, свѣтлое, исходило отъ вдохновенія свыше; другое, нечистое, — отъ чернаго колдовства. Асы, по зависти и злобѣ къ ванамъ, приписывали имъ изобрѣтеніе послѣдняго, и считали ихъ чрезвычайно опасными колдунами. Они звали вановъ злою породой, а себя признавали породой божественной; однако заимствовали у нихъ очень много предметовъ по хозяйству и даже нѣкоторыхъ изъ ихъ боговъ. (Смот. между прочимъ примѣч. къ Волуспѣ, visions de Vala, poèmes de l'Edda, par Bergmann).

36) Имя скифовъ, какъ извѣстно, не есть имя народное, а дано Греками племенамъ, проникнувшимъ въ Европу за VII вѣк. до Р. Х. и населявшимъ нынѣшнюю Россію, а отчасти и Запад. Азію за Каспійскимъ моремъ. При Александрѣ Мак. имя это распространилось и на Фракійцевъ или Кимвровъ, обитавшихъ около Чернаго моря. Азіятская Скифія называлась великой, и слилась потомъ съ Россіей; а Европейская звалась малой, и полагалась въ разное время, то въ Крыму, то на бер. Днѣстра, то между Кар-

Digitized by Google

патами и Балтійскимъ моремъ, то между Карпатами и Чернымъ моремъ. Подъ именемъ скифовъ разумѣлись, по мнѣнію Бергманна, и славяне, и кельты, и финны, и тевтоны, и маджары, и турки или торки. Самое древнее племя скифовъ были Саки, обитавшіе вначалѣ въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, между Алтаемъ, Каспійскимъ моремъ, Бактріей и Индостаномъ, съ которымъ они граничили. Въ индѣйскихъ преданьяхъ, Саки или Шаки (способные) появляются за 1200 л. до Р. Х., какъ отважные хищники, но стоявшіе на гораздо низшей степени развитія, нежели Индѣйцы. Персы причисляли ихъ къ туранцамъ, а потомъ называли Песьими и Волчьими головами (Sâk-sâr, Gourk-sâr). Отсюда они распространились на Югъ и Западъ, и за одинъ вѣкъ до Р. Х. овладѣли Сѣвер. Индіей, на которую нападали и прежде, и проникали во внутреннія ея земли. Подъ именемъ Саковъ, они были извѣстны и Эллинамъ еще въ V вѣк. до Р. Х; но греки звали ихъ Скутами или скифами, и заимствовали отъ нихъ самое названіе щита—sakos (щитъ). Киръ побѣдилъ ихъ, и переселилъ нѣкоторыя племена въ Карію и Армению. На Западъ отъ саковъ жили племена ихъ, Моравы и Дервяне; а часть третьяго ихъ племени, Давы или Даги, переселились на берега Азовскаго моря. При Александрѣ вел. часть сихъ послѣднихъ жила еще на Оксусѣ. Массагеты, также племя Саковъ, поселилось по Дону; отъ нихъ произошли Аланы и Росс-Аланы, названные такъ отъ рѣки Россъ, какъ называли тогда Волгу, на которой они обитали. Сказанные Дервяне, Древляне или Дромиты (по санскр. друма—дерево) назывались также Варками, Гирканами, Волками; земля ихъ понынѣ персами зовется Гурканіей, gourkan, страною волковъ. Скифы, жившіе по Сѣвер. берегамъ Чернаго моря, звали себя преимущественно Сколотами, отъ уменьшительнаго слова Skuta (щитъ),—skutulo (маленькій щитъ). На метафорическомъ языкѣ это слово значило также покровитель; и дѣйствительно, по словамъ Геродота, названіе Сколотовъ слыло царственнымъ, и тѣ скифы, что назывались этимъ именемъ, величали себя также царственными скифами. Отсюда производились опустошительные набѣги на Мидянъ и Вавилонъ, гдѣ они слыли подъ именемъ Гога и Магога, т. е. большихъ воинственныхъ сборищъ (grand amas). Около же Дона,—значитъ, рядомъ съ Массагетами, жили Геллоны и Будины; а близъ нихъ, по Днѣпру, изгнанные потомъ оттуда Змѣями, Невры, Волки или Волкодлаки, которые обертывались, по мнѣнію грековъ, однажды въ году, (вѣроятно зимой) въ настоящихъ волковъ. Западнѣе же обитали Сарматы, произшедшіе будтобы отъ связи скифовъ съ Киммерійскими амазонками. Въ глубокую же древность Сарматы жили на берегахъ Инда и въ Южной Мидіи (Плин. VI, 18); даже они слыли потомками Мидянъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово Сарматы значитъ Сѣверные люди; такъ какъ по скифски Сѣверъ—Савро (Shauro). Прометей у Греч. тра-

Digitized by Google

гиковъ считался родомъ изъ скифовъ. (Les Scythes, les ancêtres des peuples Germaniques et slaves, par Bergmann, p. 1—18; les Gètes, p. 21—35). Геты вообще были также скифское племя. Ихъ царь Буревитъ или Буривой (Boirevistès) соединилъ потомъ Гетовъ и Даковъ въ одну державу, во Фракіи; а впослѣдствіи Траянъ покорилъ Дако-Гетовъ и обратилъ Дакію въ римскую провинцію. Массагеты почитались однимъ изъ болѣе развитыхъ скифскихъ племенъ; царица ихъ Томира побѣдила Кира и велѣла умертвить его, въ отмщеніе за смерть своего сына. Къ скифамъ принадлежали также и Парфы; ими управляла одно время Зарина или Царина (Zarina), при которой они подпали подъ власть Мидянъ. Жители Ольвіополя и др. платили Сколотамъ дань; лучшіе ихъ союзники были Росс-Аланы. (Les Gét. ст. 40, § 24). Къ этому можно присовокупить, что изъ приведенныхъ выше скифскихъ именъ: Зарина или Царина, Томира, Яровитъ или Буревитъ, Буривой, (Boirevistès), можно заключить, сколько въ ихъ племенахъ было нѣмецкаго. Со времени завоеванія Траяномъ Даніи началось самое широкое разселеніе славянъ съ Дуная; а между Дономъ и Дунаемъ издревле обитали Вапы или Винды, также племена славянскія. Извѣстное библейское преданіе, упоминающее вмѣстѣ съ Гогомъ и Магогомъ также и Росса, не имѣетъ особеннаго значенія; но судя потому, какъ обширны и многочисленны еще съ глубокой древности были вообще племена славянскія, можно съ большой вѣроятностью полагать, что между древними скифами, во время ихъ набѣговъ на Востокъ, самыя многочисленныя силы были славянскія.

37) «Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ вѣдогонь, и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собой; и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, болѣе не пробуждается: его тотчасъ-же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ разсказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно мертвымъ. Во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, также покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка. У Черногорцевъ, вѣдогони не только души усопшихъ, но и домовые геніи, оберегающіе жилье и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападенія воровъ и чужеродныхъ вѣдогоней. Русскій крестьянинъ проводитъ рѣзкое различіе между домовыми своимъ и чужимъ. Въ этомъ слышится во-

Digitized by Google

споминаніе о родовой враждѣ славянъ, о которой свидѣтельствуютъ и древняя лѣтопись, и народныя свадебныя пѣсни. Роды спорили, вели усобицы, а блюстителями ихъ интересовъ были домашніе пенаты и старѣйшины; эти послѣдніе, умирая, переносили и за гробъ тѣже привязанности и тѣже ненависти». (Аф. т. III ст. 196; т. I, ст. 77, 94, 95). «Адріатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ Итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолѣютъ, тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю, (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если случится воину умереть во снѣ, то разсказываютъ будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ. Какъ валькиріи и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, и вѣдогони одной страны воюютъ съ вѣдогонями сосѣднихъ земель; такъ и вѣдьмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары и при этомъ приговариваютъ: «що втну, то не перетну!»—чтобы удары меча небыли смертельными. Такимъ образомъ вѣдьмы, послѣ каждаго пораженія, возстаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ Валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякій разъ воскресаютъ на новые подвиги.» (Аф. т. III, ст. 235, 451, 452).

Къ 4-й пѣсни.

1) Обѣ эти легенды изложены г. Буслаевымъ въ сочиненіи его: истор. очерки рус. народ. словес. и иск. (ст. 368—376). Подобно нашему Микулѣ, и Крокъ имѣлъ также трехъ дочерей: жрицу, гадальщицу и правительницу народа; разница только во второй: у насъ она поленица; у чеховъ гадальщица, что можетъ быть соединено и съ званіемъ жрицы. Не повторяется ли и здѣсь индѣйское преданіе, о Кали, Дургѣ и красавицѣ Гангѣ? Во всякомъ случаѣ, обычай избранія Премысла посредствомъ бѣлой лошади идетъ изъ Индіи, гдѣ цари избирались посредствомъ особенной колесницы, phussaratha, запряженной бѣлыми конями. При подобныхъ избраніяхъ всегда упоминается также и скала, превратившаяся у славянъ въ камень, на которомъ возсѣлъ Премыслъ, по его избраніи. «Совокупность этихъ фактовъ, говоритъ г. Минаевъ, авторъ статьи о буддійскихъ жатакахъ, курганахъ, должна убѣждать, что въ буддійской легендѣ (объ избраніи царя) намъ сохранились подробности объ очень древнемъ, обще-арійскомъ обычаѣ,

Digitized by Google

и что сходство между сказаніемъ объ избраніи Премысла и легендой о выборѣ царя Іанака можетъ быть объяснено только, какъ обще-арійское достояніе.» (Журн. мин. нар. просв. 1872 г. іюнь, ст. 192—199). «Такъ нашъ эпосъ. справедливо замѣчаетъ г. Квашнинъ-Самаринъ (Русск. Вѣст. 1874, окт., ст. 802) и донынѣ связанъ многими нитями съ преданьями другихъ славянъ и имѣетъ свои корни еще въ той эпохѣ, когда всѣ славяне пѣли одну великую мифическую эпопею, герои которой перешли впослѣдствіи изъ боговъ въ простыхъ смертныхъ; при чемъ каждое племя старалось присвоить ихъ исключительно себѣ и перенести въ позднѣйшую русскую, польскую или иную историческую обстановку. Какъ важно подобное единство эпоса для духовнаго единенія славянъ...» Что же касается до разселенія славянъ въ Европѣ,—то Несторъ описываетъ разселеніе ихъ по рѣкамъ. Сначала они сѣли по Дунаю, а оттуда пошли въ разныя стороны. Спрашивается, сколько-жъ потребно было народа и времени? Г. Гильфердингъ поэтому говоритъ (ист. бал. сл. т. I, ст. 18): «нельзя принимать Несторова извѣстія въ буквальномъ смыслѣ, будто славяне, уходя изъ Даніи отъ Траяновыхъ войскъ, пришли и заселили Балтійское поморье: невѣрность сказанія тѣмъ яснѣе, что Несторъ выводитъ оттуда не однихъ ляховъ, но и всѣхъ русскихъ славянъ. Даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ; то и тогда изъ нея не могли бы выдти всѣ славянскія племена, разселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ. Слова Кіевской лѣтописи, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что славяне, тѣснимые на Дунаѣ римлянами, пришли въ движеніе и стали повсюду распространяться и усиливаться, и въ землѣ ляшской, на Балтійскомъ поморьѣ, и въ восточныхъ странахъ, гдѣ потомъ возникла Русь.» Другими словами, съ тѣхъ поръ общее имя ихъ становится историческимъ; тогда какъ прежде, за нѣсколько еще вѣковъ до Р. Х. извѣстны только племенныя ихъ названія. Добавимъ къ этому, что слово дунай въ древности было имя нарицательное у славянъ всякой рѣки; почему и Донъ, и Днѣпръ могли называться въ глубокой древности также дунаями. Во II в. по Р. Х., вскорѣ послѣ Траяна, славяне выступаютъ уже сильнѣйшимъ народомъ на Поморьѣ; а до тѣхъ поръ ихъ сила и развитіе не разъ обнаруживаются, но только теперь начинаютъ выясняться, по всей древней Скифіи, особенно на Югѣ.

2) Г. Афанасьевъ видитъ въ Святовитѣ божество, тождественное Дяву и Сварогу; а основаніе его имени въ смыслѣ святаго свѣта (святъ свѣтъ). «Какъ владыка небесныхъ громовъ, онъ выѣзжаетъ по ночамъ, т. е. во мракѣ ночеподобныхъ тучъ, сражаться съ демонами тьмы, разить ихъ молніями (Mater verborum:

Digitized by Google

«Svatovit—Ares, bellum») и проливаетъ на землю дождь.» Поэтому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древній Воданъ, и Арей, и Перунъ... (Аф .т. I, ст. 133—137). Слѣдовательно, онъ также и древній Индра, и Индѣйскій Вишну; что заявляетъ также и г. Вельтманъ, въ своемъ сочиненіи о происхожденіи славянъ изъ Индіи. Подобно Сварогу, чье мѣсто Святовитъ-Вишну и занялъ, онъ богъ великій (т. е. старѣйшій), старый богъ, прабогъ, (пра-дѣдъ, пращуръ), отецъ-небо, pitâ Dyâus, patyr Zeòs. (Аф. т. I, ст. 133). Все это можно сказать и о Вишну, который занялъ въ Индіи мѣсто Варуна и сдѣлался отцомъ всѣхъ боговъ и вселенной. «Есть поражающій отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа, говоритъ г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 121), въ сказочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ индѣйскимъ.» А Эйхгофъ (Tableau de la littér. du Nord, par F. G. Eichhoff) находитъ, что славянскій языкъ есть вѣрнѣйшее отраженіе языка ведъ (ст. 85); а что такое Святовитъ, если не Брама, образъ солнца? Что такое Поревитъ (другой образъ Святовита), если не Вишну, образъ стихій, сохраненія и мудрости?.. (ст. 89). Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, одна на груди; Руевита, съ семью лицами; Триглавъ имѣлъ три головы. (Аф. т. II, ст. 524). Какъ г. Гильфердингъ находитъ послѣдняго тождественнымъ Святовиту (ист. балт. сл. ст. 218); тоже самое, конечно, можно сказать и о тѣхъ двоихъ, такъ какъ всѣ они боги громоносныхъ тучъ, что составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ четырехглаваго Святовита. (Аф. т. II, ст. 524).

3) «Замѣчательно, говоритъ Бергманнъ, что племена Симетическія во дни ихъ переселенія направлялись преимущественно съ Сѣвера на Югъ и съ Юга на Сѣверъ; а племена Іафетовы или арійцы, шли сначала съ Запада на Востокъ (какъ напр. въ Индію), а потомъ ужь постоянно съ Востока на Западъ». Главную причину этого движенія на Западъ онъ приписываетъ тому, что древніе народы, видя шествіе солнца ежедневно въ ту сторону и полагая, что оно отдыхаетъ тамъ отъ дневнаго своего путешествія, возымѣли мысль, что тамъ же, на Западѣ, и жилище его, да и всѣхъ боговъ, а потому и живущіе тамъ люди, должно быть, самые счастливые изъ смертныхъ. Такимъ образомъ Западъ, по ихъ новымъ понятіямъ, сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ земнымъ раемъ. Отюда возникнулъ мифъ объ Елисейскихъ поляхъ на Западѣ земли, и мифы о Гесперидахъ (Западныхъ) и о счастливыхъ островахъ, все тамъ же. (Les Gèt. p. 6—10). Движенію этому арійцевъ на Западъ могла быть и другая существенная причина, а именно: освобожденіе Европы изъ подъ водъ первобытнаго океана и потомъ слитіе первобытныхъ ея острововъ въ одинъ материкъ, на которомъ ожидала переселенцевъ цвѣтущая, дѣвственная земля (какъ

Digitized by Google

Европейцевъ потомъ въ Америкѣ), о плодородіи которой, конечно, ходили ужь между ними издревле смутные слухи. Основавшись же и утвердившись въ новомъ краю, они утвердили въ немъ и свои вѣрованія, принесенныя ими съ Востока. Древній ихъ Вырій остался тамъ, въ первобытномъ ихъ отечествѣ, откуда попрежнему всходило красное Солнце, гдѣ было и его жилище; но и Западъ казался ему не чуждымъ, такъ какъ здѣсь оно успокоивалось отъ дневныхъ трудовъ своихъ. Значитъ, и здѣсь также могъ быть своего рода Вырій или Буянъ-островъ, жилище боговъ, лучезарный міръ свѣта и силы небесной. Все это могло сосредоточиться потомъ въ божественномъ обиталищѣ Святовита. Руйный, свѣтозарный островъ, гдѣ онъ жилъ, посреди моря, имѣлъ значеніе священнаго Буянъ-острова; на этомъ островѣ совершались высшія гаданья и главныя народныя празднества; здѣсь же, вокругъ Святовита, жили всѣ меньшіе боги, отъ него рожденные; здѣсь была среда всей земли славянской; отсюда исходили главныя распоряженія и предсказанія. По словамъ Гельмольда, сюда приходили изо всѣхъ земель славянскихъ, весь славянскій народъ питалъ къ Ранскому храму Святовита особенное благоговѣніе (Helm. 639); подобное же, о всеобщемъ почитаніи этого святилища, свидѣтельствуетъ въ своей исторіи и Саксонъ-Грамматикъ. (Sax. 825). Г. Гильфердингъ хотя и относитъ это собственно къ балтійскимъ славянамъ; но Гельмольдъ говоритъ положительно о всѣхъ племенахъ славянскихъ. (Ист. балт. сл. т. I, 273—277). По его отзыву, Арконскій храмъ сдѣлался средоточіемъ славянскаго язычества (Гельк. I, 36, 52, II, 12); на что ссылается и г. Гильфердингъ. Хотя же этотъ островъ и лежалъ на Западъ отъ Восточныхъ славянъ; но за нимъ славяне знали страны еще западнѣе, гдѣ обитали племена имъ враждебныя, почему и могли почитать тѣ, болѣе или менѣе, безвѣстныя страны царствомъ смерти и загробныхъ мученій; какъ потомъ и говорится въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія,—что рай насажденъ на Востокѣ, а муки и нынѣ суть на Западѣ. (Аѳ. т. I, ст. 182, 183, т. III, ст. 24). Такъ и нынѣ наши старовѣры и раскольники считаютъ Западныя страны лютеранъ и папистовъ царствомъ Антихриста, гдѣ и будетъ въ послѣднія времена геенна огненная. (См. сочиненія о расколѣ Ливанова, Щапова, Кельсіева, и др.).

4) Скифы, да и вообще славяне, чрезвычайно уважали вѣщихъ дѣвъ и женщинъ, отъ которыхъ, вѣроятно, произошли и раскольничьи б. городицы. Веледа. вѣщая женщина, жила, какъ извѣстно, въ башнѣ, подобно возлюбленной Валленрода, въ поэмѣ Мицкевича. Что имя Веледы чисто-славянское,—кажется, нечего этого и доказывать. Вана, какъ чудесная представительница своего рода-племени, могла принимать на себя всѣ его священные образы. Славяне вообще чрезвычайно чтили свои древніе обычаи; и не отсту-

Digitized by Google

пали отъ нихъ безъ крайности. Они долго отстаивали прежнюю ихъ религію и народность. Древній бытъ славянъ былъ народный; община обсуждала и рѣшала общественныя дѣла. Одинъ и асы, завоевавши нынѣшнюю Скандинавію, тотчасъ же раздѣлили народъ на сословія; но у славянъ никогда этого не было. «У славянъ князь былъ только главой отдѣльнаго племени; а не властелиномъ цѣлаго народа и государства, гдѣ община рѣшала дѣла на сходкѣ. Славянская семья жила особо, каждая на своемъ мѣстѣ, разрастаясь въ деревню, и владѣла сообща землею, которая ей принадлежала (подобно тому, какъ это было у скифовъ). Когда область князя становилась обширной и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался къ князю на сеймъ выборный (владыка). Аристократіи у славянъ не было. Потомъ ужь, «ненавидя нѣмцевъ, они отъ нѣмцевъ переняли и внесли въ славянскую общину сущность ихъ быта, аристократію: и аристократія, которая на германской почвѣ породила много величія и добра, пересаженная на славянскую, повлекла за собой застой и паденіе». (Ист. балт. слав. т. I, ст. 105—110, 87, 88, 103). Не смотря на всѣ, бывшіе у славянъ, историческіе перевороты и на самое угнетеніе ихъ на Западѣ нѣмцами, на Югѣ турками, этотъ родовой народный характеръ хранится въ нихъ понынѣ, выражаясь, хоть и въ очень блѣдномъ образѣ, въ нашемъ сельскомъ міръ-народѣ и въ другихъ угнетенныхъ славянскихъ народностяхъ; такъ напр. у сербовъ совсѣмъ нерѣдкость, что и владѣтельный ихъ князь, и первый богачъ, изъ простыхъ мужиковъ.

5) Предлагаемый въ поэмѣ краткій очеркъ города Волина или Волыни, одного изъ богатѣйшихъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, заимствованъ также изъ ист. балт. славянъ, Гильфердинга (ст. 73—76). Отъ его имени одно время даже Балтійское море называлось Волынскимъ. Не естественнѣе ли всего предположить, что именно объ этомъ-то городѣ и упоминается въ нашихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается и о сосѣднемъ къ Волынѣ морѣ? Объ этомъ уже намекаетъ г. Кавшнинъ-Самаринъ, въ одной изъ статей своихъ въ журн. Бесѣда. Забывши впослѣдствіи совсѣмъ объ этомъ древнемъ, славномъ городѣ, народъ нашъ отождествилъ съ нимъ Волынь, красный Галичь, близъ котораго никогда моря не бывало. Весьма можетъ быть, что и первоначальный образъ Садко, послѣ разныхъ превращеній его еще на Востокѣ (Руск. был. г. Стасова), занесенный славянами въ Европу, возродился въ новый славянскій образъ свой, въ этомъ торговомъ городѣ, куда стекались купцы со всѣхъ концевъ извѣстнаго тогда міра, и потомъ ужь, съ паденіемъ Волина и съ усиленіемъ Новгорода, перешелъ въ нашъ сѣверный городъ, гдѣ онъ и считается гостемъ торговымъ. Еще положительнѣе можно признать древній Волинъ родиной Дюка Степановича, также витязя заморскаго. Самъ Микула называетъ этотъ городъ

Digitized by Google

богатой Индѣюшкой; а богатство его такъ велико, что посланные отъ кн. Владиміра, увидѣвъ издали блескъ городскихъ крышъ, невольно восклицаютъ: «не горитъ ли ужь богатая Индѣюшка?...» такъ какъ на балтійскомъ поморьѣ жили древніе винды, раздѣлившіеся ужь на разныя племена. «Въ этомъ городѣ, богатомъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть все, чего ни спросишь дорогаго и рѣдкаго. Отсюда выйдешь на берегъ въ Острогардѣ, въ русской землѣ, гдѣ столица Кіевъ, соперница Константинопольскаго скипетра, краса и слава Греціи»... (Гильф. ст. 74, 75). Извѣстно, какъ говорится въ нашихъ былинахъ и о несмѣтномъ богатствѣ Дюковой матери, и о драгоцѣнныхъ кампяхъ въ стрѣлахъ его, которымъ и цѣны нѣтъ,—стрѣлахъ, опереннымъ перьями, какія могутъ привести только-гости корабельщики. Не распространяясь впрочемъ болѣе объ этомъ, добавлю только, что и сама богатая, сказочная Виннета есть только искаженное Датское названіе той же Волыни, (Тамъ же страница 75, примѣчаніе 203).

6) О тождествѣ новгородскаго богатаго Садко и торговаго гости Соловья Будиміровича, кажется, нечего распространяться. Хотя Соловей въ былинахъ и называется торговымъ гостемъ изъ какого-то города Леденца, что нѣкоторые принимаютъ за Венецію; но если и такъ, то и на Балтійскомъ поморьѣ, и на Адріатическомъ жили родственныя племена Винды и Венеты, которыхъ даже смѣшивали между собою; такъ что и Балтійское море нѣкогда называлось моремъ венетовъ, отъ чего и слыло иногда Индѣйскимъ. Не говоря также о значеніи Ивана Годиновича и Хотина или Хотена Блудовича на древнемъ Востокѣ, приведу только значеніе ихъ въ нашихъ былинахъ, о богатыряхъ Кіевскихъ. Г. проф. Миллеръ находитъ, что отчество Ивана Годиновича—отъ Година, очень близко къ Хотину; а въ этомъ имени слышится что-то чуждое, не обычное. Оба эти молодца вяжутся очень слабо съ Кіевскимъ богатырскимъ кругомъ. Хотина г. Миллеръ находитъ сходнымъ съ сербскимъ Маркомъ кралевичемъ и съ Герцеговинскимъ молодцомъ Муjо, и «что какъ нашъ, такъ и сербскій, и герцеговинскій изводы переносятъ во времена, предшествующія самымъ первымъ зародышамъ государственной и общественной жизни. Тутъ слово: родъ, можетъ быть даже употреблено не только въ смыслѣ родни, семьи, но и въ разширенномъ смыслѣ соединенья въ одно, подъ одною патріархальною властью многихъ семей. Хотенъ отличается чисто варяжскимъ, хоть, можетъ быть, не непремѣнно торговымъ, но всеже добычелюбивымъ нравомъ; въ немъ начало дружинное, варяжское. Его другое отчество (Блудовичъ) напоминаетъ въ немъ даже варяга Блуда, пришедшаго изъ за моря. Тѣже варяжскія черты и въ Иванѣ Годиновичѣ; но въ немъ еще и варяжское странничество—наемничество. Между прочимъ, онъ говоритъ въ

Digitized by Google

былинѣ, что онъ «былъ за славнымъ, за синимъ моремъ, въ городѣ Черниговѣ». «Здѣсь, заключаетъ г. Миллеръ, думается мнѣ, море должно быть принимаемо въ прямомъ смыслѣ, какъ окіанъ—море. Но въ такомъ случаѣ, нѣтъ ли тутъ указанья на то, что родиною торговыхъ гостей, купцовъ представляли себѣ у насъ по преимуществу землю заморскую, т. е. отдаленный варяжскій берегъ? Такъ что это представленіе не было тутъ затерто даже пріуроченіемъ къ Чернигову, т. е. на сушу». (Ил. Мур. ст. 358—379). Говоря о сходствѣ нашего эпоса съ преданьями другихъ славянскихъ народовъ, г. Квашнинъ-Самаринъ съ своей стороны упоминаетъ также о приходѣ къ намъ нѣкоторыхъ богатырей съ Запада (Р. вѣстн. 1874, Окт. ст. 799—800). Послѣ сказаннаго выше, кажется, можно также не безъ основанія отнести къ числу ихъ и эти три личности,—именно съ древняго Балтійскаго поморья.

7) Вначалѣ воздушное море, сливаясь на Западѣ съ первобытнымъ океаномъ, должно было казаться древнѣйшимъ арійцамъ однимъ безпредѣльнымъ царствомъ Варуны-Водана. Потомъ, первые выходцы изъ Сѣв. Азіи, Финно-алтайскія племена начали селиться на всплывшихъ въ нынѣшней Европѣ островахъ, и заняли ихъ отъ Сѣвера до Запада. Кельты и вообще арійцы вытѣснили ихъ оттуда въ послѣдствіи на отдаленный Сѣверъ или сдѣлали ихъ своими рабами. Когда вся Европа очистилась отъ первобытныхъ водъ, переселенія изъ Азіи сдѣлались многочисленнѣе: восточныя племена шли уже въ новыя, благодатныя земли своихъ родичей и селились между ними, или присоединялись къ нимъ въ позднѣйшее время. Почему исторія застаетъ ихъ, большей частію, отдѣльными, сплошными, родственными группами. Ваны или славяне были ужь племя осѣдлое, земледѣльческое, когда Одинъ (позднѣйшее измѣненіе древняго Водана, по нѣм. Вуотана, бога воздушнаго моря) еще проходилъ съ своей дружиной асовъ (помощниковъ, защитниковъ, покровителей, отъ âs,—soutien, поддержка) по Европѣ, съ юго-востока на Сѣверъ. По словамъ Снорри, онъ вышелъ изъ Азіи и былъ въ Скифіи царемъ надъ многими странами, а асы были его наѣстниками (Fasch. de Gulf. p. 215). Эфемерическія или баснословныя преданія, которыми вообще руководствуется Снорри, производятъ Одина и асовъ, то отъ турковъ, то изъ малой Азіи, отъ троянцевъ, то выводятъ въ 1 ст. по Р. Х. изъ Фракіи, и даже представляютъ его въ одно время властителемъ Царьграда. Вначалѣ асы живутъ гдѣ-то въ сосѣдствѣ вановъ (славянъ), которые до того поразили ихъ своимъ развитіемъ, что асы долго считали ихъ людьми чудесными, колдунами. Одинъ въ это время устрояетъ Древянъ или Древлянъ, которые продолжали жить въ глубокихъ лѣсахъ, и даже, по преданію, вдыхаетъ въ нихъ первый духъ жизни. Но потомъ у асовъ начинается война съ ванами; ваны разрушаютъ ихъ укрѣпленіе на какой-то равнинѣ Иди, и асы долж-

Digitized by Google

ны удалиться изъ ихъ сосѣдства. Они проходятъ черезъ нынѣшнюю Саксонію, въ Данію и наконецъ въ Швецію, гдѣ и утверждаются въ Упсалѣ. По мнѣнію Снорри, этотъ Одинъ и асы суть ужь потомки первобытныхъ Одина и асовъ, вышедшихъ изъ Азіи, усвоившіе только имена ихъ, съ которыми они и пришли въ Швецію. Здѣсь, покоренныя ими Финскія племена, возводятъ ихъ потомъ на степень боговъ и начинаютъ поклоняться имъ. Прибытіе ихъ въ эту страну Снорри также приписываетъ тому, что они были изгнаны изъ Скифіи; только не ванами, а великимъ Помпеемъ (Fasch. de Gulf, p. 19—71). Когда асы пришли въ Швецію, тамъ ужь обитали Финны и Свеи (le peuple Svî); они поклонялись между прочимъ богу Калевѣ (Kaleva). Богъ Калева, собственно представитель финскихъ князей, больше эпическій герой, чѣмъ божество, наслышавшись о сверхъестественной силѣ Одина, явился къ асамъ въ видѣ соглядатая, подъ именемъ Гульфи (туманный), чтобы испытать лично ихъ чудесную силу и разузнать какимъ богамъ они поклоняются, такъ какъ всякая сила, по тогдашнимъ понятіямъ, давалась народамъ свыше, тѣми богами, которымъ они поклонялись. Свиданіе это Гульфи съ асами составило предметъ скандин. поэмы: Gylfa ginning (la fascination de Gulfi), въ которой Одинъ отводитъ Гульфи глаза своими чарами, но передаетъ ему изустно всю свою мифологію. (Тамъ же, ст. 139). Когда Одинъ и асы являются между финнами, у нихъ ужь есть своя мифологія, которая отчасти и сохранилась въ преданіяхъ финской поэмы: Калевалы; но съ приходомъ этихъ завоевателей, религія финновъ вступаетъ въ новый періодъ развитія, и, подъ вліяніемъ могучихъ пришельцевъ, преобразуется въ высшую религію, доступную лишь народамъ арійскимъ. Одинъ изучаетъ глубину мудрости у финскаго великана Мимира; не значитъ ли это, что Мимиръ передаетъ ему свои финскія преданія о созданіи и первобытныхъ временахъ вселенной? Вождь асовъ присоединяетъ къ нимъ свои арійскія; и такимъ образомъ получаетъ начало скандинавская мифологія. По крайней мѣрѣ, богъ Торъ есть божество совершенно мѣстное; а кто не узнаетъ въ великанѣ Имирѣ, въ змѣѣ, обогнувшемъ землю, въ воздушной ясени Игдразилѣ, въ принесеніи Одиномъ въ жертву самого себя, да и во многомъ другомъ, отпечатокъ преданій далекой Индіи, но уже обледенѣвшихъ на глубокомъ Сѣверѣ. Во время пути, асы заимствовали нѣкоторыхъ боговъ и у вановъ, принявши ихъ въ видѣ заложниковъ мира. Одинъ, какъ извѣстно, искалъ повсюду мудрости, и даже, подобно Индрѣ, завидовалъ познаніямъ другихъ, и не сносилъ этого. Особенно онъ страшился превосходства развитія своихъ соперниковъ вановъ,—il craignait la supériorité d'esprit des vanes qui étaient les rivaux des ases. (Gulf. p. 54, § 27). По крайней мѣрѣ, онъ страшился ихъ не менѣе,

Digitized by Google

чѣмъ финскихъ великановъ (jotnes), противъ которыхъ принялъ всѣ возможныя предосторожности.

8) Г. проф. Буслаевъ, первый у насъ, обратилъ вниманіе на сходство нашего древняго сказанія, о Волотѣ Волотовичѣ, съ скандинавскимъ преданіемъ о преніи, касательно происхожденія міра, Одина съ великаномъ Вафтруднировъ, и приравнялъ Волота къ необъясненному еще какому-то исполину, предшественику Владиміра, краснаго Солнышка. (Истор. очер. ст. 455—464). Кто же это могъ быть, кромѣ Одина, который особенно выдается своей любознательностію, и даже жертвуетъ іотну Мимиру своимъ правымъ глазомъ, чтобы черпать у него ежедневно древнюю мудрость изъ свѣтлаго источника Урды? Съ тою же цѣлью онъ посѣщаетъ и другихъ древнихъ исполиновъ, входитъ съ ними въ пренія, зачто они подъ конецъ платятся своими головами, и даже летаетъ черезъ моря и цѣлыя страны въ отдаленные концы міра, гдѣ есть чему и у кого поучиться. Когда древній Востокъ заговорилъ о Глубинной или Голубиной книгѣ, упавшей съ неба и открывшейся первобытному жрецу, послѣ перваго жертвоприношенія,—не можетъ быть, чтобы въ числѣ царей и князей, съѣхавшихся внимать написанному въ ней, не явился также и древній титанъ, волотъ Одинъ. Преданіе объ этой книгѣ есть обще-арійское, но дошедшее до насъ уже въ разныхъ видоизмѣненіяхъ,—уцѣлѣвшее вполнѣ, какъ мы видѣли, только въ Индіи, гдѣ, кажется, слѣдуетъ искать и ключъ къ нему. Наше славянское преданіе объ этомъ дошло до насъ уже въ церковномъ изложеніи; весьма естественно, что и вставленное въ него имя, Давида Есеича, есть заимствованное изъ книгъ, позднѣйшее. Но выражая въ образѣ первобытнаго Микулы,—родоначальника—представителя первыхъ земледѣльцевъ и жизни осѣдлой, кажется, будетъ вполнѣ согласно съ преданіемъ, отнести къ нему же и эту таинственную, забытую личность. Свиданіе съ нимъ Одина могло быть и въ древнихъ странахъ Востока, и даже въ позднѣйшей Скифіи, когда Одинъ препирался въ мудрости съ Сѣверными великанами. Дѣйствительно, онъ въ нашемъ преданіи ужь царь, какъ и представляетъ его Снорри въ Скифіи; а въ Есеичѣ замѣтенъ отпечатокъ патріархальности, какимъ и долженъ быть въ то время Микула. Извѣстно, что всякое древнѣйшее сказаніе видоизмѣнялось потомъ нѣсколько разъ, что мы и видѣли напр. въ преданіи о Вавилонскомъ змѣѣ; и это совершенно затемняетъ начальный его образъ, подъ слоями новыхъ преданій и обстановокъ тѣхъ временъ, что народы потомъ переживали, и тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проходили.

9) Финская поэма: Калевала, свидѣтельствуетъ о весьма обширномъ развитіи финскаго божественнаго эпоса, сообразно мѣстной природѣ. Его мифическіе герои принадлежатъ болѣе къ породѣ боговъ, нежели къ богатырямъ, что лучше всего свидѣтельствуетъ

Digitized by Google

о глубокой ихъ древности. Главнѣйшіе изъ нихъ: Вейдемейненъ, главнѣйшій исполинъ, устроитель финской земли, въ родѣ нашего Микулы, но сохранившійся въ болѣе первобытной формѣ, нежели нашъ представитель земледѣлія; можно предположить даже, что не его ли разумѣютъ асы, въ лицѣ древняго и мудраго титана Мимира, у котораго Одинъ черпалъ свои мифическія знанія? Вообще сѣверная природа имѣла подавляющее вліяніе на полуденныхъ уроженцевъ асовъ. Край Полуночный, куда они явились съ Юга, казался имъ полнымъ ужасныхъ великановъ и сверхъестественныхъ силъ; самыя ихъ вѣщія норны, (гадальщицы, прорицательницы) пришли къ нимъ съ Сѣвера. Другой изъ главныхъ героевъ Калевалы, братъ Вейдемейнена, Ильмариненъ, Вѣщій, древнѣйшій кузнецъ, по ремеслу. Значеніе его въ тѣ времена было тѣмъ обширнѣе, что кузнецы тогда выдѣлывали и разныя металлическія украшенія, кольца и браслеты, и даже ковали судьбу человѣческую, слѣды чего остались и въ нашихъ подблюдныхъ пѣсняхъ и народныхъ былинахъ. Ильмариненъ выковалъ, между прочимъ, чудесное, металлическое дерево, на которое, можетъ быть, и указываетъ Святогору Микула, и сковалъ знаменитое Сампо, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первую мельницу. Вообще преданія, о кузнецахъ, какъ у финновъ, такъ и у скандинавовъ, сливаются между собою, что ясно показываетъ, что послѣдніе заимствовали многое въ этомъ у первыхъ. Богъ Торъ считался также небеснымъ кузнецомъ, и впослѣдствіи асы очень успѣли въ этомъ ремеслѣ. Вейдемейненъ, — и творецъ, и земледѣлецъ, и плотникъ, и гусляръ, — представитель вообще жизни осѣдлой; Ильмариненъ остается до конца чудеснымъ кузнецомъ. На самомъ Сѣверѣ, въ нынѣшней Лапландіи, жила финская колдунья, Лоуха, искони враждебная финнамъ. Она овладѣла чудеснымъ ихъ Сампо и заперла его въ утесѣ; такъ что Вейдемененъ только хитростью могъ добыть эту драгоцѣнность, и то довезъ на родину одни ея обломки. Край Лоухи вообще считался недоступнымъ, по обитавшей тамъ нечистой силѣ, въ видѣ ядовитыхъ змѣй, хищныхъ птицъ и другихъ чудовищъ. Впослѣдствіи, Одинъ устроилъ тамъ скандинавскій адъ, подземную Геллу, куда и самые боги спускались съ трепетомъ; и не та ли же самая Лоуха преобразилась въ мифологіи скандинавовъ въ колдунью Геллу, впрочемъ дѣвственницу, тогда какъ у Лоухи было нѣсколько дочерей, и одна изъ нихъ красавица? (См. поэм. Калевала). Но асы большую часть времени проводили въ игрѣ въ шашки и въ тавлеи: игра въ тавлеи (jeu des tables) похожа на игру въ шашки; въ романѣ Розы сказано;

Là sont servis joieusement
De jeus de dez, d'eschecs, de tables,
Et d'oultrageux mets dèlitables;

Digitized by Google

У исландцевъ есть еще особенная игра въ шашки, называемая: таблеи св. Олафа (la table de s. Olaf).

10) Скандинавскія преданія изображаютъ вначалѣ Одина и его асовъ на какой-то равнинѣ Иди; здѣсь походный ихъ станъ, укрѣпленный рвомъ и деревянной оградой. Названіе этой равнины происходитъ, по мнѣнію Бергманна, отъ имени одного изъ іотновъ, Иди, (дѣятельный), впослѣдствіи превратившагося въ небесное созвѣздіе; а Снорри полагаетъ эту равнину въ Азіи, внутри Одинова царства Асгарда, который потомъ перенесенъ на небо. (Les Gèt. p. 213—215). Во всякомъ случаѣ, равнина эта и самое укрѣпленіе асовъ были тогда на землѣ; и очень близко отъ Древянъ, которыхъ Одинъ воззвалъ къ общественной жизни, и отъ вановъ, съ которыми асы жили тогда въ сосѣдствѣ. Асы, по ихъ преданіямъ, имѣли много золота; такъ какъ у древнихъ, съ богатствомъ, т. е. золотомъ, сливалось понятіе силы и даже божественности. У латиновъ слово dives (богатый) выражаетъ небесное, божественное счастье; да и славян. слово: богатый, происходитъ отъ слова: богъ (тамъ же, ст. 214). Г. Бергманнъ еще видитъ въ іотнѣ Иди, вѣроятно, позднѣйшее олицетвореніе Вѣтра; почему полагаетъ, что равнина Иди могла также значить вѣтренное поле. (Poeme de l'Edda, par Berg. примѣчанія). Только въ сосѣдствѣ вановъ, земледѣльцевъ, въ странахъ полудня, могъ родиться у бродячихъ еще асовъ прекрасный ихъ богъ: Бальдуръ,—богъ весенняго солнца и жатвы, умершій насильственной смертью тотчасъ же по передвиженіи ихъ на глубокій Сѣверъ. Онъ считается родоначальникомъ Балтовъ и Амаловъ, княжескихъ родовъ у визи-готовъ и остро-готовъ. Въ сосѣдствѣ лишь съ ванами, асы могли заимствовать отъ нихъ нѣкоторые предметы по дому и сельскому хозяйству, и даже нѣкоторыхъ боговъ славянскихъ, потомъ ими обнѣмеченныхъ въ новомъ отечествѣ. Извѣстно, что ближайшія къ санскрит. корню, производныя слова по земледѣлію, а скифскія слова, объ одеждѣ и нѣкоторыхъ другихъ домашнихъ предметахъ принадлежатъ преимущественно славянамъ; какъ орать, орало, оратай, жито (sveta, бѣлый), плугъ, по др.—нѣм. pflug, по ск. plogr,—млинъ (мельница), коло, Коло-ксай (князь кола), коломага, мёдъ (по санс. madhus), брюки (по скиф. bruka), которые потомъ измѣнились въ персид. schal-vara, по скиф. skaluvara, по слав. шаровары, щитъ, санки, по скиф. sangi, по скандс. sneckia, ограда, градъ, по скан. gardr, и т. д. (Les Gèt. p. 92—109). Извѣстно также, что даже широкополую свою шляпу Одинъ заимствовалъ у вановъ. Ваны же передали асамъ и руны, которыя у нихъ назывались вѣщбами, и которыя они заимствовали у грековъ, жившихъ въ Ольвіополѣ. Изъ боговъ асы взяли у вановъ Фрейера (Солнце) и Фрею (госпожу домашняго хозяйства); пхъ богиня весны и плодородія земли, Зифа, также очень походитъ и

Digitized by Google

своими свойствами, и своимъ именемъ, на слав. Живу,—что не мѣшаетъ ей означать также и миръ, родство, согласіе (sippe). Во всякомъ случаѣ, она могла родиться только у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, которые имѣли уже свой домъ и хозяйство; а не у людей, что бродили еще по странамъ, безъ собственнаго крова и познанія земледѣлія. Въ древности нашего Перуна нельзя сомнѣваться: онъ Сварожичъ (отъ Сварога, неба), онъ происходитъ отъ Parjanyas, (Индры), онъ покровитель земледѣлія и земледѣльцевъ, сверкающія его молніи называются въ ведахъ золотыми копьями, онъ пускаетъ изъ своего лука громовыя стрѣлы, которыя входятъ глубоко въ землю. (Аф. т. I, ст. 247). Отъ Parjanyas, древняго эпитета Индры, у синовъ явился Perkunis, и вначалѣ означалъ тоже, что и Tivus (Дій, Небо), т. е. бурное небо. Потомъ древній Tivus, Дій (небо), распался у скандинавовъ на три образа, одинъ изъ которыхъ сталъ Донаромъ, а впослѣдствіи Торомъ. (Les Gèt. p. 155, 156, 163). Кажется, этого достаточно, чтобы видѣть его происхожденіе отъ нашего Перуна. «Онъ женился на Зифѣ (нашей Живѣ?), плодоносной землѣ, древней супругѣ Неба, Дія (Tivus), и подчинясь Одину, назвался его сыномъ». (Тамъ же, ст. 167). Чѣмъ же былъ вооруженъ Торъ? Онъ былъ вооруженъ молотомъ, который, будучи брошенъ, опять къ нему возвращался. (Gulf. p. 257). Такъ точно и по нашимъ преданіямъ, громовыя стрѣлы, вошедши глубоко въ землю, черезъ три года или черезъ семь лѣтъ возвращаются на ея поверхность, въ видѣ чернаго или темно-сѣраго продолговатаго каменія. (Аф. т. I, ст. 247). Не тѣ же у громовника Тора молніи? У него имя нѣтъ: потому что молнія—слово чисто славянское. За то молотъ Тора называется молньиромъ; не есть ли это заимствованіе молніи у славянскаго Перуна, который въ древности, вѣроятно, и подарилъ часть ихъ своему товарищу? Г. Бергманнъ производитъ слово, miöllnir, отъ мельничнаго жернова, meunier; По мнѣнію М. Мюллера, mjolnir значитъ раздробитель, отъ корня mar—mal, растирать, дробить, ломать; откуда и слав. молнія и млѣть (увядать). Но Я. Гриммъ прямо сближаетъ mjolnir съ рус. словомъ молнія, отъ млѣть, сомлѣть (попрѣнѣть); откуда ужъ и млатъ и молотъ. (Аф. т. III, ст. 782, т. I, ст. 253).

11) Высшей наукой у древнихъ почиталось волшебство, магія, средства которой признавались равными могуществу боговъ, даже выше, потому что она располагала судьбами человѣческими и самихъ боговъ. «У Индусовъ магія называлась наукой по преимуществу (по санскр: vidya, наука, магія), у латиновъ высшимъ искусствомъ (у Плин: ars magna).» (Les Gèt., p. 150, 151). У нашихъ предковъ колдуны назывались людьми вѣщими (отъ того-же санс. слова vidya, знаніе, вѣдѣніе), и наука ихъ вѣщею. Полуночный міръ іотновъ, Іотингеймъ, считался у скандинавовъ вѣщей

Digitized by Google

страной этой мудрости: вначалѣ тамъ былъ и источникъ Урды, изъ котораго Одинъ черпалъ свою мудрость, а потомъ перенесъ его съ собой на небо; оттуда же явились къ нему и вѣщія норны, что бы помочь докончить устройство скандинавскаго міра или Асгарда. Ихъ явилось три: Урдъ значитъ прошедшее, Верданда — настоящее, Скульдъ—будущее, имѣющее быть. Древніе представляли себѣ человѣческую душу миньятюрнымъ подобіемъ усопшаго, жившимъ въ тѣлѣ; почему Индусы и называли ее pourouchas (отъ pravasas, préposé), предполагая, что она живетъ въ тѣлѣ, чтобы управлять имъ. Изъ этого создалась мысль, что души усопшихъ,—геніи покровители, такіе же карлики или мальчики съ пальчикъ, какъ и она. Въ Индіи называли ихъ pitarâs (отцы); а скифы назвали ихъ кварками (карлами) и творцами или товарищами (thvarichas); какъ и слово ихъ kvaleis перемѣнилось послѣ въ Фалеса. Они также считались покровителями семейства и племени: вотъ почему у Таврическихъ Кимвровъ было святилище въ Херсонесѣ, въ честь двухъ геніевъ покровителей или Кабировъ, управлявшихъ попутными вѣтрами на бурномъ Эвксинскомъ Понтѣ; а Греки приравняли ихъ къ Кастору и Поллуксу или Оресту и Пиладу, покровителямъ также попутныхъ вѣтровъ на морѣ. Кварки (Korakoi) управляли также земными и воздушными явленіями природы; послѣдніе впрочемъ назывались преимущественно альфами (alfas), а потомъ тѣ и другіе перешли къ скандинавамъ подъ именемъ dvairgs, dvergr и alfes, и сдѣлались обитателями водъ, равнинъ, пещеръ и горъ, принявши разныя названія. Нѣкоторые отъ имени финновъ назвались даже финрами (Finnr), и какъ кузнецы, рудокопы, хранители кладовъ или покровители страны, сиѣшались съ первобытными племенами рудокоповъ, кузнецовъ и вообще искусныхъ въ металлургіи. (Les Gèt. p. 257—263; Gulf. p. 217—223). У насъ они называются: у Лужичанъ,—людками (грозовые карлики); у насъ—мальчиками съ пальчикъ (карликъ молнія) духами воздушными, водяными, подземными, домовыми, марами, кикиморами, русалками (души некрещ: младенцевъ), и пр. (Аф: т. I, ст. 301, 740, т. II, 82, 97—103); у чеховъ,—господариками (червячки въ стѣнѣ,—удары дѣдовъ), и т. д. (т. II, ст: 113, 152—784).

12) «Особенно-искусные въ волшебствѣ, финны, говоритъ Бергманнъ, передали это искусство славянамъ, а славяне скандинавамъ. Славяне почитали своихъ колдуновъ волкодлаками (loups-garous), почему и слово: волкъ, приняло у нихъ значеніе колдуна, волхва. Отъ нихъ это слав. названіе приняли и скандинавы, для означенія своихъ прорицательницъ, гадальщицъ или колдуній; отъ слова волхъ, волхва (valhava) произошло и ихъ слово: völva и vala (волчица).» (Gulf: p: 231, 232). Еще у скифовъ колдуны, особенно колдуньи, прорицательницы и гадальщицы ходили по странѣ,

Digitized by Google

и являлись въ дома, чтобы предвѣщать будущее или гадать, о чемъ ихъ просили; также для врачеванья и заклятій или заговоровъ. Волшебница вановъ была такъ искусна въ вѣщбѣ, что презирала предсказанья и искусство высшей колдуньи асовъ—Валы (волчицы). Ее звали на языкѣ вановъ Гейдурой или Хайдурой (срав: Хай-дѣвка), а на языкѣ асовъ Гульвигой (Gulveig). Нѣкоторые разумѣютъ въ этомъ мифическомъ образѣ золото, которое асы растапливаютъ до трехъ разъ, какъ искусные кузнецы, для своихъ издѣлій. Разсказъ о метаніи ножей заимствованъ изъ поэмы: la fascination de Gulfi; а испытаніе Хайдуры подушкой изъ chants du Nord, Мармье. Заклятія Хайдуры взяты вообще изъ древнихъ слав. заклинаній (Аф. т. I, 404—431, т. I, 406, 407, 576); а вообще содержаніе всего разсказа изъ поэмы: Voluspas, съ прим. Бергманна (ст. 189, 191, 195, 197).

«Elle (Vala) se rappelle cette première guerre dans le monde,
Lorsqu'ils avaient placé Gullveig sur des piques,
Et l'avaient brulé dans la demeure du Très-haut;
Trois fois ils l'avaient bruleé, elle vit pourtant encore.
«On l'appelait Heidur dans les maisons où elle entrait;
Elle méprisait le charme des visions de Vala.
Elle savait la magie, elle abusait de la magie,
Elle était toujours les dèlices de la race méchante;»—и т. д.

Распросы о томъ, что дороже: золото или желѣзо, встрѣчаются въ нашихъ былинахъ, напр. о Садкѣ.

13) Оскорбленіе, нанесенное кому либо изъ племени считалось въ древности оскорбленіемъ цѣлаго племени: такова, по преданіямъ, было причина и первой войны между ванами и асами. Ваны ворвались воинской хитростью въ укрѣпленія послѣднихъ.

«Le mur éxterieur de la forteresse des Ases fut renversé;
Les vanes ont su, par ruse de guerre, fouler les remparts;
Mais Odin lança son trait, et tira sur l'ennemi...
Telle fut la première guerre dans le monde.»

Въ чемъ заключалась эта воинская хитрость, неизвѣстно; но на берегахъ Тираса (Днѣстра), по словамъ Геродота, долго существовали слѣды ужасной битвы и молніи, пущенной Громовникомъ въ исполиновъ; греч. Скифы приписывали это Ираклу, а другіе Перуну или Перкуну; асы приписали Одину. (Les Gèt. p. 256). А что къ Ванамъ явился нежданно на помощь одинъ изъ ихъ богатырей, это обыкновенный пріемъ народныхъ сказокъ. Объ обрядахъ при совѣщаніяхъ, см. поэму: Судъ Любуши.

14) У индѣйцевъ божественный напитокъ назывался: сома,

Digitized by Google

а въ Зендавестѣ онъ называется haoma. Составлялся онъ между прочимъ изъ молока или ячменной жидкости и меда. «Медъ-Сома, по свидѣтельству ведъ, низводился на землю, говоритъ г. Афанасьевъ, тѣми же быстролетными птицами: соколомъ и орломъ, которыя разносили и молніи. Самъ Индра, въ видѣ сокола, похищаетъ въ скалахъ медъ-сому и приноситъ его смертнымъ, т. е. заставляетъ дождь проливаться на поля и нивы. Первая пища, которую вкусилъ новорожденный Яма, была медъ и молоко; названіе кормилицы его, Кунъ, сближаетъ ее съ пчелой:..» У финновъ, на свадебномъ пиру бога-кузнеца ихъ, Ильмаринена, посредствомъ капли меда, принесенной пчелой, приводится сваренное пиво въ броженіе. (Аф. т. I, ст. 370—375). Слюна, по нашимъ древнимъ преданіямъ, считалась вѣщею, даже могла говорить; она была тождественна съ кровью. Пѣвецъ Квасиръ родится именно изъ такой слюны, послѣ дружественнаго союза между ванами и асами. «Названіе Квасиръ, продолжаетъ г. Афанасьевъ, удовлетворительно объясняется изъ слав. нарѣчій: въ сербскомъ, квасити,—намочить, квас,—пивная закваска, кислое молоко и тѣсто; у насъ, квасъ кислый напитокъ, квасить,—заставить что бродить, киснуть, (квашня, закваска, просто-кваша, квашеная капуста, и пр.;) слѣдоват. квасиръ значитъ—собственно приведенный въ броженіе, закиснувшій напитокъ, тождественный сомѣ и меду; а олицетвореніе его въ человѣческій образъ произошло на томъ же основаніи, на какомъ нектаръ былъ олицетворяемъ въ образахъ Ганимеда и Вакха.» (Т. I, ст. 394, 395). Весьма естественно, что по заключеніи между асами и ванами мира, заходила круговая чаша и раздалась пѣснь мира: и явился Квасиръ. Во всякомъ случаѣ, корень этого слова въ языкѣ славянъ; отъ нихъ же асы могли заимствовать и самый медъ, (по сканд. meth) и другаго пѣвца своего, бога поэзіи, Браги, равно какъ и названіе поэзіи bragr. Хотя Гримъ и сближаетъ съ именемъ Браги нижне-саксонское bregen (мозгъ), какъ сѣдалище разума, пониманія и поэтическаго вдохновенья, но корень этого слова въ санскр. bhrajj,—frigere, assare, произшедшаго отъ еще древнѣйшаго санскр. слова bhrag или bharg, откуда объясняется и русская брага, хмѣльной деревенскій напитокъ. Такъ точно и санскр. слово mathu, питье, смѣшанное съ сокомъ, добытымъ черезъ растиранье, есть древнѣйшая форма madhu, греч. médo—вино, литов. medús, скандин. mjodr,—вино и медъ (meth). Значитъ, у скандинавовъ и вино, и медъ называются почти одинаково; между тѣмъ какъ наше слово вино происходитъ отъ другаго синонима той же сомы, venâ, по греч. vinos, по лат. vinum, готс. vein, перс. vin, черный виноградъ... (Аф. т. I, ст. 371—393. Изъ чего ясно, кажется, видно, что скандинавы заимствовали это слово изъ вторыхъ рукъ; у кого же болѣе, какъ не у сосѣдей славянъ? Что же касается до боговъ,

Digitized by Google

взятыхъ у нихъ скандинавами; то, по словамъ г. Бергманна: «богъ Vrindus означаетъ истекающій, jaillissant, собственно богъ небесныхъ водъ и земныхъ источниковъ, новый образъ Перкуна (а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и одинъ изъ образовъ Водана). Скифы уподобляли, подобно индусамъ, облака стадамъ чернаго скота; почему Vrindus и почитался богомъ обилія; ему были посвящены быки и коровы,—другими словами, значеніе его, какъ властителя небесныхъ стадъ, было перенесено на землю.» (Gulf. p. 260, 261). Извѣстно, что у скифовъ обиліе стадъ считалось выраженіемъ богатства, почему г. Куникъ замѣчаетъ, что у славянъ и у нѣмцевъ слово скотъ (по нѣм: skott) должно быть слово заимствованное; но едвали, послѣ сказаннаго, не покажется страннымъ другой выводъ того же извѣстнаго ученаго, что русское слово скотъ получило значеніе денегъ отъ нордманновъ, когда еще у древнихъ скифовъ вообще богатство частныхъ лицъ цѣнилось по количеству скота, и наши первыя деньги были звѣриныя шкуры. (О варяж. вопр. Гед. ст. 238). Имя Vrindus, какъ божество водъ и изобилія, измѣнилось потомъ на Rindus (Рында, Руда); а у скандинавовъ на Hoenir и Chagunis (пріятный, полезный), и этотъ древній слав. богъ сдѣлался у нихъ богомъ рыбной ловли, мореплаванья и торговли, а потомъ божествомъ, дарующимъ благосостояніе, добываемое трудомъ и миромъ. Другой же слав. богъ Pravus (Прій), соотвѣтствующій санскр. pra-bhus (превосходный), также господинъ, хозяинъ, кормилецъ,—и скиф. богу Солнцу, покровителю семьи и племени, богу страны и жилища, ниспосылающему плодородіе, — превратился у скандинавовъ въ Фрейера (солнце). (Gulf. p. 261, 265). У насъ онъ назывался также богомъ Яриломъ, и почитался богомъ оплодотворителемъ, представителемъ благодатной весны; почему и у скандинавовъ онъ сталъ также покровителемъ любви и браковъ, владыкой ясной погоды, урожая нивъ, благосостоянія смертныхъ. Фрейеромъ же древ. германцы назвали и быка,— у насъ яръ-туръ, буй-туръ. (Аф. т. I, ст. 438, 375, 662). Сестра Фрея, славянская Прія или Права (потомъ Вана) была переименована асами въ Фрею (Frau), и почиталась учредительницей земледѣлія и щедрой подательницей урожаевъ. Подобно тому, какъ у вановъ она была госпожей, домовитой хозяйкою, богиней рожденія, брака и семьи; тѣмъ же самымъ она осталась и у асовъ, и была назначена Одиномъ, какъ гостепріимная хозяйка, встрѣчать и угощать въ Валгалѣ усопшихъ героевъ. (Аф. т. I, 555, Gulf. p. 266, 268).

15) Появленіе сѣвернаго іотна къ асамъ, тотчасъ же по окончаніи ихъ войны съ ванами, съ предложеніемъ устроить имъ ледяную крѣпость, достаточно объясняетъ, что асы были вынуждены оставить цвѣтущую страну вановъ и удалиться на сѣверъ,—покинуть и красное полуденное солнце, и начатки заведеннаго ими хозяйства,

Digitized by Google

сообщенное имъ славянской Фреей. Только благородное мужество и древняя сила громовника Тора спасаетъ ихъ отъ вѣчной зимы. Торъ цвѣтъ съ ними; а гдѣ онъ, тамъ еще есть надежда на весну и лѣто. Но онъ уже впередъ предсказываетъ асамъ, что въ новой отчизнѣ они скоро лишатся Бальдура (весеннее яркое солнце), что впослѣдствіи и исполнилось. Внезапная смерть его не дала даже довѣрить первой ихъ нивѣ; но онъ все-таки прислалъ Одину изъ мрачной Геллы золотое кольцо свое, въ ознаменованіе будущихъ урожаевъ, столь скудныхъ на сѣверѣ. (См. древ. Эдду).

16) См. пѣсню Rig-veda.

17) Вообще, какъ въ скандинавской, такъ и въ другихъ арійскихъ мифологіяхъ, проглядываетъ Востокъ, въ особенности Индія; но скандинавы, какъ народъ воинственный, придали тотъ же характеръ и своей мифологіи, устроивъ въ небесахъ Валгаллу для павшихъ на полѣ битвы героевъ; а трусамъ, нарушителямъ клятвъ, и вообще людямъ, умершимъ не на полѣ битвы, а собственною смертью, отъ болѣзней и старости или даже не лишившимъ добровольно себя жизни подъ старость, отведя мѣсто въ самой глубинѣ Сѣвера, въ подземной Геллѣ. Самъ Одинъ, подражая Брамѣ, принесъ себя, себѣ же самому, въ жертву; этому примѣру слѣдовали и всѣ герои, и ужасались естественной смерти. Вообще скандинавское небо имѣетъ видъ воинскаго стана, Одинъ,—браннаго вождя, свѣтлые асы и души убитыхъ героевъ,—его дружины; а небесный сторожъ, Геймдалъ, въ себѣ олицетворяетъ передовую стражу, обязанную сейчасъ же затрубить тревогу, при первой опасности отъ грозныхъ іотновъ. Какъ этотъ Геймдаль напоминаетъ собой, взятаго съ Востока, нашего Ивашку-бѣлую рубашку, и даже называется также бѣлымъ асомъ (ase blanc); такъ и эти великаны іотны зародились еще на плоской возвышенности Азіи, въ образахъ змѣя засухи и пожирателей облаковъ,—и подъ именемъ турсовъ (сухой, жгучій) и іотновъ или іотуновъ (пожиратель), но уже обледѣнѣвшими и покрытыми инеемъ, явились на Сѣверѣ. Съ тѣхъ еще древнихъ временъ свѣтлые асы ведутъ съ ними непрестанно войну; а отъ скудости почвы Полуночнаго края эти исполины стали еще ужаснѣе, благородные же асы еще воинственнѣе, что и сдѣлалось источникомъ разныхъ отважныхъ завоеваній ихъ на Югѣ и Западѣ, и одной изъ причинъ паденія Славянскаго Балтійскаго Поморья. (См. ст. Эдду и толкованія на нее Бергманна, въ его сов. les Gètes и la fascination de Gulfi).

18) Одинъ, сдѣлавшись преемникомъ Водана или Вуотана, бога неба, отца бурь, сдѣлался мужемъ Фригги, Frig (дождь). Она жила въ жилищѣ, наполненномъ пѣной, salles d'Écume (отъ санскр. phena, пѣна), т. е. въ облакахъ, похожихъ на пѣну и оплодотворяющихъ землю дождемъ, почему и могла считаться слезливой. Злоязычный Локки упрекаетъ ее въ сластолюбіи и въ лю-

Digitized by Google

бовной связи съ славянскимъ Фреемъ. (Gulf. ст. 250). Одинъ впрочемъ нерѣдко совѣщается съ ней и открываетъ ей свои намѣренія; а она указываетъ ему людей, неисполняющихъ свои обязанности и иногда отговариваетъ отъ опасныхъ предпріятій, какъ напр. отъ пренія съ великаномъ Вафтруднирмъ, которое должно было кончиться смертью одного изъ нихъ. Имена Одина или собственно его свойства перечислены вполнѣ въ поэмѣ: la fascin. de Gulfi, и въ толкованіяхъ на эту поэму (ст. 95, 244—250); тамъ же изложено въ подробности описаніе божественныхъ сумерекъ, т. е. страшная катастрофа погибели боговъ отъ волка Фреймира и другихъ чудовищъ, и возрожденіе вселенной изъ огня и воды; при чемъ самая зима называется у скандинавовъ Вѣтромъ, (Vetr). (Gulf. 133—138). Одинъ отдалъ ванамъ своего совѣтника Мимира, въ видѣ заложника; но въ сущности Мимиръ былъ его шпіономъ, и сообщалъ Одину все, что тамъ дѣлается, за что и поплатился ванамъ потомъ своей головою, (прим. Берги. къ поэмѣ Voluspa). Святовитъ, какъ преимущественно богъ земледѣлія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Солнце. По нашимъ повѣрьямъ, оно выѣзжаетъ на Ивана-Купалу въ колесницѣ, на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ; а въ дни поворота на лѣто, наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; тогда оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу. «Народъ сочеталъ съ этой древней богиней имя Коляды и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ маленькомъ возочку, на вороненькомъ конечку». Въ прежніе годы даже существовалъ обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку. Впрочемъ также и куклу, называемую Купалой и Мареной. во время лѣтняго солнечнаго поворота, также наряжаютъ въ женскіе уборы; а у бѣлоруссовъ въ Ивановъ день выбирается для этой роли самая красивая въ деревнѣ дѣвушка, которую, обнаживъ, подруги опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ. Болгары же увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ Солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; а по выраженію русскаго народа, оно тогда играетъ, пляшетъ и мечется во всѣ стороны». (Аф. т. III, ст. 717, 723, 726, 731). Самый обрядъ ряженья (на святкахъ) г. Афанасьевъ объясняетъ древнѣйшимъ воззрѣніемъ на грозовыя тучи, какъ на стада различныхъ животныхъ и звѣриныя шкуры. (Т. I, ст. 717—719). По мнѣнію поселянъ, въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенья (т. е. когда Солнце ужь выѣдетъ въ телѣгѣ на лѣто,) отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣ-

Digitized by Google

лебную силу; на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь міръ: о чемъ помолимся отверстому небу, то и сбудется. Чтобы видѣть, какъ отворится небо, сербы выходятъ въ богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до разсвѣта. У лужичанъ наканунѣ Рождества Христова дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, въ одной рукѣ съ узломъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой съ вѣткой, къ которой привѣшенъ звонокъ, обходитъ дома. (Аф. т. 3, ст. 741, 742). Въ честь возрожденія или воскресенія Солнца, наши предки зажигали также и зимой, по городамъ и селамъ, костры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь еще зажигаютъ ихъ по берегамъ рѣкъ, въ ночь на 12-е Декабря. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется: бадній день, отъ слова бадњакъ, означающаго дубовую сырую Колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ. (Тамъ же, ст. 732, 733) Коляда (calendae), Овсень (Фрейеръ, Усень, отъ санскр. кор. ush) и Плугъ, призывались въ эти дни народомъ; Плугу кликали, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни; равно какъ и двумъ первымъ. Въ Колядѣ г. Афанасьевъ видитъ Громовника; а въ Овсенѣ—бога, возжигающаго солнечное колесо, другими словами того же Громовника, такъ какъ это возжиганіе исполнялъ онъ же, буравя своей палицей дерево-тучу. Въ честь Коляды у насъ и теперь поются колядки и щедривки; также особаго рода пѣсни и въ честь Овсеня. (Тамъ же, стр. 738, 747, 748, 752).

19) Древнѣйшій богъ воздушнаго океана, Варуна-Воданъ, почитался богомъ войны и земледѣлія, какъ божество - Небо, насылающее бурныя грозы на землю и проливающее благотворный дождь для ея плодородія. Скифы покланялись ему въ образѣ большаго меча, вѣроятно, первообраза всѣхъ чудесныхъ богатырскихъ мечей въ пашихъ и другихъ преданіяхъ. Мечь этотъ былъ воткнутъ рукояткой въ землю, а остріе его изображало собой какъ молнію, такъ и плодотворный лучъ солнца. Когда новые боги замѣнили простое изображеніе мифическаго божества, священный этотъ мечь исчезъ, и только въ IV ст. по Рожд. Христ. Аттила, когда ему принесли мечь, найденный пастухомъ въ землѣ, сумѣлъ заявить, что это мечь бога-Неба, ниспосланный ему на завоеваніе вселенной. Между тѣмъ богъ Воданъ какъ бы раздвоился на два образа, на Святовита, преимущественно бога земледѣлія, хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и всѣ свойства бога Арея, и на Одина, болѣе бога войны, чѣмъ земледѣлія, такъ какъ собственно богомъ земледѣлія у скандинавовъ былъ заимствованный богъ Торъ. Древніе боги не могли идти противъ велѣній Судьбы, и самъ Зевесъ трепеталъ передъ всесильнымъ Fatum. Мечъ Одина наносилъ подъ конецъ смерть всякому, кто владѣлъ имъ. Никто не знаетъ, что шепнулъ Одинъ на ухо мертвому Бальдуру, возлагая его на

Digitized by Google

костеръ для сожженья; и владѣя этой тайной, Одинъ всегда долженъ былъ имѣть преимущество въ преніяхъ съ хитрыми титанами, чѣмъ онъ и воспользовался въ преніи съ Вафтруднировъ, который на вопросъ Одина, объ этой тайнѣ—не могъ дать ему отвѣта и тотчасъ же призналъ въ немъ бога асовъ. Предсказаніе Одина о новой вселенной, послѣ паденія боговъ, изложено вполнѣ въ поэмѣ: la fascination de Gulfi.

«Rousse-des-Alfes met au monde une fille unique,
Avant qu'elle soit atteinte par Fenrir;
Quand les Grandeurs auront peri, cette Vierge
Parcourra les chemins de sa mére... и т. д.
Tout mal disparaitra: Baldur reviendra и т. д.

Эта Rousse-des-Alfes есть такое названіе богини Sol (солнце), — что значитъ, что тогда будетъ новый свѣтъ, новое солнце, новые люди. (Fasc. de Gul. p. 137, 138—341).

20) Локи, самый ловкій и коварный изъ асовъ, нѣкоторыми нашими изыскателями приближается къ нашему Лукавому. Онъ безпрестанно старается вредить богамъ и Одину; даже открыто ругаетъ ихъ и высчитываетъ слабыя ихъ стороны. Послѣдній его злой поступокъ заключается въ томъ, что онъ самымъ коварнымъ образомъ, рукой слѣпаго Гедура (бога туманной осени), умерщвляетъ предательски красавца Бальдура, источника жизни и общаго благоденствія. За это боги присудили приковать его къ скалѣ, подобно Прометею. Локи, не успѣвши скрыться нигдѣ отъ ожидавшей его участи, оборотился семгой (saumon) и кинулся въ воду; но Торъ и другіе асы закинули съ обоихъ береговъ огромную сѣть, изобрѣтеніе того же хитраго Локки, для рыбной ловли,—и онъ былъ пойманъ, орудіемъ своего собственнаго же изобрѣтенія. (Fasc. de Gul. p. 327—335).

Къ 5-й пѣснѣ.

1) Славянскія племена были такъ многочисленны и сильны въ Европѣ въ глубокой древности, что еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. были ужь извѣстны и грекамъ, и римлянамъ подъ именемъ Виндовъ и Венетовъ, какъ обитатели Балтійскаго поморья; куда проникнуть они могли только, утвердившись сначала въ Восточной и Восточно-Полуденной Европѣ, на огромномъ пространствѣ между Чернымъ моремъ, Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ дѣйствительно и встрѣчаетъ ихъ впервые заря исторіи. (Ист. балт. сл., ст. 9). А потомъ славянскія поселенія простирались на Западъ, не только по Ютландскому полуострову, но и по Западной и Южной Герма-

Digitized by Google

ціи, и были въ Нидерландахъ и въ Англіи. (Тамъ же ст. 65—69). Принимая въ соображеніе богатство и цвѣтущее состояніе ихъ позднѣйшихъ торговыхъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, можно положительно считать ихъ въ то время самымъ развитымъ и могучимъ народомъ Сѣвера, что свидѣтельствуютъ и сами нѣмцы, стоявшіе тогда на гораздо низшей степени развитія, особенно саксы; а, какъ искуснѣйшихъ въ тѣ дни земледѣльцевъ, ихъ приглашали даже на Рейнъ, для указанія землепашества и обработки земли. Славянамъ не доставало только единства и вождей въ родѣ Карла Великаго, чтобы упрочить за собой это блестящее положеніе навсегда; но каждое славянское племя и здѣсь, какъ въ своей прародинѣ, (также какъ и сами Индусы) радѣло только о своей самобытности; союзы ихъ между собой были только временные, на время нападеній или опасности, и часто кончались взаимной враждой, къ общему ослабленію. Окружавшіе ихъ сосѣди, Саксы, Датчане и Скандинавы, пользуясь этимъ разъединеніемъ, вели съ ними непрестанныя войны и даже между славянами набирали себѣ союзниковъ. Сколько упрекъ, дѣлаемый славянамъ нѣмцами, что они поэтому неспособны къ самоустройству государственному, ни кажется съ перваго взгляда основательнымъ; но если взять во вниманіе, что всѣ государства въ Европѣ устроились рукою завоевателей, то этотъ упрекъ падаетъ самъ собою. Италія и самая Германія представляли намъ до нашихъ даже временъ изъ себя картину полнаго племеннаго разъединенія, и только помощь Наполеона III, оказанная первой, и геній Бисмарка во второй, привели ихъ къ единству. Между тѣмъ тысяча лѣтъ тому назадъ Восточные славяне положили основаніе чисто-славянскому государству и возвели его на степень одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ. Подобное стремленіе къ прочному самоустройству было и не у нихъ однихъ; венды въ Каринтіи напр. призываютъ къ себѣ въ цари франкскаго Само; сербы, чехи и др. еще въ древности образуютъ изъ себя небольшія отдѣльныя царства. Самое порабощеніе ихъ сильнѣйшими государствами не умерщвляетъ въ нихъ духа народности, тогда какъ отдѣльныя племена, составлявшія древнюю Галлію, давно слились воедино подъ державой франковъ. небольшія славянскія племена до сихъ поръ выступаютъ очень рѣзко изъ среды своихъ завоевателей, нѣмцевъ и турокъ, и въ нихъ не угасаетъ духъ свободы и стремленія къ независимости и самостоятельности. Вначалѣ ихъ распри съ отдѣльными, также какъ и они, племенами саксовъ, датчанъ и др. не имѣли особенныхъ послѣдствій; даже послѣ знаменитой Бравальской битвы, гдѣ славяне потерпѣли полное пораженіе, они вскорѣ являются побѣдителями датчанъ и предписываютъ имъ самыя постыдныя условія мира; только упорная сила возникшаго вездѣ нихъ государства франковъ могла окончательно разъединить ихъ и довести до пора-

Digitized by Google

бощенія. (Истор. балт. слав. гл. XXV—XXIX). Какъ вѣщія скандинавскія норны имѣютъ совершенное сходство съ нашими древними дѣвами судьбы, вѣщицами: такъ и воинственныя валькиріи отождествляются нашими учеными изыскателями съ слав. вилами, такими же воинственными дѣвами; пожалуй, даже и норны, и валькиріи, и вилы одно и тоже. (Аф. т. III, ст. 366, ист. оч. Бусл. т. I, ст. 231—241). Причемъ г. Буслаевъ указываетъ на сербскую сказку о чудесномъ волосѣ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, «внутри котораго было записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта. Эта чудесная дѣва вдѣвала въ иглу солнечные лучи, которыми вышивала по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ косъ». (Ист. оч. т. I, ст. 352).

2) По толкованію г. Афанасьева, языкъ нашъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными демонами - великанами и лѣшими; связь эта подтверждается и сканд. tröll, которое служитъ общимъ названіемъ для тѣхъ и другихъ. Значеніе этихъ стихійныхъ духовъ потомъ перенесено было вообще на вѣщихъ людей, вѣдуновъ, вѣдьмъ, вѣщихъ (отъ корня: вѣд, вѣщ), колдуновъ, чародѣевъ, волхвовъ, кудесниковъ, знахарей, знахарокъ и пр. Такихъ чудесныхъ личностей было разсѣяно множество среди всѣхъ древнихъ народовъ, которые видѣли въ нихъ какъ бы предызбранныхъ свыше божественной силой на пользу или вредъ человѣчества. Хотя славянскія племена достаточно изобиловали ими, но по нашимъ преданіямъ, на Сѣверѣ въ особенности славились колдуны Финновъ, Чуди, такъ что скандинавы почитали ихъ учителями колдуновъ славянскихъ, отъ которыхъ переняли потомъ эту вѣщую науку и сами скандинавы. Корень чуд, по толкованію г. Афанасьева, вполнѣ совпадаетъ по значенію съ див (свѣтить, сіять): какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться; такъ отъ перваго: чудо (мн. чудеса, кудеса), чудный, чудесный, чудиться. Какъ съ словомъ кудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ же смыслъ присвоиваютъ древніе памятники и рѣченію: дивы. (Аф. т. III, гл. XXVI). «Скандинавскія саги упоминаютъ про мѣхъ (vedhrbelgr, wetterbalg), которымъ когда потрясали, въ тоже мгновеніе возставала грозная буря. Финскіе колдуны, по народнымъ разсказамъ, завязывали вѣтры въ кожаные мѣшки и продавали ихъ морянамъ въ запасъ на дорогу. (Аф. т. I, ст. 312). «Вертящіеся вихри называются чортовой свадьбой; если бросить въ такой столбъ вихря освященный ножъ (символъ молніи), то можно пригвоздить имъ бѣса къ землѣ. Теплые, весенніе вѣтры—отъ добрыхъ духовъ, а вьюги и мятели отъ злыхъ». (Тамъ же, ст. 330). Финскіе колдуны не менѣе извѣстны заговариваніемъ крови и змѣй: такъ какой-то чудесный старикъ заговариваетъ кровь и изцѣляетъ рану у Вейнемейнена, простымъ разсказомъ о созданіи міра; а финскій герой Ла-

Digitized by Google

никайненъ заговариваетъ и разгоняетъ змѣй разсказомъ о ихъ происхожденіи... (Калев.). Неизвѣстно изъ сканд. преданій долго ли жилъ у вановъ іотнъ Мимиръ въ заложникахъ, покуда получилъ отъ нихъ достойное возмездіе за свое шпіонство; но надобно думать, что Мимиръ жилъ у нихъ немалое время, потому что въ гораздо позднѣйшей Вилькина-Сага онъ смѣшивается еще съ кузнецомъ Региномъ или замѣняетъ собой послѣдняго; значитъ, можно предположить, что онъ тогда былъ живъ въ народѣ,—и витязь Зигурдъ могъ быть даже, по кузнечному ремеслу, ученикомъ его. Въ нашихъ преданіяхъ не сохранилось сказаній о Мимирѣ, если не предположить, что Микула указываетъ также на него (въ видѣ кузнеца Ильмаринена), посылая Святогора на Сѣверъ; во всякомъ случаѣ, вліяніе финскихъ знахарей вообще, которыхъ іотнъ Мимиръ есть родоначальникъ и представитель, на нашихъ колдуновъ, и значеніе ихъ въ нашемъ древнемъ народѣ, было немаловажное, судя по нашимъ лѣтописямъ, что изображаютъ намъ высшихъ знахарей, къ которымъ наши предки особенно стремились, какъ для врачества, такъ и для гаданій. Въ нашихъ сказкахъ такъ много колдуновъ и вѣщихъ змѣевъ, что между ними нелегко найти Мимира или Регина и брата его, змѣя Фафнира; хотя, по всей вѣроятности, образы ихъ тамъ существуютъ. Замѣтимъ только, что Регинъ также братъ Отура, выдры; а этимъ послѣднимъ именемъ звали въ древности русскихъ; соединенный же съ этимъ скандинавскимъ преданіемъ мифъ о щукѣ Андвари напоминаетъ нашу сказочную щуку. (Ист. оч. т. I, ст. 273). Такое же точно сходство можетъ, вѣроятно, найтись вообще между колдунами и въ другихъ сказочныхъ преданіяхъ.

3) «Общественныя начала Балт. славянъ были ужь вполнѣ выработаны и опредѣлены въ X—XII в., говоритъ г. Гильфердингъ, тогда какъ у нѣмцевъ и скандинавовъ жизнь общественная еще едва начинала развиваться. Въ XI в. гор. Волынь велъ такую торговлю, какой не было тогда во всей Сѣвер. Европѣ. Но самый бытъ, который у нихъ такъ рано развился и установился, по существу своему былъ недостаточенъ, ибо не допускалъ народнаго и государственнаго единства; другая причина безплодія общественной жизни Балт. славянъ была въ глубокомъ искаженіи ея началъ чужимъ наплывомъ: именно, иностранная стихія въ ихъ бытѣ, аристократія, положила начало ихъ гибели. Славянинъ пахалъ землю самъ, а женѣ поручалъ домашнія работы; германецъ (въ смыслѣ нѣмца) презиралъ хлѣбопашество, любилъ лишь войну и охоту. Но аристократическая стихія достигла впослѣдствіи у славянъ полнаго опредѣленія: знать стала у нихъ сословіе самостоятельное, а не служебное,—аристократія, а не дружина. Князь не имѣлъ надъ ней прямой власти... (Ист. балт. слав. т. I, ст. 191, 197, 89, 111, 112). Нисколько не отвергая впрочемъ вліянія нѣмцевъ на славянъ, нельзя однако отвергать, что родовая знать и знать по бо-

Digitized by Google

гатству такія же коренныя между славянами, какъ и у другихъ народовъ: достаточно взглянуть на нашу сельскую знать изъ зажиточныхъ поселянъ; но «объ аристократіи, какъ о сословіи, которое пользовалось бы у насъ, т. е. у русскихъ славянъ, наслѣдственными политическими правами, не было и помину». (Карновичъ, замѣчат. богат. част. лицъ въ Рос., ст. 7). Всѣ наши знатные роды, исключая потомковъ Рюрика, явились къ намъ изъ за границы, изъ чужихъ странъ, съ Востока, съ Запада и Юга: такъ это сословіе въ древности было чуждо духу и быту славянъ. «Если нѣкоторые представители изъ боярскихъ родовъ, существовавшихъ во времена царя Алексѣя Михайловича, и оказываются нынѣ людьми богатыми, то начало ихъ богатствъ рѣдко восходитъ къ половинѣ XVII ст.,—большею же частію эти богатства недавнія, такъ какъ они были пріобрѣтены ихъ ближайшими предками только въ XVIII вѣкѣ. Начальныя извѣстія о богатствѣ Строгоновыхъ восходятъ къ первой половинѣ XV ст.; но Строгоновы вышли изъ среды предпріимчивыхъ и промышленныхъ гражданъ древняго Новгорода; еще задолго до царя Ивана Васильевича Грознаго владѣли въ областяхъ Новгородскихъ обширными землями, а впослѣдствіи въ Пермскихъ предѣлахъ имъ принадлежала страна, равная по величинѣ нынѣшнему королевству Богемскому» (Карновичъ, тамъ же, ст. 35, 175). Наши Демидовы, Яковлевы, возникли также изъ простыхъ, но смышленныхъ и предпріимчивыхъ людей; но исторія не упоминаетъ нигдѣ объ особенномъ значеніи въ государственномъ составѣ, кромѣ двухъ, трехъ случаевъ, водворившейся у насъ и обрусѣвшей иноземной аристократіи, что было бы совершенно несообразно ни съ образомъ нашего правленія, ни съ духомъ народнымъ. Въ нашихъ былинахъ упоминается о какихъ-то Путятѣ, Блудѣ, Бермятѣ; но и тѣ или принадлежали къ княжеской дружинѣ, или были люди посадскіе. Всѣ же прочіе родоначальники нашихъ знатныхъ родовъ, какъ сказано выше, выходцы изъ чужихъ странъ, поступавшіе къ нашимъ вел. князьямъ или царямъ на службу, возвышенные или одаренные ихъ милостями, изъ государственнаго или народнаго имущества. «А въ такъ называемое смутное время даже столбы московскаго боярства спѣшили на перерывъ одинъ передъ другимъ выпрашивать у пол. короля Сигизмунда «деревнишекъ», униженно называя себя при этомъ его «холопами». (Тамъ же, ст. 10).

4) Первообразъ нашего богатыря Добрыни, его чудеснаго рожденія, воспитанія, дѣтства, его товарищей и главныхъ похожденій, г. Стасовъ видитъ въ индѣйскомъ богѣ Кришну, въ его чудесномъ рожденіи, воспитаніи, дѣтствѣ, товарищахъ и похожденіяхъ, и отчасти въ отрочествѣ Рамы, т. е. въ двухъ воплощеніяхъ бога Вишну. «Послѣ долгихъ странствованій по Азіи, эти разсказы попали въ наше отечество, говоритъ онъ, и здѣсь образовали тѣ пѣсни, которыя мы знаемъ подъ именемъ пѣсенъ о

Digitized by Google

Добрынѣ Никитичѣ». (В. Евр. 1862, Февр. ст. 655—669). Въ одной Телеутской пѣснѣ и въ одной пѣснѣ Минусинскихъ татаръ есть впрочемъ также сходство съ этими преданіями, которое впрочемъ заключается въ натягиваніи необыкновеннаго лука, какъ тамъ, такъ и у насъ, въ стрѣлянiи въ цѣль, (черты впрочемъ весьма общія во всѣхъ преданіяхъ) и въ сходствѣ нашей бѣлокаменной пещеры, въ которой запрятана змѣемъ наша Запава Путятишна, съ бѣлымъ камнемъ, въ который превращена мать Минусинскаго богатыря Агъ-Аю. (Тамъ же). «Массы народныя создаютъ культуру, какъ муравьи свой муравейникъ и пчелы свои соты, говоритъ г. Буслаевъ, на этомъ-то принципѣ и основывается всемірное сходство всѣхъ народностей.» (Р. вѣст. 1874 г. Май, ст. 42, 43, См. также и прим. 11 къ 1 пѣсни этой поэмы). Въ нашихъ былинахъ, особенно въ обстановкѣ ихъ героевъ, мы найдемъ не только наслоенія временъ христіанства, литвы, татарщины, но и новѣйшихъ временъ; но все таки основаніе ихъ и сущность разсказа напоминаетъ прямо тѣ Индѣйскіе первообразы, откуда онѣ происходятъ. Каждый послѣдующій вѣкъ прилагаетъ къ нимъ непремѣнно что нибудь своего; и многіе, если не всѣ, древнѣйшіе боги и герои переходятъ постепенно всѣ степени народнаго развитія и сосѣдства. Такъ г. Буслаевъ позднѣйшаго Добрыню сближаетъ уже съ Скандинавскимъ Сигурдомъ; а въ пробужденной имъ спящей валькиріи находитъ сходство вообще съ спящими царевнами всѣхъ народныхъ сказокъ, равно какъ и въ змѣѣ хранителѣ клада сходство съ нашимъ подобнымъ же зміемъ; и сами родственныя намъ слав. племена битву съ зміемъ и побѣду надъ нимъ относятъ къ древнѣйшей эпохѣ разселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ. (Ист. очер. т. I, 276, 283, 284). А г. Вельтманъ называетъ эту валькирію прямо нашей царь-дѣвицей, а змѣя Фафнира нашимъ Змѣемъ-Горыничемъ. Въ этомъ разсказѣ вообще, говоритъ онъ, есть и наши старые вѣщуны, и птицы вѣщуньи, да и вся древняя Эдда пахнетъ русскимъ духомъ. (Атт. ст. 45). Г. Буслаевъ также находитъ въ пѣснѣ Эдды, о Зигурдѣ и змѣѣ Фафнирѣ, сходство съ нашей Муромской легендой, о Петрѣ и Февроніи. (Ист. оч. гл. X). Г. Квашнинъ-Самаринъ считаетъ позднѣйшаго Добрыню былинъ западнымъ витяземъ, и отождествляетъ его съ нѣкіимъ Жильберномъ, отправленнымъ кн. Владиміромъ въ Царьградъ, съ великими угрозами, за царевной Анной. (Р. в. 1874 г. Окт., ст. 792, 800). Послѣ этого самымъ естественнымъ образомъ, съ развитіемъ Кіевскаго княжества и государственныхъ началъ въ странѣ, Добрыня изъ древняго Зигурда и потомъ изъ Жильберна, могъ превратиться въ представленіяхъ народныхъ и въ Рязанскаго князя, какъ онъ позднѣе и называется въ нашихъ былинахъ. Что же касается до богатыря Потока или Потыка; то г. Стасовъ производитъ его отъ брахмана Руру, о которомъ разсказывается

Digitized by Google

въ Магабгаратѣ, а нашу бѣлую Лебедь, отъ его невѣсты Прамадвары, живущей также близь воды; а дальнѣйшія похожденія Потока находитъ сходными съ похожденіями средне-Азіятскаго богатыря Богдо Гесперъ-Хана, который подвергается также превращенію въ чернаго осла, какъ Потокъ въ бѣлъ-горючь камень, и другимъ злоключеніямъ, потому что слушается коварной жены своей. (В. Евр. 1868 г. Фев. ст. 669—680). Не приводя подробностей этихъ сближеній, по краткости настоящихъ примѣчаній, дополнимъ только, что другіе наши изыскатели относятъ Потока прямо къ варяжскимъ типамъ; а въ бѣлой Лебеди г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію,—«которая, какъ водяная птица появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ». (Рус. в. 1862 сент. ст. 36, 37). Обстоятельство же изловленія Потыкомъ въ могилѣ змѣи клещами, едва ли не объясняется разсказомъ, о томъ, какъ, засѣвши въ яму, ловятъ змія аспида, ухвативши горячими клещами... (Ист. оч. ст. 275, 276). Г. Миллеръ видитъ въ Потыкѣ богатыря-бродягу, гуляющаго изъ страны въ страну, а въ бѣлой Лебеди между прочимъ царевну изъ царства заморскаго. (Ил. Мур. ст. 387, 389). А г. Квашнинъ-Самаринъ находитъ его сходнымъ съ Вальтеромъ въ польск. хроникѣ Богуфала, который взялъ его отчасти съ Вальтера Аквитанскаго; родомъ же производитъ Потока, какъ и Дюка, изъ Волыни-Галича, съ Запада. (Р. в. 1874, Окт. ст. 800, 801). По его мнѣнію, Потокъ и Михаилъ-Казарянинъ одно и тоже; это лихой наѣздникъ въ шеломѣ и въ латахъ, лютый, гнѣвный силачъ, близкій къ типу Марка Кралевича. (Бесѣда, 1868, т. IV). Замѣтимъ еще, что позабытый прибалтійскій богатый Волинъ или Волынь у насъ въ былинахъ вообще смѣшивается съ Волынью-Галичью; и что время появленія обоихъ этихъ богатырей въ сказанномъ видѣ всего ближе можно отнести къ цвѣтущей эпохѣ на Балтійскомъ поморьѣ варяжества и сканд. чудесныхъ зміевъ и валькирій, перенесенной потомъ нашими былинами, какъ и всѣ остальныя преданія, къ эпохѣ краснаго Солнышка Владиміра.

5) У насъ вообще существуетъ въ народѣ старинное повѣрье, что вѣдуны и вѣдьмы насылаютъ грозовыя тучи, бурные вихри и градъ; а въ Западн. Европѣ, что они могутъ носиться въ тучахъ, производить грозы, напущать бури, дождевые ливни и градъ. «Уже въ Индіи вѣрили въ злое вліяніе колдовства, и въ нашихъ народ. сказкахъ колдунъ и вѣдьма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ налетаютъ грозовою тучей, ударяютъ громомъ и сверкаютъ молніями». (Аф. т. III, ст. 442, 446). Споры и распри между враждебными колдунами, подобные описаннымъ въ поэмѣ, очень нерѣдки въ народныхъ разсказахъ, гдѣ обыкновенно добрый колдунъ беретъ верхъ надъ злымъ или чужеземнымъ; что также подтверждаетъ мнѣніе г. Афанасьева о томъ, что въ этихъ раз-

Digitized by Google

сказахъ таится преданіе о враждебныхъ отношеніяхъ нашихъ древнихъ родовъ какъ между собой, такъ между ними и иноплеменными сосѣдями.

6) Въ дополненіе къ 37 пр: къ III пѣс: о вѣдогоняхъ, слѣдуетъ еще добавить, что, по народному повѣрью, если во время отбытія вѣдогони изъ тѣла, повернуть это тѣло въ другую сторону; то вѣдогонь не можетъ войти въ него обратно: потому что не найдетъ дороги. Тоже самое произойдетъ, если переставить вокругъ него предметы. Духъ Одина также блуждалъ въ разныхъ образахъ во время его зимняго усыпленія, и невѣдомо гдѣ витался, покуда не возвращался, чтобы вновь оживить природу своимъ присутствіемъ. Во время своихъ зимнихъ превращеній въ разные образы, какъ и наши вѣдогони, Одинъ совершалъ разные трудные подвиги и дѣлалъ свои наблюденія; но наши вѣдогони употребляли все ночное время на взаимныя распри и побоища, какъ и слѣдовало въ странѣ, наполненной внутренними родовыми раздорами. Не слабѣе скандинавовъ были прибалтійскіе славяне и на морѣ; особенно славились между ними своими удалыми набѣгами Вагры и потомъ Ране, такъ что отъ нихъ не было никому ни проѣзда, ни пощады. «Плѣнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убивали. Бодричи и Лютичи также были славные мореходцы; въ особенности Лютичи любили дальнія плаванья; не разъ ходили они въ Англію...» По враждебному положенію Балтійскихъ славянъ между сосѣдними народами, главною чертой въ ихъ характерѣ была воинственность. «Нѣмецкіе лѣтописцы постоянно называютъ ихъ храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ.» Они считались самымъ воинственнымъ и самымъ свирѣпымъ народомъ на морѣ и на сушѣ. Съ военноплѣнными (т. е. съ рабами) они обращались жестоко. Они дѣлили ихъ между ратниками или продавали; всего болѣе у нихъ было рабовъ изъ датчанъ, всего безчеловѣчнѣе поступали они съ христіянами, врагами ихъ религіи. (Ист: бал. сл. т. I, ст. 34—46). При всемъ ихъ добродушіи, гостепріимствѣ и честности, славяне вообще были жадны также къ добычѣ и къ обогащенію. Скандинавскій разсказъ о смерти Гагена (Högni) и Гуннара въ гостяхъ у Аттилы, происходитъ въ странѣ гунновъ, какъ древніе скандинавы называли нынѣшнюю Россію; а превращеніе въ змѣю, которая задушила Гуннара, приписывается мифической матери Аттилы или Атли. (La saga des Nieb: dans les eddas. par E. de Laveleye, p. 252). Почему я нашелъ возможнымъ помѣстить эту характеристическую черту въ собственномъ своемъ разсказѣ, дѣйствіе котораго происходитъ въ той самой странѣ, и вѣроятно, между тѣми же племенами, между которыми произошла и трагическая смерть этихъ скандинавскихъ героевъ.

7) По мнѣнію г. Иловайскаго, названіе Геты. а слѣд. и Готы принадлежитъ разнымъ группамъ народовъ. Готы вообще имѣли

Digitized by Google

славянскія имена. Венелинъ и Вельтманъ называютъ Германриха по славянски Яроміромъ. Германрихъ еще въ юности былъ взятъ въ плѣнъ славянами и жилъ у Днѣпровскаго князя Исмира или Всеміра. Сообразно съ толкованіемъ г. Буслаевымъ имени преемника Лѣха, героя Вышьшимира, что подъ этимъ надобно разумѣть Вышьши-миръ, т. е. нѣсколько выборныхъ людей, воеводъ и киетовъ, мірское выборное управленіе; (Ист. Оч. т. I, ст. 370), можно также и въ имени кн. Исмира или Весьмира видѣть весь народный міръ, у котораго знатный плѣнникъ могъ находиться на попеченіи. Воронъ, напоминающій Яроміру его высокое назначеніе, какъ конунга, почерпнутъ изъ сканд. поэмы Rig-saga. Воспользовавшись случаемъ, Яроміръ или Эрманарикъ бѣжалъ, собралъ огромное войско въ своемъ отечествѣ и покорилъ всю нынѣшнюю восточную и южную Россію до Волги и Дона, въ томъ числѣ и Новгородъ (Novago), который поэтому ужь былъ извѣстенъ въ III, IV ст. Амедей Тьери въ своей исторіи Аттилы описываетъ ужасныя жестокости этого грознаго завоевателя въ покоренной имъ странѣ, которыя недовали свободно вздохнуть побѣжденнымъ. (Hist d'At. t. I, p. 15—19). Что-же касается до насильственной смерти іотна Мимира, то въ скандинавской Эддѣ объ этомъ разсказывается, что ваны, замѣтивъ злые замыслы заложника іотна и его шпіонство (какъ это мѣсто толкуетъ г. Бергманнъ), отрубили ему голову и послали ее къ Одину. Получивши голову, Одинъ оживилъ ее своей божественной силой, и потомъ всегда совѣщался съ ней въ важныхъ случаяхъ. Просьба Мимира о дозволеніи ему спѣть предсмертную пѣсню, соотвѣтствуетъ вообще просьбамъ въ подобныхъ положеніяхъ сказочныхъ героевъ, которые трубятъ въ рогъ или поютъ пѣсню, и къ нимъ является чудесная помощь. Колдунъ Мимиръ, какъ и всѣ финскіе колдуны, поетъ свои заклинанія; но онъ забываетъ одно вѣщее или могучее слово... Такъ Вейнемейненъ, герой Калевалы, забываетъ во время заклятій три могучія слова, и долженъ идти за ними въ царство мертвыхъ, гдѣ правитъ могучій Туони. Какъ скоро онъ ни шелъ туда, но прошелъ три недѣли, и то безполезно: потому что Туони не сообщилъ ему этихъ словъ. А узналъ ужь онъ всю глубину мудрости отъ Випунена, который спалъ до его прихода, мертвымъ сномъ, подобно большой горѣ; но пробужденный Вейнемейненомъ, устроившимъ внутри его кузницу, пропѣлъ ему всѣ свои знанія. (См: Фин. поэму Калевалу).

8) Чудесный витязь Зигфридъ у скандинавовъ понималъ языкъ птицъ, отвѣдавши печени убитаго имъ змѣя Фафнира Еще въ Индіи, одинъ молодой буддистъ Поттика, изучивъ всѣ науки и простившись съ учителемъ, подслушалъ однажды въ лѣсу близъ Бенареса жившихъ на деревѣ пѣтуховъ и, понимая ихъ языкъ, узналъ, что кто поѣстъ твердаго мяса одного изъ нихъ, тотъ сдѣлается царемъ. (Ж. м. нар. пр. 1872, Іюнь ст. 194). Подобныхъ пре-

Digitized by Google

даній о людяхъ, понимающихъ птичій языкъ, не мало въ нашихъ сказкахъ и даже былинахъ, напр: Иванъ Годиновичъ понималъ языкъ голубей. У скандинавовъ также понимали языкъ вѣщихъ вороновъ, бывшихъ на посылкахъ у Одина, и иныхъ птицъ и другіе конунги, кромѣ Зигфрида. Въ народныхъ сказкахъ есть также разсказы о крестьянахъ, бесѣдующихъ съ грозными царями и оказывающихъ имъ подъ часъ немалыя услуги, что очень можетъ быть отнесено и къ Микулѣ, представителю земледѣльческаго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Микула есть послѣдующій образъ Перуна, которому свойственно превращаться въ мужичка съ ноготокъ, борода съ локотокъ или самъ съ перстъ, борода на семь верстъ, такъ какъ эта личность есть выраженіе молніи. Финны даютъ этому карлику золотой ножъ и топоръ, соотвѣтствующіе мечу-кладенцу и Торову молоту. (Аф. т. II, ст. 774, 775). Надобно также думать, что преданіе о священномъ мечѣ бога Неба, Водана, которому въ древности поклонялись скифы, было еще живо въ народѣ, когда явился Аттила, потому что онъ прямо воспользовался этимъ преданіемъ, чтобы утвердить свою божественную силу и значеніе въ мнѣніи народномъ и своихъ витязей. Между тѣмъ жестокости Яроміра или Эрманарика, особенно смерть жены одного знатнаго россалана, называемой Іорнандомъ Sanielh, исландскими квидами Swanhilda, а Саксономъ Грам. Swavilda, по мнѣнію г. Вельтмана, Всевладой, по серб. нарѣчію, Свавладой (Ат. ст. 108), которую Яроміръ велѣлъ размыкать конями; жестокости эти возбудили месть и возстаніе первыхъ Россалановъ, которые призвали на помощь Гунновъ, подъ предводительствомъ Болемира (Balamir). Еще прежде этого вѣщія слав. женщины, гадальщицы и жрицы, своей распущенностью и страшными пріемами при совершеніи ихъ вѣщихъ гаданій вселили такое отвращеніе въ готовъ, что они выгнали ихъ изъ своего стана, такъ что, вѣроятно, имъ нельзя было показаться въ странѣ (Fasc. de Gulf. p. 299). Вслѣдствіе этого онѣ должны были разсѣяться по степямъ, такъ какъ и безъ того привыкли къ бродячей жизни. Не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ много способствовали къ поднятію тамошнихъ племенъ на готовъ: почему и составилась готская сказка, о происхожденіи гунновъ отъ вѣдьмъ и степныхъ демоновъ. Но еще до этого возстанія Эрманарикъ попалъ въ засаду, устроенную ему братьями умерщвленной Sanielh или Сванильды, которые сильно его изранили. Изъ этого, по словамъ г. Вельтмана, составилась скандинавская сказка или квида, въ которой Сванильда уже называется женой самаго Яроміра, и въ которой разсказывается, что ея братья, пріѣхавъ къ Эрманарику, обрубили ему руки и ноги; но у Эрманарика осталась голова, и эта голова велѣла побить витязей каменьями. (Атт. ст. 109—112). Оттуда же заимствованъ слово въ слово разсказъ о пьяномъ Эрманарикѣ, означенный въ поэмѣ вносными знаками. Но гунны, по преданію, будто бы не

Digitized by Google

знали, гдѣ имъ переправиться удобнѣе черезъ тонкія мѣста; чудесная серна (одинъ изъ образовъ Солнца) указала имъ бродъ; и надобно полагать, что «поникшее мужество славянъ, до того, что они принуждены были покориться Яроміру» (Ат. ст. 107), съ этого времени возникло снова: потому что Балемиръ однимъ ударомъ разрушаетъ владычество готовъ и отбрасываетъ ихъ за Дунай; а одряхлѣвшій отъ старости и ранъ, Эрманарикъ лишаетъ себя жизни.

9) Въ Аттилѣ слѣдуетъ видѣть два образа: одинъ, историческій,— Аттила, царь гунновъ; другой мифическій; — Атль, князь красное-Солнышко. О первомъ самыя подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія находятся въ запискахъ Приска, которыя и изложены въ моемъ разсказѣ устами Ваны; о второмъ сложилось множество легендъ почти у всѣхъ европейскихъ народовъ, особенно у скандинавовъ, бывшихъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ гуннами. «Собственное имя одного изъ скифскихъ царей, говоритъ Бергманнъ, было: Itan-tursus, что значило, вѣроятно,— великій волкъ, въ противоположность небольшому Волку (Vulfilas); и это имя считалось чрезвычайно почетнымъ, какъ были почетны у Гетскихъ племенъ имена Аттилы (les noms de Attilas), батька, батюшка (Petit-père), медвѣдь (Ours), и пр., что произошло отъ зооморфическаго олицетворенія чудесныхъ силъ природы»... (Fasch. de Gulf. p. 208). Въ Нибелунгахъ Атль совершенное подобіе нашего безстрастнаго Владиміра, краснаго Солнышка, какъ онъ изображается въ нашихъ былинахъ. Валькирія Брингильда, въ сканд. сагахъ называется сестрой Солнца и сестрой Атля; по нашимъ народнымъ вѣрованьямъ медвѣдь есть олицетвореніе Громовника, Перуна (Аф. т. I, ст. 386—391; т. II, ст. 749). Но въ нашихъ народ. преданіяхъ не осталось ничего объ Аттилѣ; кромѣ развѣ стиха, о какомъ-то неизвѣстномъ, но очень могучемъ богатырѣ, надъ семидесятью землями богатырѣ, котораго также смерть подкосила. (Рус. нар. Шеппинга, ст. 127). Пожалуй, можно предположить, что онъ потомъ слился съ личностью нашего мифическаго князя Владиміра; т. Венелинъ называетъ его прямо царемъ, а г. Вельтманъ—богатыремъ кіевскимъ; такъ какъ они и Савельевъ производятъ названіе Гуннавъ (Guni, Hunni, Kunae, Quenae, Chueni, Кыяне), отъ Кіева. А г. Гедеоновъ говоритъ: «собственную Русь, въ племенномъ смыслѣ, исландскія саги называли Кенугардъ, т. е. Кіевской областью; а въ баснословныхъ исторіяхъ или позднѣйшаго времени, Русью — Russland. Отсюда и двойное названіе Руси у литовскихъ племенъ, такъ какъ они понимали Славянъ (Новгородцевъ) подъ именемъ Krewy, а Русь подъ именемъ Gudai. Ни лѣтопись, ни исторія не знаютъ на Руси двухъ, другъ другу противоположныхъ, народностей, скандинавскую и славянскую. Представителями Словенъ являются Словене Новогородцы, подъ формою Navego; представителями Антовъ,—Словене Русь или Рось, подъ Финно-Уральскою формою этого

Digitized by Google

имени Athual, Athaul. Извѣстно, что у народовъ Финно-и-Монголо-Уральскаго происхожденія къ именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ прилагается нарицательное Etel, Adal, Idel, Itil (рѣка); какъ нарицательному Рось (Волга) отвѣчаетъ нарицательное Восточное Athel (flumen Ross Athel vocatum, Geogr. Nub. 243), такъ, вѣроятно, и народное Рось передавалось нѣкогда на Востокѣ подъ сохранившейся у Іорнанда формою Athel, Athaul, и въ позднѣйшее время Итиль является названіемъ народа (Хозаръ), обитавшаго на берегахъ Волги (Fraehn, Ibn-Fossl. 64). Греки, получившіе это имя отъ готовъ (въ формѣ Anthel) или отъ Геруловъ, придали ему греч. форму Antes, Antai. У Словенъ и Антовъ, говоритъ Прокопій Кесарійскій, было сначала одно общее имя; древность провала ихъ Спорами: потому что, думаю, они живутъ разсѣянно (sporados) по землѣ своей. Славянская этимологія приводитъ насъ къ славянскому, подъ греческимъ spòros—сокрытому, имени Рось; этому имени отвѣчаетъ древнее существительное рознь или нарѣчіе врознь; игра словъ, принадлежащая, какъ видно, къ народному преданію и восходящая до глубокой древности». (О варяж. вопр. 27, 28, 37). Прибавимъ къ этому слова Нестора: «а словеньскій языкъ и Русскій одно есть». Когда названія Гунновъ, Болгаръ, Аваровъ исчезаютъ въ исторіи, вмѣсто нихъ одни славяне по всей Восточной Европѣ. Кромѣ свидѣтельства нѣкоторыхъ греч: историковъ, что страшные нѣкогда Гунны назывались потомъ не менѣе страшными и жестокими Россами, странно такіе предположить, чтобы татары или монголы (какъ думаютъ вообще о Гуннахъ) явились нарочно освободить славянскую землю отъ готовъ, и, успѣвши въ томъ, не сдѣлались ея утѣснителями, а напротивъ слились бы съ ней воедино, такъ что нынѣшняя Россія у запад. сосѣдей, скандинавовъ и нѣмцевъ, называлась вообще страной гунновъ. Отецъ Аттилы носилъ имя Мундіуха, которое болѣе похоже на Литовское Миндовга, нежели на какое нибудь татарское; дядя и братъ его, и нѣкоторые изъ вождей, имѣютъ чисто славянскія имена: Болеміра, Бледа или Блуда; западные наши сосѣди сносятся съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ, княземъ или вождемъ давно имъ знакомыхъ племенъ, но отнюдь не пришельцемъ съ Востока; а древнія саги изображаютъ его туземнымъ властителемъ, только очень жаднымъ до чужихъ богатствъ и владѣній. Чудесная сѣть поэтическихъ событій охватываетъ съ нимъ и нѣмецкія племена, и гунновъ, какъ племена родственныя; къ нему ѣдутъ знаменитые вожди и воины, даже христіяне, на службу, съ Юга и Запада, его деревянный дворецъ становится высшей средою всѣхъ военныхъ и политическихъ событій Восточной и Западной Римскихъ имперій, славянъ и нѣмцевъ, безъ малѣйшаго намека, что это жилище или станъ какого-то татарскаго или монгольскаго хана. Именитый римскій вождь, Аэцій, воспитывается съ нимъ вмѣстѣ, будучи заложникомъ у гунновъ; они сно-

Digitized by Google

сятся дружественно между собой и послѣ отъѣзда Аэція въ Римъ, и онъ доставляетъ даже Аттилѣ образованныхъ людей, для его надобностей; въ чемъ, конечно, онъ и нуждался, для устройства усилившагося своего государства, одного изъ обширнѣйшихъ въ славянскихъ земляхъ въ древности, въ которомъ онъ и числуется и красуется, подобно позднѣйшему нашему красному Солнышку. Приведенная въ поэмѣ, внѣшняя характеристика гунновъ, касательно нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ, образа жизни, пировъ, стрижки въ кружало, заимствована изъ записки о нихъ ритора Приска, находившагося при посольствѣ императора Феодосія къ Аттилѣ. Переводъ этой записки помѣщенъ въ I т. Венелина о болгарахъ. Встрѣтившійся Приску на улицѣ (Онигисъ), показался ему сперва скифомъ, живущимъ въ довольствѣ и роскоши: волоса его были острижены по гунски,—*въ кружало*: а когда онъ былъ представленъ женѣ Аттилы, она сидѣла на мягкомъ ложѣ, а дѣвушки сидѣли противъ нея на полу и вышивали разноцвѣтными узорами покрывало. При немъ же, Аттилу, когда онъ возвращался изъ похода, встрѣтилъ хоръ дѣвушекъ, подъ бѣлыми покрывалами, пѣвшій Аттилѣ славу, а жена одного изъ его вождей встрѣтила его на крыльцѣ, съ подносомъ, на которомъ стояли вино и закуска. Спутниковъ Приска по всей Гунской землѣ поили медомъ и квасомъ (kom(w)os), приготовленнымъ изъ ячменя. Хотя послѣдній напитокъ Ам. Тьери, въ своемъ сочиненіи объ Аттилѣ и называетъ кумысомъ, по ошибкѣ переписчика, который поставилъ вмѣсто w букву m; но извѣстно, что кумысъ изъ *ячменя* не приготовляется и т. д. (См. сказан. сочин. Венелина, т. I).

10) «Типъ народнаго богатыря Ивана царевича, говоритъ г. Шеппингъ, стоитъ на рубежѣ періода доисторическаго мифа и эпохи опредѣлившейся уже народной жизни. Онъ прямое божество дня и свѣта древняго язычества, и въ тоже время въ немъ чувствуется православный русскій богатырь Владиміровой эпохи: въ немъ слышится отголосокъ древнѣйшей басни про Озириса, Вакха и Адониса, и въ тоже время онъ и представитель русскаго земства со всѣми его сословными подраздѣленіями. Эпическая былина выросла на почвѣ сказочнаго мифа, вставляя въ рамки древнѣйшаго баснословнаго разсказа свои частныя народныя преданія и историческія воспоминанія. Какъ только осѣдлость получаетъ полную историческую опредѣленность и сказка замѣняется эпической былиной, общій типъ Ивана царевича распадается на множество полуисторическихъ личностей, выражающихъ собой всѣ особенности сословій и мѣстностей русскаго земства. Былина передаетъ намъ народныя воспоминанія о нашей древней исторіи,—воспоминанія, вознесенныя иногда въ поэтическую область фантазіи, съ ея произвольной исторіей и географіей. Какой поражающій отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа въ ска-

Digitized by Google

зочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ Индѣйскимъ»! (Рус. народн. ст. 117, 119, 121). «Какъ стихійное божество, Иванъ царевичь самъ или раждающіяся отъ него дѣти, продолжаетъ г. Шешингъ, представляются при рожденіи по колѣно ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, на лбу ясный мѣсяцъ, по косицамъ мелки звѣзды, на затылкѣ красно солнце. Имя Ивана самое любимое и употребительное въ нашемъ простонародьи; замѣчательно, что между героями Артурова table ronde попадается имя Jvain или Owen, схожее съ Иваномъ. (См. 27 прим. къ 2 пѣс.). Между божествомъ свѣта общечеловѣческаго мифа и православными представителями русскаго земства, во времена Владиміра, должна была необходимо существовать переходная точка, переходная личность вполнѣ русскаго богатыря, еще не лишеннаго своего полубожественнаго міроваго значенія стихійнаго Деміурга. Отождественіе Ивана съ Микулой указываетъ на тотъ моментъ нашей доисторической жизни, когда кочевой бытъ уступилъ первенство осѣдлому земледѣлію. Съ новымъ воззрѣніемъ осѣдлой жизни получаетъ и древнее сказаніе новый смыслъ и значеніе: это борьба труда и мысли человѣческой съ окружающей его природой, и покореніе ея своимъ пользамъ и нуждамъ. Наконецъ, среди осѣдлой, устроенной жизни русской народности, Иванъ выступаетъ воплощеннымъ олицетвореніемъ всего русскаго земства, почему и общій типъ его раздробляется на всѣхъ многоразличныхъ, сословныхъ и мѣстныхъ представителей русскаго земства. Какъ крестьянинъ-царевичь, онъ въ эпосѣ Владимірова періода всего ближе прикасается къ представителямъ двухъ крайнихъ точекъ земства: крестьянства, въ лицѣ Ильи Муромца, и царственнаго рода, въ лицѣ Добрыни, родственника Владиміра. Громадная сила Святогора встрѣчается и у Ивана царевича. Все здѣсь имѣетъ свое особое значеніе; даже самая неизвѣстность, въ которой оставляютъ насъ сказки о родинѣ Ивана,— что его родина вся земля русская, почему нашъ герой и носитъ по преимуществу названіе сильнаго богатыря русскаго. Въ истор. былинахъ имя Ивана, за немногими исключеньями, совсѣмъ исчезаетъ, какъ имя главнаго героя, но за то остается почти постояннымъ отчествомъ (Ивановича), какъ будто намекая этимъ на происхожденіе этихъ новѣйшихъ богатырей отъ сказочнаго ихъ первообраза». (Тамъ же, ст. 123, 125, 127, 131, 135. 126). Изъ всего этого, кажется, можно вывести прямое заключеніе, что въ нашихъ преданіяхъ какъ бы два Ивана царевича: одинъ, древнѣйшій, вочеловѣченный образъ одного изъ свѣтлыхъ боговъ древней прародины,— образъ краснаго ли Солнца, Индры ли Громовника, Кришны или Рамы,—все это сливается въ божественномъ образѣ Вишну; другой, ближайшій или позднѣйшій, богатырь собственно русскій, какъ бы сынъ перваго, сопутствующій народу или живущій съ нимъ, до позднѣйшаго времени. «Хоть невсегда Иванъ какой нибудь сказки,

Digitized by Google

говоритъ г. Шеппингъ, одно лице съ царевичемъ: но по созвучію именъ народная фантазія постоянно придаетъ соименному герою царевича нѣкоторыя характерическія черты послѣдняго,—и всякую подобную сказку мы въ правѣ причесть къ числу Ивановскихъ былинъ. Къ нимъ же принадлежатъ и тѣ сказки, которыя, по своей обстановкѣ, прямо относятся къ общему типу, хоть имя героя утратилось вовсе или замѣнилось другимъ. Добрыня и Алеша Поповичъ заимствуютъ свои подвиги и похожденія въ сказочныхъ преданіяхъ; представитель средняго сословія, Гостиный сынъ, сохраняетъ и чудеснаго коня бурочку-косматочку, и самое имя сказочнаго героя. (Вспомнимъ, что и въ сказкахъ Иванъ нерѣдко является купеческимъ сыномъ и торгашемъ, или нанимается къ купцу въ прикащики). Самый Илья Муромецъ, его долголѣтнее сидѣнье, его поѣздки по дремучимъ лѣсамъ, а можетъ быть, и таинственная связь его съ царицей Задонской,—все это носитъ несомнѣнную печать древнѣйшаго Ивановскаго сказанія». (Тамъ же, ст. 122, 133). Стало быть, этотъ древнѣйшій нашъ богатырь принесенъ нашимъ народомъ еще изъ Индіи, и его образъ разсѣянъ по всѣмъ нашимъ сказкамъ, которыя пришли оттуда же. По мѣрѣ народнаго развитія, онъ также развивается, и наконецъ, исчезаетъ въ новыхъ богатырскихъ образахъ, которые отъ него же зародились, и, одинъ за другимъ, вошли въ народный эпосъ.

11) Всѣ эти различныя положенія Ивана царевича, соотвѣтствующія различнымъ положеніямъ самой народности, заимствованы изъ нашихъ народныхъ сказокъ, этихъ мифическихъ преданій давно-прошедшаго. Извѣстно, что Кощея безсмертнаго, скифскаго князя Стрѣлу, у насъ производятъ отъ слова: Кошъ: нечистая или вражья сила, что похищаетъ сыновей Ивана царевича и ищетъ его погибели,—сначала это сила стихійная, потомъ сила кочевая, враждебная; всѣ поименованные въ сказкахъ спасители или избавители его отнесены также нѣкоторыми нашими изыскателями къ силамъ стихійнымъ; но г. Буслаевъ уже видитъ въ ихъ заоморфическихъ образахъ и настоящихъ звѣрей, и птицъ, и людей. Въ Опивалѣ и Объѣдалѣ г. Афанасьевъ признаетъ образы бурныхъ тучь, стихійныхъ великановъ (т. II, ст. 703), что не мѣшаетъ однако имъ быть и олицетвореніемъ тѣхъ громадныхъ жертвоприношеній, смутно оставшихся въ памяти народа, когда поѣдались цѣлые быки и выпивались огромные сосуды или корчаги вина и меда; какъ это дѣлаетъ и нашъ позднѣйшій Идолище былинъ, который съѣдаетъ заразъ жаренаго быка и выпиваетъ котелъ меда или пива. Пожирающая своихъ парильщиковъ баня, не-есть-ли также воспоминаніе, о восточныхъ жертвоприношеніяхъ божествамъ, въ родѣ Молоха? А мифическое преданіе о гребнѣ, которое г. Афанасьевъ приравниваетъ къ молніи (т. II, ст. 156—772), не относится ли также и къ мифу о долѣ и недолѣ?.. Славянскія преданія изобра-

Digitized by Google

жаютъ иногда острова подводнымъ царствомъ, почему и священный островъ Святовита не могъ ли въ народныхъ воспоминаньяхъ превратиться также въ образъ морскаго, подводнаго царства, а Святовитъ, т. е. грозный идолъ его, въ морскаго царя; что нисколько не препятствуетъ перенести сюда же и вѣщіе гусли Садко, эти древнія Буддійскія молитвы, и Вольшана, съ его древними астрологическими и гадательными книгами? (См. Рус. был. г. Стасова въ В. Евр. 1870 г. статьи о Садко и Ванькѣ, вдовиномъ сынѣ). Наши богатыри вообще не охотники заниматься земледѣліемъ; таковъ и Иванъ царевичъ, покуда онъ не преобразуется на время въ Илью Муромца; таковъ и Марко-Кралевичъ, который изъ своей сохи дѣлаетъ заставу проѣзжимъ туркамъ (поэз. Слав., изд. г. Гербеля, ст. 78). Иванъ царевичъ есть первообразъ почти всѣхъ позднѣйшихъ богатырей: почему его свойства и приключенія существуютъ отчасти и въ Добрынѣ, и въ Ильѣ, и въ Вольгѣ, и въ Иванѣ Гостиномъ сынѣ,—особенно въ Вольгѣ и Добрынѣ, которые въ сущности носятъ на себѣ его же древній образъ. Что-же касается до упоминаемыхъ Индѣйскомъ морѣ и царствѣ, — то, кажется, можно видѣть въ нихъ страну Вендовъ на Балтійскомъ поморьѣ; а можетъ быть, и настоящія море и царство Индѣйскія, воспоминаніе о которыхъ долго могло жить въ древнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, когда древняя Индія была ихъ прародиной. Позднѣе, нѣкоторыя эпическія личности, какъ извѣстно, могли перейти къ намъ, путемъ устнымъ и книжнымъ, изъ Греціи. Такъ г. Веселовскій между прочимъ указываетъ на былину объ Аникѣ воинѣ и Смерти, и приводитъ дальнѣйшія наслоенія въ ней со стороны нашего народа, который припуталъ къ Аникѣ и нѣкоторыя черты Ильи Муромца, готоваго повернуть всю землю, и древняго Святогора, разъѣзжающаго только по высокимъ горамъ и погрязшаго по грудь подъ сумой Микулы: а прежнюю тягу земли, что лежала въ ней, христіянство превратило уже въ узелки съ землею, въ песокъ и *части св. мощей*, и т. д. (В. Евр. 1865 Апр. ст. 763—775).

12) Библейское свидѣтельство о князѣ Росѣ, исторія почитаетъ не имѣющимъ значенія; но это не мѣшаетъ этому сказанію занять свое мѣсто, какъ преданію. «Сыне человѣчъ, утверди лице твое на Гога и на землю Магога, князя Росъ (Ros), Мосоха и Февеля, и прорцы на ны!» (Іезекіиля. XXXVШ, 2). Здѣсь прямо говорится о грозныхъ толпахъ скифовъ, дѣлавшихъ нападенія на Вавилонъ и Мидію, и въ числѣ ихъ вождей указывается на князя Роса, (см. 36 пр. къ Ш пѣс.) во времена еще самыя отдаленныя. «И если тогда были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?—Не полагать ли ихъ въ Роксоланахъ? Можетъ быть.» (Эверсъ). По Истархи и Ибнъ-Хаукалу, извѣстны ужь были Восточнымъ народамъ три русскихъ племени: у перваго царь живетъ въ Куяіѣ, Кутабѣ (Кіевѣ); второе, — Славія, Новго-

Digitized by Google

родская земля: третье,—Арта, Артанія, между Хазаріей и Румомъ или Дунайскимъ Булгаромъ,—Таматарха, Тмутаракань. Тутъ же и островъ Тамань,—у арабовъ Руссія. Роксоланы, т. е. Аланы на рѣкѣ Роксъ или Росъ, народъ Сарматскій. Они помогали Дакамъ противъ Траяна; живутъ около Чернаго и Азовскаго морей, между Дономъ и Днѣпромъ, безпокоятъ римлянъ на Дунаѣ. Они вооружены длинными копьями, носятъ полотняныя корны, покрытыя роговою чешуей, на подобіе птичьихъ перьевъ. Литовцы зовутъ Ю. Русь гудасами; названіе же гетовъ принадлежитъ группамъ разныхъ народовъ: Геты—Склавины, Велегости—Гостъ или Гастъ. Когда Гунны, Авары, Болгары исчезаютъ, вмѣсто нихъ, одни славяне по всей Вост. Европѣ... (Иловайскій, Рус. Вѣст. 1873 г.). «Подъ названіемъ Гардарика исландскія саги понимали всю Русь вообще: подъ названіемъ Голмгарда — новогородскую область славянъ. Какъ народное, имя Русь есть принадлежность всѣхъ славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ словяно-русскаго союза: такъ племенное, имя Руси принадлежитъ южнымъ племенамъ, искони признававшимъ старѣйшинство Кіева,—сначала только Полянамъ, Древлянамъ, Сѣверянамъ, и, кажется, южнымъ Дреговичамъ; впослѣдствіи и прочимъ, слившимся съ ними юго-славянскимъ народностямъ.» (Гедеоновъ. ст. 37, 40). «О поселеніяхъ Руси на берегахъ Чернаго моря свидѣтельствуетъ Масуди, еще до кн. Владиміра: вверхъ по теченію хозарской рѣки (т. е. Волги) есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитисъ, которое есть море Руссовъ. На этомъ морѣ плаваютъ только они: ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ. Это большой народъ, не имѣющій царя и не признающій религіозныхъ законовъ.» О русскомъ морѣ говоритъ, кажется, и король Альфредъ: о городѣ Malorossa упоминаетъ Равеннскій географъ въ числѣ Таврическихъ чисто греч. городовъ; въ житіи св. Кирилла говорится о евангеліи и псалтири, писанныхъ «роушьскими письмены.» найденныхъ въ Херсонѣ и о бесѣдовавшемъ съ нимъ тамъ же «русинѣ»; въ нѣкоторыхъ рус: хронографахъ сохранилось извѣстіе о походѣ на Сурожъ Руси, подъ предводительствомъ кн. Бравлина, около половины IX в. Языческая Русь возобновляетъ человѣческія жертвоприношенія, нѣкогда совершаемыя въ древней Тавріи, на алтарѣ таврической Артемиды; замѣчательно въ разсказѣ объ этомъ выраженіе: удушеніе, указывающее на общеславянскій религіозный обрядъ, кажется, тѣсно связанный съ поклоненіемъ Индѣйской Сивѣ-Живѣ. (Тамъ-же, ст. 57—62). Египетскій уроженецъ, Ахмедъ-Эль-Катебъ, свидѣтельствуетъ, что въ 229 г. (844 по Р. Х.) въ Севилью, въ Испаніи, ворвались невѣрные, именуемые Русью, и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли; г. Иловайскій предполагаетъ, что этотъ походъ Руссовъ совершился изъ Чернаго моря, по Средиземному (Р. Вѣс. 1873 г.). Съ появленіемъ славянъ на

Digitized by Google

Балтійскомъ поморьѣ,—точно также, какъ на Востокѣ гунны и др., и здѣсь исчезаютъ, предполагавшіяся въ этой мѣстности, нѣмец: племена. Какъ же это могло совершиться? Говорятъ, что нѣмцы ушли воевать въ римской имперіи,—а потому и бросили свои прежнія обиталища, миролюбивымъ племенамъ славянскимъ. На сколько это естественно, на столько же и правдоподобно. «Водворившіеся на остр. Зеландіи, Готы-Даціяне, говоритъ г. Вельтманъ, были окружены со всѣхъ сторонъ русскими областями. Во время Бравалльской битвы, морскими силами начальствовалъ русскій князь Олимиръ (Olimar). Много-различныя прозвища древней Руси или русиновъ обращались историками и географами въ различныхъ народовъ; они слыли безразлично то скифами, то сарматами, то гуннами, то булгарами,то русью. Первенство Кіевскихъ князей обозначается возстаніемъ всей Руси, въ 3 в. по Р. Х. на Готовъ-Даціянъ; подъ продводительствомъ Кыянскаго князя Гано было сто русскихъ князей....» (Ат. ст. 70, 67, 93, 117). «Въ V в. тоже первенство: вся Русь поднимается сначала подъ преводительствомъ Кыянскаго князя Болемира, потомъ довершаетъ побѣды подъ предводительствомъ Аттилы. Сынъ датскаго короля, Фродо III, Фридлевъ, рожденный отъ Ганучы, дочери Гуннскаго царя, воспитывался у дѣда своего, въ Россіи (in Russia)» (Тамъ же, ст. 117—118). Въ названіяхъ прибалтійскихъ славянъ руговъ, рутеновъ, нѣкоторые видятъ также, искаженное иноземцами, названіе Руссовъ. «Нѣмецкіе лѣтописцы называютъ Ольгу — Helena regina Rugorum, а островъ Рую,—Rugia sive melius Ruscia. Прилегающій къ устью Нѣмана морской берегъ именовался русскою землею: вывести Русь изъ русской земли, говоритъ г. Гедеоновъ, было легко.» (О вар. вопр. ст. 52). «Исторія, выводы лингвистическіе, соображенія здраваго смысла, продолжаетъ онъ, убѣждаютъ насъ, что варяжское имя родилось не у Норманновъ; это имя не ученое, неизобрѣтенное, не перенесенное въ раннія времена изъ позднѣйшихъ; оно жило въ русскомъ народѣ; о немъ свидѣтельствуютъ какъ названія мѣста и людей, такъ и достовѣрные историческіе документы... Въ древне балтійско-славянскомъ словарѣ, въ числѣ уцѣлѣвшихъ и собранныхъ въ концѣ XVIII ст. древлянскихъ словъ, находимъ: warang, мечь. Вотъ живое слав. слово, соотвѣтствующее, какъ по строенію, такъ и по смыслу словено-русскому.—варягъ; едва ли нужно доказывать однозначимость мечника и меча. При безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, Балтійскіе воинственные Венды, то дружили съ ними, то воевали; у Норманновъ отчаянные храбрецы назывались Vikingar, у вендовъ имени viking соотвѣтствовало варягъ, варяги, почему и самое море звалось Варяжскимъ.» (О вар. вопр. ст. 142—162).

13) См. выше, прим. 9.

14) Описаніе это славянскихъ племенъ, по ихъ мѣстностямъ,

Digitized by Google

заимствовано изъ соч. Венелина, о Болгарахъ, и Савельева, о древ. славянахъ. Всѣ поименованныя племена, въ томъ числѣ и Боевъ, они причисляютъ къ племенамъ славянскимъ. Не опровергая и не поддерживая этого воззрѣнія, можно однако согласиться, кажется, что всѣ древнія народныя или племенныя названія, въ которыхъ слышатся прозвища ваповъ и виндовъ, должны неоспоримо принадлежать племенамъ чисто славянскимъ. Къ такимъ мѣстностямъ относится и Винделиція, страна въ Германіи, гдѣ жили древніе франки (нынѣшняя Франконія). Г. Бергманъ полагаетъ,—«что родовое имя Frank произошло отъ Frav (господинъ, слав: Правъ или Прій), собственное имя слав: божества, (p. Fravink, issu de Frav); а отъ этого и имя Франковъ (Franks), которые, живя въ сосѣдствѣ славянъ, имѣли полное право производить свой родъ отъ ихъ божества, тѣмъ болѣе, что франки, поселившіеся потомъ на Рейнѣ, назывались Volsings, (происходящими отъ Волоса), отъ слав. бога Волоса (Vols), который почитался сыномъ Frav (Прія)». (Fasc. de Gulf, p. 26). «Этого-то бога Fro (господинъ) нѣмецкія племена, вѣроятно, и называли Hlaiv-Verts (кормильцемъ, Donne-pain, laib-wirts). Франки воздвигли Волосу престолъ (un autel) и сдѣлали на этомъ престолѣ руническими буквами, заимствованными изъ греческой азбуки, слѣдующую надпись: «Волосу, сыну бога-Кормильца», — (fils de Hlaiv-virts). Римляне, обитавшіе на Рейнѣ, слыша отъ франковъ, что слово Voloss значитъ бродячій (пастухъ?) и видя на его престолѣ надпись греч. буквами, вообразили, что Волосъ никто другой, какъ греческій герой Uluss (Ulyss), сынъ Лаэрта, символъ бродячаго Солнца (V. Tacit, Germ. c. 3), и что Улиссъ, достигнувъ во время своего странствованія береговъ Рейна, сдѣлался родоначальникомъ этихъ Volsings». (Les Gèt, p. 200). Дѣйствительно, Велесъ или Волосъ,—богъ чисто славянскій: «онъ только особое прозванье Громовника, какъ пастыря небесныхъ стадъ, облаковъ, онъ же у славянъ и богъ поэзіи, — Баянъ называется «Велессовымъ внукомъ». Подобно греч. Аполлону, онъ пастухъ, скотій богъ, и занимаетъ второе мѣсто за Перуномъ. Вецерадъ сравниваетъ его съ Паномъ. У чеховъ существуетъ поговорка: zbletèt nèkam za morè k Welesu, пропасть невѣдомо куда. Въ Рязанской губ. велесъ (велѣцъ) означаетъ распорядителя, укащика, подобно тому, какъ санскр. go—pa, сначала означаетъ пастуха, а потомъ родоначальника, царя. Отъ санскр. же корня pâ (pasco, пасти), происходятъ: Pan,—богъ пастуховъ у грековъ и римлянъ, и славян: панъ,—господинъ и пастырь; послѣдній, не только какъ пастухъ, но и какъ священникъ и царь, пастыри народа. А какъ земные урожаи зависятъ отъ дождя, проливаемаго небесными стадами, тучами; то Велесъ почитается у насъ и богомъ земледѣльцевъ: почему и существуетъ извѣстный обычай, завивать Волосу бороду, т. е. оставлять въ полѣ кустъ несжатаго хлѣба, Волоткѣ на бородку». (Аф. т. I,

Digitized by Google

ст. 474, 401—402, 691—696, 697, 698). Венелинъ же полагаетъ, и нѣкоторые другіе съ нимъ, что какъ римляне назвали вообще слав: и нѣм: племена, жившія между Рейномъ и Эльбой, Германіей, т. е. братовщиной, по ихъ родственному сходству между собой; такъ точно они дали и названіе Франковъ жителямъ слав. земли Винделиціи, т. е. людей свободныхъ: такъ какъ они не имѣли надъ собой во главѣ князя, чего почти не встрѣчалось между другими славянскими племенами. Весьма возможно, что франки соорудили алтарь Велесу, какъ родному божеству, а можетъ быть, какъ и своему родоначальнику, такъ какъ еще древніе скифы считали себя происходящими отъ бога Солнца. Что же касается до надписи руническими буквами, то и у славянъ были также своего рода руны, полученныя отъ грековъ Ольвіополя. Черноризецъ Храбръ (XIII в.) говоритъ: «прежде оубо славяне не имѣх ж писмен. нж чрътами и нарѣзами чьтѣхѫ и гадахѫ еще сѫщи погани». Отсюда видно соотвѣтствіе славянской чары съ скандинавской руною. Слово же чара употребляется, какъ волшебное средство, лѣкарство, отрава (злое зѣлье), предвѣщаніе; а у чеховъ çaга, casca—черта». (Аф. т. I, ст. 412).

15) Въ пастушескомъ состояніи жертвоприношенія совершались главою семейства или племени, который приносилъ въ жертву лучшихъ животныхъ изъ своего стада; а потомъ, чтобы лучше расположить къ себѣ божество, стали приносить въ жертву и знатныхъ плѣнниковъ. Убивали жертвенное животное, и снявши съ него кожу, мясо жарили на кострѣ или варили въ котлахъ, сожигая отобранную для бога часть тутъ же на огнѣ или развѣшивая эти части по деревьямъ. По собранной въ особыхъ котлахъ крови, производились гаданья, а потомъ слѣдовалъ общій пиръ и попойка до опьянѣнія. Такъ было у скифовъ, такъ было и у древнихъ славянъ и нѣмцевъ (Les Gèt. p. 274—280). У славянъ, на Балтійскомъ поморьѣ и на Лабѣ, жертвы приносились жрецами передъ идолами, передъ священными деревьями и даже передъ пнями или столбами, какой стоялъ въ Волинѣ,—и едва ли, одинъ изъ остатковъ которыхъ не стоитъ еще въ Вѣнѣ, на площади близь церкви св. Стефана. Въ иныхъ мѣстахъ никто, кромѣ главныхъ жрецовъ, не смѣлъ вступать ни въ святилище, ни въ священныя рощи, обнесенныя тыномъ; въ другихъ же скрывали отъ народа и самое лице бога или богини,—(увидѣть ихъ значило умереть), какъ напр. Матери-Земли. Жрецъ, заколовъ жертву, отвѣдывалъ ея крови, чтобы вдохновить себя къ прорицаніямъ. Боги считались высшими владыками страны; подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ были кутины или гонтины, (по мнѣнію г. Вельтмана, гостины), куда собирались для совѣта и пировъ. (Ист. Балг. сл. ст. 197—298). У чеховъ приносили жертвы сами вожди, какъ видно изъ пѣсни о Забоѣ. О нашихъ русскихъ жертвоприноше-

Digitized by Google

ніяхъ осталось мало преданій; мы знаемъ только, что у насъ приносились также и человѣческія жертвы, что древніе руссы имѣли также священные лѣса, поклонялись идоламъ, источникамъ и рощеніямъ, деревьямъ. Изъ дошедшей до насъ одной древней пѣсни можно видѣть, что общественныя жертвы приносились въ священномъ лѣсу, старѣйшиной или жрецомъ; при этомъ стояли скамьи, на которыхъ, вѣроятно, садился народъ, горѣли костры, кипѣли котлы, или жертву топили въ водѣ, и т. д.

16) Извѣстно, что землевладѣльцы начали постоянно жить въ своихъ имѣніяхъ, т. е. въ принадлежащихъ имъ сельскихъ замкахъ, и что на Западѣ, въ прежнихъ римскихъ областяхъ, появились дружинное начало и самостоятельная личность, только съ нашествіемъ сѣвер. варваровъ, которые принесли все это съ собою, такъ какъ у римлянъ была только жизнь городская и всякая частная личность исчезала въ званіи гражданина и воина. (Hist. de la civil: en Europe, par Guizot).

17) Историческій Аттила, завоевавши всѣ страны отъ Дуная и Дона до Рейна, долженъ былъ имѣть у себя въ войскѣ представителей не только славянъ, но и самыхъ разнородныхъ племенъ, стоявшихъ еще на самой низкой степени развитія, также и племенъ ближайшаго Востока, какъ напр. хозары. Точно такою обстановка его изображена и въ героической поэмѣ: Нибелунги.

18) Семь ангельскихъ волосовъ, а по другимъ редакціямъ, два такихъ волоса, и самое имя Самсона, переносятъ насъ въ міръ библейскій; но преданіе о золотыхъ волосахъ существуетъ и въ язычествѣ. По словамъ г. Афанасьева, одна нѣмецкая сказка упоминаетъ о чортѣ-драконѣ, съ тремя золотыми волосами; таже сказка, въ норвежской редакціи, говоритъ о трехъ перьяхъ, вырванныхъ изъ хвоста убитаго дракона. Я. Гриммъ сближаетъ эту сказку съ старинной сказкой о Торкиллѣ (Торѣ), который у царя вашкановъ, по ту сторону великихъ водъ, вырвалъ одинъ изъ его огромныхъ, копью-подобныхъ, волосъ. «Любуясь на золотистый извивъ молніи, продолжаетъ г. Афанасьевъ, па ающей изъ черной тучи тонкой нитью на землю, древній человѣкъ выразилъ это явленіе въ поэтическомъ сказаньи о драконѣ, у котораго богъ-Громовникъ вырываетъ золотой волосъ; съ каждымъ утраченнымъ волосомъ чудовище болѣе и болѣе теряетъ свою силу. Греческія сказки утверждаютъ, что сила дракона именно заключена въ трехъ золотыхъ его волосахъ; а русская былина, связывая стародавній мифъ съ библейскимъ преданіемъ о Самсонѣ, говоритъ, что у Самсона-богатыря «семь власовъ ангельскихъ». Въ старину думали, что волосы дѣлаютъ колдуна нечувствительнымъ къ боли... «(Т. II, ст. 770—771). Затѣмъ,—«самое это приравненіе Самсона-богатыря къ древнимъ сѣверн. великанамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Святогоръ, свидѣтельствуетъ, что народная фантазія произ-

Digitized by Google

вела его изъ первобытнаго образа этого послѣдняго; а потомъ, давши ему эти золотые или ангельскіе волосы, она не задумалась сдѣлать его, какъ новую уже личность, какъ бы освященную именемъ Самсона и этими чудесными волосами, крестнымъ отцомъ Ильи Муромца,—что съ другой стороны впрочемъ истекаетъ само собою и изъ того языческаго преданія, что Святогоръ былъ нѣкогда воспитателемъ или учителемъ Ильи, въ похваткахъ богатырскихъ, какъ нѣкогда Полканъ центавръ молодаго Ахиллеса».

19) Какимъ образомъ совершилось превращеніе древняго Шушпана, дива или богатыря засухи. Царь-огня, въ Сухмана, лѣснаго богатыря, былины умалчиваютъ. Огненныя начала могли въ немъ оставаться и послѣ этого превращенія, также какъ древній богъ Агни таится еще въ сканд. героѣ Högni или Гагенѣ. «Каково бы ни было первоначальное значеніе Сухмана, говоритъ г. Буслаевъ (Р. вѣстн. 1862, Марта. ст. 35), но былина о немъ даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Также, какъ Донъ и Дунай, онъ даетъ начало рѣкѣ... Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденіи вообще воды отъ крови... Преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса (въ легендѣ о Егоріи)»... Г. Миллеръ, подъ именемъ древняго Сухмана, видитъ другаго, новѣйшаго богатыря и причисляетъ его къ той эпохѣ, когда «поздній Владиміръ—не прежнее ясное солнышко былевое, а солнце затмившееся»,—когда вкругъ князя ужь вѣрные холопы, этотъ позднѣйшій дворской людъ, и самъ князь считается ласковымъ, только по прежнему прозвищу». (Ил. Мур. ст. 617—620). Во всякомъ случаѣ, поклоненіе Зничу можно почитать поклоненіемъ небесному, живому, царю — Огню (Агни), сыну Солнца, отъ кого произошелъ и древній Сухманъ, образъ котораго особенно поразителенъ въ лѣсныхъ пожарахъ. (См. 5 прим. къ Ш пѣсн.).

20) Въ образѣ Васьки Буслаева, сына угрюмаго, строгаго посадника Новгородскаго, наши былины олицетворяютъ расходившуюся удаль Новгородской вольницы и городскихъ усобицъ. «Былины о Васильѣ Буслаевѣ. говоритъ г. Буслаевъ, всего ярче рисуютъ древній Новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народ: эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ Новгородскихъ партій и о борьбѣ съ княжеской властью партіи, народной и городской. Старчище Пилигримище уговариваетъ богатырское сердце Василья, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ; но онъ и его убиваетъ или гонитъ прочь. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали запад. трубадуры; но былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юно-

Digitized by Google

шескими его увлеченіями. «Съ молоду бито много, граблено: подъ старость надо душу спасти», говоритъ Василій и отправляется въ Іерусалимъ; но и тамъ не можетъ укротить своего нрава, и гибнетъ, желая скочить задомъ черезъ (чудесный) бѣлъ-горюч камень». (Руск. вѣстн. 1862, Окт. 545—549). По другимъ же преданіямъ, Василій утонулъ въ морской тысячеглазой пучинѣ. Г. Миллеръ находитъ въ немъ сходство съ Вольгой Всеславичемъ, который въ одной былинѣ даже и названъ неправильно Буслаевичемъ (конечно, по ошибкѣ); а въ старчищѣ Пилигримищѣ (искаженное слово) видитъ древняго отца или сосѣда богатыря Святогора, слѣпаго старчище, многолѣтище Билогремище, носившаго на головѣ колоколъ въ триста пудовъ, уларяя въ который онъ скликалъ по темнымъ лѣсамъ свою дружину, и также напоминающаго того калинчищу, что встрѣчается въ разныхъ былинахъ, а въ Новгородскихъ является крестнымъ отцомъ Василья. (Ил. Мур. ст. 193, 200, 240—241). Василій является даже и при дворѣ кн. Владиміра, въ Кіевѣ, и бьется тамъ, вмѣстѣ съ другими богатырями Владимірова круга, въ глазахъ князя, потѣшнымъ боемъ съ Дюкомъ (выходцемъ изъ Поморской Волыни, древ. Волина), который впрочемъ его побѣждаетъ, какъ и другихъ богатырей, хотя Васька и «удалъ необычайно есть». (Тамъ же, ст. 608). По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, Васька ищетъ также, слѣдующаго ему по наслѣдству отъ отца, посадника Буслая Буслаевича, первенства или главенства въ Новгородѣ. (Р. вѣст. 1874, Окт.). Замѣтимъ кстати, что Новгородъ уже исторически извѣстенъ въ III—IV стол., во время завоеваній готскаго Эрманарика, — подъ названіемъ Novego.

21) Какъ Васька Буслаевъ есть представитель Новгородской вольницы, такъ Садко, богатый гость,—представитель богатаго Новгородскаго купечества, издревле имѣвшаго сношенія съ Западомъ. Если въ этомъ образѣ воплотилось, по мнѣнію г. Стасова, одно изъ буддійскихъ преданій,—именно, о королевичѣ тибетской поэмы, Дзанглунъ,—королевскомъ сынѣ Гедона, который отправляется въ обществѣ пятисотъ купцовъ, чтобы добыть себѣ чудесный камень Чинтамани, для вспомоществованія бѣднымъ (В. Ев. 1868 г. Март. ст. 355); то буддійское ученіе начало еще за нѣсколько вѣк. до Р. Х. распространяться по Востоку, и эта легенда могла быть занесена вендами на Балтійское поморье, а оттуда потомъ въ Новгородъ, въ чьей области, по мнѣнію г. Гедеонова, были также древнѣйшія поселенія вендовъ. (О вар. вопр. ст. 160). Образовался ли нашъ славянскій Садко еще въ Волинѣ или въ другомъ богатомъ, торговомъ городѣ на балт. поморьѣ; но въ Новгородѣ онъ уже совершенно сложился въ славянскій типъ отважнаго торговаго гостя Новгородскаго или Варяжскаго; онъ разъѣзжаетъ по морю и потомъ по Волгѣ, отъ которой привозитъ по-

Digitized by Google

клонъ Ильменю; онъ приноситъ жертву рѣкамъ хлѣбомъ-солью и частью своего богатства, онъ даже спускается въ глубь моря,— можетъ быть, въ очень отдаленныя страны приморскія, и возвращается съ безсчетнымъ богатствомъ. Его чудесныя гусли принадлежатъ еще къ мифическимъ преданіямъ; но въ славянскомъ быту не составляютъ анахронизма; также какъ и храмы, что онъ строитъ въ Новгородѣ, и которые дѣйствительно тамъ строились во множествѣ богатыми частными лицами. Если его первообразъ и можно искать въ Индіи или въ Тибетѣ; то нашъ Новгородскій Садко могъ всего скорѣе быть возсозданъ или явиться впервые, только на торговомъ Славянскомъ Поморьѣ или въ самомъ древнемъ еще Новгородѣ.

22) Г. проф. Буслаевъ, въ образѣ древняго, мифическаго Егорія, видитъ творца, устроителя русской земли, Финскаго Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса (см. 35 прим. ко II пѣс.); но во времена христіянства, народная фантазія успѣла измѣнить, по чувству приличія, эту древнѣйшую языческую легенду, въ новую, чисто православную. Тотъ древній герой, устроитель русской земли, является ужь предстателемъ, вводителемъ въ ней христіянства; онъ строитъ церкви, уничтожаетъ слѣды язычества, и посылаетъ креститься. Въ этомъ смыслѣ приведено это преданіе и здѣсь; какъ оно и значится въ народныхъ духовныхъ стихотвореніяхъ. (Кал. перех. ст. 449). По мнѣнію г. Шеппинга, Егорій храбрый,— мифическій полубогъ, сознательный устроитель вселенной, одинъ изъ образовъ Ивана царевича; также, какъ потомъ и Микула, богатырь-пахарь, устроитель земли русской, т. е. древнѣйшій, полумифическій представитель осѣдлаго сельскаго народонаселенія. (Рус. нар. ст. 129—131). Въ настоящихъ стихахъ, — это уже устроитель въ русской землѣ, высшей степени тогдашняго ея развитія,— начинающагося православія.

23) По нашимъ полуистори ческимъ преданіямъ, виновникомъ призванія варяжскихъ князей считается Гостомыслъ, такой же старѣйшина, представитель давно осѣдлаго народа, глава рода-племени, какъ и Микула; почему ихъ образы и значеніе въ этомъ отношеніи совершенно тождественны. Гостомыслъ въ этомъ призваніи дѣйствовалъ, какъ-бы самъ Микула, для котораго внутренній миръ и порядокъ были всего нужнѣе; можно сказать, что въ настоящемъ случаѣ они оба сливаются въ одинъ образъ. Призваніемъ же князей прежній глава народный какъ-бы уступаетъ имъ свое мѣсто въ управленіи народа, и слагаетъ съ себя свои обязанности и отвѣтственность, которыя прямо переходятъ на нихъ, отнынѣ правителей народныхъ. Одинъ лишь Микула могъ дать своей странѣ единство, чрезъ призваніе князей, а не черезъ завоеваніе,— и онъ, въ лицѣ Гостомысла, двойника своего, это сдѣлалъ; завоеванія начались уже позже.

24) Микула Селяниновичъ, т. е. нашъ сельскій народъ, остав-

Digitized by Google

ленный исторіей и сложившимся государствомъ еще въ сумракѣ преданій, лишенный столь долгое время возможности выдти на свѣтъ Божій, живетъ, конечно, и понынѣ въ своемъ воображеніи подъ впечатлѣніями сказочнаго прошедшаго. У него своя исторія и, пожалуй, свои особыя вѣрованія, потерявшія давно всякое значеніе въ глазахъ людей образованныхъ. Самые богатыри еще живы, исключая тѣхъ, которые уплыли еще въ древности въ воздушныхъ ладьяхъ или тучахъ въ небесное царство Рода или окаменѣли на землѣ. Но послѣдніе также живутъ въ подземныхъ пещерахъ, и только ждутъ поры-времени, когда имъ будетъ можно явиться опять на свѣтъ вольный. Подсмотрѣвъ вначалѣ временъ, что дѣлается у боговъ на небѣ, народъ перенесъ эти впечатлѣнія на землю. Вѣроятно, и прежде Кіева были мѣстности, священныя для народа, гдѣ онъ сосредоточивалъ боговъ и полубоговъ своихъ, и старшихъ богатырей, напр. Руйный островъ и другія мѣста. Кіевъ, среда старины, колыбель христіянства, мѣстопребываніе любимаго народнаго князя, котораго народъ почти одного и запомнилъ въ древности, замѣнилъ собой въ его воображеніи всѣ померкшія въ христіянствѣ священныя мѣста древности, и сдѣлался русскимъ Асгардомъ, жилищемъ краснаго Солнца и его сподвижниковъ,—древнѣйшихъ преданій, уже золотимыхъ зарей православія. Древніе боги превратились въ богатырей и обыкновенныхъ князей; языческіе образы начинаютъ смѣшиваться съ христіянскими, чудесное сливается съ преданіями историческими,—и все это вмѣщается въ стольномъ Кіевѣ, единственномъ мѣстѣ, что народъ нашелъ того достойнымъ. Доисторическій періодъ здѣсь раздвигается до начала временъ и потомъ сливается съ исторіей; Донъ и Дунай истекаютъ кровью, Святогоръ-титанъ сидитъ возлѣ князя Владиміра, и въ тоже время, небо меркнетъ надъ Кіевомъ, отъ конинаго пара, облегающихъ его татаръ, литовцы и ляхи съѣзжаются на пиры Владиміровы. Иногда Кіевъ смѣшивается даже съ Москвой, древнѣйшіе языческіе образы совсѣмъ облекаются въ христіянскіе; но иначе и не могло быть: въ фантастическомъ Кіевѣ встрѣтились тѣ и другіе, и потомъ слились между собою, и окаменѣли, какъ тѣ богатыри, которыхъ высшая сила христіянства замкнула наконецъ въ пещеры. Микула не могъ поступить иначе, и этотъ чудесный Кіевъ сталъ послѣднимъ его творчествомъ въ области всѣхъ древнихъ его преданій.

25) См. выше, прим. 10.

26) Преданія о сидняхъ начинаются еще въ Индіи; у насъ также, еще до Ильи, былъ долголѣтній сидѣнь Иванъ, крестьянскій сынъ, въ которомъ г. Шеппингъ видитъ древнѣйшаго Ивана царевича. «Какъ Илья Муромецъ, такъ и Иванъ царевичъ, продолжаетъ онъ, оба представители всей земли русской, преимущественно того сословія, которое тѣснѣе другихъ трудомъ своимъ непосредственно

Digitized by Google

связано съ землею». (Рус. нар. ст. 133, 134). Чудесная брага или вода, напившись которой, по требованію таинственныхъ пришельцевъ, Илья сталъ на ноги и мгновенно получилъ свою богатырскую силу, ведетъ свое начало еще отъ живой воды небесныхъ облаковъ, посредствомъ которой оживляется вся природа. «Чудодѣйственное пойло, говоритъ г. Буслаевъ, мотивъ обыкновенный не въ однѣхъ рус. сказкахъ». (Рус. вѣс. 1862. Сент. ст. 45). Но съ христіянскимъ развитіемъ народа, въ этомъ питьѣ слѣдуетъ подразумѣвать высшую исцѣляющую и обновляющую силу; по инымъ нашимъ преданіямъ, Илью подымаетъ съ сидѣнья Христосъ съ однимъ изъ апостоловъ или съ Николаемъ чудотворцемъ. Такимъ образомъ мифическая живая вода превращается въ воду жизни, въ духа свѣта и разумѣнія. «Подновляя доисторическое преданіе христіянскими идеями, продолжаетъ г. Буслаевъ, народъ разсказываетъ даже, что Илья Муромецъ и сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ своего дѣда, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и будто бы Илья и всталъ впервые на ноги, когда возгласили въ церкви: Христосъ Воскресе, въ ночь на свѣтлое воскресенье, такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ Ростовскимъ объ Аврааміи»... (Тамъ же, ст. 45). Илья Муромецъ, въ которомъ олицетворились древній Перунъ и потомъ Илья пророкъ, покровители земледѣлія, и какъ герой, родившійся изъ крестьянъ, прежде всего и заявляетъ свои богатырскія силы въ трудахъ земледѣлія. Прежде всего онъ является богатыремъ-земледѣльцемъ, и этимъ показываетъ, что онъ преемникъ мифическаго Микулы Селяниновича. «Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильей: такъ, даже древнѣйшія преданія о переворотахъ, совершившихся нѣкогда въ самой природѣ, муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ, говоритъ г. Буслаевъ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ, въ честь его воздвигнутый: такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами». (Тамъ же, ст. 46).

27) Первообразъ знаменитаго коня богатыря нашего Ивана, гостинаго сына, г. Стасовъ находитъ въ индѣйскомъ божественномъ конѣ Уччаисравасъ, что значитъ: «съ навостренными ушами», — сынѣ океана, конѣ Индры, какъ бога воздуха и временъ года. Двѣ сестры спорятъ о немъ и бьются объ закладъ,—впрочемъ не о скорости его бѣга, а о черной или бѣлой его масти, что указываетъ на космическія подробности. По смыслу разсказа, свѣтлый цвѣтъ долженъ побѣдить черный, т. е. бѣлый конь обогнать воронаго. Въ этомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ Магабгаратѣ, рѣчь идетъ только объ одномъ конѣ; но въ сказкахъ Сомадевы говорится ужь о нѣсколькихъ коняхъ... (В. Евр. 1868). Конь Уччаисравасъ едва

Digitized by Google

ли не можетъ считаться и первообразомъ кобылки Микулиной; кобылка эта называется: Обнеси голова и Подыми голова; а конь Магабгараты, съ навостренными ушами; она же почитается и родоначальницей чудесныхъ коней Ильи, Добрыни, Дюка и Чурилы; но въ числѣ ихъ коня Ивана гостинаго, бурушки-каурушки, не упоминается. Объ этихъ коняхъ, также о чудесныхъ мечахъ и стрѣлахъ нашихъ былинъ, см. Рус. гер. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862. Сент. 94, 97, 98, 99).

28) Вооружившись богатыремъ, Илья Муромецъ отправляется какъ будто прямо въ Кіевъ, куда ужь тянетъ всѣ живыя силы земли русской; однако мы видимъ его вдругъ на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ какъ бы запасается силой и подвигами, чтобы предстать въ Кіевъ богатыремъ извѣстнымъ, достойнымъ своего призванія. По одному сказанію, онъ получаетъ богатырскую силу еще дома, въ селѣ Карачаровѣ; «по другому, говоритъ г. Буслаевъ, Илья наслѣдуетъ силу отъ Святогора, который, въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и Муромскимъ богатыремъ». (Рус. вѣс. 1862. Сент. ст. 47). Едва ли эти сказанія не пополняютъ одно другое: принявъ силу нравственную, духовную, которая подняла Илью-сидня на ноги, Илья долженъ еще усвоить богатырскія ухватки или пріемы силы богатырской, физической, или дополнить эту силу силой нравственной, если Илья былъ знакомъ съ Святогоромъ еще прежде сказаннаго своего сидѣнья,—какъ думаютъ нѣкоторые. И вотъ, титанъ Святогоръ учитъ его первымъ и передаетъ ему часть своей силы титанической. «Народъ какъ бы заставляетъ своихъ богатырей раздѣлять свой собственный взглядъ, говоритъ г. проф. Миллеръ, и видитъ ту рѣшительную необходимость перемѣнить ихъ, которая на языкѣ древнихъ вѣрованій носитъ наименованіе рока, судьбы. Для Святогора богатыря, по народному представленію, уже окончательно произнесенъ приговоръ,—сойти съ лица земли (Ил. Мур. ст. 245): и самъ богатырь Святогоръ дѣлаетъ Илью своимъ преемникомъ, какъ личность болѣе уже подходящую къ новой эпохѣ. Какъ Перунъ, такъ и Торъ, оба они, оставаясь покровителями земледѣлья, съ тѣмъ вмѣстѣ и враги нечистой силы, мстители за оскорбленныхъ и угнетенныхъ. Первый даже бросаетъ громы и молніи, копья, стрѣлы и градъ, на цѣлую деревню, немилостивые жители которой не хотѣли дать ночлега Дѣвѣ Богородицѣ, во время ея странствія по землѣ. Въ этомъ преданіи, конечно, Богородица замѣнила древнее небесное божество Dèwa (Дива, нашихъ старин. памятниковъ). (Аф. т. I, ст. 225). Какъ и слѣдовало, Илья Муромецъ наслѣдуетъ отъ своихъ первообразовъ и эти благородныя качества, и становится покровителемъ вдовъ и сиротъ, всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и врагомъ древней демонической или титанической силы.

Digitized by Google

Онъ даже не хочетъ кровавить своего меча кровью христіанской, что и исполняетъ при встрѣчѣ съ разбойниками.

29) Илья муромецъ, какъ новый образъ древняго Громовника, является изъ того древняго стихійнаго міра,—представителемъ уже новаго христіянскаго богатырства. «Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи, говоритъ г. Буслаевъ. Не ихъ ли должно разумѣть подъ старшими богатырями, которые неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю поѣздку?» (Рус. вѣст. 1862, мар. ст- 23). Изъ этого можно вывести прямое заключеніе и о личности Соловья разбойника. Въ то время, какъ Илья муромецъ изъ образа Перуна превращается въ образъ свѣтлаго русскаго богатыря; въ тоже время народная фантазія превращаетъ и Соловья, древняго стихійнаго представителя грозы и бури, а потомъ главу дивовъ,—въ лѣснаго разбойника. Г. Кавшинъ-Самаринъ видитъ въ немъ представителя вятичей, крестившихся лишь при Мономахѣ, или разбойника Могута (Бесѣда, 1872 г. IV.); а г. Буслаевъ, усматривая въ немъ также главу отдѣльнаго племени (Рус. вѣст. 1862, мар. ст. 59, 60), въ одной изъ послѣдующихъ статей своихъ говоритъ: «замѣчаніе Каспари, что высшія деревья, привлекающія на себя громовые удары, должны были естественно стать у многихъ народовъ первоначальнымъ мѣстомъ для жертвоприношеній, кажется, слѣдуетъ сблизить съ обычаемъ нѣкоторыхъ дикарей селиться на деревьяхъ. Въ такомъ случаѣ, Соловей разбойникъ, гнѣздящійся на девяти дубахъ, какъ разъ, будетъ соотвѣтствовать жрецу Соловью, упоминаемому въ Якимовской лѣтописи; тѣмъ болѣе, что литовская хроника знаетъ именно такого жреца, который былъ найденъ на деревѣ въ орлиномъ гнѣздѣ, почему и названъ былъ Лыдзейко, (отъ лит. слова: lizdas, гнѣздо.» (Рус. вѣст, 1873 г. окт. ст. 746).

30) Извѣстно, что пораженіе Соловья разбойника, котораго Илья муромецъ потомъ везетъ въ торокахъ у сѣдла въ стольный Кіевъ, почитается въ народѣ главнымъ подвигомъ Ильи; почему этотъ подвигъ его и есть самый общеизвѣстный. Совершивши такой подвигъ, Илья могъ считать себя въ правѣ, предстать предъ красное Солнышко Владиміра и занять мѣсто въ средѣ богатырей его, въ Кіевѣ.

Digitized by Google

Къ 6-й пѣсни.

1) Съ развитіемъ въ народѣ государственныхъ началъ, древній мифическій Кіевъ, нашъ русскій Асгардъ Солнышки-краснаго и его богатырей, начинаетъ превращаться въ обыкновеный стольный городъ, мать городовъ русскихъ; а князь красное Солнышко и богатыри его—въ обыкновеннаго стольнаго князя, окруженнаго обыкновеннымъ дворомъ, и въ дружинниковъ. Старшіе богатыри, одинъ за другимъ исчезаютъ; остаются только дворъ и дружина. Въ Кіевѣ появляются золотыя маковки церквей; языческіе калики перехожіе превратились уже въ православныхъ паломниковъ; самъ Владиміръ, бывшій божественный родоначальникъ славянъ, какъ будто постарѣлъ, и въ немъ уже начались старческія брюзгливость и подозрительность. Онъ охотно слушаетъ придворныхъ льстецовъ и наушниковъ; къ старшимъ богатырямъ не имѣетъ болѣе довѣрія, да не особенно ужь дорожитъ и новыми, которыхъ совсѣмъ заслонилъ его дворъ, князья и бояре. Печать древности еще лежитъ на его мифической обстановкѣ и на немъ самомъ но врывающіяся уже отвсюду государственныя и сословныя начала и новый свѣтъ начинаютъ придавать имъ новый характеръ и новое освѣщеніе. Илья муромецъ, по всѣмъ народнымъ разсказамъ, пріѣзжаетъ въ стольный Кіевъ именно въ эту пору, т. е. во дни уже христіянства, и самъ христіяниномъ; Самсонъ богатырь почитается крестнымъ отцомъ его. Хотя онъ и застаетъ у Владиміра еще Святогора; но это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ былинахъ анахронизмовъ: всего скорѣе, кажется, подъ этимъ именемъ надо разумѣть того самаго крестнаго отца его, Самсона. Добрыня, племянникъ Владиміра, называется уже княземъ Рязанскимъ; нѣкоторые изъ другихъ богатырей, какъ напр. Чурила, имѣютъ придворныя должности; другіе, какъ Донъ и Дунай, ѣздятъ въ дальнія страны послами или стоятъ на богатырскихъ заставахъ. Мифологія смѣшивается уже съ историческими преданьями, что и продолжается до Московскаго періода, покуда торжествующая Москва даетъ новый характеръ и странѣ, и народу, оставивши баснословный, но все-таки священный, древній, народный Кіевъ въ туманѣ.

2) Меньшая дочь Микулы, которую по древнѣйшимъ арійскимъ преданіямъ, слѣдовало бы, кажется, называть Пріей, Правой, а потомъ Ваной, (см. 24 прим. къ II пѣсни), въ нашихъ былинахъ является уже подъ христіянскимъ именемъ Марьи,—и кромѣ этого обновленнаго или совсѣмъ новаго имени, нѣтъ о ней больше, повидимому, никакихъ преданій. Старшая ея сестра, Василиса (Грозная), вышла замужъ за боярина Ставра; а другая сестра, Настасья, (Поленица) за Добрыню; о ней же ни слова. Но ни въ сказкахъ,

Digitized by Google

ни въ пѣсняхъ ея образъ и ея подновленное имя не исчезаютъ, и она величается суженой Ивана царевича. «Замѣчательно, говоритъ г. Шеппингъ, что какъ въ сказкахъ суженая Ивана (царевича) большею частью носитъ имя Марьи, такъ и въ пѣсняхъ и въ приговорахъ народъ постоянно любитъ соединять эти два имени; таково, напр., названіе цвѣтка Иванъ да Марья, или,— Иванъ въ дуду играетъ, а Марья съ голоду умираетъ; Иванъ былъ въ ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ; Иванъ Марьи не слухаетъ, и пр.

Какъ нынче Иванъ съ Марьею
За однимъ столомъ сидятъ,
Какъ нынче Иванъ съ Марьею
Все одни яства ѣдятъ.

Или:

Иванъ да Марья
На горѣ купалыся,
Гдѣ Иванъ купався,
Тамъ вода колыхався;
Гдѣ Марья купалыся,
Тамъ трава растилалыся."

«Замѣтимъ еще, что какъ въ нашихъ мифическихъ преданіяхъ имя Ивана слилось и отождествилось съ прозвищемъ Купалы; такъ въ купальныхъ пѣсняхъ, въ особенности въ Малороссіи, весьма часто слышится соединеніе именъ Купалы и Маренички, Мары или Марены, бывшей нѣкогда названіемъ языческой богини *осени*, которое могло легко имѣть вліяніе на выборъ въ нашихъ пѣсняхъ имени Марьи. Въ сербскихъ же пѣсняхъ, нашъ русскій Иванъ, что у насъ помѣщается въ пѣсняхъ возлѣ Марьи, замѣняется именемъ Ильи громовержца; такъ что и Марья получаетъ значеніе Громовержицы. (Рус. народ. ст. 126). А г. Афанасьевъ говоритъ; «какъ Илья пророкъ смѣнилъ въ народныхъ повѣрьяхъ и мифическихъ сказаньяхъ Перуна; такъ точно древнее поклоненіе языческой богинѣ весеннихъ грозъ и земнаго плодородія,—Фреѣ или Ладѣ перенесено на пречистую Дѣву-Марію: почему сербы и называютъ богородицу Огненной Маріей, и въ пѣсняхъ говорятъ о ней, какъ о сестрѣ Ильи Громовитаго. При раздѣлѣ вселенной, Илья взялъ грома небеснога, а Марија муну и стрijелу; а на свадьбѣ Мѣсяца ей достался живой огонь. Илья громом бије, а Марія муньом пали: такъ возлѣ грома, олицетвореннаго въ мужескомъ образѣ, является молнія, олицетворенная въ образѣ женскомъ,— представленія, согласныя съ грамматическимъ родомъ того и другаго слова. Въ малороссійскихъ же и галицкихъ колядкахъ поютъ о Богородицѣ, что она засѣваетъ и поливаетъ землю...» (т. I,

Digitized by Google

ст. 483, 486). Почему, признавъ Перуна и Ивана царевича за первообразы Ильи Муромца, слѣдуетъ, кажется, допустить, что и таинственная жена этого послѣдняго въ нашихъ былинахъ никто иная, какъ таже Марья, древняя Прія, Права и Вана. Она выѣзжаетъ даже однажды воевать, вмѣсто своего мужа Ильи, назвавшись его именемъ и надѣвши на себя его доспѣхи; какъ одна изъ древнихъ героинь нашихъ царь-дѣвица или Василиса, въ сказкахъ, постоянно странствуетъ и сражается, подъ именемъ Ивана царевича. Имена Ивана и Марьи вообще такъ тѣсно связаны между собою, что носившіе ихъ, Иванъ царевичь и древняя Прія, принявши въ народѣ эти имена христіянскія, оба исчезаютъ почти въ одно время или замѣняются другими образами.

3) По инымъ былинамъ, когда Илья пріѣзжаетъ въ первый разъ къ кн. Владиміру, о немъ уже тамъ слышали, его ужь знаютъ; по другимъ, Илью принимаетъ князь Владиміръ за самохвала, и съ перваго же свиданія Илья ссорится съ нимъ и уѣзжаетъ изъ Кіева. Г. Миллеръ относитъ эту ссору къ позднѣйшему времени (Ил. Мур., ст. 650); ссора эта возникла изъ-за того, что князь посадилъ его за столъ на низшее мѣсто. Если про Илью уже знали у кн. Владиміра; то подобная обида могла дѣйствительно показаться Ильѣ обидой предумышленной; но если онъ явился впервые, какъ богатырь еще неизвѣстный, и его пріѣздъ предупредилъ молву о пораженіи Соловья разбойника; то обижаться Ильѣ, что посадили его ниже другихъ богатырей, было нечего. Такъ и выходитъ по ходу былины; сначала Илья нисколько этимъ не обижается, но самъ очищаетъ себѣ мѣсто противъ князя, одно изъ почетнѣйшихъ, какъ видно, между богатырями. «Попавши въ ряды княжеской дружины, говоритъ г. Буслаевъ, Муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ ужь не идеалъ мужика-пахаря, не великанъ Селяниновичъ, а представитель сельскаго, крестьянскаго сословія при княжемъ дворѣ. Это ужь новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго Муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіянскимъ именемъ Ильи Пророка.» (Рус. вѣс. 1862, сент. ст. 54). Однако Добрыня (древній Кришна) и Чурила (древній Чуръ) должны были узнать своего прежняго товарища, отчасти даже двойника ихъ, Громовника, въ образѣ Ильи Муромца. Вотъ почему Добрыня какъ будто и намекаетъ, что онъ въ этомъ новомъ образѣ древняго Громовника еще не видывалъ, хоть и знаетъ всѣхъ могучихъ богатырей; а слыхалъ только, наслышкой человѣческой, что ему въ бою смерть не писана. По этому же самому, можно думать, и самъ Илья велитъ разбойникамъ, которыхъ смирилъ онъ, передать о немъ извѣстіе Чурилѣ. Весьма естественно послѣ этого, что Илья потомъ дружится особенно съ

Digitized by Google

Добрыней; они даже крестовые братья, по разсказу былины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на начинающуюся уже сословную рознь между богатырями, въ лицѣ завистливаго поповича Алеши, этого Люки русскаго эпоса.

4) Сохранившееся въ былинѣ преданіе о пріѣздѣ сыновей Соловья разбойника, чтобы выкупить ихъ отца изъ плѣна, еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе г. Квашнина-Самарина и г. Буслаева, что народъ разумѣетъ въ этой личности также главу разбойниковъ, Могуту, или начальника какого нибудь племени, хоть въ немъ и остается еще мифическій характеръ древнѣйшей эпохи. «Онъ составляетъ съ своей семьей особую породу; всѣ его дѣти на одно лицо, говоритъ г. Буслаевъ, дочери у него вѣщія; старшая, Невея, одна изъ сестеръ лихорадокъ, была даже, по преданію, перевощицей (на Дунаѣ-рѣкѣ), какъ-бы олицетвореніемъ рѣки Сиородины; сыновья или зятья его (такъ какъ они женаты на своихъ родныхъ сестрахъ), оборачиваются въ вороновъ, съ желѣзными клювами.» Г. Буслаевъ находитъ сходство въ Соловьѣ и съ сербскимъ старѣйшиной дивовъ, которые, въ числѣ семидесяти, живутъ на Дивской планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. «Нѣкто Іованъ потомъ перебилъ всѣхъ семдесятъ этихъ дивовъ; но дивскій старѣйшина вошелъ въ любовь къ матери Іована, который однако восторжествовалъ и надъ нимъ. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ змій.» (Рус. вѣс. 1862, мар. ст. 26, 60). Извѣстно также, что, по одному истор. преданію, князь Владиміръ не хочетъ казнить разбойника Могуту, а предполагаетъ заключить его въ монастырѣ, чтобы онъ кончилъ дни свои въ покаяніи.

5) Пріѣхавши въ Кіевъ, Илья Муромецъ застаетъ тамъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ богатырей, и еще совсѣмъ новыя, малоизвѣстныя мифическія личности, въ которыхъ совсѣмъ уже отразился характеръ новой эпохи и даже позднѣйшаго времени. Между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе совершенно новая личность, по недавно-открытой г. Гильфердингомъ былинѣ въ Олонецкой губ.,—Илья темный. Этотъ ново-открытый богатырь какъ будто изображаетъ собой и своимъ именемъ темную сторону свѣтлаго образа и имени Ильи Муромца. Онъ сынъ темной ночи и дикой удали, какъ будто первообразъ атамана Волжскихъ разбойниковъ. И дѣйствительно, начало былины о немъ происходитъ на Волгѣ; но потомъ онъ является и у князя Владиміра, въ Кіевѣ. На Волгѣ онъ умерщвляетъ, въ разбойничьемъ наѣздѣ, своего гостепріимнаго кума, князя Карамышевскаго; а въ Кіевѣ, за этого князя отмщаетъ сынъ его, Василій Казиміровичъ, и убиваетъ Илью темнаго, въ присутствіи Владиміра, въ единоборствѣ: почему г. Квашнинъ-Самаринъ и полагаетъ, что вмѣсто слова Казиміровичъ слѣ-

Digitized by Google

дуетъ читать Карамышевичъ, такъ какъ это должна быть одна и таже личность съ Васильемъ Казиміровичемъ и Васильемъ-пьяницей нашихъ былинъ. (Рус. вѣс. 1874 г. окт. ст. 777—785). Во всякомъ случаѣ, изъ этой новой былины видно, до какой степени настоящій Илья Муромецъ близокъ народному духу; народная фантазія, не удовольствовавшись его свѣтлымъ, древнимъ образомъ, создала еще, подъ этимъ же именемъ, новый типъ въ мрачномъ, разбойничьемъ образѣ. Г. Стасовъ находитъ, что первообразъ Ильи Муромца въ Индѣйскомъ богатырѣ, такомъ же сидиѣ, и потомъ силачѣ, Готіимбрѣ; чудесная сила Ильи подобна силѣ Рустема; побѣда Ильи надъ Соловьемъ похожа на побѣды Сибирскаго богатыря Тана, а Соловейка на Сибирское семиглавое чудовище Тельбеченъ; ссора же Ильи съ Владиміромъ напоминаетъ Телеутскую легенду о богатырѣ Жюню,—также преданіе о томъ-же Рустемѣ и монголо-калмыцкую поэму Дрангаріаду. (В. Евр. 1867, Апр. ст. 651—673). Весьма легко найти сходство между преданьями и легендами разныхъ народовъ; но весьма трудно предположить, чтобы нашъ народъ, для созданія любимаго своего, народнаго героя, прибѣгнулъ къ заимствованіямъ изъ чужихъ и совершенно разныхъ между собой народностей, еслибы даже и имѣлъ къ тому возможность; особенно, когда еще мифическіе памятники, свидѣтельствующіе о чудесной жизни этого, столь извѣстнаго героя, стоятъ до сихъ поръ у него передъ глазами. За тѣмъ, какъ вся былина о боярынѣ Ставрѣ заключается только въ похвальбѣ на пиру у кн. Владиміра умной женой своей и своимъ богатымъ домомъ, за что Владиміръ велѣлъ посадить его въ подвалъ, но жена Ставра, старшая дочь Микулы, переодѣвшись богатыремъ-посломъ, выручаетъ мужа; такъ точно вся былина объ Иванѣ Годинычѣ, племянникѣ Владиміра, состоитъ изъ его неудачнаго сватовства въ Черниговѣ какой-то Настасьи Митріевичны, которая ужь просватана Кощею Трипетовичу; Иванъ попадаетъ въ засаду, но потомъ убиваетъ и Кощея, и свою невѣсту. Г. Стасовъ видитъ въ Ставрѣ Сибирскаго богатыря Алтаинъ-Саинъ-Салама; а въ Ставровой женѣ, — Алтаинову сестру, дѣвицу, которая спасаетъ брата, положеннаго мертвымъ въ скалу, послѣ того, какъ онъ свалился съ коня. (В. Евр. 1868, февр. ст. 688—696). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что въ былинѣ объ Иванѣ Годинычѣ изображено умыканіе невѣсты; отецъ Марьи,—Дмитрій, богатый гость,—Мстиславъ, кн. Черниговскій; а Кощей, — степнякъ, дружки котораго, мурзы, усѣлися, и пируютъ въ палатахъ невѣсты, когда приѣзжаетъ Иванъ. (Бесѣда, 1872, IV, ст. 14). Въ нашемъ Иванѣ гостиномъ сынѣ, г. Стасовъ видитъ двухъ героевъ Томскихъ Шаровъ, Алтынъ-Эргека и брата его Алтынъ-Таисъ, обоихъ вмѣстѣ; а въ содержаніи нашей былины о немъ,—древне-Индѣйскій разсказъ временъ брахманскихъ, чисто космическій; въ концѣ же Ивана, Бурушкѣ-каурушкѣ, кото-

Digitized by Google

рый, по выраженію г. Буслаева, дѣйствительно необычайный,—конь изъ коней, конь по преимуществу,—божественнаго коня Уччаисраваса, т. е. съ навостренными ушами. Въ нашей былинѣ, держитъ руку Ивана-Гостинаго сына владыка Черниговскій, изъ чего можно заключить о ея подновленіи народной фантазіей, почему иные наши изслѣдователи и признаютъ Ивана однимъ изъ членовъ дружины кн. Владиміра, изъ торговаго сословія. (В. Евр. 1868 г. февр. 680—688). Изъ прочихъ богатырей этого цикла, г. Квашнинъ-Самаринъ въ Алешѣ между прочимъ подозрѣваетъ Ляшко, одного изъ убійцъ св. Бориса, или одного изъ польскихъ Лешекъ; древнее его отчество Лизьеньевичъ (можетъ быть, Лисиничъ), и еще есть какое то древнѣйшее; а Добрыню, въ которомъ г. Квашнинъ-Самаринъ видитъ искаженіе Андриха Добренковича, упоминаемаго въ Никоновской лѣтописи, вѣроятно, родственника одной изъ чехинь кн. Владиміра,—также Дюка, богатыря бродягу, Потыка, — Алешу и Василья Казиміровича, онъ считаетъ пришедшими съ Запада. Оттудаже, онъ полагаетъ, явились Заолешане и Сбродовичи. Одинъ изъ нихъ Петрый Петровичъ; да и они всѣ также Петровичи, а прежде были Дородовичи. Въ XII ст. въ Польшѣ былъ панъ Петръ или Петрко, любимецъ Болеслава Кривоустаго, плѣнившій русскаго князя Володаря измѣннически. Нипра также называется Збродовичной, и должна быть также съ Запада. (Р. вѣс. 1874, окт. ст. 786, 787, 793, 799, 800). Богатырь-Ермакъ созвученъ съ именемъ боярина Бермяты, и можетъ предполагаться поэтому его сыномъ; а рѣка Шатъ созвучна съ Путятой, котораго потомъ замѣняетъ въ былинахъ Малюта Скуратовъ. (Тамъ же ст. 774, 775, 789). Г. Миллеръ также находитъ, что Заолѣшанъ и Залѣшанъ надобно считать заѣзжими съ Запада, удалыми молодцами; такъ какъ тамъ, откуда Владиміръ взялъ и свою Апраксію, было много дикихъ пущей,—Лѣсы, Лясы, съ производными Залѣсье, Олѣско, Олѣшище, Заолѣсье, Полѣсье, Подлѣсье, и пр., откуда въ польскій языкъ и въ западно-русское нарѣчіе перешло такое множество своеобразныхъ фамилій. Оттудаже въ пѣсняхъ всѣ Заолѣшане и Залѣшане: во 1-хъ, мужики, какъ низшій слой народа; далѣе, дворяне,—имя, которымъ наши предки любили изстари обозначать преимущественно западныхъ соплеменниковъ, шляхту, однодворцевъ, и т. п. О Хапиловыхъ до сихъ поръ не отыскано пѣсенъ; а братья Сбродовичи указываютъ, по видимому, на всякаго рода людей, такъ какъ столъ у кн. Владиміра былъ для всѣхъ. (Ил. Мур. ст. 313, 330, 331, 447). Алеша Поповичъ соблазнилъ сестру Збродовичей, Настасью, которая за это отъ нихъ убита, говоритъ г. Квашнинъ-Самаринъ, — Збродовичи не братья-ли Опраксы? Ихъ семеро или двое. Это Збирадъ, какъ Збигневъ, Збиславъ, Зболотъ. Подобно тому, братья Петровичи изъ Кракова: одинъ въ плѣну у татаръ, нападаетъ на Кіевъ, но узнанъ; оба

Digitized by Google

брата ѣдутъ къ матери, въ Краковъ. (Бесѣда, 1872, т. IV). Разсказъ, о заключеніи живаго Потока вмѣстѣ съ умершей его женой въ одну могилу, напоминаетъ смутно преданіе славянъ, о сожженіи живой вдовы съ умершимъ мужемъ; только что въ былинѣ роли перемѣшаны: мужъ поставленъ вмѣсто жены, что могло произойти отъ забвенія древняго обычая. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, упоминаемый въ былинѣ Вахрамей Вахрамеичъ, — владѣтельный князь Волыни, близъ Кіева, гдѣ живетъ племя Дулѣбовъ, покоренныхъ за 600 л. аварами; Подолье и Волынь еще въ язычествѣ. (Бесѣда, 1872 т. IV). Если перенести эту, сосѣднюю съ Кіевомъ, Волынь на Балтійское Поморье, въ богатый городъ Волинъ, тѣмъ болѣе, что упомянутый въ той-же былинѣ, князь или король Лиходѣй Лиходѣичъ даетъ Потоку три корабля съ народомъ; то невольно это напомнитъ Полнотока, послѣдняго изъ норд-людей или норд-манновъ, имя котораго гремѣло въ свое время по всему Балт. побережью и далѣе (Hist. des Norm: par Marmiè). Въ нашихъ былинахъ встрѣчается въ туже эпоху, кромѣ жены кн. Владиміра Опраксы, не мало и другихъ женскихъ личностей,—и вдовъ, и замужнихъ; онѣ также присутствуютъ на пирахъ княжескихъ, играютъ въ тавлеи и въ шахматы, и даже ссорятся между собой; тутъ жены купцовъ и боярыни. Въ Опраксѣ или Апраксіи г. Квашнинъ-Самаринъ видитъ искаженное имя чехини, Вальфриды, исторической жены Владиміра; также и въ имени Мамельфы, предполагаемой матери Вольги и Добрыни,—Амельфу, т. е. туже самую Мальфриду,—значитъ, явившуюся также съ Запада. (Р. вѣст. 1874, окт. ст. 791, 792). Говоря же вообще о героиняхъ русскаго эпоса, г. Буслаевъ съ своей стороны полагаетъ,—«что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мифической. Въ Сѣверномъ эпосѣ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ Сѣвернаго Олимпа. Онѣ или богини изъ прекраснаго рода-племени вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькирьи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Впрочемъ эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величья, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры: поэтому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силой и съ вѣщей мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ

Digitized by Google

зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ подготовляетъ ту плодотворную почву, на которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація. Русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ той высшей, идеальной натуры женской, которой общая характеристика предложена выше. Эти благородные типы женской натуры были созданы въ русскимъ эпосѣ, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ; когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, отставало еще недалеко отъ князей и бояръ. Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сберегліись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна-бы направляться дѣйствительность, если-бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. И такъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того-же свѣтлаго мифическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственной, полубожественной силой.» Если татарскія пѣсни представляютъ своихъ героинь одаренными необыкновенной силой и такимъ же ростомъ, или общенародной хитростью; то у насъ, продолжаетъ г. Буслаевъ,—«женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслію и даетъ ей граціозное движенье. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется.—

„Умомъ умна и станомъ статна,
Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая...“

Или:

„Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лице она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).“

«По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на поворъ публики. Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ основана на этой мысли. Когда Ставра порядкомъ, проучили за его нескромную похвальбу,—

„Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой.“

Digitized by Google

(Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 21—23, Окт. ст. 552—554). Особенно выдаются въ нашемъ эпосѣ: эта же самая жена Ставра, Василиса (прежняя Грозная), своей богатырской отвагой, такой же ловкостью и честной любовью къ мужу; сестра ея, Настасья (прежняя Поленица), превратившаяся въ нѣжнѣйшую супругу, семеюшку, у князя Добрыни; потомъ еще Василиса (вѣроятно, другой образъ первой), жена князя Данилы, о которой будетъ сказано ниже; затѣмъ, Авдотья или Марья Лиходѣевна, Бѣлая Лебедь, въ которой г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію. «Извѣстно, говоритъ онъ, какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ мифическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ Морскаго царя или Водяника, и его многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ». (По древнѣйшимъ представленіямъ, думали, что рѣки вытекаютъ изъ моря; предполагали даже вначалѣ,—изъ воздушнаго или небеснаго океана). «Въ лицѣ Авдотьи, Бѣлой Лебеди, возсоздано мифическое существо того же разряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ мифическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыя пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Почему не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова, о тождествѣ старшей дочери Селяниныча съ сказочной Василисой прекрасной, Василисой золотая коса, и т. п. А сказочная Василиса именно и есть существо мифическое, и по преимуществу—водное; она дочь морскаго или водянаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 36, 37). Приведенныхъ въ былинѣ о Хотинѣ, женскихъ личностей слѣдуетъ, конечно, отнести къ новѣйшему сословному наслоенію; при чемъ нельзя также отвергать, что подъ ихъ новыми образами могутъ быть гораздо древнѣйшія мифическія личности; тѣмъ болѣе, что и герой этой былины, прежній удалой варягъ Хотинъ, представленъ въ ней какимъ-то буйнымъ, не имѣющимъ своего куска хлѣба, гулякой, сорви-головой, въ родѣ Залѣшанъ, Хапиловыхъ,—воротами хлопъ, вереи вонъ, и т. д.

6) Приведенное въ былинѣ, сѣтованіе Добрыни должно показаться очень страннымъ въ устахъ русскаго богатыря того времени; но если мы припомнимъ, что первоначальный его образъ есть образъ Кришны или воплощеннаго въ этого послѣдняго бога Вишну, и примемъ въ соображеніе горькое негодованіе этого божества, что каждый разъ, когда онъ ни являлся въ своихъ воплощеніяхъ на землю, всегда заставалъ на землѣ, все болѣе и болѣе ростущій между людьми, развратъ; то это, кажется, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на сѣтованіе его преемника, и оно покажется какъ

Digitized by Google

бы чуть слышнымъ отголоскомъ той божественной скорби небеснаго бога, всегда готоваго помогать людямъ и каждый разъ находящаго ихъ все болѣе и болѣе недостойными его помощи. Здѣсь сѣтованіе Добрыни можетъ относиться вообще къ упадку древняго краснаго Солнышка Владиміра и окружающихъ его личностей, сравнительно съ тѣмъ, какими онъ засталъ ихъ въ глубокой древности.

7) Нѣкоторые наши изслѣдователи находятъ, что былина о князѣ Данилѣ и вѣрной женѣ его, Василисѣ, прямо указываетъ на начало междоусобій между нашими старинными князьями. Во всякомъ случаѣ, былина эта показываетъ, что кн. Владиміръ въ то время былъ уже окруженъ не очень благонамѣренными личностями, готовыми исполнить столь гнусный поступокъ, какъ предательское убійство Данилы, чтобы отнять у него жену его Владиміру, который и самъ безмолвно соглашается на это злоѣйство Одинъ крестьянинъ Илья Муромецъ, богатырь православнаго, роднаго закона, рѣшается высказать ему правду. и за это заключенъ княземъ въ глубокій погребъ. Также только, всегда молодой Добрыня и еще какой-то богатырь, искренно оплакиваютъ погибшую отъ руки своей княгиню, и осуждаютъ поступокъ Владиміра.

8) Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что этому «древнѣйшему преданью, о борьбѣ съ исполиномъ, дана позднѣйшая сословная обстановка, пр правленная даже нѣкоторой ироніей. Великанъ нахвальщикъ оскорбилъ богатырий тѣмъ, что рѣшился проѣзжать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяльсл надъ ними. Былина, продолжаетъ г. Буслаевъ, оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подъѣзжая къ богатырямъ, — какъ бы съ презрѣніемъ.

,,Илья бросилъ голову о сыру землю;
,,При своей братьѣ похваляется:
,,Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ—
,,Экого чуда не наѣзживалъ".

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побоищѣ. Но въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса, Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенной любовью лелѣетъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Онъ ужь не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, который поддерживается сословной, барской чопорностью». (Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 51—60). О самомъ же великанѣ Жидовинѣ (Нахвальщикѣ),

Digitized by Google

г. проф. Миллеръ говоритъ, что, по объясненію покойнаго Хомякова, онъ долженъ быть изъ земли Хозарской, гдѣ, какъ извѣстно, исповѣдывалось іудейство. (Ил. Мур. ст. 457).

9) «Древность этого эпизода, говоритъ г. Буслаевъ, опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданьяхъ Кельтскихъ бардовъ и въ персидской поэмѣ о Рустемѣ и Заробѣ; но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о Гильдебрандѣ». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 68). «Славяне чествовали какихъ-то Берегинь, т. е. прибрежныхъ богинь, выходящихъ изъ воды на берегъ, или Горынинокъ (брегъ—гора)». (Тамъ же, ст. 34). Къ этой древней эпохѣ должно отнести и таинственную связь Ильи съ царицей Задонской или съ Горынинкой; но въ ту пору, по мнѣнію г. Шеппинга, онъ еще носилъ образъ Ивана царевича, этого полубога, героя глубочайшей древности; иначе трудно размѣстить въ той эпохѣ, когда Илья является православнымъ богатыремъ, подобныя событія. (Рус. народн., ст. 133). Принявши новый, христіянскій образъ, Илья становится уже во враждебныя отношенія съ тѣмъ первобытнымъ міромъ и его дивами; они сами страшатся его, какъ и прежде темныя силы страшились Перуна, ихъ истребителя, превратившагося потомъ въ образъ Ильи пророка и въ Илью Муромца. «Илья отдѣленъ отъ своей вѣщей жены, продолжаетъ г. Буслаевъ, мифической преградой: и потому былина, чтобы развязаться съ далекой стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи и убить собственнаго своего сына. Самая таинственность этого эпизода говоритъ уже въ пользу его древности, и, можетъ быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъ естественными титаническими героинями. Илья является отцомъ могучаго героя,—по другимъ варіянтамъ, вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или дочерью. По однимъ варіянтамъ, тѣмъ дѣло и кончилось, что онъ отпустилъ свое дѣтище къ матери; Илья заплакалъ даже, глядючи на свое чадо милое; по другимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть. Муромскій богатырь разорвалъ его на двое». Г. Буслаевъ ставитъ этотъ эпизодъ даже внѣ той исторической рамы, въ которую вставлено развитіе эпическаго типа этого богатыря. (Рус. вѣстн. 1862. Сент. ст. 68, 69, 66, 67). Но если поставить этотъ эпизодъ русской былины рядомъ съ разсказами о Рустемѣ и Гильдебрандтѣ, то въ нихъ найдется сходной едва ли только не встрѣча случайная отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ одинъ другаго; Гильдебрандтъ даже узналъ своего сына; и еще развѣ бой ихъ между собою, въ концѣ котораго отцы по-

Digitized by Google

бѣждаютъ сыновей своихъ. Разсказъ о Гильдебрандтѣ, принадлежащій XIII ст. по Р. Х. не имѣетъ даже конца. Но можно положительно сказать, что ни въ личностяхъ всѣхъ этихъ героевъ, ни въ обстановкѣ ихъ, ни въ самой борьбѣ ихъ между собою, ни даже въ развязкѣ, ничего нѣтъ общаго. Гильдебрандтъ, по новой вставкѣ, возвращается съ сыномъ къ женѣ; Рустемъ убиваетъ сына; и только тогда узнаетъ, что это сынъ его; въ бою же Ильи съ сыномъ, г. Буслаевъ видитъ,—«бой необычайный, бой титановъ, которые безъ устали борятся полтора года и по колѣна погрязли въ землю». (Тамъ же, ст. 67). Почему можно даже вывести заключеніе, что разсказъ объ этомъ, едва-ли не древнѣе разсказа о Гильдебрантѣ. Илья отпускаетъ своего сына (или даже дочь), къ его матери, или, за новое покушеніе противъ отца, разрываетъ на двое. Послѣднее придаетъ разсказу еще болѣе характеръ титаническій.

10) Г. Срезневскій находитъ, что слово калики, въ томъ же значеніи, какъ и у насъ, употребляется въ польскихъ нарѣчіяхъ и кое гдѣ въ Моравіи, въ сосѣдствѣ съ польскимъ населеніемъ, и болѣе нигдѣ у славянъ. «Во всякомъ случаѣ, если бы это слово было и славянское, въ бытѣ каликъ нашей древности не выразилось ничего исконно-Славянскаго». (Зап. ак. т. I, кн. II; ст. 206, 207. Ил. Мур. ст. 731). Г. Стасовъ выводитъ нашихъ древнихъ каликъ изъ буддійскихъ монастырей въ Индіи. Наши калики сохранили и тамошніе сумки и книжечки. (В. Евр. 1868, Мартъ). По мнѣнію же г. Срезневскаго, въ этихъ книжкахъ, можетъ быть, скрывается давній обычай давать странникамъ письменное позволеніе на странствіе съ обозначеніемъ срока, когда имъ должно возвратиться. Въ нашихъ былинахъ подъ одеждою каликъ скрываются иногда богатыри; да и вообще въ нихъ есть сторона богатырская. О такомъ каликѣ говоритъ г. Миллеръ, есть свидѣтельство въ Псковской лѣтописи, подъ 1341 г. (Ил. Мур. ст. 733). Г. Квашнинъ-Самаринъ находитъ, что Микита Карачевецъ (тоже, что Заолѣшанинъ, житель лѣсной страны Вятичей), съ которымъ Илья Муромецъ мѣняется платьемъ, есть также Роньжа, отъ имени роньжи, птицы въ родѣ сойки, ведущей кочевую жизнь; (также, какъ и другой Заолѣшанинъ, дворянинъ, смѣшанный съ Данилой безчастнымъ, назыв. Бѣлой птицей). (Р. вѣст. 1874. Окт. ст. 796). Княгиня Опракса, выражая собой, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, женственную часть мифическихъ преданій страны, отличается особенной податливостью въ любовныхъ сношеніяхъ съ заѣзжими молодцами и даже дивами. Въ страстной вспышкѣ своей къ атаману каликъ, красавцу Кассьяну, она напоминаетъ собой жену Пентефрія. Въ отмщеніе Кассьяну за его благородное равнодушіе, она обвиняетъ его въ воровствѣ; онъ подвергнутъ товарищами страшной казни, по ихъ уставу или условію; но высшая

Digitized by Google

сила исцѣляетъ его, и тѣмъ обнаруживаетъ его невинность; между тѣмъ княгиня, за тяжкій грѣхъ свой, заболѣваетъ чѣмъ-то въ родѣ проказы; но калика Кассьянъ, на обратномъ пути, исцѣляетъ ее. Выведенное въ былинѣ, Идолище просто на просто кладетъ свои руки княгинѣ Опраксѣ за пазуху. Образъ его г. Буслаевъ относитъ уже къ вліянію позднѣйшей, церковной обстановки. «По сказкамъ этимъ, Идолище появился въ Кіевѣ, къ великому бѣдствію князя и жителей. Голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ косая сажень, промежь бровей борозда со три пяди, промежь ушей пройдетъ калена стрѣла; ѣстъ онъ по цѣлому быку, пьетъ по пивному котлу. Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугариномъ: поэтому Илья Муромецъ осмѣиваетъ обжорство Идолища тѣми же словами, какъ Алеша Поповичъ Тугарина. Илья разсѣкъ Идолище пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ Полканъ Полкановичъ, который съѣдалъ за разъ цѣлаго быка, а брагу пилъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, онъ летаетъ на крыльяхъ по поднебесью». (Рус. вѣстн. 1862, Мар. ст. 25, 57, 58). По мнѣнію же г. проф. Миллера, это Идолище—«является только особымъ видомъ различныхъ насильствующихъ зміевъ, кощеевъ, дивскихъ старѣйшинъ, демоновъ, и т. п. Собственно же ему свойственная черта есть то, что онъ, соотвѣтственно своему, связывающему его съ язычествомъ, прозвищу—не хочетъ допускать въ обнасилованномъ имъ Кіевѣ «милостыни спасенныя»,—что, по народному представленію, составляетъ главнѣйшее проявленіе христіянства.» (Илья Муромецъ ст. 740). Во всякомъ случаѣ этотъ Идолище могъ быть и представителемъ древняго язычества, которое еще долго держалось въ Россіи, послѣ князя Владиміра. «Въ числѣ отмѣтокъ изъ сказокъ и преданій, записанныхъ В. И. Далемъ, продолжаетъ г. Миллеръ, значится, что Илья освободилъ Кинешму отъ Литвы, и вслѣдъ затѣмъ князь Кинешемскій и всѣ жители-кумирники обратились въ христіянство. Въ нѣкоторыхъ же сказкахъ мѣсто, соотвѣтствующее освобожденію земли отъ Идолища, занимаетъ освобожденіе Ильей какой-то королевской дочери отъ летавшаго къ ней двѣнадцати-головаго змія. А въ другомъ разсказѣ Идолище замѣнилъ прежняго Кощея, и у него оказываются черныя груди; онъ величается также поганымъ и живетъ въ ордѣ невѣрной; а у противника его (Ивана) бѣлы груди и русы кудри». (Ил. Мур. ст. 755, 374). По мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, Идолище явился въ Кіевъ откуда-то съ Запада. О встрѣчѣ же въ то время Ильи съ каликами въ рус. был. есть нѣсколько разсказовъ. По одному,—Илья встрѣчается въ полѣ съ каличищей Иванищемъ и отнимаетъ у него клюку въ 90 пуд., для борьбы съ Идолищемъ, о присутствіи котораго въ Кіевѣ Ильѣ уже

Digitized by Google

извѣстно. По другому разсказу, Илья встрѣчается съ двумя или тремя каликами, и они передаютъ ему о несчастіи, постигшемъ Владиміра; тогда онъ переодѣвается въ ихъ одежду, и идетъ въ Кіевъ; а они дожидаются въ полѣ его возвращенія.

11) Въ этомъ разсказѣ богатырь Илья, по замѣчанію г. Буслаева,—«является наконецъ даже врагомъ кн. Владиміру и всей его дружинѣ; такъ что позднѣйшей сословной раздражительностью уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину». (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 60). При этомъ можно также замѣтить, что народная фантазія, руководствуясь обыкновеннымъ чутьемъ своимъ, какъ-бы желаетъ выставить въ этой картинѣ справедливаго гнѣва своего героя и представителя, богатыря Илью, какія могутъ быть послѣдствія отъ безразсуднаго раздраженія такой страшной личности. Народъ чувствуетъ, что мифическій представитель его,—древній богъ грома и молніи, богатырь-исполинъ, и не безъ сознанія даетъ ему волю разгуляться, въ справедливомъ гнѣвѣ, по своему, что заставляетъ трепетать щадушныхъ враговъ его и самаго стольнаго князя. Этимъ народъ какъ-бы тѣшитъ самаго себя, въ лицѣ своего любимаго героя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, его фантазія и не могла изобразить этой картины гнѣва иначе, не нарушивъ мифической личности Ильи, крестьянина-богатыря-Громовника, который по существу своему не можетъ сносить гнуснаго оскорбленія, не выразивъ покрайней мѣрѣ врагамъ своего устрашающаго негодованія. Точно также поступаетъ и мифическій Роландъ, который готовъ былъ обнажить мечь противъ оскорбившаго его Карла, но былъ удержанъ присутствующими; Рустемъ хладнокровнѣе, и отъ того, можетъ быть, еще величественнѣе: онъ только не хочетъ ѣхать на призывъ раздражившаго его, царя Киркоуса или Кей-Кауса. Но всякій народъ выражаетъ свои чувства и понятія по своему; даже можно сказать, что во всѣхъ былинахъ объ Ильѣ, призывъ его Голи Голянской или кабацкой,—сцена, самая народная. Причина его ссоры съ княземъ Владиміромъ въ нашихъ былинахъ излагается двояко: то Илья оскорбляется тѣмъ, что стольный князь не пригласилъ его однажды, пригласивши всѣхъ прочихъ богатырей, къ себѣ на пиршество; то ссора начинается изъ-за того, что князь посадилъ Илью на нижній конецъ стола, съ воронятами, когда самъ Владиміръ сидитъ съ воронами (т. е. съ князьями-боярами). Наконецъ, хотя нѣкоторые наши изслѣдователи и относятъ эту ссору къ первому пріѣзду Ильи въ Кіевъ; но г. пр. Миллеръ положительно говоритъ, что съ первымъ пріѣздомъ Ильи къ Владиміру, въ былинахъ спутана

Digitized by Google

позднѣйшая его ссора съ княземъ и ея послѣдствія. (Ил. Мур. ст. 650).

12) Недоброжелательные къ Ильѣ богатырю, князья и бояре, поддерживая нелюбовь князя Владиміра къ главѣ богатырей его, довели Илью до новой ссоры. Дѣйствительно ли обидные поступки князя заставили Илью снова нарушить свое мифическое спокойствіе, или онъ не обращалъ ужь больше на обидныя выходки Владиміра вниманія, а на пожалованной ему татарской шубѣ хотѣлъ только показать присутствующимъ, какъ онъ расправится съ настоящимъ татариномъ; но послѣднее заявляетъ и г. Миллеръ, а именно: «что потѣшаясь надъ бусурманскою шубой, Илья ужь заранѣе обезпечиваетъ себѣ и потѣху надъ злымъ татариномъ; но вѣрные слуги Владиміровы пользуются удобнымъ случаемъ, чтобы очернить передъ нимъ Илью». (Ил. Мур. ст. 669).

13) Послѣдній неблагодарный поступокъ кн. Владиміра съ Ильей, котораго онъ даже считаетъ уже умершимъ давно въ глухомъ, заваленномъ щебнемъ, подвалѣ, долженъ, кажется, разорвать послѣднія отношенія между стольнымъ княземъ и богатыремъ его; однако Илья плачетъ надъ старческой слабостью померкшаго краснаго-Солнышка и спѣшитъ снова къ нему на помощь. Черта опять совершенно народная; припомнимъ оскорбленныхъ Новгородцевъ княземъ Владиміромъ, потомъ помощь ихъ Владиміру противъ Святополка. «Но богатырь Илья, говоритъ г. Миллеръ, умѣя стоять за себя передъ мифическимъ Владиміромъ, собственно стоитъ только за народную честь и народное право. Когда же Владиміръ въ бѣдѣ, онъ все забываетъ: потому что бѣда эта есть и бѣда для сиротъ, и для вдовъ. Ради ихъ, только ихъ, онъ безгласно вступаетъ опять въ свою богатырскую службу, такъ плохо цѣнимую княземъ,—даже не ради церквей и монастырей. Только сознаніе народной бѣды управляетъ Ильею. Весь онъ,—служебная сила, въ свободномъ, безкорыстномъ смыслѣ этого слова». Всего же полнѣе опредѣлилъ Илью Шевыревъ, сказавъ, что основное начало въ немъ,—служеніе міру. Каррьеръ также говоритъ объ Ильѣ (Ист. иск. т. III), и вотъ чѣмъ заключаетъ свой очеркъ о немъ: «замѣтимъ, говоритъ онъ, что тутъ нѣтъ и въ поминѣ вассальной службы; ни Богъ, ни князь Кіевскій не являются сюзеренами; ни приказъ, ни обѣщанная награда не становятся двигателями вполнѣ независимаго богатыря, но исключительно и единственно спасеніе народа; надъ нимъ только умилостивляется Илья Муромецъ, между тѣмъ какъ въ Иліадѣ цѣлыя тысячи должны пасть, чтобы умилостивился Ахиллесъ, а въ франкскомъ сказаньи, обиженный Карломъ, Ожье не ранѣе соглашается выступить противъ невѣрныхъ, какъ послѣ выдачи ему, для отмщенія, королевскаго сына, его врага». (Ил. Мур. ст. 685). Г. Буслаевъ съ своей стороны говоритъ: «народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы стра-

Digitized by Google

ны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сида; наша родина,—въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину». (Рус. вѣс. 1862 Сент. ст. 57). Замѣтимъ кстати, что, по толкованію г. Буслаева, и самый Сидъ campéador есть мѣщанинъ, и что онъ даже гордится иногда этимъ происхожденіемъ (какъ это видно изъ испанскихъ народныхъ романсовъ и рифмованной хроники, написанной на основаніи народныхъ пѣсенъ въ XIII вѣкѣ); самое прозвище Сида campéador г. Буслаевъ переводитъ словомъ: поленица. (Ил. Мур. соч. Миллера, ст. 660). Въ одной изъ новооткрытыхъ г. Гильфердингомъ былинъ въ Олонецкой губ. является новое обстоятельство, касательно Ильи Муромца, а именно, что онъ добываетъ себѣ мечь (по былинѣ: палицу), по дорогѣ въ Кіевъ, изъ земли, своротивши съ мѣста камень. (Р. вѣст. Окт. ст. 769); а обстоятельство это отчасти напоминаетъ таинственный мечь, что открылъ пастуху, лежащимъ въ землѣ или торчащимъ изъ нея, пораненный имъ конь, своимъ кровавымъ слѣдомъ, — божественный тотъ мечь, что этотъ пастухъ представилъ царю гунновъ, Аттилѣ.

14) Съ этихъ поръ, по нашимъ былинамъ, богатыря Ильи Муромца въ дружинѣ кн. Владиміра въ Кіевѣ, болѣе не видно.

15) Разсказы, о путешествіяхъ Ильи Муромца въ Царьградъ (и даже въ Іерусалимъ) указываютъ на сношенія Руси съ этими городами еще въ древности. Илья и здѣсь сохраняетъ свой народный характеръ. Узнавши на дорогѣ въ Царьградъ отъ одного престарѣлаго калики Иванища, объ опасности, угрожающей Царьграду отъ невѣрныхъ, Илья упрекаетъ Иванищу, что онъ не выручаетъ отъ бѣды-напасти, а выдаетъ крещеныхъ поганымъ,— что напоминаетъ г. Миллеру героя одной Сѣвер. саги, Грольфа Краки, который грозитъ своему другу Бедвару, что сожжетъ его домъ, если онъ не поможетъ ему спасти короля отъ опасности. «И это вполнѣ согласно съ развитіемъ личности на воинственной почвѣ германскаго эпоса, говоритъ г. Миллеръ. Но что же лежитъ въ основѣ негодованія нашего Муромца? Безпомощность люда крещенаго, цѣлаго множества мелкихъ и слабыхъ, защитой которымъ, безъ всякой мысли о мздѣ, должны быть богатыри: потому уже, что они сильны». (Ил. Мур. ст. 749). «Но самая замѣчательная черта въ этой былинѣ, продолжаетъ г. Миллеръ, конечно то, что и князь Цареградскій, подобно Владиміру, становится передъ нашимъ крестьянскимъ богатыремъ на колѣни. Этой чертою окончательно дополняется то возвеличеніе Муромца, которое, при всей буйности разгула, приписываемаго ему въ нѣкоторыхъ пересказахъ, составляетъ сущность этого его похожденія... Не учествованный собственнымъ государемъ, онъ могъ бы достигнуть власти въ чужой странѣ; но отказывается отъ нея и тамъ, какъ у себя дома». (Тамъ же, ст. 753). Въ одной былинѣ, подъ названіемъ повѣсти о семи

Digitized by Google

богатыряхъ, Илья совершаетъ походъ въ Царьградъ съ шестью еще русскими богатырями,—съ Добрыней, Алешей, Суханомъ, Глапитомъ, дворяниномъ Залѣшениномъ и дворяниномъ Палицей, (тамъ же, ст. 738); что отчасти напоминаетъ также про древніе походы русскихъ въ Царьградъ и про ихъ службу тамъ, царямъ греческимъ. Про старость Ильи и остальныя его три поѣздки, см. тамъ же, гл. XII.

16) Въ древности предполагали, чтодуши усопшихъ переносятся на тотъ свѣтъ въ ладьяхъ, т. е. тучахъ. Почему «народная загадка изображаетъ грозу въ такой поэтической картинѣ: гробъ плыветъ, мертвецъ поетъ (или реветъ), ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ; гробъ—туча, пѣснь—громъ, свѣчи—молніи. Малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то далеко за моремъ обитаетъ блаженный народъ навы (мертвецы); чтобы сообщить ему радостную вѣсть о свѣтломъ праздникѣ воскресенія Христова и вмѣстѣ съ тѣмъ о весеннемъ обновленіи природы, они бросаютъ въ рѣки скорлупу крашенныхъ яицъ, которая, несясь по теченію воды, приплываетъ къ берегамъ навовъ въ зеленый четвергъ, извѣстный между поселянами подъ именемъ Навьскаго великаго дня. Эти вѣрованія, сблизившія понятія корабля, ладьи и гроба, породили обычай совершать погребеніе въ морскихъ и рѣчныхъ судахъ, и самымъ гробамъ давать форму лодокъ»,—что и дѣлаютъ до сихъ поръ наши раскольники, выдалбливая гроба ихъ изъ цѣльнаго дерева, какъ выдалбливались въ старину лодки. Извѣстно также, что древніе руссы язычники сожигали своихъ мертвецовъ въ ладьяхъ. (Аф. т. I, ст. 179, 578, 579).

17) По другимъ былинамъ, неправно открытымъ также г. Гильфердингомъ, русскіе богатыри не каменѣютъ, а истребляютъ другъ друга. Тамъ же Ильѣ Муромцу приписывается 350 лѣтъ отъ роду; а въ Кіевскія пещеры заносятъ его ангелы .(Р. вѣст. Окт. ст. 774, 776, 777). Вообще же, по нашимъ народнымъ повѣрьямъ, нѣкоторые изъ главныхъ древнихъ богатырей и даже изъ знаменитыхъ новыхъ разбойниковъ не умерли; но живутъ или спятъ, большею частію въ пещерахъ, въ ожиданіи того времени, когда имъ будетъ можно снова появиться на бѣломъ свѣтѣ. Въ преданіи о Сидоркинѣ курганѣ, разсказывается, что этотъ богатырь-разбойникъ встанетъ изъ могилы, когда минуютъ на Руси беззаконіе и неправда, и братъ не станетъ подымать руку на роднаго брата. Стенька Разинъ проснется въ Жигулевскихъ горахъ на Волгѣ, когда на Руси не найдется ворону пищи. Илья же Муромецъ, по мнѣнію простонародья, разъѣзжаетъ понынѣ гдѣ-то въ степяхъ. (См. Русс. ист. Соловьева). Можно предполагать, что это еще остатокъ древнѣйшаго также вѣрованія, что человѣкъ, умирая на землѣ, не умираетъ совсѣмъ, а исчезаетъ или переносится только въ другую мѣстность. Начало самыхъ нашихъ кургановъ слѣдуетъ искать также въ Индіи.

Digitized by Google

Тамъ, во II ст. по Р. Х., чтилась пирамида, подъ которой, какъ полагаютъ, лежатъ кости какого-то бога. Ее относятъ къ буддизму; она называется буддистами ступа и raumja. «Первое изъ этихъ словъ въ сродствѣ съ stopos, stopy, stupa, stipa—ступа, и происходитъ отъ корня ступ, первоначальное значеніе котораго: бить, а отсюда уколачивать (землю), укрѣплять. Такимъ образомъ, ступа этимологически значитъ нѣчто убитое, укрѣпленное, – нашъ курганъ». (Ж. М. нар. просв. 1872 г. Іюнь, стр. 185, о будд. жатакахъ, г. Минаева). Да и вообще, всѣ наши старинные разсказы о перерожденіяхъ и наши народныя сказки можно производить оттуда же. (Тамъ же, ст. 199—224).

18) «Еще въ XII в. Даніилъ паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ новгородцевъ при гробѣ Господнемъ, говоритъ г. Буслаевъ. Сказаніе, о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камнѣ, въ виду соборной церкви и образа Преображенія, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ о новгородскомъ раѣ, которое въ XIV в. архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова... Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ ироническій пословицѣ о пытливости новгородцевъ: «Новгородскій рай нашелъ». Этотъ райскій островъ (гора, на которой былъ написанъ Деисусъ, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и съ которой раздавались голоса ликующихъ) могъ бы на эпическомъ языкѣ быть названъ Алатырь-камнемъ и Ѳаворъ-гора. Спутники Моислава также скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камню: такимъ образомъ сказаніе о томъ земномъ раѣ могло бы войти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья съ своею дружиной къ святымъ мѣстамъ». (Рус. вѣс 1862, окт. ст. 549, 550). Подробный же разсказъ, о существующемъ понынѣ, подземномъ городѣ, Китижѣ, гдѣ стоятъ еще древніе соборы и живутъ какіе-то святые старцы, и откуда по временамъ избранные люди изъ богомольцевъ слышатъ церковный звонъ, несущійся по близь лежащему святому озеру, смот. въ примѣч. г. Безсонова къ народнымъ былинамъ, и въ разсказѣ г. Печерскаго (Мельникова): за Волгой, Рус. вѣстн. 1868 г. Іюнь ст. 459, 460.

19) Преданіе объ основаніи Москвы какимъ-то княземъ Данилой, съ помощью гречина, и о видѣніяхъ, бывшихъ при этомъ князю, см. рус. богат. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862, Мар. ст. 63, 64).

20) Перерожденію народовъ отъ лучшаго къ худшему есть много примѣровъ въ исторіи; къ нашему народу всего ближе подходитъ слѣдующее замѣчаніе Токвилля: «Токвилль, основательно изучившій восьмнадцатый вѣкъ, утверждаетъ, что французскій крестьянинъ находился передъ революціей гораздо въ худшемъ состоя-

Digitized by Google

ніи, чѣмъ за пять столѣтій тому назадъ». (В. Евр. 1873. Іюль, ст. 728, люди и нравы франц. револ. Лотхейссена).

21) См. рус. был. Москов. періода, изд. Рыбникова и др.

22) Основаніе этихъ духовныхъ стиховъ (Калики перех. V, ст. 162—163) г. Афанасьевъ относитъ еще къ древнему язычеству. «Эта огненная адская рѣка, говоритъ онъ, черезъ которую счастливо переплываютъ одни праведные, тогда какъ грѣшники гибнутъ въ кипучихъ волнахъ, есть поэтическое представленіе дождевыхъ потоковъ, горящихъ молніями». (Аф. т. I, ст. 576, 577). Очень близко также сходство этой картины съ представленіями скандинавской Эдды, погибели боговъ въ послѣднія времена вселенной, въ сумерки ихъ небесныхъ величій, когда Суртуръ явится съ своимъ огненнымъ воинствомъ (Gulf. p. 135). Михаилъ архангелъ, по мнѣнію г. Афанасьева, какъ воевода небесныхъ силъ, въ народныхъ преданіяхъ замѣнилъ въ этомъ случаѣ воинственнаго Перуна (т. I, ст. 576); можно добавить также и древняго Вишну, который долженъ явиться тогда въ послѣднемъ своемъ воплощеніи.

23) Такова, слово въ слово, одна изъ раскольничьихъ священныхъ пѣсней. А гремящій пророкъ, надъ всѣми земными царями царь, что упоминается въ ней, есть собственно мифическій Петръ III, какъ будетъ объяснено это во 2-й книгѣ.

Digitized by Google

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗЕМЛИ.

ПОЭМА

ВЪ XII ПѢСНЯХЪ.

СОЧ. А. В. ТИМОФЕЕВА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Gens aeterna est, in qua nemo nascitur. (Plin).

Есть вѣчное поколѣніе людей, между которыми никто не раждается. (Плиній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія кн. В. В. Оболенскаго. Николаевская ул., д. № 8.
1876

Digitized by Google

Digitized by Google

Авторъ обязанъ объяснить, что „приведенныя въ сочиненіи нѣкоторыя выписки изъ скопческой литературы (стр. 19, 57, 77, и др., также въ прим. 22 26, и др.,) суть произведенія темной массы людей, не успѣвшихъ усвоить христіанской вѣры и жившихъ въ удаленіи отъ просвѣтительнаго вліянія православной церкви.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Пѣснь 7-я.

ОСОБЫЙ МІРЪ МИКУЛЫ.

„Больше себя самаго я люблю мое семейство; больше, чѣмъ семейство, я люблю мое отечество; больше, чѣмъ отечество, я люблю все человѣчество“.

(Фенелонъ).

Что наша земная жизнь, если не сонъ?
Такъ мы твердимъ, люди, сначала временъ.
Такъ мы твердимъ, люди, себѣ и другимъ,—
А сами всю жизнь свою только что спимъ.

Но чудно!—Край спитъ, край угрюмо молчитъ;
Но въ немъ что-то есть,—что-то есть, что не спитъ!
Спятъ власти, законы, спитъ цѣлый народъ,
А край невидимо уходитъ впередъ.

Посмотришь, объятъ непробуднымъ онъ сномъ;
Но пусть кто найдетъ мигъ бездѣйствія въ немъ!
Незримо, чуть слышно, стучитъ пульсъ живой:
То духъ всенародный, то духъ міровой!

Когда туманъ сѣрый надъ моремъ стоитъ,—
Неужели море въ часы эти спитъ?
Нѣтъ, жизнь кипитъ всюду,—и въ безднѣ глухой;
Намъ только не видѣнъ міръ этотъ живой.

О, слава тебѣ, показавшему свѣтъ!...
Мы въ немъ родилися, мы имъ существуемъ,
Мы чувствуемъ, видимъ во всемъ его слѣдъ;
Вліянье его на весь міръ необъятно.

Digitized by Google

Гонимый, подобно Христу, человѣкъ,
Распятый, какъ Онъ же, въ языческомъ мірѣ,
Лежавшій во гробѣ, пока новый вѣкъ
Боролся со злобой и тьмой первобытной,—
Вотъ онъ воскресаетъ,—вотъ онъ возстаетъ,
Какъ Лазарь тридневный изъ душнаго гроба;
Самъ міръ фарисейскій ему руку жметъ,
И шумно встрѣчаетъ его воскресенье.

Весь міръ Христовъ полонъ участьемъ живымъ,
Любовью къ успѣхамъ благимъ человѣка:
Цари преклоняютъ ихъ скипетръ предъ нимъ,
Народы въ восторгѣ ему рукоплещутъ;
Народный вопль чуждой, безвѣстной страны
Приводитъ въ тревогу далекія царства;
Сквозь дымъ и крушенье жестокой войны
Враги простираютъ къ врагамъ своимъ руку;
Народный тиранъ, какъ разбойникъ простой,
Дрожитъ предъ верховнымъ общественнымъ мнѣньемъ.

Свѣтъ этотъ чудесный, свѣтъ этотъ благой
Проникнулъ въ глубь обществъ, въ слои всѣхъ сословій;
Высокій мудрецъ и мечтатель младой
Мечтаютъ и мыслятъ, подъ теплымъ наитьемъ
Его дивной силы. Онъ въ нашихъ сердцахъ,
Онъ въ нашихъ понятіяхъ; мы развивались
Въ его благодатныхъ, живящихъ струяхъ.
Онъ нравственный воздухъ нашъ, воздухъ душевный,—
То грязный и смрадный отъ нашихъ страстей,—
То дивно—прозрачный, когда гордость міра
Его не туманитъ тровогой своей.

Сыны настоящихъ дней, полныхъ сомнѣнья,
Однако мы видимъ давно предъ собой,
Его храмъ всемірный.... Мы видимъ и слышимъ
Народы и царства, весь міръ сей земной,
Поющіе гимнъ міровой возрожденью,—
Тому Богу мира и Богу любви,
Что древле былъ распятъ за насъ и воскреснулъ,
И насъ воскресилъ, и очистилъ въ крови,
Отъ смерти и рабства. Нѣтъ болѣе рабства!..

Digitized by Google

Злой духъ произвола уходитъ съ земли;
Вездѣ блещетъ утро,—поютъ духи свѣта;
Мы сами,—хоть дни тѣ для насъ не пришли,
Твердимъ въ тихомолку напѣвъ этотъ новый.
Мы видимъ храмъ этотъ не въ дальнихъ вѣкахъ,—
А возлѣ себя. Онъ давно передъ нами;
Давно на его блеститъ надпись вратахъ:
«Воскресшій Христосъ,—Богъ живыхъ, ане мертвыхъ!»
Міръ новый свѣтаетъ у насъ на глазахъ...
Кто мыслитъ, что вѣра враждебна наукѣ,
Тотъ пусть въ ихъ сліяніи видитъ хаосъ;
Но вѣра,—она не боится науки;
Свѣтъ всякій отъ Бога. Свѣтъ—день, свѣтъ—Христосъ!
Все наше безумье, всѣ наши несчастья,—
Сыны тьмы и мрака; а міръ нашъ идетъ,
Идетъ непрестанно къ верховному свѣту.

Когда жъ просвѣтишся ты, Русскій народъ?
Когда возродишся ты, вѣщій Микула?
Прошло много времени,—тысяча лѣтъ;
Отъ насъ совсѣмъ скрылся твой образъ минувшій.
Страна вся въ движеньи, тебя будто нѣтъ.
Мы слышимъ глухой скрипъ твоей вѣщей сошки,
Нашъ край живетъ теплымъ усердьемъ твоимъ;
Но ты невидимъ,—ты всегда на работѣ.....
Весной, еще дремлетъ земля подъ сырымъ,
Холоднымъ покровомъ сѣдаго тумана,
Черно на поляхъ и по доламъ пустымъ,
Какъ сквозь рѣшето, мороситъ мелкій дождикъ,
И гонитъ послѣдній снѣгъ съ голыхъ луговъ,
Микула ужь правитъ родимую сошку;
Глядитъ онъ, отколь зыбь бѣжитъ облаковъ,
И день весь торчитъ съ своей сошкою въ полѣ,
И будитъ родимую землю. Летятъ
Однѣ за другими, съ далекаго юга,
Гусей сѣрыхъ стаи, и шумно кричатъ:
— Богъ въ помощь, Микула! — А, здравствуйте, дѣтки! —
Пахнулъ первый вешній въ лице вѣтерокъ:

*

Digitized by Google

— Богъ въ помощь, Микула! Здорово, родимый! —
Пробился на нивахъ весенній листокъ:
— Ты видишь, Микула?—Все вижу, желанный!...
И вотъ, будто гласу Микулы внемля,
Какъ силой волшебной, повсюду проснулась,
Умылась дождями, одѣлась земля;
Раздвинулся день по широкому небу;
Блеститъ все, сіяетъ по злачнымъ полямъ;
Шумъ, гамъ, щебетанье по темнымъ дубравамъ;
Сребро льется съ златомъ по свѣтлымъ рѣкамъ;
Чуть дышетъ надъ нивой сверкающій воздухъ.....
Микула подыметъ глаза къ небесамъ,
Какъ солнце садится,—и снова день цѣлый,
Какъ образъ сторукій его, Бріарей,
Онъ видѣнъ повсюду; лишь только мелькаютъ,
По чащѣ лѣсной, вдоль луговъ и полей,
То серпъ его острый, то древко съ косою.
Глядитъ тогда птичка съ веселыхъ небесъ,
Глядитъ звѣрокъ малый изъ норки подземной,
Глядитъ песъ лохматый, глядитъ темный лѣсъ,
Глядятъ всѣ и ждутъ: вотъ, родной уберется,—
Вотъ онъ уберется и будетъ для нихъ
Своя также доля; затѣмъ, что Микула
Не только кормилецъ собратій своихъ,
Но также кормилецъ и ихъ, безсловесныхъ.
Но вотъ, убрался онъ! Господь Богъ помогъ.
Осеннее солнце еще позлащаетъ
Прощальнымъ сіяньемъ свой лѣтній чертогъ;
Опять потянулися сѣрыя тучки,
Опять летятъ стаи гусей, журавлей;
Хруститъ желтый листъ по поблекшему лѣсу,
Растетъ пора длинныхъ, осеннихъ ночей,—
Микула выходитъ царемъ домовитымъ,
Луга его полны рядами стоговъ;
Въ гумнѣ, будто городъ, стоятъ желты скирды;
Зеленая озимь, плодъ новыхъ трудовъ,
Какъ яркій коверъ, разостлалась вдоль поля;
Для всѣхъ удѣлилъ отъ своихъ онъ плодовъ:

Digitized by Google

Кротъ въ темную норку стащилъ всякихъ зеренъ;
Залетная птица еще щелушитъ
Во всю длинну ночку пустынную ниву;
Уютная мышка, и та шеберститъ
Подъ ворохомъ гречи... «Спасибо, Микула!
Спасибо, кормилецъ нашъ!—все говоритъ.
Съѣдимъ мы немного, а все ты сытъ будешь».
Затѣмъ, вплоть до лѣта спокойна семья!
Сильнѣй дунулъ холодъ, ушло солнце съ неба;
Уснула подъ снѣгомъ пушистымъ земля;
Угрюмая вьюга гуляетъ по селамъ;
Голодный медвѣдь по берлогамъ лежитъ;
Залетныя птицы слетѣли на Полдень;
Одинъ непосѣдный Микула не спитъ.
Глядитъ онъ: яснѣетъ иль хмурится небо?
А самъ съ полуночи стоитъ на гумнѣ;
Горитъ ворохами сухая солома;
Обмерзшій лѣсъ дремлетъ въ глухой тишинѣ;
Лишь цѣпъ долговязый гуляетъ по току,
И мѣрно стучитъ по холоднымъ снопамъ.
Къ Николѣ, сваритъ онъ, Микулушка, брагу;
Отворитъ дверь настежь любезнымъ гостямъ.
На утро насыплетъ въ дровешки онъ хлѣба,
Поѣдетъ шажкомъ онъ съ богатствомъ своимъ
Въ уѣздный свой городъ,—купить себѣ соли,
А внукамъ гостинцевъ. Подъ кровомъ роднымъ
Они подростутъ,—а тамъ воля Господня.....

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
«Во скирды сложу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю, да и мужичковъ напою.
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Все это, какъ прежде! И образъ его
Такой же, какъ прежде. Въ немъ духъ православный;
Но складомъ стариннымъ ума своего

Digitized by Google

Онъ тотъ же язычникъ. Ему еще нуженъ
Обрядъ и обычай; онъ чтитъ лишь боговъ,—
Боговъ, что онъ видитъ своими глазами.
Ему нуженъ Богъ, какъ чудесный покровъ
Въ его тяжкой долѣ,—богъ-домостроитель,
Хранящій незримо его теплый кровъ,
Стада его, пчельникъ; богъ—вѣрный защитникъ
Его самаго и семьи, отъ бѣды
И алчной корысти властей ненасытныхъ.
Подъ гнетомъ стѣсненій и вѣчной нужды,
Ему нужна вѣра въ міръ будущій, лучшій;
Гдѣ онъ отдохнетъ отъ земныхъ своихъ мукъ.
Гдѣ онъ посмѣется надъ вѣчной неправдой,—
Надъ тѣмъ Бріареемъ о тысячѣ рукъ,
Что въ немъ поломалъ давно крѣпкія кости.
Какъ въ древнее время, въ его деревняхъ
Живутъ съ нимъ и нынѣ старинные боги,
По мельницамъ темнымъ; въ озерахъ, въ рѣкахъ,
По гумнамъ и нивамъ, въ избѣ его теплой,
На пчельникѣ, въ злачныхъ лугахъ и въ лѣсахъ;
Повсюду, гдѣ онъ самъ. Какъ въ прежнее время,
Они посылаютъ подспорье въ трудѣ,
Пасутъ его скотъ и коней, извѣщаютъ,
Что чуютъ къ добру, и что къ худу—къ бѣдѣ,
Даютъ ему ведро, даютъ и ненастье.
И нынѣ, гдѣ онъ ни селится въ глуши,—
Тотчасъ же все чуетъ его приближенье...
Звѣрь хищный уходитъ въ дубравы свои,
А малый звѣрь, птица, спѣшатъ къ нему въ гости;
И съ первой же въ полѣ его бороздой,
Лѣсъ пятится въ долы, гора ползетъ къ низу,
Болота сбѣгаютъ въ овраги съ водой,
Сама зима образъ мѣняетъ суровый.
И всѣ имъ довольны, кормильцемъ роднымъ;
Кому трудоваго онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
Кого миротворитъ совѣтомъ благимъ,
Кого пришибетъ и тяжелою сошкой.

Digitized by Google

Вокругъ него тотъ же міръ вѣщій стоитъ,
Надъ нимъ тоже небо, что были и древле.
Илья пророкъ, древній Громовникъ, гремитъ
Ему въ бурныхъ тучахъ; святой ему Власій,
Старинный Велесъ нашъ, скотинку хранитъ.
На святкахъ, Микула съ семьею гадаетъ;
Авсеню онъ грешневу кашу варитъ,
А снѣгомъ крещенскимъ врачуетъ недуги,
И гонитъ имъ силу нечистую прочь.
Во дни самыхъ сильныхъ январскихъ морозовъ
Онъ вѣдьмъ изгоняетъ, и цѣлую ночь
Тогда угощаетъ въ избѣ домоваго.
На Срѣтеньевъ день, онъ заклятье кладетъ
На мелкую мышь, чтобъ не портила скирды;
Предъ масляной, только притихнетъ народъ,
Онъ кличетъ съ овчины небесныя звѣзды,
Чтобъ овцы плодились, и по три зари
Несетъ на морозъ сѣмена полевыя,
Чтобъ тѣмъ охранить лѣтомъ нивы свои.
Въ Грачевники онъ изгоняетъ кикиморъ,
Что сушатъ красавицъ его молодыхъ
Нечистой любовью; предъ свѣтлою Пасхой,
Огнемъ очищаетъ домашнихъ своихъ,
И зимнія ихъ сожигаетъ постели.
При вскрытіи рѣкъ,—во главѣ рыбаковъ,
Онъ топитъ живаго коня Водяному,
Чтобъ онъ даровалъ имъ богатый уловъ;
Причемъ у коня заплетается грива
Въ косички и въ ленты; какъ древней порой,
Въ священный часъ жертвы, ему обливаютъ
Всю голову медомъ и солью.
Весной
Микула ждетъ срѣтенья Мѣсяца съ Солнцемъ.
Со дня самыхъ первыхъ морозовъ, они
Расходятся порознь, въ далекія страны;
Но только наступятъ весенніе дни,
Встрѣчаются вновь, и тогда сообщаютъ,
Другъ другу, гдѣ были, что видѣли тамъ.

Digitized by Google

Нерѣдко ихъ встрѣча доходитъ до ссоры;
А ссора кончается, по временамъ,
Ужасною бурей и землетрясеньемъ.
А праздники?—Святки, зеленый Семикъ,
Иль встрѣча Весны, день Ивана-Купалы,
Святой Коляды, раздаванье ковригъ
И разныхъ печеныхъ животныхъ изъ тѣста;
Ильинъ день,—Перуній,—Флора и Лавра,—
Семенъ день,—Русалья недѣля,—Ярила,—
Великій Петровъ-день, когда изутра
Микула столъ ставитъ *обѣтный*,—Кукушки,—
Задушны поминки,—родная краса,
Свѣтъ-Масляница, отъ трехъ матушекъ дочка,
Всѣмъ бабушкамъ внученька, руса коса,
Бумажное тѣльце, перепельи костки,
Сахарны уста?—Иль великъ день Покровъ,
Когда въ міръ-народѣ готовятся свадьбы;
А онъ наблюдаетъ, сынъ древнихъ боговъ,
Родной ему мѣсяцъ и слушаетъ звѣзды?
Чигарь-звѣзда [1]) счастье приноситъ ему;
Сахáръ-звѣзда [2]) служитъ въ пути звѣроловамъ.
Въ *Утиномъ гнѣздѣ* [3]) нѣтъ пути никому:
Живетъ въ звѣздѣ этой нечистая сила.
Кигачи,—[4]) на этой планетѣ живутъ
Такіе же люди; но меньше насъ ростомъ.
Они то и дѣло по небу бѣгутъ,
Верстъ тысячу въ часъ, въ золотыхъ колесницахъ.
Внутри *Становища* [5]),—въ звѣздѣ-*Колесѣ* [6])
Желѣзномъ,—посажены злые татары.
Вокругъ звѣзды этой, подобно росѣ,
Сверкаютъ, какъ будто, молочныя капли;
Татарка кормила дитя молокомъ,—

---

[1]) Венера.
[2]) Медвѣдица.
[3]) Плеяды.
[4]) Оріоновъ поясъ.
[5]) Млечный путь.
[6]) Арктическій поясъ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ эти капли такъ тамъ и остались.
Дѣвичіи зори, [7]) что краснымъ пятномъ
Сіяютъ такъ ярко внизу Становища,—
Здѣсь нѣкогда жили три вѣщихъ сестры,
Проклятыя богомъ; ничто ихъ не брало,—
Однако взяла смерть свое; съ той поры
Онѣ и пылаютъ на небѣ Зорями.
Маньякъ [8]) назывался встарь бѣлымъ путемъ;
Онъ падаетъ на домъ, гдѣ втайнѣ дѣвица
Утратила стыдъ свой, или надъ дворомъ,
Гдѣ мужу съ женой угрожаетъ разлука.
Въ отсутствіи этихъ несчастныхъ мужей,
Маньякъ принимаетъ нерѣдко ихъ образъ;
По мнѣнію также бывалыхъ людей,
Подъ видомъ Маньяка блуждаютъ по небу
Проклятыя души.
До сихъ еще поръ
Микула приноситъ кровь кочета въ жертву.
А сглазъ, лихоманки, чума или моръ,
Коровія смерть, или древній обычай
Опахивать села?...
Спросите его:
Отколь у насъ греча?—Жила прежде греча
Прекрасной царевной, и было всего
У ней въ изобильи. Жила она въ холѣ;
Потомъ полонили татары ее.
Шла разъ чрезъ орду ихъ старушка. Царевна
Открыли старушкѣ несчастье свое,
Въ какой она нуждѣ и тяжкой работѣ.
Старушка рѣшилась помочь сиротѣ;
Она обернула младую царевну
Гречишнымъ зерномъ, и въ своей калитѣ
Ее принесла въ нашу русскую землю.
У насъ, на Руси, схоронила зерно

---

[7]) Три звѣзды возлѣ Млечнаго пути.
[8]) Падающія звѣзды.

Digitized by Google

Она въ чистомъ полѣ; зерно пошло къ росту,—
Повѣяли вѣтры,—и стало оно
Съ тѣхъ поръ распложаться по всей землѣ русской.

Но въ чемъ всего больше Микула хранитъ
Свой древній характеръ; то это въ обрядахъ
Торжественныхъ свадьбы. Тутъ весь его бытъ
Вполнѣ выступаетъ старинный. Въ то время
Онъ вновь глава рода, владыка земли;
Его окружаетъ почетный дворъ княжій:
Какъ старшему въ родѣ, ему всѣ свои.
Онъ дѣлаетъ смотръ и даетъ *нарѣканье*
Избранной невѣстѣ; сбираетъ *нарядъ*,
Изъ тысяческихъ, дружекъ, отцовъ посаженныхъ,
Бояръ и боярынь... На все тутъ обрядъ
И древній обычай. Сперва канунъ свадьбы;
Потомъ, размѣщенье столовъ для гостей,—
Чертожное мѣсто, постель, кади съ хлѣбомъ,
Особыя яства въ теченьи тѣхъ дней,—
Куря, перепеча, лапша, короваи.....
Торжественный выѣздъ къ вѣнцу жениха,
Торжественный выѣздъ изъ дома невѣсты,
Чесанье волосъ ей..... Какъ жизнь ни плоха,
Но въ свадьбу Микула убьетъ грошъ послѣдній!
Затѣмъ, брачный поѣздъ, невѣстинъ покровъ,
Плетенье косы ей, и поѣздъ обратный,
Гостей столованье, принятье даровъ,
Отдача невѣсты въ сѣнникъ,—тамъ кормленье,
Пиръ княжій, подарки,—дары молодымъ,
Дары поѣзжанамъ, пиры отдаренья.....
Будь даже Микула владыкой земнымъ,
Не могъ бы Микула честнѣй справить свадьбу!
И былъ бы онъ, вѣщій Микула, богатъ,—
Когда бъ не послалъ Богъ лихую Недолю.
Его не одинъ ждетъ нетронутый кладъ.....
Однажды застрянулъ въ Микуловомъ лаптѣ
Цвѣтъ-папоротникъ; онъ тогда увидалъ
Такой яркій блескъ отъ схороненныхъ кладовъ

Digitized by Google

Что обмеръ отъ дива. Но онъ затерялъ
Цвѣтъ этотъ волшебный,—и клады исчезли.
Но всѣ эти клады ждутъ только его;
Онъ ихъ настоящій, древнѣйшій хозяинъ.
Пускай у него нѣтъ пока ничего;
Но въ темномъ грядущемъ,—кто знаетъ, что будетъ!

Событья затерли его въ мракъ глухой;
Онъ тамъ и остался. Тамъ міръ его древній.
Но міръ нашъ гражданскій—Микулѣ чужой.
Онъ вѣритъ царю—государю, да Богу;
Что Богъ, то и царь ему выше всего;
Царь-красное Солнце, царь-свѣтъ его ясный,
Царь милостивъ къ людямъ и любитъ его;
Царь любитъ его, какъ отецъ своихъ дѣтокъ,
И многое бъ сдѣлалъ на благо ему:
Но князи, бояре стоятъ между ними.....
Извѣстное дѣло, царю одному
Нельзя усмотрѣть все,—они къ царю ближе [1])!

Микула нашъ помнитъ, себѣ не въ укоръ,
И Гришку-Растрижку, и дни междуцарствья,
И славный Московскій народный соборъ
Царя Алексѣя. Онъ помнитъ, какъ шелъ къ намъ
Король Свицкій Карлусъ. Онъ помнитъ Петра,
И матушку славную Екатерину.
Пожарскій, Скопинъ-князь,—вся эта пора
Ему небезвѣстна. Не мало онъ знаетъ,
И новыхъ славнѣйшихъ боярскихъ именъ,
И вѣрную службушку ихъ Государю..... [2])
Но вся наша слава родимыхъ знаменъ,
Весь блескъ страны новой, ему какъ чужіе.
Блескъ этотъ Микулѣ не дешево сталъ;
Онъ внесъ эту славу на собственныхъ плѣчахъ;
За эту онъ славу бѣднѣлъ и страдалъ;
Она покупалась на вѣсъ его крови;
Послѣдній свой грошъ на нее онъ давалъ;
А чѣмъ эта слава его наградила?

Digitized by Google

Какую отраду внесла въ его бытъ?
Насколько неволю его облегчила?
Но вѣщій Микула про это молчитъ;
Онъ знаетъ что войны не дешево стоютъ;
Не смѣй никто тронуть его край святой;
А тронулъ,—умретъ онъ, но края не выдастъ.
И кто жь одолѣетъ его край родной?
Извѣстно,—святымъ онъ зовется издревле.

А край между тѣмъ подвигался впередъ!
Другія сословья его развивались;
Во тьмѣ оставался одинъ лишь народъ,—
Сословная рознь разрасталась все шире.
Мы знаемъ, одна дочь Микулы была
За княземъ Добрыней, другая за Ставромъ;
Но связь ихъ родства съ той поры не могла
Продлиться понынѣ. Одна, какъ княгиня,
Жила и живетъ при блестящемъ дворѣ;
Другая, боярыня,—больше въ деревнѣ.
Онѣ позабыли о третьей сестрѣ,
О древнемъ Микулѣ.
Въ старинное время,
Блистали онѣ благочестьемъ своимъ,
Строеньемъ церквей и обителей Божьихъ,
Примѣрною жизнію, рвеньемъ благимъ
Къ святителямъ церкви. Въ Петровское время,
Упорно держались онѣ старины;
Но мало по малу, и ихъ охватило
Нашествіе новшествъ въ бытъ русской страны.
Узнать ихъ однако не трудно и нынѣ;
Тотчасъ же видна въ нихъ Микулина кровь;
А въ строгой красѣ ихъ,—его вѣщій образъ.
Онѣ и теперь родовую любовь
Питаютъ къ семьѣ и къ роднѣ самой дальней.
Одна украшаетъ достойно собой
Почти каждый подвигъ въ дѣлахъ милосердья;
Другая извѣстна хозяйкой большой,
И правитъ и мужемъ, и мужней деревней.

Digitized by Google

Бояринъ Ставръ служитъ, и много ѣзжалъ;
Но онъ еще помнитъ сырые подвалы,
Свѣтъ краснаго-Солнца,—и онъ либералъ.
Теперь далеко до ихъ круга Микулѣ;
Межь ними воздвигся давно цѣлый міръ.
Онѣ благородны, богаты и сильны;
Онъ теменъ, безвѣстенъ, и бѣденъ, и сиръ:
Онъ даже былъ рабъ ихъ... Разрывъ межь нихъ полный!

Но пусть онъ такъ низко палъ въ краѣ родномъ,
Пусть онъ затертъ, замкнутъ отъ всякаго свѣта;
Онъ тотъ же глава въ міръ-народѣ своемъ,—
Въ томъ мірѣ старинномъ, гдѣ онъ самъ хозяинъ,
Гдѣ все и доступно, и близко ему;
Откуда мы слышимъ лишь скрипъ его сошки,
Хотя не замѣтенъ почти никому
Его настоящій, дѣйствительный образъ.
Онъ тамъ,—въ средѣ самой надломленныхъ силъ:
И тамъ онъ порой—тотъ же вѣщій Микула.
Пусть все измѣнилось; но онъ сохранилъ
Въ себѣ свой міръ прежній, и въ немъ остается
Онъ такъ полонъ вѣры въ свой жребій святой,
Онъ такъ уважаетъ свой трудъ, міръ народный,
Что будетъ всегда жить съ той мыслью благой,
Что имъ да царемъ лишь край держится русскій.
Какъ онъ переноситъ, Микула родной,
Судьбу свою злую,—кому въ этомъ дѣло!
Но онъ переноситъ. Онъ тянетъ свой гужъ,
Какъ тянетъ на Волгѣ бурлакъ свою лямку.
Взялся за нее, —не кричи, что не дюжъ:
За то, и онъ самъ весь, и въ немъ все—терпѣнье.
Та лямка—неволя, та лямка,—нужда!
И онъ себѣ тянетъ нужду и неволю;
Не тронь его только терпѣнья,—бѣда!
Тогда онъ покажетъ старинную силу.
Но сколько жь и гибнетъ вокругъ него силъ
Полезныхъ,—и, можетъ, громадныхъ талантовъ!
А что ему дѣлать?—Самъ край осудилъ

Digitized by Google

Великую ниву свою на безплодье.
Мы ждемъ только сверху полезныхъ людей;
А тѣ милліоны для насъ міръ отдѣльный,
Почти міръ безличный, животныхъ, звѣрей;
Мы имъ лишь подводимъ итогъ,— и довольно!
Они для насъ только бюджетъ годовой,
Живая казна и запасы для войска. *)
Поборники свѣта кидаютъ порой,
Какъ будто подачку народному міру,
По школѣ на округъ,—и мыслятъ себѣ,
Что сдѣлано все для его просвѣщенья;
А онъ самъ оставленъ бездольной судьбѣ,
И даже не смыслитъ: къ чему ему знанье?
Мы сверху чуть слышимъ тамъ голосъ его;
И видимъ одно лишь туманное море
Труда и заботъ, и затѣмъ,—ничего!
Но голосъ тотъ древле гремѣлъ отъ Полночи
До дальняго Юга; то море собой
Издавна покрыло треть цѣлой Европы;
Изъ волнъ его выплылъ край самый большой,—
И сталъ государствомъ. Тѣ бурныя волны
Досель устояться еще не могли;
Но грозный прибой ихъ растетъ все слышнѣе.....
Мы мыслимъ, что все въ этихъ безднахъ прочли;
Но также и здѣсь есть на днѣ свои тайны,
И эта глухая пучина труда,
Труда и терпѣнья,—живетъ также, мыслитъ,
И ждетъ временъ лучшихъ.
Мы зримъ иногда
Разгулъ полудикій потомковъ Микулы;
Мы слышимъ порою глухой его стонъ;
Мы чувствуемъ горечь его грустной пѣсни,
Широкой, раздольной, какъ русскій нашъ край;
Мы знаемъ, по разнымъ роднымъ поговоркамъ,

*) Разумѣется, это относится къ прошедшему времени, когда не было ни обязательной для всѣхъ воинской повинности, ни земства, ни другихъ общеполезныхъ современныхъ преобразованій, ко благу народа.

Digitized by Google

Его здравый умъ, мы порой, невзначай,
Спускаемся въ омутъ его горькой жизни,
Гдѣ все такъ печально, невзрачно, темно,—
Чтожъ нашъ образованный разумъ тамъ видитъ?
Заглохшія воды,—нечистое дно;
Межь тѣмъ, тамъ одна только наша неправда..!
Но онъ и самъ въ притчѣ разскажетъ простой,
Какъ царь, по совѣту бояръ, впустилъ Кривду,
Обмѣривъ Микулу, боярской рукой,—
За добрый совѣтъ своей царской наградой;
Микула стерпѣлъ; но съ той самый поры
Священная Правда сокрылась на небо;
А Кривда осталась. [3])

Какіе дары

Природа издревле дала землѣ русской!...
Но въ силахъ ли онъ дары эти добыть?
Нѣтъ, надо на это поболѣе знанья.
Да смѣетъ ли онъ и богатымъ прослыть?
Его оберутъ,—онъ впередъ это знаетъ.
За то его дѣтки и пашутъ, и жнутъ,
И дѣлаютъ все черезъ пень да колоду;
И пѣсню сложили про то, и поютъ
Ее по всей Руси,—печальную пѣсню:

«Ты крапива ли, крапива, зла-трескучая,
«Одолѣла ты, крапива, поле чистое;
«Что ни конному ни пѣшему пройтить нельзя,
«Что ни мнѣ ли, добру молодцу, проѣхати.»

Порою и онъ самъ, Микула родной,
Смѣясь надъ злосчастной своею судьбиной,
Надъ вѣщею силой своею былой,—
Порою и онъ самъ, вамъ въ шутку разскажетъ,—

«Какъ былъ въ полѣ онъ съ шалыгой подорожною:
«Глядитъ счету нѣтъ на кобылкѣ слѣпней,
«И жужжатъ мухи, комары-разбойники...
«Стегнулъ по боку онъ кобылку богатырскую,
«Убилъ съ разу и безъ смѣты ихъ;
«Ударилъ въ другоредь,—убилъ сорокъ слѣпней.

Digitized by Google

«Взялъ ихъ всѣхъ, сложилъ въ кучу, и думаетъ:
«Вѣдь я въ одинъ взмахъ убилъ сорокъ богатырей,
«А мелкой-то сошки и смѣты нѣтъ.
«Вотъ я каковъ! Богатыремъ сталъ!»
И все-таки, міръ тотъ печальный, глухой,
Милѣе ему, чѣмъ нашъ міръ просвѣщенный,
Нашъ міръ настоящій! Тотъ міръ ему свой;
Микула издревле въ немъ полный хозяинъ;
А міръ просвѣщенный,—что далъ онъ ему?
Какою наукой развилъ его разумъ?
Къ кому онъ прибѣгнетъ, Микула, къ кому,
Чтобъ выдти изъ мрака на свѣтъ ему Божій?
Какой высшей пользой его привлекутъ
Изъ тьмы, гдѣ онъ свыкся, на этотъ свѣтъ вольный?..
Онъ знаетъ, какъ вольныя птицы живутъ,
И какъ имъ придется жить, можетъ быть, долго!
«Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
«Всѣ птицы у насъ при работѣ,
«И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
«Пѣтухи поютъ по сараямъ,
«Курицы поютъ по фатерамъ.
«Курица у насъ побѣдная птица»...
«А на морѣ на Дунаѣ,—
«Тамъ ворона богатая птица;
«Весной летаетъ по суслонамъ;
«По деньгѣ суслонъ продаваетъ.
«Будетъ она по задворкамъ летать,
«Русскимъ птицамъ голосъ подавать:
«Какъ будутъ—люди—тѣ обѣдать,
«Какъ станутъ нищи по подоканью бѣгать;
«Холодныхъ щей не хлѣбали,
«И горячихъ вѣкъ не видали»... [4])
Такъ онъ самъ смѣется надъ горькой нуждой;
Но это смѣется въ немъ мощная сила!

Пускай потрудится угодникъ иной,
Какъ трудится онъ, непосѣдный Микула;
Пускай угодитъ онъ молитвой своей,

Digitized by Google

И жизнію постной, и въ землю метаньемъ,
И сдѣлаетъ столько-жь на пользу людей,—
Какъ Богу угоденъ и людямъ полезенъ,
Рабочій Микула!

Жилъ нѣкій святой,
И былъ онъ такъ святъ и угоденъ предъ Богомъ,
Что разъ онъ въ пустынѣ воткнулъ жезлъ сухой,
И жезлъ далъ листы и покрылся цвѣтами;
Какъ слышитъ однажды гласъ ангела онъ,
Что святостью выше его Селянинычъ.
«Какъ это возможно! День каждый и часъ
Молюсь и тружусь я въ безмолвной пустынѣ;
А онъ меня выше? подумалъ святой.
Не вижу я кровныхъ, ни женскаго пола;
А онъ живетъ въ мірѣ, съ своею женой;
Пожалуй, не часто бываетъ и въ храмѣ.
Пойду, попытаю!»

Идетъ онъ и зритъ:
Простой мужичекъ,—такъ себѣ,—пашетъ пашню.
«Богъ въ помощь! «пустынникъ ему говоритъ.
—«Спасибо! Присядь-ка! мужикъ отвѣчаетъ.
Съ дороги усталъ, чай?» А самъ все ведетъ
Бороздку къ бороздкѣ, по чистому полю.
Присѣлъ нашъ пустынникъ. Не малый походъ
Сломалъ онъ; но старцу и въ умъ не приходитъ,
Что это и есть Селянинычъ. «Нѣтъ, свѣтъ,
Устать не усталъ, возражаетъ; а время,
Пожалуй, обѣдать».—«Какой-ста обѣдъ!
Нѣтъ, отче, обѣдать теперь еще рано»—
Микула на это ему говоритъ.
Межъ нихъ завязалася скоро бесѣда,—
А онъ, мужичекъ, все бороздки чертитъ.
«Теперь, кажись, время?» пождавъ, сказалъ старецъ.
«И то еще рано!»—Микула въ отвѣтъ;
А самъ себѣ пашетъ тихонько, да пашетъ!
Пождалъ еще старецъ: «Теперь время, свѣтъ!»
Онъ въ третій ужь разъ про обѣдъ начинаетъ.
«—Пожалуй, теперь-ста и близокъ тотъ часъ!

Digitized by Google

Промолвилъ Микула. Еще вотъ немножко!
Дай кончить обѣдню; отслужатъ, какъ разъ.»
«—Какую обѣдню?» святой вопрошаетъ.
—«А вотъ, отвѣчаетъ Микула родной,
Ступи-ка мнѣ, отче, на правую ногу,—
Узнаешь.» Ступилъ онъ,—и слышитъ святой,
Гудитъ звонъ церковный по цѣлому небу.
Напалъ на него инда-ужасъ. «Охъ, свѣтъ,
Что это такое?»—спросилъ онъ.—«Ты слышишь,—
Отходитъ обѣдня на небѣ»...въ отвѣтъ
Ему объясняетъ, творя крестъ, Микула.
«Теперь и намъ людямъ обѣдать пора!»
Онъ сѣлъ возлѣ старца, и стали обѣдать.
Извѣстно, что было съ Микулой съ утра,
Того и поѣли. Микула убрался,
Съ часокъ отдохнулъ, и, встряхнувшись, пошелъ
Допахивать поле. Задумался странникъ,
И больше ни слова.
Микула привелъ
Его къ себѣ въ избу, поужиналъ съ гостемъ,
Потомъ помолился, и легъ спать съ женой.
Въ переднемъ углу помѣстился и старецъ.
Когда утромъ встали: «Скажи мнѣ, родной,
Спросилъ онъ, почто такъ Господь тебя любитъ?—
Живешь, какъ и всѣ, ты, и спишь ты съ женой;
А Богу угоденъ?»—«Чѣмъ мнѣ быть угоднымъ?—
Сказалъ Селянинычъ. Не лучше людей!
Господь не насъ любитъ, а любитъ онъ трудъ нашъ.
Тружусь вотъ и я, сколь есть силы моей...
А что на мою ты постелю все смотришь?
Ты вотъ полежи-ка, попробуй, на ней—
Тогда и узнаешь!».....Взглянулъ святой старецъ,
И видитъ, въ постели все гвозди торчатъ.
—«Что? Видѣлъ?—У старца спросилъ Селянинычъ,—
И знай, какъ крестьянушки съ женами спятъ.
А ты жену бросить мнѣ что-ли прикажешь?
Не Богъ меня развѣ съ женой сочеталъ?

Digitized by Google

Вотъ, ты и подумай.»—
«По истинѣ чудно!
Смотрю, и дивлюся!—святой мужъ сказалъ.
Какой же твой подвигъ угоденъ такъ Богу?
Я вотъ, дни и ночи пощусь и молюсь;
А ты меня выше».—«Не вѣдаю, право,
О чемъ ты толкуешь. Я день весь тружусь,
И въ томъ весь мой подвигъ!» отвѣтилъ Микула.
Задумался больше еще мужъ святой—
И съ нимъ распрощался. Пошелъ Селянинычъ
На пашню; а что тамъ за подвигъ такой,
Про то и не мыслитъ [5]).

А онъ любитъ думать!
Онъ съ древнихъ временъ созерцанье любилъ;
Въ немъ есть и еще сторона,—онъ сектаторъ...
Предъ нимъ міръ исполненъ божественныхъ силъ;
Онъ вѣщее зритъ въ самой буквѣ значенье.
Никто не сложилъ столько толковъ, какъ онъ;
Немного примѣровъ такого упорства,
Что онъ заявилъ съ самыхъ древнихъ временъ
Въ своихъ убѣжденьяхъ. Душевная вѣра
Ему драгоцѣннѣй и выше всего.
Подобно буддистамъ, онъ любитъ пустыню;
Святая молитва и постъ для него
Есть верхъ совершенства. Повсюду тѣснимый,
Онъ все не теряетъ надежды своей
Дожить до дней лучшихъ,—когда свѣтъ Господній
Сберетъ, просвѣтитъ и научитъ людей
Жить въ мирѣ-согласьи и въ братскомъ единствѣ.
Онъ вѣруетъ строго въ ученье свое,
И самъ проповѣдуетъ это ученье.
Онъ отдалъ земное свое бытіе
На жертву врагамъ и гонителямъ лютымъ;
Но онъ убѣжденъ,—дни другіе придутъ,
И онъ воцарится тогда въ своемъ царствѣ.
Онъ все переноситъ—и голодъ, и кнутъ,
Воимя Христово; но онъ не проводитъ

Digitized by Google

Дни божіи праздно. Незримо снуютъ
Апостолы, дѣтки его, средь народа;
Они во всѣхъ селахъ, во всѣхъ городахъ...
Его богатырскій міръ также не умеръ,—
Одни разъѣзжаютъ въ раздольныхъ степяхъ,
И тамъ заявляютъ себя въ разныхъ видахъ;
Другіе спятъ въ дальнихъ, высокихъ горахъ,
И ждутъ только дней тѣхъ, когда воцарятся
Въ странѣ свѣтъ и правда,—тотъ вѣкъ золотой,
Когда не подыметъ руки братъ на брата,
И больше нигдѣ, въ странѣ нашей святой,
Не будетъ для хищнаго ворона пищи. [6])

Микула недавно еще былъ рабомъ,
Но онъ завсегда жилъ надеждой безсмертья
Лишь это одно служить можетъ ключемъ
Къ его, непонятному многимъ, терпѣнью.
Какихъ не бралъ мѣръ онъ,—а что приобрѣлъ?..
И общее бѣгство, и бунтъ, и насилье,
И даже юродство, и дикій расколъ,
И самосозженье..... Все было напрасно!
Сильнѣйшая сила сломила народъ, –
И онъ покорился. Онъ вѣритъ и знаетъ,
Что рано ли, поздно-ль, его день придетъ;
И слабый, и сильный, всѣ подъ Богомъ ходятъ...
И онъ, Селянинычъ нашъ, изстари ждетъ
Послѣднихъ временъ и судилища Божья... [7])

«Загорится матушка сыра-земля,
«Съ Востока загорится, до Запада,
«Съ Полуденъ загорится да до Ночи,
«И выгорятъ горы съ раздольями,
«И выгорятъ лѣсы темные.
«И сошлетъ Господь потопіе
«И вымоетъ матушку сыру землю,
«Аки харатью бѣлую,
«Аки скорлупу яичную,
«Аки дѣвицу непорочную.
«И сойдетъ Михаилъ-архангелъ батюшко,
«Вострубитъ въ трубоньку золоту!..

Digitized by Google

«И пойдутъ гласы по всей землѣ,
«Соберутся живые и мертвые...»
Онъ ждетъ земли новой, ждетъ тысячи лѣтъ,—
И будетъ все ждать онъ, пока не узнаетъ,
Что новую землю ему дастъ лишь свѣтъ;
Безъ свѣта жь,—все жить на землѣ ему прежней!

Но долго ль придется ему ожидать?
Для насъ каждый вѣкъ—переходное время:
Едва начинаетъ вѣкъ новый свѣтать,
Тотчасъ вѣкъ минувшій зовутъ вѣкомъ старымъ.
Мы новый вѣкъ чувствуемъ тоже давно;
Для насъ, можетъ, также—послѣднее время...
Не мало намъ знаменій видѣть дано!....
Былыя свѣтила, померкнувъ, слетаютъ,
Какъ блеклые листья съ изсохшихъ деревъ;
Старинное нѣбо, какъ ветхая риза,
Свивается въ свитокъ; прошелъ вѣкъ боговъ;
Во всѣхъ сердцахъ зрѣетъ невольное чувство,
Что тьма миновала,—приходитъ весна!
Весна—воскресенье уснувшей природы;
Весна—пробужденье отъ лѣни и сна;
Весна—свѣтъ, веселье, свобода вселенной;
Весна—возрожденье людей и земли!..
Пускай еще рыщутъ раздоръ и насилье,
Пускай война мечетъ перуны свои,
Пускай торжествуетъ кулачное право:
Все это должно быть въ послѣдніе дни;
Но съ этимъ приходятъ и дни обновленья.....
Такъ въ самомъ исходѣ холодной зимы,
Когда ужь пахнуло тепломъ благотворнымъ,
И въ мертвое царство морозовъ и тьмы
Съ небесъ проглянуло весеннее солнце,—
Угрюмый туманъ еще долго виситъ
Въ напитанномъ влагою, морѣ воздушномъ.
То мокрый снѣгъ хлопьемъ, то дождь моситъ
По голымъ полямъ, по безмолвнымъ деревнямъ.
Еще духи вьюжныхъ, холодныхъ ночей

Digitized by Google

Неистово воютъ надъ мирнымъ жилищемъ;
Разстаться не хочется съ шубой своей
И съ теплою печкой; еще въ темный вечеръ
Во мглѣ избы дымной лучина трещитъ,
Свѣтя зимнимъ пряхамъ, ночнымъ шерстобитамъ,
И дико песъ воетъ, и злобно рычитъ,
Почуявъ присутствье голоднаго волка;
Еще дуетъ стужей и мглою сырой
Изъ голаго лѣса и степи пустынной.....
Но небо ужь блещетъ веселой весной;
Поля почернѣли, согрѣтыя солнцемъ,
Вода проступаетъ сквозь ледъ голубой;
Кой-гдѣ ужь щебечетъ незримая птичка;
Полдневное солнце, то вдругъ разорветъ
И ярко освѣтитъ ползущія тучи,—
Тепло такъ, отрадно, сквозь нихъ, обольетъ
Златыми лучами деревню и поле,—
Съ лазурнаго неба на землю пахнетъ
Весеннею, свѣжей, живящею силой;
То солнце и небо закроютъ опять
Свинцовыя тучи; стучитъ крупа въ окна;
Опять все померкло, ни зги не видать,—
Пошелъ снѣгъ и холодъ,—мертвящая стужа.
Но все-таки это весна ужь,—весна!
За этимъ туманомъ и холодомъ,—лѣто.
Проснись, земледѣлецъ, отъ зимняго сна!
Бросай, лежебока, пуховое ложе!
Вставай, народъ вольный, готовься къ трудамъ!
Весна у воротъ ужь, она не замедлитъ....
Смотри, вонъ пробились ручьи по полямъ,
Зеленая травка сверкаетъ на солнцѣ,
Листокъ зеленѣть началъ въ голыхъ лѣсахъ,
Запѣла овсянка, мычатъ стада въ полѣ,
Веселое солнце блеститъ въ небесахъ,
Все ожило,—всюду раздолье, рай Божій,
Свобода!....

Неужли Микула одинъ
Не чувствуетъ этой весны возрожденья?

Digitized by Google

Чего-жь еще ждетъ онъ, чтобъ всплыть изъ пучинъ
Кромешнаго мрака, принять скорѣй образъ
Живой человѣка?—Иль онъ намъ чужой?
Иль всѣ христіяне, предъ Богомъ, не равны?
Иль онъ гражданинъ лишь той жизни иной?..
Ты слышалъ, Микула, торжественный голосъ,
Не то человѣка, не то божества:
«Возьми, скорбный одръ твой, и будь здравъ, Микула!
Нѣтъ болѣе рабства!» Ты ждалъ торжества,
Ты ждалъ новыхъ дней,—вотъ они: ты свободенъ!

О слава Тебѣ, показавшему свѣтъ!
Осанна, владавцу во имя Господне!
Встаетъ новый міръ,—въ изумленіи свѣтъ,—
Ликуетъ народъ,—торжествуетъ край русскій...
Что это за время?...Что это за дни!...
Что было! Что будетъ?... О горе умершимъ,
О радость живымъ! Да воспрянутъ они,—
Предсталъ юный царь—и край цѣлый воскреснулъ...
Послѣднее время! Міръ новый вкругъ насъ.
Тотъ міръ, гдѣ живемъ мы, гдѣ жили понынѣ,—
Тотъ міръ исчезаетъ, уходитъ изъ глазъ;
Самихъ насъ уноситъ куда-то теченьемъ.
Иной кругъ небесный, иная земля
Насъ ждутъ въ неизвѣстномъ еще отдаленьи;
Иные и люди, событья, края,
Всплываютъ изъ мрака. Мы видимъ на небѣ
Зарю небывалыхъ, чудесныхъ временъ;
Онѣ идутъ сами къ намъ прямо навстрѣчу.
Все ярче и ярче блеститъ небосклонъ,
И съ каждымъ движеньемъ свѣтлѣе дорога.
Мы явственно слышимъ грядущаго гласъ;
Мы чувствуемъ духомъ тотъ міръ необъятный;
Онъ плещетъ оттуда, онъ вѣетъ на насъ
Своимъ обаяньемъ; онъ ждетъ насъ, міръ новый...
Борьба, ожиданье чего-то кругомъ,—
За нами, предъ нами, по цѣлой вселенной;
Борьба въ каждомъ сердцѣ и духѣ живомъ;

Digitized by Google

Борьба, ожиданье, по цѣлому свѣту.
Мы въ самый ударились водоворотъ,—
Между двухъ міровъ, какъ между двухъ теченій;
Который изъ нихъ насъ съ собой унесетъ?
Откуда раздастся: пришло наше время!..
О птички, надежды, златыя мечты!
Что вы намъ поете за сладкія пѣсни!
Зачѣмъ онѣ полны такой красоты?
Сирены! Бѣда. васъ заслушаться людямъ...

Такъ я, еще весь подъ наитьемъ святымъ
Великихъ дней этихъ, столь явственно полныхъ
Высокимъ значеньемъ своимъ міровымъ,
Леталъ окрыленной мечтою въ грядущемъ.
Она рисовала мнѣ много картинъ,—
Прекрасныхъ картинъ, что лишь только рисуетъ
Мечта, — сей художникъ, артистъ-исполинъ,
Въ счастливыя наши, златыя минуты
Сердечной отрады. Мнѣ въ душу сіялъ
Свѣтъ ясный, тогда еще новаго утра;
Какъ вдругъ предо мною нежданно предсталъ
Мой старый пріятель. Всѣ близкіе звали
Его Ставръ Годинычъ [8]).
Былъ вечеръ. Я зналъ что пришелъ онъ ко мнѣ,
Чтобъ мнѣ возвѣстить о торжественномъ въѣздѣ
Въ Москву нашихъ братій-славянъ,—что вполнѣ
Мнѣ было извѣстно. Но Ставръ нашъ Годинычъ
Живетъ весь въ грядущемъ. Его умъ рѣшалъ
Впередъ міровыя задачи вселенной;
Поэтому часто онъ. Ставръ, забывалъ
Про то, что творилось у всѣхъ предъ глазами.
Любилъ онъ похвастать искусствомъ своимъ,—
Провидѣть что будетъ; любилъ похвалиться
Грядущимъ значеньемъ, высоко-благимъ,
Земли нашей русской. Въ немъ живъ былъ боярин
Дней прежнихъ,—когда тотъ хвалился женой,
Широкимъ дворомъ и богатымъ хозяйствомъ;
Онъ зналъ, что за этотъ порокъ родовой,

Digitized by Google

Теперь не сажаютъ въ сырые подвалы;
И былъ вполнѣ счастливъ.

«Вотъ такъ! Снова спитъ!
Вскричалъ Ставръ Годинычъ, сжимая мнѣ руку.
Спи, спи, мой голубчикъ! А сила валитъ,
А сила стучится въ ворота и въ двери.
Свѣтъ хлещетъ къ намъ въ окна!»
—Какой теперь свѣтъ?
Давно уже вечеръ!—сказалъ я съ улыбкой.
«Ну, ври ты себѣ!. А мнѣ времени нѣтъ
Съ тобой бить баклуши. У насъ кипитъ дѣло»...
Онъ, шумно усѣвшись на стулъ, продолжалъ.
—Я знаю, сказалъ я. Пріѣхали братья
Славяне въ Москву къ намъ!— [9])
«А ты ихъ встрѣчалъ?...
Вскричалъ онъ съ досадой. Пріѣхали, точно!
Исполнился древній народный завѣтъ,—
Опять потянуло всѣхъ къ красному Солнцу;
Встаетъ міръ славянскій. Блеснулъ и намъ свѣтъ;
Прошло время спячки. Выходитъ изъ мрака
Вновь вѣкъ богатырскій,—народный нашъ вѣкъ,
Вѣкъ витязей русскихъ, полабскихъ, поморскихъ...
Воскресъ напослѣдокъ изъ тьмы человѣкъ,
И требуетъ дѣла»...
— Дай Богъ всѣмъ успѣха!—
Сказалъ я.
«И будетъ отнынѣ успѣхъ;
Для этого надо лишь дѣло и дѣло!
Кричалъ онъ. А дѣла теперь есть для всѣхъ».
— Не надо-ль при этомъ поболѣе свѣта?
Ему я замѣтилъ. Когда въ странѣ свѣтъ;
То лучше спорится и всякое дѣло. —
«Еще бы! А развѣ сказалъ я, что нѣтъ?
Воскликнулъ Годинычъ. Теперь лишь міръ ожилъ,
Теперь лишь онъ полонъ значеньемъ прямымъ,
И новымъ значеньемъ,—своихъ младшихъ братьевъ.
Забытыхъ, тѣснимыхъ развитьемъ былымъ,

Digitized by Google

Но нынѣ возставшихъ на трудъ нашъ всемірный.
Міръ прежде, по вѣрѣ широкой своей,
Жилъ только надеждой,—и всѣмъ былъ доволенъ;
Мы даже считали до нынѣшнихъ дней
За самое зданье,—простые подмостки...
Но нынѣ міръ видитъ, что онъ обиталъ,
Совсѣмъ не въ палатахъ, а въ склепѣ могильномъ;
А эти лѣса, что онъ зданьемъ считалъ,
Лишь только лѣса,—но онъ зданья не видитъ.
Затѣмъ и не вѣритъ онъ въ зодчихъ былыхъ,
Ни въ ихъ безкорыстье.....Онъ самъ набираетъ
И новыхъ рабочихъ, и зодчихъ иныхъ,—
И слушаетъ тѣхъ лишь, кого онъ самъ выбралъ.
«Міръ знаетъ, что мнѣнье и слово его
Отнынѣ въ Европѣ—верховная сила;
Что свѣтъ, человѣкъ—теперь выше всего,—
И міръ себѣ ищетъ,—не слова, а дѣла.
Онъ понялъ, что силой верховной своей,
Одной этой силой онъ можетъ все сдѣлать,
Иль многое, въ пользу грядущихъ людей,—
И съ новою вѣрой трудится надъ дѣломъ,
И смѣло идетъ онъ впередъ и впередъ....,
Когда-жь это было»?.....
— Всегда это было,
Когда принимался за дѣло народъ,
Народъ, приготовленный къ дѣлу!—сказалъ я.
«Но развѣ я противъ того говорю?
Вскричалъ Ставръ Годинычъ. Я развѣ съ тѣмъ спорю?
Но съ этимъ я новую вижу зарю
И въ нашемъ народѣ. И я теперь вѣрю,
И вѣрить я вправѣ,—мы вѣрить должны,
Что нѣкогда будетъ конецъ въ этомъ мірѣ
Кромешному царству надъ нимъ Сатаны,—
Ужасному царству вражды, деспотизма,
Невѣжества, злобы, неправды слѣпой,
Языческихъ, самыхъ нелѣпыхъ обрядовъ;
Что нѣкогда сгинетъ адъ этотъ земной,—
И яркое солнце свободы и правды,

Digitized by Google

И свѣточь науки собой озарятъ
Темнѣйшія норы общественной жизни;
Гдѣ все еще, къ горю живущихъ, кишатъ
И дивы, и чудища древняго міра,—
Звѣри рыскучіе,
Птицы клевучія,
Змѣи шипучія...
Мы вѣрить должны, что отважный нашъ умъ,
Что умъ нашъ безсмертный, умъ этотъ всемірный,
Во слѣдъ за кѣмъ столько летитъ свѣтлыхъ думъ,
И столько надеждъ, и сердечныхъ желаній,—
Что онъ лишь вступаетъ на путь свой прямой,—
На путь настоящій свой въ мірѣ научномъ,
Гдѣ онъ блуждалъ прежде невѣрной тропой,
Въ туманномъ преддверьи желаннаго свѣта;
Что нѣкогда онъ, хоть съ трудомъ, но войдетъ
Въ тайникъ, недоступный еще намъ, природы,
Гдѣ, въ тьмѣ первобытной, его мирно ждетъ
Нетронутый, цѣльный міръ чудныхъ сокровищъ;
И онъ еще много ключей подберетъ
Къ вратамъ этимъ темнымъ и крѣпкимъ затворамъ.
И много оттуда въ науку внесетъ
Высокихъ онъ истинъ и славныхъ открытій,—
Открытій, что свѣтъ еще новый прольютъ
На общество, міръ весь и трудное знанье,
И тысячи новыхъ орудій дадутъ
И способовъ самой наукѣ и жизни.
«И мы вправѣ вѣрить, мы вѣрить должны,
Что этотъ свѣтъ новый, широкій, блестящій,
Наитіе это всемірной весны,
При дружномъ движеньи вездѣ просвѣщенья,
Коснется, живящимъ лучемъ, наконецъ,
И нашей великой страны, міръ-народа,
Златой этой нивы, что дивный Творецъ
Какъ бы сохраняетъ для дней отдаленныхъ,—
Сей дѣвственной нивы еще до сихъ поръ,—
Что зоркій взоръ нашихъ зиждителей прежнихъ
Теперь лишь примѣтилъ,—не будь имъ въ укоръ!—

Digitized by Google

Гдѣ только пасется пока скотъ домашній.
Но время настанетъ,—всезиждущій свѣтъ
Сойдетъ и на это забытое поле;
Раздвинется сумракъ, что тысячу лѣтъ
Держалъ въ неподвижномъ застоѣ Микулу;
И въ общество хлынетъ міръ новыхъ людей,
И новыхъ началъ, и зиждителей смѣлыхъ,
Могучихъ потомковъ тѣхъ богатырей,
Что древле очистили землю отъ чудищъ.
То новое время въ туманѣ теперь;
Но скоро оно обозначится ясно;
И тамъ, куда нынѣ замкнута намъ дверь,—
Тамъ будетъ тогда всѣмъ свѣтло и отрадно!..
«Когда міръ земной, черезъ сколько вѣковъ,
Какимъ онъ путемъ, тѣхъ дней славныхъ достигнетъ?..
Все это зависитъ отъ нашихъ сыновъ
И новыхъ событій. Но ветхій міръ конченъ.
Царь міра снимаетъ котурны свои,
Титаны сряжаютъ себѣ домовища,
Родъ новый выходитъ изъ спавшей земли,
И камни, и дерево,—подали голосъ.
Никто не ждетъ больше отъ формы сухой
Источника жизни; не ждетъ и отъ рабства—
Малѣйшихъ успѣховъ иль силы живой.
Въ нашъ вѣкъ богатырство для насъ,—мысль и дѣло;
Другой богатырской теперь силы нѣтъ.
Нашъ вѣкъ доказалъ, что его сила въ свѣтѣ;
Нашъ вѣкъ убѣдился, что ежели свѣтъ
И свѣтитъ въ народы и въ общества, сверху;
Но ключь силъ народныхъ и жизни родникъ
Лишь бьютъ изъ народа, изъ той страшной бездны,
Гдѣ Богъ отразилъ, не теоріи книгъ,
Но Свой вѣчный образъ.
«Да, ветхій міръ конченъ!
Его лицедѣи бѣгутъ изъ всѣхъ странъ.
Чудовища тьмы! Плоть безъ духа! Иные
Еще не успѣли съ себя смыть румянъ
И сбросить вѣнцы и мишурныя тоги...

Digitized by Google

Вѣкъ празднествъ закрылся. Померкла жена
На звѣрѣ червленномъ, въ висонѣ и златѣ,
Что долго была до безумья пьяна,
Отъ крови святыхъ и свидѣтелей божьихъ.
Палъ, палъ, Вавилонъ, сей градъ оргій ночныхъ,—
Сей градъ любодѣйства и всякихъ пороковъ, —
И проклятъ отъ всѣхъ онъ народовъ земныхъ:
Затѣмъ, что цари съ нимъ вели любодѣйство;
Затѣмъ, что купцы,—отъ избытковъ однихъ
Богатствъ его, стали теперь богачами;
Затѣмъ, что давилъ онъ всѣхъ гнетомъ своимъ [10]).
«Невидимый ангелъ судебъ новыхъ міра
Паритъ съ длинной цѣпью по царствамъ земнымъ,
По всѣмъ слоямъ обществъ, высокимъ и низкимъ;
То Гласность! Небеснымъ арканомъ своимъ
Она увлекаетъ послѣднихъ чудовищъ...
То вѣщая Гласность! Ты понялъ меня?
То наше живое, свободное слово!
Свободное слово,—бичь мрака, царь дня,
Народное наше свѣтъ-красное Солнце,
Нашъ кличь богатырскій...
«Загорается матушка сыра-земля,—
«Трубитъ труба Михаила Архангела...»
— Постой! я сказалъ.
Ты, кажется, въ царство зашелъ хиліазма?
Отважный, заносчивый твой идеалъ
Достигнулъ до тысячелѣтняго царства.
Ты, стало быть, вѣришь въ него,—или нѣтъ?
Ты выразь свои ожиданья яснѣе!
Вѣдь ты не раскольникъ? [11])—
«Я вѣрую въ свѣтъ!
Я вѣрую въ каждый успѣхъ всенародный!
Воскликнулъ Ставръ, съ явной досадой опять.
Я вѣрю и вижу, что страны земныя
Со дней христіянства не движутся вспять, —
И въ этомъ—великій залогъ намъ въ грядущемъ.
Я знаю, что каждый народный успѣхъ
Странѣ всегда стоитъ вѣковъ борьбы тяжкой;

Digitized by Google

За каждый свой промахъ, за каждый свой грѣхъ,
Народъ платитъ кровью, столѣтьями рабства,
А съ этимъ и мрака. Но каждый народъ,
Хоть медленнымъ шагомъ, но движется къ свѣту:
А съ каждымъ движеньемъ народовъ впередъ,
Свѣтлѣетъ вселенна. Мы знаемъ, что было,
Мы видимъ, что есть,—и я ставлю нашъ вѣкъ,
Примѣрно, мѣриломъ грядущихъ столѣтій...
Кто знаетъ, что можетъ свершить человѣкъ,
Какихъ недоступныхъ высотъ онъ достигнетъ?
А ходъ просвѣщенія въ мірѣ таковъ:
Оно, какъ свѣтъ солнца,—чѣмъ солнышко ярче
Сіяетъ и грѣетъ,—тѣмъ больше плодовъ;
Оно, какъ теченье рѣки благотворной, —
Чѣмъ глубже въ ней ложе, тѣмъ больше воды.
Чтожь будетъ въ то время, когда это солнце
Освѣтитъ народы? Какіе плоды
Въ то время дастъ эта всемірная ясень?
Что будетъ, когда рѣка эта пройдетъ
По всѣмъ захолустьямъ безплоднымъ вселенной?
Чего не свершитъ просвѣщенный народъ?
Какихъ не достигнетъ тогда міръ успѣховъ?..
«Враги предлагаютъ при этомъ вопросъ:
Способенъ ли русскій народъ къ жизни новой?
Что онъ въ прежній міръ просвѣщенія внесъ?
Чѣмъ онъ заявилъ имъ духовную силу?
А развѣ то мало, что онъ устоялъ
При натискѣ силъ исполинскихъ Востока;
А послѣ на плѣчахъ своихъ поддержалъ,
Готовый ужъ рухнуть, колоссъ государства?
А нынѣ кто жь держитъ древнѣйшій престолъ
Царей нашихъ славныхъ, надъ гнѣвной Европой?
Въ народѣ нѣтъ мысли,—а древній расколъ?
Онъ западныхъ развѣ слабѣе утопій?
«Скажи,—гдѣ, когда могъ развиться народъ?
И власть, и народъ нашъ,—досель піонеры;
Мы только идемъ по странѣ, все впередъ...
Давно ли народъ нашъ увидѣлъ, хоть смутно,

Digitized by Google

Грядущее,—этотъ широкій просторъ
Людей самобытныхъ? *Грядущее*,—слышишь?—
Чего нашъ народъ не имѣлъ до сихъ поръ,
И могъ ли имѣть въ тьмѣ Египетской ночи?
А въ этомъ грядущемъ, чего для насъ нѣтъ?
Взгляни на обширный, богатый край русскій!
Богатствъ и сокровищъ, на тысячи лѣтъ;
Пространства,—на сколько еще поколѣній!...
И это не въ царствахъ, народу чужихъ,
Не за моремъ синимъ, а здѣсь, подъ руками,
Въ мѣстахъ, намъ знакомыхъ, въ предѣлахъ родныхъ.
Не надобно браться за мечь ненадежный,
Ни трогать покоя сосѣдей своихъ,
Ни строить утопій на ихъ униженьи.....
Нашъ подвигъ домашній; нашъ трудъ подъ рукой.
Скорѣе лишь вонъ изъ печальныхъ развалинъ
Отжившаго рабства! Скорѣй въ міръ живой,—
Въ среду просвѣщенныхъ, свободныхъ народовъ!
«Я вѣрую въ Время,—а время есть Свѣтъ!
Я многаго жду отъ народнаго свѣта;
Безъ этого свѣта успѣховъ намъ нѣтъ.
У насъ, хоть чуть видно,—однако свѣтаетъ!
Поэтому, вѣрю и въ лучшій я міръ,
И въ міръ просвѣщенный,—и жду дней великихъ.
Пусть это непризнанный всѣми кумиръ;
Но это кумиръ мой, кумиръ христіянскій ...
Мой духъ возвышается вѣрой своей:
Пусть край пойметъ только свой жребій высокій,
Повѣритъ въ возможность иныхъ, лучшихъ дней,
Очиститъ отъ грязи народную совѣсть,
Устроитъ, улучшитъ домашній свой бытъ,
Сроднится семейно съ благимъ просвѣщеньемъ,—
Тогда онъ получитъ совсѣмъ иной видъ,
И будетъ участникомъ въ свѣтѣ всемірномъ.
«Уступимъ! Пусть Западъ стоитъ во главѣ
Торжественной этой, всемірной работы;
Европа привыкнула къ этой молвѣ...
Что жъ намъ остается?—Осталось,—учиться,

Digitized by Google

Учиться ошибками даже его,
Учиться, съ сознаньемъ и съ теплою вѣрой
Въ грядущее. Что тамъ?.... Но прежде всего
Намъ надо учиться! И пусть каждый видитъ,—
Изъ-за Океана, на всѣхъ парусахъ,
Несется соперникъ опасный Европѣ;
Корабль-исполинъ, — и во многихъ странахъ
Предъ нимъ ужь спускаютъ народные флаги.....
Гдѣ свѣтъ, тамъ и сила»!

Такъ съ вечера мы
Съ Годинычемъ, чуть не всю ночь разсуждали.
Тогда разсуждали всѣ наши умы,
Очнувшись впервые отъ тягостной спячки.
Такъ лучь одинъ свѣта, заброшенный въ тьму,
Тотчасъ пробуждаетъ и старыхъ, и малыхъ;
И даже даръ мысли дается тому,
Кто прежде совсѣмъ и не думалъ бы мыслить.
«Послушай! Мнѣ Ставръ въ заключенье сказалъ:
Ты создалъ намъ почву подъ древнимъ Микулой;
Зачѣмъ же разсказъ ты внезапно прервалъ,
Про вѣщую Вану?»
— Затѣмъ, что разсказъ мой
Коснулся потомъ историческихъ дней;
Исторія наша намъ все досказала.—
«Нѣтъ! Вана, природой своей,
Дитя не исторіи, строго ученой;
Она дочь поэзіи, Ставръ возразилъ.
Она дочь Микулы, она дочь народа,
Она вѣщій образъ общественныхъ силъ;
Она поэтическій свѣточь народный,
Она существуетъ сама по себѣ.
Исторія,—зеркало только событій;
А духъ вѣщій Ваны,—онъ въ жизни, въ борьбѣ,—
Для насъ очень часто, почти незамѣтныхъ.
Она для страны и теперь божество,
Затѣмъ, что въ ней духъ и характеръ народный;
Мы сами вмѣщаемъ ея естество;

Digitized by Google

Она въ себѣ носитъ не только преданья,
Но край нашъ грядущій. Теперь понялъ ты,
Что такъ распрощаться тебѣ съ ней не можно?..
—Вотъ какъ! И откуда берешь ты мечты?..
Прощай! Я ужь сплю. И тебѣ пора также.—
«Нѣтъ, милый ты мой! Теперь дѣло не въ томъ.
Онъ мнѣ отвѣчалъ. Нѣтъ, ты Вану увидишь...
Она тебѣ вѣщимъ своимъ языкомъ
Должна досказать остальныя преданья;
Она должна видѣть славянскихъ гостей:
Мы всѣ ея дѣти. Она передастъ имъ
Про бытъ нашъ народный, съ великихъ тѣхъ дней,
Когда озарилась страна христіянствомъ.
Она должна сильный нашъ край оправдать
Предъ старшими братьями, передъ Европой,
Въ отсталости нашей; раскрыть, указать
Всѣ эти народныя тяжкія язвы,
Что двинуться намъ помѣшали впередъ.
Мы сводимъ нашъ счетъ съ отживающимъ міромъ;
Нашъ сильный, разумный, обширный народъ
Знать долженъ, —что онъ,— чѣмъ быть можетъ въ грядущемъ».
—Не малая-жъ, другъ мой, задача твоя!
Какъ выполнить только?—сказалъ я, зѣвая.
«Постой! Напередъ ты дослушай меня.
Прервалъ Ставръ Годинычъ. И всѣ мы не боги!
Преданья и факты,—вотъ въ чемъ вижу я
И мощный народъ нашъ, и путь нашъ дальнѣйшій.
Народъ нашъ придавленъ прошедшимъ своимъ;
Но онъ завсегда желалъ свѣта и правды.
Мы изстари всѣ должники передъ нимъ;
Но нѣтъ образца его силы терпѣнья....
Ты намъ разсказалъ, по преданьямъ былымъ,
Какъ міръ начался, какъ потомъ развивался;
Теперь доскажи про его ты конецъ,
По тѣмъ же преданьямъ! Вотъ здѣсь-то увидишь
Ты всѣхъ ожиданій народныхъ вѣнецъ.
Да, тутъ всѣ надежды завѣтныя края!
«Припомни,—у асовъ въ послѣдніе дни

Digitized by Google

Божественныхъ сумерекъ, противъ Одина
Встаютъ угнетенные дивы. Они
Свергаютъ боговъ, разрушаютъ міръ древній,
И падаютъ сами въ ужасной борьбѣ;
Но нашъ народъ ждетъ только свѣта и правды.
Онъ судъ оставляетъ верховной судьбѣ;
Народъ и самъ хочетъ судиться съ богами.
Ему нужна правда, предъ кѣмъ всѣ равны;
Ему нуженъ свѣтъ,—свѣтъ, дающій прозрѣнье,
Чтобъ кончилась немощь родимой страны,
Чтобъ всѣ успокоились въ мирѣ Господнемъ.
«Отъ дивовъ ночныхъ ему нечего ждать;
Онъ вѣруетъ мало и въ нашъ свѣтъ и правду.
По мнѣнью народа, свѣтъ долженъ поднять
Живыхъ всѣхъ и мертвыхъ, на судъ Божьей Правды,—
И онъ ихъ подниметъ. Народъ хочетъ знать
Свое настоящее мѣсто на свѣтѣ,—
И онъ его, вѣрно, узнаетъ. Вотъ путь,
Надежды народныя въ темномъ грядущемъ;
Но путь этотъ новый открыть, развернуть,
Намъ можетъ исторія дней лишь минувшихъ,
Исторія міра... И скоро, другъ мой,
Ты это увидишь своими глазами...
Теперь же, прощай!»—И, кивнувъ головой,
Онъ какъ-то нескоро, торжественно вышелъ.

Давно была полночь, когда онъ ушелъ.
«Однако вѣдь правда, сказалъ я въ раздумьи,
Міръ новый давно воздвигаетъ престолъ
На ветхихъ развалинахъ прежняго міра....
Намъ свѣтъ небывалый сіяетъ вдали,—
Мы только не знаемъ его обстановки.
Надеждъ всякихъ много у каждой земли,
Но какъ примирить ихъ на общее благо?..
У насъ совершается переворотъ,
Безъ крови, безъ слезъ, безъ слѣпаго крушенья;
Край двинулся весело, вольно впередъ,—
Лишь плачутъ слѣпцы, что упорно хотѣли

Digitized by Google

Его задержать.... Но кому это въ мочь?
Богъ дастъ, также мирно пойдемъ мы и дальше....
Не скоро свѣтаетъ невѣжества ночь,
Не скоро мысль зрѣетъ, вступаетъ въ гражданство.
Одна лишь утопія любитъ ломать,—
Своимъ произволомъ губить вѣковое
Развитье вселенной. Законъ прямой,—ждать,
Ждать мирно плодовъ отъ того, что посѣялъ.
А все-же рѣка обновленья течетъ,—
Течетъ невидимо, какъ Ставръ объясняетъ.
Міръ прежній потонетъ,—и скоро всплыветъ
Міръ новый, что наши отцы не узнали-бъ!
Едва-либъ узнали, быть можетъ, и мы,
Когда-бъ черезъ два, три столѣтья воскресли.
Міръ этотъ провидятъ иные умы;
Они даже видятъ процессъ разложенья
Отжившаго міра. Конечно, онъ есть;
Одни еще мертвы, другіе воскресли...
Пророковъ, учителей, всѣхъ не сочесть,—
Что въ этомъ утопія, что, точно, правда?
«Я Вану увижу,—Годинычъ сказалъ;
Конечно, какъ образъ, она всегда съ нами.
Въ ней наша народность; она идеалъ
Народнаго духа, дней прежнихъ и новыхъ.
Но кто-же онъ самъ?.. Ставръ Владиміра зналъ!..
Кто-жь онъ,—тотъ Ставръ древній иль Ставръ современный»?...
Мои мысли путались,—я ужь дремалъ.

Я видѣлъ какой-то ужъ сонъ.—Мнѣ казалось,
Что я собираюсь куда-то. Кругомъ
Глубокая ночь, но повсюду движенье...
Какъ вдругъ, кто-то щолкнулъ у двери замкомъ,
И снова Годинычъ стоялъ предо мною.
«Ага, ты готовъ ужь? Отлично.... Идемъ!
Сказалъ онъ. Ты хочешь отжившаго міра
Увидѣть конецъ,—и что будетъ потомъ?
Да, милый дружище, конецъ его близокъ.
Я съ тѣмъ и вернулся....

Digitized by Google

«Загарается матушка сыра-земля
«Воскресаютъ живые и мертвые»...
«Прощай, старина!
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ.
Одинъ развѣ ты спишь... А тамъ,—посмотри,
Какой вездѣ праздникъ: и шумъ и движенье.
Всѣ чувствуютъ близость желанной зари,
Кто съ радостью, кто еще съ страхомъ»...
Мы вышли.
Пахнуло весной....
Сыро, влажно, темно,
Будто въ безднѣ черно;
Кой-гдѣ звѣзды глядятъ,
Но и тѣ не блестятъ;
Мѣсяцъ краснымъ пятномъ
Рдѣетъ въ мракѣ глухомъ;
Весь во мглѣ сводъ небесъ;
Какъ порубленный лѣсъ,
Полегли облака;
Вся надулась рѣка.....
Кто-то близь насъ мелькнулъ,
Намъ въ лице заглянулъ,
И изчезнулъ тотчасъ...
Вотъ опять кто-то насъ
Вдругъ окликнулъ въ потьмахъ...
Но ужь въ разныхъ мѣстахъ,—
Въ темныхъ окнахъ, въ домахъ,
У воротъ, зажжены
Плошки, свѣчи, огни.
Какъ въ исходѣ поста,
Въ свѣтлый праздникъ Христа,
Суетится народъ,
Все куда-то идетъ.
Свѣтъ и радость въ очахъ,
Шумъ и говоръ въ толпахъ;
Всѣ бѣгутъ, всѣ спѣшатъ,
Всѣ о чемъ то кричатъ,
Средь ночной тишины.....

Digitized by Google

Божьи храмы полны....
Блещутъ царски врата,
Давка, шумъ, тѣснота;
На колѣняхъ народъ.
Въ бѣлыхъ ризахъ причетъ;
Пѣснь хваленья въ устахъ,
И хоругви въ рукахъ,
Посреди, въ облакахъ
Ѳиміама кругомъ,
Свѣтлый пастырь съ крестомъ
На сѣдой головѣ...
Что за праздникъ въ Москвѣ?
Сонмъ святыхъ на стѣнахъ,
Весь сіяя въ лучахъ,
Драгоцѣнныхъ камней,
Отъ лампадъ, отъ свѣчей,
Будто самъ съ торжествомъ,
Неземнымъ естествомъ,
Раздѣляетъ съ толпой,
Какъ съ родимой семьей,
Блескъ и радость....
А тамъ,—
По дворамъ, по домамъ,
И по улицамъ,—гамъ,
Шумъ, возня, голоса...
Чудеса! чудеса!
Сторожа съ молоткомъ
Забиваютъ лубкомъ
Ворота и подъѣздъ
У присутственныхъ мѣстъ.
Ну, прощай, старина!
Какъ злой духъ, изъ окна
Кто-то смотритъ въ стекло,—
Это старое зло,
Это ябеда.....Прочь,
Мрака чернаго дочь!
Двери, окна дрожатъ,
И по окнамъ стучатъ

Digitized by Google

Топоры, молотки,
Прибиваютъ лубки....
Все забили кругомъ,—
Заколоченъ весь домъ.
А вотъ здѣсь что? Трактиръ.
Пьетъ, поетъ вольный міръ;
Мужики, господа
Веселятся.....Бѣда!
Господа мужикамъ
Руки жмутъ, вахлакамъ,
Обнимаютъ лихихъ
Молодцовъ, половыхъ;
Кто въ присядку, кто такъ...
Пей, воскресшій вохлакъ!
Все пьяно,— всѣ свои,—
Воля, братцы мои!
А тамъ, скряга-скупецъ
Растворилъ свой ларецъ;
Жадно смотритъ въ него,—
Много, много всего!...
Это онъ накопилъ
Въ оны дни, какъ служилъ.
Но теперь надо дать,
Что онъ собралъ, какъ тать;
Надо то же блеснуть,—
Надо дать что нибудь,
Хоть на школу, пріютъ,
На дѣтей.....Мало-ль тутъ
Всякихъ сборовъ, воровъ,—
Разумѣй: бѣдняковъ!
Новый міръ, новый свѣтъ!
Надо дать, или нѣтъ?....
Преклонившись во прахъ,
Мать съ ребенкомъ въ рукахъ,
Предъ иконой лежитъ.
Въ взорахъ ясныхъ горитъ
Благодарность царю,
Что далъ видѣть зарю

Digitized by Google

Ей свободы святой;
Что сыночекъ родной
Не потянетъ тягла,
Не испьетъ чаши зла,
Что пила издавна
Вся родная страна;
Только птенчикъ вспорхнетъ,
Жизнь иную начнетъ,—
Самъ дорожку свою
Онъ проложитъ къ краю;
Новый свѣтъ, новый вѣкъ,—
Вотъ и онъ,—человѣкъ!
Вспрянувъ съ ложа ногой,
Беззаконникъ сѣдой,
Ограждаясь крестомъ,
Робко смотритъ кругомъ.
Или это былъ сонъ?..,
Гдѣ такой есть законъ,—
Чтобъ съ крестьяниномъ я
Шелъ судиться?..Меня
Въ судъ тащить? Я—злодѣй?..
Я ихъ женъ, дочерей?...
Тьфу, что это? Кто тамъ?..
Никого! по угламъ
Только мыши скребутъ.
Мысли такъ и ползутъ....
Экъ, я сколько сгубилъ!
Лучше-бъ въ гробъ положилъ...
Господи, отпусти
Прегрѣшенья мои!..
А вотъ здѣсь кабачекъ.
Русскій нашъ мужичекъ
Счастливъ всѣмъ, радъ всему,
Лишь бы выпить ему.
Воля, волюшка—рай!
Ну-тка, братъ, наливай!
Хоть хозяйство пропьемъ,—
Въ кабалу не пойдемъ.

Digitized by Google

Пусть работникъ плохой,
Да за то, самъ большой.
Будетъ имъ, господамъ!
Сдачи всякому дамъ.
А вотъ школа. Шумъ, гамъ,
Споръ, движеніе тамъ.
Говоръ—только въ потьмахъ,
И на всѣхъ языкахъ,
Кромѣ русскаго. Споръ,—
Что полезно, что вздоръ...
Но вы, дѣти, дружнѣй—
Всѣ сюда! Въ міръ людей!..
Много ломки всегда,
Гдѣ живая вода
Пробиваетъ свой путь.
Не успѣемъ взлянуть,—
Темный край нашъ родной
Хватить влаги живой;
А во вкусъ онъ войдетъ,
И пойдетъ, и пойдетъ,—
Будетъ плодъ! Будетъ плодъ!
А вотъ тамъ—двѣ сестры,
Той счастливой поры,
Что лишь рай позади,
Рай другой впереди,—
Слышатъ сердцемъ своимъ
Что-то новое имъ.
Судятъ всѣ, говорятъ
Про общественный взглядъ,
Вольный трудъ, женскій трудъ...
Что-то чудное тутъ!
Рѣчи нѣтъ про рабовъ,
Лошадей, конюховъ;
Рѣчь у всѣхъ про народъ,
Про движенье впередъ.
Это весело имъ
Слушать сердцемъ святымъ.
Вотъ онѣ обнялись,

Digitized by Google

Какъ двѣ вѣтви сплелись,—
Гордъ и счастливъ ихъ видъ;
Будто кто говоритъ:
Не забудьте и насъ,
Этотъ міръ весь для васъ.
Будетъ онъ посложнѣй
Пустоты прежнихъ дней;
Много сыщется тамъ
Мѣста всякимъ дѣламъ;
Но смотрите, и тутъ
Есть общественный судъ;
Онъ незримо растетъ,
И свое онъ возьметъ!
А вонъ, въ этомъ дому,
Невидимъ никому,
Мыслитъ вслухъ молодецъ:
Проведу, наконецъ,
Мысль мою я теперь!..
Растворилася дверь,
Вольной мысли, всему,
Что отрадно уму.
Много будетъ возни
Въ эти первые дни;
Много будетъ всего...
А вѣдь послѣ того,
Какъ разсудятъ, поймутъ,
Что нелѣпаго тутъ
И что дѣло,—пойдетъ,
И пойдетъ край впередъ;
И пожалуй, смотри,
Мы дождемся зари
Красныхъ дней, лучшихъ дней,
Настоящихъ людей,
Новыхъ богатырей...
А собранье господъ
Споръ о земствѣ ведетъ.
Тутъ сыны и отцы,
Господа и купцы;

Digitized by Google

Мужики и попы...
Рѣчь слышна изъ толпы:
Бросьте лѣнь, господа!
Безъ труда никогда
Духъ страны не внесетъ
Самобытность въ народъ.
Земство,—знаете-ль вы?—
Это мозгъ головы
Всей народной семьи;
Все хозяйство земли.
Это азбука намъ
Къ новымъ высшимъ трудамъ.
Изучивши ее,
Край возьметъ все свое.....
— Вотъ теперь-то и я,
Мать-родная земля,
Послужу за себя?
Говоритъ тамъ другой,
Удалецъ молодой.
Всѣ теперь мы равны,—
Всѣ твои мы сыны!
Князь, мужикъ, дворянинъ,
Всѣхъ нашъ край-исполинъ,
Всѣхъ онъ усыновилъ...
Сколько средствъ, сколько силъ!
Стой, ровняйся,—ура!..
Такъ давно-бы пора!
Не обиженъ никто.
И отчизна на что?
Всякій ратникомъ будь...
День придетъ, не забудь!..

«Ты видишь, воскресли!. Міръ конченъ былой,—
Другой оживаетъ. И прежніе люди,
И новые люди, и міръ весь живой,
И мертвый,—встрѣчаютъ, по своему каждый,
Страны возрожденье. Годинычъ опять
Ко мнѣ обратился съ своимъ разъясненьемъ.

Digitized by Google

Шагъ сдѣланъ. Теперь мы не двинемся вспять,
Не станемъ вновь киснуть, какъ прежде, въ застоѣ.
«Трудовъ, ломки много еще впереди;
Но Богъ намъ поможетъ!.....Онъ самъ истребляетъ
Отсталыхъ людей. Кто жить хочетъ,—иди!
Зане онъ Богъ жизни и свѣта,—не смерти.
Всѣ знаютъ, какъ трудно рождаетъ жена,—
Задолго еще до ея разрѣшенья,
Жестоко и страшно страдаетъ она,
Отъ тягостныхъ мукъ подступающихъ болей;
Въ волненьи, въ таинственномъ страхѣ весь домъ,
Въ нѣмомъ ожиданіи близкіе люди;
Тутъ шепчутся чуть, тамъ, съ поникшимъ челомъ,
Сидятъ или бродятъ въ безмолвныхъ покояхъ;
Межь тѣмъ все сильнѣе страдаетъ она,
И мечется,—рветъ волоса и покровы,
Иль въ тяжкомъ томленьи предсмертнаго сна,
Лежитъ бездыханная, будто во гробѣ.....
«Но послѣ зимы воскресаетъ весна,
А послѣ тѣхъ болей,—родится младенецъ;
Опять наступаетъ въ дому тишина,
А въ вешней природѣ сіяющій праздникъ.
Такъ точно смѣняются въ мірѣ самомъ
Его времена неизмѣнные года;
Такъ точно и въ каждомъ рожденьи земномъ
Судебъ новыхъ міра есть тяжкія боли;
Пока не даруетъ небесный Творецъ
Ему постоянное, зрѣлое лѣто,
Пока не родитъ этотъ міръ, наконецъ,
Развитіе полное для человѣка.
Тогда пройдетъ время рожденій его,
Закончатся бури эпохъ переходныхъ,
Пробьетъ часъ полудня, и послѣ того
Весь свѣтъ отдохнетъ подъ оливою мира.
Теперь завернемъ вотъ сюда!»
Я взглянулъ,—
Мы были предъ главнымъ фасадомъ манежа,
Гдѣ геній Москвы мысль благую вдохнулъ,

Digitized by Google

Собрать въ одномъ кругѣ всѣ образы нашихъ
И также отчасти славянскихъ племенъ,
И тѣхъ инородцевъ, что жизнь ведутъ съ нами.
Хоть было ужъ поздно, но съ разныхъ сторонъ
Сюда шли и ѣхали всякіе люди. [12])

Манежъ былъ, сверхъ чаянья, весь освѣщенъ
Искуственнымъ солнцемъ, сіявшимъ такъ ярко,
Что я былъ при входѣ совсѣмъ ослѣпленъ.
Блескъ этотъ не придалъ однако движенья,
Ни жизни фигурамъ, какъ Ставръ ожидалъ;
Вокругъ насъ стояли толпы манекиновъ,
Какъ я видалъ днемъ ихъ,—и свѣтъ озарялъ
Одну гробовую лишь ихъ неподвижность.
Всѣ эти обращики нашей земли
И съ нами живущихъ въ странѣ инородцевъ
Встрѣчали насъ также, еще издали,
Своимъ неподвижно-уставленнымъ взоромъ
И глупо-животной улыбкой, дивясь
Какъ будто бы нашимъ свободнымъ движеньямъ.
—Хитеръ, кто слѣпилъ ихъ! шепнулъ Ставръ, смѣясь,»
Вотъ весь міръ минувшій!»..
За то посрединѣ жизнь била ключемъ.
На очень красивомъ, большомъ возвышеньи,
За длиннымъ, отлично накрытымъ, столомъ,
Сидѣли парадно славянскіе гости,
Между именитыхъ московскихъ друзей,
Ученыхъ, чиновныхъ и просто желавшихъ
Явиться въ славянской натурѣ своей.
Поодаль стояли толпы любопытныхъ.
Межь нихъ выдвигались невольно впередъ
Какія-то личности страннаго вида,
Напомнить могущія царственный родъ
И страшную силу богатырей древнихъ.
Не меньше былъ страненъ видъ также другихъ,
Толпившихся возлѣ нахъ, личностей чудныхъ,—
Тѣмъ чудныхъ, что многіе очень изъ нихъ
Считаются нами давно въ царствѣ мертвыхъ

Digitized by Google

Меня поразилъ ихъ особено взоръ,
Какъ бы просвѣтленный нездѣшнею силой.
Еще былъ странніе межь нихъ разговоръ,
До насъ долетавшій неясно, въ отрывкахъ.
Одинъ вдругъ спросилъ: а такой-то воскресъ?
Другой отвѣчалъ: да, вокресъ, но не прибылъ...
А этотъ?—Тотъ былъ здѣсь, но снова исчезъ...

Когда мы входили, какой-то ораторъ,
(«Давно мужъ умершій,—и славянофилъ!..»
Шепнулъ мнѣ Годинычъ), кончалъ длинныйспичьсвой,
Гдѣ онъ въ очень яркихъ чертахъ изложилъ
Устойчивость русской широкой натуры,
Сложившейся въ смутахъ тяжелой борьбы;
Новѣйшія наши преобразованья,
Величіе нашей грядущей судьбы,
Связь кровную сильныхъ народовъ славянскихъ;
Назначенный свыше намъ подвигъ святой,—
Сперва возрожденья отторгнутыхъ братьевъ,
Подъ знаменемъ общимъ свободы благой;
Потомъ, возсозданіе новой вселенной...
Неистовый топотъ, и крики, и ревъ,
Привѣтствовалъ слово воскресшаго мужа.
Всѣ чокались, пили въ честь новыхъ вѣковъ,
Иные, съ слезами въ глазахъ, обнимались.
Затѣмъ, развернулось надъ самымъ столомъ
Славянское знамя,—еще громче крики,
Ура, звонъ бокаловъ и топотъ кругомъ;
Опять загремѣли за тостами тосты.
Мы съ Ставромъ стояли въ сторонкѣ: «Ну что?»
Шепнулъ онъ,—воскресли?..»—«Слова золотыя,
Духъ истый-славянскій!» сказалъ я на то.
«Слова золотыя, духъ истый-славянскій!..
Поддакнулъ Годинычъ. Я это и зналъ.
Сначала слова, а потомъ будетъдѣло!
Но слушай!—Чу, слушай!»...

Межь тѣмъ шумъ стихалъ.

Digitized by Google

Одинъ изъ славянскихъ гостей,—сановитый,
Вполнѣ бодрый старецъ, съ сѣдой головой,
Сбирался свое заявить также слово.
И онъ заявилъ,—что славяне душой
Сочувствуютъ нашему освобожденью
И нашимъ надеждамъ; что славные дни
Славянскихъ народовъ еще передъ ними;
Что міръ богатырскій имъ также сродни...
И вслѣдъ, возгласилъ, приподнявши бокалъ свой
Предъ знаменемъ вѣщимъ славянской семьи,
Торжественный тостъ, въ честь всѣхъ братьевъ славянскихъ.
Опять все слилося въ одинъ шумный гулъ;
Вновь крики и топотъ. Восторгъ былъ всеобщій.
Годинычъ тихонько меня подтолкнулъ;
А самъ, въ упоеньи, парилъ въ седьмомъ небѣ.
Онъ ёжился, мялся и страшно пыхтѣлъ;
По счастью, стояли мы съ нимъ въ отдаленьи.
Но вотъ, шумъ неистовый вновь ослабѣлъ;
Славянскій ораторъ опять началъ слово.
Сказалъ онъ еще, про желанье славянъ,
Развить самобытно ихъ геній народный;
Про древнюю рознь своихъ родственныхъ странъ,
Низвергшую край ихъ подъ скиптръ царей чуждыхъ.
Потомъ заявилъ про воинственность онъ
И духъ земледѣлья народовъ славянскихъ,
Про ихъ любознанье, что съ древнихъ временъ
Они сохраняютъ въ душѣ ихъ понынѣ.
Чего же имъ надо? Чего у нихъ нѣтъ?
У нихъ нѣтъ единства, свободы и свѣта;
А будетъ единство, свобода и свѣтъ,—
Въ то время воспрянетъ и онъ, міръ славянскій.
Взрывъ новый сочувствія шумно прервалъ
Оратора громкимъ живымъ одобреньемъ.
Когда поутихло, онъ вновь продолжалъ:
«Да, мы земледѣльцы, и этимъ гордимся.
Самъ Промыслъ назначилъ намъ этотъ удѣлъ:
Какъ всѣ земледѣльцы,—мы сильные люди,
Земли—наша мать. Гордый Западъ хотѣлъ

Digitized by Google

Отнять у насъ самую давность въ Европѣ;
Но наши преданья древнѣйшихъ временъ
Возстали за край нашъ. Народъ развитой лишь,—
Не сборныя рати бродячихъ племенъ,
Занять могъ подъ пашни двѣ-трети Европы!..»
Затѣмъ обратился онъ къ нашей странѣ,—
Къ разумности, силѣ способности русской,
Замѣтивъ, что имъ бы хотѣлось вполнѣ
Еще познакомиться съ міромъ народнымъ.
Они наглядѣлись богатствъ городскихъ;
Но видѣть желаютъ и быть деревенскій,—
Зерно это силы народной. Вкругъ нихъ
Богатство и сила людей лишь чиновныхъ,
И крупныхъ торговцевъ; а что на селѣ,
Для нихъ еще тайна. Они не видали
Народнаго міра: онъ гдѣ-то во мглѣ.
Быть можетъ, и ложно,—но мнѣ показалось,
Нашъ край произвелъ впечатлѣнье на нихъ
Того же манежа, гдѣ ихъ угощали.
Они голоса людей слышатъ живыхъ,
Пиръ этотъ размашистъ и всѣмъ изобиленъ;
Но ихъ освѣщаетъ искуственный свѣтъ;
Вдали все мертво, неподвижно, безмолвно...
Ораторъ пождалъ, какой будетъ отвѣтъ;
Но всѣ промолчали,...
«О братья! сказалъ онъ. Примите, отъ сердца
Идущее, слово. Вамъ, мужамъ добра,
Слова всякой правды принять подобаетъ.
Да будетъ намъ правда дороже сребра!
Откройте намъ настежь великій міръ русскій!
Скажите, что нынѣ Микула родной?
Гдѣ вѣщая наша, родимая Вана?
Гдѣ вашъ богатырь, что вы звали Ильей?
О нихъ стосковался Кралевичъ нашъ Марко... *)
Пока не свеземъ мы извѣстья о нихъ,
До тѣхъ поръ не встанетъ нашъ витязь народный;

*) Марко-кралевичъ считается погруженнымъ въ мифическій сонъ, но не умершимъ.

Digitized by Google

Пока мы не узримъ ихъ ликовъ живыхъ
До тѣхъ поръ мы будемъ отъ васъ все далеко»...
При этомъ Годинычъ не выдержалъ мой,—
Она,—Вана, здѣсь!...» закричалъ онъ, стараясь
Разжать мою руку,—и, вслѣдъ за собой,
Меня потащилъ въ кругъ гостей именитыхъ.
Едва, черезъ силу, я могъ удержать
Порывъ его бурный; но къ нашему счастью,
Никто и не думалъ на насъ обращать
Вниманья.
Вниманье гостей поглощали
Слова еще спича. Сначала онъ всѣхъ
Какъ бы озадачилъ; потомъ я замѣтилъ
Въ одномъ концѣ ропотъ, въ другомъ глухой смѣхъ.
Всѣ русскіе, разомъ поднявшись, вскочили;
Иные сбирались отдѣльно въ кружки,
Другіе кричали.
Я все держалъ Ставра.
Но онъ отодвинулъ движеньемъ руки
Меня отъ себя,—и рванулся ко входу.
Я далъ ему мѣсто. Годинычъ искалъ
Какъ будто кого-то еще изъ знакомыхъ...

«Ну, вотъ, посмотрите!» онъ громко сказалъ,
Сжимая мнѣ руку, весь свѣтлый отъ счастья.
Я поднялъ глаза. Впереди, предо мной,
Какъ свѣтлое, въ облакѣ бѣломъ, видѣнье,
Стояла, покрытая легкой фатой,
Красавица въ русскомъ нарядѣ,—царевна
Изъ сказки волшебной. Она обвела
Безмолвно глазами гостей и эстраду,
Взглянула на насъ, и рукой позвала
Годиныча.
«Гдѣ же я съ нею встрѣчался?
Подумалъ я. Гдѣ-то ее я видалъ,—
Черты ея, образъ, мнѣ будто знакомы.
Гдѣ жь я ее видѣлъ?»...Но тщетно искалъ
Въ умѣ я сближеній,—какъ Ставръ мой Годинычъ

Digitized by Google

Меня въ мигъ поставилъ на истинный путь.
«Родимая, матушка наша, царевна,
Богинюшка наша!... Привелъ Богъ взглянуть
Еще на тебя»!—восклицалъ онъ, цѣлуя
Ей руки.
«Что жъ это?.Я брежу иль сплю?»
Я спрашивалъ смутно себя. Но Годинычъ,
Какъ бы угадавши тревогу мою,
Подвелъ меня къ ней, и она мнѣ сказала:
«Я вижу, ты думалъ, я только мечта;
Теперь убѣдись же, что я живу съ вами,
И мой свѣтлый образъ, моя красота,
Какъ всякая правда,—изъ плоти и крови.
Пиръ этотъ устроенъ мнѣ въ честь; я должна
Принять въ немъ участье. Ты знаешь,
Присутствіемъ Ваны полна вся страна.
Во мнѣ нашъ міръ древній и міръ нашъ грядущій!
Вначалѣ я дщерью считалась боговъ;
Теперь я раба православнаго Бога,
Теперь я пророчица новыхъ вѣковъ;
Вся сила и крѣпость моя въ теплой вѣрѣ.
«Зачѣмъ намъ скрывать отъ всѣхъ язвы свои?
Пускай судитъ Богъ насъ за наше былое,
Пускай видятъ всѣ горечь русской земли,
И съ нами привѣтствуютъ дни возрожденья!
Нашъ край полонъ тьмы,—но намъ все говоритъ,
Что полнаго сна не бываетъ въ природѣ.
Ошибочно мыслятъ, что міръ-народъ спитъ;
Спитъ воля,—но духъ его, разумъ, лишь дремлятъ;
Онъ весь спать не можетъ. Какъ Индрикъ, богъ-звѣрь,
Онъ любитъ копаться въ глубокомъ туманѣ.
Предъ нимъ еще къ свѣту затворена дверь,—
Народъ пробуравитъ къ нему самъ дорогу.
«Живой духъ не можетъ въ бездѣйствіи быть!
Свѣтъ дня пробуждаетъ насъ каждое утро;
А свѣтъ временъ новыхъ,—онъ долженъ будить
Собой отсталые народы и царства.
Когда разсвѣло иль свѣтаетъ кругомъ,

Digitized by Google

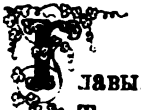
Нельзя и у насъ долго тьмѣ оставаться;
Немного потребно, чтобъ былъ свѣтелъ домъ,—
Но сколько средствъ надо, чтобы освѣтилось
Обширное царство?
«Вотъ съ чѣмъ я пришла
Сюда, въ міръ живой вашъ, въ вашъ міръ современный.
Я слышала вызовъ, и я не могла
Сычамъ дорогимъ не подать родной голосъ.
Пускай они видятъ и слышатъ меня,
Пускай всѣ увидятъ мое воскресенье!
А если въ народѣ воскреснула я;
То значитъ, и мертвый народъ воскресаетъ.
Но намъ прежде надобно выдти изъ тьмы,
Куда насъ затерли былыя событья;
Вотъ главный нашъ подвигъ! При свѣтѣ и мы
Сумѣемъ найти настоящее мѣсто
Средь прочихъ народовъ. Я вижу вдали
Путь скользкій и трудный, но съ вѣрою въ Бога,
Чего не достигнетъ міръ русской земли!..
Пусть гости-славяне нашъ край видятъ темный,
Пусть видятъ они и нашъ близкій разсвѣтъ...
Что будетъ тогда въ возрожденной Европѣ,
Что будетъ у насъ,—черезъ сотни двѣ лѣтъ?..
Идите за мною!»
Она обернулась,
И прямо пошла по эстрадѣ къ гостямъ.
Предъ нею съ почтеніемъ всѣ разступались;
Годинычъ и я шли за ней по стопамъ.
Она величаво прошла по собранью,
И сѣла на главное мѣсто за столъ;
Всѣ сѣли опять; а толпа любопытныхъ
Сомкнулась вокругъ. Ставръ Годинычъ подвелъ
Меня къ самой Ванѣ. Она говорила...

Digitized by Google

Пѣснь 8-я.

РАЗСКАЗЪ ВАНЫ.

„S'il est un Dieu dans la nature, il est aussi dans l'histoire... Je m'incline, plein de respect, devant ta noble image (Jésus-Christ), o toi, chèf et fondateur d'un royaume si grand dans son objet, si illimité dans sa durée, aux principes si simples et si vivents, aux moyens si puissants que la sphère de cette vie terrestre lui semble trop ètroite". (Herder. t. III, p. 74, 164).



лавы, представители, лехи, владыки! *)
Такъ вѣщая Вана, за бранымъ столомъ,
Къ гостямъ начала задушевное слово,
Какъ будто она еще въ мірѣ быломъ.
Мы васъ благодарствуемъ, я и Микула,
Что вы посѣтили и помните насъ;
Мы живы и здравы. Мы рады васъ видѣть
Межь нами. И мы не забыли о васъ.
Свезите поклонъ нашъ кралевичу Марку.
Господь дастъ, увидимся скоро и съ нимъ,—

*) Лехи,—богатые владѣтели, правители, отъ которыхъ произошли магнаты; Владыки,—владѣтели небольшихъ участковъ, мелкіе дворяне, изъ которыхъ образовалось рыцарство и среднее дворянство. Были еще Кметы,—близкіе люди къ князю, его совѣтники. (Толк. г. Гербеля).

Digitized by Google

Теперь мы свободны; намъ путь къ вамъ отворенъ.
Я вѣрю, мы будемъ народомъ однимъ,—
У всѣхъ у насъ сходны языкъ и преданья;
Вы всѣ сыны, дѣти единой семьи,
У васъ одинъ праотецъ,—красное Солнце,
Вы всѣ его внуки,—всѣ дѣти мои.
«Вы насъ упредили духовнымъ развитьемъ,
Мы васъ упредили единствомъ страны,
Устройствомъ гражданскимъ, единствомъ народнымъ.
Но мы жили въ рабствѣ,—мы мракомъ полны;
Всѣ чуждыя страны нашъ край упрекаютъ
Въ невѣжествѣ, тьмѣ, суевѣрьи слѣпомъ,
Въ общественномъ нашемъ еще неустройствѣ,
Неряшествѣ, лѣности, многомъ другомъ,
Что прямо исходитъ изъ долгаго рабства.
Чуть брежжитъ у насъ просвѣщенія свѣтъ;
Мы дѣти почти,—одиноки, несмѣлы;
Прямой самобытности въ насъ еще нѣтъ,
Мы слѣдуемъ въ нашемъ пути за другими....
Но пусть дастъ исторія въ этомъ отвѣтъ!
«Какъ будто я вижу еще предъ собою
Нашъ древній, великій славянскій нашъ родъ,
Занявшій востокъ весь и полдень Европы,
И сушу, и море,—какъ царственный флотъ,
На всѣхъ парусахъ напиравшій на Западъ.
Какъ будто я вижу его города,
Богатые храмы, рѣзныя кутины,
Обширныя нивы, морскіе суда,
Весь край нашъ, цвѣтущій богатствомъ и силой,
Воинственный духъ его мощныхъ племенъ...
Но имъ не живется спокойно на мѣстѣ,
Ихъ жизнь—разселенье. Съ древнѣйшихъ временъ
Флотъ царственный этотъ отважно несется
Во всѣ протяженья тогдашней земли;
Борьба раздѣляетъ могучія силы;
Онъ скоро мельчаетъ,—его корабли
Разносятъ ту силу по дальнимъ прибрежьямъ.
Она будто таетъ средь чуждыхъ племенъ;

Digitized by Google

Великій край залить волнами раздора.
Его окружаютъ съ открытыхъ сторонъ
Чужія, но больше развитыя, силы,—
И лучшія страны славянской земли
Совсѣмъ исчезаютъ въ нахлынувшемъ морѣ
Безвыходныхъ бѣдствій.

«Въ то время вдали
Слагается сильное Русское царство.
Тотъ самый славянскій же міръ положилъ
Ему основанье. Оно прибываетъ,
Оно разрослось; но его юныхъ силъ
Еще не хватаетъ, чтобъ вамъ подать руку.
Когда-жъ, возмужавъ, оно стало сильнѣй,
Судьба разобщенныхъ племенъ совершилась!
А послѣ,—событья, ближайшихъ къ намъ, дней
Кладутъ новый гнетъ на весь міръ нашъ славянскій,—
Вы боретесь тщетно подъ игомъ чужимъ,
А здѣсь возникаетъ домашнее рабство!

«Міръ новый гордится успѣхомъ своимъ
Въ благомъ просвѣщеньи предъ міромъ минувшимъ,—
И можетъ, не тщетно! Но съ древнихъ временъ
Оно достоянье лишь высшихъ сословій;
Народъ былъ всегда и вездѣ отчужденъ,
Покуда онъ самъ не прокладывалъ къ свѣту,
Гдѣ могъ онъ, дорогу. Для сильныхъ земли
Казалось удобнѣй держать народъ въ мракѣ;
Они никогда понимать не могли,
Что сила и власть ихъ—безъ истинной почвы.
Не только у насъ, гдѣ весь край объятъ тьмой,
Но даже и въ царствахъ, давно просвѣщенныхъ,
До сихъ еще поръ, подъ ихъ силой живой
Развитаго общества, міръ лежитъ мертвый,—
Міръ цѣлый народный. Его воскресить,
Поднять его, въ силахъ одно просвѣщенье....
Но міръ современный не можетъ такъ жить,
Какъ онъ живетъ нынѣ!.. Его основанье
Стоитъ до сихъ поръ на пескѣ. Онъ дрожитъ
При каждомъ волненьи. Онъ ждетъ обновленья.—

Digitized by Google

Но только не ломкой; его обновитъ,
Его перестроитъ лишь свѣтъ просвѣщенья!
«Надъ нимъ ужь вечерняя меркнетъ заря,
Тогда, какъ народъ не видалъ еще утра.
Богатство и сила,—два высшихъ царя,—
Одни наслаждаются благами жизни.
Богатство и сила немногихъ людей,
Богатство и сила, насчетъ силъ народныхъ,
На счетъ всѣхъ минувшихъ и будущихъ дней,—
Вотъ тѣ основанья, на комъ утвердился
Онъ, міръ самовластный. Онъ такъ и стоитъ,
Не чувствуя самъ, что стоитъ онъ надъ бездной.
Но онъ давно подгнилъ... Его тяготитъ
Безплодное бремя.
«Свѣтаетъ свѣтъ новый.
Чудовища мрака стремятся пожрать
Всходящее солнце...Но такъ всегда было
И будетъ,—пока свѣтозарная рать
Духовъ свѣтлыхъ дня не разгонитъ ихъ силы!
Какъ свѣтлый міръ асовъ вначалѣ дрожалъ
Предъ волкомъ Френиромъ; такъ въ каждомъ народѣ
Свои также волки,—кто ихъ не встрѣчалъ!—
Что свѣтъ поглащаютъ у краснаго солнца.
У насъ, у славянъ, есть свой волкъ Самоглотъ....
Какъ чудища тьмы,—всѣ они враги свѣта;
Они гложутъ солнце,—и темный народъ
Досель въ этомъ видитъ причину затмѣній...
«Пускай мы не знали, въ тотъ вѣкъ нашъ дружинъ,
Что счастье народовъ въ ихъ мирѣ взаимномъ,—
Что датчанинъ, нѣмецъ или славянинъ,
Всѣ божіи люди, всѣ кровные братья;
Но каждый, возникшій средь нихъ, властелинъ
Есть врагъ и своимъ, и всѣмъ чуждымъ народамъ...
Теперь это знаютъ! Теперь новый свѣтъ
Проникъ въ міръ общественный,—онъ понимаетъ:
Пока межь народовъ согласія нѣтъ,
Пока они будутъ въ враждѣ межь собою;
До тѣхъ поръ все будутъ игрушкой они

Digitized by Google

Своихъ и чужихъ честолюбцевъ; до тѣхъ поръ
Все будутъ далеко ихъ свѣтлые дни.
Отдѣльный народъ никогда не достигнетъ
Той цѣли всемірной, что ждетъ труда всѣхъ
Отдѣльныхъ народовъ. Въ единствѣ народномъ,
Въ ихъ общемъ трудѣ, только ждетъ ихъ успѣхъ.
«Оставимъ упреки пока между нами!
Исторія скажетъ, что каждый народъ
Живетъ, какъ сложили его край событья:
Пусть каждый народъ идетъ только впередъ!
Есть грань, гдѣ они напослѣдокъ сойдутся,—
И миръ воцарится въ ихъ странахъ родныхъ...

«Молюся тебѣ, о предвѣчное Солнце,
Верховный правитель народовъ земныхъ, —
Она продолжала,— Богъ свѣта и правды,
Единый источникъ успѣховъ благихъ!
Молюся Тебѣ, о всевышнее Благо,
Начало, конецъ и источникъ всѣхъ благъ,
И всякой, ко благу устроенной, жизни!
Всемірная Мудрость, въ чьихъ дивныхъ лучахъ,
Вращается стройный кругъ нашей вселенной!...
Ты есть,—и съ Тобою я выше, сильнѣй,
И съ новой надеждой душа моя смотритъ
На тягостный опытъ былыхъ нашихъ дней,
На самую жизнь, на судьбы всей вселенной,
Гдѣ чувствуетъ, слышитъ и знаетъ она
Святое присутствье Строителя, Бога;
Ты есть,—и отрадною вѣрой полна,
Я смѣло вступаю на путь мой въ грядущемъ!
«Лишить народъ вѣры, затмить предъ нимъ свѣтъ,—
Да было-ль развитье народовъ безъ вѣры?
Спросите вы совѣсть,—она дастъ отвѣтъ;
Спросите народы,—они скажутъ тоже.
Безъ вѣры, кто сдѣлалъ ли шагъ хоть впередъ?
Наука народу замѣнитъ ли вѣру?
Наука,—домашній для насъ обиходъ;
Но вѣра,—свѣтильникъ нездѣшняго міра:

Digitized by Google

У нихъ, у обѣихъ, кругъ разный. Народъ
Никакъ не смѣшаетъ двухъ силъ этихъ чуждыхъ.
Онъ чувствуетъ, знаетъ, что вѣру даетъ
Природа намъ: это нашъ даръ прирожденный;
Наука-жь отъ міра,—даръ жизни земной,
И то, лишь по мѣрѣ способностей нашихъ.
Естественно-ль, можно-лъ природѣ благой
Такъ грубо нарушить свои міровые,
Святые законы, чтобъ міръ самъ людской
Пошелъ прямо противъ врожденнаго чувства?
«Молюся тебѣ, о всезиждущій Свѣтъ,
Единый властитель судебъ темныхъ міра!
Чтобъ былъ безъ тебя безпокойный нашъ свѣтъ;
Чтобъ были давно ужь народы, безъ вѣры?...
«О дивная вѣра, о свѣтъ, всѣмъ родной!
Ты все поборола,—пространство и время,
Царей и народы, и холодъ, и зной;
Ты весь міръ связала для насъ воедино,
И сблизила дальнія страны собой;
Тобой измѣнился самъ образъ вселенной,—
Ты рядъ новыхъ силъ создала для земли,
Тобой заселились моря и пустыни,
Безплодная дебрь и пески разцвѣли;
Ты въ духъ нашъ вложила безплотныя крылья,
А сердцу больному дала свой покровъ;
Ты съ новыхъ народовъ сняла ихъ оковы,
А съ общества спячку минувшихъ вѣковъ;
Ты въ царствахъ устроила новый порядокъ,
И сдѣлала право народовъ святымъ,
Внесла въ новый міръ нашъ любовь и согласье;
Ты всѣхъ уравняла ученьемъ твоимъ
И всѣмъ указала на міръ еще лучшій...
«Когда свѣтъ дрожалъ въ основаньи своемъ,
При страшномъ разливѣ Полночныхъ народовъ,
Когда разрушалось все ветхое въ немъ,
И падало съ шумомъ подъ страшной грозою,
И цѣлыя страны, и царства земли
Ломало волненьемъ,—одно твое царство,

Digitized by Google

О дивная вѣра, подмыть не могли,
Или затопить всекрушащія волны;
Одно устояло оно, возросло,
Подъ этой кровавою, страшною бурей,
Одно удержало и руль, и весло,—
И выплыло тѣмъ же свѣтильникомъ міра.
«Мы можемъ теперь справедливо сказать,
Что всѣ просвѣщенныя страны свободны,
Насколько смогли и съумѣли понять
Онѣ духъ общественной, честной свободы.
Но первый лучь этой свободы благой,—
Чтобъ умники ваши теперь ни кричали,
Какъ міръ ни глумился-бъ надъ вѣрой святой,—
Лучь первый свободы внесенъ Христіянствомъ!...
Ученье Христа,—ея первый оплотъ.
До этого не было въ мірѣ свободы,—
Христосъ пробудилъ угнетенный народъ,
Въ Христѣ онъ увидѣлъ царя надъ царями;
Христосъ уравнялъ всѣхъ, и двинулъ впередъ,
Всѣмъ сдѣлавъ доступными свѣтъ и богатства
Духовнаго міра.
«Кто знаетъ теперь,
Какъ встанетъ высоко развитье вселенной?
Народамъ къ развитью отворена дверь,—
Но сколько преградъ еще, сколько сомнѣній!...
Безсиліе, бѣдность,—вотъ нашъ приговоръ!
Богатство и Сила,—два хищные звѣря,
Вселенную гложутъ до сихъ еще поръ...
Кто ихъ усмиритъ?—Кто, опричь христіянства?
Кто сниметъ съ нихъ когти? Кто жадный ихъ взоръ
Направитъ къ верховному благу народовъ?
Кто ихъ введетъ съ миромъ во всѣ тѣ мѣста,
Гдѣ путь пролагаетъ одно имъ насилье,
Кто,—кромѣ того же ученья Христа,
Гдѣ все есть,—и миръ, и согласье, и братство?...
«Мечтая путь новый народамъ открыть
Въ возникшей неровно общественной жизни,
Иные стремятся въ народахъ убить

Digitized by Google

Послѣднюю вѣру, и съ этимъ низвергнуть
Надежду на Промыслъ. Конечно, они
Въ стремленьяхъ своихъ никогда не успѣютъ,—
Но были-бъ то страшные, страшные дни!
Пусть Бога не будетъ, но вѣра все будетъ:
Потребность ея въ человѣкѣ самомъ.
Народы невольно искать будутъ Бога;
Что-жь? Лучше-ль они своимъ хитрымъ умомъ
Его создадутъ, чѣмъ Онъ есть, Богъ небесный?
«Я въ мірѣ еще первобытномъ жила,
Жила я и въ мірѣ гораздо позднѣйшемъ,
Когда власть великаго Рима слыла,
При силѣ его и гражданскомъ развитьи,
Едва не всемірной. Свѣтло было въ немъ;
Со страхомъ смотрѣлъ на него нашъ міръ темный.
Тогда еще боги кишѣли кругомъ;
Но Богъ милосердія,—Онъ былъ невѣдомъ;
Народы не знали небесной любви
И создали только боговъ ярыхъ мщенья.
Вселенна временъ тѣхъ тонула въ крови,—
Мы всѣ чтили месть,—милосердья жь не знали.
Народной свободой хвалился и грекъ,
И римлянинъ гордый,—и мы,—люди мрака;
Но что при свободѣ той былъ человѣкъ
Иль личность его,—но вы знаете сами!...
«Свобода и личность стенали въ цѣпяхъ,
Подъ гнетомъ народнымъ иль гнетомъ тирановъ;
Надъ обществомъ могъ лишь господствовать страхъ,—
Да было-ли общество въ вѣкъ тотъ ужасный?..
Зародышъ ойщественной силы—семья;
Семья-же въ то время была еще въ рабствѣ.
У насу была силой въ то время,—земля:
У грековъ, у римлянъ,—власть смутная гражданъ.
Опора общественной силы, оплотъ,—
Есть частная личность; ея мы не знали,—
Всѣ были безличны; былъ только народъ,
Народъ безпокойный,—иль гнетъ былъ владыки.
«Я помню нашъ край, когда Донъ и Дунай,

Digitized by Google

И Лаба, и Бугъ, и Карпатскія горы,
Прибрежія Понта, Поморскій весь край,
До моря Морозовъ,—давно составляли,
За малымъ изъятьемъ, одинъ міръ родной;
Тутъ слышалось всюду родное намъ слово,—
Всѣ были Словене; а міръ, намъ чужой,
Мы звали Нѣмымъ, безсловесною Чудью.
«Свѣжа еще память была о тѣхъ дняхъ,
Когда правый берегъ кормилицы Волги
Морскимъ былъ побрежьемъ; а въ этихъ степяхъ,
Гдѣ Каспій,—стояло Эвксинское море.
«Развитіе нашихъ главнѣйшихъ родовъ
Такъ было высоко, что нѣмцы въ то время
Считали славянъ за пришельцевъ-боговъ,
И долго боялись познаній ихъ вѣщихъ. [13])
«Въ міръ этотъ народный, тогда принесла
Я образовъ много изъ древняго міра;
Но ихъ помрачила Полночная мгла,
Ихъ краски затерли вѣка и пространство.
Имъ нѣкогда было, окрѣпнувъ, взрости,
Иль вновь возродиться здѣсь въ образахъ высшихъ.
Пришли мы въ край новый; у насъ на пути
Шелъ ливень кровавый и прыскали стрѣлы.
Одинъ цвѣтокъ вешній созрѣть только могъ
Въ странѣ этой вольной,—то наша свобода;
Но это былъ дикій, колючій цвѣтокъ,—
И много онъ стоилъ хлопотъ намъ и крови!..
«Какъ дикимъ онъ выросъ, такъ онъ и поблекъ,
Едва власть князей водворила порядокъ!
Порядокъ убилъ духъ свободный славянъ,
Затѣмъ что въ свободѣ ихъ было все ложно.
Нашъ міръ возросталъ, какъ ростетъ великанъ,
Причудливо полный размашистой воли
И дикихъ затѣй, хоть исполненный силъ,
И силъ исполинскихъ.
Онъ весь кипѣлъ распрей.
Растлѣнный Римъ скоро бы насъ развратилъ,—
Сыны наши, братья, его потѣшали

Digitized by Google

Въ стоярусныхъ циркахъ; другихъ онъ манилъ
Своимъ обаяньемъ, въ его легіоны;
Римъ даже смѣялся, что мы безъ царя,
И стравливалъ силы племенъ нашихъ вольныхъ;
Но къ счастію, вечерняя эта заря
Дряхлѣвшаго Рима,—она озаряла
Его разрушенье.
«Свѣтъ новый Христовъ
Святой благодатью своей спасъ вселенну;
Благая рѣшительность вашихъ отцовъ,
Призваніемъ князя,—спасла нашу землю!..
«Вселенна кончалась. Ходъ времени сталъ,
Скрипѣли колеса однѣ грубой силы,
И тѣ перетерлись. Отжившій міръ ждалъ,
Ждалъ всюду,—въ Элладѣ, на дальнемъ Востокѣ,
Въ самомъ даже Римѣ, и въ прочихъ странахъ
Его государства,—міръ ждалъ обновленья.
Народный духъ всюду томился въ цѣпяхъ,
И жадно искалъ для себя возрожденья,
Пророка, Мессію....
«И вотъ, Онъ предсталъ,—
Предсталъ изъ темнѣйшихъ слоевъ онъ народныхъ,
Изъ яслей вертепа,—отколь міръ не ждалъ!
Отъ пастырей мирныхъ, подобныхъ Микулѣ...
Предсталъ человѣкомъ онъ самымъ простымъ,
Но свыше даруя больнымъ исцѣленье,
Рабамъ избавленье,—прозрѣнье слѣпымъ;
Властямъ—милосердье, законникамъ—правду,
Союзъ и свободу народамъ земнымъ,
И всѣмъ—миръ душевный, любовь и безсмертье.
«Наитіе этой всемірной весны
Должно измѣнить было образъ вселенной;
Цари-полубоги сошли съ вышины,
Духъ смертныхъ воспрянулъ. Міръ древній, отжившій,
Какъ ветхій корабль, опустилъ паруса;
Сѣдой любодѣй, Римъ державный, кончался....
Господь свилъ, какъ ризу, его небеса,
И выдѣлилъ землю его людямъ новымъ.

Digitized by Google

«Полчища народовъ со всѣхъ шли сторонъ
На трудъ обновленья,—и тѣмъ начинали,
Не вѣдая сами, міръ новыхъ временъ.
Ихъ вождь становился властителемъ края
И землевладѣльцемъ; лѣса и поля
Дѣлились на части межь лучшихъ пришельцевъ.
Впервые явились родная семья
И личное право гражданской свободы,
Свободная личность,—сей первый залогъ
Грядущихъ успѣховъ и силы народной!
«Міръ рабства и деспотовъ, больше не могъ
Задерживать свѣта, свободу развитья;
Кумиръ произвола и власти крутой
Упалъ передъ новымъ значеньемъ народовъ.
Слѣпой судъ людской, прелесть славы земной,
Разсыпались въ прахъ предъ Судьею небеснымъ;
Кулачное право, бичь этотъ земли,
Дрогнуло предъ правдой всезрящаго Бога;
И рабъ, и убогій, и нищій, вошли
Въ кругъ свѣтлый всемірной семьи христіянской;
Жизнь стала не призракомъ только пустымъ,
Не праздной игрушкой любаго тирана;
Но жизнь стала битвою съ міромъ земнымъ,
Ареной стыда иль безсмертной побѣды.
«Земля возрождалась,—и духъ новыхъ силъ,
Духъ разума, правды, духъ новаго свѣта
И новыхъ стремленій, незримо парилъ,
Надъ полной надеждою, новой вселенной;
И Богъ милосердья, Богъ мира, любви,
Снималъ самъ печати съ таинственной книги
Судебъ земли новыхъ, омытыхъ въ крови
Того, Кто самъ назвалъ себя сыномъ Божьимъ.
«Такъ послѣ кровавыхъ и тягостныхъ дней
Тиранiи дикой, когда милосердый
Царь сядетъ на тронѣ, и властью своей
Даруетъ родному народу свободу;
Такъ радостно видитъ воскресшій народъ
Отмѣну всѣхъ прежнихъ стѣсненій тяжелыхъ,

Digitized by Google

И чувствуетъ духомъ воскресшимъ впередъ
Паденье насилій минувшаго царства.
Свободная мысль, не стѣсняясь, паритъ
По вольному свѣту; всѣ дышатъ свободно;
Достоинство прямо, спокойно глядитъ
Въ державныя очи царя, не страшася
Ни подлыхъ доносовъ, наушниковъ злыхъ,
Ни собственныхъ, мрачныхъ его подозрѣній;
Весь край торжествуетъ въ надеждахъ своихъ,
И благославляетъ счастливое царство!...

«Привѣтствую васъ, о великіе дни,
Принесшіе также и намъ обновленье!
Теперь вы исчезли далеко въ тѣни
Минувшихъ временъ и новѣйшихъ событій;
Но вы неизмѣнны значеньемъ своимъ
Для нашей страны и ея возрожденья.
Подъ вашимъ наитіемъ только благимъ
Могли побороть мы всѣ наши невзгоды....
Велики и святы тѣ дни, край родной,
Велики и святы они намъ вовѣки!
Съ тѣхъ поръ ты выходишь изъ ночи глухой,
Сіяя твоимъ православнымъ единствомъ;
Вступаешь, какъ древній титанъ, въ міръ живой,
Въ среду христіянскихъ, великихъ народовъ!
Съ тѣхъ поръ ты смягчаешь духъ нравственный твой,
Растешь и мужаешь душевною силой!
Всеесильная вѣра блеститъ предъ тобой
Во всякое время звѣздой путеводной;
Она твоя сила, она тебѣ щитъ;
Ты самъ получаешь двойное значенье, —
Народъ не отчизну въ тебѣ только чтитъ,
Но также и то, что ты край православный.
«Но что всѣ усилія нашихъ трудовъ
И нашихъ стремленій предъ Промысломъ Божьимъ!
Мы силимся тяжкій трудъ цѣлыхъ вѣковъ
Сломать, сокрушить, перестроить въ мгновенье;
А Онъ, каждый узелъ событій земныхъ

Digitized by Google

Готовитъ вѣками. Мы каждый нашъ подвигъ,
И всякое дѣло, изъ самыхъ благихъ,
Стараемся сдѣлать насильемъ. крушеньемъ;
А Онъ, всему,—людямъ, народамъ, вѣкамъ,
Добру, какъ и злу, ходъ оставилъ свободный;
Онъ даже нигдѣ не является Самъ,—
Но видѣнъ повсюду. За то, что ни зиждемъ
И что ни творимъ мы въ семъ мірѣ земномъ,—
Мы зиждемъ лишь смерть, и творимъ разрушенье;
А онъ,—даже, въ нашемъ крушеньи слѣпомъ,
Онъ зиждетъ вновь жизнь, и изъ смерти—безсмертье.
«Безумныя распри и лживый кумиръ
Незрѣлой, слѣпой, полудикой свободы,
Сгубили славянскій нашъ Западный міръ,
И предали въ руки враговъ иноземныхъ.
Они разорвали его на клочки;
Лишь сила живая народнаго духа
Его сохранила. Изъ бурной рѣки
Онъ въ сѣть превратился чуть видныхъ потоковъ.
Отрадно, что въ нихъ хоть вода не стоитъ,
А вновь пробиваетъ русло,—и быть можетъ,
Рѣка эта скоро Востокъ оживитъ
Своимъ величавымъ и мирнымъ теченьемъ!
«Единство народное край нашъ спасло
Отъ страшной той бури. Могущество наше
Потомъ самобытно и быстро росло,—
Почти во главѣ племенъ новыхъ Европы. [14])
«Блистательно началъ нашъ край новый путь.
Нашъ Кіевъ всѣ знали,—и Сѣверъ и Западъ;
Громъ самыхъ усобицъ не могъ пошатнуть
Народнаго духа, ни силы народной...
Но мѣстность страны народъ русскій влекла
Совсѣмъ не къ единству. Предъ нимъ разстилались
Пустыя пространства. Судьба призвала
Нашъ сильный народъ быть сперва піонеромъ
И колонизаторомъ.
«Съ самыхъ тѣхъ дней,
Когда онъ явился,—исторія наша

Digitized by Google

Есть только разсказъ про свободныхъ людей,
Себѣ пролагающихъ путь, отъ Полудня
На дальній Востокъ и на Сѣверъ. Поднесь,
Пожалуй, мы тѣже еще піонеры!..
Въ чемъ главное наше значеніе здѣсь?
Не въ томъ ли, что мы заселяемъ пустыню?...
Что дѣлаемъ мы?—Расширяемъ нашъ край,
Еще не успѣвши создать домоводства.
Идетъ,—такъ и ладно; застряли,—пускай!
Земля вѣдь не клиномъ сошлась. Господь знаетъ,
Гдѣ даже теперь конецъ русской земли.
Сосѣдъ намъ мѣшалъ,—мы его отдвигали;
Мѣшали намъ власти,—мы далѣе шли.
Народъ нашъ разсыпался въ страшномъ пространствѣ,
Какъ въ морѣ пустынномъ гряда острововъ;
На насъ поднимались Востокъ, потомъ Западъ,—
Всѣмъ путь къ намъ широкій! Опричь городовъ,
Ни горъ нѣтъ, не моря на нашу защиту...
Но насъ не смущали ни рати враговъ,
Ни наша разрозненность въ этой пустынѣ!
Лишь тяжесть татарщины, только она
Успѣла сдавить эту мощную силу;
Событья слагались скорѣй, чѣмъ страна,—
Страна, разобщенная страшнымъ пространствомъ.
«Нѣтъ больше вождей, ни отчизны святой,
Князья, вожди, рати, все рухнуло въ бездну;
Но живъ русскій Богъ,—и изъ бездны глухой
Нашъ край вновь воспрянулъ и двинулся дальше.
«Москва, опираясь на крѣпкій народъ,
Снимаетъ съ насъ цѣпи; страна снова дышетъ;
Но царь-побѣдитель съ поры той беретъ
Незрѣлую волю къ себѣ подъ опеку.
Народъ сознаетъ превосходство его;
Москву озаряетъ блескъ новыхъ успѣховъ,—
Царь собралъ край павшій; онъ выше всего;
Его Богъ поставилъ въ главѣ земли русской,—
Тотъ Богъ, что хранитъ ее съ древнихъ вѣковъ,
Тотъ Богъ, что возсоздалъ ее въ государство;

Digitized by Google

Тотъ Богъ, что народъ чтитъ всѣхъ выше боговъ,
Кого онъ издревле зоветъ Богомъ русскимъ.
«То Богъ—ратоборецъ нашъ противъ враговъ,
Единый Богъ истинный, Богъ православный;
То Богъ нашихъ русскихъ, особыхъ судьбинъ,
То Богъ, указующій путь намъ въ грядущемъ,
То Богъ нашихъ крѣпкихъ, побѣдныхъ дружинъ,
То Богъ нашей силы и славы народной!..
«Что послѣ того ни свершилось въ странѣ,
Свершило, во имя Его,—государство;
Боярамъ, князьямъ, принадлежитъ вполнѣ
Вся слава и честь; а народу лишь бремя.
Москва пошла прежнимъ, знакомымъ путемъ, —
Едва утвердившись, она продолжала
Свои разселенья; что жило кругомъ,
То стало тотчасъ же ея достояньемъ.
Какъ цѣпь ледяную сорвавшій, потокъ,
Нашъ край заливаетъ сосѣднія страны,—
Своихъ и чужихъ... И далекій Востокъ,
И Сѣверъ трепещутъ предъ Нимъ, Богомъ русскимъ.
«Онъ краю представалъ—на Днѣпровскихъ брегахъ,
Что стали купелью судебъ нашихъ новыхъ;
На этихъ священныхъ намъ, русскимъ, мѣстахъ,
Откуда впервые странѣ возсіяла
Заря новой вѣры,—тотъ свѣточь живой,
Блестящее это, живящее утро,
Что насъ оживляло и грѣло собой
Среди самыхъ тяжкихъ для насъ испытаній;
Гдѣ нашъ народъ ищетъ понынѣ себѣ
Цѣлительной силы и силъ чудотворныхъ,
Въ недугахъ и скорбяхъ, и въ тяжкой борьбѣ
Съ судьбою гнетущей.
«Народъ его видѣлъ
И тамъ, въ этомъ градѣ, что древле связалъ
Распавшійся край нашъ въ единое царство,
Гдѣ стольный нашъ князь въ первый разъ воспріялъ
Священное имя царя земли русской!
Въ томъ градѣ великихъ событій родныхъ,

Digitized by Google

Что весь опоясанъ широкою лентой
Обителей древнихъ и храмовъ святыхъ, —
Какъ вѣщею хартіей, книгой живою
Исторіи нашей и славы родной;
Тамъ, гдѣ сама дивная Матерь Господня,
Притекши чудесно съ вершины святой,
Ей павшаго древле на жребій, Афона,
Предстала во всемъ благолѣпьи земномъ,
При самыхъ вратахъ, на пути царей русскихъ
Къ златымъ ихъ чертогамъ,—и ночью, и днемъ,
Посредницей вѣрной о всѣхъ передъ Богомъ.
«И тамъ, въ той пустынѣ и дебряхъ лѣсныхъ,
Издревле родной намъ, глухой Полуночи,
Откуда, какъ солнце изъ тучь снѣговыхъ,
Блеснулъ намъ впервые лучь ясный гражданства;
Гдѣ нашъ еще юный народъ-исполинъ,
Почуялъ впервые великій свой жребій,—
И вмѣстѣ съ вождями варяжскихъ дружинъ,
Далъ краю нестройному миръ и порядокъ;
Но гдѣ еще долго вели смертный бой
Духъ древній Перуна, и новый—Софіи;
Одинъ,—за обломки свободы былой,
Другой,—за гражданственный этотъ порядокъ,—
Покуда Московскій двухглавый орелъ
Вмѣшался въ ихъ распрю, и стиснулъ обоихъ
Своими когтями, украсивъ престолъ
Московскихъ царей богатѣйшей страною.
«И тамъ, въ этомъ краѣ, почти намъ чужомъ,
Гдѣ вдоль мутной Клязьмы сидѣлъ народъ Меря,
Заглохшій потомъ подъ орлинымъ гнѣздомъ
Младыхъ шестокрыльцевъ семьи Мономаха,—
Откуда ихъ духъ безпокойный грозилъ
Совсѣмъ отшатнуться отъ дальняго Юга,—
И сѣверной ратью своей надломилъ
Стягъ Кіева древній; но гдѣ ихъ власть скоро
Померкла навѣки предъ юной Москвой,
Сей яркой звѣздой золотаго единства
Земли нашей русской и силы родной,—

Digitized by Google

Оставивши намъ, отъ тѣхъ грустныхъ усобицъ,
Въ наслѣдье одинъ только образъ живой,—
Нетлѣющій образъ Царицы Небесной,
Какъ дивный залогъ суеты ихъ земной,
Предъ крѣпостью Промысла силы небесной.
«И тамъ, среди этихъ священныхъ равнинъ,—
Равнинъ славныхъ Дона и мутной Непрядвы,
Гдѣ вспрянулъ впервые нашъ духъ-исполинъ
Отъ тяжкаго ига неволи татарской;
Куда съ напряженьемъ смотрѣлъ край родной,
То полный надежды, то смутнаго страха,
Пока князь московскій бросалъ жребій свой
И жребій страны всей въ вѣсы ярой битвы;
Но Вышній на эти вѣсы возложилъ
Грядущую участь земли всей Полночной,—
И гласъ чудотворца Его возвѣстилъ
Народу впередъ, о великой побѣдѣ.
«И тамъ, въ малолюдныхъ въ то время мѣстахъ,
Рѣки Костромы и побережій Поволжскихъ,
Гдѣ нѣкогда въ темныхъ, дремучихъ лѣсахъ
Гнѣздилося племя старинное Веси;
Но гдѣ Матерь Божья явилася вновь,
Заступницей вѣрной земли своей русской,—
Ославъ, облеченнаго въ тѣло и кровь,
Стратига Господня, изъ стѣнъ монастырскихъ,
Принять престолъ царскій,—и край нашъ родной
Спасти отъ ревущей грозы междуцарствья;
Откуда и нынѣ покровъ свой святой
Простерла она надъ его вѣнценоснымъ,
Державнымъ потомкомъ, и дивной рукой
Страну защитила отъ отцеубійства
И новыхъ несчастій.
«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ долго боролся край русскій со шведомъ,
И тотъ, и другой, въ безполезныхъ бояхъ
Вотще тратя силу,—пока не явился
Великій нашъ Петръ, и рѣшилъ навсегда
Ихъ споръ неисходный; гдѣ такъ величаво

Digitized by Google

Потомъ возсіяла Россіи звѣзда,
Какъ огненный мечь, надъ смущенной Европой;
Гдѣ образъ Петра и понынѣ парить,
Поднявши коня надъ змѣею крамолы,
Раздавленной имъ о холодный гранитъ,
И гордо простерши свою длань на западъ.
«И тамъ, среди этихъ широкихъ степей,
Гдѣ Вятичи древле сидѣли съ Мещерой;
Но гдѣ потомъ тотъ же царь русскихъ людей
Намъ создалъ тѣ быстрыя, мощныя крылья,
Что насъ понесли по далекимъ морямъ
Обѣихъ земныхъ полушарій,—и скоро,
Ко славѣ народной, доставили намъ
Почетное мѣсто въ средѣ странъ сильнѣйшихъ;
Въ тѣхъ славныхъ мѣстахъ, гдѣ до нынѣшнихъ дней
Почіетъ съ святыми тотъ свѣтлый подвижникъ,
Слуга вѣрный царскій, что силой своей
Провидя заботу царя-исполина,
Сумѣлъ въ свое время ему заявить
Значенье, ненужной обителямъ Божьимъ,
Казны монастырской,—и благословить
Державныя руки на общее благо.
«И тамъ, средь безсмертныхъ Полтавскихъ полей
И вѣчно священныхъ полей Бородинскихъ,
Гдѣ дважды Богъ русскій десницей своей,
Отъ гибели вѣрной спасъ русскую землю.
О чудные дни! Какъ степной ураганъ,
Два раза, гроза шла на насъ истребленья;
Но живъ русскій Богъ! Всталъ родной великанъ,
И край отстоялъ богатырскою грудью.
Ты первый желалъ этой страшной борьбы,
О баловень счастья, Алкидъ Полуночный;
Но ты не дождался рѣшенья судьбы,
И раненымъ волкомъ исчезнулъ во мракѣ.
Другой,—тотъ считался самъ богомъ побѣдъ,—
Хотѣлъ затопить насъ безсчетною силой;
Но въ ужасѣ двинулся вспять,—и во слѣдъ,
Какъ осенью листья, легли его рати.

Digitized by Google

«И тамъ,—по улусамъ тѣмъ, долго чужимъ,—
Отъ устья Казанки до степи Хвалынской,
Что долго томили насъ игомъ своимъ,
Опасные древле ихъ силой змѣиной;
Куда народъ русскій не разъ приходилъ
Испробовать мечъ свой, но были безплодны
Его всѣ усилья,—пока не срубилъ
Онъ голову гидры, оставивъ одно ей
Безсильное жало,—до лучшихъ временъ
Но гдѣ ужъ давно,—тамъ, откуда, какъ тучи,
Неслись на насъ орды татарскихъ племенъ,
Сіяетъ далеко свѣтильникъ науки,
И крестъ православный, сей свѣточъ живой
И первый предвѣстникъ народнаго свѣта,
Блеститъ высоко надъ двурогой луной,—
Побѣдной хоругвью надъ бывшимъ здѣсь мракомъ.
«И тамъ, въ этомъ градѣ лѣсномъ кривичей,
Что прежде былъ гранью страны Полуночной,
И долго считался у ратныхъ людей
Ключемъ заповѣднымъ земли нашей русской;
Въ той крѣпкой твердынѣ, о чью грудь не разъ
Разбились полчища враждебныхъ намъ ляховъ;
А послѣ зашнулся титанъ тотъ, чей гласъ,
Подобно рыканію льва, бросалъ въ трепетъ
Царей и народы; куда онъ предсталъ,
Владыкой полміра, шагая чрезъ страны,
И гдѣ, черезъ мѣсяцъ потомъ, пробѣжалъ,
Израненный на смерть.
«И тамъ, въ этотъ край,
Давно также нашемъ, гдѣ древле лежалъ
Путь русскихъ къ варягамъ,—въ странѣ этой водной,
Впервые значеніе чье указалъ
Все тотъ же великій творецъ земли русской,
Связавши здѣсь свѣтью озерно-рѣчной
Заволжскій Востокъ и приморскій нашъ Западъ;
И гдѣ вновь явила свой образъ святой
Заступница наша земли свято-русской,
И намъ указала примѣромъ своимъ,

Digitized by Google

Чтобъ мы ее чтили не цѣнностью вкладовъ,
Но теплою вѣрой и дѣломъ благимъ, —
Велѣвши поставить на собственномъ храмѣ
Не крестъ позлащенный, но самый простой,
И строго изгнавъ оттоль всякую роскошь.
«И тамъ, въ этомъ царствѣ мятелей и вьюгъ,
На островѣ дикомъ пустыннаго моря,
Гдѣ крѣпкая вѣра простыхъ божьихъ слугъ
Устроила мѣсто труда и молитвы,
Осиливъ безплодье природы скупой
И ярость стихіи, и край безотрадный;
И нынѣ еще доказала собой,
Что твердость не въ силѣ, но въ доблестномъ духѣ;
Что горсть людей слабыхъ, кому чуждъ булатъ,
Но крѣпкая вѣрою,—выдержать можетъ,
Со славой, напоръ и враждебныхъ армадъ,
И гибельный дождь смертоносныхъ орудій, —
И видѣть ихъ бѣгство.
«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ въ прежнее время кипѣлъ міръ раздольный
Курятъ тѣхъ, повитыхъ на бранныхъ щитахъ,
Вскормленныхъ съ копья,—что знавали издѣтства
Пути и яруги по дальнимъ степямъ,
Летая орлами въ ордахъ Половецкихъ,
Искать себѣ чести и славы князьямъ;
Но гдѣ теперь вѣщая сошка Микулы
Гуляетъ давно по спокойнымъ полямъ,
И серпъ его блещетъ по нивамъ веселымъ;
Куда притекаетъ народъ и поднесь,—
Но только на торгъ и на иршество мира,—
Пиръ свѣтлый, явившейся также издѣсь,
Владычицы края, Царицы Небесной.
«И тамъ, среди этихъ священныхъ высотъ
Родной намъ Тавриды, куда Господь дважды
Къ себѣ призывалъ нашъ Полночный народъ,—
Сперва въ лучезарномъ сіяніи утра,
Потомъ въ вихрѣ бурномъ и блескѣ громовъ;
И дважды снималъ съ насъ своею рукою

Digitized by Google

Истертыя ризы и ветхій покровъ
Судебъ нашихъ прежнихъ, — сначала омывши
Отцовъ нашихъ свѣтлой крещенья водой;
А нынѣ, стряхнувши, какъ грязную ветошь,
Нашъ край недостойный, — и гнѣвной рукой
Очистивъ его,—не водой очищенья,
Но русскою кровію, кровью родной,
И нашимъ примѣрнымъ, за гордость, несчастьемъ.
«И тамъ, въ высотахъ тѣхъ, не чуждыхъ Балканъ,
Отколь, сквозь яснѣющій мракъ отдаленья,
Недавно зрѣлъ сѣверный нашъ великанъ,
У ногъ своихъ древнія стѣны Царьграда...
Но Вышній въ совѣтѣ своемъ отложилъ
Еще возрожденье страны этой мертвой,
И нашъ богатырь, вложивъ мечь,—подарилъ
Еще разъ, міръ кроткій дрожащимъ османламъ.
«И тамъ, по безвѣстнымъ еще тѣмъ мѣстамъ
Восточнаго міра, но гдѣ народъ русскій
Готовитъ край новый грядущимъ вѣкамъ, —
Въ томъ мірѣ широкомъ и полномъ обилья,
Гдѣ очень недавно горсть нашихъ людей
Успѣла поставить лишь первыя вѣхи,
А нынѣ трудится, при звонѣ мечей,
Отборная наша, могучая сила,
И намъ пролагаетъ два новыхъ пути, —
Къ предѣламъ Китая и къ древнему Инду,
Всѣмъ бросивъ загадку: съ чѣмъ долженъ придти,
И скоро-ль придетъ туда богатырь русскій?... *),
«Но еслибы я и еще перечла
Другіе успѣхи земли нашей славной,
Гдѣ Божія сила надъ нею прошла, —
Они всѣ на долю падутъ государства.
Оно утвердилось, оно возросло,
Богъ русскій исполнилъ его силы, славы;
А что же народу на долю легло?

---

*) Припомнимъ кстати, что, завоевывая нынѣ Среднюю Азію, мы завоевываемъ нашу древнюю арійскую прародину.

Digitized by Google

На долю народа осталась лишь вѣра, —
И онъ живетъ вѣрой!..
«А вѣра у насъ, —
Пока лишь обрядность. Другой мы не знаемъ.
Народъ темный принялъ ея вѣщій гласъ
По своему, сколько ему онъ доступенъ.
Въ ея глубину насъ никто не вводилъ,
Ея міръ духовный никто намъ не розвилъ;
Лишь только, при помощи собственныхъ силъ
Народъ просвѣтился его свѣтомъ новымъ.
«А міръ нашъ языческій слишкомъ богатъ
И слишкомъ обряденъ, чтобъ могъ уступить онъ
Престолъ свой безъ боя. Народъ нашъ былъ радъ,
Увидѣвши въ храмахъ своей новой вѣры
Боговъ еще древнихъ, и съ первыхъ же дней
У насъ въ государствѣ явились двѣ вѣры:
Одна,—вѣра высшихъ бояръ и князей;
Другая,—слѣпая, народная вѣра.
«Сперва, межъ нихъ рознь небольшая была;
Но въ помощь боярамъ пришло просвѣщенье;
А въ темномъ народѣ росла только мгла.
Народъ и остался бы въ томъ положеньи,
Когда бъ не явился на помощь расколъ;
Но этотъ расколъ сталъ невольнымъ разрывомъ
Съ боярскою вѣрой,—и приступъ повелъ
И противъ нее, и противъ государства.
«Москва распростерла ужь крылья свои
Надъ волей народной сосѣднихъ ей княжествъ;
Но Сѣверъ и Югъ древней русской земли
Еще оставались на всей своей волѣ.
Особенно дорогъ мнѣ былъ древній Югъ.
Тамъ бросила сѣмя я жизни свободной,
Тамъ первый срядила народный я кругъ,
Тамъ встарь пѣснь гремѣла моя на Дунаѣ,
По тихому Дону, на славномъ Днѣпрѣ, —
Тамъ было житье... Но теперь, кто же помнитъ
Объ этой раздольной, далекой порѣ?..
Тамъ я основала быть вольный казачій;

Digitized by Google

Оттоль поднялись гайдамаки мои,
Прямые потомки богатырей древнихъ,
Новѣйшіе рыцари русской земли.
«Христовъ свѣтъ сіялъ ужь по всей землѣ русской,
Его духъ проникнулъ въ плоть нашу и кровь;
Но съ нимъ, удержался и прежній міръ древній.
Всю нашу утѣху, забаву, любовь,
Еще составляла кровавая битва;
Мои сыны стали вновь богатыри,
А вольный ихъ Кошъ,—богатырской заставой;
Вожди кошевые,—имъ были цари, *)
А вражія страны,—землею злыхъ дивовъ
И силы нечистой. Кличь грозный войны
Считался за гласъ православнаго Бога.
Какъ въ дни самой темной еще старины,
Народъ называетъ себя свѣтло-русскимъ;
Но Богъ православный сталъ богомъ дружинъ,
Завистливымъ богомъ побѣды и славы,—
Какъ древній Перунъ или древній Одинъ,
Лишь въ образѣ только иномъ, христіянскомъ.
«Тогдашній мой образъ яснѣе всего
Я выражу въ образѣ свѣтломъ Корчмарки.
Теперь обаянье исчезло его;
Но въ тѣ времена вкругъ него развивался
Весь бытъ нашъ народный. Корчма въ эти дни
Была главнымъ мѣстомъ народныхъ собраній;
Тутъ былъ лучшій людъ, тутъ рѣшали они,
Какъ въ древнихъ кутинахъ, народныя тяжбы,
Судили дѣла, а народъ узналъ
Про всѣ распорядки властей своихъ высшихъ.
Тутъ былъ и священникъ; сюда заѣзжалъ
И мирный жупанъ, и отважный разбойникъ;
Здѣсь славнаго Марка однажды спасла

*) Исторически,—эти цари или царьки, т. е. кошевые атаманы, имѣли значенье только въ военное время, въ походахъ. Въ остальное же время въ кошѣ господствовала полная распущенность, что, какъ извѣстно, и доказало его несостоятельность къ прочному гражданскому развитію.

Digitized by Google

Отъ смерти корчмарка, душа-Ангелина;
А послѣ, съ нимъ вмѣстѣ, нарочно была
Во градѣ Софіи, чтобъ высватать Марку,
Ея побратиму, прекрасную дочь
Болгарскаго князя, царя ли, Шишмака;
Здѣсь разъ, прогулявши съ друзьями всю ночь,
Красавица чудной красы, Бондарувна,
Одна изъ чистѣйшихъ, народныхъ дивчинъ,
Погибнула жертвой насильниковъ Польскихъ,—
И долго пѣвицы народныхъ былинъ,
Гремѣли хвалой ей по цѣлой Украйнѣ:
«Ой у Луцку въ славномъ місти, капалія грае,
«Молодая Бондарувна у корчмі гуляе»....
Здѣсь вѣдала все я, что дѣлалось въ свѣтѣ,
Браталась съ юнакомъ, судила съ попомъ,
Дружила съ жупаномъ; здѣсь ѣли и пили;
Веселый разсказчикъ смѣнялся пѣвцомъ;
А въ свѣтломъ стодолѣ, просторномъ сараѣ,
Дивчаты и парни сходились плясать;
Здѣсь будто и лавки натерты смолою,—
Кто только присядетъ, тому ужь не встать.
«Не то еще было внутри государства!
Тамъ новый духъ времени всюду засталъ
Старинный языческій міръ во всей силѣ;
Свѣтъ вѣры христовой здѣсь только свѣталъ,
Едва замѣчаемый въ жизни народной;
Народная жизнь здѣсь держалась вдали
Отъ жизни воинственной бурнаго Юга;
Народъ жилъ во мракѣ; его дни текли
Подъ сѣнію образовъ древняго міра.
Всего лучше вижу себя той порой
Я въ образѣ свѣтломъ и вмѣстѣ чудесномъ
Ткачихи Февроніи. Въ немъ міръ былой
И міръ, просвѣщенный едва христіянствомъ.
Здѣсь свѣтъ Христовъ только проникнулъ въ народъ:
Я чудная таже, какъ древле, ткачиха
И вѣщая дѣва; отецъ мой живетъ
Въ лѣсу дроводѣломъ, а я исцѣляю

Digitized by Google

Чудесно болѣзни; моихъ свѣтлыхъ силъ
Боится нечистая сила. Въ то время,
Гнѣвъ Божій насланьемъ лихимъ посѣтилъ
Градъ Муромъ; къ прекрасной княгинѣ летаетъ
Злой духъ въ видѣ змѣя. Братъ князя убилъ
Чудеснаго змѣя; но самъ заразился
Проказой. Онъ проситъ, чтобъ я помогла,—
И выслалъ гонца, за чудеснымъ лѣкарствомъ.
«Какъ вѣщая дѣва,—гонца приняла
Я, сидя за ткацкимъ станкомъ. Я ужь узнала
Кто онъ, и откуда; но рѣчь повела
Сперва съ нимъ загадками, какъ говорили
Всѣ вѣщія дѣвы. Условясь съ посломъ,
Взялась исцѣлить я болящаго князя;
Но съ тѣмъ уговоромъ однако притомъ,
Что князь, въ благодарность, возьметъ меня замужъ.
«Князь былъ исцѣленъ, онъ увидѣлъ вновь свѣтъ,—
Но я впередъ знала,—меня онъ обманетъ.
И точно, онъ скоро забылъ свой обѣтъ;
Но можно-ль кому миновать судьбы божьей?
Узнавъ про обманъ недостойный его,
Опять я наслала на князя проказу,—
И вновь исцѣливши, добилась того,
Что онъ предложилъ мнѣ ужь самъ свою руку.
Мы прожили съ нимъ до преклонныхъ годовъ,
И оба не умерли, но окаменѣли...
«Не образъ ли это древнѣйшихъ вѣковъ,
Но въ рамѣ блестящей уже христіянства?
Но здѣсь ужь не Югъ! Здѣсь всѣ лики полны
Какимъ-то безстрастнымъ, холоднымъ спокойствьемъ,
Какъ образы самой сѣдой старины.
Они, какъ вошли сюда, такъ и остались. [15])
«Здѣсь, вмѣстѣ съ паденіемъ вольной земли
Купцовъ Новгородскихъ, все стало въ застоѣ;
Москва округлялась, но съ этимъ прошли
Великіе дни у насъ жизни народной.
Едва въ землѣ русской блеснулъ свѣтъ зари
Благаго единства,—что въ ней ни свершилось,

Digitized by Google

Какъ я ужь сказала, свершили цари,
Руками бояръ и отважной дружины.
«Чтожь было со мною?—Въ татарскій погромъ
Я больше ютилась въ обителяхъ божьихъ,
Откуда не разъ въ вдохновеньи святомъ,
Звала я князей на враговъ,—вела рати,
Мирила раздоры, молилась за край,
Святила въ немъ храмы, селила пустыни,
Трудилась съ народомъ... Святой, горній рай
Былъ высшею цѣлью моихъ всѣхъ мечтаній;
Міръ Божьихъ угодниковъ былъ мнѣ родной;
Сюда открытъ входъ былъ князьямъ и убогимъ,
Уму и юродству... За этой чертой
Для насъ начинался міръ тьмы и соблазновъ.
Путь къ свѣту народу былъ замкнутъ давно;
Одинъ свѣтилъ свѣточь намъ,—теплая вѣра,—
И мы жили вѣрой!... Намъ было дано,
Свершить самый тяжкій нашъ подвигъ во мракѣ,—
И мы совершили!..
«А нынѣ въ странѣ,—
Кто держитъ въ ней вѣру святую, народность?
Кто край утверждаетъ въ родной старинѣ?
Кто въ душу Микулы вливаетъ терпѣнье?
Не таже ли Вана?.. Но гдѣ же она?
Пройдите по селамъ, по всѣмъ по деревнямъ,—
Ее видно всюду; страна ей полна.
Она въ храмахъ божьихъ, она въ хороводахъ,
Она точетъ въ дымной избушкѣ красна,
Она съ міръ-народомъ толкуетъ на сходкахъ,
Она потѣшаетъ былиной родной
Сыновъ своихъ ратныхъ въ далекомъ походѣ;
Она говоритъ вамъ про край нашъ былой,
Устами пѣвцовъ и каликъ перехожихъ;
Она жнетъ на нивѣ, она въ тьмѣ ночной
Читаетъ псалтирь надъ усопшимъ собратомъ;
Она прядетъ пряжу холодной зимой,
Качается красной весной на качеляхъ,
Гадаетъ на святкахъ, говѣетъ постомъ.

Digitized by Google

Сегодня она въ сарафанѣ посконномъ,
А завтра она же въ нарядѣ цвѣтномъ;
Ея образъ смотритъ изъ двери избенки,
Изъ оконъ крестьянскихъ, изъ свѣтлыхъ хоромъ;
Ея ликъ мелькаетъ надъ желтою нивой,
Сквозь частый плетень, изъ за чащи лѣсной;
Ея пѣснь несется по темному лѣсу,
Ея валекъ слышенъ надъ мутной рѣкой,—
Она вездѣ, всюду, гдѣ міръ нашъ народный.
«Она, какъ по пальцамъ, вамъ всѣ перечтетъ
Церковные праздники, крестные ходы;
Она богомольцевъ толпами ведетъ
Къ далекимъ обителямъ, къ гробу Господню;
Она ходитъ съ черною книжкой на сборъ,
Она же сидитъ богородицей свѣтлой
Въ раскольничьемъ кругѣ; у ней свой соборъ,
Она вновь—святая иль вѣщая дѣва.
«Она наизусть знаетъ всѣ чудеса
Народныхъ святыхъ и угодниковъ Божьихъ;
Предъ нею отверзты досель небеса
И темныя бездны бѣсовъ преисподнихъ;
Ея благодать и мертвитъ, и живитъ;
Она все выноситъ,—и пытки, и казни;
Она знаетъ болѣе, чѣмъ говоритъ;
Она видитъ то, что другіе не видятъ....
«Однажды, когда-то, водила она
Микулу съ собой на Китижъ помолиться. [16]).
Китижъ,—это городъ, что намъ старина
На память оставила Божьяго чуда,
При шествьи Батыя. Съ тѣхъ давнихъ временъ,
Въ струяхъ свѣтозернаго озера слышенъ
Еще и понынѣ божественный звонъ,
И видны китижскіе храмы и стѣны.
Микула вошелъ съ ней внутрь самой горы,
Гдѣ древній Китижъ-градъ стоитъ подъ землею,
И видѣлъ соборы. Съ той давней поры,
Какъ градъ опустился, въ немъ все, какъ и прежде,
И тѣ же все старцы по кельямъ живутъ...

Digitized by Google

Они угостили Микулу трапезой;
Онъ зрѣлъ, какъ они и ѣдятъ тамъ, и пьютъ,
И взялъ у нихъ даже ломоть себѣ хлѣба,
Но тутъ же уснулъ...А лишь всталъ, хвать рукой,
Инъ въ пазухѣ только простая гнилушка.
Молись, значитъ, Богу, усердствуй душой,
Однако на хлѣбъ даровой не надѣйся!
«Восточная вѣра съ собой принесла
Къ намъ много святыхъ и преданій отъ грековъ;
Они привились къ намъ; я ихъ провела
Въ духовный нашъ бытъ и родное искуство.
Чудесные образы этихъ святыхъ
Пришлись по душѣ у насъ міру-народу;
Онъ много прибавилъ святыхъ и своихъ,
Изъ низшихъ людей и людей именитыхъ.
Все это вначалѣ сближало страну,
Равняя бояръ и народъ межь собою;
Народъ чтилъ въ боярахъ свою старину,
Они, средь насъ чтили,—избранниковъ Божьихъ,
«Москва, утвердившись, впервые внесла
Замѣтную рознь межь бояръ и народомъ.
Возвысивъ дружину, она отдала
Ей край на кормленье. Народъ былъ раскиданъ,
Дружина давила его подъ собой,
Москва не давала ему приподняться.
Тамъ жили вновь боги; а міръ нашъ простой
Остался во тьмѣ,—для труда и терпѣнья.
Залегшая бездна издавна межь насъ
Все дѣлалась шире. Тамъ ѣли и пили,
Оттоль раздавался господъ нашихъ гласъ;
А мы должны были поить, и кормить ихъ,—
И имъ поклоняться. Забитый народъ
Межь тѣмъ расширялся все дальше по краю;
Мы шли непрестанно впередъ все, впередъ—
То чистили глушь, то мостили болота,
Но шли мы все дальше....
«Теперь трудно счесть
Названья тогдашнихъ работъ, даней, пошлинъ!

Digitized by Google

Порой въ деревняхъ было нечего ѣсть,
Край цѣлый питался одною мякиной
И мохомъ... Теперь невозможно понять,
Какъ это народъ, и голодный, и сирый,
Съ кого властямъ было ужь нечего брать,—
Какъ это онъ вынесъ на собственныхъ плечахъ,
Изъ омута этихъ безвыходныхъ золъ,
Такой край обширный, какъ русское царство?
Откуда онъ силу себѣ пріобрѣлъ,
Когда власть желала его лишь безсилья;
Когда не имѣлъ онъ давно ничего,—
За что его также тогда били на смерть;
Когда власть признала безличность его,
И образа даже признать на хотѣла
На немъ человѣка?...
«Кто знаетъ страну,
Тотъ помнитъ обычай, что,—«міра не судятъ;»
Такъ точно и было у насъ въ старину.
Но послѣ, ктожь не былъ надъ міромъ судьею?
Какой палачь гнустный не тѣшилъ надъ нимъ
Свои богатырски-могучія силы?
Кому не служилъ онъ орудьемъ живымъ
Къ наживѣ,—покуда весь міръ *закачался?*...
«Однако, и тутъ его рокъ не сломилъ;
Край выдержалъ бодро и это качанье.
То было броженье народныхъ лишь силъ;
Болѣзнь, но не смерть. Міръ опять отстоялся.
«Пришло междуцарствье. Пожаръ охватилъ.
Весь край, раздѣленный враждой. Помутились
Московскіе боги. Кровавая мгла
Раздоровъ, насилья, войны, безначалья,
Покрыла все царство. Отъ запада шла
Къ намъ вражія рать, изъ земли подымались
Цари наши мертвые....Я воззвала,—
И сталъ, какъ одинъ человѣкъ, народъ русскій!
«О храмы, обители, гробы святыхъ,
Народная лѣтопись дней отдаленныхъ,
Живой отпечатокъ событій былыхъ,

Digitized by Google

Бореній, успѣховъ, и славы минувшихъ!
Вы сила народа въ дни тяжкихъ невзгодъ,—
Вы стражи его во дни свѣтлые мира.
Васъ духъ всенародный странѣ создаетъ,
Въ годины тяжелыхъ ея испытаній,
Во дни ея лучшихъ, блестящихъ побѣдъ,
Иль въ юные годы еще дѣтской вѣры;
Торжественный голосъ вашъ, вѣщій вашъ свѣтъ,
Всегда близки чуткому сердцу народа.
Да, тамъ еще молодъ, не тронутъ народъ,
Гдѣ чувствуетъ онъ вашу силу живую;
Онъ выдержитъ много потерь и невзгодъ,
Пока еще слышитъ вашъ голосъ призывный!
«Таинственно-мирны вы средь тишины
Его дней обычныхъ, молитвъ обыденныхъ,
Сокрытыя въ нѣдрахъ родимой страны,
По дальнимъ пустынямъ, лѣснымъ захолустьямъ;
Торжественно свѣтелъ вашъ праздничный видъ
Во дни большихъ празднествъ, когда онъ толпами
Со всѣхъ концовъ края роднаго спѣшитъ,
Чтобъ вамъ поклониться; но дивно вы грозны,
Божественно-вѣщи во время войны,
Когда врагъ вступаетъ въ родные предѣлы
Иль смѣетъ коснуться онъ сердца страны...
Тогда вы полны чудодѣйственной силы!
Какъ ангелъ Господній, вашъ духъ въ этотъ часъ
На крыльяхъ громовыхъ паритъ надъ страною;
Какъ вѣщій гласъ Божій,—призывный вашъ гласъ
Гремитъ средь народа. И старый, и малый,
Въ себѣ ощущаютъ родникъ новыхъ силъ;
Мужаетъ духъ павшій и разумъ народный;
И рядъ побѣдъ славныхъ и славныхъ могилъ
Вѣщаютъ про дни тѣ вѣкамъ отдаленнымъ.
«Промчался кличь вѣщій московскихъ святынь,
Откликнулись силы святынь Полунощныхъ,—
Одѣлся булатомъ рядъ крѣпкихъ твердынь,
Вдругъ выросъ лѣсъ копій по всей землѣ русской,
Всталъ прежній Микула, слетѣлъ смертный сонъ

Digitized by Google

Съ сыновъ его сильныхъ, развернулись могилы,
Воскресъ богатырь нашъ минувшихъ временъ,—
Бѣжали враги и умолкли раздоры
По всей землѣ русской. Своею рукой
Народъ воздвигъ снова престолъ потрясенный
Царей своихъ древнихъ,—и ангелъ святой
Желаннаго мира простеръ свои крылья
Надъ русской, спасенной народомъ, землей.
«Какая-жъ народъ ожидала награда?
Что выигралъ край, за свой подвигъ благой?
Какія свободности, льготы разсыпалъ
Престолъ этотъ новый въ народѣ родномъ?
Въ чемъ тягѣ народной онъ далъ облегченье,
А міру защиту?..— Спроси край о томъ!
Странѣ еще стало труднѣй и тяжелѣ,
Чѣмъ въ прежнее время. Народъ завопилъ;
Но тѣже бояре пришибли горлановъ.
Вѣкъ самый тяжелый еще приходилъ,
А съ нимъ возростала народная тяга,
«Вы ищете силы народной въ странѣ,
Вы ищете здраваго смысла въ народѣ?
А это не сила?—Скажите вы мнѣ!—
Не здравый смыслъ?... Только имъ имя—терпѣнье.
«Нашла еще туча: самъ геній войны
Привелъ цѣлый Западъ на русскую землю;
Отъ самой глубокой еще старины
Не видывалъ край нашъ ужасной столь бури;
Но я воззвала опять къ русской землѣ,
И снова воскреснулъ нашъ богатырь древній;
Онъ самъ зажегъ край свой, по огненной мглѣ
Донесъ на плечахъ до Москвы исполина,
И бросилъ съ размаха въ горящій костеръ—
И грозную рать, и царя полвселенной.
«Но лучше ли стало народу съ тѣхъ поръ?
Ему возвратили-ль святую свободу?
Нѣтъ, гнусное рабство всосалось, вросло,
И въ тѣло, и кровь всѣхъ сословій народныхъ!
Само государство еще не могло,

Digitized by Google

Бореній, успѣ-
Вы си
Вы с
Вас
Вт
Р

Но [illegible]
«Чья кисть нарисуетъ [illegible] тотъ адъ,
Гдѣ слышался [illegible], плачъ народный,—
То царскіе [illegible] адъ,
Разъ [illegible], на русскую землю,
Гдѣ дикое барство воздвигло престолъ
Бушевавшимъ страстямъ и чудовищнымъ казнямъ,
Безсмысленный, самый слѣпой произволъ
Ругался надъ духомъ живымъ человѣка,
Толпы, милліоны несчастныхъ людей,
Лишенные всякой защиты закона,
Встрѣчали на мѣсто судей—палачей,
На мѣсто защитниковъ—новыя казни?...
«Страдальцы, борцы, лишь извѣстные намъ,
Да Господу Богу!....Какая-жь иная
Извѣстность быть можетъ доступна рабамъ?
Какой громкій подвигъ о нихъ скажетъ міру?..
А сколько межъ нихъ было честныхъ людей,
Достойно любимыхъ и чтимыхъ въ народѣ,—
И витязей свѣтлыхъ, и богатырей,
Чья жизнь была часто примѣрной борьбою!
«Какой же наградой почтилъ бы ихъ свѣтъ?
У васъ есть исторія, гласность, газеты;
У насъ одни святцы. Народъ съ давнихъ лѣтъ
По нимъ только знаетъ своихъ ратоборцевъ
И горькихъ страдальцевъ. Причислиться къ нимъ,
Есть верхъ его славы; жить съ ними по смерти,—
Вѣнецъ его жизни.
«И чѣмъ бы инымъ
Народъ могъ воздать вамъ, святые страдальцы?
Свѣтъ грубо смѣялся надъ вашей борьбой,
Онъ васъ сажалъ въ тюрьмы, онъ гналъ васъ въ оковахъ
Изъ міра живущихъ, считалъ васъ толпой
Разбойниковъ темныхъ. Тѣснимые злобой
И силою сильныхъ, неправдой судей,
Богатствомъ богатыхъ, упорно стояли
Вы противъ жестокой судьбины своей.
Быть можетъ, порой, вы и были виновны

Digitized by Google

Предъ міромъ, что васъ изъ себя исключилъ;
Но кто же тогда былъ судьею межь вами?
Кто взвѣсилъ величье простыхъ вашихъ силъ?
Отвсюду тѣснимые властью враждебной,
Герои безъ славы, но въ тысячу разъ
Достойнѣе многихъ, быть можетъ, героевъ,
Что міръ превозноситъ, не вѣдая васъ,
Всю жизнь вы боролись,—а послѣ зарыты
Отъ міра живаго въ архивной пыли....
Какое жъ вамъ было отъ насъ воздаянье?
Чѣмъ, кромѣ молитвы усердной, могли
Мы васъ помянуть въ семьѣ нашей народной?
«Иль вы также, вы, изъ сословій другихъ,
Но чувствами близкіе сердцу народа!
Вы намъ удѣляли часть знаній своихъ,
Учили добру насъ, внушали намъ правду,

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Что дастъ вамъ народъ?.. Помяни Господь Богъ васъ
Во царствіи своемъ?
«Иль вы, правосудные къ намъ, судіи,
Творившіе судъ по закону и правдѣ,
Чьихъ вѣрныхъ вѣсовъ покривить не могли
Ни дружба, ни злато, ни власть людей сильныхъ!
Вы вынесли чистымъ изъ вашей борьбы,
Вамъ ввѣренный свыше, кумиръ правосудья,—
Живой этотъ образъ верховной Судьбы,
Что только вѣщаетъ устами достойныхъ;
Святой тотъ оракулъ,—слѣпой и глухой,
Но внутренно полный божественной силы,
Дающій отвѣты не властью земной,

Digitized by Google

Но гласомъ живымъ, въ немъ присущаго Бога.
Поистинѣ, правый судья—всѣмъ чужой;
Своя ему только священная правда;
Онъ праведникъ божій, избранникъ святой,—
Воздай ему, Боже, твоей вѣчной правдой!

«Иль также вы, князи, владыки земли,
Владиміры наши, свѣтъ-красные Солнцы,
Чьи дни золотые отрадно прошли
Въ высокомъ служеньи родному народу;
Кого суетой не коснулся своей
Ни міръ сей лукавый, ни дворъ двоедушный,
Ни рабство лизавшихъ вамъ ноги людей,
Ни ярые крики враговъ безпокойныхъ;
Но духъ чей высокій съ днемъ каждымъ мужалъ
Въ дѣлахъ правосудья, въ дѣлахъ милосердья,
И радостно всякій умъ свѣтлый встрѣчалъ,
И съ теплой любовью выслушивалъ правду.

«И ваша жизнь также была лишь борьба,—
Борьба, выше нашей! Блистателенъ, свѣтелъ,
Вашъ жребій высокій,—завидна судьба;
Не тщетно зовутъ васъ избранными свыше,
Не тщетно земля долго помнитъ о васъ;
Но тягостно ваше и страшно призванье,—
Великій отчетъ вы даете за насъ.
Живемъ мы въ покоѣ, а вы насъ храните;
Постигло край бѣдствіе,—вы полны заботъ;
Вашъ взоръ дни и ночи отверзтъ на событья;
Вы движете ваши народы впередъ,
Вы сами въ главѣ всѣхъ благихъ начинаній...
Желая почтить вашъ вѣкъ славой земной,
Вамъ общество ставитъ столпы, монументы;
Но чѣмъ-же воздастъ вамъ народъ вашъ простой?
Молитвой за васъ поколѣній грядущихъ!

«Иль вы также,—вы, ратоборцы страны,
Плательщики краю народнаго долга,
Вы, темныя жертвы кровавой войны,
Защитники чести и славы царевой!...

. . . . . .

Digitized by Google

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

«Всѣхъ васъ упокой отъ трудовъ и заботъ,
Господь, царь небесный, въ святомъ своемъ царствѣ!
«О мудрые вѣка! Ведите впередъ,
Ведите народы къ желанному свѣту;
Но вамъ никогда не уступитъ народъ
Ни милой семьи, ни святой своей вѣры!....
«Ударьте вы любымъ смычкомъ,
По шару нашему земному,—
И къ стону вы прислушайтесь глухому,
Что онъ издастъ кругомъ;
И если умъ вашъ не смятется,
И сердце въ васъ не разорвется,
И не застынетъ въ жилахъ кровь,
Смягчите воющія трели,
Тѣ адскія, шипящія свирѣли,
Иль инструментъ весь перестройте вновь
Вы, вашей мудростью земною,—
И пусть она замѣнитъ строй
Небесъ гармоніи святой,
Что примиряетъ все собою!
«Нѣтъ, вѣра нужнѣе, чѣмъ мыслятъ иные!

Digitized by Google

На жизнь смотритъ строже гораздо народъ,
Чѣмъ, больше него развитыя, сословья.
Народъ видитъ временный лишь переходъ
Въ ней къ жизни грядущей. Главнѣйшая сила
Народная—вѣра. Лишь только съ нея
Народы свое начинаютъ развитье;
Съ нея лишь считаютъ они бытіе.
Она твердый щитъ ихъ, прибѣжище въ нуждѣ;
Она ихъ оружіе противъ враговъ
И противъ тираніи темной, домашней;
Она не страшится ни страшныхъ костровъ,
Ни мрачныхъ темницъ, ни позорнѣйшихъ казней;
Она высшій двигатель странъ и вѣковъ;
Она самый крѣпкій мечъ противъ насилья!
«Весь міръ живетъ ею отъи скони лѣтъ.
Но всюду—простая, народная вѣра
Еще въ колыбели. Ея дивный свѣтъ
И въ насъ не разсѣялъ стариннаго мрака.
Микула для многихъ—преемникъ боговъ,
Въ немъ живъ древній Индра-Громовникъ, богъ Вишну;
Нашъ край еще помнитъ духъ этихъ вѣковъ,
Когда былъ Микула свѣтиломъ народнымъ;
Свѣтъ новый коснулся страны лишь извнѣ,—
И это тотчасъ отразилось въ расколѣ.*)
Расколъ у насъ—двигатель главный въ странѣ
Простаго народа; расколъ сталъ хоругвью
Для всѣхъ недовольныхъ; край имъ вымѣщалъ
Свое угнетенье. Расколъ отдѣлилъ насъ
Въ свой міръ самобытный; но онъ же воззвалъ
Народную мысль и народъ нашъ—къ мышленью.
Расколъ стоитъ весь на одной старинѣ,—
Свѣтъ новый, боярскій, ему кумиръ чуждый.
Расколъ нашелъ твердую почву въ странѣ;
Но онъ темный выходецъ мертваго міра...

---

*) Слово: расколъ, — принимается здѣсь въ обширномъ его значеніи, разумѣя подъ этимъ словомъ вообще всѣхъ нашихъ сектаторовъ, древнѣйшихъ и новыхъ.

Digitized by Google

Онъ зачатъ во тьмѣ, и жить можетъ лишь тьмой;
Ему теперь страшно нантіе свѣта;
Плодъ тяжкаго рабства и жизни благой,—
Онъ такъ и остался—чудовищемъ мрака.
«Но было ли это лишь только у насъ?
Народъ нашъ расколъ породилъ или рабство?. ..
Я кончила мой о народѣ разсказъ;
Теперь я скажу, о вліяніи рабства»...

Digitized by Google

Пѣснь 9-я.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА ВАНЫ.

„Мы не меньше всякаго по опыту знаемъ ту горячую пытливость, тѣ пылкіе порывы ума, которые заставляютъ мудреца уноситься далеко за предѣлы временъ и пространствъ“.....

(Катрфажъ).

Мы черпаемъ нынѣ привычной рукой
Дары просвѣщенья. Оно принесло намъ
Свободу, богатство, удобства, покой....
Разсказъ продолжала свой Вана. При свѣтѣ—
Мы смотримъ спокойно и смѣло впередъ;
Но тяжко подумать, во что обошлися
Дары просвѣщенья,—чѣмъ каждый народъ
Сперва поплатился за эти успѣхи,
«Мы знаемъ, какою цѣной дорогой
Отважный ловецъ-водолазъ добываетъ
Жемчужныя зерна изъ бездны морской;
Мы знаемъ какихъ жертвъ, опасностей стоитъ
Достать рудокопу изъ нѣдра земли
Песокъ золотой и блестящія зерна
Камней драгоцѣнныхъ. Но еслибъ сочли
Мы всѣ эти жертвы, во что обошелся
Намъ каждый шагъ къ свѣту; когда бъ міръ земной
Изчислилъ тѣ язвы, кровавыя войны,
Костры, запустѣнья, что онъ за собой

Digitized by Google

Повсюду оставилъ, какъ дань духу мрака,
За каждый успѣхъ свой; то вѣрно-бъ нашелъ,
Что стоитъ дороже всего—просвѣщенье.
«Великія блага нашъ міръ пріобрѣлъ,
Но онъ пріобрѣлъ ихъ, прошедши сначала
Чрезъ тьму заблужденій,—не нѣсколько дней,
Но тысячи лѣтъ проблуждавъ въ одурѣньи,
По дикой пустынѣ, по царству тѣней,
И самъ трепеща передъ истиннымъ свѣтомъ.
«Лишь только на этой онъ почвѣ скупой,—
Увлаженной кровью, распаханной нуждой,—
И то лишь несмѣлой сначала рукой,
Успѣлъ онъ посѣять тѣ злачныя нивы
Даровъ просвѣщенья, что видимъ теперь.
Отнынѣ и мы смотрѣть можемъ смѣлѣе
На темный народъ нашъ, предъ кѣмъ нынѣ дверь
Отворена настежь къ всеобщему свѣту,—
На этотъ народъ, что увидѣлъ зарю
Желанной свободы и дней самобытныхъ,—
На славу себѣ и благому царю,
Намъ давшему свѣтъ и отверзшему руки
Странѣ на благое!.....
«Съ древнѣйшихъ временъ
Міръ вѣритъ въ свѣтъ лучшій и въ адъ преисподній.
Съ какихъ мы ни взглянемъ на міръ нашъ сторонъ,—
Вездѣ борьбу встрѣтимъ двухъ силъ мы враждебныхъ:
Одна,—сила правды, добра, красоты,
Довольства и свѣта,—ей имя: Свобода;
Другая,—духъ дикихъ неправдъ, нищеты,
Духъ тьмы и растлѣнія,—ей имя: Рабство.
Два образа эти вошли въ идеалъ!...
«Въ различныхъ мѣстахъ безконечнаго міра
И въ образахъ разныхъ себѣ представлялъ
Духъ смертныхъ престолъ этой силы враждебной,
И разными красками онъ рисовалъ
Безвыходный міръ ея страшныхъ терзаній,—
Страну эту мрака и злобныхъ бѣсовъ,
Геенну палящую, міръ безъ надежды,

Digitized by Google

Гдѣ плачь и стенанье, и скрежетъ зубовъ,
И червь неумолкный, и огнь негасимый;
Но чѣмъ выше солнце познаній благихъ
Восходитъ надъ обществомъ; чѣмъ міръ свѣтлѣе,
Тѣмъ дальше тотъ образъ уходитъ отъ нихъ,—
Въ пучины безвѣстной, таинственной ночи;
Покуда нашъ вѣкъ, напослѣдокъ, нашелъ,
Что міръ тотъ кромѣшный, тотъ адъ преисподній,
Тотъ вѣчный разсадникъ всѣхъ бѣдствій и золъ,
На сей же землѣ, — гдѣ лишь царствуетъ рабство.
«Вотъ онъ, этотъ тартаръ, то царство тѣней,
Что древніе намъ рисовали поэты!
Вотъ онъ, тотъ міръ мрака, застоя, цѣпей,
Угрюмое царство оковъ и мученій,
Гдѣ плачь и стенанье, и скрежетъ зубовъ,
И червь неумолкный, и огнь негасимый;
Гдѣ царствуетъ съ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ
Еще и понынѣ, все тотъ же богъ Смерти,
Богъ ночи холодной, сѣдой Ситиврат,
Сей образъ старинный нѣмаго застоя,
И съ нимъ мрачный Навій, супругъ или братъ
Угрюмой Мараны.
«Еще и понынѣ
Тамъ гордый Сизифъ, врагъ боговъ и царей,
Вотще катитъ въ гору тяжелый свой камень,
И будетъ катить до скончанія дней,
Покуда не рухнетъ міръ этотъ кромешный;
Понынѣ пытливый тамъ Танталъ въ цѣпяхъ
Томится надъ моремъ свободныхъ стремленій,
И тщетно пытаетъ въ прозрачныхъ струяхъ
Свою утолить благородную жажду;
Понынѣ толпа молодыхъ Данаидъ
Свои наполняетъ бездонныя ведра,
И мыслитъ серьёзно иль дѣлаетъ видъ,
Что ими исчерпаетъ вѣчныя бездны;
Понынѣ, тамъ царство ужасныхъ Горгонъ,
Нелѣпыхъ Химеръ и карающихъ Фурій;
И тотъ же все корчій,—безмолвный Харонъ,

Digitized by Google

И тотъ же, у выхода,—Церберъ трехглавый.
«Понынѣ міръ этотъ не есть міръ живой,
Но міръ еще мертвый. Понынѣ живутъ въ немъ
Стоглавая Нужда съ Заботой слѣпой,
Томительный Голодъ и мрачная Злоба;
А Медленность, съ дряхлой, костлявой рукой,
Считается самою вѣрной служанкой.
Понынѣ тамъ слышно шипѣніе змѣй,
Что гложутъ и точатъ нависнувшій корень
Отъ дерева жизни, чтобъ міръ тотъ тѣней
Не ожилъ подъ сѣнью его благодатной. *)
«Отсель-то, вначалѣ древнѣйшихъ вѣковъ
Враждебныя силы угрюмыхъ титановъ
И разныхъ чудовищъ, и злобныхъ духовъ,
Мѣшали, ихъ крикомъ, духамъ свѣтлымъ Брамы,
Докончить созданье вселенной земной,
Ко благу живущихъ. Сюда-то былъ брошенъ
Древнѣйшій духъ зла съ его темной ордой
Бѣсовъ горделивыхъ, враговъ непреклонныхъ
Свободы и свѣта. Отсюда ведетъ
Онъ споръ и понынѣ съ божественнымъ Свѣтомъ,
И гдѣ только можетъ,—тамъ гонитъ, гнететъ,
Ему ненавистный, духъ мысли свободной.
«Лишь только въ подобныхъ, ужасныхъ мѣстахъ
Раждаются пытки, костры и расколы;
Лишь тамъ можетъ быть то броженье въ умахъ,
Что въ день одинъ рушатъ завѣтный порядокъ
И цѣлыя царства!...
«Свѣтъ дивный Христа,
Повѣялъ повсюду весной обновленья;
Свобода родилась подъ сѣнью креста,—
И первая мысль, о гражданскомъ равенствѣ
Слетѣла съ Голгоѳы. Мысль эта внесла
Духъ новый въ науку и въ строй государства,
Мысль эта всѣ страны и царства слила,
Съ Христомъ во главѣ, въ одинъ міръ христіянскій.

*) См. описаніе Геллы, скандинавскаго ада:

Digitized by Google

«Но гласъ животворный благаго Христа
Сначала былъ гласомъ въ пустынѣ. Міръ рабства
Стоялъ такие твердо подъ сѣнью креста,—
Какъ прежде, подъ сѣнью боговъ своихъ древнихъ.
Земные владыки себя возвели
Въ санъ высшій намѣстниковъ новаго Бога;
По образу ихъ, и всѣ власти земли
Могли оставаться такими жь богами.
Мысль только блеснула, и снова была,
Какъ прежде, затерта, смыслъ здравый низвергнутъ,
Ликъ кроткій Христа сталъ хоругвію зла,
Его дивный свѣтъ сталъ предметомъ гоненій.
«На Римскомъ престолѣ сѣлъ новый Зевесъ,
Предъ кѣмъ трепеталъ юный міръ христіянскій;
Храмъ свѣтлый Христовъ, міръ безплотный небесъ,—
У нихъ превратились въ чертогъ Олимпійскій;
Служители церкви сравняли Христа
Съ богиней Минервой,—богиню Діану
Съ пречистою Дѣвой. Во имя креста,
Возникнули пытки, лютѣйшія казни;
Разбойники, воры имѣли святыхъ,
Патроновъ, дѣлились съ ними добычей,
Давали обѣты. Въ мѣстахъ нежилыхъ,
Близь замковъ, ютилися Эльфы и Сильфы;
Народъ, ради сильныхъ, лилъ потъ свой и кровь,
За что обѣщали ему рай небесный;
Но даже и это онъ долженъ былъ вновь
Еще пріобрѣсть на наличныя деньги.
«Такъ въ раннее утро, ненастной порой,
Когда ряды тучь застилаютъ все небо,
И мгла дождевая сырой пеленой
Виситъ надъ землею,—давно разсвѣтало,
А все еще царствуетъ сумракъ кругомъ,
По мокрой землѣ и туманному небу.
Не видно движенья; все спитъ врѣпкимъ сномъ
Иль прячется робко подъ кровомъ надежнымъ;
Въ нѣмомъ цѣпенѣньи стоитъ лѣсъ густой,
Повѣсивъ уныло намокшія вѣтви;

Digitized by Google

Безмолвно по селамъ; пустъ городъ большой,—
Кой-гдѣ прогремитъ разнѣ мокрый возница;
Завѣшены окна въ замкнутыхъ домахъ,
Вездѣ будто вѣетъ еще днемъ вчерашнимъ....
Вчерашнія лужи въ пустыхъ воротахъ,
Вчерашняя слякоть по улицамъ темнымъ;
Печать роковая вчерашнихъ страстей,
Вчерашнихъ заботъ иль вчерашняго пира—
На лицахъ измятыхъ, у сонныхъ людей,
Еще мирно спящихъ, подъ мѣрный стукъ капель.
Живыя картины вчерашнихъ утѣхъ,
Тровожныя грезы вчерашнихъ печалей,
Вчерашнее горе, иль радость и смѣхъ,
Еще смутно вьются надъ ихъ изголовьемъ...
Лишь утренній, свѣжей струей, вѣтерокъ
Порой пронесется по мокрому полю,
Кой гдѣ встрепенется намокшій цвѣтокъ,
И будто посыплетъ алмазною пылью;
Иль съ вѣтки на вѣтку въ лѣсу пропорхнетъ
Дремавшая птичка, кой что прощебечетъ,
Стряхнетъ съ крыльевъ воду и вновь пропадетъ
Подъ важною листвой. Лишь труженикъ горькій,
Привыкнувшій съ самыхъ еще юныхъ лѣтъ
Встрѣчать каждый день за упрямой работой,
Лишь онъ,—увидавши мерцающій свѣтъ,
Поспѣшно вскочилъ, и сидитъ ужь за дѣломъ;
Да кроткій младенецъ, стряхнувъ сонъ ночной
Въ родныя объятія ангела утра,
Открылъ уже глазки, тревожится тьмой,
И ищетъ, сквозь шторы, желаннаго свѣта;
Вотъ онъ улыбнулся игрушкамъ своимъ,
И тянетъ ручонки къ блестящимъ полоскамъ,
Что блѣдное утро рисуетъ предъ нимъ
По мрачнымъ стѣнамъ и по мебели темной...
Но день ужь насталъ,—все свѣтлѣетъ кругомъ,
Лучь солнца прорѣзалъ кой-гдѣ влажный сумракъ;
Недолго еще,—и въ сіяньи златомъ,
Весь міръ обольется пучиною свѣта.

Digitized by Google

«Гдѣ жь мысли свободной блеснулъ первый свѣтъ?
Гдѣ онъ развился? Въ угнетенныхъ народахъ.
Кто въ нихъ вдохнулъ жизнь? Кто двѣ тысячи лѣтъ
Въ святой укрѣплялъ ихъ борьбѣ?—Христіянство!
Они въ мигъ почуяли вольный тотъ міръ,
Что новая вѣра вносила съ собою;
Но этотъ верховный, народный кумиръ
Сначала былъ долго отъ нихъ скрытъ въ туманѣ.
Давнишнее рабство не можетъ рождать
Ни мыслей благихъ, ни дѣяній высокихъ;
Сперва его мысль,—все крушить и ломать,
Сперва порождаетъ оно лишь чудовищъ.
«Какимъ же привѣтомъ міръ встрѣтилъ восходъ
Желаннаго солнца народной свободы?
Какимъ торжествомъ угнетенный народъ
Привѣтствовалъ первый разсвѣтъ просвѣщенья?
Всеобщимъ погромомъ священныхъ началъ
Того жь просвѣщенья, кровавымъ возстаньемъ
На все, чего онъ самъ достигнуть желалъ,—
На собственность, знанья, гражданскій порядокъ.....
Фома Мюнцеръ, Пфифферъ, Шердингъ,—все сыны
Простаго народа,—изъ Лейдена, Боккольдъ,—
Трактирщикъ, потомъ вождь народной войны,
Пророкъ и диктаторъ,—внесли мечь и пламя,
И духъ коммунизма въ германскій народъ;
Гельвеція, Рейнъ, даже часть Нидерландовъ,
Богемія, Польша, открыли походъ;
Силезцы, Моравы, къ нимъ вышли навстрѣчу...
Въ туманѣ лжевѣрія, братъ умерщвлялъ
Любимаго брата; пришлецъ беззащитный,
Знакомый гость, падалъ подъ острымъ ножемъ
Радушныхъ хозяевъ; скромнѣйшія жены,
Подобно вакханкамъ, въ восторгѣ святомъ,
Кидались въ объятія вновь-обращенныхъ;
Дороги покрылись народной толпой,
Бѣжавшей, Богъ знаетъ куда,—за свободой;
Бросали отчизну и кровъ свой родной,
За мнимое царство всеобщаго братства,

Digitized by Google

Въ надеждѣ какихъ-то небесныхъ даровъ;
Деревни и цѣлыя села пустѣли;
Имущества, домы, наслѣдье отцовъ,
Сбывалися людямъ чужимъ, за безцѣнокъ;
Всѣ чаяли царствія Божья, пока
Убійственный свѣтъ не разсѣялъ мечтаній;
Тогда все смѣшалось,—и нищихъ рѣка
Страну наводнила ордой тунеядцевъ,
Бродягъ и злодѣевъ. [17])

«И этотъ волканъ
Потрясъ всю Германію, верхній Рейнъ, Альпы.
Чтожъ ждало народы сосѣднихъ имъ странъ, —
Страну Альбигойцевъ, страну Гугенотовъ,
Страну бурной Лиги и Фронды, гдѣ знать
Привыкла издревле топтать міръ народный,
И ради потѣхи дразнить и терзать
Ручнаго, какъ мнилось ей, этого звѣря?...
«Насталъ и для нихъ часъ, и тамъ запылалъ
Такой же пожаръ,—и какъ ветхую вѣтошь,
Въ одинъ мигъ скоробилъ, свернулъ и пожралъ
Слѣпую монархію. Грозно воспрянулъ
Неистовый вихрь, и народъ безъ ума—
Въ пожарище бросилъ правленье и вѣру,
Престолы и храмы, боговъ и дома...
Пошла пляска смерти.... Въ чаду, закружился
Живой людъ и мертвый,—одни безъ головъ,
Другіе безъ сердца,—заставы и стогны,
Дворянскіе замки, зубцы городовъ,
Деревни и села, земля вся и небо.....
Насталъ адскій шабашъ, плясъ пьяныхъ бѣсовъ,
Великій торжественный праздникъ отмщенья,
Дни яростныхъ казней, дни плахъ и костровъ,
Насилія женъ, побіенья младенцевъ,
Возмездья сынамъ за растлѣнныхъ отцовъ;
Дни дикихъ предательствъ, домашнихъ шпіоновъ,
Дни яростной черни, все бьющей съ плеча;
Дни страшные сабель, штыковъ и сѣкиры, —
Владычество, царство, тріумфъ палача,

Digitized by Google

Дни лютыхъ мегеръ и безстыдныхъ развратницъ,
Предсмертная пляска нагихъ дикарей
Вкругъ связанныхъ жертвъ и досокъ эшафота;
Пиръ дикій вампировъ и хищныхъ звѣрей
Надъ лужами крови и грудами труповъ,
Безсильный стонъ жертвъ, смѣхъ и ревъ палачей,
Послѣдніе дни, страшный судъ надъ прошедшемъ.
«Весь Западъ снималъ съ себя образъ живой,—
И снова хотѣлъ быть землей Цизальпійской,
Страной Транспаданской, Батавской землей,
Страной Лигурійской, землей Парфенонской.... [18])
«Таковъ былъ вездѣ пробужденія часъ
Народнаго рабства, на новый свѣтъ Божій!
Нашъ замкнутый край благодѣтельно спасъ
Себя, отъ подобной крушительной бури;
Но также и нашъ край не могъ не родить,
Въ дни горькой неволи, своихъ лжеученій;
Чѣмъ только и могъ онъ тогда заявить,
Что живъ онъ и мыслитъ. А онъ жилъ и мыслилъ;
Онъ жилъ, какъ живутъ въ тьмѣ безвыходныхъ золъ,
Онъ мыслилъ, какъ мыслятъ въ цѣпяхъ тяжкихъ рабства;
И онъ родилъ дикій, туманный расколъ,—
Такой же туманный, какъ міръ его древній.
«Съ зарей христіянства, у русскихъ славянъ
Вошла черезъ Кіевъ восточная ересь
Болгаръ—богомиловъ. Монахъ Адріанъ
Отвергнулъ народно обрядность и церковь;
За нимъ предсталъ Дмитръ. Духъ ученія ихъ,
Почерпнутый прямо въ языческомъ мірѣ,
Былъ сходенъ въ воззрѣньяхъ своихъ міровыхъ
Съ стариннымъ ученьемъ волхвовъ его вѣщихъ.
Духъ этотъ гораздо доступнѣе былъ
Язычникамъ темнымъ, чѣмъ духъ христіянства;
И надобно думать, что корни пустилъ
Еще въ это время онъ въ нашу народность. [19])
«На сколько тогда развился онъ у насъ,
Теперь мы не знаемъ; замѣтимъ одно лишь,—
Чуть только расколъ нашъ возвысилъ свой гласъ,

Digitized by Google

Тотчасъ же различные толки и секты
Возстали готовые противъ властей,
И противъ всѣхъ мѣръ государства и церкви.
«Власть ловитъ и строго караетъ вождей,
И тѣмъ освящаетъ вначалѣ жь возстанье.
Но въ чемъ смыслъ возстанья? Въ чемъ цѣли его?
Его смыслъ въ народномъ еще двоевѣрьи;
Его цѣль,—изъ рабства создать своего
Край мыслящій, край самобытный, свободный.
Смѣшавши съ языческимъ міромъ былымъ,
По своему понятый, смыслъ христіянства,
Народъ идетъ въ распрю со всѣмъ остальнымъ,
И хочетъ признать лишь одну власть,—власть Божью;
Ему весь міръ—братья, предъ нимъ всѣ равны;
Одна въ людяхъ разность,—въ способностяхъ духа;
Народъ есть прямой обладатель страны,
Но этого можетъ достичь лишь въ грядущемъ.
«Міръ древній не кончилъ свое бытіе,
Лишь онъ обозначился въ образахъ новыхъ;
Микула ведетъ самъ развитье свое,—
И развѣ, покончитъ, когда разсвѣтаетъ...
«Спросите о міроустройствѣ его,
Издавна возсозданномъ свѣтомъ Христовымъ,—
Онъ скажетъ, однако, что прежде всего,
Когда еще не было даже и Бога,
Ни творческихъ силъ Его,—былъ Сатана,
Низвергнутый послѣ въ мракъ вѣчный. Онъ скажетъ—
Сперва было море; земля создана
Изъ пѣны морской, по велѣнію Божью;
А прежде того, Господь жилъ въ небесахъ,
Въ трехъ коморахъ свѣтлыхъ: тамъ свѣтъ безконечный;
Земля же стоитъ на великихъ китахъ;
Ихъ три кита главныхъ и тридцать поменьше;
Она на великихъ, соленыхъ водахъ;
Ее опоясалъ вокругъ столпъ желѣзный.
«Святая водица, въ иныхъ деревняхъ,
Честнѣе пречистыхъ, святыхъ тайнъ Господнихъ.
«Кто ангеловъ создалъ?—Они отъ огня

Digitized by Google

И духа святаго; луна—отъ престола
И воздуха божья; свѣтило же дня,—
Отъ внутренней ризы Господней...,.
Спросите!
«Что есть,—нѣкій внукъ рече бабѣ:
«Положи меня къ себѣ, баба!
«Она же ему отвѣчаетъ:
«Какъ же я положу тебя,
«Когда ты отецъ мнѣ?....
«Внукъ этотъ—Христосъ;
«Ну, а баба,—земля.»
«Земля на китахъ,—кто жь китовъ этихъ держитъ?
Ихъ огненна держитъ рѣка; а ее—
Дубъ держитъ желѣзный. Гдѣ солнышко ночью?
На всю ночь уходитъ въ жилище свое,—
Въ чертогъ златотканный, на самомъ Востокѣ.
Тамъ островъ Буянъ, и живетъ тамъ Змія;
Всѣхъ змѣй она старше. Въ зеленой осокѣ
Живетъ еще птица,—она тамъ своя;
Всѣхъ птицъ она старше. Живетъ еще воронъ,
Всѣмъ воронамъ старшій. Тамъ кладези, рѣки,—
Студеныя рѣки....
«Про гору Афонъ
Онъ скажетъ, что тамъ стоитъ дубъ превеликій,—
Ни нагъ, ни одѣтъ онъ ни съ коихъ сторонъ;
Подъ дубомъ живутъ семь невѣдомыхъ старцевъ;
Клюютъ они мурьи. Еще тамъ лежитъ,—
Лежитъ бѣлъ-горючій тамъ камень-алатырь.
Его лижутъ зміи,—и этимъ змій сытъ
На цѣлую зиму.
«Объ Индрѣ гремящемъ
И всѣхъ богахъ древнихъ, онъ скажетъ теперь,
Что это все вражья, нечистая сила,
Противная Богу; а Индрикъ есть звѣрь,
И ростъ онъ рогомъ своимъ сыру землю.
«У Бога два сына: сынъ Сатанаилъ,
Другой сынъ,—Христосъ. Богъ вдохнулъ въ людей душу,
А первый далъ тѣло. Но Богъ есть Богъ силъ,

Digitized by Google

Богъ свѣта,—лишь въ немъ власть законная въ мірѣ.
Въ насъ восемь частицъ отъ небесъ и земли;
Изъ нихъ сотворенъ человѣкъ и всѣ люди.
Всевышній Богъ любитъ созданья свои,
Поднесь воплощается въ чистое тѣло,
Желаетъ весь міръ Онъ грѣховный спасти, —
Рабовъ отъ ихъ рабства, а слабыхъ отъ сильныхъ;
Но часъ не насталъ. И не будетъ пути,
Пока не пріидетъ онъ самъ на судъ страшный....
«Се ангелъ съ неба сниде,
«Седьмой фіалъ льется на землю;
«Земля обновляется,
«Огнемъ очищается.»
«И огнь тотъ небесный еще будетъ долго
Палить насъ,—пока не очиститъ весь міръ.
До тѣхъ поръ, все будетъ расти царство мрака;
А онъ, Селянинычъ, все будетъ и сиръ,
И бѣденъ, и слабъ, и гонимъ, и бездоленъ;
Затѣмъ, что міръ этотъ есть міръ лжи и тьмы;
Въ немъ царство антихриста. Кто же спасется,
У тѣхъ просвѣтитъ самъ Господь-Богъ умы;
Имъ дастся земля вся и міръ обновленный.
Тогда возликуетъ Микула благой,
И всякая плоть, и душа человѣчья;
Воспрянетъ въ веселіи край нашъ святой,
Зане отдѣлитъ Богъ неправыхъ отъ правыхъ;
И правый обрящетъ желанный покой,
Неправые жь сгинутъ въ огнѣ негасимомъ.
«Такъ онъ, изъ языческихъ древнихъ началъ
И истинъ высокихъ ученья Христова,
Микула нашъ, создалъ, имъ лучше, связалъ
Особенный толкъ и особую вѣру,
Доступную только ему одному.
«А самый обычай его совершенья,—
Когда предстоитъ углубиться ему
Въ нѣмую молитву?—Онъ тихо садится,
Скрестивъ подъ грудь руки, а взоры вперитъ,
Подобно буддистамъ, на часть одну тѣла,

Digitized by Google

Чтобъ чѣмъ не развлечься, и онъ такъ сидитъ,—
Сидитъ долго такъ, до конца созерцанья.
Когда жъ онъ тому научился и гдѣ?—
Обязанъ онъ этимъ учителямъ новымъ,
Или первобытному еще Буддѣ,
Кого онъ могъ знать, живя въ Выреѣ древнемъ?...
«Посредствомъ ли сихъ созерцаній нѣмыхъ
Иль темныхъ, ему лишь извѣстныхъ, ученій,—
Но онъ расширяетъ кругъ толковъ своихъ,
Онъ духомъ владыкой становится міра;
Весь міръ,—это онъ самъ!..
«Господь во всемъ мірѣ: затѣмъ—міръ есть Богъ;
Лишь духъ нашъ разумепъ; но тѣло—тьма, тлѣнье;
Обитель Господня—небесный чертогъ;
Архангелы, Власти, Престолы, Господства,—
Они составляютъ *округу небесъ*,
Небесный *корабль*. Онъ несется надъ бездной
Воздушнаго моря, и льетъ свѣтъ чудесъ,
Какъ свѣтлыя воды, на этотъ міръ темный. [20])
«Мпкула по духу есть истинный богъ;
Но богъ, заключенный въ грѣховное тѣло;
Его сила въ духѣ,—затѣмъ и чертогъ
Его не на небѣ, а въ мірѣ подлунномъ.
Онъ долженъ спачала сей міръ побороть,
Творя лишь дѣпья, достойныя духа;
Онъ долженъ держать въ умерщвленіи плоть,
Ее истязать и радѣть о богатствѣ
Духовномъ. На помощь ему—*кораблп;*
На нихъ, съ нимъ радѣютъ всѣ лучшіе люди,
Всѣ высшія власти и силы земли...
Какъ ангелы Божьи радѣютъ на небѣ;
Такъ въ этихъ корабликахъ нашихъ земныхъ
Радѣть можетъ всякій. Какъ солнце крутится
На небѣ, радѣльцы крутятся на нихъ;
А духъ-свять *катитъ*,—и лишь только *накатитъ*,
Тогда всѣ пріемлютъ божественный чинъ,—
Тогда они боги.

Digitized by Google

«Вы видите, снова
Мы входимъ въ міръ древній! Сперва Богъ единъ;
Онъ высшій богъ міра, безличное Небо,—
Сварогъ, Дій, Варуна, прапрадѣдъ иль дѣдъ
Боговъ всѣхъ грядущихъ. Онъ Свѣтъ первобытный;
Но онъ неподвиженъ. Потомъ, этотъ Свѣтъ
Рождаетъ Стрибоговъ, Перуновъ, Даждь-боговъ;
Отъ нихъ зарождаются богатыри;
Но вѣкъ богатырскій теперь не совмѣстенъ
Съ ученьемъ Христовымъ; свѣтъ новой зари
Блеститъ надъ землей,—и они принимаютъ
Другой также образъ,—*духовныхъ людей*;
Они *богатырствуютъ* силою духа,
Они также боги.

«Съ невѣдомыхъ дней
Микула понынѣ себѣ представляетъ,
Что солнце *крутится*, какъ жорновъ златой,
Бросая по небу, какъ искорки, звѣзды.
Разъ люди, забравшися въ міръ неземной,
Наѣлись тамъ этихъ небесныхъ оладьевъ,—
И пали; другіе жь, съ небесной горы
Узрѣли святое радѣнье силъ горнихъ,—
Пиръ ангельскій; съ этой-то древней поры,
Они и внесли трудъ радѣнья на землю.

«Вначалѣ у насъ красовались пиры
Язычника-князя, свѣтъ-краснаго Солнца:
Когда же Владиміръ былъ признанъ святымъ,
Тогда просвѣтлѣлъ и его древній образъ;
Пиры замѣнились радѣньемъ благимъ
Духовныхъ людей; а значеніе князя
Воспринялъ, *богатый* духовной казной,
Данила Филипычъ,—Иванъ Тимофеичъ,—
Иль лучше, все тотъ же Микула родной;
Разгулъ обратился въ святыя молитвы,
А онъ, князь,—въ радѣльца.

«Иной тутъ, душой
Давно *милліонщикъ*; другой,—*билліонщикъ*!
Они не тягаются съ властью земной,

Digitized by Google

Они не казнятъ никого и не гонятъ.
Они *побораютъ* свою только плоть,
Казнятъ, истязуютъ лишь грѣшное тѣло,
И тѣмъ служатъ духу; ихъ цѣль, — побороть
Зло всякое въ мірѣ.
«Вода и свѣтъ-Солнце,
Дажьбогъ и Варуна, какъ были всегда
Богами Микулы, такъ тѣмъ и остались.
Но встарь былъ Микула язычникъ; тогда
Онъ имъ поклонялся на свѣтлыхъ колодцахъ;
Теперь же Микула давно ужъ крещенъ,
И онъ совершаетъ радѣнья вкругъ чана.
Тутъ нѣтъ боговъ прежнихъ, съ кѣмъ съ давнихъ временъ
Микула разстался; но ихъ обаянье
Замѣтно и здѣсь, — лишь въ значеньи иномъ.
Дѣвица въ повязкѣ, собой выражаетъ
Здѣсь красное Солнце. Какъ въ мірѣ быломъ,
Кормилица Жива, — она вся нагая;
Какъ Жива являлась изъ нѣдровъ земныхъ,
Такъ точно выходитъ она изъ подполья
Неся милымъ братьямъ въ кошницахъ своихъ
Святые дары, отъ земли благодатной,
Для ихъ пріобщенья. [21])
«Во имя Христа,
Она пріобщаетъ ихъ плотью и кровью....
Она, какъ богиня земли, такъ чиста,
Что все освящаетъ своей благодатью.
Она погружаетъ въ чанъ, полный водой,
Свое молодое, пречистое тѣло,
Подобно тому, какъ весенней порой,
Земля погружаетъ себя въ половодье;
Въ рукахъ у ней образъ, на коемъ Христосъ, —
Женихъ ея вѣщій; у чана, — старухи, —
Небесныя тучи, предвѣстницы грозъ,
Противницы-вѣдьмы, враги брака Солнца,
Земныя богини плотскихъ, грубыхъ силъ;
Онѣ вырѣзаютъ сосцы плодородья,

Digitized by Google

И дѣлять на части, чтобъ каждый вкусилъ,
И принялъ въ себя ихъ живящія силы.

«Все это и дико, грустно! Но я
До корня должна обнажить эту язву.
Такъ умъ угнетенный искалъ для себя,
Въ горячечномъ даже бреду утѣшенья.
«Вкругъ этого чана горитъ рядъ свѣчей;
Вода въ немъ мутится,—какъ древле, въ то время,
Когда Чудо-Юдо, царь бурныхъ морей,
Всплывалъ изъ пучины. Надъ этой водою
Радѣльщики видятъ сначала туманъ,—
А въ этомъ туманѣ потомъ зрятъ *Исуса*,—
Конечно того, что у древнихъ Славянъ
Звался Святовитомъ иль богомъ Мокошемъ.
«*Но дѣва-Земля* есть богиня земли
Лишь только до лѣта. Когда жь злачны нивы,
Сады, огороды, плодами полны,
И въ нихъ все созрѣетъ,—она ужь не дѣва;
Она въ это время—*сыра-мать-Земля*;
А осенью, только что міръ уберется,
Совсѣмъ опустѣютъ сады и поля,
И самое солнце уйдетъ съ поднебесья,
Она матерая, *богата-вдова*.
«Такъ точно и въ самыхъ радѣньяхъ,—богиня,
Зачавши, теряетъ на дѣвство права.
Зачать она можетъ лишь только отъ бога,—
А плодъ, что рождаетъ она, есть Христосъ;
Волхвы причащаютъ себя его тѣломъ,
И силой его побѣждаютъ хаосъ
Вещественныхъ силъ, что господствуетъ въ мірѣ.

«Чтожь тутъ самъ Микула, средь этихъ христовъ,
Боговъ и богинь ихъ?—Онъ дѣдъ ихъ, хозяинъ,
Онъ Солнышко-красно, онъ богъ—Саваофъ,
Онъ древній Возничій въ небесныхъ созвѣздьяхъ. 22)
«Какъ въ тѣ дни, и нынѣ *скатился* онъ съ небесъ,
Съ *небеснаго воза*, на гору земную,—

Digitized by Google

Скатилъ онъ оттуда, нашъ русскій Зевесъ,
И ищетъ по свѣту жену свою, Живу.
Но въ солнечный лѣтній она поворотъ
Съ земли исчезаетъ въ подземныя бездны,
И тамъ остается, покуда народъ
Работаетъ въ полѣ,—всю страдную пору.
Все лѣто и осень стоятъ между нихъ
Громовыя тучи, осенніе ливни;
Въ то время живетъ онъ средь дѣтокъ своихъ,—
Сихъ лозъ виноградныхъ, садовъ насажденныхъ,
Вѣтровъ корабельныхъ, бродяжекъ блажныхъ...
Но полная слава его возсіяетъ,
Когда міръ покроютъ *великая ночь*
И *темное царство*; когда не возможетъ
Ничей духъ всемірное зло превозмочь,
И міръ одолѣютъ враждебныя силы.
Въ тѣ дни, онъ придетъ во всей славѣ своей,
Съ *Востокъ-страны*, — станетъ противъ боговъ темныхъ,
И ихъ побѣдитъ, и свѣтъ божьихъ людей
Потомъ возсіяетъ по всей землѣ Русской.

«Возгремитъ нашъ батюшка Илья Пророкъ,
«Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
«Отъ Востока рѣка течетъ до запада.....
«И выгорятъ горы съ раздольями,
«И выгорятъ лѣса темные.....
«И растворятся седьмыя небеса,
«Сокатятся златыя колеса,
«Золотыя еще огненныя;
«Надъ пророками пророкъ, сударь гремитъ,
«Нашъ батюшка покатываетъ,
«Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
«Сядетъ онъ въ стольномъ городѣ Москвѣ,
«Ударитъ онъ въ царь-колоколъ въ Кремлѣ;
«Соберутся предъ нимъ живые и мертвые.»

«Откуда жь зло въ мірѣ?—И гдѣ его нѣтъ?..
Но міръ имъ исполненъ еще отначала;
Оно помрачало всегда бѣлый-свѣтъ.

Digitized by Google

Сперва оно было въ лицѣ Аримана,—
Въ лицѣ Чернобога,—въ лицѣ Сатаны;
Предсталъ въ міръ антихристъ,—и зло расплодилось
По цѣлой землѣ; нынѣ всѣ имъ полны.
Оно приводило къ намъ Наполеона;
Оно расплодилось средь русской страны,—
Почто въ ней и царствуетъ мракъ еще ночи.
Борьба съ этимъ мракомъ, побѣда надъ нимъ,—
Великая тайна,—чтобъ внѣшній міръ, *темный*,
О томъ не провѣдалъ, и духомъ своимъ
Мертвящимъ, не сдѣлалъ помѣхи радѣльцамъ.
«Но имъ, людямъ Божьимъ,—имъ весь міръ открытъ!
Они,—божьи люди; въ нихъ,—*книга живая*,
Сонмъ трубъ *живогласныхъ*; корабль ихъ летитъ
Небесною силою: все имъ подвластно.
«Различно бываютъ радѣнья на немъ:
То носятся, скачутъ радѣльцы, какъ буря;
То *посолонь* вихремъ крутятся кругомъ;
Подобные *вѣтру* или *Вернигорамъ*,
И сестрамъ ихъ, *Стригамъ* или облакамъ.
Они изъ сосцовъ пьютъ молочныя рѣки;
Они всѣ,—бродяги, живутъ по лѣсамъ...
Чистѣйшіе мужи, какъ встарь корибанты,
Чтобъ снять совсѣмъ иго тѣлесныхъ оковъ,
Себя оскопляютъ. Какъ *молонья* въ небѣ
Смиряетъ порывы бродячихъ вѣтровъ;
Такъ *огненный мечъ* сей смиряетъ ихъ тѣло.
«Вкругъ Солнца-Микулы сонмъ Солнцевыхъ дѣвъ;
Онѣ ему служатъ, онѣ его моютъ
И чешутъ; имъ страшенъ его божій гнѣвъ.
Онѣ провожаютъ его и встрѣчаютъ,
Кладутъ на постель, и стоятъ при столѣ.
На небѣ зовутся онѣ—*зори-ясны*,
И *красны дѣвицы*—на грѣшной землѣ;
Микула надъ ними есть полный хозяинъ.
Весь день на возу онъ,—на бѣломъ конѣ;
Межь утреннимъ ложемъ и ложемъ вечернимъ,
Онъ,—красное-Солнце, онъ,—богъ, а онѣ,—

Digitized by Google

Архангелы, сестры и ясныя зорьки.
«По духу онѣ всѣ родня межь собой;
Для нихъ учрежденъ высшій чинъ богородицъ;
На нихъ всего чаще духъ катитъ святой;
Онѣ неизмѣнно пречистыя дѣвы;
Онѣ порождаютъ младенцевъ—Христовъ;
Онѣ причащаютъ корабль своей плотью;
Онѣ всѣ богини. У нихъ нѣтъ отцовъ;
Онѣ *всѣ отъ духа,—посестріе*,—дѣвы
Безмужни; безъ кровной, тѣлесной семьи.'
Отецъ ихъ и мужъ ихъ,—свѣтъ красное Солнце,
Господь-богъ—Микула; семья—корабли;
Земля—святорусье; ихъ міръ—братья божьи. [23])

«Но самый великій, изъ всѣхъ ихъ Христовъ,
Источникъ добра и духовнаго свѣта,
Богъ-Хорсъ иль богъ-Кришна всѣхъ этихъ боговъ,
Есть царь-государь нашъ великій,—Петръ третій.
Онъ спасся отъ смерти и мрачной тюрьмы,
Куда онъ былъ ввергнутъ, по злобѣ боярской,
По волѣ супруги,—сей матери тьмы
И злобы кромѣшной. Онъ долго скитался;
Потомъ объявился царемъ и Христомъ,
Желая спасти свой народъ изъ подъ власти
Бояръ,—боговъ темныхъ. Врагъ главный во всемъ
Ему въ этомъ мірѣ,—Наполеонъ первый. ...
Царь этотъ не умеръ,—и будетъ онъ жить,
Пока не очиститъ себя покаяньемъ;
А Петръ третій долженъ сей міръ искупить,
Поправши плоть духомъ. Но плоть сильнѣй духа;
Затѣмъ и понынѣ все длится борьба [24]).
«Другое начало духовнаго свѣта,—
Пречистая Дѣва, благая Судьба,
Источникъ всѣхъ благъ и земли плодородья,—
Царевна, Елизавета Петровна. Она
Царю Петру матерь; она царь-дѣвица;
Въ ней *дѣвая* сила. Она вся полна
Божественнымъ свѣтомъ; она,—Весна красна,

Digitized by Google

Въ ней сила Бѣлбога. *) Она возродитъ
Съ Петромъ, своимъ сыномъ, всю русскую землю,
Устроитъ народъ свой, спасетъ, просвѣтитъ,
И дастъ людямъ божьимъ покой и свободу...
«Вотъ что породили въ насъ рабство и тьма!
И чтожь могло лучше родиться въ народѣ,
Гдѣ всякая мысль, всякій проблескъ ума
Подавлены съ дѣтства иль залиты кровью?
Что въ силахъ создать намъ корчма и тюрьма,
. . . . . .
«Зато у Микулы еще есть свой міръ,—
Любимое мѣсто, священное царство.
Гдѣ онъ совершаетъ духовный свой пиръ,
Куда не заходитъ власть грѣшнаго свѣта,
Гдѣ съ нимъ его дѣтки,—бродяги-христы,
Бездомные Вѣтры, и братья ихъ, сестры,—
Воздушныя Стриги, Юроды, Хлысты...
Тамъ мирно стоятъ ихъ молельныя избы,
Тамъ ждутъ ихъ пріюты, ночлеги, скиты;
То мѣсто—Пустыня.
«Онъ такъ воспѣваетъ
Ея превосходство:
«Прекрасная мать Пустыня,
«Возлюбимая моя мати,
«Пріяла меня, мать Пустыня,
«Яко мати свое чадо,
«Отъ юности прелестныя;
«Укрой мене, мать Пустыня,
«Отъ темныя отъ Ночи;
«Приведи мене, мать Пустыня,
«Къ своему ко небесному царствію;
. . . . . .
«И избавь меня, пустыня,
«Огня, вѣчныя муки».....
«Откуда жь она
Явилась къ намъ,—эта святая Пустыня?

*) Она олицетворена также народомъ въ пророчицѣ Акулинѣ Ивановнѣ.

Digitized by Google

Дала ли родная ее старина,
Какъ древній остатокъ былаго буддизма, 52)
Иль греки въ народъ нашъ ее занесли,
Во дни христіянства?..Но въ этой пустынѣ,
Такія событья предъ краемъ прошли,
Что ихъ никогда не забудетъ міръ Русскій.

«Микула не борется противъ властей;
Онъ ждетъ терпѣливо себѣ временъ новыхъ;
Онъ ждетъ, когда царствіе божьихъ людей
Само водворится по всей землѣ русской.
Но матерь-Пустыня—Микулинъ оплотъ;
Сюда онъ уходитъ отъ тяжкихъ гоненій,
Здѣсь онъ поучаетъ тѣснимый народъ;
Здѣсь молится онъ за его избавленье;
Здѣсь брагой хмѣльной на него накатилъ
Святъ-духъ, пробудившій потребность въ немъ мыслить,
И мыслить свободно; здѣсь онъ заявилъ
Убійственной стойкостью, самосозженьемъ,
Свой духъ непреклонный; здѣсь, въ дебряхъ лѣсовъ
И въ степи широкой, онъ создалъ міръ новый,
Незнающій власти; здѣсь, съ древнихъ вѣковъ,
Еще разъѣзжаетъ Илья, богатырь нашъ;
Отсель вышли Разинъ, потомъ Пугачевъ;
Отсель объявился народу Петръ третій.
«Оставилъ (онъ) столичные грады,
«Оставилъ Питеръ, Москву,
«Оставилъ грановитыя палаты,
«И всѣ мраморны дворцы,
«И высокій тронъ свой;
«Переставъ гостить на немъ,
«И святымъ духомъ заблажилъ»...

«Но эта блажь стоитъ недешево намъ,—
Она стоитъ цѣлой войны намъ народной!
Едва заблажилъ онъ, нашъ батюшка, тамъ,—
Какъ съ нимъ заблажилъ и народъ угнетенный;
Толпы заблажили несчастныхъ рабовъ,—

Digitized by Google

Запѣлъ пѣтухъ красный, взлетѣли бояре
На крѣпкія рѣли, между двухъ столбовъ;
Заразъ заблажила вся камская область,—
Пошла эта блажь, отъ степныхъ городковъ,
Пошла вдоль Поволжья, къ престольному граду. [26])
«Чего же искалъ народъ глупый себѣ?
Чего онъ хотѣлъ?—Онъ хотѣлъ небольшаго,—
Хотѣлъ онъ лишь хлѣба своей голыдьбѣ,
Искалъ, народъ глупый, онъ волюшки вольной.
И то, не народъ искалъ воли,—Нужда,—
Нужда—горемыка, Нужда—волкъ голодный.....
Взбѣсясь, и она жжетъ, палитъ города;
Взбѣсясь, и она всѣхъ готова поддернуть
На крѣпкія рѣли....
«Вотъ плодъ нашей тьмы.
Безвыходной, страшной тьмы нашего рабства!
Скажите; какой озаритъ свѣтъ умы,—
Когда народъ—рабъ, и нуждается въ хлѣбѣ?

«Прошла эта туча надъ русской землей,
Изсякнулъ сей первый фіалъ гнѣва Божья;
Но въ царствѣ остался все тотъ же застой,—
Гроза не очистила замкнутый воздухъ...
Пугачъ былъ казненъ; но въ народной молвѣ,
Петръ третій, Христосъ, еще живъ и понынѣ.
Объявится въ стольномъ онъ градѣ Москвѣ,
Пришедъ съ Востокъ-свѣта, изъ хладной Сибири;
По плоти онъ царь; но по духу Христосъ,—
Рожденный отъ Бога отца, Саваофа.
По волѣ отца, много онъ перенесъ,
Отъ лютыхъ враговъ, и понынѣ томится
Еще въ заточеньи; но вышній отецъ
Ему уготовилъ всемірное царство.
Тогда возблеститъ его свѣтлый вѣнецъ,
Во всѣхъ концахъ свѣта, тогда соберетъ онъ
Людей своихъ вѣрныхъ....
«Что вы, вѣрные, избранные!
«Я дождусь той поры, времечка,

Digitized by Google

«Перебирать буду всяко сѣмячко.
«Я отъ чистыхъ не укроюся,
«Надъ царями царь откроются,
«Завладѣю всѣми престолами,
«И короною со державою.
«Всѣ цари, власти, мнѣ поклонятся,
«И вы рядомъ со мною сядете».
«Въ старинной Москвѣ,
Ударитъ онъ въ полночь въ царь-колоколъ вѣщій,—
Сберется народъ въ Кремль; возсядетъ въ главѣ
Своихъ онъ избранныхъ, и будетъ судить онъ
Живой міръ и мертвый.....
«Не помогутъ, мои други,
«Сего свѣта вамъ князья,
«И цари-то всѣ земные.
«Пойдутъ они подъ землю,
«И покроетъ ихъ земля,
«Что горячіе каменья,
«За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.....
«—Ваша воля, ваша власть,
«—Что угодно, то устрой!....»
«И это поютъ
Въ Москвѣ, на Иргизѣ, на Бѣлой Криницѣ,
На Вяткѣ, въ Сибири..... И этого ждутъ,
И ждутъ не дождутся, по всей землѣ Русской!
Вы видите, вотъ почему нашъ народъ
Такъ вѣруетъ въ близость послѣднихъ дней міра.
Вы поняли этотъ народный походъ,
Почти повсемѣстный, въ недавнее время,
Въ Сибирскія страны, на дальній Востокъ,
Къ святой рѣкѣ Дарьѣ?.... *)
«Въ такомъ темномъ мірѣ,
Тутъ всякій,—*владыка* иль вѣщій пророкъ,
Тутъ всѣ,—божья *книга*, святой виноградникъ.

*) Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія,—крѣпостной народъ потянулся было изъ внутреннихъ губерній на востокъ; но былъ во время остановленъ.

Digitized by Google

И этотъ губительный, бурный потокъ
Подкапывалъ лучшія силы народа,
Въ глазахъ государства!
«Какъ духъ старины,
Расколъ не чтитъ Запада. Тамъ духъ папежства,—
Тамъ царство Антихриста и Сатаны,
Тамъ Нѣмцы, Латины, Наполеонъ первый!
Сей царь живъ понынѣ, лишь въ видѣ иномъ:
По плоти, теперь онъ—Наполеонъ третій;
Но духъ въ нихъ единый, и въ томъ, и въдругомъ,—
Одна ипостась, только въ образахъ разныхъ.
Оттуда не приметъ расколъ ничего;
Тамъ все для него, и враждебно и чуждо;
До сихъ поръ единый *наукъ* для него,—
Родные *волхвы* и онъ самъ,—виноградникъ
И *книга живая*... 27.)
Не ясно ль теперь,—
Что это обломки древнѣйшаго міра,
Куда также настежь отворена дверь?...
Есть сумерки тутъ и небесныхъ величій,
И старая злоба враждебныхъ племенъ,
И духъ созерцательный, строгій буддизма,
И красное Солнце древнѣйшихъ временъ,
И богъ, первообразъ боговъ,—и всѣ боги...
Тутъ міръ переходный,—пожалуй, глухой
И темный; но въ немъ уже брошено сѣмя
Народныхъ стремленій и мысли живой,
Пока еще ждущей себѣ возрожденья...

«Народъ досель полонъ той мыслью слѣпой,
Что край нашъ всѣхъ въ мірѣ сильнѣй...Но, скажите,
Давно ль образованный классъ нашъ судилъ
Почти точно также?..Господь отрезвилъ
Отъ вѣры слѣпой насъ въ свое превосходство.
У стѣнъ Севастополя Онъ положилъ
Въ точило насъ гнѣва, и выжалъ изъ царства
Кровь лучшихъ людей. Тамъ, гдѣ былъ возрожденъ
Свободный край Русскій водою и духомъ;

Digitized by Google

Тамъ,—послѣ дней рабства, онъ былъ осужденъ
Еще возродиться народною кровью.
«Нашъ край двинулъ рати своихъ грозныхъ силъ,
И ждалъ горделиво рѣшенія спора;
Но Вышній безъ насъ этотъ споръ разрѣшилъ,
И вынулъ, впередъ намъ назначенный, жребій.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Онъ сдернулъ туманъ
Съ очей нашихъ темныхъ,—и мы всѣ прозрѣли.
Тогда и нашъ край, и народъ-великанъ
Предстали предъ нами совсѣмъ въ иномъ видѣ;
Тогда мы узнали, что наша страна—

Digitized by Google

Далеко еще не страна благоденствья;

. . . . . .

„Палъ градъ Севастополь, — но пламя его
Собой озарило всю эту картину
Старинной Россіи. И послѣ того,
Мы начали съ жаромъ лечить наши язвы,—
Тѣ страшныя язвы, что въ насъ наросли
Въ ужасное время минувшаго рабства,—
Гниль эту, что въѣлась въ духъ нашей земли,
Тотъ грязный застой, гдѣ мы всѣ утонули.

«Господь самъ. устами младаго царя,
Воззвалъ обновленный народъ къ новой жизни,—
Блеснула впервые свободы заря,
И солнце взошло милосердья и правды.

«Скажите жь вы вашимъ славянскимъ странамъ,
Что я и Микула, мы живы; народъ нашъ
Сидитъ, точно, сидѣлъ, по разнымъ мѣстамъ,
Не вѣдая гдѣ еще, въ чемъ его сила;

Digitized by Google

Нашъ духъ богатырскій живетъ по лѣсамъ,
По дальнимъ степямъ, захолустьямъ, пустынямъ;
Но также и онъ живъ,—лишь ждетъ того дня,
Когда возвратятся къ нему его силы.....
Скажите, что слышали вы отъ меня,
Кралевичу Марку!

«Гдѣ жъ, въ чемъ наша сила?
Единый источникъ силъ нашихъ есть свѣтъ;
Единая сила для насъ—просвѣщенье!
Силъ этихъ край русскій ждетъ тысячу лѣтъ,—
И кто сказать можетъ, что онъ ихъ не стоитъ?..
Но свѣтъ просвѣщенія входитъ въ страну
Столѣтьями. Край нашъ едва лишь воскреснулъ.
Мы нынѣ встрѣчаемъ его лишь весну;
Его благодатное лѣто далеко.
«То правда, вездѣ возрожденія кликъ,
Весь Западъ куда-то отважно стремится;
Старинный міръ палъ; новый свѣтъ каждый мигъ
Собой все тѣснѣе сближаетъ народы.
Кликъ этотъ,—не ярый крикъ дикихъ вождей,
Пришедшихъ съ мечемъ покорять себѣ царства;
Не кличь самовластный былыхъ королей
Иль гордыхъ вассаловъ и общинъ тяжелыхъ,
Трудившихся только для пользы своей,
Въ ущербъ пользъ народныхъ. Кликъ этотъ—не вспышка,
Не ревъ одуряющій черни слѣпой,
Неистовой, пьяной отъ дыма и крови;
Нѣтъ, это трудъ трезвый и голосъ живой
Всего человѣчества нашего вѣка,—
Движеніе стройное, подвигъ святой
Всего просвѣщеннаго міра Христова.
«Для новой Европы давно дни прошли
Вассаловъ и общинъ, соборовъ и папства;
Давно, и другіе у ней короли,
И силы, и власти. Міръ прежній закончилъ
Свой главный трудъ, двинувъ народы впередъ;
Для всѣхъ приближается время иное,—

Digitized by Google

Народы проснулись. У нихъ, въ свой чередъ,
Являются также свои убѣжденья.
«Они понимаютъ, что въ мірѣ живомъ,
Нѣтъ мѣста ни барству, ни роскоши жалкой,
Что точатъ и гложатъ, какъ червь, насъ кругомъ,—
И тянутъ къ обманамъ, къ насилью, къ разбою;
Ни этимъ, ненужнымъ странѣ, должностямъ,
Что духъ нашъ безплоднымъ гнетутъ честолюбьемъ,
Что насъ пригвоздили къ ничтожнымъ трудамъ,
И ввергнули общество въ лужу растлѣнья.
У нихъ нѣтъ сочуствья, ни къ страсти слѣпой
Крушенія, крови, раздоровъ, господства,
Ни къ жаждѣ болѣзненной, жаждѣ смѣшной,—
Лишь злата и злата, что въ насъ заглушила
Послѣднія чувства, и духъ нашъ живой
Моритъ за купеческимъ грязнымъ прилавкомъ.
Имъ нужны полезныя знанья и трудъ,
Свободное дѣло, кругъ честный семейный,
Общественный свѣтъ и общественный судъ,—
Судъ здравый, благой, свѣтъ вполнѣ христіянскій.
«Придутъ времена, что и самый богачъ,
Кого ненавидитъ такъ міръ современный,
На комъ вымѣщаетъ онъ гнѣвъ свой и плачь,
Кого міръ-народъ утѣсненный поноситъ,
Кому всѣ однако такъ искренно льстятъ,—
Что также и онъ будетъ въ жизни народной
Общественной силой,—и въ немъ ужъ сквозятъ
Поборникъ и двигатель силы всемірной!
«Міръ древній, міръ темный царей и рабовъ,
Тотъ міръ безъ народа, не могъ и помыслить
Достигнуть тѣхъ благъ, что свѣтъ новыхъ вѣковъ
Съ собою принесъ христіянскому міру;
А міръ современный,—міръ грубой войны,
Стѣсненныхъ народностей, міръ царедворцевъ
И розни сословной, у каждой страны
Имѣетъ свой собственный духъ и значенье;
Желаемый свѣтъ далеко не проникъ
Нигдѣ еще въ бытъ и въ смыслъ здравый народный;

Digitized by Google

Народъ совершенно еще не постигъ
Его благодѣтельной, царственной силы,—
И въ этомъ незнаньи не вѣдаетъ самъ
Своей всеобъемлющей, собственной силы;
Все это грядущимъ дано временамъ,—
И къ этому міръ современный стремится.
«Когда онъ достигнетъ, чрезъ сколько вѣковъ,
Какими путями,—того мы не знаемъ;
Но міръ нашъ не созданъ для робкихъ умовъ,
Нашъ міръ въ непрестанномъ, разумномъ движеньи,
Къ всеобщему свѣту,—не ждетъ никого,
Ни съ кѣмъ не вступаетъ безплодно въ условья;
При свѣтѣ,—и жизнь, и желанный успѣхъ; внѣ его,—
Могильный застой и безмолвіе смерти!

«Далеко ушелъ отъ насъ Западъ живой;
Межъ насъ стоитъ бездна,—рядъ цѣлый столѣтій!...
Столѣтья мы проспали въ тьмѣ гробовой;
Столѣтья, почти мы не сдѣлали шага....
Но это еще не причина, чтобъ намъ,
Проснувшись теперь, опустить опять руки:
Народы способны къ гигантскимъ трудамъ;
А гдѣ край свободенъ—тамъ близко развитье.
«Въ средѣ человѣчества паріевъ нѣтъ;
Всѣ божьими, всѣ нарекутся сынами;
И это и есть, вожделѣнный тотъ свѣтъ,—
Тотъ міръ благодатный, что ждутъ всѣ въ грядущемъ!
«Мы также стремимся къ нему въ наши дни;
Но какъ-то двоится онъ въ нашихъ понятьяхъ.
Учителей много, но чаще они
Насъ учатъ въ разрѣзъ съ направленьемъ народнымъ.
. . . . . .
. . . . . .
«А прежде всего, странѣ нужно людей,—
Не тѣхъ людей прежнихъ, что насъ обижали.....
Народъ ищетъ свѣта, мы ждемъ новыхъ дней,—
Намъ надобно также учителей новыхъ.
Вашъ родъ—родъ отжившій. Васъ знаетъ народъ

Digitized by Google

Не годы,—столѣтья. Вашъ родъ силенъ словомъ;
Но ваши слова народъ знаетъ впередъ.
Мы слышали всякихъ отъ васъ словъ довольно;
Давнымъ-давно жутко отъ вашихъ намъ словъ!
Народъ понимаетъ, быть можетъ, васъ лучше,
Чѣмъ вы себя сами; онъ сколько вѣковъ
Страдалъ и страдаетъ отъ вашихъ пороковъ,
Отъ роскоши вашей среди нищеты,
Отъ вашихъ обмановъ, неправды, невѣрья!..
Народъ голъ и босъ, ему нѣтъ могуты;
На васъ онъ потратилъ и хлѣбъ свой, и силы;
Но вы закоснѣли въ неправдѣ своей,
Вы тѣ же рабы все минувшаго рабства;
Средь васъ, для народа нѣтъ дѣльныхъ вождей,
Ни дѣльныхъ учителей дѣтямъ народнымъ;
Вамъ надобно вновь возродиться самимъ,—
Усвоить и выстрадать съ нимъ его нужды;
Народъ только вѣритъ лишь людямъ своимъ,—
Лишь въ нихъ онъ провидитъ вождей настоящихъ.
«Но мы вождей этихъ себѣ еще ждемъ,—
Такіе вожди лишь родятся въ народѣ.
Намъ скажутъ: кому жъ быть въ народѣ вождемъ?
А я говорю вамъ: настанетъ то время,
Вы будете сами народъ умолять,
Чтобъ далъ онъ въ вожди вамъ людей изъ народа.
Не знаемъ, вы скажете, что намъ начать!....
А онъ возразитъ: нѣтъ вождей вамъ въ народѣ, —
Зане отвратился Господь Богъ отъ васъ,—
Господь васъ отвергнулъ за ваше невѣрье,
За вашу продажность; уйдите отъ насъ,
Какъ вы насъ не знали, и мы васъ не знаемъ!....
«Вы видѣли,—вотъ онъ ужъ палъ, Вавилонъ,
Палъ городъ большой, что вѣка упивался
Виномъ любодѣйства; такъ съ этихъ временъ
Падетъ въ мірѣ все, что богамъ служитъ древнимъ:
Затѣмъ, что созрѣла въ немъ, мірѣ слѣпомъ,
Великая жатва его утѣсненій;
Весь ветхій міръ скоро пожнется серпомъ,

Digitized by Google

И вся его прелесть возьмется въ точило
Великаго гнѣва Господня.
«Приходитъ
Конецъ царства Звѣря, что столько вѣковъ
Давилъ и ломалъ и народы, и царства;
Предъ кѣмъ отцы наши и нашихъ отцовъ
Скрывались въ лѣсахъ и сжигалися въ срубахъ.
Народъ пробудился. Насталъ волчій вѣкъ
Божественныхъ сумерекъ новаго міра.
Померкнули боги, и самъ человѣкъ
Исполнился зависти лютой и злобы.....
Вездѣ безнадежность, насилье, развратъ,
Отчаянный, дикій споръ новаго съ старымъ,
У всѣхъ позади—мракъ безвыходный, адъ;
А что впереди?—Тамъ, одна неизвѣстность!
«Не тоже ли было, когда древній свѣтъ
Язычества таялъ въ лучахъ христіянства?....
Такъ точно нашъ міръ ждетъ двѣ тысячи лѣтъ
Отъ новаго свѣта, себѣ обновленья...
И духъ обновленія—съ перваго жь дня
Въ сей міръ льетъ невидимо новыя силы;
Онъ—огнь негасимый, онъ море огня,
Онъ все пожигаетъ, и вновь возрождаетъ
Въ странахъ и народахъ.
«Язычества тьма
Едва лишь разсѣялась: мы христіяне,
Но духомъ—язычники. Силой ума,
Безъ помощи Божьей, намъ нѣтъ возрожденья!
«Пока не исторгнемъ въ странѣ нашей мы
Тотъ духъ старовѣрства и всякихъ расколовъ,
До тѣхъ поръ все будетъ въ ней царствіе тьмы;
Пока Цинцинатомъ не будетъ Микула,—
До тѣхъ поръ останется сиднемъ Илья.....
«Отжившій міръ древній и міръ настоящій,—
Вотъ наши учители! Наша земля,
Хотя незамѣтно, но движется также
Во слѣдъ за другими....

Digitized by Google

«Несущая огнь обновленья, рѣка,—
Народъ говоритъ,—выжжетъ горы, раздолья
Стариннаго міра. Она ужъ близка...
Міръ мертвый воскреснетъ.... Но развѣ, скажите,
Въ томъ нѣтъ части правды: Мракъ сдѣлалъ свое,—
Земля потемнѣла отъ зла и пороковъ;
Но Богъ обмываетъ издавна ее
Безцѣнною кровью людей своихъ лучшихъ;
Они посвятили на то бытіе,
Они за то терпятъ и казнь, и гоненья;
Но Онъ размножаетъ ихъ, вѣщихъ людей...
Въ нихъ зрѣютъ судьи надъ тѣмъ міромъ отжившимъ,
Изъ нихъ бьетъ источникъ живой новыхъ дней;
Изъ малыхъ ручьевъ составляется море....
«Трубитъ не труба Михаила Архангела,
Грядетъ не Исусъ въ главѣ огненныхъ ратей,»—
Грядетъ, наконецъ, мой женихъ свѣтозарный,
Но имя отнынѣ ему,—имя: Свѣтъ!
«Онъ дастъ миръ землѣ, благоденствіе людямъ,
Народы найдутъ въ немъ любовь и совѣтъ;
Мечи онъ царей передѣлаетъ въ плуги,
А скипетры въ вѣтви оливы. Одинъ
Онъ можетъ отдать мнѣ сыновъ моихъ милыхъ,
Затѣмъ, что одинъ онъ земли властелинъ
И, слившися съ нимъ, я сама—духъ всемірный!...
«Но нынѣ, родные, хоть я и сильна,
Но край мой и бѣденъ еще, и невраченъ;
Подумать еще о себѣ я должна.
Народъ воскресаетъ,—но онъ не воскреснулъ;
Нашъ край еще полонъ языческой тьмы;
Его солнце съѣли чудовища рабства.
Живемъ въ волчій вѣкъ мы. Народъ нашъ родной
Страшитъ еще многихъ своимъ просвѣщеньемъ:
Мы только вступаемъ теперь въ міръ живой;
У насъ чуть свѣтаетъ великое утро...
Хотите ли видѣть?.. Идите за мной!
Я вамъ показать обѣщалась Микулу,—
И я покажу вамъ нашъ край, какъ онъ есть,

Digitized by Google

И духъ нашъ забитый, и этихъ чудовищъ,
Что гложутъ народъ и народную честь;
Но я покажу вамъ и близкое утро,
И міръ этотъ новый, куда мы идемъ;
Затѣмъ, что міръ нынѣшній есть міръ отжившій,
Міръ ветхій,—и я покажу вамъ потомъ
Его разрушенье!...

«Вы знаете сами,—
«При послѣднемъ будетъ при времени—
«Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо
«А кривда пойдетъ по всей землѣ!...» *)

●

Сказавъ это, Вана направилась къ двери,
И многіе также пошли вслѣдъ за ней.
Ставръ взялъ меня подъ руку; мы пошли рядомъ.
Но городъ исчезнулъ,—мы шли вдоль полей,
Одни,—по какому-то длинному мосту.
Вокругъ насъ лежала глубокая тьма,
Какъ Вана сказала; но свѣтъ, исходившій
Отъ Ваны, свѣтилъ намъ. Природа сама
Казалася дикой, больной, истощенной....
Нашъ мостъ то касался почти до земли,
То мы подымались куда-то все выше.
Подъ нами чернѣла равнина, тамъ шли
По ней также люди. Но тьма была всюду;
Вся даль утопала въ удушливой мглѣ,
Кой-гдѣ чуть виднѣлися тусклыя звѣзды;
Печально все было, мертво на землѣ....
Мы видѣли сверху,—народъ истомленный,
Народъ исхудалый, голодный, толпой
Смотрѣлъ съ нетерпѣньемъ на темное небо;
Но небо покрыто вездѣ было мглой!..
Одинъ просилъ хлѣба, другой просилъ свѣта,—
Кто съ бѣшенствомъ дикимъ, кто съ вѣрой слѣпой;
Но не было свѣта и не было хлѣба.

*) Народное преданіе о всеобщемъ развращеніи передъ кончиной міра. (См. прим. 19).

Digitized by Google

Духъ жизни подавленъ былъ страшною тьмой,
Какъ будто изсякнулъ свѣтъ солнца на небѣ,—
И не было утра. Какъ сонмы тѣней,
Блуждали подъ нами,—шли, ѣхали люди,
Неслися вагоны желѣзныхъ путей,
Свистѣли, пыхтѣли вдали пароходы....
Жизнь шла, какъ и прежде, своимъ чередомъ;
Но это, замѣтно, былъ міръ отживавшій,
Иль міръ ужь отжившій. Чуть двигались въ немъ
Послѣднія силы кончавшейся жизни;
А духъ новой жизни еще былъ во мглѣ,
И новыя силы рождалися туго;
Вездѣ неурядица шла по землѣ,
Нескладнѣй еще было въ мірѣ духовномъ....
«Когда жь взойдетъ солнце?» я Ставра спросилъ.
«Ты слышалъ?—сказалъ онъ. Его съѣло рабство,—
Тѣ хищные волки. Ты развѣ забылъ,
Что время затмѣній—ихъ лучшее время?...
Не смѣйся! Смѣшнаго нѣтъ въ этихъ словахъ.
То правда,—теперь, въ наши дни, мы не станемъ
Отъ страха въ своихъ запираться домахъ,
И, въ знакъ огорченья, стричь волосы дѣтямъ;
Теперь *невѣжды* (*и*) боятся одни;
А мы, мы привыкли къ подобнымъ явленьямъ,—
Мы знаемъ отколь происходятъ они;
Но темный народъ нашъ едва ль не правѣе!
Онъ видитъ, что меркнетъ вокругъ него свѣтъ;
Куда-жь дѣлось солнце? Его грызутъ волки,—
И кончено! Вотъ и тебѣ мой отвѣтъ,—
А тамъ разсуждай ты себѣ, какъ угодно!...» [28])

Однако народъ устремлялъ жадный взоръ
На темное небо, и ждалъ оттоль свѣта;
Одни на вершины карабкались горъ,
Другіе искали разсвѣта на крышахъ...
Ночь эта тянулась для всѣхъ безъ конца.
И солнце всходило, и солнце садилось,
Какъ маятникъ тусклый, какъ ликъ мертвеца,

Digitized by Google

Блуждая безъ свѣта по мертвому небу.
Стада истощенныя, съ ревомъ глухимъ,
Уныло бродили по пастбищамъ голымъ,
По тощимъ дубравамъ, по доламъ сухимъ,—
Понуро ревѣли, уставясь къ Востоку;
Тревожныя стаи проснувшихся птицъ
Безъ цѣли носились съ мѣста на мѣсто,
Иль тучами шумныхъ, густыхъ вереницъ,
Летѣли, Богъ знаетъ куда, въ отдаленье;
Голодныя подлчища хищныхъ звѣрей,
Какъ бы ободренныя общею тьмою,
Являлись безъ страха въ присутствьи людей,
И съ страшной отвагой врывались въ жилища....
Едва лишь держалася тонкая нить
Стариннаго склада общественной жизни;
Во мглѣ этой было нельзя отличить
Вблизи человѣка отъ хищнаго звѣря.
Невольно страшилъ всѣхъ шумъ самый пустой,
Иль воскликъ нежданный. Такъ сонная капля,
Ударясь о камень, въ пещерѣ глухой,
По ней раздается, какъ молотъ подземный.
Гнилой пень казался медвѣдемъ лѣснымъ,
Летучая мышь—чуть не хищной Горгоной;
Древесный сверчокъ пугалъ крикомъ своимъ,
Едва видный ровъ представлялся оврагамъ.....
Мошенники прятали ловко концы
Своихъ темныхъ дѣлъ; осторожные люди,
Тѣ шли стороной; удальцы и глупцы—
Толкались впередъ, наобумъ возвѣщая
Прямую дорогу. Какъ шумъ многихъ рѣкъ
Гудѣлъ въ темнотѣ человѣческій говоръ;
Прислушаться,—каждый тутъ былъ человѣкъ—
Пророкъ, обновитель, иль новый Мессіа;
У всякаго скрытъ былъ за пазухой свѣтъ,—
Лишь стоило только встряхнуть ему фалды;
Разобранъ научно былъ каждый предметъ,—
Но тьма все стояла, и не было свѣта!
Мы слышали жалобы съ разныхъ сторонъ:

Digitized by Google

Того обокрали, другаго убили,
Одинъ слетѣлъ въ пропасть, другой обойденъ
Своими, иль брошенъ безъ помощи въ мракѣ;
Тамъ лѣзли къ кому-то отважно въ карманъ,
Здѣсь звали на помощь, тутъ шла чья-то драка,
Кто чуть влачилъ ноги, кто былъ совсѣмъ пьянъ,—
Но всѣ, хоть и ощупью, шли другъ за другомъ.

Жизнь также кипѣла, какъ прежней порой,—
Но не было свѣта. Таинственный сумракъ
Лежалъ той же сѣрой, сѣдой пеленой,
По селамъ, полямъ, городамъ и дорогамъ....
И чѣмъ-то ужь страшнымъ казалась вдали
Живая, разумная рѣчь человѣка,—
И самое это движенье земли,
Замкнутой во мглѣ и невидящей свѣта.
Вотъ оргія гдѣ-то; а тамъ, вдалекѣ
Несутся вагоны, свистятъ паровозы,
Движенье и говоръ по темной рѣкѣ,
Какія-то тѣни чуть бродятъ по нивамъ;
Гулъ прежній и грохотъ въ большихъ городахъ,
Веселый разгулъ по голоднымъ деревнямъ,
Вседневная нужда, забота въ глазахъ,
Но та же безпечность во всемъ, торопливость,—
И таже мгла всюду..... Но это вѣдь сонъ!
Я думалъ. Давно, должно быть, разсвѣтало;
Жизнь рвется наружу; со всѣхъ ужь сторонъ
Несутся какіе-то смутные клики.....
Иль это такъ кажется? Или законъ
Обычный природы совсѣмъ измѣнился?..
Всего больше вѣрили слухамъ пустымъ;
Вдругъ все невозможное стало возможнымъ....
Съ ребяческой жаждой, съ довѣрьемъ слѣпымъ,
И взрослыя дѣти, и старцы, искали
Нелѣпѣйшихъ сплетенъ, утопій смѣшныхъ,
Какъ будто вверхъ дномъ обернулась вселенна,—
И даже тьма эта, по мнѣнью иныхъ,
Должна называться была теперь — свѣтомъ.

Digitized by Google

Ужасна привычка! Къ чему человѣкъ
Не можетъ привыкнуть? Прошло длянась время
Тяжелаго рабства, прошелъ страшный вѣкъ
Кроваваго мрака,—а жили же люди!...
Одни предвѣщали за что-то войну,
Съ царями, властями сосѣднихъ народовъ;
Другіе вверхъ дномъ становили страну;
Инымъ ужь мечтались фаланстеры, братства.
Особенно всѣхъ тяготила семья,—
Безвыходный этотъ кругъ, полный заботы!
У всѣхъ на умѣ была личность своя,—
Но всѣ толковали про общее дѣло.
Семья и наука, народъ и расколъ,—
Все было обсужено. Главнаго только
Ихъ умъ избѣгалъ,—что виною всѣхъ золъ.
Была эта тьма, этотъ длившійся сумракъ?....

Мы все это слышали изъ глубины,
Тянувшейся въ мракѣ подъ нами, равнины;
Межь тѣмъ съ поднебесной почти вышины,
Какъ бы съ облаковъ, на насъ гордо смотрѣли
Какія-то чудныя зданья,—одно
Чудеснѣй другаго,—не то древни храмы,
Не то тѣ кутины, что были давно
Втѣстилищемъ древнихъ народныхъ собраній
И пьяныхъ ихъ пиршествъ.
«Васъ это дивитъ?
Насъ Вана спросила. Вы видите,—это
Дѣйствительно храмы; но что поразитъ
Васъ больше еще,—въ нихъ приносятся жертвы
Досель человѣческія! А вонъ тамъ,
Въ сіяющихъ этихъ старинныхъ кутинахъ,
Столь древле любезныхъ славянскимъ богамъ,
Шумитъ и понынѣ разгулъ тѣхъ же оргій;
Съѣдаются тутъ милліоны,—летятъ
Тутъ на вѣтеръ честь, красота, состоянья;
Но дѣлъ здѣсь не дѣлаютъ,—только хотятъ
Убить какъ нибудь безполезное время....

Digitized by Google

Все это, тотъ міръ отживающій,—мгла
Еще не совсѣмъ разсвѣтавшаго утра»....

Мы снова спустились. Насъ Вана вела,
Опять той же самою плоской равниной.....
Мы шли по какимъ-то большимъ городамъ,
И слышали крики тамъ: свѣта намъ, свѣта!
Мы шли по пустыннымъ, глухимъ деревнямъ,
И слышали вопли тамъ: хлѣба намъ, хлѣба!
Одни выбѣгали съ лучинами къ намъ,
Другіе стояли, какъ тѣни, во мракѣ;
Мы имъ высыпали всѣ деньги свои,—
Они денегъ не брали; мы имъ казались
Послами антихриста; мы къ нимъ пришли,
Они говорили, чтобъ взять ихъ семейства
И тощую землю опять въ кабалу.
Они чуть успѣли вздохнуть лишь свободно,
Какъ небо наслало на нихъ эту мглу,—
Ни свѣта, ни воли, ни денегъ, ни хлѣба...
Чтожь будетъ потомъ? Чѣмъ ихъ Богъ оградитъ
Отъ нуждъ еще новыхъ, отъ смерти голодной?
Когда же благодатный имъ свѣтъ возблеститъ?
Когда же окупится трудъ ихъ тяжелый?...
Тутъ странное зрѣлище заняло насъ:
Шесть-семь человѣкъ, на плечахъ ихъ, тащили
Соломенку.... Схватятъ всѣ семеро вразъ,
Пройдутъ шаговъ десять, и снова присядутъ.
—Что это такое?—я Ставра спросилъ.
«А помнишь—предъ самой кончиною міра,
Какъ солнце померкнетъ, отъ мнѣ возразилъ,
И тьма, какъ теперь воцарится въ народѣ;
Тогда въ немъ такъ мало останется силъ,
Что взрослые семь человѣкъ едва смогутъ
Соломенку вмѣстѣ на плечи поднять.
Въ началѣ вселенной былъ вѣкъ богатырскій,—
Его чуть земля была въ силахъ держать;
Затѣмъ, былъ вѣкъ Пыжиковъ,—я полагаю,
То самый недавній, ближайшій къ намъ, вѣкъ;

Digitized by Google

А вотъ и вѣкъ Туживовъ!... Кажется, больше
Не можетъ умалить себя человѣкъ.
Теперь—или смерть, или свѣтъ возрожденья!..» *)

«Взгляните! Здѣсь нуженъ еще Прометей,—
Чтобъ свѣтъ внести ясный! прервала насъ Вана.
Но мы подошли ужь къ вратамъ новыхъ дней,—
Незримыя силы духовнаго міра
Работаютъ дружно надъ міромъ земнымъ.
Ненужное падаетъ самo-собою;
Ночь къ свѣту идетъ. За туманомъ густымъ
Свѣтаютъ дни новые. Духъ обновленья
Течетъ рѣкой огненной, жжетъ и крушитъ
Остатки язычества,—касты, расколы,
Утопіи, войны, раздоры; миритъ
Народы враждебные, топитъ ихъ распри,
Сближаетъ сословья, ровняетъ права,
Коробитъ и гонитъ старинную роскошь...
Не думайте,—это лишь только слова!
Вы узрите скоро незримое многимъ.
Вы видите царствіе ночи глухой,—
И скоро увидите страшную распрю
Вступающей жизни и жизни былой,
Что въ дикомъ безсильи, сама безвозвратно
Себя разрушаетъ,—и крикъ боевой,
Послѣдній, предсмертный крикъ прежняго міра,
Кого затопляетъ со всѣхъ ужь сторонъ
Рѣка эта грозная... Но не смущайтесь
Вы этимъ видѣньемъ! Съ древнѣйшихъ временъ
Она невидимо течетъ по вселенной!..»
И точно, я видѣлъ, покуда мы шли,—
То будто мгновенный блескъ яркой зарницы,
То зарево словно сіяло вдали.
И вновь погасало въ глубокомъ туманѣ...
Вотъ опять блеснуло пламя,—
Небо вспыхнуло кругомъ,

*) См. ниже примѣч. 32.

Digitized by Google

Будто огненное знамя
Распахнулося по немъ.
Ярко зарево взыграло
На концѣ сѣдыхъ небесъ,—
Съ неба на землю упало
И покрыло долъ и лѣсъ...
Гдѣ жь пожаръ? Никто не знаетъ.
Тамъ,—далеко! Небосклонъ
Гдѣ-то пламенемъ сверкаетъ,
Жаръ и смрадъ со всѣхъ сторонъ;
Но земля покрыта мглою,
Все безмолвно и темно,
Лишь багровой пеленою
Въ мракѣ зарево легло...

Но мы съ Ставромъ видѣли въ темной дали
Причину, чудеснаго многимъ, явленья:
Изъ тьмы, погруженной въ ночной мракъ, земли
На насъ шли какъ будто горящія волны,—
И этотъ потокъ жегъ дыханьемъ своимъ
Высокія горы, лѣса и раздолья;
Большіе дома исчезали подъ нимъ,
А крѣпкія выси равнялись съ землею.
Потокъ поглощалъ также многихъ людей;
Но люди какъ будто того не видали...
Жизнь шла, какъ и прежде, чредою своей,
И тотъ же мракъ прежній царилъ все надъ нами.

Потомъ, я увидѣлъ еще вдалекѣ,—
Невѣдомый ангелъ влачилъ длинный неводъ,
И неводомъ этимъ въ горящей рѣкѣ
Ловилъ онъ людей, -и великихъ, и малыхъ.
Онъ ихъ оставлялъ на пустомъ берегу,—
Но какъ я замѣтилъ, ихъ было немного,—
И снова забросивъ свой неводъ въ рѣку,
На берегъ вытаскивалъ новую тоню...
«Что это такое?» я Ставра спросилъ.
«А это, ты видишь, рѣка очищенья!
Сказалъ онъ. Потокъ этотъ огненный былъ

Digitized by Google

Однимъ изъ путей въ міръ таинственный Смерти,—
И нынѣ уноситъ тѣхъ мертвыхъ людей,
Что только считаются между живыми,
Но блѣдной, безплодною жизнью своей
Похожи на мертвыхъ; а свѣтлый тотъ ангелъ,—
Одинъ изъ старинныхъ какихъ-то боговъ.
Онъ неводомъ ловитъ прозрѣвшія души
Въ огнѣ очищенія,—тѣхъ мертвецовъ,
Въ комъ свѣточъ еще не погасилъ духовный,
И тѣхъ, что очистились въ этомъ огнѣ;
Какъ помнишь ловили какіе-то боги,
Навѣрно, извѣстные всей старинѣ,
Клубки золотые и свѣтлыя искры
Небеснаго пламени, что съ облаковъ
Разсыпалось въ воды воздушнаго моря,
Когда нимфа рѣзвая буйныхъ вѣтровъ
Качала его въ золотой колыбели,
И гнулась небесная кровля подъ нимъ.
Ты видишь,—преданье смѣняетъ преданье,
Вѣкъ новый питается вѣкомъ былымъ;
Распутай же хитрый ихъ гордіевъ узелъ! [29])

Межь тѣмъ въ отдаленныхъ какихъ-то горахъ
Вставали какія-то грозныя тѣни;
Онѣ приближались,—однѣ на коняхъ,
Другія же пѣши....
Проѣхалъ удалый юнакъ Марко Кралевичь,
Проѣхалъ нашъ русскій Илья богатырь,
Проѣхалъ Венцелій съ богатырями чешскими,
Проѣхалъ Святополкъ изъ Моравіи,
Проѣхалъ Стенька Разинъ съ Жегулевскихъгоръ,
Проѣхали многіе богатыри древніе,
Ни мнѣ, ни Ставру богатыри неизвѣстные.....
«А это—тѣ самые богатыри,
Что въ разныхъ мѣстахъ спятъ славянскаго міра,
И только проснутся при свѣтѣ зари
Дней новыхъ вселенной! сказалъ мнѣ Годинычь.
Ты видишь, насъ вѣщая Вана ведетъ

Digitized by Google

Тѣмъ старымъ путемъ, что сложился въ народѣ.
Къ несчастію, нашъ еще темный народъ
Надѣется этимъ путемъ выдти къ свѣту.
Путь этотъ глухой онъ себѣ проложилъ
Въ безплодной борьбѣ еще древле съ богами,—
Тутъ есть отпечатокъ языческихъ силъ,
Тутъ есть и вліяніе дней христіянства.
Сектаторы наши избрали его
Для темныхъ, безплодныхъ своихъ лжеученій;
Но онъ не научитъ теперь никого, —
Конецъ его близокъ!».... [30])

Мы шли все впередъ,
Опять въ новой мѣстности, мнѣ незнакомой.
Вокругъ насъ, я слышалъ, шелъ также народъ;
Гудѣлъ гдѣ-то колоколъ, мѣрно колебля
Густымъ своимъ звукомъ мракъ ночи глухой.
Мы шли на его теперь вѣщіе звуки,
Иль лучше, мы шли вмѣстѣ съ общей толпой,
Что шла очень спѣшно, какъ видно, туда же;
А благовѣстъ все раздавался слышнѣй.
Нигдѣ не свѣтало. Вкругъ насъ и предъ нами
Все явственнѣй слышался говоръ людей;
По мраку мелькали какія-то тѣни,
Однѣ пробѣгали впередъ мимо насъ,
Другія шли сзади; а колоколъ мѣрно
Гудѣлъ впереди...«Но куда жь, въ этотъ часъ,
Онъ насъ призываетъ?».. невольно я думалъ.
Опять раздались въ отдаленьи свистки,
Послышался будто-бы стукъ паровозовъ,
Вдали гдѣ-то шли невидимки-полки,
И глухо гремѣли колеса орудій.....
Мы даже наткнулись на нихъ въ темнотѣ;
Но эти полки скоро насъ миновали.
Мелькнули знамена,—однако не тѣ,
Что мы въ наше время привыкнули видѣть,
Но съ ликами Спаса и разныхъ святыхъ,
Похожія больше на древніе стяги.

Digitized by Google

Толпы все росли. Мы ужъ шли среди нихъ;
Повсюду шумѣлъ человѣческій говоръ,
А колоколъ громче гудѣлъ все вдали.
Но вотъ, мы пошли по какимъ-то предмѣстьямъ,
Какъ будто московскимъ,—иль лучше, не шли,
Но насъ уносили народныя волны.
Вкругъ насъ замелькали кресты,
Дворы, огороды, углы переулковъ,
Глухія площадки, гнилые мосты...
На окнахъ горѣли зажженныя свѣчи;
На насъ напирала толпа за толпой;
Вдали гремѣлъ грохотъ глухой экипажей;
Но городъ объятъ былъ глубокою тьмой,—
Лишь въ небѣ, надъ нами, скоплялися тучи.
Куда жь это шли мы? Чего кто хотѣлъ?
Куда неслись эти народныя волны?....
Но вотъ, вдали кто-то протяжно запѣлъ,
И въ мигъ подхватили толпы во весь голосъ:
«Растворилися седьмыя небеса,
«Сокатилися златыя колеса,
«Золотыя, еще огненныя.
«Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
«Нашъ батюшка покатываетъ,
«Утверждаетъ онъ святой Божій законъ».
«Тутъ, кажется, нечего мнѣ разъяснять?
Воскликнулъ Годинычъ. Ихъ вѣщая пѣсня
Даетъ о себѣ издалека всѣмъ знать.
Но ты видишь ясно, они ожидаютъ
Себѣ также свѣта, отъ новыхъ христовъ
И всякихъ пророковъ. Свѣтъ нуженъ повсюду.
Его ждутъ вездѣ, только каждый изъ насъ
Его ждетъ по своему. Чудное время!
И думать, что можно все сдѣлать заразъ!...
А это вотъ видишь?...»
Я поднялъ взоръ къ верху:
Надъ нами летѣлъ, очень близко къ землѣ,
Воздушный корабль,—а на немъ вѣялъ парусъ,
Какъ черно-орлино перо. Въ темной мглѣ

Digitized by Google

Чудесный корабль имѣлъ видъ привидѣнья;
На немъ и стояли одни мертвецы.
Потомъ принялъ образъ громовой онъ тучи,
И скрылся во мракѣ.
«И наши отцы,
Сказалъ мнѣ Годинычъ, имѣли, какъ знаешь,
Корабль свой воздушный. Онъ искони дней
Отъ нихъ увозилъ грузы предковъ усопшихъ.
У нашихъ сосѣдей *)—корабль изъ ногтей,
Ногтей человѣческихъ, долженъ явиться,
Съ его грузомъ мертвыхъ, въ послѣдніе дни.
Который изъ двухъ теперь проплылъ надъ нами?—
Не знаю; но явно, что оба они
Имѣютъ въ преданьяхъ одно назначенье.
И этотъ корабль, можетъ статься, несетъ
Своихъ мертвецовъ на послѣднюю битву.
Вѣдь вѣрилъ же древле славянскій народъ,
Что мертвыя души его, вѣдогони,
Сбирались сражаться съ врагами страны
И съ личными ихъ родовыми врагами....
Но мы скоро выйдемъ изъ тьмы старины!
Смотри, вотъ свѣтаетъ».... [31]).
И точно, казалось,
Вдали сводъ небесный замѣтно яснѣлъ.
По немъ обозначились полосы свѣта;
Онѣ раздвигались,—Востокъ заалѣлъ
Развѣтомъ весенняго, чуднаго утра.
Предъ нами, какъ будто изъ нѣдръ золотыхъ
Воздушнаго моря, сіяя всплывали
Гряды облаковъ. Небо рдѣло вкругъ нихъ;
Заря загоралась во всемъ ея блескѣ....
Но вкругъ насъ стояла все прежняя мгла,
Неслись грозовыя, багровыя тучи;
Какъ будто, ревниво еще стерегла
Угрюмая Ночь свое ветхое царство....
Кой-гдѣ засіяли кресты на церквахъ;

*) У скандинавовъ, по ихъ мифологіи. Смотр: прим. 31.

Мѣстами означились села, деревни;
Блеснули суда на широкихъ рѣкахъ,
Зеленые долы, цвѣтущія нивы;
За ними открылась широкая даль,—
Пахнуло на насъ благодатнымъ приволемъ;
Казалось, въ мѣстахъ тѣхъ безвѣстна печаль,
А жить должны только счастливые люди....
«Теперь, вотъ нашъ путь,—туда,—прямо на свѣтъ!
Сказала намъ Вана. Прямой путь, открытый!....
Не надобно новый прокладывать слѣдъ;
Божественный свѣтъ самъ идетъ намъ навстрѣчу.
Казалось бы, какъ намъ туда не дойти;
Но много враговъ и напрасныхъ блужданій
Насъ ждетъ и на этомъ открытомъ пути.
Міръ прежній нескоро уступитъ дорогу
Народному свѣту!»..,
Межь тѣмъ, мы все шли.
Она впереди шла; а мы шли за нею.
Но свѣтъ и блескъ дальней зари не могли
Разсѣять надъ нами висѣвшаго мрака.
По мѣрѣ того, какъ свѣтало вдали,—
Глубокій туманъ, облака, мгла ночная,
Лѣса и дубравы, и выси земли,
Вкругъ насъ принимали видъ темныхъ чудовищъ.
Воздушное море, земля, небеса,
Наполнились стаей волковъ, волкодлаковъ;
Намъ слышался сверху ихъ ревъ, голоса,
Какъ вѣтеръ, гудѣвшіе прямо надъ нами....
«Вы видите, вотъ онъ восходитъ, царь дня!
Ему имя Солнце; онъ свѣтъ просвѣщенья,—
Сказала намъ Вана. Не рѣки огня,
Не мечь, онъ несетъ намъ,—но миръ благодатный.
Спокойно и мирно идутъ къ намъ они,
Благіе предвѣстники свѣтлаго утра,
И мирно несутъ намъ великіе дни,
Для всѣхъ наступившаго насъ, возрожденья.
Но чудища эти хотятъ поглотить
Всходящее солнце: имъ страшенъ свѣтъ Божій;

Digitized by Google

Они не хотятъ никому уступить
Владычества ихъ на землѣ, еще темной.
Но такъ всегда было! Не разъ, проблеснуть
Лучи благотворные краснаго солнца;
Какъ чудища эти его ужь грызутъ
И кровью его обагряютъ и небо,
И темную землю. Но конченъ ихъ пиръ!
Возстанутъ живой міръ и мертвый,—и люди
Познанья, и мертвый народный нашъ міръ;
Падутъ устарѣлыя, тусклыя звѣзды,
Растаетъ ратъ этихъ чудовищъ ночныхъ
Отъ дивнаго свѣта, и ясное солнце
Взойдетъ надъ вселенной!»...
Какъ бы въ подтвержденье своихъ вѣщихъ словъ,
Она указала намъ снова на небо:
На мѣсто, сіявшихъ сейчасъ, облаковъ
И свѣтлой зари наступавшаго утра,
Тамъ сонмы неслись лучезарныхъ духовъ,—
И свѣтъ исходилъ отъ ихъ чуднаго блеска.
Онъ гналъ духовъ мрака.
Но воинство ихъ,
Замѣтно росло,—и опять заслонило
Блеснувшій свѣтъ утра. Изъ тучь грозовыхъ
Вдали раздались громовые раскаты,
Настали вновь сумерки. Трепетъ глухой
Объялъ всю природу. Во тьмѣ раздавался
Вой дикихъ звѣрей...Тьма густѣла. Близь насъ
Какое-то смутное было движенье.
Мы Вану совсѣмъ потеряли изъ глазъ;
Сгустившійся сумракъ закрылъ ея образъ.
Мы двигались въ Ставромъ однако впередъ;
Но чудное зрѣлище насъ приковало
На мѣстѣ. Чудовищный волкъ Самоглотъ,
Разинувши зѣвъ на всходящее солнце,
Уперъ одну челюсть въ небесный онъ сводъ,
Другую спустилъ въ преисподнія бездны,
Какъ будто хотѣлъ поглотить бога дня...
Въ тожь самое время, во мглѣ отдаленья,

Digitized by Google

Сверкнули на насъ, какъ два яркихъ огня,
Глазища кромешнаго, страшнаго змія.
Изъ пасти его, какъ изъ бездны глухой,
Клубилось волнами кипящее пламя;
Оно неслось огненной, красной рѣкой,—
И жгло, и палило, и небо, и землю. [32]).
Земля, вода, воздухъ, все было въ огнѣ.
Какъ листья сухія посыпались звѣзды.....
Мы какъ-то держались еще въ сторонѣ.
Ставръ что-то кричалъ мнѣ,—но я едва слышалъ.
Повсюду кипѣла крушенья рѣка,
Толпами бѣжали и звѣри, и люди,
Какъ будто незримая чья-то рука
Сметала съ земли ихъ... Земля уходила
У насъ подъ ногами.... Во слѣдъ за огнемъ,
Неслись горы волнъ разъяреннаго моря.
Багровый туманъ висѣлъ въ мракѣ сѣдомъ;
Огонь всекрушающій сражался съ водами...

. . . . . .
. . . . . .

Мы вновь очутились въ Москвѣ, предъ Кремлемъ;
Народныя волны внесли насъ на площадь...
Весь Кремль освѣщенъ былъ и густо покрытъ
Безсчетной толпою. Дворцы и соборы,
Вся площадь, имѣли совсѣмъ другой видъ;
А Кремль мнѣ казался такъ чудно-обширнымъ,
Что я не могъ видѣть предѣловъ его.
Всѣ зданья и стѣны его подымались
Въ огромныхъ размѣрахъ; но больше всего
Меня поразило величіе храмовъ,
Главой достигавшихъ почти облаковъ.
Вокругъ насъ все было покрыто народомъ;
Мы видѣли съ Ставромъ лишь море головъ,—
А колоколъ громко гудѣлъ въ поднебесьи.
На свѣтломъ, большомъ возвышеньи,
Сидѣлъ кто-то въ бѣлой, широкой одеждѣ.
Главой достигалъ онъ, казалось, до неба,

Digitized by Google

Но вкругъ него было все съ нимъ соразмѣрно;
Кремлевскія, бѣло-зубчатыя стѣны
Раздвинулись также, и были чуть видны.
На красныхъ ступеняхъ того возвышенья
Стояли какіе-то странные люди,—
Одни строго-постные, въ длинныхъ одеждахъ,
. . . . . .
. . . . . .
Но не было тутъ ни таинственной Ваны,
Ни нашихъ гостей, ни богатырей древнихъ,
Ни даже Микулы....
«Свершается праведный судъ надъ землей!
Сказалъ кто-то возлѣ меня. Дождались!
Господь умилился надъ нашею тьмой,—
Даетъ намъ свѣтъ новый!..»

Но что тамъ свершалось, мнѣ было не видно.
Я слышалъ лишь грохотъ и трескъ надъ собой.
Все небо горѣло. Въ воздушныхъ пространствахъ
Шла страшная битва межь свѣтомъ и тьмой.
Невѣдомый богъ иль небесный архангелъ
Сражался съ ужаснымъ дракономъ; другой,
Въ златой колесницѣ, громилъ чудищъ мрака
И страшнаго волка. Сонмъ свѣтлыхъ духовъ
Гналъ рать темныхъ силъ....
Чрезъ глухія отверзтья
Разсѣвшихся стѣнъ, черезъ море головъ,
Взглянулъ я еще на окрестность и городъ.
И тамъ все горѣло...Свистъ бури и ревъ
Слились въ глухой гулъ, вмѣстѣ съ крикомъ народнымъ....
Но мѣстами были видны
Сонмы блѣдные людей;
Жизнь не кончила безстыдной,
Дикой оргіи своей.
Кто въ тоскѣ ломаетъ руки,
На себѣ рветъ волоса,
Кто невнятные лишь звуки
Шепчетъ, глядя въ небеса.

Digitized by Google

Кто въ бреду иль въ опьянѣньи,
Въ помощь смерть себѣ зоветъ,
Кто въ слѣпомъ остервенѣньи
Небо грозное клянетъ....
Тамъ шумъ пляски, дикій топотъ,
Женскій визгъ, вчерашній пиръ,
Иль отчаянія ропотъ,
За себя, за прежній міръ.
Здѣсь страстей всѣхъ ликованье,
Вопли жертвъ, крикъ палачей,
И грабежъ, и злодѣянья,
Плачь дѣтей и матерей....
Въ храмахъ мерзость запустѣнья,
Ликъ скрылися святыхъ,
Вмѣсто прежняго служенья
Тамъ пріютъ духовъ ночныхъ...
Ставръ снова вричалъ мнѣ, но я не слыхалъ.
Я видѣлъ одно лишь,—палящія волны
Горящей рѣки шли на насъ. Кремль стоналъ
Подъ ихъ всекрушащимъ напоромъ. Ихъ пламя
Сверкало на площадь, сквозь трещины стѣнъ;
Насъ жгло и палило удушливымъ вихремъ;
Подъ нами былъ пепелъ почти до колѣнъ;
Вокругъ насъ ревѣла ужасная буря;
И храмы, и зданья,—все было въ огнѣ;
Въ ихъ окна сквозило багровое небо,
Ихъ главы сверкали. Я былъ какъ во снѣ...
Все крушилось передъ нами.
Стаи птицъ, то здѣсь, то тамъ,
Какъ съ подбитыми крылами,
Прямо падали къ ногамъ.
Звѣри, ящеры и гады,
Выходцы подземныхъ норъ,
Задыхаяся отъ жажды,
Изъ лѣсовъ полали и горъ,
И бродили, какъ шальные,
По трепещущимъ толпамъ,

Digitized by Google

Змѣи вились, какъ ручныя,
Вверхъ по платью и ногамъ....
. . . . . .
. . . . . .

Тутъ огненный вихрь пролетѣлъ предо мною;
Я больше не помню, что было потомъ...
Мы съ Ставромъ очнулись въ обширномъ пространствѣ;
Вкругъ насъ неслись тучи, гремѣлъ страшно громъ,
Шумѣли потоки весенняго ливня,
Блескъ молніи яркой слѣпилъ мнѣ глаза;
Мы были все въ томъ же глубокомъ туманѣ,—
Воздушное море, земля, небеса,
Сливались въ одну безпредѣльную бездну.
Мнѣ слышались чьи-то во мглѣ голоса;
Вдали будто шла исполинская битва
Стихійныхъ титановъ... Раскаты громовъ,
Звукъ трубъ, потрясали взволнованный воздухъ;
Изъ мглы отдаленья, въ грядахъ облаковъ,
Опять показался корабль съ мертвецами,
Бросая тѣнь черныхъ своихъ парусовъ
На волны тумана...
Изъ земли, изъ мрачной сѣни
Нѣдръ подземныхъ, изъ гробовъ,
Подымалися, какъ тѣни,
Сомны также мертвецовъ.
Растворились врата бездны,
Выходъ Геллы, мрачный адъ;
Вѣкъ чугунный, вѣкъ желѣзный,
Смерть, темницы и булатъ,
Міръ минувшаго, міръ мертвый,
Воздухъ, суша, глубь морей,
Отдавали назадъ жертвы,
Прахъ исчезнувшихъ людей...
Я не зналъ, гдѣ мы, что съ нами,—
Въ мірѣ грезъ иль на землѣ;
Все вокругъ насъ и мы сами
Утопали въ темной мглѣ;

Digitized by Google

Мракъ глухой былъ полонъ кликовъ,
Чудныхъ образовъ живыхъ,—
То блестящихъ, свѣтлыхъ ликовъ,
То видѣній гробовыхъ.
Прежній свѣтъ былъ въ разрушеньи,
Смерть кончала страшный пиръ;
Всѣ стихіи, въ опьянѣньи,
Провожали павшій міръ
Дикимъ воемъ урагана;
А горящею рѣкой
И волнами океана,
И крутящеюся мглой,
Мимо насъ несло обломки
Міра павшаго,—царей,
Какъ ихъ помнили потомки,
И безчисленныхъ людей...
Мракъ рѣдѣлъ. Кой-гдѣ мѣстами
Прояснялся міръ земной;
У меня передъ глазами
Міръ былъ мертвый и живой...
Жизнь минувшая кончалась;
Міръ невѣдомый вставалъ,
Жизнь другая начиналась;
Но какая,—я не зналъ!...

«Смотри! Вотъ отнынѣ учители наши!
Сказалъ мнѣ Годинычъ. Мы вышли съ тобой
Изъ мертваго міра теперь въ настоящій,—
Въ міръ жизни и свѣта. Вотъ міръ весь былой
И міръ современный! Тутъ нить всѣхъ событій,
Тутъ весь кругъ развитія жизни земной,
До нашихъ временъ,—пантеонъ, свѣтъ всемірный!
Вотъ наши учители! Только чрезъ нихъ
Мы можемъ избрать для себя направленье,
Избѣгнуть паденій и золъ роковыхъ,
И сдѣлаться лучшими, чѣмъ они были!...
Ихъ надобно было для насъ воскресить,
Чтобъ образы ихъ прошли снова предъ нами.

Digitized by Google

Господь разсудитъ ихъ. Мы будемъ судѣть
Лишь то, что ко благу минувшихъ народовъ
Они совершили!»...

Но я сперва не понималъ,
И кто, и что мнѣ говорили....
Я весь былъ зрѣнье,—я не спалъ,
Но мысль и умъ во мнѣ бродили,
Какъ въ обаяньи смутномъ сна.
Предъ нами волны уносили
Народы, царства, племена....
А подъ нами выплывала,
Гласу Божьему внемля,
Зеленѣла и сіяла
Будто новая земля...

Digitized by Google

Пѣснь 10-я.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА ВАНЫ.

,,Исполини же бяху на земли во дни оны....Тіи бяху исполини, иже отъ вѣка, человѣцы именитіи".
(*Бытія, глав: 6, ст: 4, 5, 6).*

Идите, народы отжившей земли!
Несите прочь образы ваши отсюда!
Но прежде откройте намъ тайны свои,—
Что вы совершили для божьей вселенной!..
Скажите, властители, боги, цари,—
Чѣмъ ваша держалась могучая сила?
А вы,—вы, герои и богатыри,—
Чѣмъ вы заслужили всемірную славу?..
Кто міръ погрузилъ въ долговѣчную мглу?
Кто ввергнулъ народы свободные въ рабство?
Кто гналъ отъ нихъ свѣтъ, кто потворствовалъ злу?
Кто именемъ правды въ нихъ сѣялъ неправду,—
Во имя благъ міра, косилъ ихъ мечемъ?...
«Насталъ твой конецъ, о міръ ветхій, міръ прежній!
Разрушенъ до тла ты небеснымъ огнемъ,
Омытъ ты, какъ дѣва, въ волнахъ океана,
И скрылся во мракѣ отъ насъ гробовомъ.
Мы ждемъ и встрѣчаемъ теперь людей новыхъ!..»

Digitized by Google

Такъ Ставръ предо мной громогласно кричалъ,
Какъ древній титанъ иль туманный духъ бури,
Изъ мглы этой ночи....
«О еслибы міръ прежде зналъ,
Что въ жизни каждаго народа
Свобода—свѣтъ, а свѣтъ—свобода;
Давно бъ высоко міръ стоялъ!
Но міръ нашъ чтилъ всегда Ваала...
Онъ продолжалъ. И свѣтъ насъ ждетъ
Пока—лишь въ видѣ идеала...
Пускай! И это шагъ впередъ!
Но современные народы
Давно провидѣли вдали,
Что благо каждой ихъ земли
И цѣль главнѣйшая свободы,—
Во многомъ сходны межъ собой,
Что всѣ они семьи одной.
«Давно кумиромъ сталъ народнымъ—
Не фанатизмъ, не блескъ побѣдъ;
Но человѣкъ съ умомъ свободнымъ,
И просвѣщенья дивный свѣтъ.
Давно, и братство, и равенство,
Понятны намъ,—какъ идеалъ,—
Какъ высшій образъ совершенства,
Что свѣтъ Христовъ намъ указалъ.
Къ нимъ, приближаясь, исполняемъ
Мы только христіянскій долгъ;
Мы это чувствуемъ, мы знаемъ;
Но древній міръ,—онъ знать не могъ!
«Язычество, что постигало
Лишь грубой силы красоту,—
Не понимало высоту
Того святаго идеала.
Тамъ міръ тирановъ и рабовъ,
Но не было еще народа;
Тамъ высшая была свобода—
Лишь въ облегченьи отъ оковъ.
Тамъ, всякая страна—помѣстье

Digitized by Google

Боговъ безсмертныхъ и царей.
Въ тотъ вѣкъ, свобода—верхъ нечестья!
Юпитеръ иль Ваалъ—скорѣй
Простили бъ смертымъ преступленье,
Чѣмъ духа вольнаго движенье;
И благородный Прометей
Слылъ самымъ грѣшнымъ изъ людей!
«Міръ древній многихъ поражаетъ
Величьемъ дерзостнымъ своимъ;
Но высшій умъ онъ возмущаетъ
Своимъ терпѣніемъ слѣпымъ.
Чѣмъ власть земная или сила
Внушаютъ зависть или страхъ,—
Богатство, роскошь,—все тамъ было;
Но было все въ однѣхъ рукахъ,—
Въ рукахъ властей, но не народа.
Гдѣ жь спитъ народъ, гдѣ нѣтъ его,
Гдѣ признается лишь порода,
Что могъ онъ сдѣлать?—Ничего!
«Порода все была! Ей слава,
Ей поприще блестящихъ дѣлъ,
Ей власти безграничной право,
Ей лучшій въ жизни сей удѣлъ
И въ жизни будущей награда...
Тамъ ждалъ Элизій—не народъ,
Но только знатныхъ сильный родъ;
Лишь имъ—небесъ была отрада...
Чтожъ оставалось для рабовъ,
Кѣмъ былъ весь міръ безъ исключенья?....
Боговъ безмертныхъ заступленье,—
И тѣ въ рукахъ были жрецовъ.
«Свѣтъ жилъ лишь въ храмахъ. Мысль дремала,—
И мудрость, хоть была въ цѣнѣ,
Но приносила пользы мало
Голодной, скованной странѣ;
И мудрость даже, услаждала
Досугъ лишь избранныхъ мужей
Иль прихоть праздную тирановъ.

Digitized by Google

Все было въ власти великановъ,—
Древнѣйшихъ сихъ ловцовъ людей!
И если тощій духъ свободы,
Сей прирожденный даръ природы,
Гдѣ могъ, въ теченіи временъ,
Кой-какъ прорваться изъ оплотовъ,—
Тотчасъ же требовалъ и онъ,
Для услуженія—илотовъ...
Такъ человѣка идеалъ
Еще ничтоженъ былъ и малъ!
Весь міръ, какъ временное зданье,
Еще былъ строенъ на пескѣ,
И безъ хозяина. Призванье
Народовъ крылося въ рукѣ
Еще невѣдомаго Бога;
И въ этой страшной темнотѣ,
О нихъ заботились немного,—
Какъ о домашнемъ мы скотѣ.

Гдѣ тутъ свободѣ зародиться,
Гдѣ просвѣщенью водвориться?
Какихъ тамъ идеаловъ ждать,
Гдѣ сила вся—слѣпая рать,
Сей образъ буйства и крушенья;
Гдѣ боги высшіе страны—
Лишь духи ярые войны
Иль духи зла и разрушенья?
Какой возвышенный кумиръ
Себѣ создастъ подобный міръ?..
«Развитья нѣтъ, безъ средствъ народныхъ!
Чья власть, изъ самыхъ благородныхъ,
Въ страну духъ нравственный внесетъ
Или благое просвѣщенье,
Гдѣ не участвуетъ народъ,—
Сей зодчій царствъ и ихъ правленья?...
Затѣмъ, тотъ міръ и начерталъ
Самъ на себѣ: «міръ разрушенья».
И этотъ міръ безславно палъ, —

И палъ на вѣки. И потомки,
Собравъ потомъ его обломки,
Изъ нихъ построить не могли
Могучей ни одной земли;
Тогда какъ рядомъ духъ свободный,
Духъ рьяный доблести народной,
Всемірный этотъ великанъ,
Воздвигъ рядъ цѣлый славныхъ странъ,—
И благородный его геній
Имъ далъ безсмертія вѣнецъ...
И кто знать можетъ,—гдѣ конецъ
Его успѣховъ и стремленій;
Чѣмъ завершитъ онъ свой чертогъ,
Что обнимаетъ кругъ вселенной?
Вождь исполиновъ—одинъ Богъ,
Да сила воли неизмѣнной!

«Смотри, вотъ онъ,—вотъ весь Востокъ!»...
Воскликнулъ Ставръ. И предо мною
Народный выступилъ потокъ,
И потянулся къ намъ змѣею.
«Когда бъ ты это увидалъ?..
Годинычъ съ жаромъ продолжалъ.
Смотри! Тіары, багряницы,
Чалмы сатраповъ, колесницы,
Одежды бѣлыя жрецовъ,
Кумиры мѣдные боговъ,
Въ кольчугахъ конники съ стрѣлами,
Пѣхота съ длинными щитами,
А на разубранныхъ слонахъ—
Рабыни въ бѣлыхъ пеленахъ.
«Вотъ онъ, Ассуръ и Ниневія,
Когда-то славный Вавилонъ,
Богатый Тиръ и градъ Сидонъ,
И Мидяне, и Финикія!...
Потомки Сима,—гордый родъ
Стрѣлы пернатой и колчана...
Здѣсь что ни городъ, то народъ,

Digitized by Google

И города всѣ—въ видѣ стана;
Здѣсь грань пустынная равнинъ
И первобытнаго Эдема;
Здѣсь каждый царь,—иль исполинъ,
Иль рабъ изнѣженный гарема.

«Взгляни, какіе здѣсь труды
Порабощеннаго народа,—
Дворцы, висячіе сады,
Колоссы мѣдные у входа;
Градскія стѣны,—межь зубцовъ
Гдѣ могъ разъѣхаться свободно
Рядъ колесницъ, а сонмъ жрецовъ—
Свершать молитвы всенародно;
Подъ облаками алтари;
Дворцамъ подобныя, гробницы,
Гдѣ почивали ихъ цари
И ихъ безсмертныя царицы;
Изъ кипариса корабли,
Съ затѣями чертоговъ царскихъ,
Подъ мачтами съ вершинъ Ливанскихъ,
Летавшіе на край земли.
«Здѣсь дышетъ царскимъ все величьемъ,
Отъ властелина до купца;
Все строгимъ держится приличьемъ,
Отъ царской туфли до вѣнца.
Здѣсь каждый князь есть образъ бога;
Земля въ нихъ чтитъ Вааловъ родъ;
Духъ смерти, прямо изъ чертога,
Несетъ ихъ въ небо.... А народъ?
Народъ—міръ мрака и терзанья,
Клубокъ червей, толпа рабовъ;
Народъ идетъ—на содержанье
Наложницъ, евнуховъ, жрецовъ.....
Здѣсь, въ нашемъ смыслѣ,—нѣтъ народа;
Какъ нѣтъ и личности людей;
Здѣсь личность—высшая порода,
И дикій произволъ властей.

Digitized by Google

«За то и царства здѣсь непрочны:
Пять шесть столѣтій—вѣкъ ихъ срочный.
Имъ основанье не Земля;
Одинъ набѣгъ иль натискъ бранный,
Одинъ походъ,—и вождь вѣнчанный
Береть и воды, и поля,
Съ ихъ населеніемъ въ придачу;
Отниметъ гнѣвный рокъ удачу,—
И въ запустѣніи страна.
Но имъ не нужно селянина;
Для нихъ нужна одна дружина;
Ихъ сила—скипетръ и война!
«Здѣсь всѣ—и жадны, и продажны,
И до безумія отважны;
Тутъ нѣтъ ни одного раба,
Что чтилъ отца бы въ властелинѣ;
Здѣсь знаетъ каждый, что судьба
Его виситъ на паутинѣ;
Здѣсь все дозволено,—и ядъ,
И любодѣйство, и измѣны;
Здѣсь нужны василиска взглядъ
И лесть коварная сирены.
«Коварство—добродѣтель ихъ;
Ихъ божества,—и тѣ двуличны;
Въ нихъ чтились свойства силъ земныхъ,
Но полы ихъ едва различны.
Имъ въ честь, жрецы ихъ и цари
Являлись въ женскомъ одѣяньи,
И Солнце, въ праздничномъ сіяньи,
Считалось дѣвой; алтари
Святой богини Астараты
Ломились отъ монетъ златыхъ,
Въ даръ отъ прелестницъ городскихъ,—
И многіе жрецы—кастраты.
«Не здѣсь ли, скажешь ты, позднѣй
Предсталъ однако изъ народа,—
Изъ Симова того же рода,
Законодатель Моисей?

Digitized by Google

Не здѣсь ли богъ жилъ Магомета,
И разлилось то море свѣта,
Предъ кѣмъ палъ нравственный хаосъ,—
Спаситель, Іисусъ Христосъ?...
Но это были исключенья!....
Опричь Христа, его ученья,
Одинъ лишь развѣ Магометъ
Оставилъ здѣсь широкій слѣдъ,
И то, давъ знамя ополченья.

«Родъ Сима, отъ начала дней,
Слѣпымъ ревнителемъ слылъ вѣры.
Ваалу эти лицемѣры
Приносятъ въ жертву ихъ дѣтей;
Средь нихъ всегда кишатъ пророки,—
Гремятъ противъ властей страны
И обличаютъ ихъ пороки;
А сами местію полны
Ко всѣмъ, кто сталъ имъ на дорогу.
Жрецамъ кровь ближняго—вода;
Они повсюду бьютъ тревогу,
И вырѣзаютъ города,
Гдѣ молятся иному богу;
Имъ нѣтъ святаго ничего,
Опричь родимаго кумира,
И ихъ мечта,—всѣ страны міра
Заклать предъ образомъ его.
«Аріецъ Персъ,—тотъ отначала,
Въ вселенной видѣлъ два начала;
Его Ормуздъ и Ариманъ,—
Созданье мысли больше строгой.
Его край юный, какъ титанъ,
Исполненъ нравственной тревогой
Среди борьбы добра и зла;
Съ его очей спадаетъ мгла,
Онъ ищетъ чистоты духовной.....
Но скоро Митра,—свѣтъ верховный,
Заноситъ и сюда развратъ,

Digitized by Google

И увлекаетъ край назадъ.
А подъ конецъ,—съ ступеней трона,
И съ женственныхъ его царей,
До гнусныхъ евнуховъ-вождей,
Ужь вѣетъ духомъ Вавилона;
Чума растлѣнья, какъ потокъ,
Мертвитъ и топитъ весь Востокъ,
Отъ царской рати до гарема.....
И образъ гордаго Рустема
Тамъ остается одинокъ.

«Смотри, вотъ мрачный образъ Нина,
Камбиза; вотъ тотъ великанъ,
Немврод, ловецъ царей и странъ;
Вотъ образъ Кира-исполина,
Что выдвинулъ на видъ Эсхилъ,
И возвеличилъ умъ Платона.....
Какая бездна дикихъ силъ!
Какая роскошь вокругъ трона!
Но посмотри имъ ближе въ ликъ;
Чѣмъ каждый былъ изъ нихъ великъ?
Какихъ межь нихъ искать отличій?
Они рвались лишь за добычей,
Кумиръ ихъ всѣхъ—была война.
Равно прошли ни въ чемъ ихъ годы,
Равно ихъ проклияли народы;
Забвенье—лучшая цѣна
Всей ихъ кровавой, дикой славы....
Такъ сходны межъ собой они,
Что даже странно въ наши дни,—
И также сходны ихъ державы;
Вся развѣ разница межь нихъ,
Одинъ силенъ, другой сильнѣе;
Тотъ гнусенъ, а другой гнуснѣе
Ихъ всѣхъ, предмѣстниковъ своихъ.

«Но это міръ еще движенья,
Живой міръ славы и побѣдъ;
Здѣсь только духъ порабощенья,

Digitized by Google

Но полнаго застоя нѣтъ.
А вотъ еще народъ предъ нами,
Гдѣ рабство умертвило край....
Вотъ неподвижный тотъ Китай,
Край замкнутый между горами,
Что не участвовалъ ни въ чемъ
Между другими племенами!
Здѣсь, точно, міръ иной во всемъ,—
Слѣпое патріарховъ царство,
Гдѣ всѣ между собой родня.
И эта страшная семья—
Совсѣмъ убила государство!
Здѣсь самый кропотливый трудъ;
Что принято отцами было,
То такъ на вѣки и застыло.
Народы движатся, растутъ;
Но здѣсь народъ остановился
На дѣтскомъ возрастѣ своемъ;
Его герой такъ и родился,—
Сѣдымъ младенцемъ-старикомъ.
Здѣсь мѣста нѣтъ развитью свѣта,
Ни шагу новому впередъ;
Весь край въ цѣпяхъ авторитета,
И главный автоматъ—народъ,
«А вотъ, другой Китай, близь Нила,—
Египетъ, царство пирамидъ,
Что древность только лишь родила,
И тутъ же погребла въ гранитъ.
Вотъ край, что поглотила каста;
Гдѣ даже царь ничто,—и часто
Боится самъ жреца. Здѣсь жрецъ
Повергъ страну въ окаменѣнье,
И только чуждое движенье
Его разбило, наконецъ.
Здѣсь смерти міръ и усыпленья,
Страна печальная гробницъ,
Царей ничтожныхъ и царицъ;
Здѣсь, самой жизни превосходство

Digitized by Google

Утратило свой смыслъ живой;
Здѣсь, длинный бичь—символъ господства,
А Ахеронъ ихъ богъ земной.
Здѣсь чтилась, какъ символъ народный,
Трудолюбивая пчела;
Но этотъ образъ благородный
Лишенъ значенія, гдѣ мгла
Иль гдѣ народъ, какъ скотъ домашній,
Позабываетъ день вчерашній,—
И нынѣ, и всю жизнь потомъ,
Кряхтитъ подъ тѣмъ же все ярмомъ.
Затѣмъ, и край не сдѣлалъ шага;
Покорность здѣсь была кумиръ,
А смерть—желаемое благо....
Таковъ почти весь древній міръ!
«Вотъ посмотри,—вотъ Индостана
Подходитъ первобытный родъ!
Здѣсь, изъ воинственнаго стана,
Край образуется въ народъ;
Вожди свободнаго народа
Становятся въ главѣ племенъ,
И разселяются.... Со всѣхъ сторонъ—
Великолѣпная природа;
Краса, величіе страны,
Ихъ погружаютъ въ созерцанье;
Все возбуждаетъ ихъ вниманье;
Въ нихъ зрѣетъ мысль; они полны
Ея святаго обаянья;
Сонмъ ихъ народныхъ мудрецовъ
Смѣшался съ кастою жрецовъ,
И ищетъ свѣта и познанья....
«Но жрецъ лишь устранилъ народъ
Отъ права дѣйствовать и мыслить,
Лишь онъ успѣлъ надъ нимъ возвысить
Свой жреческій, священный родъ,—
Тотчасъ же кончилось наитье
Живящей мысли по странѣ;
Остановилося развитье,

Digitized by Google

Все отупѣло въ смутномъ снѣ.
То правда, ясень міровая
Нигдѣ еще, по всей землѣ,
Нигдѣ въ Яфетовой семьѣ,
Такъ не блистала, разцвѣтая,
И не дала такихъ плодовъ,
Какъ въ исполинскомъ томъ народѣ,—
Народѣ, выросшемъ въ свободѣ,
Но смятомъ силою жрецовъ....
За то, здѣсь мысль убила тѣло,
Духъ созерцанья бросилъ дѣло,
Мечта затмила міръ живой,
Смерть стала цѣлью, жизнь—мечтой.
Здѣсь все живутъ тѣ жь исполины,
За тысячи что жили лѣтъ;
Здѣсь вся исторія—былины,
А въ сказкахъ—весь научный свѣтъ;
И даже подвиги всѣ, цѣли
Сосредоточились въ одномъ—
Заклать себя въ бездушномъ тѣлѣ,
И слиться духомъ съ божествомъ...

. . . . . .

«И въ этихъ-то странахъ Творецъ
Посѣялъ первой жизни сѣмя;
Но уродились—царь лишь, жрецъ,
Да евнуховъ лукавыхъ племя.
Сосудъ для новаго вина
Сталъ ветхъ,—безплодно поле;
Минула знойная весна,—
И солнце не всходило болѣ.
Но свѣтъ живущъ, онъ гаснетъ тамъ,
Но свѣтитъ здѣсь—инымъ странамъ,
Гдѣ міръ стремится къ лучшей долѣ....

«Вотъ посмотри! Еще потокъ
Несется съ Юга къ намъ народный;
Но здѣсь, не грязный ужь Востокъ,
Здѣсь вѣетъ мыслію свободной;

Digitized by Google

Во всемъ тутъ—образъ, идеалъ!....
Ставръ съ увлеченьемъ продолжалъ.
Вотъ онъ,—вотъ тотъ цвѣтокъ пахучій,
Какой могла дать старина,—
Край этотъ рьяный и могучій,
Благословенная страна
Сократовъ, Кодровъ, Мильтіадовъ,
Перикловъ и Алкивіадовъ,—
Эллада!... Что ни человѣкъ,
То эпопея, цѣлый вѣкъ!....
«Взгляни, досель какая свѣжесть,
Какая сила, красота,
Какая грація и прелесть,—
Что это?—Сонъ или мечта?....
Давно ли это,—не вчера ли
Здѣсь нимфы, граціи плясали?....
Вонъ тамъ,—средь миртовыхъ лѣсовъ,
Жилъ лучезарный сонъ боговъ,
Бродили Фавны и Сатиры,
Сіяли дивные кумиры,
Что рѣзалъ Фидій, Пракситель.....
А тамъ,—не влажная ль постель
Какой нибудь нагой наяды,
Что въ лѣтній зной, ища прохлады,
Плескалась въ темномъ тростникѣ,
Лобзавшемъ грудь ей и колѣна,
И слыша пьянаго Силена,
Скрывалась въ илистой рѣкѣ?..
«Давно ль здѣсь портики кипѣли
Народной шумною толпой,
И ихъ ораторы гремѣли
Передъ восторженной страной?
Давно ль еще, Пирей широкій
Сряжалъ поспѣшно корабли
Противъ Сициліи далекой
Или Дидониной земли;
Тогда какъ злачныя долины,
Лавровыхъ рощей мракъ густой,

Digitized by Google

Кипѣли праздничной толпой
Процессій, въ честь благой Аѳины;
А въ пристани,—корабль святой
Съ нарядно-пестрыми толпами
Дѣвицъ и юношей младыхъ
Отчаливалъ еще съ дарами
Ея теорій годовыхъ,—
И несъ ихъ къ праздествамъ Дельфійскимъ,
Къ святымъ равнинамъ Олимпійскимъ,
Или въ Темпейскій Зевсовъ храмъ,
Къ Делосскимъ славнымъ берегамъ?....
«А вотъ Трофонія пещера,
Гдѣ тѣни съ Стиксовыхъ береговъ
Вѣщали людямъ судъ боговъ,
И изгоняли лицемѣра,
Что съ непокорною душой
Посмѣлъ спуститься бы въ ихъ бездны!..
Иль вотъ, треножникъ этотъ мѣдный,
Гдѣ пиѳія, сей гласъ живой
Тутъ предстоявшаго же бога,
Рѣшала разомъ и надолго,
Возникшій споръ страны родной,
А часто и судьбы вселенной,—
Тѣ Дельфы,—складъ тотъ драгоцѣнный
Народной славы и даровъ
Всѣхъ странъ, народовъ и боговъ,
Гдѣ на святыхъ брегахъ Алфея,
Любовью къ родинѣ полна
И жаждой чести пламенѣя,
Сбиралась нѣкогда страна,
Чтобъ выставить свое искусство
Иль силу ловкости своей,
Въ лицѣ достойнѣйшихъ мужей;
Гдѣ всѣ въ одно сливались чувство,
Въ одно дыханье, въ одинъ взоръ,
Забывши распри и раздоръ;
Отколь, ликующей толпою,
Народъ несъ съ гордостью святою,

Digitized by Google

Во всѣ концы родныхъ племенъ,
Блескъ новыхъ, доблестныхъ именъ,—
И въ ихъ лицѣ, подъ ихъ вѣнками,
Блескъ новый юной ихъ страны....
Вѣнками этими они
Не помѣнялись бы съ царями!
«А Академіи сады,
Подъ сѣнью гдѣ аллей кудрявыхъ,
Въ тѣни платановъ величавыхъ,
Созрѣли лучшіе плоды
Народной мудрости Эллады,—
Тѣ звѣзды Эллинской Плеяды,
Кого коснуться не могла
Вѣковъ завистливая мгла;
Гдѣ собирался міръ ученый,
Внимать Платону,—и порой,
Красавицъ любопытныхъ рой
Съ толпой мѣшался восхищенной.
«А Термопилы, Марафонъ!
А Саламины!.... Мантинея!...
По истинѣ, все это сонъ!..
Что тутъ прекраснѣй? Что святѣе?
Тутъ все сіяетъ красотой,
На всемъ блескъ, свѣжесть молодая,—
Заря временъ, весна златая
Далекой осени земной.

«Край полонъ весь святыхъ призваній;
Онъ ищетъ славы и познаній.
Здѣсь возродился человѣкъ,
И начинаетъ новый вѣкъ;
Онъ жаждетъ—скорби и блаженства,
Все,—возвести въ типъ совершенства;
Бездѣйствіе его томитъ;
Онъ смотритъ, пробуетъ, творитъ;
Онъ ловитъ Озириса тайны,
И гулъ преданія случайный,
И воплощаетъ ихъ въ кумиръ;

Digitized by Google

Спѣшитъ на Югъ, на Сѣверъ темный,
Стремится изучить весь міръ,
Круги планетъ, ходъ неба стройный,
Сѣдой Востокъ, загробный свѣтъ....
Онъ зрѣлый мужъ въ немного лѣтъ;
Его мысль, разумъ, геній, чувство,
Въ мигъ входятъ въ образъ имъ родной;
Онъ по чутью творитъ искусство,
И облекаетъ красотой;
Онъ преисполненъ ея силой;
Онъ самъ—пластичность, красота;
Предъ нимъ природа—нагота,
Что было въ фальшью въ вѣкъ нашъ хилый;
Онъ ничего не создаетъ,—
Онъ изъ природы лишь беретъ
Одну въ ней истину нагую,
Даетъ лишь форму ей живую;
Но что онъ создалъ,—то живетъ
Самостоятельной красою,
И восхищаетъ насъ собою.
«Во всемъ здѣсь чуткость, свѣжесть силъ,
Что міръ давно нашъ схоронилъ!
Пусть есть и въ насъ періодъ чудный,
Когда природа, красота,
Отважный духъ иль подвигъ трудный,
И даже самая мечта,
Восторгъ въ насъ возбуждаютъ страстный,
И въ образъ просятся прекрасный;
Но тамъ, священный этотъ жаръ,—
Геройство, творчество, искусство,
Тамъ это общее всѣмъ чувство,
Народный, прирожденный даръ.
Тамъ цѣлый край желаетъ славы,
Она милѣй ему всего,—
Родъ увлеченія, забавы;
Въ ней цѣль всей жизни для него.
Здѣсь каждое людей дѣянье,—
Побѣды, подвиги, страданье,

Digitized by Google

Любовь къ отчизнѣ, миръ, война,
Все отлито душою страстной,
Пусть каждый зритъ сей жаръ прекрасный,
Пусть славитъ вся его страна!
«Вотще изъ шумнаго Пирея
Пѣвецъ природы, Гезіодъ,
Любимца своего Персея
Подъ сельскій, мирный кровъ зоветъ;
Вотще Помона и Церера
Кошницы раздаютъ даровъ;
Въ странѣ—къ Афинѣ жарче вѣра;
Церера—божество рабовъ.
Деревня, съ мирными полями,
Афинянамъ былъ міръ чужой;
Имъ нуженъ городъ со стѣнами,
Движенье, говоръ городской.
Имъ тѣсенъ міръ спокойный, сельскій,
Невыносимъ трудъ деревенскій,
Гдѣ мало мѣста для борьбы
И всякій день, все тѣ жь работы.
Для этого у нихъ илоты,—
Домашній скотъ сей и рабы.
Природа—ихъ кумиръ, часть вѣры,
Родная матерь ихъ боговъ;
Но въ самыхъ таинствахъ Цереры,
Не ей курился фиміамъ;
Кумиръ богини сей верховной
Здѣсь облекался въ смыслъ духовный
Загробныхъ таинствъ,—и предъ ней,
Не сельскій пиръ сбиралъ живущихъ,
Подъ земледѣльческія кущи,—
А замогильный пиръ тѣней.

Такъ и въ странѣ этой свободной
Еще нѣтъ зрѣлости народной!
Въ ней только граждане пока.
Создать народъ,—край слишкомъ молодъ;
Его отчизна—шумный городъ;

Digitized by Google

Тамъ жизни лишь кипитъ рѣка;
Но за стѣнами городскими,
Свободный грекъ—въ странѣ чужой.
Эллада, край его святой,
Считаетъ гражданъ всѣхъ своими;
Но каждый городъ—врагъ другимъ.
Тамъ вновь свое,—и духъ, и страсти,
И каждый городъ жаждетъ власти
Надъ тѣми, что въ союзѣ съ нимъ.
Отчизна—мать; но мать безъ права;
Грекъ умиралъ, ее любя,
Но для него святѣе слава.
Гдѣ можно выдвинуть себя
Или свой городъ безпокойный,
Тамъ горожанинъ безусловно
Не пожалѣетъ ничего,—
Ни состоянія, ни жизни,
Ни даже чтимой столь отчизны,
Чтобъ славой озарить его.
Эллада тяжко умираетъ,
Насталъ конецъ свободныхъ дней;
Эпаминондъ же завѣщаетъ
Роднымъ Фиванцамъ,—но не ей,
Свои послѣдніе трофеи,—
При Левктрахъ бой и Мантинеи!...
«Безъ равноправности въ странѣ,
Безъ твердой почвы, безъ народа,
Не уживается свобода.
И въ свѣтломъ мирѣ, и въ войнѣ,—
Во всемъ тогда успѣхъ случайный,
Иль плодъ той силы чрезвычайной,
Что въ юности своей страна
Была съ избыткомъ такъ полна.
Но эта сила молодая
Жила лишь врозь; въ душѣ у ней
Таилась зависть родовая
Ко славѣ собственныхъ людей.
Она не можетъ вынесть взгляда

Digitized by Google

Мужей тѣхъ, что самъ же чтитъ;
Сократъ кончаетъ жизнь отъ яда,
И благородный Аристидъ
Скитаться осужденъ въ изгнаньи.
Она все время въ ожиданьи,
Иль свѣжихъ лавровъ, иль оковъ;
Ей неизвѣстенъ трудъ свободный,—
У ней взялъ городъ—духъ народный.
Борьба племенъ и городовъ
Изъ за главенства или власти,
Безплодный этотъ вѣчный споръ,
Гдѣ частныя боролись страсти,—
Ей стали смертный приговоръ.
Ей былъ сужденъ конецъ безславный;
И еслибы не Римъ державный,
То, все равно бы,—врагъ иной,
Изъ дальнихъ странъ иль даже свой,
Пришелъ бы кончить, безъ сомнѣнья,
Всѣ эти жалкія смятенья,
И наложить ярмо оковъ
На край, кричавшій о свободѣ,—
А въ собственномъ своемъ народѣ
Создавшій лишь однихъ рабовъ.

За то здѣсь воплотился геній
Изящнаго; здѣсь создалъ онъ
Кругъ міровыхъ своихъ твореній;
Здѣсь былъ его всемірный тронъ!
Сей край сталъ родиной земною
Небесныхъ Грацій; пѣсенъ богъ
Владѣлъ здѣсь лирой золотою;
Здѣсь былъ поэзіи чертогъ.
Отсюда въ міръ нашъ прилетѣли,
Какъ изъ волшебнаго гнѣзда,
Хариты,—спутники ихъ, Лели;
Здѣсь вспыхнула любви звѣзда;
Здѣсь доблесть пѣснію почтили,
И съ божествомъ ее сравнили.....

Digitized by Google

«Взгляни,—вотъ, съ лирою слѣпецъ;
Онъ нищъ, и будто проситъ хлѣба;
Но это дивный тотъ пѣвецъ,
Гигантовъ и силъ высшихъ неба,
Съ чьего чела весь древній міръ
Съ его героями, богами,
Сіяетъ, какъ живой, предъ нами;
Великій, славный тотъ Омиръ,
Чья слава все растетъ съ вѣками!
А эти яркихъ двѣ звѣзды,
Средь звѣздъ того же небосклона,—
Звѣзда Сократа и Платона?
Не здѣсь ли первые слѣды
Законовъ нравственныхъ вселенной?
Не здѣсь ли въ міръ, объятый тьмой,
Блеснулъ впервые лучь живой
Изъ міра красоты нетлѣнной,—
Душевной этой красоты,
Въ тотъ юный вѣкъ еще безвѣстной,
Предъ кѣмъ былъ долженъ міръ тѣлесный
Спуститься съ прежней высоты?
Не здѣсь ли грубая завѣса
Упала съ чувственныхъ очей,—
И выше мрачнаго Зевеса
Предсталъ духовный Богъ людей?
Не здѣсь ли каждый образъ знанья
Облекся въ высшее призванье,—
И самой жизни идеалъ
Красою новой возсіялъ?..
А это третіе свѣтило,
Что кругъ науки утвердило
На почвѣ опыта живой,—
Тотъ Аристотель,—царь сей мысли,
Что первый собралъ міръ земной
Подъ наблюденіе и числы;
Людей, природы бытіе,
И царства темныя ея,
Не утомясь работой скучной,

Digitized by Google

Облекъ системою научной?....
Но съ этимъ вмѣстѣ, подъ конецъ,
Какъ истый Греціи мудрецъ,
Мечтавшій также дать свободѣ
Значенье высшее въ народѣ,—
Когда самъ видѣлъ,—смерть Мессинѣ
И гегемонію Афинъ!

«Кто этотъ юноша красивый,
И съ той наружностью счастливой,
Что придаютъ однимъ богамъ,
Или героямъ и царямъ?
Не Эллинъ онъ,—но онъ межь ними,
Какъ будто межь людьми своими....
То этотъ баловень Афинъ,
Что такъ желали они видѣть,
Чтобъ обожать иль ненавидѣть;
То молодой Филиппа сынъ,—
Тотъ звѣрь рогатый преисподней,
Тотъ всекрушащій вихрь Господній,
Что древній облетѣлъ Востокъ,
И какъ бушующій потокъ.
Изъ края въ край, изъ племя въ племя,
Разнесъ Аттическое сѣмя,
Пыль золотую цвѣтника,
На невоздѣланныя нивы;
Тотъ Александръ, подъ чьи рога
Попалъ царь Персовъ горделивый,
И былъ растоптанъ, какъ дитя;
Тотъ сказочный герой волшебный
Племенъ восточныхъ, что шутя
Завоевалъ ихъ міръ растлѣнный.—
И кинулъ мостъ имъ за собой,
Изъ царства смерти въ міръ живой!
«Пиръ былъ предложенъ,—пиръ прекрасный;
Но оказалось, что напрасно!
Гдѣ рабство,—тамъ развитья нѣтъ.
Ни дивный утренній разсвѣтъ,

Digitized by Google

Ни благодатная свобода,
Здѣсь подъ собою не нашли
Ни твердой почвы, ни земли,
Для возрожденія народа.
И онъ самъ, чудный метеоръ,
Міръ погрузившій въ удивленье,
Разсыпался въ кровавый споръ,—
И міръ впалъ вновь въ оцѣпенѣнье.
«Межь тѣмъ душѣ его младой,
Душѣ высокой и благой,
Не чужды лучшія движенья!
Онъ былъ, дѣйствительно, герой
Во всемъ, что лишь касалось славы;
Онъ самый яркій, лучшій цвѣтъ,
Что далъ Аттическій намъ свѣтъ;
Въ немъ образъ самый величавый,
Что могъ создать старинный міръ!..
Герой и полубогъ вселенной,
Отмститель Азіи растлѣнной,
Онъ побѣжденныхъ былъ кумиръ;
Но и его не защитила
Отъ жажды крови эта сила...
Онъ все смирилъ и превозмогъ,
Носясь по свѣту ураганомъ;
Но жажды той смирить не могъ,—
Болѣзнь, врожденная тиранамъ,
И въ немъ былъ тщетный имъ урокъ!

«Но вотъ еще потокъ народный,
Еще міръ той же старины!
Здѣсь представитель—волкъ голодный;
Отсюда ярый богъ войны
Прошелъ, съ своимъ побѣднымъ стягомъ,
Невозмутимо, шагъ за шагомъ,
Весь древній міръ, круша царей
И царства ихъ,—отъ Океана
И злачныхъ Галліи полей,
До знойныхъ Африки степей

Digitized by Google

И отдаленнаго Ливана,—
И нѣсколько вѣковъ подрядъ
Кормилъ своихъ имъ волченятъ.
«Вотъ этотъ родъ необычайный,
Изъ бронзы отлитыхъ людей,
Гдѣ не было ничто случайно,
До обыденныхъ мелочей;
Четвертый этотъ звѣрь пророковъ,
Что въ острыхъ смялъ когтяхъ своихъ
Народности всѣхъ странъ земныхъ;
Тотъ океанъ, отъ чьихъ потоковъ
Весь захлебнулся древній свѣтъ;
Тотъ родъ, кому вначалѣ лѣтъ
Двѣнадцать ястребовъ сулили
Двѣнадцать счастливыхъ вѣковъ
Преобладанія и силы,
И покровительства боговъ,—
Что времена и подтвердили;
Безсмертный тотъ, великій Римъ,
Художникъ геніальный славы,
Нарѣзавшій мечемъ своимъ
Вездѣ свой образъ величавый!
«Вотъ онъ, сей царственный народъ,
Рожденный Ромуломъ въ вѣкъ скудный,
Взлелеянный фортуной чудной,
Что шла всегда предъ нимъ впередъ!....
Взгляни на грозное сіянье
Сихъ гордыхъ шлемовъ, багряницъ,
Орловъ священныхъ колебанье,
Блескъ тріумфальныхъ колесницъ,
Весталокъ бѣлые покровы,
Когортъ безсмертныхъ видъ суровый,—
На сихъ авгуровъ и жрецовъ,
Несущихъ стягъ Паллады мѣдный,
Въ главѣ ей родственныхъ боговъ,—
На весь народъ этотъ побѣдный,—
И ты поймешь, что предъ тобой
Народъ, рожденный быть главой!

Digitized by Google

Какой же геній имъ предводитъ?
Какой богъ силъ имъ руководитъ?..
Богъ, высшій всѣхъ боговъ земныхъ,—
Увѣренность въ себѣ самихъ.

«Да, есть религія иная,—
Религія еще земная,
Опричь той вѣры неземной,
Что насъ уноситъ въ міръ другой,—
Религія святая долга!
Та вѣра въ жребій роковой,
Что исповѣдуетъ, задолго
До славы міровой своей,
Народъ, достойный славныхъ дней;
Та вѣра, что его возводитъ,
Изъ самой грубой простоты,
До исполинской высоты;
Что въ немъ родитъ и производитъ
Тѣхъ крѣпкихъ доблестью мужей,
Тѣхъ крупныхъ, нравственныхъ гигантовъ,
Камилловъ, Брутовъ, Цинцинатовъ,
Кому до самыхъ позднихъ дней
Дивится высшій сонмъ людей..!
Народъ, той вѣрой вдохновенный,—
Онъ долженъ быть царемъ вселенной
И обладателемъ земнымъ.
Соха и мечь равны предъ нимъ;
За мирнымъ плугомъ и средь боя,
Онъ личность узнаетъ героя;
Отъ плуга онъ беретъ вождей
И ставитъ ихъ передъ полками,—
А новый міръ позднѣйшихъ дней
Ихъ признаетъ полубогами.
«Да, это былъ особый родъ,—
Рожденный властвовать, народъ!
Какъ Геркулесъ, не зналъ онъ дѣтства.
И въ колыбели онъ своей
Душилъ, заползшихъ къ нему, змѣй;

Digitized by Google

Но никогда не чтилъ онъ звѣрства.
Суровый въ правилахъ своихъ,
Онъ чуждъ тираніи жестокой
Царей развратнаго Востока,
И увлеченій молодыхъ
Живой, Аттической тревоги.
Онъ мужъ вполнѣ,—мужъ правды строгій;
Онъ не щадитъ сыновъ родныхъ
Передъ карающимъ закономъ;
Но не кощунствуетъ надъ трономъ....
Здѣсь быть не могъ Алкивіадъ,
И храбрый сталъ бы Мильтіадъ—
Иль Фабіемъ, иль Сципіономъ.

«Римъ, съ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ,
Искалъ вокругъ себя побѣдъ;
Но онъ обдумалъ прежде зрѣло
Все, что свершилъ потомъ такъ смѣло;
Судьбѣ онъ не далъ ничего
Изъ назначенья своего.
Какъ мудрый зодчій, постепенно,
По камню онъ сперва сбиралъ
Дремавшія страны вселенной;
И не спѣша, ихъ возлагалъ
На начатое основанье,
Давно задуманнаго, зданья.
Не тратя суетливо силъ,
Ни шага не ступивъ напрасно,
Какъ хитрый ловчій, онъ слѣдилъ,
Самъ не мѣшаясь самовластно,
За каждымъ промахомъ враговъ,
По царствамъ дальнимъ и сосѣднимъ;
И ежели спускалъ орловъ
На нихъ побѣдныхъ, съ клювомъ мѣднымъ,—
То именемъ святыхъ боговъ,
Какъ судія вражды иль спора.—
И въ каждой требовалъ борьбѣ
Лишь только должное себѣ.

Digitized by Google

И сей народъ, хотя не скоро,—
Но съ дѣтства опытный въ войнѣ,—
Онъ подвигъ свой свершилъ вполнѣ.
Всегда на битву ополченный,
Онъ собралъ міръ разъединенный
Въ одну страну,—и право ей
Далъ въ гражданствѣ земли своей.
За то, изъ всѣхъ большихъ народовъ,
Что онъ себѣ завоевалъ
Во дни безсмертныхъ тѣхъ походовъ,
Одинъ онъ твердо устоялъ,
Среди побѣдъ своихъ всемірныхъ;
Одинъ, изъ этихъ странъ обширныхъ,
Достигнулъ онъ преклонныхъ дней,
Глубокой старости своей,—
И умеръ, дряхлый и бездушный,
Къ судьбѣ и къ жизни равнодушный.
«Скажи,—кто славный Регулъ тутъ?
Кто Муцій Сцевола? Кто Брутъ,
Камиллъ, Фабриціи неподкупный?
Который Фабій, Сципіонъ?
Кто Цинцинатъ, для всѣхъ доступный?
Лукреція,—примѣръ всѣхъ женъ?
Виргинія,—краса народа?
Который Гракхъ, кого свобода
Своимъ трибуномъ нарекла?
Кто Порція,—богамъ родная?
Кто Гракховъ мать, чуть не святая,
Что съ ними Римъ весь погребла?
Кто тутъ другой Брутъ, бичь тирановъ?...
Который духъ Коріолановъ?...
Какое множество людей,—
И почитай всѣ изъ народа!...
Кому изъ нихъ святѣй свобода?
Кто знаменитѣй и славнѣй?....

«Да, здѣсь ужъ видѣнъ духъ народный!
Здѣсь есть народъ, народъ свободный,

Digitized by Google

И непрощающій обидъ,—
Защитникъ правъ своихъ священныхъ,
Гроза патриціевъ надмѣнныхъ,
И самъ себѣ надежный щитъ.
Его народные трибуны
Держали высоко перуны,
Въ глазахъ отечества отцовъ,—
И девять первые вѣковъ
Была за нимъ побѣды слава!
Зубъ за зубъ, за ударъ ударъ,
Отстаивалъ свое онъ право;
Въ немъ тлѣлъ всегда священный жаръ,
Пока онъ былъ того достоинъ.
Онъ былъ нетолько славный воинъ,
Онъ былъ нетолько гражданинъ,
Но вмѣстѣ съ этимъ—селянинъ;
И мирный плугъ, родное поле,
Ему до самыхъ позднихъ лѣтъ
Святѣе были всѣхъ побѣдъ.
Патриціи съ нимъ были въ долѣ;
Но каждый шагъ неправый ихъ
Развязывалъ народу длани,—
И богъ неукротимый брани
Рѣшалъ споръ самъ сыновъ своихъ...
Въ такомъ народѣ нѣтъ тирановъ,
И гордый духъ Коріолановъ
Скорѣй смирится передъ нимъ,
Чѣмъ сдѣлаетъ рабомъ слѣпымъ.
«Рабомъ быть край такой не можетъ!
Его волнуетъ и тревожитъ
Насилье всякое. Онъ самъ—
Цѣнитель и судья властямъ.
Здѣсь нѣтъ въ законахъ исключенья,
Ни средствъ идти противъ теченья;
Чтобы подобный духъ убить,
Духъ этотъ надо развратить.
Отцы отечества успѣли
Достичь впослѣдствіи этой цѣли,—

Digitized by Google

Раздоръ за скипетръ роковой,
Приманка дароваго хлѣба
И зрѣлищъ, стерли Римъ былой
Изъ списка странъ любимыхъ неба, —
И, полный кровью, Колизей
Узрѣлъ закатъ тѣхъ славныхъ дней.
«Да, только честный міръ народный
Утратитъ духъ свой благородный.
И станетъ жаднымъ торгашомъ
Почета, должностей и славы,
Иль раздавателемъ державы
Въ своемъ отечествѣ родномъ;
Чуть только, для дневнаго хлѣба
И зрѣлищъ, онъ властямъ своимъ
Начнетъ глядѣть въ глаза,—надъ нимъ
Ужь нѣтъ благословенья неба!
Онъ сталъ и немощенъ, и слабъ,
Надъ нимъ ужь поднять бичь тиранства,
И если онъ еще не рабъ,
То онъ совсѣмъ готовъ для рабства!
Въ немъ больше славныхъ нѣтъ мужей.
Потускла прежняя картина.—
На ней ужь не народъ, но тина,
Одно обличіе людей.

«О гордый Кесарь, мужъ послѣдній,
Замкнувшій за собой побѣдный,
Всемірный, славы сей чертогъ!
И ты ужь поддержать не могъ,
Твоею мужественною силой,
Сей пошатнувшійся колоссъ,
Стоявшій надъ своей могилой.
Ни богъ твой, что тебя вознесъ
На Римскій тронъ, ни боги Рима,
Чья власть была неодолима,
Никто не могъ, ни окрылить
Его угасшіе перуны,
Ни павшій Римъ поворотить

Digitized by Google

На колесѣ твоей фортуны,
И двинуть сустный народъ
Хотя на шагъ одинъ впередъ,
Какъ прежде, къ предпріятьямъ смѣлымъ...
Ты опоздалъ столѣтьемъ цѣлымъ,
Но поспѣшилъ ты днемъ однимъ,—
Не расчитавъ, что павшій Римъ
Хоть не имѣетъ ужь народа,
Но слово для него: свобода,
Звучитъ не всѣмъ еще равно...
Какъ Дамоклетовъ мечь, оно
Еще висѣло надъ тобою;
Ты слишкомъ о себѣ мечталъ:
За то и поплатился ты,—и палъ,
Сраженный Брутовой рукою;
И Римъ, что ты считалъ твоимъ,
Похищенъ у тебя другимъ.
«Заутра же.—онъ, твой счастливый
Преемникъ, безъ большихъ хлопотъ,
Вѣнецъ твой царственный беретъ
Изъ рукъ толпы неприхотливой,
И исполняетъ свою роль,
Ни разу не поднявъ личины,
До дня послѣдняго кончины!
Но въ Римѣ ужь затихла боль
Отъ язвы сорванной—свободы;
Прошли восторженные годы,
Сама страна искала сѣнь,
Чтобъ насладиться ей покоемъ,—
И Августъ, не слывя героемъ,
Попалъ на тотъ счастливый день!
Онъ угадалъ толпы влеченья,
И былъ ей принятъ въ восхищеньи;
Но какъ артистъ и человѣкъ,
Онъ ближе былъ, чѣмъ ты, къ народу;
Онъ наповалъ убилъ свободу,—
И Римъ прославилъ его вѣкъ!....
«И что за вѣкъ! Какой блескъ славы

Вокругъ счастливаго царя!
Кто мнилъ, что блескъ тотъ величавый
Была вечерняя заря?....

«Вѣкъ чудный лести, музъ и грацій!
Назонъ, Виргилій, Плавтъ, Горацій,—
И сколько тутъ еще именъ,
Какъ яркихъ здѣздъ надъ облаками,
Подъ чьими темными волнами
Ужь меркнулъ Римскій небосклонъ!
Какой просторъ раздольный міру,
Кадить всемірному кумиру.....
Такъ раболѣпство входитъ въ міръ!
Сперва какой нибудь кумиръ
Предъ нимъ блестящій просіяетъ;
Ему служить онъ привыкаетъ;
Потомъ, кумировъ больше нѣтъ,
Померкло все кругомъ,—и вслѣдъ,
Вступаютъ Клавдіи, Нероны,
Терзаютъ нравы и законы;
Но міръ ужь рабствовать привыкъ,
И также громко передъ ними,
Какъ предъ Траянами благими,
Гремитъ его привѣтствій кликъ.

«Когда странѣ грозитъ паденье,
Ей сродны лесть и поклоненье;
Она безсильна для борьбы;
Ей нужны боги и кумиры,—
Хранители ея судьбы;
Она настраиваетъ лиры
И воспѣваетъ силу ихъ,
Не видя общаго растлѣнья,
Ни равнодушнаго забвенья
Минувшихъ доблестей родныхъ.
Въ тѣ дни ничтожны честь и вѣра;
Надъ всѣми раболѣпства гнетъ;
Одна лишь маска лицемѣра—

Digitized by Google

Отъ золъ единственный оплотъ.
Въ тѣ дни Тациты повѣствуютъ
Про добродѣтель прежнихъ дней,
И смѣлой кистію рисуютъ
Бытъ неиспорченныхъ людей;
Тибуллы плачутъ и пророчатъ
Погибель близкую страны,
А Ювеналы жало точатъ
Сатиры противъ новизны...
Но край разсѣянно внимаетъ;
Онъ цѣнитъ умъ ихъ, остроту,
Но онъ едва ужъ понимаетъ
Разбитой жизни пустоту;
Онъ хвалитъ ихъ порывъ прекрасный,—
Но всѣ ихъ пѣсни трудъ напрасный;
Кому послѣдній часъ насталъ,—
Тотъ изъ могилы не вставалъ!
«Теперь полны мы изумленья
И даже тайнаго сомнѣнья,
Неужели могли быть дни,
Что и Каллигулы, Нероны,
И Деціи, имѣли троны?
Иль можетъ, не были они
Тѣмъ, какъ ихъ Римъ изображаетъ?...
Какъ!—Гордый Римъ ихъ обожаетъ?
Куритъ предъ ними фиміамъ?
Римъ причисляетъ ихъ къ богамъ?
Чемужъ тутъ больше удивляться,—
Безумью ли царей его,
Иль рабству Рима самаго,
Что могъ предъ ними преклоняться?...
«И вотъ кому, о вѣчный градъ,
Копилъ богатства ты родныя,
Въ чью честь лилъ кровь, и твой булатъ
Громилъ съ плеча страны чужія!
Вотъ для кого, въ былые дни,
Трудились Фабіи твои,
И шли во всѣ концы земные

Digitized by Google

Твои когорты боевыя!
И этихъ чудищъ ты могъ чтить?...
И послѣ этого—могъ жить?...
Но ты все жилъ и пресмыкался;
Ты весь ужь сгнилъ и разлагался,
Давно чуть жизнь свою влачилъ,
И все таки еще—ты жилъ.
Въ твой дряхлый край, вовсемъ недужный,
Другіе люди были нужны!
И точно, ты ихъ ждалъ на пиръ,
На пиръ послѣдній погребенья,—
Они пришли,—и край растлѣнья
Преобразился въ новый міръ.

«Но вотъ еще уходитъ племя!
Его какъ бы забыло время:
Оно такъ древне, что нашъ міръ,
Успѣхи наши и тревоги,
Имъ прокляты,—и въ нашемъ Богѣ
Оно зритъ лишь распятый кумиръ.
И этотъ родъ, столь устарѣлый,
Когда-то былъ передовымъ;
А духъ преданій его смѣлый
Сталъ достояньемъ міровымъ!
«Въ немъ вѣра все преобладаетъ.
Ему чуждъ цѣлый міръ земной;
Но вѣра,—ей онъ окрыляетъ
И умъ, и духъ народный свой.
Его Творецъ и вождь верховный,
Іегова, есть Богъ духовный;
А онъ самъ—образъ, духъ Творца.
Онъ исполняетъ до конца,
Вѣками долгими страданья,
Страны духовное призванье,—
Чтобъ силой нравственной своей,
По минованьи трудныхъ дней,
Создать міръ правды и свободы,
Куда сойдутся всѣ народы

Digitized by Google

Почить отъ тягостныхъ трудовъ,
Подъ сѣнію оливы мирной,—
Іерусалимъ этотъ всемірный,
Гдѣ онъ сберетъ своихъ сыновъ.
Низвергнетъ всѣхъ народовъ рабство.
И какъ невѣста разцвѣтетъ,
Въ главѣ божественнаго царства.
Вотъ мысль отколь еще идетъ,
О царствѣ Божьемъ!... И сей родъ,
Во дни и славы, и плѣненья,
Всѣ приложилъ свои стремленья
И лучшія свои мечты,
Чтобы достичь той высоты.

«Взгляни на этихъ исполиновъ,
Въ льняной одеждѣ бедуиновъ
Или подъ шкурами звѣрей!
Они имѣютъ видъ царей;
Но это пастыри съ Евфрата,—
Владѣтели простые стадъ;
Имъ чуждъ еще и крѣпкій градъ,
И жажда прибыли и злата.
Взгляни, у нихъ, на ступняхъ ногъ,
Еще почти что не обсохъ
Илъ первобытный міросданья;
Но въ нихъ ужь говоритъ призванье:
Ихъ Богъ,—единый Богъ живой.
Лишь въ немъ всѣ Божескія свойства;
Онъ дастъ имъ, какъ песокъ морской,
Какъ звѣзды, безъ числа потомство.
«Глава ихъ рода, Авраамъ,—
Онъ патріархъ еще пустыни:
Но Богъ клялся его сынамъ,
Поставить ихъ въ главѣ святыни;
Какъ жрецъ всемірнаго царя,
Онъ властелинъ ужь предызбранный
Его земли обѣтованной,—
Онъ церкви будущей заря.

Digitized by Google

«Но гдѣ? Когда? Проходитъ время,
Египетъ поглотилъ ихъ племя;
Оно въ плѣну,—чуть видѣнъ слѣдъ,—
Что жь? Тамъ оно погибло?—Нѣтъ!
Встаетъ другой вождь, выше саномъ;
Страна бъ иная назвала
Его божественнымъ титаномъ...
Съ его высокаго чела
Исходятъ два потока свѣта;
Въ его рукахъ скрижаль завѣта,
По манію его жезла,
Предъ нимъ смиряются державы,
Глубь разступается морей,—
То боговидецъ Моисей,—
Единый изъ живыхъ людей,
Что зрѣлъ въ лице блескъ Божьей славы.....
По манію руки его, встаетъ
Во всеоружіи народъ,
И въ чуждыя несетъ владѣнья
Войну и громы истребленья.

«Спроси: чѣмъ онъ такъ силенъ былъ,
Родъ этотъ, вѣчно-недовольный?
А тѣмъ, что Богъ его—Богъ силъ,—
И этой мыслью вдохновенный,
Онъ совершать могъ чудеса.
Сама земля и небеса,
И ратоборцы неземные,
Съ нимъ ополчались на враговъ,—
И силы вражескихъ полковъ,
Какъ листья падали сухіе.
За то,—лишь отнималъ Творецъ
Свой щитъ,—и тотъ же врагъ народный
Врывался вновь, какъ волкъ голодный
Внутрь стада робкаго овецъ;
И гордый край объятъ былъ страхомъ,—
И голову посыпавъ прахомъ,
Народъ по каплѣ выпивалъ

Digitized by Google

Позора своего фіалъ,
Какъ чашу должную отмщенья,
За всѣ былыя прегрѣшенья.
«Народъ подобный никогда
Не могъ жить долго жизнью стройной;
И точно, онъ не зналъ труда,
Ни жизни мирной и спокойной;
Онъ жилъ всегда, до нашихъ дней,
Однимъ минувшимъ иль грядущимъ,—
То славою своихъ царей,
То подъ ярмомъ враговъ гнетущимъ.
Открытый весь чужимъ странамъ,
Край этотъ былъ всегда въ тревогѣ:
То служитъ онъ чужимъ богамъ,
Объ истинномъ забывши Богѣ;
То хитрой ловкостью вождей
Или побѣдой ихъ нежданной,
Упрочить жаждетъ миръ желанный,
Все ожидая лучшихъ дней;
То въ спорѣ съ нравами чужими,
То самъ съ собой,—межь тѣмъ народъ
На шагъ не движется впередъ,—
Живетъ порывами одними.
Вражда колѣнъ, какъ демонъ злой,
Терзаетъ родъ сей ослѣпленный,
И край его разъединенный;
И онъ, забытою рѣкой
Все тѣкъ бы, можетъ быть, понынѣ,
Или оставилъ бы въ пустынѣ
Сухое ложе за собой;
Когда-бъ духъ высшій назначенья
Не озарилъ его теченья
Своимъ наитіемъ святымъ,—
Иль блескомъ, навсегда нетлѣннымъ,
Не сдѣлалъ бы сей край священнымъ
И близкимъ всѣмъ странамъ земнымъ!

«О сколько разъ, народъ коварный,

Digitized by Google

Народъ слѣпой, неблагодарный,
Твой Богъ хотѣлъ спасти тебя
Отъ рабства и твоихъ пороковъ;
Но ты, про это самъ трубя,—
Ты побивалъ Его пророковъ,
Давно провидѣвшихъ вдали
Послѣдній день твоей земли.
Не вразумилъ тебя плѣнъ скорбный,
Ни опытъ тягостный вѣковъ,
Ни ярый крикъ твоихъ враговъ,
Рыканью алчныхъ львовъ подобный!..
Ты жить хотѣлъ, какъ древле жилъ,
Кичася, чуждой тебѣ, славой;
Но не имѣлъ ни средствъ, ни силъ,
Чтобъ самобытной стать державой.
Не помогли твоей судьбѣ
Ни Маккавей, ни гласъ Оссіи;
Чтобъ возсоздать твой край,—тебѣ
Былъ нуженъ дивный скипетръ Мессіи!
И точно, вѣрою горя,
Ты долго ждалъ его,—издавна;
Но ждалъ—въ сіяньи славы бранной
Какъ побѣдителя-царя!
«И изъ среды-то сей непрочной,
Изъ этихъ суетныхъ людей,
Изъ ихъ разнузданныхъ страстей,
Предсталъ тотъ образъ непорочный,
Чистѣйшій этотъ человѣкъ,
Что создалъ міру новый вѣкъ!
Изъ этой пропасти смердящей
Истекъ тотъ ключь животворящій,
Всемірный этотъ, дивный свѣтъ,
Что возсіялъ надъ всей землею,
И обновилъ ее собою;
То солнце истины..... Но нѣтъ!
Край этотъ былъ лишь скорлупою,
Гдѣ зрѣло дивное зерно;
Лишь только вызрѣло оно,—

Digitized by Google

Богъ раздробилъ гнилое племя,
Не пощадивши ничего,—
И смялъ, какъ шелуху, его;
И перенесъ святое сѣмя
На почву новую земли,
Въ иной предѣлъ земнаго свѣта.

«Взгляни на этотъ блескъ вдали,—
Вотъ онъ,—міръ новаго завѣта,
Міръ первобытный христіанъ!....
Изъ разныхъ званій, разныхъ странъ,
Другъ другу чуждые рожденьемъ,
Они—какъ бы одна семья,
По вѣрѣ ихъ и убѣжденьямъ.
Ихъ ненавидѣла земля,
Міръ ихъ обрекъ послѣдней долѣ,—
Но самъ—ихъ покорился волѣ.
Ихъ убѣжденія внесли
Они во всѣ концы земли,
Встрѣчая твердо, безъ боязни,
И пытки, и позоръ, и казни.
Духъ непреклонный сихъ людей
Повсюду путь себѣ находитъ;
Онъ побораетъ власть царей,
Онъ смерть на древній міръ низводитъ,
И исполняя свой завѣтъ,
Преобразуетъ цѣлый свѣтъ,
До нихъ имѣвшій видъ могилы.

«Какой имъ Богъ далъ эти силы?...
Двѣнадцать бѣдныхъ рыбарей,
Изъ класса низшаго людей,
Двѣнадцать личностей безвѣстныхъ,—
Не славой подвиговъ чудесныхъ,
И не пособіемъ чужимъ,
Но убѣжденіемъ простымъ,
Ихъ словомъ,—свѣтъ даютъ народу.

Digitized by Google

И вносятъ въ новый міръ свободу!...
И первый изо всѣхъ,—народъ
Имъ смѣло въ срѣтенье идетъ.
«Потомъ ужь свѣтъ ихъ проникаетъ
Въ другіе классы; мракъ сѣдой
Бѣжитъ съ земли, какъ духъ ночной,—
И самовластье поникаетъ
Своей развѣнчанной главой
Предъ новой, высшею судьбой....

«О князи земные! Снимайте,
«Снимайте врата ваши!
«Се царь грядетъ славы.
«Кто онъ, сей царь славы?
«Господь силы вышней,
«Онъ есть тотъ царь славы!....»

«Но пусть же помнятъ и народы,
Надъ кѣмъ блестятъ ужь дни свободы,
Что этотъ царь зовется: Свѣтъ!
А свѣтъ есть міръ благословенный,—
Союзъ народовъ и совѣтъ,
На благоденствіе вселенной.
Достигъ ли этого нашъ вѣкъ?...,
Нѣтъ, не достигъ! Онъ это знаетъ,—
И современный человѣкъ
Теперь всѣ силы напрягаетъ,
Чтобъ положительно постичь,
Какими новыми путями
Иль благодатными судьбами,
Ему до этого достичь.
Но мы полны еще сомнѣньемъ;
Сей міръ не разъ себя пыталъ
На этомъ.... Онъ, то съ нетерпѣньемъ
Привѣтствовалъ, то низвергалъ
Опять, своими же руками,
Неудававшійся кумиръ....

Digitized by Google

Но вотъ, онъ самъ передъ глазами,—
Смотри!...»
И точно, передъ нами
Несло багряными волнами
Весь христіянскій, новый міръ...

Digitized by Google

Пѣснь 11-я.

НОВЫЙ МІРЪ.

„L'empire, c'est la paix!"
Napoléon III.

Вотъ онъ, міръ этотъ христіянства,
Подъ сѣнью выросшій креста,—
Онъ, первый ниспровергшій рабство
Побѣднымъ знаменемъ Христа;
Изъ тьмы возвысившій народы
До благороднѣйшихъ началъ
Гражданской жизни и свободы!
Годинычь, съ жаромъ, восклицалъ.
Здѣсь, съ первыхъ дней же возрожденья,
Выходитъ человѣкъ впередъ;
Здѣсь просыпается народъ
И духъ всеобщаго движенья.
Здѣсь непрестанная борьба,
Но не тирановъ межь собою,—
Ихъ рѣшена уже судьба!....
Борьба разсвѣта съ древней тьмою;
Борьба отдѣльныхъ, частныхъ лицъ

Digitized by Google

Съ правами митръ и багряницъ,
За человѣческое право;
Борьба народовъ и властей,
За каждый даръ тѣхъ новыхъ дней,—
И обоюдная расправа,
За каждый лишній шагъ впередъ
Иль за былыя увлеченья.
«Мы знаемъ, что свершилъ народъ,
Вступивъ въ кругъ общаго движенья.
Свѣтъ христіянства міръ засталъ
Еще въ развитьи полномъ рабства;
А нынѣ есть ли еще царство,
Гдѣ бъ духъ свободы не стоялъ
Въ главѣ правителей народныхъ?
Но это значитъ ли, что міръ
Успѣлъ вполнѣ создать кумиръ
Стремленій и надеждъ свободныхъ?
Онъ говоритъ и самъ,—что нѣтъ!
Нашъ смѣлый вѣкъ, при всей заботѣ
Внести во всѣ народы свѣтъ,—
Досель при черной лишь работѣ;
Народы учатся лишь жить.
Они со страхомъ еще тянутъ
Своихъ успѣховъ лучшихъ нить....
То чудно ль, что такъ быстро вянутъ,
Какъ скороспѣлые цвѣты,
Ихъ недозрѣлыя мечты?...
«Свѣтъ нравственный и свѣтъ свободы,—
Два высшихъ дара, что судьбы
Вѣнчаютъ вольные народы,
По окончаніи борьбы
Съ тяжелымъ игомъ угнетенья;
Но только черезъ много лѣтъ
Приходитъ вѣкъ ихъ возрожденья,
Свѣтаетъ настоящій свѣтъ,—
И духъ развитія свободный
Животворитъ ихъ міръ народный.
«Привычка къ рабству не даетъ

Digitized by Google

Народу снять совсѣмъ оковы,—
Но долго, съ робостью, народъ
Еще глядитъ на міръ свой новый.
Въ немъ вѣры нѣтъ еще въ себя,
Что лишь даетъ благое время;
Ему свобода еще бремя,—
И часто, самъ себя губя,
Не слушая крикъ недовольныхъ,
Онъ проситъ вновь себѣ цѣпей,
У собственныхъ своихъ вождей,—
Тѣхъ силъ какихъ нибудь подпольныхъ.
«Но что же это говоритъ?—
А то, что міръ нашъ очень молодъ,
И опыта тяжелый холодъ
Его нескоро отрезвитъ,
Отъ вкоренившагося рабства;
И истинной свободы міръ,
Тотъ міръ и свѣта, и богатства,
Мечтаній нынѣшнихъ кумиръ,—
Еще въ туманѣ отдаленья;
И много тяжкаго боренья
Народы встрѣтятъ на пути,
Пока удастся имъ дойти
До этой высоты желанной.
«Досель, міръ въ битвѣ непрестанной,
За право честное свое....
Но тотъ ли онъ, какимъ былъ прежде.
Когда онъ началъ бытіе?....
Оставимъ же просторъ надеждѣ,
Что много,—черезъ сотни лѣтъ,
Изъ тьмы онъ выйдетъ современной,
И точно, благодатный свѣтъ
Всѣ страны озаритъ вселенной.

«О древній міръ, о міръ боговъ,—
Міръ самовластія и рабства,
Досель слѣда твоихъ оковъ
Не смылъ съ земли духъ христіянства!

Digitized by Google

Божественный свободы видъ,
Съ ея сіяньемъ и громами,
Еще понынѣ насъ страшитъ,—
И намъ отраднѣй быть рабами.
Ея святое торжество
Для насъ еще міръ недоступный;
Она для насъ не божество,
Но плодъ запретный и преступный.
Едва мы слышимъ ея кликъ,
Мы пачкаемъ ей кровью ликъ,
Срываемъ съ тѣла багряницу,
И зримъ нагую въ ней блудницу.
Такъ рабство въѣлось до костей
Въ нашъ духъ и въ образъ нашъ звѣриный;
Лишь подъ эидою властей
Мы только люди, съ силой львиной.
«Взгляни кругомъ,—что узришь тамъ?....
Народное повсюду дѣтство,
Покорность робкую властямъ,
И съ ней—слѣпое раболѣпство.
Досель, народъ безъ помочей
Еще ступить не смѣетъ шага,—
Рѣшить не въ силахъ, безъ властей,
Что для народа зло, что благо.
Власть аргусомъ слѣдитъ за нимъ
При каждомъ словѣ, лицемѣря
Усердьемъ ревностнымъ своимъ;
Ей выгоднѣй въ немъ видѣть звѣря,
Чтобы держать его въ цѣпяхъ,
Чѣмъ умный образъ человѣка,
Что и въ оковахъ, и въ потьмахъ,
Сочувствуетъ движенью вѣка.
Народъ понынѣ не живетъ;
Гдѣ грань иль мѣра угнетенью?....
Но есть предѣлъ его терпѣнью,—
И онъ встаетъ.... Но какъ встаетъ?
Какъ дикій звѣрь, какъ волъ взбѣшенный;
И снова,—скоро укрощенный

Digitized by Google

И скованный опять,—какъ звѣрь, въ цѣпяхъ,—
Трепещетъ въ чьихъ нибудь когтяхъ.
«Зло это въ силахъ ли продлиться
Въ грядущемъ? Все гласитъ, что нѣтъ!
А болѣе всего,— растущій свѣтъ.
Онъ нынѣ можетъ ли затмиться?
Народъ невидимо растетъ.
Онъ принимается за дѣло,—
Сперва неловко и не смѣло,
Съ сомнѣніемъ глядитъ впередъ;
Но съ увеличеніемъ свѣта,
Онъ вѣритъ искренно себѣ,
Онъ чуетъ духъ въ себѣ атлета,
И предается весь борьбѣ;
Свѣтъ раздвигаетъ путь безвѣстный
Ему въ глухой дали временъ;
Яснѣетъ темный небосклонъ,
И отверзаетъ міръ чудесный,
О комъ подумать той порой,—
Всѣмъ показалось бы мечтой.

«Взгляни въ прошедшее,—всѣ страны
Европы прежней бродятъ въ тьмѣ;
Нѣтъ свѣтлой мысли на умѣ,
Ея народы будто пьяны;
Повсюду разрушенья слѣдъ,
Лишь вдалекѣ чуть брежжетъ свѣтъ;
Она какъ будто погибаетъ,—
Ее коробитъ и ломаетъ;
Насталъ ея послѣдній вѣкъ;
Но въ этомъ хаосѣ смятенья
Восходитъ солнце возрожденья,—
Встаетъ свободный человѣкъ.
«Смотри! Вотъ эти великаны,
Чьи исполинскія стопы
Обмолотили, какъ снопы,
Отжившаго Полудня страны!
Вотъ этотъ сонмъ богатырей

Digitized by Google

И ихъ вождей голубоокихъ,
Съ поморскихъ береговъ далекихъ,
Съ поволжскихъ и донскихъ степей,
Что другъ за другомъ приходили
Дѣлить Римъ ветхій межь собой,—
Тотъ мертвый міръ, что оживили
Потомъ живой они водой...
«Насталъ ихъ день,—рѣшенный тамъ.
Въ судьбахъ Господняго Совѣта,—
Онъ бросилъ сѣвернымъ орламъ
Въ добычу трупъ царя полсвѣта.
На Югъ!... Раздался общій зовъ,—
И кинувши страну родную,
Взвилося стадо тѣхъ орловъ
Дѣлить добычу дорогую....
Завыла буря имъ во слѣдъ,
Упали римскія преграды,
И не было отъ нихъ пощады
Тому, предъ кѣмъ дрожалъ весь свѣтъ.
Но только смолкнулъ духъ крушенья,
Упалъ развѣнчанный кумиръ,—
Какъ изъ обломковъ разрушенья
Ужь подымался новый міръ,—
Міръ личныхъ правъ и міръ народный,—
Нашъ современный великанъ,
Что внесъ впервые духъ свободный
Въ среду новѣйшихъ нашихъ странъ!...
Такъ съ горъ потокъ несется бурный,
И на пути своемъ крушитъ
И отшлифованный гранитъ,
И мирный кровъ, и городъ шумный;
Наводнены пути, поля,
Плывутъ дома, стада, заборы,
Ужь островами стали горы,
Не видно, гдѣ была земля,
Слѣды повсюду разрушенья,
И ни откуда нѣтъ спасенья.....
Но чуть вода вошла въ брега,

Digitized by Google

Край принимаетъ образъ стройный,
Еще свѣжѣй блестятъ луга;
Токъ бурный сталъ рѣкой спокойной,—
По ней бѣлѣютъ паруса,
Кругомъ кишитъ народъ довольный,
И мирно смотрятъ небеса
Въ ея лазоревыя волны.

«О новый Римъ! Христосъ вручилъ
Тебѣ народныхъ столько силъ,
Какъ пастырю...Какое поле
Предназначалъ твоей Онъ долѣ,
Для насажденія добра;
Какая славная пора
Тебѣ дана была,—въ народы
Внесть христіянскій духъ свободы,
И стать свѣтильникомъ земли!
И Львы, Амвросіи твои,
И Афанасіи, понынѣ
Примѣромъ служатъ, что ты могъ
Стать выше суетныхъ тревогъ,
И ключъ живой пробить въ пустынѣ.
Ты не служитель вѣдь боговъ,
Не властелинъ, не царь державный;
Ты первый лишь слуга Христовъ,
Ты пастырь стада Его главный;
Твое оружіе есть свѣтъ,
Твой собственный примѣръ высокій
Могъ обратить весь міръ широкій....
Ты это выполнилъ, иль нѣтъ?
«Нѣтъ! Ты въ сосудъ любви священной
Влилъ сладкій ядъ земныхъ страстей;
Ты стать хотѣлъ царемъ вселенной,
Владыкою самихъ царей;
Хотѣлъ сдержать движенье вѣка,
Убить развитье человѣка;
Хотѣлъ, какъ Іисусъ Навинъ,
Остановить еще свѣтило,

Digitized by Google

Что такъ ужь пышно восходило,—
То солнце міровыхъ судьбинъ,
Тотъ новый вѣкъ судьбы народной,—
Остановить,—пока тебѣ
Удастся побѣдить, въ борьбѣ
Съ твоею паствой недовольной,
И похвалиться передъ ней,
Непогрѣшимостью своей.
«И въ этой суетной заботѣ
Ты думалъ плыть въ водоворотѣ?
Ты думалъ, взявши Божью власть,
На этой высотѣ не пасть,—
Тамъ, боги пали гдѣ земные,
Тамъ, гдѣ герои міровые
Теряли голову потомъ,
И царства падали вверхъ-дномъ;
Ты думалъ такъ.... Но что же стало?
Ты внесъ служеніе Ваала
Въ храмъ опозоренный Христа,—
И міръ, подъ знаменьемъ креста,
Узрѣлъ вѣнецъ Гельиогабала!
«Чтожь ты тогда?..Зажегъ костры,
Отколь несло горѣлымъ мясомъ;
Повсюду поднялъ топоры,
Дивя вселенну ихъ запасомъ;
Предъ каждымъ мыслящимъ умомъ
Открылъ подземныя темницы;
Передъ божественнымъ крестомъ,
Велѣлъ вбивать въ нихъ иглы, спицы,
Палить ихъ медленнымъ огнемъ;
Изъ церкви создалъ легіоны
Тебѣ лишь преданныхъ рабовъ,
И окружилъ ихъ ратью троны;
Втеръ эти полчища бѣсовъ
Въ дома, въ святилища семейства,
Въ науку, въ совѣсть, въ духъ людей...
Но кто исчислитъ всѣ злодѣйства;
Кто взвѣситъ злобу этихъ дней? ..

Digitized by Google

«Ты видишь въ рощахъ Лангедока
Ручьи кроваваго потока?
Смотри, вотъ Альбійгойцевъ сонмъ,
Среди пылающаго круга
Огня, съ Монфоромъ палачомъ?...
А тамъ, отъ Сѣвера до Юга,
Вся тонетъ Франція въ крови;
Не это ль знаменье любви
Къ ней Рима и его Баярдовъ?..,
А вотъ князь Альба, тотъ злодѣй,
Растерзанныхъ имъ, Нидерландовъ;
Гранвель—палачъ изъ палачей...
Смотри, тутъ все ихъ ополченье...
Да, Римъ! ты мастеръ, исполинъ
Былъ въ творчествѣ живыхъ картинъ;
Ты обгонялъ воображенье!...
«Здѣсь, на огнѣ горитъ костровъ
Краса Богеміи сыновъ;
А тамъ, какъ подъ ножомъ у турка,
Стенаютъ жены Магдебурга,
И по колѣна въ ихъ крови,
Средь жертвъ, еще недовершенныхъ,—
Священниковъ сонмъ облаченныхъ
Поетъ гимнъ Божеству любви;
Страна отъ края и до края,
Чтобы вѣрнѣй достигнуть рая,
Пылаетъ тридцать лѣтъ въ огнѣ;
Всѣ вѣнценосцы на конѣ,
И устилаютъ ихъ владѣнья
Рядами труповъ и крушенья...
Но вотъ,—вотъ бойни всей вѣнецъ,
И все еще ей не конецъ,—
Святая ночь Варфоломея!
Тутъ самъ король, какъ воръ ночной,
Стрѣляетъ въ свой народъ родной,
Ни слезъ, ни крови не жалѣя;
И для кого же,—для чего?...
Спасенья ради своего!

Digitized by Google

«Кто жь эти изверги слѣпые?
Кто эти звѣри, палачи?
Все люди, чуть ли не святые.
Кто направляетъ ихъ мечи,
Суля на небѣ имъ награду?
Все тотъ же пастырь ихъ благой,
Тотъ образецъ Христову стаду...
И это вынесъ міръ земной?..
«Что жь послѣ этого умъ, воля?
Какая всѣхъ успѣховъ доля?
И что такое человѣкъ,
Когда имъ каждый новый вѣкъ
И каждый деспотъ помыкаетъ,
Коверкаетъ его, ломаетъ,
И знать не хочетъ ничего,
Опричь рѣшенья своего?
Иль мы родимся впрямь нулями,
Орудьями лишь власти той,
Что насъ волочитъ за собой,—
Готовые идти съ ножами
На самыхъ близкихъ намъ людей,
На здравый смыслъ,—и все для ней?...
Что дѣлать совѣсти и знанью,
Иль смысла здраваго терзанью?
Какой земной переворотъ
Міръ отъ безумія спасетъ?....

«Но нѣтъ! Міръ можетъ заблуждаться,
И въ мірѣ могутъ называться
На время,—здравый смыслъ — мечтой,
Порокъ—развитіемъ, свѣтъ—тьмой;
Но здравый смыслъ не умираетъ,
Гласъ совѣсти не умолкаетъ,
Какъ крикъ утѣшенныхъ дѣтей;
А изъ подъ гнета и цѣпей,
Свободный духъ встаетъ сильнѣй!
И эта кровь, и эти слезы,
Что пролилъ Римъ своей рукой,

Digitized by Google

Всѣ эти царственныя грезы
Преобладанья надъ землей,
Чѣмъ пастыри его гордились,
Что ставилъ выше онъ всего,—
Всѣ эти лавры обратились
Колючимъ терньемъ для него.
«Смотрите,—вотъ ужь затопляетъ
Кровь эта шаткій его тронъ,
И гласъ народовъ посылаетъ
Ему проклятье...Что же онъ?
Еще цари въ недоумѣньи;
Но міръ ужь понялъ, онъ ужь зритъ,
Что Римъ исполненъ преступленій,
И мантія его смердитъ,—
И Римъ, все глубже утопаетъ
Въ кровавыхъ, мутныхъ тѣхъ волнахъ,
И напослѣдокъ, чуть всплываетъ
Больной, трепещущій монахъ.
«Но оставляла ль Римъ рѣшимость?
Нѣтъ!...Какъ спасенія бревно,
Онъ ухватилъ непогрѣшимость,—
И съ ней, какъ ключъ, пошелъ на дно.

«И этотъ трупъ могъ быть кумиромъ,
Господствовать надъ полуміромъ,
Гасить свободы духъ живой
И заслонять ей свѣтъ благой!
И Западъ весь, какъ бы въ угарѣ,
Двѣ тысячи могъ лѣтъ стенать
Рабомъ сихъ евнуховъ въ тіарѣ,
И прахъ ихъ туфлей цѣловать!

«И хвалишься, край легковѣрный,
Какъ нѣкой силою безмѣрной,
Какъ высшей доблестью своей,
Что вынесъ двѣсти ты возстаній!
По мнѣнью мыслящихъ людей,
То двѣсти вѣдь кровопусканій....

Digitized by Google

Что жь это, за такой недугъ,
Что ты не могъ, для исцѣленья
Иль своего освобожденья,
Найти искуснѣй себѣ рукъ!...
«Но это былъ недугъ ужасный,
Недугъ постыдный и опасный;
Онъ точитъ, будто червь, народъ
И вноситъ въ край его паденье.
Его міръ знаетъ, и зоветъ
Давно—народное растлѣнье.
Имъ одержимый, ты не могъ,
Въ тоскѣ болѣзненныхъ тревогъ,
Минуты знать себѣ покоя,
Ни произвесть себѣ героя,
Ни даже славнаго вождя,
Чтобы рукою исполина
Тебя онъ собралъ воедино,
Изъ-подъ кроваваго дождя,
Что растравлялъ твои лишь раны.
Твои вожди всѣ были пьяны
Отъ честолюбья, и другихъ
Искательствъ праздныхъ и хмѣльныхъ;
Пока самъ геній твой народный,
Когда пришла тому пора,
Почуялъ духъ въ себѣ свободный
И всталъ съ печальнаго одра.
«И это царствіе растлѣнья
И роковаго распаденья
Произвело такихъ мужей,
Изъ той же изъ среды народной,—
Чей дивный даръ до нашихъ дней
Плѣняетъ всякій духъ свободный.
Но эти мужи предпочли
Изъ всѣхъ стремленій ихъ земли,
Жаръ благодатный вдохновеній;
И стали,—кто своимъ рѣзцомъ,
Кто пѣснью, кистью,—образцомъ
И славой новыхъ поколѣній.

Digitized by Google

Вотъ эти боги, чьихъ именъ
Довольно, чтобъ создать вѣкъ цѣлый,
Предъ кѣмъ молчитъ вражда племенъ
И преклоняется міръ зрѣлый!
«И все какія имена!
Какой блескъ силы самородной!
Представитъ ли еще страна
Другая—рядъ людей подобный!...
Вотъ, твой, Италія, вѣнецъ,—
Твое начало и конецъ!
Вотъ кто, вожди твои, герои!
И самые твои разбои
Не помѣшали имъ собой
Прославить свой народъ родной.
«Кто зналъ безъ нихъ бы Сикстовъ славныхъ,
Иль Иннокентіевъ, Колоннъ,
Иль Медицисовъ, Львовъ вѣнчанныхъ?
Давно бъ ихъ скрыла мгла временъ;
Но эти яркіе свѣтила
Своей ихъ славой озарили,—
И гдѣ, средь дальнихъ странъ земныхъ,
Міръ развитой не знаетъ ихъ?
«А чѣмъ отечество за это
Платило этимъ силамъ свѣта?
Своимъ расчетамъ лишь внемля,
Колумбу ввѣрить не хотѣло
Оно гнилаго корабля,
И отказать ему посмѣло.
Тотъ Галилей, кѣмъ былъ изъ тьмы
Міръ цѣлый двинутъ въ царство свѣта.
Тотъ славный Галилей за это
Едва не сгнилъ во мглѣ тюрьмы.
Великій Дантъ, чьей славной тѣни
Досель дивится міръ земной,
Былъ осужденъ ѣсть хлѣбъ чужой,
И чуждыя топтать ступени.
А этотъ мученикъ святой
Слѣпой гордыни феодальной,

Digitized by Google

Несчастный Тассъ?...Кто незнакомъ
Съ его судьбою, столь печальной?
И онъ,—какимъ нибудь княземъ,
Умнѣе казни не нашедшимъ,
Провозглашенъ былъ сумасшедшимъ!

«Но просвѣщенья свѣтъ благой,
Онъ шелъ своею чередой.
Ты зришь младыя эти тѣни,—
По нимъ едва скользитъ лишь свѣтъ,
И въ нихъ особеннаго нѣтъ,—
Онѣ богамъ тѣмъ поколѣнія;
Но это полкъ передовой
Еще науки молодой,
Тѣ Розелины, Сенъ-Бернарды,
Жильберты, Скотты, Абелльярды,
Что проложили путь собой
Жрецамъ науки уже зрѣлой,
Потомъ наполнившей міръ цѣлый,
И поразившей гордый Римъ,
Его жъ оружьемъ роковымъ.
«Такъ просвѣщенье, даръ нетлѣнный,
Есть достояніе вселенной!
Блеснулъ онъ надъ одной страной,—
И скоро заблеститъ въ другой.
Германію еще въ то время
Давило общее всѣмъ бремя,—
Феодализмъ, сей бичь умовъ;
Въ ней не было еще дворцовъ
Великолѣпныхъ Медицисовъ,
Ни галлерей роскошныхъ Сикстовъ,
Ни знаменитыхъ ихъ пѣвцовъ,
Ни средствъ всемірныхъ Ватикана;
Весь край имѣлъ снаружи видъ
Еще воинственнаго стана;
Но юный духъ ея спѣшитъ
Наукѣ въ встрѣчу возрожденной,—
И вѣщій гласъ страны гремитъ

Digitized by Google

Передъ Европой изумленной.
«Здѣсь мощный духъ ея сковалъ
Перуны тѣ, предъ кѣмъ упалъ
Кумиръ языческаго міра,
Богъ удальства, сей богъ Омира,
Не смытый кровію Христа
Съ отважныхъ витязей креста,—
Тотъ громъ, что разгромилъ твердыни
Вассаловъ дерзкихъ и князей,
И собралъ ихъ, ничтожныхъ нынѣ,
Вокругъ законныхъ королей. *)
Здѣсь Майнца гражданинъ свободный
Впервые поднялъ стягъ народный,—
Стальныя крылья тѣ, на комъ
Мысль облетѣла край ихъ сонный,
И изъ скиталицы бездомной
Всемірнымъ стала божествомъ. **).
Здѣсь, въ скромной кельѣ, загорѣлась
Свободы первая заря; ***)
Отсель надъ Римомъ разразилась
Гроза Небеснаго Царя....

«Вотъ онъ, свершитель этотъ мщенья,
Предъ кѣмъ палъ духъ порабощенья!
Простая ряса на плечахъ,
Какъ знаменье его обѣта,
И книга новаго завѣта
Въ его недремлющихъ рукахъ,—
Единый мечъ его въ бояхъ
Съ царемъ духовнымъ полусвѣта.
Споръ раньше начатъ былъ; и рать
Давно,—Валдейцевъ, Таборитовъ,
И Альбоинцевъ, и Гусситовъ,
Пыталась міръ на Римъ поднять;

*). Изобрѣтеніе пороха.
**) Изобрѣтеніе книгопечатанія.
***) Ученіе Лютера.

Digitized by Google

Но силенъ былъ еще Римъ славный
И скиптръ его самодержавный;
Его священно-грозный видъ
Оледенялъ весь Западъ страхомъ....
Но только поднялъ сей Давидъ
Свой мѣткій пращъ надъ Голіафомъ,
Въ виду тѣхъ доблестныхъ дружинъ,—
И рухнулъ грозный исполинъ;
И двинулись впередъ народы
На утѣснителя свободы,
И растворилися тюрьмы,
Гдѣ спалъ, въ оковахъ, юный геній,
И перекликнулись умы,
И раздался звукъ пѣснопѣній....

«О просвѣщенье! Еслибъ ты,
Какъ золотое дня свѣтило,
Восшедши разъ, не заходило
Опять въ пучину темноты,
Сіяло бъ намъ, не померкая;
Какъ много бъ сдѣлалъ міръ земной,
И какъ давно бы свѣтъ благой
Всю землю озарилъ собой,
До отдаленнѣйшаго края.
Но, нѣтъ!—Твой каждый яркій лучь
Мрачатъ тотчасъ же гряды тучь;
Ты, какъ барометръ у вселенной,—
Все на погодѣ перемѣнной;
Одинъ день ясенъ сводъ небесъ,
Но въ слѣдъ, года поры ненастной,
И градъ, и снѣгъ весною красной....
Иль ты похоже на тотъ лѣсъ,—
Тотъ лѣсъ безвыходный, пустынный,
Куда зашелъ пѣвецъ твой дивный,
Съ прямаго сбившися пути. *)?
Давно въ лѣсу томъ міръ блуждаетъ.

*) Дантъ. (См. начало Божественной комедіи).

Digitized by Google

И жаждетъ путь прямой найти;
Но мракъ глубокій натыкаетъ
Его на тропочки однѣ,—
И тѣ сплелись одна съ другою.
Какой онъ ни пойдетъ тропою,
А все выходитъ къ глубинѣ
Пучины мрачной и безвѣстной,
Гдѣ слышенъ вѣчности лишь стукъ,
И все слилось въ единый звукъ;
А надъ главой лишь сводъ небесный,—
То сумрачный, то весь въ лучахъ,
Въ безмолвныхъ горнихъ высотахъ.
«Чѣмъ не платился міръ пытливый
За каждый шагъ нетерпѣливый?...
А сколько времени прошло,
И сколько тщетныхъ жертвъ легло,
Съ тѣхъ поръ, какъ человѣка геній
Вступилъ на путь благихъ стремленій;
Покуда Гершель, великанъ
Науки, подсмотрѣлъ движенье
Небесныхъ звѣздъ, и внесъ счисленье
И лотъ, въ небесный океанъ;
Иль Эренбергъ открылъ Европѣ,
Въ своемъ блестящемъ телескопѣ,
Невидимый для глазъ простыхъ,
Міръ инфузорій подвижныхъ!....
Но что же знанье это значитъ
Предъ тѣмъ, чего не знаемъ мы?
Кого въ нашъ вѣкъ не озадачитъ,
Что мы понынѣ въ мірѣ тьмы?
Отважно мы предположенья
Изъ бездны черпаемъ вѣковъ;
А не имѣемъ, въ утѣшенье,
Еще лѣкарства отъ зубовъ.
Нашъ вѣкъ, въ открытьяхъ, точно, силенъ;
Но счетъ нашъ истинъ,—необиленъ.
Мы чаще судимъ, какъ слѣпцы;
Но чтобъ гипотезу построить,

Digitized by Google

Иль темное еще—усвоить,
На это люди мудрецы!...

«Тевтоновъ край,—теперь край знаній,—
Но прежде, въ старину, и ты
Желалъ однѣхъ завоеваній,
И обладанья суеты!
Твои князья не понимали
Судебъ страны своей родной,
И нѣсколько вѣковъ искали
Свой край — въ Италіи чужой.
Не разъ, во дни ты увлеченья,
Не разъ сбиралъ имъ ополченья,
Подъ свѣтлымъ знаменемъ Христа,
Для избавленія креста;
Но чѣмъ же, чѣмъ вознаградили
Тебя побѣды всѣ твои?
Что дали Валленштейны, Тилли,
Могуществу твоей земли?
Иль на кого ты намъ укажешь
Изъ императоровъ твоихъ?
Что славнаго теперь разскажешь
Про громкое правленье ихъ?
Опричь двоихъ твоихъ Оттоновъ,
Іосифа и Фрица,—свѣтъ
Напрасно посреди ихъ троновъ
На чемъ нибудь свой ищетъ слѣдъ.
Другіе нравы и влеченья,—
Разбой, развратъ, кровосмѣшенья,
Кой гдѣ, на счетъ страны, турниръ
Иль императору же пиръ;
Версаль нѣмецкій и картины,
Прелестницы, болота тины,—
Вотъ все, чѣмъ нѣкогда полна
Была Германіи страна.
«Но кто тотъ юноша межь ними,
Красавецъ тѣломъ и душой,
Въ бронѣ, съ кудрями золотыми,

Digitized by Google

И съ окровавленной главой?
То вѣтвь изъ Габсбургскаго дома,
То благородный Конрадинъ!
Рожденный также для погрома,
Какъ истый, юный паладинъ,
Онъ прибылъ, полный жизни, славы,
Искать наслѣдственной державы
Въ Италію,—и тамъ сложилъ
Главу на плахѣ. Рокъ скосилъ
Его въ веснѣ еще цвѣтущей.
Пришлецъ другой страны могучей,
Почти младенецъ путь нашелъ
Прямѣй, на спорный тотъ престолъ;
Но и его не пощадила
Судебъ невидимая сила,—
Такъ онъ непроченъ, шаткій кровъ,
Чужихъ престоловъ и вѣнцовъ!
«А что же видѣли мы нынѣ,
Въ заатлантической пустынѣ?
Не тотъ ли жь блѣдный Конрадинъ,
Лишь въ образѣ Максимильяна,
Глядитъ на насъ изъ за пучинъ
Вольнолюбивыхъ Океана?...

«О край науки, всѣмъ родной,
Позднѣй ты понялъ жребій твой!
Замкнутый самъ въ себѣ издавна,—
Отъ Запада страною славной
Французскихъ рьяныхъ королей.
Съ Востока—возроставшей силой
Могучихъ сѣверныхъ людей,
Безъ моря и безъ кораблей,
И съ конституціей, столь хилой,
Что лишь могла кормить князей,—
Чтобъ совершилъ ты для народа
Въ тюрьмѣ готической твоей.
Когда бъ широкая свобода
Не окрылила разумъ твой

Digitized by Google

На поиски благаго свѣта;
Когда-бъ тебя твой духъ благой
Не засадилъ въ глубь кабинета,—
Отколь ужь Фаусты твои
Вращали силами земли?...
«Но ты, край истый просвѣщенья,
Ты понялъ вѣрно назначенья
Судьбы возвышенной твоей!
И твой успѣхъ послѣднихъ дней
Намъ доказалъ, что блескъ престола,
Величье прочное страны,
Успѣхи самые войны,
Даетъ народу—его школа.
Прошло съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ,
Какъ озарилъ Европу свѣтъ;
Но долго было убѣжденье,
Что для народовъ просвѣщенье,—
Источникъ бѣдствій лишь и золъ:
Но здравый разумъ твой нашелъ,
Что свѣтъ—народное есть знамя,
И только тотъ силенъ народъ,
Въ комъ загорѣлось это пламя,—
Лишь можетъ онъ идти впередъ!

«О мрачный Карлъ! *) и въ ослѣпленьи,
Что полземли въ твоемъ владѣньи,
Ты собирался задушить
Твоей тяжелой багряницей,
Край этотъ мысли, раздавить
Его побѣдной колесницей;
Ты думалъ запереть умы
Подъ своды тѣсные тюрьмы,
Куда упряталъ ты духъ темный
Твоей страны, когда-то вольной;
Ты думалъ заковать въ цѣпяхъ,
Сдержать на привязи народы,

*). Карлъ V.

Digitized by Google

Гдѣ разгорѣлся огнь свободы
И ясный свѣтъ блеснулъ въ умахъ;
Ты ждалъ, срубивши два, три дуба,
Тебѣ стоявшихъ на пути,—
Ты лѣсу запретишь расти!....
Но какъ бы ни былъ отлитъ грубо
Святой свободы идеалъ,—
Богъ не затѣмъ народамъ далъ
Сей даръ, чтобы властитель встрѣчный
Ломалъ законъ Его предвѣчный,—
Гдѣ нѣтъ въ запасѣ ничего,
Чтобъ лучшимъ замѣнить его!..
Тамъ, мысль гдѣ разъ пустила корни
Въ душѣ народной,—тамъ народъ
Не устрашится гнусной бойни,—
Но смѣло онъ пойдетъ впередъ.
И вотъ примѣръ! Въ борьбѣ неравной,
Гдѣ ты съ державной, высоты
Могъ смять его духъ своенравный,
Бѣжалъ не онъ,—но первый ты!
«И все таки, ни споръ напрасный,
Ни вѣщій голосъ дней былыхъ,
Не вразумилъ духъ самовластный
Слѣпыхъ преемниковъ твоихъ.
Повсюду свергнутый въ далекой
Германіи, ему чужой,—
Духъ этотъ гордый и жестокій
Налегъ на свой народъ родной.
Чтожъ сталось съ вашею страной,
Что провидѣнье вамъ вручило,
Гдѣ солнышко не заходило
Во время оно?—Мракъ глухой
Спустился на ея народы,
И край вашъ сильный, молодой,
Край, полный всѣхъ даровъ природы,
Въ сонъ погрузился гробовой.
«Страшась въ странѣ своей разсвѣта
Свободной мысли, чуждой вамъ,

Digitized by Google

Вы растеряли по частямъ
Имперію, почти въ полсвѣта;
А здѣсь самъ доблестный народъ,
Порывомъ движимый свободнымъ,
Санъ императора даетъ
Своимъ владавцамъ благороднымъ!
Тотъ край, что скипетромъ своимъ
Хотѣли сдѣлать вы машиной,
Чтобъ властвовать въ немъ вамъ однимъ
Съ жестокой вашею дружиной,—
Тотъ край желаетъ самъ собой
И требуетъ соединенья
Въ одинъ народъ, для утвержденья
Своей же воли дорогой!
Тотъ край, въ тяжелую годину
Готовъ собраться самъ въ машину,
Въ картечницу, въ строй боевой,
Въ простой ландвертъ, во что угодно,
Чтобъ защитить народъ родной...
Но это дѣлаетъ свободной—
Затѣмъ, что знаетъ напередъ,
Что въ этомъ—долгъ его народный;
Что въ этой машинѣ свободной—
Все тотъ же мыслящій народъ!
Кто жъ поднялъ такъ его?—Какъ это
Онъ выросъ?... Отъ того же свѣта,—
Что гнали вы,—что обрекли
Проклятью, предъ лицемъ земли.

«О родъ славянъ вольнолюбивый!
Вотъ наша слабая пята,—
Вотъ та граничная черта,
Что духъ замкнула вашъ строптивый,
И держитъ искони насъ дней
Въ опекѣ чуждыхъ намъ людей.
Пусть вашихъ странъ разъединенье
Васъ въ руки предало враговъ;
Но еслибъ наше просвѣщенье

Digitized by Google

Не спало длинный рядъ вѣковъ,—
Давно иное очертанье
Имѣлъ бы Западъ въ наши дни,
И мы бы знали не одни
Про это славное призванье,
Что назначали вамъ судьбы,
Когда вы были господами
Надъ Полуночными морями,
И вашей доблестной борьбы
Былъ слышенъ громъ, отъ Лабы славной
До Тибрскихъ дальнихъ береговъ;
Когда полки вашихъ сыновъ
Встрѣчалъ со страхомъ Римъ державный.
«Гдѣ жь нынѣ тотъ славянскій міръ,—
Тотъ міръ торговый, міръ богатый,
Былой Германіи кумиръ?
Гдѣ вѣщій геній тотъ крылатый,
Что оживлялъ тогда страну,
Сбиралъ въ мигъ цѣлыя дружины,
Лилъ злато въ храмы и въ кутины,
И создалъ первую Ганзу?.. .
Когда васъ Нѣмцы побѣдили,
Что ваши сдѣлали князья?..
Они изъ первыхъ измѣнили,—
И онѣмечилась земля.
Для нихъ ужь низки и незнатны
Родныя стали имена;
И вашъ языкъ, и старина,
Давно бъ погибли безвозвратно,
Когда бы доблестный народъ
Ихъ вновь не выдвинулъ впередъ.
«Но неужель вашъ духъ свободный
И ваша жаркая любовь
Къ отчизнѣ, гдѣ въ семьѣ народной
Еще течетъ Забоевъ кровь
И Шишки не исчезло знамя;
Неужли этотъ духъ и пламя—
Со славой не закончатъ споръ,

Digitized by Google

Что начатъ вами съ колыбели?..
Иль нужны цѣпи снѣжныхъ горъ
И непремѣнно Вильгельмъ-Тели,
Чтобъ побѣдить? Иль былъ сильнѣй
Эгмонтовъ край въ борьбѣ своей?...
«Другіе дни, другое время!
Пропущенъ цѣлый рядъ вѣковъ...
Предъ вами не одно ужь племя
Стоитъ воинственныхъ враговъ;
Но цѣлый Западъ просвѣщенный.
Чѣмъ оградитъ противъ него
Себя вашъ родъ порабощенный?
Онъ знать не хочетъ ничего,
Про ваши долгія страданья,
Народность вашу, упованья;
Предъ просвѣщеньемъ всѣ равны....
Оно лишь врагъ племенъ отставшихъ
Или народовъ запоздавшихъ;
Оно врагъ даже и войны,
Его держава невидимо
Растетъ, никѣмъ неодолима,—
И побѣждаетъ не мечемъ,
Но тѣмъ божественнымъ жезломъ,
Что лишь владѣетъ просвѣщенье;
Мечь,—лишь кончаетъ пораженье.

«Зачѣмъ Германіи война
Теперь съ славянскими землями?
Зачѣмъ ты, Фридриховъ страна,
Лить будешь кровь твою рѣками,
Чтобы бороться тебѣ съ нами?
Когда давно сыны твои
Идутъ толпой въ нашъ край обширный,
И разселяются въ немъ мирно,
Какъ среди родственной семьи?
Не лучше ль эти піонеры
И мирные миссіонеры,
Для выгодъ собственныхъ твоихъ,—

Digitized by Google

Не лучше ль браней роковыхъ?...
Ихъ мягкій натискъ, безъ помѣхи,
Не легче ли сулить успѣхи,—
Хоть и продлится больше лѣтъ?
Что можемъ мы противоставить,
Чтобъ ихъ давленіе ослабить?—
Одно лишь,—нашъ народный свѣтъ;
А гдѣ же онъ?—Его и нѣтъ!
«Да, свѣтъ!... Теперь въ немъ все спасенье;
Лишь только съ нимъ цари земли
Спасутъ народности свои,
И вступятъ въ общее движенье.
Лишь онъ народъ нашъ сохранитъ
Отъ новаго порабощенья,
И самъ собою разрѣшитъ
Всѣ наши прежнія сомнѣнья.
Теперь нѣтъ въ мірѣ никого,
Кто погасить бы могъ его,
Иль возрожденные народы,
Лишить ихъ нравственной свободы.
Пускай же умный нашъ народъ
Къ нему поспѣшнѣе идетъ!
Иль пусть успѣхами своими
Не отстаетъ передъ другими;
Затѣмъ, что свѣтъ не пощадитъ,
Ни тѣхъ, кто ждетъ,—ни тѣхъ, кто спитъ!

«Народовъ въ мірѣ очень много,
И каждому своя дорога;
Но просвѣщенья цѣль одна,—
Всѣхъ счастье. Но пока она
Орудьемъ будетъ сокровеннымъ
Народныхъ хитрыхъ вожаковъ,—
Міръ не избавится оковъ.
И алкоранъ зовутъ священнымъ,
И Магометъ инымъ—пророкъ!....
И всю Европу,—и давно ли?—
Столѣтій нѣсколько,—не болѣ,

Digitized by Google

Едва не залилъ сей потокъ,
Что несся, дико-величавый,
Смывая страны и державы,
И угрожая крестъ святой
Стереть двурогою луной?..
«Такъ часто, безпокойный геній
Въ слѣдъ оставляетъ за собой
Вѣка безплодные волненій;
Но праздныя толпы бѣгутъ
На зовъ его, все сокрушая,
И сами подлинно не зная,—
Зачѣмъ ихъ и куда ведутъ!
«Такъ вы, народы, большей частью
Еще игрушки вы, въ рукахъ
Тѣхъ исполиновъ, что, къ несчастью,
Къ вамъ сходятъ, чуть не въ облакахъ,
Чтобъ вы ихъ больше уважали!
Какъ рьяныхъ, боевыхъ коней,
Они знуздали васъ, сѣдлали,—
И васъ, по прихоти своей,
Куда хотѣли погоняли....
Въ чемъ слава тутъ? Не льститесь ей!
Вся ваша слава—что успѣли
Вы этихъ ѣздоковъ поднять,
И вашей силы не жалѣли,
Чтобъ на спинѣ своей сдержать;
Что облетѣли вы конями,
Подъ шпорами и шенкелями,
Полсвѣта,—и паслись потомъ
Съ наложеннымъ на васъ тавромъ.

«Немного славы есть народной,—
Той славы, гдѣ блеститъ свободный,
Врожденный духъ самой страны;
Гдѣ самъ народъ встаетъ собою,
Становится родной семьею;
Гдѣ, какъ одной земли сыны,
Всѣ одинаково полны

Digitized by Google

Къ ней безкорыстною любовью,
И истинно готовы кровью
Залить пожарище войны!
Той дивной славы, чье свѣтило
Край Вашингтона озарило;
Что окрыляла на враговъ
Эллады доблесныхъ сыновъ,
Или такъ ярко освѣтила
Святыя стѣны и главы,
За Русь пылающей, Москвы!
«Но не таковъ тотъ духъ свободы,
Гдѣ подымаетъ онъ народы
Не силой нравственной своей,
А честолюбіемъ вождей;
Гдѣ вожаки, разрушивъ троны,
И взволновавши край родной,
Не знаютъ дѣлать что съ собой,—
Гдѣ гордые Наполеоны
Кладутъ ихъ въ пушечный зарядъ,
А край влекутъ, куда хотятъ!
«Шелъ Магометъ, какъ вихрь летучій,
Пустынныя вздымая тучи,—
Наѣздникъ дерзкій и крутой,
Сумѣвшій, вѣщей силой слова,
Взнуздать коня себѣ степнаго,
И облетѣть съ нимъ міръ земной,
Гдѣ не было ничто готово
Сдержать бичь этотъ роковой.
Но пусть онъ—Моисей пустыни,
А все, ученье его—тьма!
Разбой,—вѣнецъ его святыни;
Весь кругозоръ его,—тюрьма!
«А были люди,—люди свѣта,
Ума,—поклонники креста,
Что ставили ученье это
Не ниже истины Христа!... *)

*) Между прочимъ, историкъ Гиббонъ.

Digitized by Google

«Но пусть и здѣсь есть также время
Благого чувства, сильныхъ рукъ,—
И въ тощей почвѣ видно сѣмя
Какъ бы раждавшихся наукъ;
И здѣсь есть также Саладины,
Есть Аларашидъ, Рашидъ-эд-дины,
Есть Авиценны, Аверрой,
Фирдуси, ихъ поэтъ-герой...
Вы помните, послы Царьграда,
Какъ нѣкогда, въ стѣнахъ Багдада,
Васъ принималъ, на ступеняхъ
Мечети, сонмъ халифовъ праздныхъ,
Сидѣвшихъ въ рубищахъ раздранныхъ;
Какъ ваши лбы склонялись въ прахъ,
И съ вашимъ деспотомъ вѣнчаннымъ,—
Предъ этимъ рубищемъ раздраннымъ!...
Иль не мудрецъ ли лучшихъ странъ,—
Маститый ихъ, Абдалраманъ?
Вотъ что онъ, съ жизнью на прощаньи,
Въ своемъ оставилъ завѣщаньи,
Какъ бы напутствуя сей свѣтъ:
«Царемъ я шестдесятъ былъ лѣтъ,
Достигъ до старости глубокой,
Имѣлъ испытанныхъ друзей,
Враги держались насъ далеко,
Дрожа предъ силою моей;
Но, прослѣдивъ дни прожитые,
Успѣхи, радости былые,
Я въ жизни насчиталъ своей,—
Четырнадцать счастливыхъ дней.»

«О еслибъ, князи христіянства,
И вы подобный счетъ вели
Всѣмъ яснымъ днямъ своей земли,
И днямъ насилья и тиранства;
Сколькихъ бы, можетъ, слезъ и бѣдъ
Избавился нашъ бѣлый свѣтъ!...
«Но вѣра темная пророка

Digitized by Google

Лишь возмутила дно потока,
Но не пробила вглубь русла;
Дать жизнь—та вѣра не могла!
Рожденная въ странѣ разбоя,
Она, какъ вешняя вода,
Прошла, заглохнувъ безъ слѣда,
Не подаривъ землѣ покоя.
Какой могъ плодъ произрасти
На дикой почвѣ сей, безплодной?
Какой могъ геній благотворный
Науки сѣмя разнести
По царству мрака и крушенья?
Не самъ ли царственный Коранъ
Гналъ свѣтъ изъ своего владѣнья,
И сѣялъ, среди новыхъ странъ,
Лишь сѣмя темнаго ученья?
И не поблекла ли подъ нимъ,
Какъ злакъ, подъ камнемъ гробовымъ,
Едва оставшися въ поминѣ,
Сама поэзія пустыни? [33])
«Что просвѣщенью создалъ онъ?
Какое бросилъ знаній сѣмя?
Что сдѣлалъ, въ долгое столь время,
Среди подвластныхъ онъ племенъ?
Рядъ цѣлый царственныхъ тирановъ,
Изнѣженныхъ съ пеленъ султановъ
И кровожадныхъ ихъ пашей,
Учившихся, какъ имъ ловчѣй,
Для лучшаго пищеваренья,
Снимать главы рабовъ своихъ,
Связавъ сперва попарно ихъ, *)
Иль жечь гяуровъ, для спасенья!..
Что далъ онъ хоть другимъ странамъ?
Кого?—Омаровъ, Чингисхановъ,
Иль Баязетовъ, Тамерлановъ?....
Что обѣщалъ своимъ рабамъ?—

*) См.: того же Гиббона.

Digitized by Google

По смерти,—жаркія объятья
Красавицъ, вѣчно молодыхъ,
А въ жизни,—стоны и проклятья
Подвластныхъ странъ, но имъ чужихъ.
И вѣрой той они довольны,—
И сладко спятъ въ гаремахъ ихъ,
Невозмутимы и спокойны!
А тамъ, гдѣ нѣкогда прошли,
Какъ ихъ Самумъ, они по свѣту,—
Тамъ никогда не быть разсвѣту,
Въ странахъ, покорной имъ, земли!
«Полміра было въ ихъ владѣньи,
Была въ рукахъ ихъ и земля,
И море, рощи и поля,—
И все осталось въ запустѣньи...

«Науки судъ признаетъ вполнѣ
Виною этого—духъ вѣры,
Ея безплодность и химеры....
Но что сказать о той странѣ,
Гдѣ жизнь кипитъ, гдѣ просвѣщенье
Имѣетъ полное значенье,
Народъ въ главѣ,—а для страны
Ни мира нѣтъ, ни тишины?...
«О Франковъ родъ славолюбивый,
Воинственный, но прихотливый,
Всегда враждебный самъ себѣ,—
Мы это видимъ на тебѣ!
На что тебя не доставало?
Куда народъ твой не бросало?....
Всю жизнь кометой ты блисталъ,
То удивлялъ, то устрашалъ.
Гдѣ столько бурь, борьбы, сомнѣній,
Разврата, славы, заблужденій,
Отваги,—даже иногда
Совсѣмъ ненужныхъ преступленій!
Чья безпокойная звѣзда
Надъ міромъ ярко такъ сіяла?

Digitized by Google

И что жь изъ этого всего
Твоя страна себѣ стяжала,
На долю счастья своего?
«Пусть край твой,—край былъ угнетенный,
Народъ,—всегда порабощенный
Подъ самымъ тягостнымъ ярмомъ
Честолюбиваго дворянства,—
Въ какомъ еще краю другомъ
Найдемъ блестящее столь барство,—
Увы, на твой народный счетъ!...
Но тягость эта не сломила
Вольнолюбивый твой народъ;
Гдѣ только можно ему было
Возстать,—народъ твой возставалъ,
И часто страшно отомщалъ
За вѣковыя утѣсненья.
И дождался онъ, наконецъ,—
Въ борьбѣ испытанный, боецъ,
Минуты полнаго отмщенья.
Такъ вообще народъ не разъ
Смолчитъ, когда его терзаютъ;
Но лишь придетъ расчета часъ,—
Тогда народы не прощаютъ.
Ты знатнымъ также не простилъ,—
Омывши кровью ихъ былое;
Ты началъ зданіе иное,—
Но что же ты соорудилъ?...
«Лишь тѣ великіе народы
Вполнѣ достойны ихъ свободы,
Что, не остынувши въ борьбѣ,
Рукой умѣютъ просвѣщенной,
Еще на почвѣ раскаленной,
Воздвигнуть лучшій міръ себѣ.
Пусть въ дни народнаго отмщенья
Бываютъ часто увлеченья,—
Исторія, свершивъ имъ судъ,
Даетъ рѣшенья непрямыя...
Кто спроситъ тучи громовыя,—

Digitized by Google

Зачѣмъ онѣ крушатъ и жгутъ?
Иль наводненья роковыя,—
Зачѣмъ, стремясь изъ береговъ,
Напоръ ихъ водъ все разрушаетъ?...
Но тамъ, народъ гдѣ истребляетъ
Законъ, обычаи отцовъ,
И всѣ родныя учрежденья,—
Но только стихнулъ вихрь крушенья,
Онъ начинаетъ вновь искать
Оковъ,—мутить край безпокойный;
Тогда мы въ правѣ тутъ сказать:
Народъ свободы недостойный!
Ты принялъ трудъ не по себѣ;
Не начинать бы ужь тебѣ!...

«Къ чему, скажи, свободы пламя
Въ тебѣ, о Франція, горитъ?
Тебѣ необходимо знамя;
Безъ знамени твой край кипитъ,
Какъ конь разнузданный,—напрасно
Терзая грудь страны прекрасной.
«А сколько славныхъ королей
Блеститъ въ исторіи твоей!
Державный первый твой властитель,
Съ тѣмъ вмѣстѣ твой и просвѣтитель;
Онъ первый полководецъ твой,
Онъ просвѣщенья былъ главой,
Онъ свой любилъ народъ родной.
Его дворецъ слылъ мирной школой,
Гдѣ онъ слагалъ вѣнецъ тяжелый
И бремя царственныхъ заботъ,
И забывалъ свой царскій родъ.
Вѣкъ Генриховъ, Франциковъ славныхъ
И имъ подобныхъ королей,
Не вѣкъ ли рыцарей вѣнчанныхъ
И лучшихъ Франціи людей?...
А эти рыцари,—Роланды,
Годфриды, Дюнуа, Баярды?....

Digitized by Google

Въ какихъ еще странахъ другихъ
Найдешь хотя подобье ихъ?...
«А что даютъ они народу?
Народъ все также угнетенъ,
Все также ищетъ онъ свободу,—
И все затертъ, со всѣхъ сторонъ!...
Отвѣтствовать за край!.. Да, точно,
Носящихъ царственный вѣнецъ
Лишь умудряетъ самъ Творецъ;
Но къ ихъ несчастью, какъ нарочно,
Близь самыхъ лучшихъ королей,
Достойныхъ мало такъ людей!
«Неужели одинъ Карлъ пятый,
Хоть передъ смертью, разгадалъ
Сей, жребій, счастьемъ небогатый,
Когда, кончаясь, онъ сказалъ:
«Корона Франціи прекрасной,
Перлъ драгоцѣнный суеты!
Ахъ, какъ теперь жалка мнѣ ты,
По этой прелести опасной,
По этимъ мукамъ роковымъ,
Что ты въ себѣ для насъ вмѣщаешь;
По этимъ терніямъ златымъ,
Что духъ и тѣло намъ терзаешь.
О, еслибы впередъ кто зналъ,
Что ты приносишь намъ съ собою;
То лучше бъ въ грязь тебя втопталъ,
Чѣмъ увѣнчалъ главу тобою!»...
«Да,—если бъ это зналъ впередъ
Царей властолюбивый родъ!...
Когда бъ онъ болѣе былъ близокъ
Къ народу своему... Но нѣтъ!
Ему твердятъ отъ юныхъ лѣтъ,
Что духъ народный слишкомъ низокъ;
Что онъ не въ силахъ разсуждать,
Ни жить разумно и спокойно;
Что мудрой власти недостойно
Съ него узду еще снимать...

Digitized by Google

Народъ французскій это видѣлъ
И всей душою ненавидѣлъ
Враговъ развитья своего.
Что вся исторія его?..
Иль притѣсненья, иль волненья,
Возстанья, смуты безъ конца:
Но знать въ немъ видѣла глупца,—
И поощряла угнетенье.
Волканъ все тлѣлъ,—и наконецъ,
Волканъ извергнулъ огнь и пламя,
И разъяренный тотъ глупецъ,
Надъ краемъ поднялъ смерти знамя.

«О Людовикъ! Твой часъ пробилъ,
И ты, исполненный любовью,—
Ты первый же низвергнутъ былъ
Въ жерло, затопленное кровью.
Но бездна вырыта давно
Была отцовъ твоихъ руками;
Тебѣ же, высшими судьбами
За нихъ расчесться суждено.
«Ты помнишь, разъ, во время оно,
Въ тѣ дни далекіе, когда,
Какъ лучезарная звѣзда,
Блистала Франціи корона,—
Марсель, съ народною толпой,
Ворвался во дворецъ къ дофину,
Чьимъ фаворитамъ той порой
Народъ приписывалъ причину
Прискорбныхъ тягостей своихъ.
—Не бойтесь, sire! вскричалъ онъ принцу,
А вы, друзья, кончайте ихъ!—
И въ тотъ же мигъ, его любимцу
Часъ грозный смерти прозвучалъ.
Дофинъ не вынесъ сцены страшной,
И на полъ въ обморокъ упалъ.
Прикрывши шапкой его красной,
Марсель младого принца спасъ;

Digitized by Google

Но этою эгидой васъ
Онъ посвятилъ богамъ подземнымъ...
Край шелъ порядкомъ неизмѣннымъ,—
Конецъ вашъ лишь отложенъ былъ;
Но родъ твой это позабылъ,
И палъ подъ местію народной.
«А стала ли страна свободной?
Нѣтъ!... Лишь явился человѣкъ,
Прославленный на ратномъ полѣ,
Край покорился его волѣ;
Народъ съ восторгомъ встрѣтилъ вѣкъ,
Еще невиданной имъ, славы,
Завоеваній и побѣдъ,
Чуть не всемірной блескъ державы,
Что удивляла цѣлый свѣтъ;
И въ этомъ сладкомъ упоеньи,
Свое ярмо благословилъ,—
И о свободѣ позабылъ.
И только лишь, по пробужденьи,
Когда онъ былъ всего лишенъ,
Онъ увидалъ, что то былъ сонъ,
И что за этотъ блескъ и славу,
За ту всемірную державу,
Онъ заплатилъ, ничѣмъ инымъ,
Какъ благоденствіемъ своимъ.
«Взгляни, вотъ онъ, кумиръ народный,
Тотъ гордый Кесарь нашихъ дней,
Крушитель дерзкій и холодный
Республикъ, царствъ и королей!
Вотъ онъ, какъ былъ,—въ той шляпѣ славной,
Какъ бы изъ бронзы изваянный,
И въ этомъ сѣромъ сюртукѣ,
Что знали всѣ и вдалекѣ....
«Герой и деспотъ ненасытный!..
Когда Европу онъ громилъ,
Какому Богу онъ служилъ?...
Но міръ проникъ его духъ скрытный;
Міръ зналъ, что въ страшной той борьбѣ

Digitized by Google

Онъ служитъ самому себѣ.
И все-таки, онъ былъ кумиромъ
Безпечной Франціи!.... И онъ
Надѣялся, предъ цѣлымъ міромъ,
Упрочить свой кровавый тронъ!...
«Но нѣтъ! Блескъ славы не стираетъ
Ни капли крови дорогой,
Что такъ безплодно проливаетъ,
Герои, геній вашъ земной!
И полководецъ величавый,
И Божій бичь, отчетъ дадутъ,
За каждый листъ въ вѣнцѣ ихъ славы;
Судъ близкихъ вамъ,—пристрастный судъ!
Чего не могъ ты, битвы геній,
Свершить, не зная пораженій,
Держа въ рукахъ своихъ судьбы
Европы цѣлой, въ дни борьбы?...
Но ты свершилъ ли назначенья,
Что на тебя Богъ возлагалъ?—
Нѣтъ, только славы ты искалъ,
И странъ чужихъ порабощенья.
Ты позабылъ, что самъ Творецъ
Въ нихъ засвѣтилъ свободы пламень,—
И Онъ взялъ мечь твой и вѣнецъ,
И раздробилъ ихъ въ прахъ о камень!

«Но франковъ озарилъ ли свѣтъ?
И проигравъ въ той лотереѣ,
Затихла Франція, иль нѣтъ?...
Нѣтъ! Ничего вновь не жалѣя,
Она взяла опять билетъ.
Теперь, обманутая снова,
Что дѣлаетъ она? Народъ
Въ волненіи,—она готова
На все,—авось ей повезетъ!
Не знаетъ только что ей надо,—
Какой билетъ ей лучше взять.
«Такъ гдѣ страна волненьямъ рада,

Digitized by Google

Гдѣ у руля слѣпая рать,
Гдѣ жизнью самаго народа
Не разработано вполнѣ
Его правленье; тамъ въ странѣ
Еще не можетъ быть свобода;
Тамъ духъ лишь партій и крамолъ,
Однѣ утоши, безъ цѣли,
Непримѣнимыя на дѣлѣ,—
Иль претенденты на престолъ.
Свобода тамъ лишь, гдѣ сознанье,
Народное самобладанье;
А гдѣ напрасенъ опытъ лѣтъ,
Тамъ не было ея, и нѣтъ.
«Одинъ тиранъ исчезъ въ изгнаньи,
Другой приходитъ,—въ притязаньи
На тотъ же тронъ. Ничто урокъ
Ему недавній; онъ не видитъ,
Что власть его—край ненавидитъ,
Что грозный тяготѣетъ рокъ
Надъ жаднымъ, хищнымъ его родомъ....
Но чудно!—Знали всѣ впередъ,
Что будетъ избранъ онъ народомъ,—
Что этотъ суетный народъ
Подастъ ему самъ багряницу,
И, затаивши въ сердцѣ боль,
Въ его впряжется колесницу.
Онъ начинаетъ свою роль,
Дивя всѣхъ ловкою игрою,
И самъ смѣется надъ страною.
Никто не зритъ, что великанъ
Морочитъ, края не жалѣя;
Но Рокъ ждетъ часа,—и Седанъ
Разоблачаетъ въ немъ пигмея.
Народъ самъ видитъ, наконецъ,
Что это не была свобода;
И все таки, вождямъ народа
Вновь нуженъ бичъ или вѣнецъ.
Теперь, кто въ будущемъ провидитъ,

Digitized by Google

Иль доживетъ до этихъ лѣтъ,
Когда край отдохнетъ,—увидитъ,
Какой вновь вынетъ онъ билетъ?..

«Но вотъ еще народъ предъ нами,
Какъ бы назначенный судьбой
Жить жизнію совсѣмъ иной,
Передъ сосѣдними странами;
Народъ, особенный отъ нихъ,
Упорный, мыслящій, надмѣнный,
Свободный гражданинъ вселенной,
Властитель, царь морей земныхъ...
Куда не заносилъ онъ длани?
Съ какихъ народовъ не бралъ дани,—
Рѣшивъ, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Опричь владычества и злата?..
Смирися, древній Карѳагенъ,
Предъ славой твоего собрата!
«Кто-жь, славный край, тебя устроилъ?
Какая сила твой народъ
Такъ мощно двинула впередъ?
Отколь свободу ты усвоилъ,
Что не далась другимъ странамъ?
Кто разработывалъ условья
Свободы этой?.. Ты же самъ,
Иль лучше, всѣ твои сословья,—
Упрочивъ въ тягостномъ бою
Самостоятельность свою.
«А гдѣ, казалось, меньше данныхъ
Для этихъ подвиговъ, столь славныхъ?
Какая лѣтопись мрачнѣй
Родной исторіи твоей?
Гдѣ было столько недовольныхъ,
Раздоровъ, партій безпокойныхъ?
Гдѣ столько темныхъ королей
Сошло не иначе со сцены,
Какъ павши жертвою измѣны,
Или оставивъ за собой

Digitized by Google

Весь край охваченный войной?
Гдѣ были шатки такъ законы?
Гдѣ власть искала обороны
Въ рукѣ такъ часто палача?..
Но ты нашелъ исходъ свободный
Изъ этой тяготы народной;
Ты дѣло велъ не съ горяча;
Тебѣ духъ незнакомъ мечтаній
И суетныхъ завоеваній;
Цѣль даже внутренней войны
Была—единство лишь страны.
Знать, выяснивъ свои условья,
Сбирала прочія сословья,
И съ ними, двигала народъ
Самоувѣренно впередъ.
Росла твоя младая сила,
Не молодечествомъ слѣпымъ
И не вмѣшательствомъ чужимъ;
Сама страна ее сложила,
Руками доблестныхъ мужей
И силой нравственной своей;
Достигъ ее народъ борьбою,
Борьбой упорною, крутою;
Край неуклонно шелъ впередъ,
Но подвигался постепенно;
Чего хотѣлъ достичь народъ,
Того онъ достигалъ навѣрно,—
И этой стойкостью въ борьбѣ
Онъ создалъ вольный край себѣ.
«Средь Фоксовъ, Питтовъ, Пальмерстоновъ,
Быть не могло Наполеоновъ!
Твой тактъ народный не искалъ
Тебѣ пустой, воинской славы,
Ни блеска міровой державы;
Торговый духъ твой предызбралъ
Путь положительный, примѣрный,
Ко славѣ и къ добычѣ вѣрной;
Ты шелъ туда, гдѣ видѣлъ цѣль

Digitized by Google

Для своего лишь возвышенья.
Лишь у тебя во дни боренья,
Родиться строгій могъ Кромвель,
Какъ самъ же ты, невозмутимый,
И какъ судьба, неумолимый...
Лишь только онъ одинъ тебѣ
Помочь въ тяжелой могъ борьбѣ
Съ минувшимъ,—твердою рукою
Пробить путь новый предъ тобою.

«Несчастный Карлъ! Злой рокъ нанесъ
Корабль твой на этотъ утесъ...
Но ты, плывя противъ теченья,
Былъ долженъ знать, что впереди,
На этомъ бурномъ ждетъ пути
Часъ неминуемый крушенья.
Тотъ кроткій Людовикъ,—онъ плылъ
По крайней мѣрѣ въ слѣдъ за вѣкомъ;
Но у него не стало силъ,
Чтобъ стать царемъ надъ человѣкомъ;
Онъ уповалъ на свой народъ,
И съ нимъ попалъ въ водоворотъ...
Но ты, въ борьбѣ твоей свободной,
Искалъ лишь выгоды свои;
Ты противъ силы шелъ народной,
Къ безславію своей земли;
Твоей душѣ страна чужая
Была святѣй роднаго края;
Ты даже Богу далъ обѣтъ—
Затмить въ народѣ его свѣтъ...
Тогда твой подданный отважный
Тебя низвергнулъ съ корабля,
И, бросивъ въ волны тронъ продажный,
Сталъ самъ спокойно у руля;
И край твой, преданный дотолѣ,
Тебя покинулъ твоей долѣ;
И, можетъ, внутренно скорбя,—
Онъ отвернулся отъ тебя.

Digitized by Google

«Но ты, о Англія, ты мало
Своимъ любимцамъ довѣряла,
И сильные твоей земли
Духъ усыпить твой не могли.
Ты не терпѣла нарушеній
Твоихъ свободныхъ учрежденій;
Ты шла во слѣдъ вождямъ своимъ,
Но слѣпо не ввѣрялась имъ;
Въ твоемъ народномъ, крѣпкомъ зданьи
Ни камня нѣтъ ни одного,
Чтобъ противъ твоего желанья,
Иль безъ тебя, вошли въ него.
Затѣмъ оно и стало прочно,
И удивляетъ міръ земной
Своею стройностью,—какъ точно,
Все сдѣлано одной рукой.

«Въ какихъ еще странахъ вселенной
Такъ развился широко бытъ
Общественный и бытъ семейный?
Гдѣ выше человѣкъ стоитъ?
Гдѣ тверже Богъ въ средѣ народной?
Гдѣ, подъ личиною холодной,
Сильнѣй любовь къ землѣ родной?
Гдѣ выше чувство уваженья
Людей, сословій межь собой?
Гдѣ даже больше попеченья.
О бѣдной братіи меньшой?....
«Здѣсь, въ цѣломъ краѣ и народѣ,
Стремленье къ истинной свободѣ;
Желанье общее страны,
Надежда всѣхъ, кумиръ и слава,—
Упрочить личное въ ней право,
Путемъ ли мира, иль войны.
Здѣсь, и сама Елизавета,
Что окружалъ блестящій дворъ,
Живетъ въ народѣ до сихъ поръ,
Какъ представительница свѣта,

Digitized by Google

И тѣхъ рѣшительныхъ началъ,
Что въ ней нашла себѣ свобода,—
Въ любимой дочери народа,
Кого чутьемъ онъ разгадалъ.

«Одинъ Богъ судитъ властелиновъ
Сихъ недоступныхъ исполиновъ,
Что мы чуть видимъ лишь въ лице:
Свѣтъ, пропустивъ въ одно кольцо,
И жизнь простого человѣка,
И этихъ двигателей вѣка,
Пускается судить потомъ
Обыкновеннымъ ихъ судомъ.
Онъ видитъ бури роковыя,
Что страсть вздымаетъ въ ихъ сердцахъ,—
Тѣ бури, отъ кого вопрахъ
Слетаютъ головы родныя,—
И въ ночь одну у нихъ самихъ
Сѣдѣютъ волосы. Но въ нихъ
Онъ также взвѣсилъ ли боренья
Души волнуемой, больной,
Растерзанной до изступленья,—
И ширь той власти роковой,
Предъ кѣмъ нѣтъ въ мірѣ преступленья?
«Какъ будто видишь предъ собой
Въ ликующей народной массѣ.
Дворъ этотъ въ бархатѣ, въ атласѣ,
Блестящій, пышный, молодой,—
Красавцевъ, полководцевъ славныхъ,
Сеймуровъ, Лейстеровъ державныхъ,
Эссексовъ, съ гордою главой,—
Что снялъ палачь своей рукой;
Какъ будто слышишь еще клики
Народной Лондонской семьи,
Встрѣчающей въ свой градъ великій
Защитницу родной земли....
Но въ ней, не только королева;
Но подъ порфирой и вѣнцомъ,—

Digitized by Google

Таится женщина, во всемъ
Величіи любви и гнѣва.
«Пускай же взвѣситъ міръ земной
Сперва труды, заслуги эти,
Высокій геній тотъ благой,
Что онъ призналъ въ Елизаветѣ,
И пусть осудитъ онъ тогда
Ея духъ сильный и надмѣнный,
Воспитанный въ средѣ растлѣнной,
Не знавшій ласки никогда,
Ни сердца близкаго, роднаго,
Среди двора, для ней чужаго,—
Двора, гдѣ Генрихъ лишь осьмой
Сошелъ со сцены роковой!
«Что жь скажетъ Генриха осьмаго
Преемница? Былъ мракъ,—вотъ свѣтъ;
Край торжествуетъ надъ врагами,
Въ немъ тишина; въ немного лѣтъ,
Народъ царемъ сталъ надъ морями!...
Что возразитъ ей міръ въ отвѣтъ?

«А Питтъ иль Фокса духъ свободный,
А геній Борка благородный?...
Правъ человѣчества главы,—
Когда, гдѣ, кромѣ Альбіона,
На ступеняхъ какого трона,
Могли бъ еще явиться вы?...
Иль ваши Барки и Франклины, *)
Иль Парри, Вильсы, Кинги, Кукъ, –
Открытій эти исполины,
Герои истые наукъ,—
Въ глуши арктическихъ тумановъ,
Среди пустынь и океановъ,
Себѣ искавшіе путей,
Чтобы расширить область свѣта,

*) Франклинъ, хотя и американецъ, но того же англо-саксонскаго племени.

Digitized by Google

И не щадившіе на это,
Ни средствъ, ни драгоцѣнныхъ дней,
Ни жизни собственной своей?
Какой, другой край просвѣщенный,
Но край, еще порабощенный
Державнымъ Цезаремъ своимъ,
Могъ дать мужей, подобныхъ имъ?...

«А Байроны твои, Шекспиры,
Всемірные эти кумиры!
Какой еще народъ земной
Такихъ пѣвцовъ досель имѣетъ?
Или какой народъ посмѣетъ
Тягаться въ славѣ ихъ съ тобой?...
А въ просвѣщенью всѣхъ участье,
Открытья славныя твои,
И міровыя предпріятья?
Какіе въ мірѣ короли,
Въ главѣ обширнѣйшихъ владѣній,
Но полныхъ страха и стѣсненій,
Создать бы это все могли?...
«Гдѣ есть еще страна другая,
Чтобъ тягостей войны не зная,
Держа наемниковъ лишь рать,
Всегда умѣла побѣждать?
Гдѣ край другой еще, столь чудный,
Сравнительно, такъ малолюдный,
Чтобы поставить корабли
Такой незначущей державы
И не искавшей бранной славы,
Почти владыками земли;
Застроить дикія пространства,
Въ теченьи нѣсколькихъ вѣковъ,
Рядами новыхъ городовъ,
Создать республики и царства,—
И въ отдаленнѣйшихъ странахъ
Держать бразды въ своихъ рукахъ?....

Digitized by Google

«Таковъ очагъ этотъ свободы,
Откуда многіе народы
Давно заимствовать спѣшатъ
Себѣ огонь его священный,
И геній свой порабощенный
Согрѣть огнемъ его хотятъ,
Въ чаду страстей ихъ, не вникая,
Что только тамъ плоды даетъ
Свобода въ будущемъ для края,
Гдѣ создалъ самъ ее народъ;
Но гдѣ въ странѣ къ ней нѣтъ призванья,
Гдѣ не готова къ ней страна,
И сила общества бѣдна,
Тамъ безполезны подражанья!
«Но все же, много онъ свершилъ,
Очагъ тотъ вольности народной!
Онъ внесъ въ Европу духъ свободный,
И не въ одной онъ разбудилъ
Странѣ—дрему заглохшихъ силъ.
«Но не спасло, не охранило,
Тебя, о гордый Альбіонъ,
Ни уваженіе племенъ,
Ни чудодѣйственная сила
Твоя,—отъ зависти къ всему,
Что чуждо краю твоему.
Ты лишь сумѣлъ создать свободу
Родному своему народу;
Но ты не чтишь ее въ другихъ,
Сочувствіемъ, тебя достойнымъ!
И въ лучшихъ дѣйствіяхъ твоихъ
Міръ слышитъ: горе побѣжденнымъ!...
«О Индія, страна боговъ!
Ирландія, земля Морвена!
Кровь вашихъ доблестныхъ сыновъ
И цѣпи тяжкія ихъ плѣна,
Еще свидѣтельствуютъ намъ,
Что свѣтъ блеститъ не всѣмъ странамъ,
Подъ вольнымъ скиптромъ Альбіона,

Digitized by Google

И дружба купленная съ нимъ
Пришлась недешево инымъ.

«О духъ великій Вашингтона,
Достойнѣйшій, въ глазахъ людей,
Чѣмъ многіе изъ королей,
Всемірнаго вѣнца и трона!
Черезъ тебя лишь міръ узналъ,
Что Европейскіе народы
Еще не вѣдали свободы,
Покуда ты не указалъ....
Лишь въ разумѣ твоемъ всецѣло
Она родилась и созрѣла,
И вышла передъ судъ молвы,
Во всеоружьи исполина,
Какъ благородная Афина,
Изъ свѣтлой Зевсовой главы.
Ты, изъ кровавой той купели,
Что окрестилъ васъ Альбіонъ,
Себѣ соорудилъ не тронъ
И не державу въ колыбели;
Но развитой вполнѣ народъ,
Готовый двинуться впередъ.
Ты не связалъ людей тѣхъ вольныхъ,
Въ пеленкахъ этихъ обыденныхъ,
Что пеленаютъ, съ древнихъ дней,
Цари народы, какъ дѣтей;
Ты далъ свободу человѣку,
Быть тѣмъ на дѣлѣ, что онъ есть;
Оставилъ обществу и вѣку,
Его судебъ грядущихъ честь,—
И твой народъ неодолимый,
Ничьей опекой не хранимый,
Мужалъ, не зная помочей....
А гдѣ, какой народъ свободный,
Теперь затмитъ твой край народный,
Щедушной силою своей?
«Не край ли это небывалый?...

Digitized by Google

Когда Европы духъ усталый
Успѣетъ до него дойти,
На этомъ дерзостномъ пути?
Когда удастся ей достигнуть
Гражданской этой высоты,
Что лучшія ея мечты
Не смѣли до тебя постигнуть?...
Да, только развитой народъ
Такія страны создаетъ;
И партій духъ неблагодарный,
И духъ политики коварной,
Должны признать ихъ цѣль пустой,
Предъ этой истиной живой.
«Но что важнѣй,—онъ удержался
Во всей могучей красотѣ,
На той гражданской высотѣ,
И вѣренъ искренно остался,
При самой тягостной борьбѣ,
Своей возвышенной судьбѣ!
Здѣсь нѣтъ искателей случайныхъ,
Ни замысловъ интриги тайныхъ;
Свободно-мыслящій народъ
Самъ край отъ нихъ свой бережетъ:
Здѣсь празденъ всякій путь окольный,—
И если властвуютъ Линкольны,
То ихъ народъ же создаетъ.
Здѣсь даже странны эти клики:
Могучій, славный иль великій;
Гдѣ край той высоты достигъ,
Тамъ всякій можетъ быть великъ!

«О люди русскіе живые,
Дѣльцы, учители благіе!
Вотъ самый дружный намъ народъ,—
И онъ намъ руку подаетъ;
А край нашъ чуть про это знаетъ,—
Едва ли даже понимаетъ,
Что это за народъ такой,—

Digitized by Google

И столь намъ близкій, и чужой?...
Но мы оставимъ разсужденья!..
Что могъ народъ нашъ, то свершилъ,—
Онъ полонъ самъ здоровыхъ силъ;
Пришли и наше пробужденье....
Пускай впередъ ушли отъ насъ
Народы, племена чужіе;
Благословимъ ихъ въ этотъ часъ,—
Теперь они намъ всѣ родные;
Въ ихъ кругъ вошелъ и нашъ народъ!...
«Смотри! Вотъ онъ,—вотъ онъ предъ нами,
Тотъ древній, богатырскій родъ,—
Съ его гигантами-царями!
Взгляни! Тутъ цѣлый міръ земной!
Какой умъ смѣлый, геній славный,
Предскажетъ образъ тотъ державный,
Что приметъ онъ, колоссъ младой?...
Но мы хоть взглянемъ, сколько можно,
На странный путь, что такъ тревожно
Ему дано было свершить,
И спросимъ: разовьетъ свобода
Духъ нравственный и бытъ народа,—
Иль онъ не можетъ вольнымъ жить,
И никогда онъ не достигнетъ
Развитія сосѣднихъ странъ?...
Мракъ прежній вновь его постигнетъ,—
Иль онъ,—воскресшій великанъ,
Внесетъ вѣкъ новый въ міръ славянъ?...»

Digitized by Google

Пѣснь 12-я.

РУССКІЙ МІРЪ. ПРОБУЖДЕНІЕ.

„Je rougirais de mon pays et de nos contemporains, s'il ne se trouvait parmi nous un homme pour protester contre ces jongleries... Poussant l'outrage jusqu'à la dèrision, on denie aux Moscovites la qualité des slaves; on lur ôte le nom des Russes; on les retranche de la liste des nations civilisées ou civilisables et des races nobles..."

Proudon.

Видали ль вы, во мг лѣтумана,
Сѣдыя волны океана?..
Такъ сквозь сѣдую мглу, вдали,
По всей поверхности земли,
Народныя всплывали волны....
«Вотъ онъ, могучій нашъ народъ,
Народъ, недавно подневольный!
Кричалъ мнѣ Ставръ. А кто сочтетъ
Пространства всѣхъ его владѣній,
И разнородныхъ населеній?
Подсвѣта занялъ подъ собой

Digitized by Google

Своей богатой онъ страной,
И ей подвластными морями;
Его край слился съ небесами;
Надъ нимъ лишь Богъ,—а близь него
Ему нѣтъ равныхъ никого!
Что жь это,—неужель не сила?
Что жь эти грани утвердило,
Чѣмъ онъ такъ страшенъ, нашъ народъ?
Онъ потерялъ побѣдамъ счетъ,—
А все идетъ еще впередъ!...

«Да и могли ль иныя грани
Своей странѣ назначить длани
Могучихъ тѣхъ богатырей,
Какими были Колываны,
Сіи властители степей,—
Иль Святогоры и Сухманы,
Чей исполинскій, древній родъ
Еще понынѣ въ насъ живетъ!
Не здѣсь ли, какъ волна, свободный,
Духъ развивался нашъ народный,
На вольной волюшкѣ своей,
Подъ руководствомъ тѣхъ вождей,
Что міръ считалъ за великановъ?
Не здѣсь ли, въ сумракѣ вѣковъ,
Кишѣли тьмы его враговъ,
Курился дымъ ихъ дикихъ становъ;
А онъ,—то пардусомъ на нихъ,
То ярымъ туромъ онъ метался,
И далеко въ странахъ чужихъ
Его кличь бранный раздавался,
Пока остался онъ одинъ,
Смиривши натискъ ихъ ужасный,
Царемъ лѣсовъ тѣхъ и равнинъ,—
Все также грозный и опасный,
И средь наставшей тишины,
Насильникамъ своей страны?..
«Лишь міръ-народъ отважный, сильный,

Digitized by Google

Могучей волею обильный,
Свершить могъ то, что онъ свершилъ,
И твердо стать тамъ, гдѣ онъ сталъ!
Отъ устья бурнаго Дуная
И Меотійскихъ береговъ,
Онъ занялъ въ нѣсколько вѣковъ
Всю ширь Полуночнаго края;
И Югъ, и Западъ, съ древнихъ дней,
Кишатъ его ужь городами;
Сѣдыя волны трехъ морей
Струятся подъ его ладьями;
Въ туманѣ утреннемъ временъ,
Блеститъ рядъ странъ его широкихъ,
И удальцы его племенъ
Громятъ враговъ въ странахъ далекихъ...
Глухая степь, дремучій лѣсъ,
Смирённые его рукою,
Желтѣютъ нивой золотою,—
А свѣтозарный богъ небесъ,
Съ своей божественной семьею,
Съ надзвѣздной правитъ вышины,
Судьбами высшими страны,
И учреждаетъ судъ народный.
Духъ края, рьяный и свободный,
Влечетъ воинственныхъ сыновъ
Въ бездонную пучину смуты;
Вокругъ него лишь крикъ враговъ,
Раздоръ домашній, какъ змѣй лютый,
Его пьетъ кровь; но исполинъ
Шагаетъ черезъ всѣ мытарства;
Изъ земледѣльцевъ и дружинъ
Онъ созидаетъ государство,
И со щитомъ въ одной рукѣ,
Съ мечемъ въ другой, онъ и воюетъ,
И пашетъ поле, и торгуетъ.
«До сихъ онъ поръ въ краю родномъ,
Какъ въ закалдованной пустынѣ!
Онъ долженъ биться со врагомъ,

Digitized by Google

Съ кѣмъ онъ не справился понынѣ,—
Съ врагомъ, страшнѣйшимъ всѣхъ людей,
Съ врагомъ, что силой насъ своей
Втянулъ въ убійственное рабство...
Ужасный этотъ врагъ,—пространство!..
Пространство, что сперва народъ
Былъ долженъ заселить собою,
И все идти впередъ, впередъ,
Чтобъ сдѣлать эту глушь жилою,
И обитаемой страною.
Здѣсь, съ каждымъ шагомъ на пути,
Предъ нимъ иль племена чужія,
Или преграды роковыя,—
И онъ ихъ долженъ обойти
Иль покорить своею силой...
Но не смутился нашъ народъ
Страною этою унылой;
А грозно двинулся впередъ,
Чтобъ довершить свой подвигъ трудный,
Обрекши родъ свой жизни скудной...
И вотъ, понынѣ онъ идетъ,
Колонизаторъ этотъ древній,
То успокоенный, то гнѣвный,—
Идетъ, покуда Божья длань,
Чьей силой онъ впередъ стремится,—
Пока укажетъ она грань,
Гдѣ долженъ онъ остановиться,
И наконецъ, увидѣть свѣтъ,
Что ждетъ онъ тысячу ужь лѣтъ!..
«Гдѣ въ эти времена онъ не былъ?
Въ какихъ онъ положеньяхъ не жилъ?
Какихъ онъ бѣдствій, бурь и грозъ,
Какихъ потерь не перенесъ?..
Какія нужны были силы,
Чтобъ изъ пустынной той могилы,
Гдѣ лишь витала смерть одна,
Воздвиглась сильная страна;
Чтобъ въ эту глушь, еще нѣмую,

Digitized by Google

Лѣсовъ дремучихъ и степей,
Внести и духъ, и плоть живую,
Готовыхъ на борьбу, людей;
Чтобъ эту дикую пустыню
Въ живую превратить твердыню,
И отстоять, со всѣхъ сторонъ,
Отъ темныхъ вражескихъ племенъ;
Связать ихъ дикій міръ собою
Въ одинъ родной, могучій край,—
И всрыснувши живой водою,
Ему сказать: теперь вставай!...
Идите дружно всѣ со мною!

«Да, не легокъ былъ этотъ путь,
Свершенный, Русскій міръ, тобою;
И долго не давалъ вздохнуть
Твой Рокъ тебѣ, съ твоей землею,
И путалъ умный твой народъ!
Далеко въ эти дни впередъ,
Съ давно-осѣдлыми странами,
Ушла Европа передъ нами.
Какъ богатырь былыхъ временъ,
Ты брошенъ былъ на перепутьи
Всѣхъ ордъ бродячихъ и племенъ.
Ты не остался въ захолустьи,
Отколь исторія ведетъ
Великій, доблестный твой родъ;
Но какъ народъ живой, могучій,
Ты въ даль рвался, ты пробѣгалъ
И степь, и брегъ морей зыбучій,
И гордо міръ свой раздвигалъ...
Въ дружинахъ древняго Востока,
Внутри народнаго потока
Старинныхъ скифовъ, на пути
Алановъ, Готовъ и Аттилы,
Намъ можно бы твой слѣдъ найти,
Когда бъ исторія на это
Могла пролить побольше свѣта;

Digitized by Google

Но ты проходишь въ темнотѣ,
И въ образахъ народовъ разныхъ,
Предъ взоромъ лѣтописцевъ праздныхъ.
Мы зримъ тебя,—но въ слѣпотѣ,
Не узнаемъ твой образъ славный,—
И въ суматохѣ этой бранной,
Бродячей силы боевой,
Не слышимъ кличъ твой, намъ родной.
«Но что такое для страны
Въ день свѣтлый мира,—не войны,
Ея воинственныя силы?
Дружины могутъ побѣждать
Иль за собою оставлять
Сынамъ геройскія могилы;
Гдѣ жь нужно созидать,—онѣ
Лишь вызываютъ бурю смуты;
Какъ необузданный звѣрь лютый,
Онѣ опасны ихъ странѣ.
Единство ихъ,—во дни лишь брани;
Но чуть блеснулъ имъ богъ побѣдъ,—
Слѣпой раздоръ, тотчасъ же вслѣдъ,
Кровавыя подъемлетъ длани...
«Ты это знаешь, край родной;
Но ты не дикой былъ ордой!
Исторія лишь распахнула
Мракъ первобытный надъ тобой,—
Въ главѣ страны стоитъ Микула;
Міръ цѣлый родственныхъ племенъ
Разросся подъ его рукою,
И только ждалъ иныхъ временъ,
Чтобъ стать единою страною.
Онъ чувствуетъ, что міръ-народъ,
Безъ государства,—не оплотъ;
Онъ всенародно уступаетъ
Самъ власть свою,—и призываетъ,
Славнѣйшихъ въ эти дни, князей,
На стражу вольности своей.
«Они пришли,—онъ возлагаетъ

Свою отвѣтственность на нихъ;
А самъ, престолъ ихъ окружаетъ
Стѣной преданій родовыхъ.
Но эти князи и дружины
Ему свои; они сыны
Его родимой стороны;
Ихъ предки,—наши исполины,
Чьи попираютъ ихъ стопы,
Едва остывшія могилы;
Подъ ихъ рукою не толпы,
Не сбродъ воинственный; но силы
Давно осѣдлыхъ ужь племенъ,
Достойныя иныхъ временъ.

«Скажи, Царьградъ и ты, Цимійскій,—
Скажи, духъ вѣщій старины,
И вы, народы и страны,
Отъ Понта до береговъ Балтійскихъ,
Имѣли ль вы враговъ страшнѣй
Отважныхъ, стойкихъ тѣхъ людей?...
Скажи, вѣкъ свѣтлый Ярослава,
Какой край западный съ тобой
Равняться могъ? Чей тронъ чужой
Твоя бы не затмила слава?... [34])
Но вышло иначе! Кто жь могъ
Смирить такъ край?—Единый Богъ!
Единый Богъ, что развиваетъ
Судебъ невидимую нить:
Однимъ народамъ назначаетъ
Идти; другимъ же,—ихъ хранить!

«Но ты, о Западъ, такъ далеко
Ушедшій съ той поры впередъ,
Ты, столь развившійся широко,
Благослови ты сей народъ!
Почти его святыя раны!
На ихъ крови возведена
Величья твоего стѣна;

Digitized by Google

За нимъ укрылись твои страны,
Отъ тѣхъ нашествій роковыхъ,
Что скоро въ грязь бы затоптали,
Быть можетъ, лучшія скрижали
Успѣховъ доблестныхъ твоихъ,
Когда бы здѣсь не задержали
Ихъ силы нашихъ странъ родныхъ.
«Давно ли тучи тѣ висѣли,
И надъ Европою гремѣли?
Одна,—съ степей Востока шла,
Неся мечь грознаго Батыя;
Ее Русь въ нѣдра приняла,
И, отстоявъ свой край,—спасла
Отъ ней страны твои родныя.
Другая,—Западъ твой кругомъ
Кровавымъ залила дождемъ,—
И въ той, застынулъ ея громъ
Передъ Московскими стѣнами;
И вновь, Европѣ миръ святой
Блеснулъ привѣтными лучами.

«Впередъ, впередъ, нашъ край родной!
И онъ идетъ, при блескѣ славы...
Вотъ грозныя поля Полтавы,
Вотъ Альпы, сумрачный Дунай,
Кровавый Крымъ, Кавказскій край;
Вотъ Азіятскіе народы,
Ташкентъ, Бухара и Хива...
Ничто преграды намъ природы,
И хладъ, и зной... Летитъ молва,
И на златыхъ крылахъ приноситъ
Побѣду за побѣдой. Свѣтъ
Смущаетъ дерзость сихъ побѣдъ,—
И онъ остановиться проситъ;
Но крѣпкій нашъ, младой народъ
Еще не кончилъ назначенье,—
И онъ идетъ,—впередъ, впередъ,
И продолжаетъ разселенье;

Digitized by Google

Онъ исполняетъ жребій свой.
Чтобы упрочить государство,
Онъ долженъ побѣдить пространство,
И въ эту тьму внесть духъ живой.
«Взгляни! Вотъ весь онъ передъ нами.
Кого тутъ нѣтъ? Рябитъ въ глазахъ.
Ты видишь въ пестрыхъ сихъ толпахъ
Весь міръ, со всѣми племенами.
Востокъ и Западъ принесли
Сюда своихъ народовъ сѣмя;
Но здѣсь, хозяиномъ земли
Еще покуда только время....
Строй государственный идетъ
Давно здѣсь, въ уровень съ другими;
Но край отсталъ, и лишь живетъ
Покуда средствами своими,—
Лишь тѣмъ, что наскоро, въ пути,
Успѣлъ народъ самъ припасти.....
«Мы этимъ можемъ возмущаться:
То нашъ край!... Но давно ли день
На Западѣ сталъ проясняться,
И разогналъ ночную тѣнь?
Давно ль, за Рейномъ было рабство
И раздавался свистъ бичей,
А отживавшее дворянство
Чернь не считала за людей?
Давно ли Альбіонъ, столь важный,
Считался за народъ продажный,
И совѣсти смѣясь въ глаза,
Сбиралъ за деньги голоса?
Давно ли съ плѣнныхъ Мекленбурга
Сдирали кожу, и въ котлы
Потомъ бросали ихъ смолы?
Давно ль епископы Вирцбурга,
О воздержаніи труба,
Гаремъ держали у себя?
Давно ль самъ Лютеръ, истребленье
Возставшихъ предлагалъ крестьянъ,

Digitized by Google

И проклиналъ тѣхъ христіанъ,
Что изрекали имъ прощенье?
Давно ль Германскіе князья,
Сойдясь съ заѣзжими купцами,
Имъ продавали отъ себя,
На вывозъ, подданныхъ семьями?
Давно ль у Рейнскихъ береговъ,
Средь Виртембергскихъ городовъ
И вдоль широкаго Дуная,
Какъ кровожадныхъ тигровъ стая,
Сонмъ каннибаловъ, бѣлымъ днемъ,
Питался человѣчьимъ мясомъ,
И торговалъ этимъ припасомъ?..
Давно ль, на Западѣ же томъ,
Тронъ папъ боролся съ феодальнымъ,
Имперія съ муниципальнымъ;
Обычай путался со тьмой
Особыхъ правъ, капитуляцій,
Иль конкордатовъ, корпорацій;
Условья общины градской,
Съ условьями между князьями
Иль между знатными домами,
Или съ имперіей самой?...
Давно ли тамъ колесовали,
Пытали, сѣкли, сожигали?...

«Что жь въ томъ мудренаго, что мы,
Едва освободясь отъ рабства
И затонувши средь пространства,
Еще не выбрались изъ тьмы?
Народъ нашъ вольный отъ природы,
Желалъ сверженья лишь оковъ,—
Не политической свободы;
Къ ней онъ понынѣ не готовъ.
Микула, сдавши первородство,
Народомъ призваннымъ, князьямъ,
Призналъ ихъ власти превосходство,
И завѣщалъ ее сынамъ.

Подъ скипетромъ царей народнымъ,
Себя считаетъ край свободнымъ.
И чтитъ отыскони вѣковъ
Въ своихъ царяхъ земныхъ боговъ.
Здѣсь не было борьбы народной;
Народъ самъ знаетъ, съ древнихъ лѣтъ,
Что по плечу ему, что нѣтъ,—
Таковъ инстинктъ его природный!
А тамъ, гдѣ не было борьбы,
Тамъ нечего пытать судьбы;
Но въ междуцарствье, годъ жестокій,
Онъ показалъ свой духъ высокій,—
Онъ спасъ одинъ, и самъ собой,
И тронъ царей, и край родной.
«Другое дѣло,—его рабство....
Какъ могъ онъ, вольница-народъ,
Столь прежде стойкій на тотъ счетъ,
Какъ могъ впустить онъ въ государство,
Столь ненавистную ему,
Сію народную чуму?..
Но это заговоръ былъ тайный,
Ударъ странѣ, никѣмъ нежданный,
Сразившій міръ-народъ во снѣ!
Онъ не успѣлъ пошевелиться,
Ни закричать, чтобъ защититься;
Онъ былъ зарѣзанъ въ тишинѣ,
Убитъ родимыми руками,—
Той самой властью, для кого
Не пощадилъ онъ ничего,
А пролилъ кровь свою рѣками...
Убитъ,—отцомъ своимъ роднымъ,
Что сыномъ звалъ его своимъ
И жилъ его же лишь трудами;
Онъ былъ затертъ, разъединенъ
Неизмѣримымъ тѣмъ пространствомъ...
Когда ударъ былъ совершенъ,
И зло царило ужь надъ царствомъ,
Край возставалъ, но по частямъ,—

Digitized by Google

И, можетъ быть, ужь было поздно:
Тьма охватила все, и грозно
Гасила свѣтъ по всѣмъ мѣстамъ.
«Не странный ли расчетъ правленья,
Убить могучій свой народъ,
Чтобъ менѣе имѣть заботъ,
И погасить свѣтъ возрожденья?
Но духъ невѣжества крушитъ
Все, что имѣетъ образъ силы,
И лишь тогда спокойно спитъ,
Когда вокругъ него могилы.
Бояться самого себя
И самобытнаго развитья,
Искать у духа тьмы—прикрытья
Отъ глазъ народа,—и губя
Напрасно силы, средства, время,
Затоптывать науки сѣмя,—
Таковъ вездѣ обычный ходъ
И цѣль насильственныхъ заботъ
Враговъ земли ихъ пробужденья!

«Гдѣ благороднѣй духъ правленья,
Какъ не у насъ? Гдѣ онъ честнѣй
Въ благой политикѣ своей?
Почти замкнутый предъ своими,
Онъ полонъ прямоты съ чужими.
Сломивъ врагамъ надмѣнный рогъ,
Онъ дѣлалъ все для нихъ, что могъ!
Онъ оставлялъ имъ законы,
Языкъ и вѣру ихъ отцовъ,—
Онъ сдѣлать все для нихъ готовъ.
А вы, союзные намъ троны,
Кому онъ помощь подавалъ,
Скажите: чей вамъ край честнѣе,
Ни средствъ, ни силы не жалѣя,
Въ годины бѣдствій помогалъ?
Иль вы, что съ разныхъ мѣстъ стекались,
Едва влача скелетъ костей,

Digitized by Google

Стада голодныя гостей,
Но такъ проворно наѣдались,
Набравши отъ щедротъ его
На цѣлый вѣкъ свой подаяній,
И вмѣсто всякихъ воздаяній,
Кляли кормильца своего!—
Въ какихъ народахъ вашихъ новыхъ
Нашли бъ пріемъ вы столь прямой,
И столько вамъ услугъ готовыхъ,
Предложенныхъ самой страной
Съ патріархальной простотой?...
«Къ чему жь намъ это послужило,
Иль что возникло изъ того,
Ко благу края?—Ничего!...
Гостепріимство это было
Гостепріимствомъ дикарей,
Приманкою чужихъ людей.
Потворство это къ покореннымъ
Сознаньемъ вышло добровольнымъ,
Что всѣ они развитѣй насъ,
А ихъ гражданское устройство
Даетъ имъ право превосходства;
Но не пробилъ еще нашъ часъ.
Услуги эти царствамъ чуждымъ,
Безъ всякой пользы для страны,
Лишь были рыцарствомъ ненужнымъ,
Остаткомъ доброй старины;
Притокъ людей тѣхъ иноземныхъ,
Порою точно намъ полезныхъ,
Не двинулъ ни на пядь впередъ
Ко свѣту русскій нашъ народъ?
А подражанье наше нравамъ
И мнѣніямъ людей чужихъ,
Насъ отдѣлило отъ своихъ....[35]).
И кто найдетъ народъ неправымъ
За то, что онъ, свой бытъ любя,
Считаетъ всѣхъ людей чиновныхъ,
Давно отъ края отчужденныхъ,

Digitized by Google

Одной обузой для себя!...
«Но даже этотъ духъ правленья,
И онъ не чуждъ былъ просвѣщенья,—
Хоть просвѣщенья, на свой ладъ,
Чтобы оно шло съ нимъ подъ рядъ.
А гдѣ царитъ порабощенье,
Гдѣ въ угнетеніи народъ,—
Прямому свѣту замкнутъ входъ.
Мѣстами и у насъ свѣтлѣло;
Но зорко власть туда смотрѣла;
Тотъ свѣтъ живой ее пугалъ,—
И очень скоро погасалъ.
Она желала дать народу,
Что лишь полезно ей самой,—
Чтобы держать край подъ рукой,
И всякую гасить свободу;
Но то, что начиналъ народъ,
Въ чемъ онъ имѣть успѣхъ могъ вѣрный,
То осуждалось ей впередъ,
То гнали, съ строгостью примѣрной;
Лишь власть и сущіе при ней,
Имѣли право начинанья
Въ развитьи общества и знанья,
По мѣркѣ собственной своей.
Родникъ народной силы глохнулъ
Подъ этимъ камнемъ гробовымъ;
А чуть, нежданно, кто шелохнулъ,
Власть коршуномъ вилась надъ нимъ.
Народъ привыкъ, подъ чуждой сѣнью,
Дремать, объятый рабской лѣнью,
И ждать, покуда свѣтъ въ народъ
Лишь сверху на него сойдетъ;
Когда жь являлись люди свѣта,
Чтобъ посвятить ему ихъ дни,
Что ожидало ихъ за это?..,
Однако были же они!

«Почтимъ же память дорогую

Digitized by Google

И ревность ко странѣ святую
Князей — строителей былыхъ
И просвѣтителей благихъ
Народа нашего роднаго!..
Почтимъ Владиміра святаго
И Ярослава, и другихъ...
Почтимъ Олега, Святослава,
Тѣхъ піонеровъ первыхъ дней
Земли возлюбленной своей,
Чей подвигъ русская держава
Еще не кончила вполнѣ
Понынѣ въ дѣвственной странѣ.
«Почтимъ Димитрія Донскаго,
Спасителя земли родной
И церкви, для нея святой,
Отъ гнета ига роковаго.
Почтимъ великаго царя
Москвы державной, Іоанна,
Кѣмъ занялась первоначально
Единства русскаго заря,—
Царя, что спасъ нашъ край славянскій
Отъ участи земли Германской
Враждебныхъ общинъ и князей,
Досель чужихъ, странѣ своей,—
Отъ язвы рѣчи Посполитой,
Своей же гордостью убитой;
Что вырвалъ русскую страну,
Всю разложенія полну,
Изъ лапъ полуночныхъ сосѣдей,—
Какъ стая жадная медвѣдей,
Давно сосавшихъ кровь изъ ней,
Въ глазахъ родныхъ ея людей.
«Привѣтъ Мстиславы, вамъ, Романы.—
Тебѣ, о славный Мономахъ!
Родные наши великаны,
Теперь чуть видные въ поѣмахъ
Временъ минувшаго туманныхъ,—
Отцы, хранители земли,

Digitized by Google

Свершившіе все, что могли
Во дни тѣ бѣдствій непрестанныхъ,
Когда еще самъ край родной
Скользилъ подъ вашею ногой,—
И злобный врагъ вашъ видѣлъ это!
Но вы странѣ желали свѣта;
Свѣтъ былъ тогда ужъ близокъ вамъ,
Хотя и чуждъ тѣмъ временамъ,
Любившимъ лишь войну и сѣчи...
Полезной жизнію своей,
Вы были первые предтечи
У насъ—позднѣйшихъ славныхъ дней.

«Взгляни, какъ свѣтелъ и прекрасенъ,
Какихъ исполненъ рьяныхъ силъ,
Вотъ этотъ князь, но какъ несчастенъ,
Лишь потому, что въ вѣкъ тотъ жилъ!
То князь Требовля благородный,
Звѣзда поры междоусобной,
Князь Василько, краса князей,
Копье и щитъ страны своей!
А вотъ какое награжденье
За это далъ ему тотъ вѣкъ,—
Темницу, плѣнъ и ослѣпленье!
Какое жъ сдѣлалъ преступленье,
Какъ князь онъ или человѣкъ?
Въ цѣпяхъ, во тьмѣ тюрьмы глубокой,
Лія потокъ кровавыхъ слезъ,
Объ участи своей жестокой,
Вотъ что страдалецъ произнесъ:
«Богъ наказалъ меня за гордость.
Возставъ въ главѣ моихъ полковъ,
Чтобы ударить на враговъ,
И показать имъ нашу твердость,
Я думалъ такъ: скажу моимъ
Я братьямъ и князьямъ роднымъ,
Отдайте вашу мнѣ дружину,
А сами спите сладкимъ сномъ,

Digitized by Google

И не заботьтесь ни о чемъ;
Одинъ я всѣхъ враговъ низрину.
Зимой я выступлю въ походъ,
А въ лѣто Польшу завоюю.
Плѣню Болгаръ, и въ тотъ же годъ
Пойду къ Половцамъ въ степь глухую;
Прославлюсь этою войной,
Или умру за край родной...»
Вотъ вся вина его предъ ними,
Князьями, братьями родными!
Вотъ чѣмъ страшилъ онъ ихъ собой!
«А развѣ мало? Что же надо
Еще для зависти людской?
Ей развѣ это не отрада,
Губить достойнѣйшихъ людей, —
Могучихъ тѣхъ богатырей,
Чей блескъ ей не даетъ покоя!
О князь Требовля! Не одинъ
Ты принялъ мученика чинъ,
На мѣсто имени героя!...

«Но тщетенъ былъ твой жаръ святой,
Чтобы спасти народъ родной!
Вся ваша княжеская сила
Въ тѣ дни его-бъ не защитила,
Отъ страшныхъ ордъ, что гналъ Востокъ
На васъ, какъ бѣшеный потокъ...
Однѣ орды шли за другими;
Но устыдимся ли мы въ томъ,
Что всюду сломленные ими,
Мы, въ краѣ собственномъ своемъ,
Поглощены ихъ были силой?
Край былъ затопленъ ратью ихъ;
Но всплылъ на раменахъ своихъ,
И сдѣлался для нихъ могилой;
А самъ воспрянулъ, и съ тѣхъ дней
Сталъ и могучѣй, и славнѣй.
Онъ отдалъ жертвы роковыя, —

Digitized by Google

Погибли Невскіе, Тверскіе,
Князья Черниговской земли,
Опричь тѣхъ витязей, что пали,
И скорбей края не видали;
Но эти жертвы и вдали
Его духъ мощный укрѣпляли,
И вѣру въ будущность питали;
Край ждалъ, — и выждалъ лучшихъ дней,
Не сломленный судьбой своей.
«Вотъ въ чемъ союзъ этотъ чудесный,
Въ другихъ странахъ почти безвѣстный,—
Вотъ въ чемъ онъ, о народъ родной,
Межь вѣнценосцевъ и тобой,—
То вѣры духъ патріархальный
Твоей земли первоначальной,—
Духъ этотъ честный и простой,
Предъ кѣмъ жизнь всякая благая,
И жертва всякая для края
Или страданія вѣнецъ,—
Равно возводятъ, подъ конецъ,
Людей изъ званія простого
И князя, краю дорогаго,
Въ санъ этотъ высшій и святой,
Гдѣ выше всякой земной славы,—
Вѣнецъ страданій величавый
Иль жизни нравственно-благой.
«Замкнутый въ краѣ, духъ народный,
Искалъ себѣ исходъ свободный,
Но былъ одинъ ему исходъ,—
Что только могъ создать народъ,
Межь барщиной и палачами.
Вотъ почему ты такъ бѣдна,
О наша русская страна,
Досель народными дѣлами!
Вотъ почему, въ средѣ твоей
И было мало такъ людей,—
Людей народа даровитыхъ;
Въ твоихъ глазахъ, былъ выше ихъ

Digitized by Google

Незримый сонмъ твоихъ святыхъ,
Въ нѣмыхъ обителяхъ сокрытыхъ.
Тебѣ замкнутъ былъ міръ живой
Свободы, мысли, дѣла, славы;
Ревнивый духъ твоей державы
Не признавалъ умъ здравый твой.
Демидовъ, Строгановъ, Кулибинъ,
Сперанскій, Ломоносовъ, Мининъ,
Ермакъ... Еще кто? — Вотъ весь рядъ,
Иль весь почти, именъ тѣхъ новыхъ,
Поспорить съ древними готовыхъ,
Что изъ народа намъ блестятъ!
«Не здѣсь нашъ пантеонъ народный!..
Душой страдальческой своей,
Народъ сложилъ свой міръ свободный, —
И въ немъ вмѣстилъ своихъ людей!
Какихъ тутъ нѣтъ сословій, званій,
Лишеній, подвиговъ, страданій?..
Здѣсь мужи, въ рубищахъ простыхъ,
Въ веригахъ; здѣсь князья земные;
Здѣсь старцы въ митрахъ золотыхъ,
И тутъ же ихъ рабы былые;
Здѣсь люди, скудные умомъ
Или принявшіе юродство,
И мужи съ царственнымъ челомъ,
Съ печатью свѣтлой благородства...
Они всѣ святы, всѣ равны,
Въ глазахъ, почтившей ихъ, страны.
Здѣсь ничего ужь нѣтъ земнаго,
Опричь ихъ житія святаго!
Вотъ въ чемъ, тотъ высшій идеалъ,
Что край достичь всегда желалъ,
На что онъ положилъ всѣ силы,
Свой лучшій трудъ, свою судьбу;
Что услаждаетъ до могилы,
Еще теперь, его борьбу!

«Но кто сей схимникъ въ власяницѣ?

Digitized by Google

Угрюмъ и страшенъ его видъ;
Неумолимый взоръ блеститъ...
Когда бъ предсталъонъ въ багряницѣ,
Сказалъ бы всякій: вотъ тиранъ!..
И былъ бы правъ, — то Іоаннъ.
«О царь, кѣмъ Русь моглабъ гордиться,
Но проклинать кого должна,
Иль мнишь отъ Бога ты укрыться,
Облекши схимой рамена?
Царь Іоаннъ, чернецъ Іона,—
На высотѣ земнаго трона
Иль въ ризѣ схимника своей,—
Ты тотъ же царственный злодѣй!
«О сфинксъ, подъ маской человѣка,
Загадка истинная вѣка!
Ты понималъ, что Богъ послалъ
Подъ скипетръ твой, сей гнетъ бездушный,
Народъ столь кроткій и послушный,
Кому ты божествомъ сіялъ;
И чѣмъ же ты воздалъ за это?
Ты обратилъ свой царскій санъ
Въ роль палача; царь христіянъ,
Ты былъ въ душѣ рабъ Магомета;
Все разрушая и губя,
Ты плакалъ и терзалъ себя,
Ты клялъ свой жребій недостойный,—
Какъ будто въ драмѣ ты невольной
Обязанъ былъ изобразить
Собой роль гнусную тирановъ,
Чтобъ во-время предупредить
Еще грядущихъ Іоанновъ...
Но что-жъ? Ты понялъ ли хоть разъ,
Что для тирановъ нѣтъ границы,
И вольный свѣтъ давно-бъ погасъ,
Когда бы въ свой урочный часъ
Не поглощали васъ гробницы!
«Межъ тѣмъ ты могъ бы твой народъ
И всѣхъ, тебя любить заставить,

Digitized by Google

И дни свои, изъ рода въ родъ,
Инымъ бы способомъ прославить;
Ты могъ, при разумѣ твоемъ,
Быть замѣчательнымъ царемъ...
О власть!.. О бичь земнаго міра,
Исчадье ада, духъ всѣхъ бѣдъ,
И богъ, и демонъ, мракъ и свѣтъ,—
Блескъ яркій твоего кумира
Такъ ослѣпителенъ; твой чадъ
Въ себѣ такой вмѣщаетъ ядъ,
Что, кто вкусилъ, тотъ забываетъ
Приличье, совѣсть, всѣхъ боговъ,
И безъ зазрѣнія, покровъ
Со всѣхъ страстей своихъ срываетъ.
Казалось, у него все есть, —
И крѣпкій духъ, и умъ, и честь,
Великодушіе и сила;
Все помогало, все служило
Ему держать въ странѣ бразды;
Все преклонялося со страхомъ...
Что-жь надо бы?.. Другой среды!..
Но нѣтъ ея, — все пало прахомъ.

«О славный Новгород, оъ Псковъ,
Колокола былые вѣча,
Чей благовѣстъ намъ издалеча
Чуть слышится, сквозь мглу вѣковъ!
О патріархи дней свободныхъ,
Скрижали древнихъ правъ народныхъ,
Вы, въ гордомъ торжествѣ своемъ,
Себя ровняли съ божествомъ...
Но не богатство и не славу,
Не блескъ счастливыхъ вашихъ дней,
Не вашихъ доблестныхъ мужей,
И не торговую державу,
Всегда открытую для смутъ,
Теперь потомство ждетъ на судъ;
Но это страшное явленье, —

Digitized by Google

Какъ люди лучшіе земли,
Могли дойти, и какъ дошли
До столь позорнаго паденья?
Явился Іоаннъ, — пришелъ, —
И посадилъ, кого на колъ,
Кого велѣлъ забросить въ волны, —
И всѣ остались тѣмъ довольны...
И гордый Новгородъ могъ пасть
Къ его ногамъ, — чтобы не встать!
«Но скажутъ: вотъ онъ, міръ народный!...
Да, точно, былъ то міръ свободный;
Но міръ еще не развитой!
Подточенный весь стариной,
Симъ тайнымъ червемъ разрушенья,
Безъ нравственныхъ народныхъ силъ,
Хранимый счастьемъ положенья,
Что въ самой сущности онъ былъ?
Градъ сказочный во тьмѣ глубокой,
Среди болотъ, въ глухихъ лѣсахъ,
Лишь наводившій только страхъ
Своею волею широкой.
Кругомъ угрюмая страна, —
И та дремотою полна;
Лишь въ немъ виднѣлося движенье, —
И онъ былъ чуденъ, — въ отдаленьи.
Но вотъ, проснулся міръ живой,
Явился богатырь Московскій
Съ могучей ратію задонской,
Толкнулся мощною рукой,
И пало въ мигъ очарованье;
Исчезла прелесть, красота,
И силъ волшебныхъ обаянье;
Раскрылись сами ворота,
И вышелъ людъ обыкновенный, —
Сонмъ нравственныхъ калекъ согбенный;
Перешагнулъ онъ чрезъ порогъ, —
И самъ разсыпался чертогъ...
Остались только лѣсъ дремучій,

Digitized by Google

Болотъ полночныхъ мохъ зыбучій,
Ряды могилъ, да гулъ глухой:
Здѣсь былъ когда-то міръ народный,
Міръ и богатый, и свободный,—
Несовладѣвшій самъ съ собой.

«Но вотъ еще примѣръ державный,
Такой же участи безславной!
Царь изъ бояръ, царь изъ рабовъ,—
Онъ требуетъ отъ всѣхъ забвенья
Его нецарскаго рожденья.
Царь выскочка, царь Годуновъ,
Очистивъ къ трону путь свободный
Цареубійствомъ, — чтобъ потомъ,
Упрочить тронъ въ роду своемъ,—
Онъ убиваетъ духъ народный,
И приковавъ его къ землѣ,
Велитъ странѣ жить въ вѣчной мглѣ.
Взявъ скиптръ кровавыми руками,
Онъ молитъ Бога, чтобы Богъ
Ему грѣхи его помогъ
Загладить славными дѣлами;
Но Богъ отвергнулъ этотъ счетъ,—
И шаткій тронъ его плыветъ
Внизъ по кровавому теченью,
Отъ преступленья къ преступленью!
Ужасный голодъ рветъ страну,
Народъ утратилъ свои силы,
Царевичь вспрянулъ изъ могилы,
И мертвый, съ нимъ ведетъ войну.
Войска Бориса выступаютъ
На призрака,— и, какъ снѣгъ, таютъ
Среди родной своей страны;
Нѣтъ больше ни царя, ни царства;
Внутри стучатся смерть и рабство,
Извнѣ грохочетъ громъ войны...
«Нѣтъ, о пророки лицемѣрства,
Цѣль не оправдываетъ средства!
Міръ Новгородскій самъ не зналъ,

Digitized by Google

На что ему еще свобода;
Не устыдился честь народа
Предать его врагамъ, — и палъ.
Царь Годуновъ желалъ на тронѣ
Лишь утвердить свой темный родъ,
И щедростью купить народъ;
Но не возсталъ край къ оборонѣ, —
И родъ его, въ немного дней,
Изъ списка вычеркнутъ царей.

«Но вотъ, идутъ свѣтлѣй видѣнья,
Эпохи новой возрожденья!
Кто эта славная чета?
Кто этотъ великанъ державный,
Съ женою этой лучезарной?...
Взгляни, — какая простота,
И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая сила!
Другимъ бы надобны вѣка
На этотъ подвигъ, что свершила
Ихъ исполинская рука;
А имъ, на то довольно было
Какихъ нибудь десятковъ лѣтъ!
Полвѣка, — и возсозданъ свѣтъ...
Кто-жъ эти боги-исполины?
То наша новая пора, —
То славный духъ Екатерины,
То тѣнь великаго Петра.
«Рѣка временъ ихъ раздѣлила,
Полвѣка между нихъ легло;
Какъ два блестящія свѣтила, —
Одно ликъ въ вѣчность погрузило,
Другое медленно взошло;
Но слава ихъ соединила,
Судьба Россіи обручила,
Край Русскій ихъ вѣнцы держалъ,
И Богъ невидимо вѣнчалъ;
Ихъ бракъ написанъ на скрижали
Всѣхъ нашихъ будущихъ судьбинъ, —

Digitized by Google

И въ мигъ въ Европѣ угадали,
Отъ нихъ родится исполинъ!
«Да, Русскій край, благословенье,
Благословенье, слава имъ,
Отцу и матери твоимъ!
То вѣкъ былъ твоего рожденья.
Какъ дѣти, появились мы
На вольный свѣтъ, изъ душной тьмы;
Какъ сидѣнь, ты возсталъ съ сидѣнья,
Ихъ мощной поднятый рукой.
Ты сынъ Петра! Онъ твой, по праву,—
Отецъ взыскательный, крутой;
Но твоему крутому нраву
Быть развѣ могъ отецъ иной?..
Вѣкъ возрожденья начинался;
Когда Господь его призвалъ,
Ты на ногахъ едва держался,—
Петръ взялъ тебя и воспиталъ...
И вотъ, на помощь исполину,
Господь послалъ Екатерину,—
И кроткой мудрости полна,
Какъ мать родимая, она
Тебѣ дала образованье,
Вдохнула славы обаянье,
Къ дѣламъ высокимъ возвзвала,—
И міръ узналъ твои дѣла...
Что начала Петрова сила,—
Любовь и Мудрость довершила;
Петръ пробудилъ тебя отъ сна,
А этотъ геній благородный
Вложилъ въ тебя свой духъ свободный,—
И съ нимъ очнулася страна.

«Но вотъ,—на Западѣ духъ бури
Мрачитъ небесный сводъ лазури;
На крыльяхъ вѣтра, богъ войны
Ломаетъ царства и страны;
Древнѣйшіе въ Европѣ троны

Digitized by Google

Шатаются; ихъ короли
Не слышатъ подъ собой земли;
Отъ береговъ далекихъ Роны,
Европа вся въ крови, въ огнѣ;
И, тучи грозныя скопляя
Вокругъ Полуночнаго края,
Онъ мчится къ нашей ужь странѣ.
Но на Полуночномъ престолѣ—
Царь Александръ. Онъ возстаетъ
Съ своимъ народомъ; онъ идетъ,
Божественный въ сей славной долѣ,
На встрѣчу бури. Палъ кумиръ,—
И онъ даритъ Европѣ миръ!
«Царь, избранный отъ Провидѣнья,
Для довершенья возрожденья
Младаго края своего,—
Не даромъ край любилъ его,
Не даромъ до конца пылали
Къ нему народныя сердца!
Въ Россіи много ожидали
Отъ свѣтлаго его вѣнца.
Съ живой душой Пигмаліона,
Однако онъ не могъ мечту
Облечь, какъ думалъ, въ духъ и тѣло;
Но увидавши всю тщету,
Ушелъ,—оставивъ это дѣло,
Доступное однимъ богамъ,
Исполнить будущимъ вѣкамъ.
«И подвигъ, точно, былъ великій,
Божественный! Изъ груды дикой
Народной силы, безъ лица,
Гдѣ робкіе штрихи рѣзца
Лишь набросали очертанья
Гиганта, полнаго страданья.
Народъ свободный изваять,
И на ноги его поднять,
Не пошатнувши всего края!..
Кто-бъ это сдѣлалъ? Но желая,

Digitized by Google

На правдѣ утвердить свой тронъ,
Ты сдѣлалъ, нашъ Пигмаліонъ, —
Ты рекъ, — и двинулась громада,
И создался свободный міръ!

«Какая для тебя награда?
Златой, алмазный-ли кумиръ
Тебѣ воздвигнетъ міръ народный?
Все это не вмѣстить того,
Что совершилъ ты для него...
Народъ могучій и свободный!
Исполнились твои мечты,—
И край свободный твой, и ты,—
Мы всѣ стоимъ передъ началомъ
Великихъ дней,—и эти дни,
Лишь могутъ быть, они одни,
Ему достойнымъ пьедесталомъ!
«Гдѣ вы, пѣвцы минувшихъ дней,
Пѣвцы боговъ, богатырей?
Гдѣ ты, Баянъ нашъ сладкогласный,
Пѣвецъ тотъ доблести прекрасной?
По древу мыслью ты леталъ,
Носился волкомъ ты полями,
Парилъ орломъ подъ облаками;
Не стаю соколовъ пускалъ
На стадо лебедей крылатыхъ,
А десять пальцевъ по струнамъ
Волшебныхъ гуслей ихъ звончатыхъ;
Гремѣлъ ты славою князьямъ
И честью рокоталъ дружинѣ...
О, если-бъ ты воскреснулъ нынѣ!..
«Но твой волшебный, вѣщій гласъ,
Что древняго пѣлъ Ярослава,
Что пѣлъ Романа и Мстислава,
Не долетѣлъ уже до насъ.
Замолкнулъ онъ во тьмѣ глубокой,
Въ неразсвѣтавшей еще мглѣ;
Иль лучше, Русскій міръ широкій

Digitized by Google

Разнесъ его по всей землѣ,—
По берегамъ своимъ зыбучимъ,
По пажитямъ родныхъ полей,
По селамъ и лѣсамъ дремучимъ,
По морю вольному степей...
Идутъ вѣка, но звуковъ полны,
Гремятъ народныхъ пѣсенъ волны,
И скажутъ въ глубинѣ вѣковъ,
Про эти дни освобожденья,
И міръ причтетъ, къ дѣламъ боговъ,
Страны родимой воскресенье.

«А мы, лишь вставшіе изъ тьмы,
Пора, — осмотримся, что мы?
Изслѣдуемъ тотъ путь широкій,
Что открывается вдали,
Для нашей отсталой земли,—
Путь неизвѣстный и далекій,
Путь къ свѣту новому изъ тьмы,—
Пройдемъ-ли мы? Готовы-ль мы?...
«Намъ говорятъ: отбросимъ барство,
Постыдный сей остатокъ рабства;
Въ старинной Франціи, народъ
Его рѣками залилъ крови.
Но для чего же намъ впередъ
Себѣ искать такихъ условій?
Народъ совсѣмъ нашъ не таковъ!
Пускай завидовать готовъ
И онъ раздолью въ кругу барскомъ;
Но есть надежда, что у насъ
Оно ужъ скоро, въ добрый часъ,
Само распустится въ шампанскомъ.
«Намъ говорятъ: намъ нуженъ трудъ,
Намъ нужны люди и свобода;
Но что же искренняго тутъ?—
Тутъ только азбука народа!
Иль безъ труда, и безъ людей,
И безъ доступной имъ свободы,

Digitized by Google

Живали гдѣ нибудь народы,
Не походя на міръ звѣрей?
Какой народъ иль государство,
Гдѣ процвѣтаетъ даже рабство,
Могли безъ нихъ бы простоять,
Или спокойно даже спать?..
«Все это есть всегда въ народѣ!
Да и въ общественной свободѣ
Есть также много ступеней,
Какъ и во всѣхъ дѣлахъ людей...
Но духъ страны, — другое дѣло;
Народъ рѣшительно и смѣло
Идетъ впередъ, за нимъ во слѣдъ,—
Но только тамъ, гдѣ блещетъ свѣтъ!

«Откуда-жь взять намъ свѣтъ народный,
Свѣтъ этотъ нравственный, благой,
Что оживляетъ все собой,
И развиваетъ міръ свободный?
Кто дастъ намъ, русскимъ, этотъ свѣтъ?
Кто сниметъ тяжкое съ насъ бремя
Невѣжества? — Одинъ отвѣтъ,—
Свѣтъ этотъ можетъ дать лишь время!
Когда мы не проспимъ его
Попрежнему; когда насъ чувство
Проникнетъ долга своего,
А совѣсть будетъ не безумство!
Когда нашъ дремлющій народъ
Самъ просвѣщенья цѣль поймет!
Когда сперва, хоть по примѣру
Своихъ учителей родныхъ,—
Увѣрвъ на дѣлѣ честность ихъ,
Онъ возымѣетъ къ свѣту вѣру;
А честность строгая властей
Поддержитъ это убѣжденье,
И утвердитъ въ немъ просвѣщеeьн
Умомъ и правдою своей...

Digitized by Google

«Богъ зиждетъ счастье и несчастье;
Но имя Александровъ намъ,
На зло враждебнымъ всѣмъ странамъ,
Примѣрное приноситъ счастье!
И съ упованіемъ народъ,
Столь чуткій нашъ, глядитъ впередъ...

«Пусть отъ другихъ державъ отстали
Въ развитіи народномъ мы;
Но не всегда же мы блуждали
Среди непроходимой тьмы,
Въ шуму международныхъ споровъ!
У насъ Кутузовъ есть, Суворовъ,
Сей Полуночный исполинъ,
Въ главѣ народныхъ исполиновъ,
Румянцевъ, Горчаковъ *), Нахимовъ,
Сперанскій, Пушкинъ, Карамзинъ,
Любимый бардъ роднаго края,—
Крыловъ, Жуковскій, другъ царей...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
У насъ Платонъ былъ, Ломоносовъ,
Брюловъ, Державинъ, Филаретъ...
Насъ не врасплохъ застанетъ свѣтъ,
Намъ ужь знакомо просвѣщенье;
У насъ есть дѣльный средній классъ,
Есть идеалы, свое мнѣнье,
Есть даже твердость въ нужный часъ;
У насъ побѣда есть и слава,
Нашъ край — могучая держава!..
«И наша Русская страна
Теперь достаточно сильна,
Чтобъ речь: великія державы!
Довольно всекрушащей славы,
Довольно крови!.. Божій міръ

*) Канцлеръ.

Digitized by Google

Давно желаетъ жить спокойно...
Довольно трескотни, довольно!
Закончите кровавый пиръ;
Дорогу дайте просвѣщенью,
И мирному его теченью;
Сломите лезвее мечей
И передѣлайте на плуги;
Міръ не для васъ лишь, — онъ ничей!
Оставьте заживить недуги,
Что надѣлили вы его,
Въ дни властолюбья своего;
Покиньте произволъ, раздоры...
Да царствуетъ отнынѣ миръ,
И разрѣшаетъ ваши споры;
Одинъ лишь онъ, земли кумиръ,
Духъ исцѣлитъ ея растлѣнный,—
Омоетъ пролитую кровь,
И дастъ и правду, и любовь,
Странамъ воскреснувшей вселенной!..» [36])

«Но вотъ, воскликнулъ Ставръ, смотри!
Ты замѣчаешь, тьма рѣдѣетъ,
И ярче, ярче все алѣетъ
На небосклонѣ блескъ зари...
То новая заря вселенной!
Ночь падаетъ, и съ ней духъ зла,
Ея сопутникъ неизмѣнный.
Еще виситъ вокругъ насъ мгла;
Но близокъ утра свѣтъ. Грудь дышетъ
Свободнѣй, — пульсъ стучитъ скорѣй,
И ухо многое ужъ слышитъ,
Чего не слышно въ тьмѣ ночей...
Вездѣ проснулся духъ свободы...
«Вотъ новые идутъ народы;
Мы только слышимъ ихъ стопы,
Но ихъ самихъ еще не видно...
Прислушайся! То не толпы,
Что бродятъ по ночамъ безстыдно!..

Digitized by Google

Гдѣ буйная идетъ толпа, —
Тамъ непремѣнно лужи грязи, —
Тамъ говоръ, болтовня безъ связи;
Но гдѣ народная стопа
Себѣ путь новый пролагаетъ, —
Тамъ стонетъ, тамъ дрожитъ земля,
Міръ шапки издали снимаетъ...

. . . . . .

. . . . . .

«Побѣда! Демонъ тьмы сраженъ, —
Сказала намъ, представши, Вана.
Мракъ прочь бѣжитъ; міръ возрожденъ,
Народы возстаютъ... Осанна!
Привѣтъ тебѣ, хвала вѣковъ,
О ты, что положилъ начало!...
Вездѣ свѣтаетъ день, — настала
Теперь пора моихъ сыновъ...
Идемъ къ Микулѣ!...»

«Ты вернулся,
Богъ вѣчной правды!»... Ставръ вскричалъ.

. . . . . .

На это я ему желалъ
Отвѣтить что-то, — и проснулся.

Давно было утро. Отрадно, тепло
Сіяло съ небесъ лучезарное солнце, —
Залогъ возрожденья... Въ душѣ отлегло,
Исчезли ночныя видѣнья и страхи.
Свѣтъ льется повсюду... Микула, вставай! —
Пришло наконецъ и твое пробужденье!..
Но онъ ужь проснулся. Воспрянулъ весь край;
Кипитъ невидимо его возрожденье...
Господь ему въ помощь!..

Оконченъ мой трудъ!
Мой челнъ самъ коснулся желаннаго брега;
Пора бросить весла! Пускай въ него бьютъ
И яростно плещутъ сердитыя волны...

Digitized by Google

Взглянулъ я назадъ, — на тотъ берегъ другой,
Тотъ берегъ зеленый, откуда отчалилъ...
О гдѣ же теперь ты, мой берегъ родной?
Межь нами синѣетъ широкое море.
Далеко осталась ты, юность, вдали,—
Совсѣмъ въ иномъ царствѣ...
Но слава тѣ Богу,—
Я дожилъ до лучшихъ дней русской земли.
Я видѣлъ святое ея воскресенье;
Я доплылъ до берега, — вижу разсвѣтъ
Ея дней великихъ. О Г'осподи Боже,
Дай намъ, дай увидѣть твой истинный свѣтъ!..

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ КО 2-й КНИГѢ.

1) См. сказанія русскаго народа, Сахарова, т, 1 и 3. Разумѣется, сложившееся въ народѣ, повѣрье о недобрыхъ боярахъ надобно отнести къ старинному времени. Что-же касается до разсказа о крестьянинѣ, къ которому попалъ въ лапоть чудесный цвѣтокъ папоротника; то этотъ разсказъ заключается въ томъ, что одинъ крестьянинъ пошелъ наканунѣ Иванова дня искать пропавшую корову, и въ самую полночь зацѣпилъ нечаянно за кустъ папоротника,—чудесный цвѣтокъ попалъ въ его лапоть. Тогда открылось передъ нимъ все прошедшее, настоящее и будущее; онъ тотчасъ же отыскалъ корову и узналъ о множествѣ скрытыхъ въ землѣ кладахъ; да сверхъ того насмотрѣлся на проказы вѣдьмъ, а самъ сдѣлался невидимкой. Все это, конечно, совершилось по чудодѣйственной силѣ цвѣтка, что застрялъ въ его лаптѣ; но когда онъ разулся и сронилъ цвѣтокъ съ лаптя,—вся эта волшебная сила его оставила. По другому разсказу, — лапоть этотъ купилъ у мужика чортъ, и вмѣстѣ съ лаптемъ унесъ и цвѣтъ папоротника. У словенцевъ, вмѣсто цвѣтка, волшебная эта сила придается зерну папоротника; а намѣсто чорта, является вила, и уноситъ это дорогое зерно. (Афан. т. II, ст. 383, 384).

2) См. наши народныя былины, Московскаго цикла, въ которыхъ народъ по своему разсказываетъ свои легенды про бывшій въ Москвѣ земскій соборъ, про Димитрія Самозванца, Іоанна Грознаго, Малюту Скуратова, про нѣкоторыхъ древнихъ князей и бояръ, и также про извѣстныхъ ему князей и графовъ новѣйшей эпохи,—нерѣдко путая иныя изъ этихъ сказаній между собою.

3) См. также и этотъ разсказъ въ русскихъ народныхъ былинахъ, и у Сахарова. За одинъ добрый совѣтъ царь хочетъ наградить крестьянина казной или хлѣбомъ; но когда дѣло дошло до исполненія обѣщанія, бояре совѣтуютъ царю обернуть дере-

Digitized by Google

вянную мѣру или кадушку вверхъ дномъ, и сыпать обѣщанное не въ самую кадку, а на обернутое дно. Послѣ этого, заключаетъ разсказъ,—правда улетѣла на небо, а кривда осталась на землѣ.

4) Какъ пѣсня о крапивѣ, такъ и шуточная пѣсня крестьянина о своемъ нынѣшнемъ безсиліи, и шуточная пѣсня о птицахъ взяты изъ тѣхъ же народныхъ былинъ.

5) Разсказъ этотъ вполнѣ помѣщенъ въ 1 ч. сказаній русскаго народа, изд. Сахарова.

6) Расколъ, разумѣя подъ этимъ словомъ всѣ его толки и секты, до того распространенъ у насъ въ народѣ или соприкасается съ нимъ, что умолчаніе о немъ при изображеніи Микулы, представителя нашего земледѣльческаго народа, было бы пробѣломъ въ очертаніи этого мифическаго образа, существующаго въ народѣ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Можно сказать, что внѣ раскола мысль еще дремлетъ въ народѣ, почему народъ нашъ, по своей неразвитости, весьма легко увлекается всякими лжеученіями: а потомъ каждый новый сектаторъ становится страшнымъ пропагандистомъ, что, по его мнѣнію, открываетъ ему новую дорогу ко спасенію въ будущей жизни. Чѣмъ болѣе обращенныхъ: тѣмъ болѣе надежды на собственное спасеніе. О сущности этихъ лжеученій будетъ сказано ниже. Замѣтимъ только, что народъ нашъ вообще ожидаетъ себѣ лучшихъ временъ, что весьма и естественно послѣ перенесенныхъ имъ тягостей и всякихъ бѣдствій. Когда же настанетъ такое время, что братъ не будетъ больше возставать на брата, а вдрону не сыщется больше пищи на русской землѣ, тогда, по народному мнѣнію, воскреснутъ и явятся снова нѣкоторые древніе богатыри его, нынѣ спящіе по разнымъ мѣстностямъ. (См. прим. 17 къ 6-й пѣсн. 1 кн).

7) Вѣрованіе въ діавола, наступившее царство Антихриста и ожиданіе въ скоромъ времени страшнаго суда и свѣтопреставленія распространены издревле въ нашемъ народѣ по сіе время, чему основаніемъ, конечно, могло послужить между прочимъ тягостное его прошедшее. Приведенная при этомъ пѣсня извлечена изъ народнаго стиха о кончинѣ міра. Ожиданіе этого времени въ народѣ, какъ надобно думать, поддерживаютъ всего болѣе раскольничьи секты, которымъ оно должно принести, по ихъ вѣрованію, и торжество надъ врагами, и вѣчную славу; такъ какъ передъ этимъ наступитъ тысячелѣтнее царствованіе Іис. Христа на землѣ, во главѣ избранныхъ, т. е. ихъ же самихъ, а всѣ невѣрующіе нынѣ въ ихъ ученія, тогда увѣруютъ и будутъ служить имъ. Разумѣется, развивающееся нынѣ у насъ, народное образованіе рано или поздно уничтожитъ всѣ эти заблужденія,—и наконецъ, народъ нашъ убѣдится, что этотъ ожидаемый новый міръ всеобщаго бла-

Digitized by Google

годенствія собственно и заключается въ его будущемъ просвѣщеніи.

8) Бояринъ Ставръ Годиновичъ, — мифическое лице нашихъ народныхъ былинъ, эпохи краснаго-Солнышка Владиміра,—по толкованію иныхъ, лице историческое цвѣтущей эпохи Новгорода. Однажды Ставръ, на пиру у краснаго Солнышка кн. Владиміра похвалился умомъ жены своей, дочери Микулиной, или своимъ домашнимъ хозяйствомъ и богатствомъ, и былъ посаженъ за эту похвальбу, по повелѣнію князя, въ глубокій погребъ; но жена его, переодѣвшись посломъ и озадачивъ князя и богатырей его ловкой стрѣльбой своей изъ тяжелаго лука - волокитнаго въ цѣль, выручила его изъ заключенія и увезла съ собою домой. (См: I и VI пѣсни 1-й кн. и примѣч. къ нимъ),

9) Здѣсь разумѣется извѣстный съѣздъ въ Москву представителей нѣкоторыхъ славянскихъ народностей, на этнографическую выставку, которая помѣщалась въ то время въ экзерсирс-гаузѣ, называемомъ въ народѣ просто манежемъ.

10) Приведенное апокалипсическое сказаніе нашло также свой отголосокъ и въ нашихъ народныхъ преданіяхъ. «Въ средніе вѣка, говоритъ г. Афанасьевъ, языческія воспоминанія о демоническомъ змѣѣ слились съ библейскимъ преданіемъ о змѣѣ-соблазнителѣ первыхъ людей. На старинныхъ изображеніяхъ страшнаго суда, какія уцѣлѣли во многихъ храмахъ и на лубочной картинѣ, адъ представленъ въ видѣ драконовой головы съ раскрытою пастью, изъ которой извергается всепожигающее пламя; въ этой пасти сидитъ Сатана и держитъ на колѣняхъ Іуду. Тутъ же черезъ всю картину тянется змѣй, хвостъ и туловище котораго исписаны названіями всевозможныхъ грѣховъ. Эпическія сказанія о любовныхъ связяхъ демона-змѣя съ мифическими дѣвами заставили признать въ немъ возбудителя нецѣломудренной страсти, зачинщика нечистыхъ помысловъ и блуда. Въ этомъ смыслѣ было понято суевѣрнымъ народомъ и библейское сказаніе о первородномъ грѣхѣ... «И отверзоста очи наша, (говоритъ Ева въ одной апокриф. рукописи XV в.), и видѣхомъ наготу свою (по съяденіи запретнаго плода), и сердце наше восхоте на похоть, и быс(т)ь тако». Скопческое вѣроученіе основано на томъ, что первою заповѣдью, данною Богомъ первосозданнымъ людямъ въ раю, была совершенная духовная и тѣлесная чистота; подъ вкушеніемъ-же отъ древа познанія добра и зла оно разумѣетъ плотское совокупленіе праотцевъ. въ чемъ будто-бы и состояло ихъ грѣхопаденіе. Змѣй соблазнилъ первую чету и продолжаетъ соблазнять ея потомковъ. Потому, совершивъ оскопленіе, сектаторы бросаютъ срамный удъ, и обращаясь къ новому сочлену, восклицаютъ: «вотъ, смотри на сокрушеннаго змія!» Въ связи съ этими данными понятно, почему въ

Digitized by Google

стихѣ о страшномъ судѣ сказано, что блудницы пойдутъ въ змѣи лютые; а *въ стихъ о любодѣйницѣ*, она ѣдетъ—

„Среди рѣки огненной
„На змѣѣ на трехглавомъ,
„И руки у нея, и ноги узами закованы,
„А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая,
„Двуглавая, злая, огненная".

На лубочной картинѣ любодѣйница изображена возсѣдающею на драконѣ, открытый зѣвъ котораго дымится и извергаетъ пламя; на глазахъ у ней висятъ жабы, въ ушахъ продѣты стрѣлы, а груди сосутъ малыя змѣи... Въ сагахъ и сказкахъ змѣй (драконъ) и чортъ принимаются за названія синонимическія, могущія свободно замѣняться одно другимъ; народное воображеніе надѣляетъ чорта огромнымъ зѣвомъ и драконовыми крыльями, и нерѣдко заставляетъ его показываться совершенно въ образѣ дракона». (Аф. т. II, ст. 583—585). Точно также не безъ вліянія осталось на наши народныя преданія, вѣроятно, и слѣдующее за тѣмъ апокалипсическое сказаніе объ ангелѣ, который держитъ длинную цѣпь (уже), чтобы изловить на нее сатану и низвергнуть его въ геенну огненную; но эта цѣпь въ нашихъ народныхъ преданіяхъ измѣнилась въ неводъ, а геенна въ огненную рѣку. (Смот. ниже прим. 29).

11) Хиліазмомъ называется извѣстное ученіе, объ ожидаемомъ нѣкоторыми сектаторами, въ томъ числѣ и нашими, тысячелѣтнемъ царствованіи І. Христа на землѣ, въ средѣ избранныхъ людей, въ послѣднія времена міра. Начало этого ученія надобно полагать еще у древнихъ іудеевъ, въ пророч. Исаіи, объ успокоеніи и прославленіи сыновъ Израиля, когда, передъ концемъ вселенной, Господь соберетъ всѣхъ избранныхъ въ единое царство и воцарится въ немъ духомъ правды и мудрости, и всѣ чуждыя племена послужатъ этимъ сынамъ Божіимъ и поклонятся имъ, и волки будутъ жить вмѣстѣ съ овцами, и т. д. (Ис. глав. XI и XII). Время это называется также первымъ воскресеніемъ мертвыхъ, къ которымъ у сектаторовъ принадлежатъ, вѣроятно, неисповѣдующіе ихъ ученіе. Источникомъ ученія этого, надобно полагать, послужило, кромѣ пророчествъ Исаіи. также и откровеніе св. Іоанна, гдѣ времена тѣ прямо называются воскресеніемъ первымъ (апокал. гл. XX, 5). По мнѣнію же Сведенборга, эти времена уже наступили для истинно-вѣрующихъ. Наши скопцы также исповѣдуютъ это ученіе, и особенно на немъ основываютъ свои надежды на лучшія времена и ожиданіе ихъ въ темномъ будущемъ.

12) Этнографическая выставка въ Москвѣ посѣщалась обыкновенно въ теченіи дня; но, кажется, была открыта разъ или два

Digitized by Google

во-время пребыванія славянскихъ гостей, также и вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи. Разумѣется, изображенное въ поэмѣ засѣданіе и все происходящее на немъ, принадлежитъ къ чисто-фантастическому вымыслу.

13) Г. Бергманнъ, имѣя, конечно, въ виду, что первыя переселенія въ Европѣ финно-алтайскихъ племенъ, которыя почитаются древнѣйшими въ ней переселенцами, начались еще за XXV ст. до Р. Х., т. е. тремя столѣтіями раньше арійскихъ, говоритъ: «можно почти положительно утверждать, что за сорокъ пять столѣтій или около того (до нашего времени), т. е. за 2500—700 лѣтъ до Р. Х., Европа была еще совсѣмъ необитаема и имѣла видъ дикой, пустынной страны, покрытой болотами и огромными лѣсами. (Les Gèt: p. 6.) Первыя появившіяся въ ней изъ Азіи, племена были финно-алтайскія (за XXV ст. до Р. Х). Ученые вообще утверждаютъ, что во всей нынѣшней Сѣверной и Средней Россіи въ древности жили Финны; а г. Европеусъ, на основаніи лингвистическихъ розысканій (въ своемъ сочиненіи объ Угорскомъ народѣ, 1871 г.), доказываетъ, что настоящая родина Угровъ тогда простиралась отъ Оки на сѣверъ до Ледовитаго моря и отъ Сѣверо-Уральскихъ горъ до Финляндіи и Сѣверной-Скандинавіи, за исключеніемъ области около Онежскаго и южной части Ладожскаго озеръ. Г. же Иловайскій находитъ, что за тѣмъ на Юго-Востокѣ главную массу скифовъ, Царскіе, Сарматы, Будины, Невры, (прибавимъ,—Геллоны, Венды, и т. д.) составляла семья народовъ славяно-литовскихъ. По своему числу и значенію въ Скиѳіи преобладало, конечно, славянское племя... Другое названіе скифскихъ народовъ было Геты (Тургеты, Тиссагеты, Танаигеты, Массагеты, отъ рѣкъ—Тираса—Днѣстра, Танаиса—Дона, и т. д.). Названіе Геты и Готы, какъ и названіе Скифы, первоначально обнимало равно народы германскіе и славяно-литовскіе... Иногда названіе Скиѳія обнимало весь сѣверъ Европы и Азіи; а рѣка Танаисъ, по понятію древнихъ географовъ, дѣлила Скиѳію на Европейскую и Азіятскую. (Древн. и Нов. Россія, 1875 г. № 2, ст. 163) *) «Впрочемъ, го-

*) Вотъ, сохранившіяся у византійскихъ писателей и конечно искаженныя, имена нѣкоторыхъ скифскихъ царей или князей: у Скифо-Сарматскаго племени Сайевъ, царь Сайтафарнъ: Анахарсисъ, сынъ царя Гнура, внукъ Лыка и правнукъ Спаргапита, убитый братомъ своимъ, царемъ Савліемъ. Позднѣе, потомокъ того же Савлія, сынъ царя Аріапита, Скилъ, отъ жены истріанки (изъ подунайской страны), соблюдавшій также греческіе обряды и принимавшій участіе въ мистеріяхъ Адониса; за это выданный дядей Ситалкомъ и тоже убитый братомъ Октамазадомъ Другіе скифскіе цари: Канита, Саріа, Иліосъ, Форзей, Скимуръ, Беребистъ (Bouerebiste, Боребтъ, Буривой)?...Тѣже Византійцы называютъ наши отряды, служившіе у нихъ въ X стол., то Русью, то Тавроскифами. (Древ. и нов. Россія 1875 г., № 5, ст. 84, 166, 167).

Digitized by Google

воритъ г. Бергманнъ, исторія *не запомнила* многочисленныхъ переселеній Скифовъ изъ Азіи въ Европу ранѣе VII (въ др. мѣст. IX) ст. до Р. Х.; но она упоминаетъ о значительномъ переселеніи ихъ въ половинѣ VII ст., какъ, можетъ быть, о самомъ послѣднемъ и самомъ значительномъ. Это не было мирное переселеніе; но имѣло враждебный характеръ настоящаго вторженія...» (Les Gèt: p. 30). Изъ чего видно, что всѣ эти историческія указанія на эпохи разныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу, по толкованію г. Бергманна, надобно принимать по большей части прямо за эпохи набѣговъ или вторженій, а не мирныхъ разселеній. Но исторія не можетъ еще опредѣлить положительно множество тѣхъ частныхъ мирныхъ арійскихъ переселеній изъ Азіи въ Европу, что начались по ея предположеніямъ за 2200 л. до Р. Х., и посредствомъ которыхъ могла заселяться постепенно нынѣшняя юго-восточная Россія съ самой глубокой древности славянскими и другими племенами, прежде нежели они распространились до Лабы и Балтійскаго поморья. Почему большую часть ссылокъ на исторію, въ томъ числѣ и приведенныхъ въ моемъ сочиненіи, слѣдуетъ принимать только относительно, т. е. большею частію, какъ о враждебныхъ вторженіяхъ, отголосокъ которыхъ успѣлъ достигнуть исторіи, помимо другихъ, не менѣе, вѣроятно, значительныхъ переселеній, которыя уже совершились гораздо ранѣе, нежели могли узнать о томъ историческіе народы. Послѣ всего этого, не нужно принимать на себя также особенной учености, чтобы ясно и положительно видѣть поселенія древнихъ славянъ-скифовъ въ Европѣ гораздо прежде, нежели принято объ этомъ думать. Достаточно прибѣгнуть къ способу, рекомендуемому почтеннымъ профессоромъ г. Погодинымъ,—или къ его математическому пріему, какъ онъ это называетъ, а именно: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному (Рус. Вѣстн. 1875 г. пр. стр. 377),—какъ это ужь и дѣлывалъ покойный г. Надеждинъ. Пойдемъ же по этому указанію!.. Извѣстно, что названія рѣкъ: Дона, Днѣпра, Днѣстра, Дуная, имѣютъ одинъ корень, дун-дуни, санскрит. названія вообще рѣки; такъ что у славянъ—«форма дун, съ окончаніемъ авъ,—Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще,—за рѣками, за Дунаями...» (Буслаевъ, Рус. Вѣстн., 1862 г. Март. ст. 33). Между тѣмъ, названія рѣкъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ другими арійскими племенами, подобнаго корня не имѣютъ; почему можно предположить, что едва-ли не вынесли съ собой этотъ корень изъ праотчизны въ Азіи, собственно славянскія племена, и потомъ сохранили его въ названіяхъ тѣхъ главныхъ рѣкъ, по которымъ онѣ въ древности дѣйствительно и разсѣлились. На этихъ именно рѣкахъ исторія и встрѣчаетъ ихъ впервые подъ именемъ Виндовъ, Вендовъ, Будиновъ, и т. д. (См. Ист. Балт. слав. Гильфердинга и примѣч. 24 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Съ другой же стороны, по свидѣ-

Digitized by Google

тельству нѣкоторыхъ нашихъ и итальянскихъ ученыхъ, южные придунайскіе славяне также въ глубокой еще древности разселяются до Аппенинскихъ горъ и основываютъ тамъ Этрурію (см. прим. 23 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Въ Сѣверной Италіи, въ бывшемъ Венеціянскомъ королевствѣ, живетъ еще до сихъ поръ до 30 тысячъ неизвѣстныхъ славянъ, изъ которыхъ до трехъ тысячъ принадлежатъ къ племени Резьянъ («Бирж. вѣд.» 1875 г. № 130, ст. 2). Исторія знаетъ также съ глубокой древности обширныя славянскія поселенія по Карпатскимъ горамъ, по р. Лабѣ (Эльбѣ) и Балтійскому поморью. Даже въ южной нынѣшней Скандинавіи вначалѣ встрѣчаются славянскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, и только позднѣе замѣняются нѣмецкими или скандинавскими. (Россія въ ист. и стат. отнош.). Славянскія поселенія были потомъ и въ Даніи, и въ Англіи; а въ Бретани (древней Арморикѣ) понынѣ главный городъ и рѣка, на которой онъ стоитъ, называются Ванъ (Vannes): «jolie petite ville, très sale et trés mal bâtie» (Dict.de géogr). У Чеховъ же существуетъ преданіе, что они начали спускаться съ горъ, когда воды только что отхлынули съ земной поверхности... И г. Гильфердингъ весьма основательно замѣчаетъ, что такія обширныя поселенія славянъ не могли совершиться въ столь короткій періодъ, какъ свидѣтельствуетъ нашъ лѣтописецъ Несторъ, производящій славянское разселеніе съ одного Дуная, и не ранѣе эпохи нашествія на нихъ римскаго императора Траяна. «Невѣрность показанія Нестора объ этомъ, говоритъ г. Гильфердингъ, тѣмъ яснѣе, что даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ, то и тогда изъ нея не могли бы выдти всѣ славянскія племена, разселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ». (Ист: балт. слав. ч. 1. ст. 18). Значитъ, все дѣло тутъ во времени,—и если мы отодвинемъ періодъ вообще славянскихъ разселеній глубже въ древность; то обширное разселеніе славянъ по всѣмъ этимъ мѣстностямъ объяснится само собою. По мнѣнію ученыхъ, славянскія племена перешли въ Европу гораздо позже другихъ арійскихъ племенъ, и путь ихъ съ Востока на Дунай лежалъ черезъ Кавказъ или между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ. Не желая отступать отъ этого утвердившагося мнѣнія, я начерталъ по немъ, въ 1 кн. этой поэмы, древній путь Микулы въ Европу; тѣмъ болѣе, что переселенія арійскихъ племенъ съ Востока, какъ извѣстно, длились очень долгое время, начавшись за 2,200 л. до Р. Х.; а скифы считаются пришедшими въ Европу только за IX и даже за VII в. до нашей эры. (Les Gèt, par Bergmanne, p. 5, 6, 30). Но принимая во вниманіе многочисленность скифо-славянскихъ племенъ, занявшихъ подъ собой почти пол-Европы, можно, кажется, основательно предположить, что появленіе ихъ въ ея предѣлахъ, а можетъ быть и на

Digitized by Google

самомъ Дунаѣ, гораздо древнѣе, нежели думаютъ, и что первый ихъ путь съ Востока на Дунай могъ даже еще лежать чрезъ Малую Азію, когда Восточная Европа и часть Сѣверной, по причинѣ только отхлынувшаго моря, были еще неудобны для поселенія (смот. прим. 11 къ 2 пѣс. I кн.). Послѣ же того они, дѣйствительно, могли ужь съ Дуная разселяться постепенно, — сперва по высотамъ, — и далѣе, на Востокъ и Западъ, какъ повѣствуетъ препод. Несторъ; а черезъ Кавказъ или Уральскія горы проходили уже позднѣйшія племена, искавшія новыхъ мѣстъ возлѣ древнихъ поселеній своихъ родичей. Въ пользу глубокой древности первыхъ славянскихъ поселеній можетъ также свидѣтельствовать и высшее ихъ развитіе передъ другими сосѣдними племенами, особенно если Этрурія обязана имъ своимъ основаніемъ. Въ самой глубокой еще древности, именно въ эпоху основанія Этруріи, греки уже знаютъ на Дунаѣ цвѣтущій и сильный народъ или царство (см. соч. Савельева о славянахъ). Да и вообще, развитіе вановъ-славянъ стоитъ вначалѣ гораздо выше развитія древнихъ скандинанововъ, тогда еще кочевыхъ, какъ послѣдніе свидѣтельствуютъ объ этомъ сами. У Птоломея во II в, по Р. Х. Балтійское море или Юж. часть его уже называется Венедскимъ заливомъ; а Венеды, славяне, причисляются къ числу великихъ народовъ Сарматіи. Исторія застаетъ уже поморскихъ славянъ въ страшной борьбѣ съ саксами въ Нордалбингіи, между устьемъ Лабы и Балтійскимъ моремъ, и съ датчанами. (Гильферд. т. I ст. 19, 29, 32). А еще гораздо раньше: «старшій изъ сыновей царя Ставроскифовъ, Скилура, Палакъ, для войны съ Митридатомъ, уже обращается за помощью къ племени Роксаланъ (тутъ наши предки впервые упоминаются подъ этимъ племеннымъ названіемъ, а не подъ общими именами скифовъ и сарматъ). Страбонъ же говоритъ, что роксалане были самый сѣв. скифскій народъ, обитавшій гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ, и по берегамъ Меотійскаго озера. Тацитъ называетъ ихъ народомъ сарматскимъ. Слѣдовательно, жилища ихъ приблизительно находились на тѣхъ же степныхъ пространствахъ, гдѣ во время Геродота кочевало племя царскихъ скифовъ; припомнимъ, что сосѣдями послѣднихъ на Востокѣ за р. Танаисомъ были тогда сарматы. Отсюда можно заключить, что часть сарматовъ, т. е. роксалане, изъ странъ между Танаисомъ и Араксомъ (Дономъ и Волгою) постепенно распространилась на западъ и заняла мѣста царскихъ скифовъ, отчасти истребивши ихъ, отчасти смѣшавшись съ ними, какъ это обыкновенно бывало при подобныхъ народныхъ движеніяхъ. Но значительные остатки царскихъ скифовъ продолжали еще господствовать въ Таврідѣ и ближнихъ къ ней черноморскихъ степяхъ. Роксалане двинулись на помощь тавроскифамъ въ числѣ 50 т. всадниковъ (число конечно преувеличенное). Они носили шлемы и панцыри изъ воловьей кожи, имѣли щиты, сплетеные изъ тро-

Digitized by Google

стника, и были вооружены копьемъ, лукомъ и мечемъ. Предводитель ихъ назывался Тасій». (Др. и нов. в. 1875 № 3, ст. 286). «Скифы и алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками; но скифы носятъ болѣе длинные волосы». (ст. 185). Затѣмъ, въ первые уже вѣка по Р. Х. иноземые писатели дивятся богатству и великолѣпію славянскихъ городовъ и капищъ на Балтійскомъ поморьѣ; а древній нашъ Кіевъ сравниваютъ, по величинѣ, богатству и великолѣпію, съ Византіей. Для достиженія такого развитія нужны были не одно или два столѣтія; а весьма долговременное пребываніе въ этихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ Лукьяна, «тогда какъ греки наслаждались глубокимъ миромъ,—у скифовъ были постоянныя войны; они или нападаютъ, или отражаютъ нападенія; пастбище, добыча,—все служитъ у нихъ поводомъ для битвы....» (Др. и нов Рос. 1875, № 3, ст. 284). Но и въ то уже смутное древнее время исторія замѣчаетъ ихъ постоянное движеніе все далѣе на Западъ; тогда какъ передъ ними стоятъ еще бродячія дружины нѣмцевъ, безъ постоянной осѣдлости, — «хотя обитавшіе на коренной нѣмецкой землѣ, между Рейномъ, Эльбою и Дунаемъ, нѣмцы и были уже осѣдлы и не передвигались всѣмъ народомъ съ мѣста на мѣсто, не смотря ни на какіе перевороты». (Гильферд.ст. 13). Невзирая на это славяне прорываются не однажды въ поселенія датчанъ и англовъ, на дальнія побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, и далѣе, такъ какъ нѣкоторые изыскатели видятъ поселенія ихъ и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи, и даже на берегахъ Африки.... Изъ всего этого по крайней мѣрѣ видно, что настоящая эпоха первыхъ т. е. древнѣйшихъ поселеній славянъ въ Европѣ до сихъ поръ составляетъ еще загадку для исторіи, и по сіе время вопросъ объ этомъ не разработанъ вполнѣ научнымъ образомъ. Нашествіе же грознаго императора Траяна хотя и нагнало сильную панику на дунайскихъ славянъ, такъ что имя его осталось въ ихъ преданіяхъ и даже пріурочено ими потомъ къ нѣкоторымъ ихъ мѣстностямъ; но вліяніе этого нашествія на переселенія славянъ съ Дуная могло быть только временное, и никакъ не могло двинуть ихъ такими массами оттуда на Востокъ и Западъ, какъ объ этомъ говорится въ нашей лѣтописи. Г. Афанасьевъ даже еще сомнѣвается, дѣйствительно ли въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя императора Траяна, а не бога Триглава. «Имя Троянъ, по мнѣнію его, образовалось изъ слова: три, трое, и весьма вѣроятно, что въ свидѣтельствахъ старинныхъ рукописей донеслось до насъ воспоминаніе о томъ языческомъ божествѣ, какое извѣстно было у Поморянъ подъ именемъ Триглава. По указанію одного изъ варіантовъ сербскаго преданія, царь Троянъ имѣлъ три головы и восковыя крылья... Сродство Трояна съ Триглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что у послѣдняго были козлиныя головы, а первому сербская сказка даетъ козьи уши. Напомнимъ, что ле-

Digitized by Google

тучій змѣй въ народныхъ сказаньяхъ большею частію представляется трехглавымъ» (Аѳ. т. II ст. 643). Сколько доводы эти ни убѣдительны; но почему же не предположить, что настоящій императоръ Троянъ, разгромившій придунайскихъ славянъ, могъ преобразиться потомъ въ напуганномъ народномъ воображеніи, въ самые страшные образы, преимущественно въ змѣя; какъ въ наше время Наполеонъ I преобразился въ народномъ мнѣніи въ антихриста? «Имя Трояново встрѣчается и въ словѣ о полку Игоревѣ,—продолжаетъ г. Аѳанасьевъ, въ слѣдующихъ загадочныхъ выраженіяхъ: «рища (Баянъ) въ тропу Трояна чрезъ поля на горы,—были вѣчи Трояни,—на седьмомъ вѣцѣ Трояни върже Всеславъ жребій и дѣвную себѣ любу,—вступил(а) дѣвою въ землю Трояню (Обида)»... (тамъ-же. ст. 643). Не принимая на себя смѣлости толковать эти выраженія, все-таки я рѣшился бы скорѣе признать ихъ болѣе за историческія, нежели за мифическія. Такъ называемая тропа Трояна существуетъ и теперь въ Бессарабіи. подъ названіемъ Трояновa или Змѣинаго вала. Далѣе же тутъ говорится, о какихъ-то вѣчахъ Трояна или при Троянѣ, о землѣ Трояновой, о вѣкѣ Трояна, какъ объ эпохѣ, съ которой пѣвецъ почему-то считаетъ время до Всеслава. Всего вѣроятнѣе, что въ настоящемъ случаѣ мифъ только дополняетъ исторію, искажая ее по своему и придавая божественный санъ или грозный, чудесный образъ, страшному въ тѣ дни для славянъ, ихъ завоевателю. Касательно же обширныхъ мѣстностей, занятыхъ уже въ глубокой древности славянскими племенами подъ собою въ Юго-Восточной Европѣ, отъ Азовскаго и Адріатическаго морей до Балтійскаго, по Эльбѣ, Дону и Дунаю, см. также сочиненія Иловайскаго, Гедеонова, Вельтмана, Савельева, Бергманна, Шафарика, исторію Балт. славянъ Гильфердинга, прим. 24, къ 3 пѣс. 1 кн. этой поэмы, и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ изыскателей. Заключающіяся у нихъ свѣдѣнія и предположенія объ этомъ, конечно основаны на древнихъ Греческихъ, Византійскихъ, Римскихъ, отчасти арабскихъ и другихъ тогдашнихъ писателей, всего менѣе на скандинавскихъ сагахъ или иныхъ иноземныхъ народныхъ преданіяхъ; но можно-ли сказать, что всѣ эти, да и прочіе, какіе есть, источники уже вполнѣ разработаны и изслѣдованы безпристрастною ученой критикою, — особенно иноземною, которая всего болѣе любитъ искать въ нашихъ предкахъ-славянахъ непремѣнно, чуждыя намъ, племена или финно-алтайскія, или тюркскія. Не даромъ наприм. г. Эверсъ, говоря о древнихъ Росахъ на Волгѣ, спрашиваетъ: «если тогда ужь были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?» Ученая критика едва-ли еще и теперь отвѣтитъ на это удовлетворительно.

14) Касательно замѣчательнаго уже развитія народа нашего въ Россіи. въ эпоху призванія на княжество Рюрика и въ первую эпоху княженія его потомковъ,—во времена Владиміра св., Ярослава, даже

Digitized by Google

еще Мономаха, согласны всѣ наши историки. Карамзинъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ исторіи россійскаго государства, находитъ это народное развитіе у насъ тогда несравненно выше, нежели оно было въ тѣ времена у полудикихъ еще англовъ, скоттовъ и нѣмцевъ. Весьма ясно однако, что первые князья, предмѣстники и послѣдователи блестящаго Ярослава, не могли-бы поставить наше отечество въ такое высокое, по тогдашнему времени, положеніе, если-бы народъ и самъ не стоялъ на замѣчательной уже степени развитія, покрайней мѣрѣ въ главныхъ мѣстностяхъ ихъ управленія, въ кіевской и новгородской республикахъ. «О народѣ не довольно судить по одной исторіи, говоритъ уважаемый г. проф. Миллеръ. Она представляетъ намъ только то, что выражалось поступкомъ, только внѣшнею стороною жизни, нерѣдко состоящею въ вопіющемъ противорѣчіи съ внутреннею ея стороною, съ тѣмъ сокровеннымъ міромъ помысловъ, желаній, стремленій, изъ котораго далеко не все переходитъ въ неподатливый съ одной стороны, сокрушительный съ другой, — міръ дѣйствительности...» (Древ. и нов. Россія, 1875 г. № 4, ст. 354). Искони воинственный и торговый народъ нашъ долженъ былъ вполнѣ способствовать князьямъ, въ дѣлѣ устройства и расширенія только что возникавшаго, будущаго государства; что онъ продолжалъ и самъ по себѣ въ послѣдствіи, своими частными разселеніями и завоеваніями, и даже устройствомъ маленькихъ республикъ, которыя потомъ слились съ устроившимся государствомъ. Кромѣ первобытныхъ извѣстныхъ поселеній древняго Новгорода на сѣверѣ, къ этому можно отнести наше позднѣйшее по Юго-Востоку казачество и его частныя отважныя завоеванія, въ которыхъ правительство нисколько не участвовало, но которыя сдѣлались потомъ его достояніемъ. «Пусть собираютъ примѣры отталкивающаго добычничества казаковъ, продолжаетъ г. Миллеръ,— они, высоко держа до конца знамя борьбы съ азіятами, оказывали услугу всему человѣчеству; они какъ бы указывали путь европейской политикѣ, а если она и до сихъ поръ готова поддерживать власть азіятскихъ завоевателей надъ христіянами; то, конечно, лишь потому что нашла для себя невыгоднымъ воспользоваться примѣромъ южно-русскихъ «добычниковъ»... (Тамъ же, ст. 353, 354). И эту народную помощь первые князья наши имѣли не только на сушѣ, но и въ морскихъ своихъ походахъ. «Нельзя приписывать, говоритъ также и авторъ очерка русской морской исторіи, г. Веселаго, исключительно князьямъ быстрое созданіе многочисленныхъ флотилій, выводимыхъ ими въ море. Справедливѣе будетъ предположить, что князья въ самой странѣ нашли уже готовый матеріалъ для созданія подобныхъ флотилій, т. е. и людей знакомыхъ съ моремъ, и достаточно развитую технику постройки и снаряженія челновъ» (Древ. и Нов. Рос. 1875 г. № 4. ст. 454 статья г. Бѣлова). Приписывая скифо-славянскимъ племенамъ

Digitized by Google

изобрѣтеніе сошника (zoch, suoha, кабанъ), и потомъ, по образцу колесницы или телѣги, — сохи, раздирающей, (отъ слав. слова wluk, волкъ), г. Бергманнъ полагаетъ, что скифы, имѣвшіе сначала только плоты и челны (des radeaux et des troncs d'arbres) научились у Киммеріянъ—Камаровъ на Понтѣ Эвксинскомъ построенію морскихъ судовъ, которыя и назывались на Сѣверѣ камарами. Впрочемъ Сѣверные Скифы въ зимнее время ставили кочевыя жилища ихъ на *санки* (sangi, snaki, sanki), на которыхъ они разъѣзжали зимой даже и по Киммерійскому Босфору, а лѣтомъ эти зимніе санки служили имъ челнами для переправы черезъ рѣки; вотъ почему гораздо уже позднѣе одинъ родъ этихъ челновъ у скандинавовъ и назывался еще sneckia (Les Gètes, p. 91, 98—99). Къ этому можно еще присовокупить, что и наши древнія былины, особенно Новгородскія, полны отголосками о широкомъ мореходствѣ нашихъ предковъ, что потомъ отразилось и въ казацкихъ думахъ. А внутренній міръ народа окончательно обнаруживается лишь въ его поэзіи, говоритъ г. Миллеръ. Лишь въ идеальныхъ созданіяхъ народа раскрывается передъ нами вся сущность его души и т. д. (Др. и нов. Рос. 1875, № 4, ст. 354) *).

15) Извѣстно, что въ Южной Россіи корчма и корчмарка играли нѣкогда весьма важную роль. Въ древности корчма уподоблялась

---

*) Какъ сохраняются вѣками и переходятъ изъ рода въ родъ древнѣйшіе обычаи, съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями, можетъ служить образцомъ наприм. слѣдующее: если обиженный человѣкъ изъ скифовъ, не въ силахъ отмстить за обиду, говоритъ Лукьянъ,—то онъ приносилъ въ жертву быка, варилъ его мясо, разрѣзанное на куски, разстилалъ его шкуру и садился на нее, имѣя руки связанныя назади. Кто изъ проходящихъ бралъ кусокъ говядины и ставилъ ногу на шкуру, тотъ этимъ самымъ уже обязывался оказать помощь, смотря по своимъ средствамъ: одинъ обѣщалъ доставить пять всадниковъ, другой десять или болѣе, третій — пѣшихъ воиновъ, а самые бѣдные—самихъ себя. Скифъ Арзакомъ (обиженный на Боспорѣ тамошнимъ царемъ Левканоромъ) собралъ такимъ образомъ 20 т. пѣхоты и 5 т конницы. (Др. и нов. Рос. 1875, № 3, ст. 285). Припомнимъ затѣмъ опоэтизированное уже народное сказаніе въ нашихъ былинахъ о томъ, какъ Василій Буслаевъ въ Новгородѣ, поставивши чанъ или котелъ съ виномъ или брагой у себя на дворѣ, набиралъ дружину. Каждый, желающій поступить въ нее, долженъ былъ сперва выпить самое большое количество, какое можетъ, выставленнаго напитка; потомъ Васька ударялъ его по головѣ своей тяжеловѣсной дубиной,—и кто выносилъ съ честію оба эти испытанія, того онъ бралъ къ себѣ на службу и братался съ нимъ. Едвали гдѣ, какъ у насъ существуетъ до сихъ поръ въ столь широкихъ размѣрахъ и такъ называемая въ народѣ: „помочь“, когда за извѣстное угощеніе виномъ, брагой или деревенскимъ пивомъ и съѣстнымъ, собирается цѣлая деревня, а иногда и изъ другихъ деревень, помогать кому нибудь убирать хлѣбъ или сѣно. Обычаи эти не ведутъ-ли свое начало отъ того-же скифскаго древняго обычая, о которомъ сказано выше?

Digitized by Google

тому, что у насъ нынѣ называется клубомъ. Она была центромъ всѣхъ новостей и мѣстныхъ распоряженій. Въ ней собирались лучшіе мѣстные люди; сюда заѣзжали проѣздомъ извѣстные юнаки и жупаны; здѣсь сосредоточивались всѣ мѣстныя новости и распоряженія; сюда всѣ шли какъ въ древнія гонтины; сюда вели почетныхъ гостей и заѣзжали свадьбы; въ ея стодолѣ или сараѣ дѣвки и парни плясали; угощеніе для всѣхъ было подъ рукою. Корчмарка была большей частью красавица, и очень могла считаться вѣщею, по той роли, что она иногда играла въ мѣстныхъ происшествіяхъ. Корчмарки Ангелина и Бондарувна,—одна побратима Марка Кралевича, другая замученная поляками, сдѣлались историческими личностями въ народѣ. Значеніе корчмы убила въ послѣдствіи аренда и царскія кружала. На Сѣверѣ Россіи не было ничего подобнаго корчмѣ: наши кружала наполнены грязнымъ разгуломъ, а наши посидѣлки—учрежденіе чисто семейное, домашнее, и не можетъ быть даже похоже на древнюю южную корчму,—этотъ народный клубъ прежняго времени. Въ древности стольный Кіевъ имѣлъ восемь рынковъ, съ своими и иноземными товарами; и въ каждомъ изъ этихъ рынковъ стояла корчма съ рѣзными карнизами, подобная въ этомъ отношеніи древнимъ гонтинамъ. Главная корчма находилась возлѣ велико-княжескаго двора. Вмѣсто вывѣски, у дверей ихъ стоялъ простой столъ, и на немъ ведро и кружка съ кувшиномъ. Москва не приняла этого южнаго заведенія; въ Москвѣ явился царевъ кабакъ,—сперва на Балчугѣ, а оттуда пустилъ корни по всему царству. Корчма же, какъ враждебная единству и власти возникшей державы, была даже проклята московскимъ духовенствомъ, и оставалась только въ Новгородѣ и Псковѣ, хотя уже не въ томъ видѣ, какой была на югѣ, но гдѣ хоть не пропивались *сиротскія слезы* и вмѣсто притона разврата—*полна* была *благольпія*. Гораздо уже позднѣе корчма перешла въ грязный шинокъ, «гдѣ дивчаты частуютъ», и во множество тѣхъ кружалъ и питейныхъ домовъ, что споили русскую землю, и про которые сложилась потомъ въ Малороссіи новая пѣсня:

„Моя дочка ледащица — не ночуе дома,
„Моя дочка ледащица — не хочи робити,
„Да якъ прійде неділенька — иде въ корчму пити“.

Что же касается до сѣвернаго преданія о Петрѣ и Февроніи; то г. Буслаевъ находитъ, что «въ муромской легендѣ, древнѣйшему преданію дана позднѣйшая историческая обстановка, и притомъ событія и лица возведены въ идеальную область христіянскихъ понятій. Въ общихъ чертахъ своихъ, муромская легенда содержитъ тѣже главнѣйшіе мотивы, что и пѣсни древней Эдды о битвѣ Зигурда съ зміемъ и о союзѣ этого героя съ вѣщею дѣвою. Безъ

Digitized by Google

всякаго сомнѣнія, сходство это основывается на общихъ источникахъ, изъ которыхъ совершенно независимо другъ отъ друга были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды, и въ нашей легендѣ. Змій муромской легенды есть змій-оборотень, подобный Фафниру, сыну Грейдмарову, и множеству огненныхъ летучихъ зміевъ въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Замѣчательное сходство съ началомъ нашей легенды предлагаетъ одна сербская пѣсня, подъ заглавіемъ: царица Милица и змій отъ Ястребца. (Въ изд. Вука-Стефановича Караджича, ч. II, № 43). Какъ кн. Петръ вынимаетъ Агриковъ мечь (которымъ онъ поразилъ змія) изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вельзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ изъ священнаго дерева чудесный мечь, который глубоко врубилъ въ это дерево самъ Одинъ, или точно также въ валашской сказкѣ, о витязѣ Вилишѣ (въ изд. Шотта, № 11), этотъ витязь идетъ къ четыремъ каменнымъ столбамъ, молится имъ цѣлые девять дней, и наконецъ изъ нихъ высовывается знаменитый мечь, для совершенія великихъ подвиговъ»... Какъ богъ Торъ и англосаксонскій герой Беовульфъ, поразивъ зміевъ, сами погибаютъ отъ змѣинаго яда; такъ и кн. Петръ, поразивъ змія-оборотня, подвергаетъ свою жизнь опасности, заразясь отъ его крови проказою. «При самомъ вступленіи своемъ на сцену (исцѣлившая его) Февронія является въ обстановкѣ вѣщей дѣвы. Она сидитъ за краснами, занимается тканьемъ, какъ дѣва судьбы въ сербской сказкѣ или какъ Идисы и Норны въ нѣмецкой мифологіи»... Ея загадки: «не лѣпо есть быти дому безъ ушію и храму безъ очію», и еще «въ нови зрѣти», — относятся къ вѣщбамъ, извѣстнымъ въ сѣверп: эпосѣ подъ именемъ рунъ. «Передъ вѣщей ткачихой для чего-то скачетъ заяцъ»... Изъ всѣхъ устныхъ и письменныхъ преданій, относительно состязанія въ мудрости помощію загадокъ и задачъ, ни одно не представляется въ такой значительной близости и, вѣроятно, въ рѣшительномъ сродствѣ по происхожденію съ Муромской легендою, какъ сербская сказка о томъ, какъ дѣвица перемудрила царя (по изд. Вука Стеф. Караджича, № 25). «Правдоподобнѣе всего предположеніе, что это замѣчательное сходство муромской легенды съ сербскою сказкой есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху доисторическую. Если мы видимъ нѣкоторое сходство между кн. Петромъ и Зигурдомъ, и между Февроніей и Брингильдой, то было бы удивительно, когда бы мы не встрѣтили болѣе яснаго и опредѣленнаго, даже разительнаго сходства въ преданіяхъ изъ того же эпическаго цикла между племенами родственными, славянскими. Въ муромской легендѣ такъ сильно преобладаетъ мифическая основа, что мы не будемъ долго медлить на исторической обстановкѣ.... Можно остановиться развѣ на разсказѣ о смутахъ бояръ и на недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца. Послѣднее указаніе очень важно для исторіи

Digitized by Google

древне-русской женщины. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ основная идея легенды, и именно въ томъ смыслѣ, что эта легенда была обработана благочестивымъ грамотникомъ, который не могъ не увлечься энергическимъ характеромъ вѣщей дѣвы, подобной супругѣ мифическаго Дуная или Ставра боярина и нѣкоторымъ другимъ героическимъ идеаламъ женщины, этимъ драгоцѣннымъ остаткамъ первобытнаго эпоса». (Истор. от. рус. народ. слов: Буслаева, т. I. ст. 294 —300).

16) О чудесномъ подземномъ городѣ Китижѣ, см. ст. г. Мельникова: за Волгой, Р. Вѣст. 1868 г. іюнь стр. 459, 460. Болѣе подробно объ этомъ таинственномъ городѣ изложено въ статьѣ г. Безсонова къ русск: былинамъ, изд. г. Кирѣевскаго. Нашъ народъ ходитъ туда до сихъ поръ на богомолье, на Свѣтлое озеро, гдѣ нѣкоторые, конечно, болѣе вѣрующіе, слышатъ церковный благовѣстъ и звонъ подземныхъ соборовъ. Въ тойже статьѣ помѣщенъ и разсказъ о крестьянинѣ, спрятавшемъ ломоть хлѣба, который, когда онъ проснулся, превратился въ древесную гнилушку.

17) См. histoire du communisme.

18) Первая французская революція.

19) «Богомилы, говоритъ и проф. Буслаевъ, по толкованію проф. Голубинскаго, признавали верховнаго Бога добраго, который, по ихъ ученію, сотворилъ невидимый духовный міръ, — и отпадшаго демона злаго, сотворившаго видимый вещественный міръ. Слово сошло съ небесъ и воплотилось, — не дѣйствительною плотью, а только привидѣніемъ, вошедши черезъ правое ухо Дѣвы и вышедши тѣмъ же путемъ. О крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ богомилы учили, что онъ распятъ былъ не по своей волѣ и не за спасеніе человѣческое, но по нуждѣ; что демоны измыслили крестъ, что бы погубить его. Посему они называли крестъ — враждой Богу. За иконопочитаніе они называли православныхъ идолопоклонниками. Іерархическое устройство состояло у богомиловъ въ томъ, что каждая частная община или церковь имѣла своего учителя, который имѣлъ подъ собою 12 учениковъ, именовавшихся апостолами. Они проповѣдовали не заботиться о завтрашнемъ днѣ; а сами побольшей части брали на себя подвигъ нищеты, питаясь тѣмъ, что ходили изъ дома въ домъ и собирали милостыню». (Такъ поступали и буддійскіе монахи). «Признавая учрежденіе брака дѣломъ діавола, богомилы заповѣдовали и содержали безбрачіе, — и питали величайшее отвращеніе къ дѣтямъ, хотя бы происшедшимъ и отъ законныхъ супружествъ». (Крат. очер. прав. церквей болгарской, сербской и румынской, рус. вѣст. 1871 г. ст. 157—165. рус. вѣст. 1873 г. апр. ст. 641, 642). По мнѣнію г. Веселовскаго, литературное вліяніе Востока шло по слѣдамъ религіознаго. Но г. Буслаевъ находитъ, что — «историческое русло двоевѣрія глубже и шире тѣхъ теологическихъ и философскихъ перегородокъ, по кото-

Digitized by Google

рымъ шли ереси и разныя секты; что оно было необходимымъ явленіемъ въ переходѣ отъ древнѣйшаго язычества къ тому средневѣковому невѣжеству, въ которомъ народности нашли новую среду для своего взаимнаго общенія, закрѣпивши неясное для нихъ, по разнообразію мѣстныхъ мифовъ и преданій, первобытное между ними сродство, — общими имъ всѣмъ, опредѣленными типами Ильи-Громовника, Ивана-Купалы, Егорія храбраго, Соломона и Китовраса, и т. п.» (Тамъ же, ст. 649). Такимъ образомъ, проповѣдуемый богомилами подвигъ нищеты, безбрачіе и собираніе по домамъ милостыни, могли очень быть ими заимствованы прямо и отъ буддистовъ, которыхъ было немало, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ глубокую древность во Фракіи (см. прим. къ 3 п. I кн. этой поэмы); если же взять во вниманіе вообще отвращеніе нашего народа въ древности къ церковному браку, что приписывается иными нашими учеными тогдашней народной неразвитости и недостатку священниковъ; то это едва ли не есть одно изъ прямыхъ указаній, что ученіе богомиловъ было развито у насъ тогда гораздо болѣе, нежели мы знаемъ, — и что ученіе это, и соединенный съ нимъ буддизмъ, отъ котораго оно отчасти и происходитъ, едвали не главные источники тѣхъ сектъ и ересей, которыя кишатъ въ нашемъ народѣ, еще задолго до извѣстнаго раскола въ XVII ст. Такъ, нынѣ уже извѣстно, что рижскіе раскольники, которыхъ долго причисляли къ старовѣрамъ, ведутъ свое начало отъ стригольниковъ; а самые стригольники не могли бы такъ скоро распространиться почти по всей Россіи, еслибы ужь не было подъ ними давно готовой почвы отъ лжеученій, укоренившихся у насъ въ глубокую древность, — можетъ быть, еще прежде ученія богомиловъ. При чемъ можно указать на древнихъ нашихъ волхвовъ, въ Ростовской области, которые поклонялись какому-то подземному богу (Смотр. ист. Карамзина). Едва прошло 15 лѣтъ со введенія въ Россіи христіянства, — въ 1004 г. явился монахъ Адріанъ, отвергавшій церковь о обрядность. Это былъ первый извѣстный раціоналистъ въ русской церкви. Кіевскій митрополитъ Леонтій заключилъ его въ тюрьму. Черезъ 121 годъ послѣ Адріана, въ 1125 г., Дмитръ отвергаетъ церковные уставы; кіевскій митрополитъ Никита заключилъ его въг. Санелецъ. И Адріанъ, и Дмитръ, — богомилы той секты, къ которой въ Южн. Франціи, Піемонтѣ, Ломбардіи и Богеміи принадлежали альбигойцы, валдейцы, альбогинцы, что отвергаютъ всякую духовную церковную іерархію и служатъ Богу духомъ и истиной. «Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться духомъ и истиною». (Іоан. IV, 24). Каждый человѣкъ — живая книга. Поэтому, также склонность къ умерщвленію плоти и презрѣніе ко всякой внѣшности, — буква мертвитъ. Любовь Христова — чувственная; она породила божковъ Радиева, Щеглова, и др. Право на всѣхъ дѣвушекъ: въ чемъ и есть мисти-

Digitized by Google

ческое ученіе о сліяніи павшаго духа съ Искупителемъ. Подобное же есть и у буддистовъ Ламайскаго толка, — у калмыковъ, бурятъ, монголовъ, — можетъ быть, и у сибирскихъ шамановъ. Также въ древности христіянская любовь выражалась въ Сиріи и Финикіи, смѣшавшись съ поклоненіемъ Ваалу, Адонису, Астартѣ. Отсюда это могло перейти къ гностикамъ, а отъ нихъ и къ богомиламъ. Богомилы большей частію переходили съ мѣста на мѣсто, распространяя ихъ ученіе; а русская церковь такъ близко соединена съ болгарской. Сперва религіозное своемысліе появляется у насъ на Югѣ а во время междоусобій и татарскаго ига переходитъ и на Сѣверъ, куда перешла русская митрополія, гдѣ кипѣла торговля Новгорода и жизнь народная. Начинаются волненія въ церкви отъ Мартина — армянина, и споры о постѣ въ среду и пятницу. Новгородскій протопопъ Сеитъ, заодно съ Тверскимъ епископомъ Феодоромъ, нападаетъ на монашество; возникаетъ проповѣдь о существованіи видимаго рая. Діаконы Карпъ и Никита (1271 г.) отвергаютъ всю іерархію; начинается ученіе стригольниковъ,—богослужебныя собранія не въ церквахъ, а въ избахъ для чтенія, пѣнія и проповѣди, — супружество безъ благословенія священниковъ, духовное достоинство всякаго мірянина, исповѣдь землѣ... Въ XV ст. является ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ; глава ея—Схарія, пріѣхавшій сюда изъ Кіева. Она переходитъ и въ Москву, и въ другія области. Всѣ эти ереси спорятъ между собой и дробятся на особые толки. Башкинъ, Косой и др. — чистые раціоналисты. Ереси эти и толки распространяются по всей Россіи, —по видимому, на готовой уже почвѣ, гораздо ранѣе старовѣрческаго раскола при Никонѣ... (Соч. Ливанова, о расколѣ). О сектѣ богомиловъ смотр. также соч. Костомарова: сѣверноруссkія народоправства во время удѣльнаго вѣчеваго уклада, т. II, стр. 434 и далѣе.... «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что апокрифическія книги, уважаемыя богомилами, у насъ были въ ходу наравнѣ съ другими подобными... Послѣ стригольниковъ, явились въ Псковѣ такъ называемые философы (въ XIV ст.), которыхъ патріархъ сравниваетъ съ книжниками и укоряетъ въ высокоуміи. Эта оппозиція была собственно вполнѣ критикою духовенства и церковнаго порядка.... Она нападала на богатство духовенства и указывала въ противоположность на евангельскую нищету, приводя въ свидѣтельство тексты (ст. 439). Еретики считали священниковъ невѣрными (недостойными) и отвергали исповѣдь священнику, говоря, что можно каяться, *припадая къ землѣ*. Можетъ быть, въ этомъ обрядѣ, неясно выраженномъ для насъ, дѣйствовало, по привычкѣ, древнее языческое олицетвореніе Земли.... *Строитъ душу*, — по ихнему значило умилостивлять божество за умершихъ»... (стр. 443). Приведенное же затѣмъ въ поэмѣ, раскольничье или скопческое міросозерцаніе, въ которомъ, какъ мы видимъ, отразились и ученіе

Digitized by Google

богомиловъ, и наша Голубиная или Глубинная книга, и языческое міросозерцаніе древней Индіи, передѣланныя на христіянскій ладъ, заимствовано изъ бѣсѣды, приписываемой тремъ святителямъ, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту и Василью Великому (В. Евр. 1873 г. Нов. полем. Троицкаго, ст. 567—569, 578), а именно: что св. вода честнѣе пречистыхъ св. таинъ Господнихъ; первѣе Бога былъ Сатана, иже сверженъ бысть съ небеси... Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?—Сударь бѣ два плата служебные на блюдѣ, а ризы Петра—верхнее небо и преисподняя, стихарь—шестаго неба, поясъ—желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, патрахиль—входъ и выходъ, подъ поясомъ земля. Толстота ея, яко отъ В. и до З. Повелѣ Господень ангелъ согнати пѣну морскую и сотворити землю на трехъ китахъ великихъ. На 30-ти малыхъ китахъ заляжетъ тридцать коль морскихъ; а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ. Гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? Три коморы на небесѣхъ; въ тѣхъ коморахъ агнецомъ тутo есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Въ тѣхъ коморахъ Отецъ и Сынъ и Св. Духъ свѣтъ есть, а другой свѣтъ огнь есть. Ангелы сотворены отъ Духа Святаго и отъ огня. Солнце сотворено отъ внутреннія ризы Господни. Отъ чего луна сотворена бысть?—Отъ аера и отъ престола Господня, и отъ воздуха. Что есть внукъ рече бабѣ: положи мя у себѣ, и рече ему баба, како положу тя у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внукъ есть Христосъ, баба—Земля *). Іисусъ родился спустя восемь лѣтъ послѣ Іисуса,—онъ есть антихристъ. Марія освящена паитіемъ св. Духа чрезъ слова архан. Гавріила. Этотъ антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ. Борьба слишкомъ двѣсти лѣтъ противъ крыжа Лятскаго, противъ невѣжественнаго самовластія церкви»... и т. д. А вотъ еще другое ученіе: «у Бога два сына—Христосъ и Сатанаилъ. Послѣдній создалъ тѣло человѣческое; Богъ вдунулъ душу. Сатанаилъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ; Христосъ, явясь, заперъ его въ бездны ада,—съ тѣхъ поръ онъ Сатана. Сатанаилъ учредилъ бракъ, и потому женатые прокляты, дѣти ихъ ненавистны; они мамонщина, дьявольщина. Богомилы проповѣдуютъ самый страшный аскетизмъ, неповиновеніе властямъ, порицаніе божества. Міръ держится на 4 золотыхъ китахъ, а киты на огненной рѣкѣ. Секта эта подточила въ самомъ корнѣ юныя общественныя силы Болгарскаго царства: въ ней дуализмъ Зороастра, христіянство и собственные вымыслы...» (Р.

*) Не напоминаетъ ли это прямо старинную нашу загадку: „когда быкъ родилъ корову?“ Отвѣтъ: тогда какъ Богъ создалъ землю. Еще въ древнихъ вѣкахъ богъ Индра называется быкомъ,—и образъ же быка или коровы придается потомъ землѣ у всѣхъ древнихъ арійскихъ народовъ.

Digitized by Google

вѣст. 1873 г. Апр. срав. изуч. нар. быта и поэзіи, Буслаева, ст. 581). Нечего говорить, что изложенныя затѣмъ преданія, о Буянѣ островѣ и о горѣ, названной въ нихъ Афономъ, должны быть заимствованы нашими скопцами изъ самыхъ древнѣйшихъ преданій о восточномъ свѣтломъ раѣ и о брахманахъ. Пѣсни о фіалѣ божьяго гнѣва и объ огненной рѣкѣ принадлежатъ къ народ: стихамъ о кончинѣ міра. Источникъ ихъ г. Афанасьевъ видитъ не менѣе отъ того въ глубокой же древности. «Вѣрованія эти, говоритъ онъ, очевидно стоятъ въ связи съ глубоко-укорененнымъ въ народахъ преданіемъ, о всеобщемъ развращеніи передъ кончиною міра, когда по выраженію русскаго стиха:

„При послѣднемъ будетъ при времени —
„Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо;
„А кривда пойдетъ по всей землѣ".

«Въ началѣ XVI в. Псковичи, теряя древнія вольности, усматривали въ новыхъ московскихъ порядкахъ начало Антихристова царства. Свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниковъ и народныхъ стиховъ согласны съ языческими преданіями сканд. Эдды; въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтическаго колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ». (Аф. т. I, ст. 752—755).

20) Извѣстно, до какой степени развитъ духъ созерцанія на Востокѣ, въ Индіи, у буддистовъ и браминовъ, которые, судя по картинѣ этого, изображенной въ Саканталѣ, стоятъ или сидятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, такъ что птицы начинаютъ вить на нихъ гнѣзда и они сами обростаютъ травою. Можно сказать, что вся обрядность и духъ буддизма сосредоточены на неподвижномъ созерцаніи. Откуда-бы созерцательность эта ни перешла и къ намъ, корень ея, во всякомъ случаѣ,—на древнемъ Востокѣ. Древніе боги всего болѣе страшились духа созерцанія въ человѣкѣ, который могъ черезъ него низвергнуть ихъ съ престоловъ, что и сдѣлалъ Будда. Арійскій богъ, Индра, вынужденъ былъ послать къ одному пустыннику обнаженную красавицу, чтобы она развлекла его, и прекратила его созерцанія, которыя становились уже страшными богамъ. «Наши истинные отцы духовные, пишетъ Сперанскій въ 1817 г. къ Цейеру, — чтобы вступить въ созерцаніе, ищутъ одиночества, т. е. самаго удаленнаго угла своей комнаты. Тамъ они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, т. е. просто садятся, скрещиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, а именно на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды этого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлеченія наружнымъ свѣтомъ; но они остерегаются

Digitized by Google

закрывать глаза,—они остаются неподвижны. Они начинаютъ съ «Господи помилуй»; но у нихъ это скоро прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда придешь въ себя. Они остаются въ этомъ состояніи, не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья. Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Фавора (технич. терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое; но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣе нашихъ обыкновенныхъ видѣній». (Р. арх. 1870 г. т. 1, ст. 193, 194). Припомнимъ буддійскую нирвану,—погруженіе въ самозабвеніе, превращеніе своего бытія въ совершенное ничтожество!.. Потомъ, Сперанскій пишетъ томъ же, въ письмѣ къ С. М. Броневскому: «по мѣрѣ упражненія и навыка въ ней (въ духовной молитвѣ) открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей духовной силы,—и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда симъ образомъ *молились*, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ сіе время мы не мыслили ни о чемъ, не представляя себѣ ничего, и ничего не помнимъ: ибо помнить, представлять и мыслить есть дѣло души, а не духа. Сіе состояніе Восточные отцы называютъ безмолвіемъ, а Западные—suspension de facultés de l'ame. И вотъ почему молитва сія называется духовною. Она то есть *молитва въ духѣ и истинѣ*; а не то, что нѣкоторые, впрочемъ благочестивые люди, подъ симъ разумѣютъ. Кратко: она состоитъ въ отсутствіи всего того, что называютъ какимъ-либо понятіемъ,—всего того, что не есть духъ Христовъ: ибо духъ ни понятій, ни словъ не имѣетъ. "(Тамъ же, ст. 200, 201). Другими словами, — не есть-ли это все таже буддійская нирвана, какъ сказано выше? Впрочемъ, въ добавленіе къ этимъ письмамъ, Д. Н. Свербеевъ, и говоритъ, что въ книгѣ о Паисіи Величковскомъ, архимандритѣ Молдавскаго монастыря, изданной въ 40 годахъ Козловскимъ, онъ читалъ о подобномъ способѣ и слышалъ случайно отъ извѣстнаго Ф. Голубинскаго, что такой именно способъ знакомъ былъ Восточнымъ аскетамъ, и что онъ былъ описанъ св. Григоріемъ Паламой, однимъ изъ уважаемыхъ отцовъ церкви V вѣка. (Тамъ же, 1871 г. ст. 176—177). А въ словѣ, приписываемомъ Григорію, сказано: «отъ фюфильскихъ же и отъ аравитьскихъ писаній научьшеся Болгаре»... (въ лѣтоп. изд. пр. Тихонравова W, 99. Р. в. 1873 г. апр. ст. 602, прим. къ ст. о рел. др. міра въ отнош. къ христ.). Все же, изложенное ниже въ поэмѣ, толкованіе ученія и обрядовъ хлыстовской секты и истекающихъ изъ нея или сходныхъ съ нею толковъ и ихъ подраздѣленій, какъ-то: федосѣевцовъ, скопцовъ, и пр. заимствовано изъ сочиненія г. Кельсіева, о скопческихъ богородицахъ, съ одной изъ которыхъ онъ былъ знакомъ въ Болгаріи и ко-

Digitized by Google

торая очень простодушно полагала, что если-бы она только пожелала, то ей поклонились бы всѣ цари земные и она была бы обладательницей всѣхъ земныхъ сокровищъ. Вообще изъ ученія сектаторовъ нашихъ. видно, какъ и сказано выше, что начало этого ученія еще въ мірѣ язычества; только что древніе языческіе образы и вѣрованія у нихъ смѣшаны съ новыми, христіянскими, — отчасти даже облечены въ христіянскія формы. Значитъ, язычество еще не заглохло совершенно въ нашемъ народѣ; но подъ вліяніемъ христіянства, только переродилось въ разныя ереси, сохранивъ даже при этомъ множество древнѣйшихъ своихъ представленій, обрядовъ и вѣрованій. Мыслящій, но непросвѣщенный народъ, какъ видно, желалъ соединить новое съ прежнимъ, древнюю вѣру свою съ христіянскою, въ чемъ ему и не препятствовали. Ему по сіе время еще необходимы видимые или олицетворенные образы въ его вѣрованіи; онъ не могъ разстаться вдругъ съ своими древними языческими обрядами, и преобразилъ ихъ въ христіянскіе, разъясняя и очищая по своему первые духомъ новой религіи, большею частію къ затмѣнію или искаженію послѣдней; онъ имѣлъ мало достойныхъ учителей въ нашемъ древнемъ духовенствѣ, и взялъ ихъ изъ себя, изъ того же народа,—такимъ образомъ развилось въ немъ двоевѣріе, какъ и слѣдовало ожидать отъ народа, замкнутаго во тьмѣ первобытнаго невѣжества, лишеннаго вначалѣ просвѣщенныхъ пастырей и осужденнаго жить столѣтія своими собственными способами, по старому. Изъ чего слѣдуетъ, что двоевѣріе это у насъ при всѣхъ его заимствованіяхъ, не есть какое-нибудь новшество или наплывъ какихъ нибудь самобытныхъ, позднѣйшихъ, особенно политическихъ лжеученій; но только вѣтви все того же стараго дерева язычества, къ которымъ народъ привилъ по своему христіянство, исказивши то и другое,—и что съ развитіемъ въ народѣ просвѣщенія, двоевѣріе это должно пасть само собою.

21) Въ лѣтоп. русской литературы и древности, т. IV: въ 4-мъ словѣ противъ язычества, сказано: «чтутъ богиню,—сію же дѣву творятъ». «Вѣроятно, въ связи съ этимъ поклоненіемъ «богинѣ-дѣвѣ», говоритъ г. Щаповъ, находится и позднѣйшее религіозное поклоненіе секты «людей божіихъ» дѣвицѣ, какъ богородицѣ,—поклоненіе, соединенное, согласно съ древнимъ обычаемъ, съ «свальнымъ грѣхомъ на радѣньяхъ»; а также и ученіе секты бѣгуновъ, утверждающее, что «дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола»,—что блудное общеніе съ дѣвицею есть «любовь Христова...» (Отеч. записк. 1874, Май, Іюнь, ст. 423, прим. 4). Послѣднее, какъ сказано выше (примѣч. 21), находится и въ ученіи богомиловъ. «Въ языческія времена, вся жизнь женщины, продолжаетъ г. Щаповъ, приносилась въ жертву мущинѣ, какъ богу; такъ что по смерти мужа, жена должна была слѣдовать за нимъ въ могилу: вдовъ сожигали на кострѣ, въ поминокъ души мужа, для «умилостивленія къ нему боговъ подземныхъ». Въ примѣръ чего онъ приводитъ былину о По-

Digitized by Google

токѣ, по древнимъ росс. стих. (стр. 225), гдѣ она сохранилась вѣрнѣе, т. е. гдѣ хоронится умершій Потокъ съ живой женою, а не живой Потокъ съ обмирающей женой, какъ это разсказывается въ другихъ былинахъ. (Отеч. зап., тамъ же ст. 424). На счетъ же сказанной «богини-дѣвы», г. Буслаевъ съ своей стороны также говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что принятая даже въ нашей иконописи Дѣвица-Земля есть таже самая античная фигура богини земли, которая часто встрѣчается въ живописныхъ и скульптурныхъ памятникахъ древняго христіянскаго искусства. Мастерамъ вмѣнялось въ обязанность изображать землю въ видѣ обнаженной дѣвицы, увитой зеленью,— по преданьямъ, о какой-то «матери сырой землѣ», и обычаямъ въ лѣтнюю пору водить въ хороводахъ обнаженную дѣвицу, увитую вѣтвями, которую у сербовъ, подъ именемъ Додолы, а у болгаръ—Пеперуги или Преперуги, еще поливаютъ водою, будто изнемогающую и жаждущую отъ засухи земли». (Русск. вѣсти. 1873, Мартъ, сравн. изуч. народ. быта и поэзіи, ст. 595). «По мнѣнію проф. Лавровскаго, говоритъ г. Афанасьевъ, Додола представляетъ собою богиню Землю, еще не вступившую въ брачный союзъ съ Небомъ, и не орошенную плодотворнымъ сѣменемъ дождя; она проситъ этого союза, чтобы не быть безплодною отъ засухи. Понятно, что только дѣвица и можетъ быть представительницей въ такомъ состояніи земли» (Аф. т. II ст. 173). «Слово Додола до сихъ поръ остается необъясненнымъ; серб. прпоруша, и болгар. пеперуга (преперуга) очевидно тождественны. Прпоруша должна значить: орошенная дождемъ, осыпанная его благодатнымъ сѣменемъ (отъ словъ: пурга— мятель, пурить — мочиться, пороша — дождь и снѣгъ — мучная пыль). На Руси неизвѣстенъ обрядъ хожденія Додолы; но на второй день Пасхи, на разсвѣтѣ, парни обливаютъ дѣвицъ, а тѣ въ свою очередь обливаютъ парней во вторникъ: такъ какъ водѣ, какъ и весеннему дождю, приписывалась сила плодородія, сила цѣлебная и очистительная, сила вѣщая», и т. д. (Тамъ же, ст. 177, 178—192). «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ г. Буслаевъ, съ богословской ли или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіи настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіянствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе открывали они родственыхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ собственной стариною и народностью; чѣмъ болѣе все неясное, смутное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви»... (Русск. вѣсти. 1873 г. Мартъ, ст. 603). Такой отзывъ уважаемаго нашего ученаго еще болѣе долженъ оправдать сектаторскія заблужденія нашего темнаго народа, который

Digitized by Google

видитъ въ нихъ, по своей необразованности, самое чистое, просвѣтлѣнное христіянство! (См. выше, прим. 20).

22) Вотъ одинъ образчикъ этихъ Саваофовъ! Владим: губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Егорьевскаго приказа, на гору Городину спустился Богъ-Отецъ съ неба въ превеликой славѣ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись; а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видѣнъ на горѣ, въ образѣ человѣка, Данилы Филиповича. За 15 л. до сошествія родился у него, по предсказанію пророковъ, сынъ І. Х., Иванъ Тимофеичь, отъ столѣтней бабы, крѣпостной Нарышкина, въ 40 вер. отъ Мурома, въ с. Максаковѣ. Съ нимъ жила дѣвица, дочерь Бога. Сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: «и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа моего на всякую плоть, и пророкутъ сыны ваши и дщери ваши, и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ; ибо на рабы моя и на рабыни мои во дни оны излію отъ духа моего, и пророкутъ». Богоотецъ убо Данила предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаша, играя; людіе же Божіи святіи образомъ сбытіе зряще, веселимся божественне, яко воскресе Христосъ, яко всесиленъ. Господь Богъ просвѣтилъ ученіемъ Іерусалимъ, а Данила Филиповичь, имѣя съ нимъ одинаковыя свойства, просвѣтилъ Россію, начавши это образованіе съ Костромы, которую и называютъ верховною страною. Дан. Филип., не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ святымъ духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія, по которымъ и творитъ чудеса. Явившись на землю, онъ всѣ книги кинулъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго на-ученія, а руководствоваться преданіями его и вдохновеніями пророковъ ихъ вѣры. Дан. Филип. далъ божество Ивану Тимофеичу, въ своемъ домѣ, въ дер. Старой, послѣ чего они оба три дня сряду возносились на небо при свидѣтеляхъ. І. Хр. возвратился въ жилище и началъ проповѣдовать ученіе Бога-Отца, Дан. Фил.—по 12 заповѣдямъ. По царскому повелѣнію, его схватили и пытали съ 40 учениками. Бояринъ Мордвиновъ, отъ допросовъ отказался. Пытали на лобномъ мѣстѣ и распяли на стѣнѣ, у Спаскихъ воротъ, гдѣ нынѣ часовня. Когда онъ испустилъ духъ, стража сняла его со креста, и въ пятницу похоронила на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами; а въ субботу на воскресенье онъ при свидѣтеляхъ воскресъ и явился ученикамъ въ Похрѣ. Тутъ онъ былъ снова пытаемъ и распятъ, снята была съ него кожа; одна изъ учениць покрыла его простынею, образовалась новая кожа. Онъ вновь воскресъ, и назвался бого-человѣкомъ, Стародубскимъ христомъ-спасителемъ. Потомъ былъ взятъ еще въ третій разъ; но освобожденъ, по случаю рожденія Петра великаго. Послѣ того онъ жилъ 30 лѣтъ въ домѣ, Новомъ Іерусалимѣ. Когда же превышній Богъ, гость богатый Дан. Филип., изъ деревни Старой на сотомъ году, прибылъ въ Москву, въ домъ возлюбленнаго сына своего, Ив. Тим., и вознесся на небо при свидѣтеляхъ, въ домѣ

Digitized by Google

св. Василія; то начали считать и новый годъ съ этого времени. Затѣмъ Ив. Тим. высланъ былъ изъ Москвы, и скитался 15 лѣтъ; а когда гоненіе утихло, построилъ маленькій домикъ, противъ прежняго. Въ третьемъ домѣ,—священный колодезь, столъ бога-отца, на одной доскѣ образа обоихъ, иереги. Иванъ Тим. умеръ въ день св. Тихона, показавъ примѣръ своего терпѣнія и благочестія на землѣ. Онъ хотя и былъ сынъ Божій; но тѣло его похоронено у церкви св. Николая въ Грачахъ, откуда онъ вознесся въ славѣ своей, при свидѣтеляхъ, для соединенія съ отцомъ. А вотъ еще и другое о томъ же Данилѣ Филиповичѣ сказаніе: Данила Филип.—божійчеловѣкъ, бѣглый солдатъ, объявившій себя богомъ Ивану Тимофеичу Суслову, а его объявившій христомъ. У нихъ была богородица и 12 апостоловъ, по берегамъ Оки и Волги. Данила Фил. умеръ въ Москвѣ, передавъ званіе христа стрѣльцу Прокопію Лубкину. Мистическое ихъ ученіе проповѣдывалось въ Нижегородской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ; въ 1716 году Лубкинъ былъ пойманъ, но опять освобожденъ. Ученица его, Агафья Карповна, учредила общество въ Веневѣ, въ 1713 г. Ученіемъ ихъ увлеченъ былъ даже ростовскій епископъ Досифей... Они сосланы въ разныя мѣста Сибири. Послѣ Лубкина, сдѣлался христомъ Андрей Петровъ, юродивый (Соч. Ливанова)... Кромѣ многихъ другихъ христовъ и саваофовъ, былъ еще Иларіонъ—коровьи ножки; о немъ упоминается въ книгѣ: о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ. Онъ жилъ въ бѣлой Криницѣ, и былъ коноводомъ тамошнихъ старообрядцевъ при импер. Іосифѣ II. «Митрополита для Бѣлой Криницы не нашлось, и Иларіонъ потихоньку сталъ заявлять себя христомъ. Онъ былъ мужикъ богатый, заказалъ себѣ митрополичье облаченіе, и *многіе* изъ бѣлокриницкихъ иноковъ и мірянъ, самиде-видѣли, какъ онъ въ митрополичьемъ облаченьи, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, гулялъ не по землѣ, а по воздуху въ сіяніи, и почитали его не только за митрополита, но и за воплощеніе І. Христа.» «Въ послѣдствіи онъ въ чемъ-то попался и умеръ въ тюрьмѣ. Въ запискахъ инока Аркадія Тульчинскаго исторія эта разсказана съ большими подробностями» (Кельсіевъ. Русск. вѣстн. 1869 г. Ноябрь, стр. 181, Польск. агенты въ Царьградѣ). Чтоже во всемъ этомъ бросается въ глаза, кромѣ мистичности самого ученія?—Опять таже образность или желаніе возсоздать все отвлеченное въ видимые образы, и опять таже древняя божественность человѣческаго духа или желаніе обоготворить себя въ разныхъ божественныхъ образахъ. Безплотное христіянское небо превращается въ древнюю стеклянную гору; избранные люди—въ боговъ, а ихъ христіянское ученіе—въ самое древнее, фигуральное язычество. Одно спасеніе отъ всего этого—опять тоже народное просвѣщеніе!

23) Приведенная пѣсня принадлежитъ также къ скопческимъ,—къ ученію этихъ новыхъ, христіянскихъ жрецовъ общей матери Цибеллы. А эти Вѣтры, Вернигоры, Стриги, Вѣдьмы, Скакуны, Огнен-

Digitized by Google

ные мечи, Зори ясныя, Господь-богъ красное-Солнышко,—и проч. и проч., не образы ли все это древнѣйшаго языческаго міра?.. Народъ нашъ по сіе время не можетъ съ ними разстаться и воображаетъ, что онъ облагородилъ и освятилъ ихъ христіянствомъ, или даже, что они всѣ порожденіе христіянской религіи, столь мало доступной ему въ своей сущности. Не въ этомъ ли и главная причина народнаго упорства и закоснѣлости во всѣхъ этихъ ересяхъ?..

24) Ученіе объ этомъ также скопческое; а въ приведенной здѣсь ихъ пѣсни, объ оставленіи Петромъ III Питера и Москвы, говорится далѣе, что онъ перебирать будетъ всякое сѣмячко, отъ вѣрныхъ не укроется, надъ царями царь откроется, завладѣетъ всѣми престолами и короною съ державою, всѣ цари, власти ему поклонятся, и вы (т. е. вѣрные) рядомъ съ нимъ сядете. Затѣмъ, вотъ заключеніе этой пѣсни:

„Ты свѣти, свѣти, свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
„Обогрѣй ты насъ, красно солнышко,
„Прикатися къ намъ государь-батюшка,
„Съ Восточной, государь, со сторонушки,
„Изъ своей, государь, изъ неволюшки,—
„Покажи ты намъ свой пречистый ликъ!..“

(Ливановъ).

25) Восхваленіе и самое начало пустыни еще идутъ отъ буддизма. Самая исторія о пустынникѣ Варлаамѣ и объ Іосифѣ царевичѣ, говоритъ г. Буслаевъ,—распространившаяся, какъ полагаютъ, въ средніе вѣка, не только по Россіи, но и по всей Западной Европѣ, есть только передѣлка на христіянскія понятія и нравы, какъ извѣстно, житія Будды, который былъ также сыномъ царя. Помнѣніюже г. проф. Веселовскаго (о Соломонѣ и Китоврасѣ, введ. стр. XI—XII) легенды о Варлаамѣ и Іосифѣ перешли къ намъ изъ Болгаріи, отъ секты богомиловъ. Но, какъ сказано выше (прим. 21), преданія о нихъ, въ образѣ Будды, по мнѣнію г. Буслаева, могли перейти къ намъ и прямо отъ язычества (Русск. вѣст. 1873 г. апр. 649). Объ этомъ можно будетъ сказать еще положительнѣе, когда разъяснится, что источникъ всѣхъ нашихъ еретическихъ сектъ въ народѣ есть тотъ же самый буддизмъ, извѣстный у насъ гораздо ранѣе, нежели о томъ думаютъ,—или вѣрнѣе, занесенный къ намъ еще древнѣйшими нашими предками, при переселеніи ихъ съ Востока (См. предисловіе къ этой II книгѣ). Эта же самая пустыня въ послѣдствіи приняла у насъ совершенно христіянскій характеръ,—и вѣроятно, въ этомъ новомъ уже видѣ получаетъ она отъ раскольниковъ разныя восхваленія, какъ напр.

Digitized by Google

„Прекрасная мати пустыня,
„Любезная моя дружина!
„Пришелъ я тебя соглядати,
„Потщися мя воспріяти,
„И буди ми яко мати...
. . . . . .
„Ахъ, гдѣ бы мнѣ водвориться,
„Съ усердіемъ Богу помолиться!...“

Тутъ есть и указаніе на перенесенныя нашими сектаторами, гоненія, и на жажду уединенія, ради спасенія души своей; но основаніе самой пустыни все-таки буддическое, и ученіе о ней есть прямо ученіе завѣщанное Буддой своимъ послѣдователямъ.

26) Извѣстно, что Пугачевъ называлъ себя Петромъ III, котораго скопцы признаютъ своимъ главнымъ Христомъ. Этотъ Петръ III заблажилъ духомъ, покинулъ тронъ свой, потомъ и Москву, и проявился въ пустынѣ. Конечно, въ проявленіи его въ пустынѣ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ безпорядкахъ, главные виновники—наши раскольники, которымъ это было нужно для скорѣйшаго уничтоженія царства тьмы въ Россіи. Теперь они ожидаютъ его опять съ Востока, т. е. изъ Сибири, гдѣ онъ скрывается до времени отъ предержащихъ властей. Только этимъ можно объяснить, бывшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, движеніе крѣпостныхъ крестьянъ на Востокъ, на рѣку Дарью, гдѣ они предполагали найти рѣку, текущую медовою сытой, и кисельныя берега. Движеніе это было такъ обширно въ среднихъ губерніяхъ, что многія господскія села и деревни за одну ночь совершенно пустѣли. Бѣглецовъ возвращали власти съ дороги; а нѣкоторые возвращались и сами, не найдя нигдѣ того земнаго рая, о которомъ имъ разсказывали. Это напоминаетъ бывшее въ средніе вѣка подобное же движеніе коммунистовъ въ Германіи, и такое же ихъ разочарованіе.

27) О раскольничьемъ мнѣніи, о Наполеонахъ I и III, см. также сочиненіе о скопцахъ Кельсіева, приведенное выше, (прим. 20).

28) «Какъ олицетвореніе ночной тьмы и мрачной тучи, волкъ отождествляется съ дьяволомъ, говоритъ г. Афанасьевъ. Старонѣмецкое Warg (готс. varhs, и сл. vargr) Яковъ Гриммъ удачно сблизилъ съ словомъ врагъ (vrag), которое и на нашемъ языкѣ, въ областныхъ говорахъ, и у древнихъ славянъ означаетъ чорта. У отцовъ церкви зѣвъ ада уподобляется раскрытой пасти волка, а чортъ называется похищающимъ души волкомъ. Олицетворяя дождевыя облака дойными коровами, овцами и козами, пастушескія племена вѣрили, что стада эти похищаются на зиму демономъ Вритрою. Сверхъ того, въ мрачныхъ тучахъ, туманахъ и затмѣніяхъ солнца и луны они видѣли демоновъ, поѣдающихъ божественныя свѣтила, и эта вѣчная борьба тьмы и свѣта на мифиче-

Digitized by Google

своемъ языкѣ обозначалась нападеніемъ голодныхъ волковъ на небесныя стада. По свидѣтельству одного древняго заговора и кормчей книги, тучи въ образѣ волковъ терзаютъ своими зубами солнце, луну и тѣ безчисленныя стада овецъ и козъ, въ видѣ которыхъ олицетворялись яркія звѣзды. Такъ какъ солнце, луну и звѣзды фантазія древняго человѣка признавала за небесные огни, то отсюда возникло повѣрье, будто волки пожираютъ огонь... Въ одной малорусской сказкѣ говорится: «дунулъ чортъ на небо — и яркая звѣзда потухла, а свѣтлый мѣсяцъ закрылъ шапкою». О падающихъ звѣздахъ разсказываютъ на Руси, что звѣзды эти бѣгутъ и прячутся въ дальнихъ областяхъ неба, будучи преслѣдуемы нечистымъ духомъ. Когда небо заволокутъ тучи, то простой народъ обращается къ солнцу съ заклинаніемъ: «выглянь, солнышко! твои дѣтки плачутъ». Этимъ думаютъ освободить дневное свѣтило отъ власти темныхъ силъ. Есть лѣтописныя свидѣтельства, что при солнечныхъ затмѣніяхъ въ старину раздавался непритворный плачь населенія, которое опасалось за судьбу солнца, захваченнаго злымъ демономъ мрака. По преданіямъ западн. славянъ, царь-Солнце борется съ нечистою силою (Зимою), которая нападаетъ на него въ видѣ волка. У хорутанъ существуетъ повѣрье, что папоротникъ разцвѣтаетъ, когда солнце побѣждаетъ чернаго волка. Затмѣнія солнца и луны, издревле называвшіяся божьими знаменьями, у всѣхъ языческихъ племенъ объяснялись враждебнымъ нападеніемъ демоновъ тьмы на слѣтлыхъ боговъ, обитающихъ на высокомъ небѣ. Народы различныхъ странъ и вѣковъ равно боялись затмѣній, усматривая въ нихъ дѣйствительный вредъ, наносимый свѣтиламъ, и считали ихъ предвѣстіями общественныхъ бѣдствій; цари запирались въ то время въ своихъ дворцахъ и въ знакъ горести остригали дѣтямъ волосы. Слова лѣтописи о затмившемся солнцѣ: «снѣдаему сущу» — равносильны выраженію: «изъѣдоша», которое встрѣчается въ показаніи кормчей книги о волкодлакахъ. *Неопыласи* (т. е. недовольно просвѣщенные христіянскимъ ученіемъ) вѣрили, что злые духи мрака пожирали свѣтило; отъ ихъ острыхъ зубовъ видны были въ лунѣ и солнцѣ изъѣденныя щербины; припомнимъ, что ежемѣсячное умаленіе луны называется ея ущербомъ. Уподобленіе багряныхъ лучей солнца — кровавымъ потокамъ должно было сочетаться съ мыслію о лютомъ волкѣ, терзающемъ свѣтлое божество дня. Индѣйцы вѣрили, что вовремя солнечнаго и луннаго затмѣній демонъ Рагу или чудовищный змѣй (олицетвореніе тучи и зимнихъ тумановъ) стремится проглотить, захваченное имъ, свѣтило. Въ Индіи, Китаѣ, въ Африкѣ и Сѣвер. Америкѣ, у древн: грековъ, римлянъ и у другихъ европейскихъ народовъ было въ обычаѣ производить, во время затмѣній, сильный стукъ и звонъ въ мѣдные сосуды, подымать неистовые крики, а въ позднѣйшую эпоху стрѣлять изъ ружей, чтобы этими звуками, напоминающими

Digitized by Google

побѣдные громы Индры, напугать страшнаго звѣря или чернаго дракона, готоваго пожрать небесное свѣтило. Во многихъ странахъ сохранилось повѣрье, что лунное затмѣніе бываетъ, когда на луну нападаетъ волкъ съ разинутою пастью. Въ Бургундіи говорятъ: Dieu garde la lune des loups; у насъ уцѣлѣла старинная поговорка: сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ, т. е. черная туча закрываетъ звѣзды. Въ старину, съ такимъ совершеннымъ уничтоженіемъ солнца невѣгласи соединяли вѣрованіе въ кончину міра,— «миняше, яко скончаніе міра пріиде», — и потому горько плакали.... «Поча убывати солнце, — по полудни погибе все. О, великъ страхъ и тьма бысть». Весьма недавно (въ 1840 г.), при солнечныхъ затмѣніяхъ, по нашимъ городамъ и селамъ думали, что солнце не будетъ болѣе освѣщать землю, что настаетъ страшный судъ, и готовились къ нему съ плачемъ.... Скандинавскій мифическій волкъ Френиръ, тогда (во время свѣтопреставленія) разинетъ свою огромную пасть такъ широко, что верхняя челюсть коснется неба, а нижняя земли; разинулъ бы еще далѣе, еслибъ доставало пространства; изъ его глазъ и ноздрей пышетъ пламя. У насъ, волкъ-туча, пожиратель небесныхъ свѣтилъ, въ народ: русскихъ сказкахъ носитъ характеристическое названіе волка-Самоглота. Онъ живетъ на морѣ— на окіанѣ (т. е. на небѣ), добываетъ сказочному герою гусли-самогуды (метафора грозовой тучи), пасть у него страшная, готовая проглотить всякаго супротивника», и т. д. (Афан. I, ст. 742 — 744, 747 — 751, 755, 759, 764). Можно, кажется, поэтому предположить, что Сканд: волкъ Френиръ и нашъ волкъ-Самоглотъ имѣютъ сходство между собою; но какъ у волка-Самоглота болѣе стихійныхъ принадлежностей, нежели у Френира, — такъ у него подъ хвостомъ баня, сзади — море, въ его утробѣ — живая вода дождя; онъ самъ замѣняется въ сказкахъ иногда молочною рѣкою съ кисельными берегами, которая всѣхъ питаетъ и всѣмъ даруетъ красоту и силу (тамъ же, ст. 764); то Самоглотъ долженъ быть древнѣе Френира, который отъ него же, можетъ быть, и заимствованъ, какъ отъ славян: слова: врагъ, вѣроятно, произошли и старонѣм. warg, и гот. vargs, и исланд. vargr, и т. д. (См. выше, въ началѣ примѣч.).

29) По нашимъ народнымъ преданіямъ, огненная рѣка, что должна протечь по землѣ въ послѣдніе дни міра, имѣетъ двоякое значеніе, во 1-хъ какъ рѣка истребленія, во 2-хъ какъ рѣка очищенія. Въ настоящемъ случаѣ принято послѣднее ея значеніе. «Младенческимъ племенамъ, говоритъ г. Афанасьевъ, все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ. Солнце, удаляющееся вечеромъ съ небеснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ бы уходятъ подъ землю, а потому Западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтило, признанъ былъ за подземное, загробное царство: тамъ полагали греки и свой адъ (ädys). Весенняя, пожигаемая молніями, туча течетъ съ

Digitized by Google

Востока огненною рѣкою, *поѣдаетъ обветшалый міръ*, и затѣмъ отходитъ къ Западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемірный пожаръ дѣйствуетъ заодно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней, и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны.... Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго *очищенія*, то понятно почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: адскаго, наказующаго потока и очистительнаго пламени (fegefeuer). Здѣсь хранится католическій догматъ о чистилищѣ (purgatorium). По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неводомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана:

„И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
„И вытащилъ душъ праведныхъ (прощонныхъ) изъ муки вѣчныя“.

«Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною, металлическою рѣкою, которая разольется при кончинѣ вселенной... и потомъ явится новая земля и новое небо, и воцарится вѣчный свѣтъ и правда». (Аф. III, ст. 24 25). Ясно, что въ нашемъ народномъ стихѣ и эта огненная рѣка, и совершаемое ею очищеніе, приняли уже христіянскій характеръ; но основаніе ловли очищенныхъ душъ неводомъ, г. Афанасьевъ видитъ въ финской Калевалѣ, передающей мифъ о похищеніи огня рыбою, и въ сказаніи Эдды, изображающей грозу, какъ ловъ громоносной рыбы небесными богами. По первому сказанію,— «когда владѣтельница мрачной Похъіолы скрыла солнце и мѣсяцъ въ мѣдную гору (за густые туманы), то боги грозъ: владыка вѣтровъ, вѣщій пѣвецъ Вейнемейненъ и кузнецъ Ильмаринененъ, желая даровать міру новый свѣтъ, взошли на небо, высѣкли огонь (молнію) и вручили его воздушной дѣвѣ. Она держала огонь въ длинномъ облакѣ, и будто младенца въ колыбели, качала его туда и сюда и баюкала; скрипѣли серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнулась небесная кровля. Но вотъ неосторожная дѣва уронила огонь; разсыпаясь искрами, онъ упалъ въ море, вскипятилъ воды и озарилъ ихъ блескомъ. Это море — воздушный океанъ, въ которомъ плаваютъ облака — рыбы. Здѣсь проглатываетъ огонь щука, — поэтическая картина грозы», и т. д. По сказанію Эдды, раздраженные асы ловятъ сѣтью въ водопадѣ лукаваго Локки (представителя грозоваго пламени), виновника насильственной смерти бога весны Бальдура. Локки скрылся въ водопадъ въ видѣ рыбы (семги); Торъ держалъ сѣть за одинъ конецъ, а остальные боги

Digitized by Google

тянули за другой. «По Индѣйскому преданію, Агни, нѣкогда скрывшійся въ воду, былъ преданъ рыбою, и тогда же изрекъ на нее проклятіе, чтобы она вѣчно была преслѣдуема ловцами. А греки разсказывали о Гефестѣ, что сброшенный съ неба, — онъ былъ принятъ богинями водъ Евриномою и Фетидою, изъ которыхъ первая представлялась въ Аркадіи въ рыбьемъ образѣ». (Аф. II, ст. 153 — 155).

30) «Старинный мифъ о погруженіи въ сонъ и пробужденіи божества творческихъ силъ природы, говоритъ г. Афанасьевъ, сохраняется у славянъ въ сказочномъ эпосѣ. Въ горѣ Бланикѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Табора, разсказываютъ чехи, заключены рыцари, павшіе нѣкогда въ бою. Нѣкоторые покоятся, опершись на мечь, а другіе — сидя верхомъ, склонивъ голову на шею лошади. Вождь ихъ, Венцелій, покоится посреди пещеры на возвышенномъ мѣстѣ. Они выступятъ на битву, когда враги со всѣхъ сторонъ ворвутся въ страну, заселенную чехами, внесутъ въ нее смерть и огонь, и разрушатъ Прагу до основанія, когда старый прудъ около Бланика наполнится кровью и засохшія деревья позеленѣютъ и дадутъ цвѣтъ. Въ то время выступитъ священное войско, и во главѣ его Венцелій на статномъ *бѣломъ конѣ* (также, какъ богъ Вишну), держа въ рукѣ распущенное знамя; онъ изгонитъ хищныхъ враговъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ своими ратниками удалится на вѣчный покой. Въ Моравіи существуетъ преданіе о любимомъ князѣ Святополкѣ (Svatopluk), что когда-то онъ долженъ воротиться къ своему народу. Черногорцы разсказываютъ, что въ пещерѣ у развалинъ grada Oboda спитъ «dédnjihov Crnojevic Ivan»; его сторожитъ горная вила и разбудитъ, когда наступитъ время «da sjedini opet sa Crnomgorom ravni kotori sinje more». На Руси означенный мифъ соединяется съ именемъ Стеньки Разина, которому народъ приписываетъ сокрытіе дорогихъ кладовъ. «Когда пройдетъ еще сто лѣтъ, сказалъ онъ однажды зашедшимъ случайно къ нему въ Жегулевскія горы матросамъ (самъ въ образѣ древняго сѣдаго старика — ажно мохомъ поросъ) — на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ забывать Бога и зажгутъ передъ образами сальныя свѣчи, вмѣсто восковыхъ; тогда я снова явлюсь на бѣлый свѣтъ и стану бушевать пуще прежняго». Въ разныхъ деревняхъ можно услышать разсказы, что не только Стенька Разинъ, но и Гришка Отрепьевъ, Ванька Каинъ и Емелька Пугачевъ до сегодня живы и скрываются въ змѣиной пещерѣ на томъ островѣ, гдѣ живутъ получеловѣки, или сидятъ заключенные въ Жигулевскихъ горахъ. Русское преданіе, согласно съ нѣмецкими сагами, связываетъ пробужденіе Стеньки Разина съ кончиною міра, и безпощаднымъ, кровавымъ побоищемъ, какое ожидается при этомъ всемірномъ событіи». (Афан. II, ст. 448 — 453). Извѣстно, что у сербовъ — ихъ Марко Кралевичь, а у насъ — Илья Муромецъ, но народ: преда-

Digitized by Google

ніямъ также не умерли, но находятся въ усыпленіи, въ горныхъ пещерахъ, и должны возстать, какъ и всѣ тѣ сказочные герои, предъ самою кончиною міра. «Но характеръ русскаго преданія, замѣчаетъ г. Афанасьевъ, значительно отличается отъ сагъ, созданныхъ германскимъ племенемъ. Тамъ спящіе герои — представители благотворныхъ, творческихъ силъ природы, выступающіе на борьбу съ враждебными ратями демоновъ, на помощь родной странѣ и на устроеніе новой счастливой жизни; напротивъ, у насъ, подъ вліяніемъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ для обработки стариннаго мифа, герой — разбойникъ и грабитель, и является съ тѣмъ демоническимъ значеніемъ, какое придавалось великанамъ-тучамъ, какъ роднымъ похитителямъ золота солнечныхъ лучей и плодороднаго сѣмени вождя». (Тамъ же, ст. 453). Къ этому можно, кажется, присовокупить, что у насъ свѣтлая сторона древнихъ народныхъ мифическихъ образовъ, особенно подъ вліяніемъ христіянства, перенесена вообще на небесныя силы и новые чудесные ихъ образы.

31) Въ нашихъ народныхъ преданіяхъ также есть свой *летучій корабль*,—облако. «Представленіе облака, тучи кораблемъ, говоритъ г. Афанасьевъ, возникло одновременно съ представленіемъ неба—воздушнымъ океаномъ. На кораблѣ Ильи Муромца «вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло». Индусы называли облака кораблями небеснаго океана—nâvah samdriyah; въ Эддѣ облако—vindflot (schiff или floss des windes), потому что вѣтры плывутъ по воздуху въ тучахъ. Русская сказка разсказываетъ о летучемъ кораблѣ, который находился во власти мифическаго старика съ чудотворными бровями и рѣсницами, т. е. во власти бога-Громовника, которому тучи служатъ бровями, а молніи очами... Еще недавно въ Сибири во время масляницы, на нѣсколькихъ связанныхъ вмѣстѣ саняхъ устроивали корабль со всѣми необходимыми снастями и парусами; на корабль сажали честную Масляницу (замѣнившую имя древней богини) и медвѣдя (зооморфическое воплощеніе бога-Громовника), и въ сопровожденіи пѣсенниковъ, возили на лошадяхъ по улицамъ (до двадцати лошадей у переднихъ саней). Въ нѣкоторыхъ городахъ донынѣ соблюдается обычай кататься на масляной недѣлѣ въ большой лодкѣ, поставленной на полозы.» (Аф. 1 ст. 552—556). Извѣстно, что въ глубокую древность на корабляхъ и ладьяхъ перевозились души усопшихъ по воздушному океану въ царство Рода; отголосокъ о чемъ остался въ мрачномъ изображеніи корабля Ильи Муромца съ товарищами, (древняго Перуна). У скандинавовъ, въ ихъ мифологіи, есть корабль изъ человѣческихъ ногтей. Онъ появляется въ воздушномъ океанѣ въ послѣдніе дни міра, когда загорается земля и свѣтлые асы вступаютъ въ послѣднюю битву съ чудовищами мрака. На немъ у руля стоитъ коварный Локи, образъ котораго есть собственно темная сторона Тора-громовника,

Digitized by Google

какъ у насъ богатырь Илья темный — темная сторона Ильи Муромца; корабль же самый весь наполненъ мертвецами. А какъ мертвецы, по народнымъ преданіямъ, перевозились вообще на корабляхъ-тучахъ; то я нашелъ возможнымъ сблизить оба эти корабля съ мертвецами, нашъ и скандинавскій, и ввести въ настоящее описаніе мифическаго воскресенія мертвыхъ.

32) По нашимъ и другимъ народнымъ преданіямъ, передъ кончиною міра потечетъ рѣка огненная, солнце и луна померкнутъ, звѣзды упадутъ на землю, и будетъ нѣсколько другихъ знаменій; у Скандинавовъ страшный волчій вѣкъ стужи, а у насъ — такое время, что «будутъ семеро одну соломенку подымать». Прежде люди назывались волотами, а придетъ пора, когда станутъ называться пыжиками, которые на столько-же будутъ меньше насъ, на сколько мы меньше волотовъ .. Наконецъ, люди сравняются съ мурашками: тогда то и будетъ конецъ свѣту!... (Аѳ. т. II ст. 784). Въ народѣ, какъ мнѣ извѣстно, предшествующіе намъ люди называются также пыжиками; а живущіе нынѣ—тужиками, и послѣдніе дойдутъ до того, что семеро будутъ едва подымать соломенку. Впрочемъ, вообще о кончинѣ вселенной, — «свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниковъ и народныхъ стиховъ, говоритъ г. Аѳанасьевъ, вполнѣ согласны съ языческими преданіями скандин: Эдды. Въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтическаго колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ. Мысли о погибели солнца и другихъ свѣтилъ необходимо возбуждали представленіе разрушающейся вселенной: погаснутъ небесные свѣточи—и вѣчный мракъ и холодъ обниметъ природу, земля оцѣпенѣетъ и все живое на ней истребится...

„Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная, —
„Отъ Востока рѣка течетъ до Запада;
„Пожжетъ она землю всю и каменье,
„Древеса и скотъ, и звѣрьевъ, и птицу пернатую.
„Тогда мѣсяцъ и солнушко потемнѣютъ
„Отъ великаго страха и ужаса;
„И звѣзды спадутъ на землю,
„Спадутъ онѣ, яко листья съ древовъ;
„Тогда же земля вся восколыбается“...

«Тоже говоритъ и скопческое пророчество: «приходитъ послѣднее время: земля и небо потрясется, частыя звѣзды на землю скатятся... не взвидятъ грѣшные свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго». Любопытно повѣрье, что ради людскихъ грѣховъ солнце нынѣ стало свѣтить тусклѣе прежняго, а другое, — что злой духъ

Digitized by Google

скрадываетъ свѣтъ божій и въ потьмахъ ловитъ христіянъ въ свои хитрыя сѣти. По свидѣтельству русскаго стиха о страшномъ судѣ, вслѣдъ за всеобщимъ развращеніемъ человѣческаго рода — явится съ неба молніеносный Илья-пророкъ и—

„Загорится матушка сыра-земля,
„Съ Востока загорится до Запада, и т. д.

Пойдутъ гласы по всей землѣ, разбудятъ мертвыхъ и вызовутъ ихъ изъ гробовъ.» «Замѣчательное согласіе съ Эддою! продолжаетъ г. Афанасьевъ Всемірный пожаръ оканчивается потопомъ; омытая обновленная земля выходитъ изъ водъ чистою, аки дѣва непорочная. Золотая труба архангела замѣнила собою болѣе древнее представленіе о громозвучномъ рогѣ Геймдаля: это метафора небеснаго грома, который пробуждаетъ къ жизни творческія силы природы, оцѣпепенныя дыханіемъ зимы (смерти) и спящія въ гробахъ-тучахъ. Отъ любовной связи Локи съ великанкою (Angrbodha) родились: волкъ, змѣя (Jormungandr) и Гелла (смерть, чума, адъ), которой приписывается такая же зіяющая пасть, какъ волку. На нашей же лубочной картинѣ, извѣстной подъ названіемъ «страшнаго суда», адъ изображенъ открытою змѣиною пастью, изъ которой исходитъ страшное пламя. Волкъ, змѣя и Гелла—три различныя воплощенія бурной, разрушительной грозы». (Аф. в. ст. 755—762). У скандинавовъ, во время разрушенія міра, всѣ свѣтлые боги и герои Валгалы, подъ предводительствомъ Одина, являются на послѣднюю, отчаянную битву съ чудовищами мрака; но у насъ только мифическіе Илья-пророкъ и Михаилъ архангелъ (два христіянскіе образа древняго Перуна) съ свѣтлыми небесными силами. По сканд: Эддѣ, кромѣ мертвецовъ, извергаемыхъ Геллой, показывается еще корабль, построенный изъ ногтей человѣческихъ: имъ правитъ Локи, а корабль полонъ мертвецами; Суртуръ (черный), вооруженный чудеснымъ мечемъ, сверкающимъ свѣтлѣе солнца, ведетъ огненное воинство; передъ нимъ и за нимъ — горящій пламень (наша огненная рѣка); онъ зажигаетъ землю и небо. Въ нашихъ преданіяхъ, есть также воздушный корабль, о которомъ сказано выше (см. прим. 31); но у насъ земля загарается отъ Сіона-рѣки и отъ огня, исходящаго изъ огненной пасти адскаго змія. Морской змѣй въ Эддѣ затопляетъ землю; а у насъ потопъ насылается самимъ Господомъ. (О нашемъ же волкѣ-Самоглотѣ и волкѣ Френмирѣ см. предыд. 29 прим.). «Тогда звѣзды сорвутся съ небеснаго свода и падутъ на землю»... Древній міръ разрушился, и изъ водъ океана выплываетъ новый. «Вообще эта картина борьбы и разрушенія, по мнѣнію г. Афанасьева, есть собственно картина весенней грозы,—когда боги громовъ, молній и бурь сражаются съ демоническими существами — великанами, волками и

Digitized by Google

змѣями, т. е. темными тучами; колеблятся облака-горы, горитъ священная ясень (дерево-туча), небо сожигается и весь міръ объемлется великимъ пожаромъ. Вслѣдъ за этою безпощадною борьбою наступаетъ кроткая пора ясныхъ майскихъ дней, *прежній ветхій міръ* разрушенъ въ бурныхъ грозахъ, и намѣсто его возникаетъ иной, полный юности и свѣжести. Изъ хаоса и борьбы стихій боги созидаютъ новый міръ, и мифы, повѣствующіе о происхожденіи будущаго блаженнаго царства, въ основѣ своей совершенно тождественны съ мифами космогоническими. Вообще народныя преданія о созданіи и кончинѣ вселенной. страшномъ днѣ суда, адѣ и раѣ, возникли изъ древнѣйшихъ воззрѣній на природу и ея годичныя превращенія. Неутомимая жажда человѣка вѣдать — и безвѣстное прошедшее, и таинственное будущее, нашла для своихъ гаданій готовые образы и краски въ поэтическихъ сказаніяхъ о природѣ. Онъ только придалъ этимъ сказаніямъ болѣе широкій смыслъ, нежели какой онѣ имѣли первоначально, и сдѣлалъ это непроизвольно, а подъ вліяніемъ метафизическихъ выраженій роднаго языка. «(Афан. 1 ст. 758—762). Нечего пояснять, что немалое вліяніе на эти представленія должно было имѣть и самое христіянство.

33) Много было писано учеными въ пользу литературы арабовъ; было писано и противъ нея. Въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, достаточно привести здѣсь мнѣніе объ этомъ нашего уважаемаго ученаго Куторги. «Выйдя изъ своего таинственнаго заключенія, Аравійская литература, говоритъ онъ, утратила то обаяніе, которое до того производила и которымъ незаслуженно пользовалась. Въ ученыхъ трудахъ аравитянъ нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія: о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ, или заимствованій и подражанія, или наконецъ изъ компиляцій и сборниковъ». (О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ. Р. вѣст. 1873 г. мартъ, ст. 32) «Читая арабскіе сборники, невольно приходишь въ изумленіе при видѣ легкомыслія, съ какимъ аравійскіе мудрецы обращались съ предметами учености и съ трудами ученыхъ, которые они переводили на свой отечественный языкъ... Въ нихъ пріобрѣтаются съ чрезвычайной легкостью самыя разнообразныя свѣдѣнія, но безпредѣльно поверхностныя, а весьма часто столь же ложныя». (Тамъ же, стр. 35). При этомъ можно сказать положительно, что гдѣ господствуетъ коранъ, тамъ общества стоятъ неподвижно, не помышляя о развитіи, и вмѣстѣ съ фанатизмомъ утративъ даже свою прежнюю, необузданную силу. Гиббонъ приводитъ въ своей исторіи нѣсколько примѣровъ милосердія первыхъ мусульманъ, приписывая ихъ конечно вліянію ученія Магомета; но какъ будто преднамѣренно опуская изъ виду, что если ученіе корана и проповѣдуетъ дѣйствительно дѣла милосердія, воздержанія и даже нищеты, чему и

Digitized by Google

слѣдовали первые калифы; то это ученіе заимствовано Магометомъ отъ христіянства. Но чтобы выразить въ нѣсколькихъ словахъ несостоятельность корана и вообще Магометовой религіи, достаточно сказать, что эта религія не можетъ имѣть прозелитовъ ни въ одномъ развитомъ обществѣ; тогда какъ христіянство есть и будетъ всегда религіей всѣхъ обществъ, государствъ и народовъ, идущихъ впередъ въ ихъ развитіи.

34) Касательно общественнаго развитія у насъ при Ярославѣ, уже сказано выше въ прим. 14. Оно, внесено было въ нашъ край не воинственными бродягами, князьями варяжскими, которые помышляли только о войнѣ, даняхъ и завоеваніяхъ; но слѣдуетъ также, опричь вліянія христіянства, обратить вниманіе и на то, что земля наша, кипѣвшая еще издревле торговлей съ Востокомъ и Западомъ, Сѣверомъ и Югомъ, была уже достаточно развита, покрайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ мѣстностяхъ для воспріятія этого перваго развитія, которое безъ предварительной почвы не имѣло-бы никакого значенія. Прибавимъ къ этому, что у Балтійскихъ славянъ, уже въ VIII и IX ст., какъ говоритъ г. Гильфердингъ, на основаніи современныхъ источниковъ, процвѣтала обширная торговля. Въ XI в. городъ Волинъ или Волынь (онъ же и Винета, у датчанъ) велъ такую торговлю, какой не было во всей сѣверной Европѣ; онъ былъ важенъ и богатъ еще и вначалѣ XII ст. Еще тогда Поморская торговля была такъ жива и плодотворна, что поддерживала, на маленькомъ пространствѣ у Одерскаго лимана, четыре большихъ, цвѣтущихъ города. Земля Западныхъ славянъ славилась своимъ плодородіемъ, для достиженія чего нужны были немалыя средства. Въ XII в. островъ Рана былъ такъ обиленъ хлѣбомъ и стадами, что могъ кормить множество народа; а Поморье было такъ богато и такъ процвѣтало, что, плѣненный имъ, очевидецъ (Гельмольдъ) приглашалъ нѣмецкихъ монаховъ туда поселиться... (Ист. балт. слав. т. 1, ст. 191—193). Задолго еще до Р. Х., венеты на Балтійскомъ поморьѣ вели торговлю янтаремъ. (Тамъ же, ст. 91). Вообще, поморскіе города, храмы и кутины поражали иноземцевъ своимъ богатствомъ, рѣзными украшеніями, а нѣкоторые и древностію. Нѣмцы и скандинавы стояли на гораздо низшей степени развитія... Не можетъ быть, чтобы и Восточныя наши племена, черезъ которыя шла торговля Западныхъ ихъ братьевъ съ Греціей и Востокомъ, стояли ниже поморянъ. Кромѣ тѣхъ темныхъ преданій, что датчане и скандинавы ѣздили къ русскимъ южнымъ князьямъ, учиться военному дѣлу и служили у нихъ, какъ впослѣдствіи при нашихъ князьяхъ историческихъ, достаточно свидѣтельства Адама Бременскаго о нашемъ древнемъ Кіевѣ, который онъ называетъ «соперницей Константинопольскаго скипетра, красой и славой Греціи» (въ XI ст.). Онъ называетъ Кіевъ—Chivz, столицей Острогарда, т. е. русской земли, и указываетъ на множество русскихъ торго-

Digitized by Google

выхъ людей оттуда въ Поморскомъ г. Юлинѣ, т. е. г. Вилинѣ или Волынѣ: (Тамъ же, стр. 74, 75). Сколько же надобно было вѣковъ, чтобы Кіевъ достигъ такого величія? Князь Олегъ, преемникъ перваго варяжскаго у насъ князя, называетъ уже Кіевъ матерью городовъ русскихъ. Надобно думать, что онъ почитался такимъ во всей странѣ еще изъ древности, и что это выраженіе принадлежитъ не одному Олегу, но цѣлому краю, который издревле понималъ значеніе этого города, и привыкъ считать его во главѣ всѣхъ прочихъ городовъ и племенъ своихъ, соединенныхъ между собой торговыми союзами; чѣмъ только и можетъ разъясниться столь быстрое завладѣніе ими ближайшими потомками Рюрика, который былъ призванъ княжить въ землю, полную еще гражданскихъ безпорядковъ, но достаточно уже готовую для гражданства и дальнѣйшаго развитія,—что и подтверждается исторически дальнѣйшими столь быстрыми, ея успѣхами, при Владимирѣ, Ярославѣ и ближайшихъ ихъ потомкахъ, изъ которыхъ послѣдніе были сами отчасти причиной постигшихъ страну бѣдствій и потомъ дальнѣйшаго нравственнаго ея застоя.

35) «Мы не привыкли мыслить самостоятельно, безъ указки западно-европейскихъ учителей; а въ книгахъ и въ ученіяхъ отличать справедливое отъ несправедливаго,—говоритъ г. Бѣловъ. На основаніи логики очень дешеваго свойства, мы или принимаемъ все, или все отвергаемъ, забывая подумать, правильно-ли сдѣлано все логическое построеніе и нѣтъ-ли въ главной посылкѣ раздвоенія.» По мнѣнію-же г. Даниловскаго, Европа не признаетъ насъ своими «Она видитъ въ Россіи и въ славянахъ вообще нѣчто ей чуждое, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое, что не можетъ служить для нея простымъ матеріаломъ, изъ котораго она могла-бы извлекать свои выгоды какъ извлекаетъ изъ Китая, Индіи, Африки, большей части Америки,—матеріаломъ, который можно-бы формовать и обдѣлывать по образу и подобію своему, какъ прежде было надѣялись, какъ особливо надѣялись нѣмцы, которые, не смотря на препрославленный космополитизмъ, только отъ единой спасительной германской цивилизаціи чаютъ спасеніе міра. Поэтому Европа видитъ въ Россіи и въ славянствѣ вообще не только чуждое, но и враждебное начало»... «Мы хотимъ этимъ еще разъ сказать, продолжаетъ почтенный г. Бѣловъ, какъ необходимо всюду, а особенно въ области международныхъ отношеній, думать своимъ умомъ... Народъ, который мало выказываетъ эгоизма (въ смыслѣ самостоятельности народной), недолговѣченъ... Въ народѣ разумный эгоизмъ (въ томъ-же смыслѣ) составляетъ условіе sine qua non исполненія историческаго призванія... Народъ, который не блюдетъ своихъ интересовъ, недолговѣченъ; народъ, который о своихъ интересахъ разсуждаетъ чужимъ, иноземнымъ умомъ, обрекаетъ себя на національное самоубійство»... Затѣмъ, замѣтивъ, что вообще платоническіе идеалы политики отзы-

Digitized by Google

ваются больше, чѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ, т. Бѣловъ продолжаетъ: «вообще похвалы и брань запад. писателей, которыми они осыпаютъ русскихъ дѣятелей, весьма сомнительной цѣнности. Часто *хвалятъ за дѣла, противныя выгодамъ Россіи* и обратно порицаютъ; *мы же съ благоговѣніемъ внимаемъ*»... Съ другой стороны, —«русская мысль, остановленная въ правильномъ развитіи народнаго самопознанія черезъ открытое и широкое изученіе отечественной исторіи, ударилась въ мелочной анализъ внутренняго человѣка, его чувствъ, начались копанія въ самыхъ грязныхъ душенкахъ человѣческаго отребья... Одно такое направленіе, конечно, невольное, не могло не искавить взглядовъ на общественныя отношенія и въ здоровой части русскаго общества, можетъ быть, и вопреки писателямъ этого направленія. Отсюда и успѣхъ соціалистическихъ идей въ нѣкоторой части русскаго общества. Ибо на чемъ основанъ соціализмъ? На какомъ фундаментѣ зиждется его постройка? На идеѣ отвлеченнаго (абстрактнаго) человѣка, взятаго внѣ историческихъ отношеній. Казенная печать, наложенная на русскую исторію, была причиною неуваженія къ ней, которое обнаружилось въ нѣкоторой части нашей интеллигенціи и притомъ въ части вліятельной... Поэтому мы и не замѣчаемъ, что въ дѣлѣ преподаванія исторіи мы носимся во облацѣхъ воздушныхъ; государственный и политическій элементъ почти изгнаны изъ учебниковъ, яко-бы ради прогресса. Въ дѣлѣ преподаванія (прибавимъ, и изысканій по всеобщей исторіи), мы буквально слѣдуемъ нѣмецкимъ учебникамъ, забывая, что исторія—наука жизни, а интересы жизни народовъ, при одинаковомъ стремленіи къ общей цѣли, различны». (Др. и нов. Россія 1875 г. № 7, стр. 281, 284, 288). Я не скажу ничего новаго, если добавлю, что равнодушіе наше и недовѣріе къ собственной разумной самостоятельности и полное, неограниченное довѣріе къ иностраннымъ авторитетамъ, извѣстны всѣмъ и каждому, не только русскимъ, но и иноземцамъ, которые поэтому самому и смотрятъ на неразвитость нашу съ сожалѣніемъ. Мы не довѣряемъ собственнымъ силамъ; только то и разумно, и похвально, что не нами вымышлено или на Западѣ принято. Мы даже готовы на всякія жертвы, только бы тамъ насъ похвалили,—хотя бы это было и къ нашему ущербу. Точно также идутъ у насъ и историческія изысканія,—только вслѣдъ за иноземными; къ чему впрочемъ общество относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и остается при тѣхъ-же вѣрованіяхъ, съ которыми вышло изъ школы: отъ чего происходятъ иногда самыя странныя недоразумѣнія. Такъ наприм.: нѣкоторые до сихъ поръ согласны признавать галичанъ, «gente Ruthenus, natione Polonus»,—т. е. нашихъ древнихъ соотечественниковъ, русскихъ, жителей нынѣшней Галиціи, — или такъ мы очень простодушно продолжаемъ понынѣ праздновать гибель нашего-же русскаго флота въ древности подъ стѣнами Царьграда, когда погружена была въ море риза Богоматери, вынесенная изъ Влахернскаго хра-

Digitized by Google

ма, и буря разсѣяла суда наши до береговъ малой Азіи. А сколько найдется и еще подобныхъ примѣровъ въ нашей былой исторической жизни, когда мы благодарили Бога за собственные промахи и гордились успѣхами своихъ сосѣдей, на нашъ собственный счетъ и къ нашему ослабленію!

36) Противъ войны было очень много писано; но я рѣшаюсь привести здѣсь еще свидѣтельство очевидца нашей послѣдней крымской компаніи, англичанина Кинглякъ, который говоритъ: «à bien des reprises, il fut posé en principe, avec l'adhésion apparente de milliers d'auditeurs, que la guerre, à moins d'avoir la dèfense du pays pour objet, était non seulement une folie. mais encore une souveraine impiété. (L'invasion de la Crimèe. par Alexandre William Kinglake, trad. par. Théodore Karcher. 1864. t. II, ch. XXIV, p. 66). Завоеватели, искусные полководцы и вообще счастливые военные геніи, называются героями, пользуются продолжительной славой не только между современниками, но и въ потомствѣ; а чего стоитъ ихъ слава и завоеванія, большей частію непрочныя и безплодныя, человѣчеству! «По исчисленію Спенсера, количество жертвъ террора во Франціи простиралось не свыше десяти тысячъ человѣкъ; а въ Наполеоновскихъ походахъ,—въ сраженіяхъ, отъ ранъ, болѣзней, погибло, при самой низкой оцѣнкѣ, свыше двухъ милліоновъ. Однако, продолжаетъ Спенсеръ, о кровопролитіяхъ во время революціи всегда говорили съ негодованіемъ, и виновники ихъ всегда возбуждали безусловную ненависть; а по поводу несравненно большаго кровопролитія въ теченіи войнъ консульства и имперіи, негодованія почти не было слышно. Да и теперь еще Наполеона называютъ великимъ, и даже англичане выражаютъ уваженіе къ его памяти, посѣщая его могилу съ непокрытой головою «(От. Зап. 1875, февраль, ст. 251). Послѣ этого становится понятнымъ дикое выраженіе одного изъ современныхъ великихъ государственныхъ правителей, что «для управленія народами нужны огонь и желѣзо»; но какую мрачную тѣнь набрасываетъ это выраженіе на современную эпоху XIX столѣтія, которое гордится своимъ просвѣщеніемъ и человѣчностью,—и сколько еще произвола и варварства обѣщаетъ Европѣ въ темномъ будущемъ!...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google